

В. Н. Земцов

Наполеон в России: социокультурная история войны и оккупации

В. Н. Земцов

Наполеон
в России:
социокультурная
история войны
и оккупации

РОССПЭН
Москва
2018

УДК 94(100)“654”
ББК 63.3(0)52
З-55

*Издание подготовлено при финансовой
поддержке Российского научного фонда (РНФ),
проект № 16-18-10041 «Иностранная оккупация как опыт
межкультурного контакта: на материале Наполеоновских войн»*

Рецензенты:

доктор исторических наук В. М. Безотосный,
доктор исторических наук А. В. Чудинов

Идея проекта «Эпоха 1812 года» А. К. Сорокина

Земцов В. Н.

3-55 Наполеон в России: социокультурная история войны и оккупации / В. Н. Земцов. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. – 431 с. – (Эпоха 1812 года).

ISBN 978-5-8243-2221-7

Книга представляет собой попытку представить на основе широкого круга отечественных и зарубежных источников особенности межкультурных контактов в эпоху Отечественной войны 1812 года (Русской кампании Наполеона). В центре внимания автора оказались три региона Российской империи – Литва (явившая пример ситуации в западных губерниях), Москва (демонстрировавшая вариант развития событий в центре великорусских территорий) и Урал (глубинный регион империи, только косвенно затронутый событиями войны).

Автор – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Книга адресована специалистам и всем, кто интересуется всеобщей и отечественной историей.

УДК 94(100)“654”
ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-8243-2221-7

© Земцов В. Н., 2018
© Политическая энциклопедия, 2018

ВВЕДЕНИЕ

«Война есть не что иное, как продолжение политики, с привлечением иных средств»¹. Этот тезис великого К. Клаузевица, еще недавно не вызывавший и тени сомнения, в последнее время все более подвергается критике². Действительно, война все чаще начинает восприниматься не только как результат и факт политического действия, но как явление скорее культурное и социокультурное, разительно отличающееся от производственной, экономической и политической сфер. Это обстоятельство заставляет нас сегодня по-иному смотреть и на войны прошлого, концентрировать внимание не на военных действиях как таковых и даже не на политической и дипломатической сторонах военного конфликта, но на человеке в условиях войны и в целом – на социокультурной стороне войны.

Подобная тенденция в изучении войн затронула и наполеоновскую эпоху. Одно за другим выходят исследования военно-антропологического характера, призванные показать человеческую составляющую военных конфликтов рубежа XVIII–XIX вв.³ Не обойдена вниманием современной науки и эпопея Отечественной войны 1812 года, или, как чаще пишут за рубежом, Русской кампании

---

¹ «Der Krieg ist eine bloße Fortsetzung der Politik mit anderen Mitteln» (Clausewitz C., von. Der Kriege. Berlin, 1832. Bd. 1. S. 32).

² См., например: Creveld M., van. The Transformation of War. (Русский перевод: Кревельд М., ван. Трансформация войны / Пер. с англ. 2-е изд. М., 2015).

³ См., например: Безотосный В.М. Закаленные эпохой. Российский генералитет Александра I. М., 2015; Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2008; Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб., 1999; Целорунго Д.Г. Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. Бородино, 2017; Bertaud J.P. Quand les enfants parlaient de gloire. L'armée au Coeur de la France de Napoléon. P., 2006; Forrest A. Conscripted and Deserters: the Army and French Society during the Revolution and Empire. N.Y., 1989; Idem. Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire. L., 2002; Hantraye J. Les cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. P., 2005; Martin B.P. Napoleonic Friendship: Military fraternity, intimacy and sexuality in 19th century France. New Hampshire, 2014; etc.

Наполеона¹. При всей значимости подобных исследований мы должны констатировать, что столь важная тема в рамках военно-исторической антропологии 1812 года, как оккупация (в контексте межнациональных контактов – от межкультурного диссонанса и межкультурного диалога до исторической памяти и политики памяти) изучена все еще более чем фрагментарно.

В данном исследовании мы предполагаем частично заполнить этот досадный пробел, обозначить ряд принципиальных вопросов, предложить варианты их решения и наметить перспективы дальнейшей работы. Наше внимание будет сконцентрировано прежде всего на таких вопросах, как цели и задачи оккупационных властей на территории Российской империи, специфика межкультурной коммуникации чинов Великой армии с населением оккупированных областей, воздействие военной оккупации на социальный контекст собственно российского населения ряда регионов, наконец, намечена проблема фиксации образа армии вторжения в исторической памяти россиян и образа России – в исторической памяти западноевропейцев.

В этой работе мы обращаемся к сюжетам, характеризующим специфику социального и культурного взаимодействия между завоевателями и местным населением на примере трех регионов Российской империи: Литвы (как пример ситуации, имевшей место в Западных губерниях), Москвы (демонстрирует вариант развития событий в сердце великорусских территорий) и Урала (глубинного региона империи, позволяющего увидеть результат долговременного соприкосновения носителей разных культур) через призму военной или послевоенной (применительно к Уралу) повседневности.

В центре нашего внимания в конечном итоге находится проблема межкультурных контактов и межкультурных трансферов в эпоху наполеоновских войн. В сущности, рубеж XVIII–XIX вв. стал важнейшим этапом окончательного (применительно к нашему времени)

---

¹ В связи с этим особо следует отметить недавно вышедшую первую часть большого исследования украинского историка В.В. Ададунова «Война цивилизаций: социокультурная история русского похода Наполеона» (Киев, 2017. Т. 1. Религия – язык), в которой автор попытался, по его словам, «распутать нити дискурсивной ткани», дабы поставить под сомнение факт столкновения в ходе этой войны западноевропейской и российской социокультурных систем. См. также более раннюю работу этого автора, основанную на теоретических подходах ментальной географии: Ададунов В. «Наполеоніда» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX століття. Львів, 2007.

складывания национальных, культурных и даже этнических идентичностей многих европейских (и не только европейских) народов. Причем параллельно с этими процессами (а фактически переплетаясь с ними) происходил другой, казалось бы, прямо противоположный процесс формирования более широких, выходящих за рамки национальных государств человеческих общностей, который впоследствии получит название глобализации¹. Парадоксальным на первый взгляд является то, что тенденция к «транснациональным сцеплениям» активно проявилась в ходе череды войн, когда формирующиеся национальные организмы переживали период жестоких столкновений, обусловливавших, как представляется, не позитивное взаимодействие, но взаимное культурное отторжение. Подобный парадокс в последние годы начал привлекать внимание некоторых авторов², но сама тема только начинает раскрываться на материале конкретных исторических работ.

Важнейшим теоретическим заделом для нашего исследования, помимо разработок в сфере имагологии, ментальной географии, в меньшей степени – исторической памяти и политики памяти, давно получивших признание и практическое применение среди историков, являются работы французских авторов П.-И. Сонье, М. Эспань, М. Вернера, американского исследователя Т. Адама и немецкого – М. Мидделла, развивающих теорию культурного трансфера³, в том числе по отношению к исторической тематике⁴.

Прежде чем перейти к решению заявленных нами выше задач, обозначим общую картину тех представлений, в том числе стереотипизированных, чинов армии вторжения о географии, быте, нравах и социальной структуре Российской империи, которые преобладали к

---

¹ О проблеме трансфера, далеко выходящего за пределы культурных феноменов и восприятию его как всеобщих глобальных перемещений, см.: Greenblatt S.J. *Cultural Mobility: A Manifesto*. Harvard Univ., 2009.

² См., например: Форрест А. Достойный противник или порочный дикарь? Восприятие врага в эпоху Революции и Империи // Французский ежегодник 2012. 200 лет Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 206–222.

³ *Transferts. Relations interculturelles franco-allemands (XVIII–XIX siècle)*. P., 1988; Espagne M., Werner M. *La construction d'une référence culturelle allemande en France – Génèse et Histoire (1750–1914)* // *Annales E.S.C.* Juillet-août. 1987. P. 969–992; Espagne M. *Les transferts culturels franco-allemands*. P., 1999; *Crossing the Atlantic: Travel and Travel Writing in Modern Times* / Eds. T. Adam, N. Roemer. College Station, Texas, 2011.

⁴ *Transnational History* / Eds. A. Iriye, P.-Y. Saunier. Basingstoke, 2013; *Transnational Challenges to National History Writing* / Eds. V. Middel, L. Roura. Basingstoke, N.E., 2015.

началу кампании 1812 года. Полагая, что этот сюжет во всей его полноте и цельности должен стать темой отдельного исследования, в нашей книге мы попытаемся определить только общие контуры этой картины.

Очевидно, что к концу XVIII – началу XIX в. в Европе, в том числе во Франции, о России знали уже немало, прежде всего благодаря литературе – от воспоминаний бывшего французского посла в Петербурге Л.Ф. Сегюра (его сын Ф.П. Сегюр станет известным мемуаристом Русского похода) до обширных исторических сочинений по истории России, примером чему может служить многотомная работа П. Левека «История России»¹. Даже в знаменитой французской «Энциклопедии» уже была специальная статья «Россия», написанная Л. де Жокурром. Наряду с трудом Вольтера, посвященном Петру Великому, автор использовал, по крайней мере, еще французские переводы книг английского инженера и путешественника Д. Пери и Ф. Страленберга – шведского полковника, попавшего в плен под Полтавой и прожившего в Сибири 13 лет².

Образованная французская публика активно знакомилась с географией, историей, государственным строем и устройством России, а также с народами, ее населявшими, обращаясь для этого к трудам не только французских, но немецких, а иногда и английских ученых и путешественников. Тот факт, что в работах и сохранившихся письмах юного Наполеона Бонапарта не встречалось упоминания о России³, вовсе не означает, что он ничего не читал и не имел представления об этой стране. Из последующих работ, писем и высказываний Наполеона очевидно, что его знания о России не только не уступали, но значительно превосходили знания и представления среднего образованного француза эпохи Просвещения. Общеизвестным является и тот факт, что в трудное для себя время, в

---

¹ Подробнее см.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003; Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М., 2016; и др.

² См.: История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. М., 1978. С. 175–183, 287–289.

³ Наиболее авторитетными публикациями, посвященными кругу чтения и работам юного Наполеона Бонапарта, являются: Masson F., Biagi G. *Napoléon inconnu. Papiers inédits (1786–1793)*. P., 1895. Т. 1–2; Chuquet A. *La jeunesse de Napoléon*. P., 1897–1899. Т. 1–3; Tomiche N. *Napoléon écrivain*. P., 1952; Casanova A. *Napoléon et la pensée de son temps. Une histoire intellectuelle singulière*. Paris, Ajaccio, 2008.

1788 г., молодой лейтенант Бонапарт даже пытался поступить на русскую службу.

В дальнейшем, став первым человеком Франции, Наполеон активно консультировался в отношении России со многими лицами, побывавшими и даже жившими в ней. Помимо Ф.П. Сегюра, это были Ж.Б.Б. Лессепс, поверенный в делах Франции в Петербурге в 1802–1812 гг., Л.Ф.Э. Лелорнь д'Идевилль, ставший в 1812 г. секретарем-переводчиком императора, и многие другие. Особенно большая работа по сбору всевозможной информации о России была проделана накануне похода 1812 г.¹ Эти сведения, по крайней мере в потенциале, создавали возможность для политического и военного руководства Франции, а в значительной степени и других стран, готовившихся к вторжению, не только узнать об основных коммуникациях в западных регионах Российской империи, общем составе и дислока-

---

¹ В течение нескольких лет мы обследовали центральные французские и австрийские архивы, в которых отложился материал о России, собранный для политического и военного руководства Франции и Австрии – (Национальный архив, Париж (Archives Nationales (далее – AN). AF IV. 1646 (I–II), 1657, 1706 (E)), Архив министерства иностранных дел, Париж (Archives du Ministère des affaires étrangères (далее – AMAE). Série «Correspondance politique». Sous-série «Russie». Vol. 147–154; Sous-série «Autriche». Vol. 391–392; Sous-série «Pologne». Vol. 326–330; Série «Mémoires et documents». Sous-série «Russie». Vol. 26, 32; Sous-série «Pologne». Vol. 28); Архив исторической службы министерства обороны, Париж (Service historiques de la Défense (далее – SHD). 1 M 1486–1487, 1489)), Дворцовый, домашний и государственный архив, Вена (Hof-, Haus- und Staats-Archiv. Russland. 1811. Karton 38; Russland. 1812. Karton 50), Военный архив, Вена (Kriegsarchiv. Serie AFA. 1812. Karton 1520). Наряду с фондами российских архивов (Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 155; Ф. 160. Оп. 1; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 961. Франция. FIV. № 160; Российский государственный архив древних актов. Ф. 30. Оп. 1 (далее – РГАДА). Д. 239–243, 245–254, 259–264, 266–270, 273–274, 278, 285; Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 151. Оп. 1. Д. 92; Ф. 846. Оп. 16. Д. 3588, 3605. Ч. 1–2; Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Канцелярия МИД. 1812–1813. Оп. 468 (далее – АВПРИ); Д. 1840, 1842) это дало нам достаточно полную картину того, какого рода и какого качества информация была собрана перед Русским походом. Соглашаясь, в целом, с выводами В.М. Безотосного о том, что материалы о русской армии к началу военных действия заметно уступали результатам деятельности российской разведки (См.: Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005), не можем разделить его мнения насчет объема и качества общих сведений о Российской империи – они были значительными по объему и достаточно точными.

ции ее вооруженных сил, но и об особенностях этно-национального, сословного, административного и социокультурного состояния страны и общества. Так, были собраны и подвергнуты анализу многочисленные документы: от знаменитого «Завещания Петра Великого», аналитических записок времен Людовика XV и Людовика XVI по поводу внешней политики и внутреннего состояния России до обширного мемуара 1809 г. (?) о переменах в организации казачьих войск и подробных планов укреплений Крондштадта и «русской Финляндии», подготовленных батальонным командиром инженерных войск Ш.Ф. Де Понтоном. Обращает на себя внимание разнообразие и подробный характер сведений о географии Российской империи. Если аккумулятивное сведение сведений о западных губерниях Российской империи легко объяснить планированием в этих регионах военных операций, то обширные материалы о Московской губернии и, что примечательно, также о Кавказе, Крыме и даже Урале вряд ли можно связывать с предположением о непосредственной встрече здесь с русскими войсками. В этом плане чрезвычайный интерес представляет объемный рукописный фолиант «Статистический очерк Российской империи», оказавшийся в числе трофейных бумаг в наших архивохранилищах¹. В фондах Архива исторической службы министерства обороны Франции нами были обнаружены подготовительные материалы для этого «Статистического очерка»², которые содержат, в частности, обширный список источников, привлеченных для его составления. Список охватывает 11,5 листов большого формата, на которых убористым почерком перечислены сотни изданий, карт и рукописей на французском, русском и немецком языках. Такой объем информации предоставлял возможность составителям дать точные сведения практически обо всех регионах Российской империи.

Накануне вторжения был также собран значительный материал о русской армии – начиная от исторического обзора ее развития и характеристики комплектования, заканчивая анализом возможностей наращивания численности вооруженных сил в случае войны. Кроме того, были предприняты большие усилия (и не всегда безуспешные) с тем, чтобы определить численность и дислокацию русских Западных армий³.

---

¹ Essai de statistique de l'Empire de Russie // ОР РНБ. Ф. 961. Франция. FIV. № 160.

² Statistique de Russie // SHD. 1 M. № 1487. Russie. 1811–1812.

³ См.: SHD. 1 M. № 1486–1487; Kriegesarchiv, Wien. Ser. AFA 1812. Karton 1520; etc.

Таким образом, очевидно, что Наполеон и высшее командование армии вторжения имели все возможности для того, чтобы накануне открытия военных действий достаточно точно представлять географию, историю, экономическую, социальную и иные стороны жизни России. Конечно, это не исключает того, что, во-первых, многие реалии, с которыми французам и их союзникам пришлось столкнуться в России, не могли быть адекватно соотнесены с традиционным набором понятий человека эпохи западноевропейского Просвещения. Так, во французском языке не было точных эквивалентов для обозначения таких явлений, как «изба», «усадьба» (французы употребляли слово «château», нередко добавляя «русское шато», подчеркивая тем самым разницу), «помещик», «крепостной», «мужик» и т. д. Во-вторых, не всегда ясно, как именно имевшейся информацией о России Наполеон и его окружение реально воспользовались. Наконец, в-третьих, российские реалии оценивались Наполеоном исключительно через призму глобальной геополитической задачи вытеснения России из европейского политического и даже цивилизационного пространства.

Последний момент на сегодняшний день выглядит уже в основном доказанным. Приведем только ряд дополнительных свидетельств. Накануне вторжения в Россию министр внешних сношений Франции Ю.Б. Маре, герцог Бассано, в обширной записке, помеченной 21 июня¹ 1812 г., сформулировал – на основе предложенных ему Наполеоном принципов – внешнеполитические задачи. Записка Маре начиналась с обзора длительных усилий Франции, направленных на установление прочного мира в Европе. После военных поражений России в 1805–1807 гг. и подписания Тильзитского договора появились контуры континентальной системы в форме Европейской федерации. Однако Россия, которая стала к 1807 г. частью этой континентальной системы, начала последовательно отходить от ее принципов по целому ряду направлений, в том числе по отношению к Великому герцогству Варшавскому, Пруссии, проблеме Греции, режиму заморской торговли. В конечном итоге Россия оказалась в фарватере английской политики и стала превращаться в главного континентального противника Франции. Записка подробно освещала, неизменно указывая на неконструктивные, а то и злонамеренные действия Санкт-Петербурга, описывая в негативном ключе развитие француско-российских отношений начиная с середины 1811 г. Бассано особо отмечал миролюбивую позицию Франции, предло-

---

¹ Даты даются по новому стилю. В случае необходимости даем оба стиля или указываем старый стиль (ст. ст.).

жившей к апрелю 1812 г. возобновление контактов с Англией. Но и этот демарш остался без ответа со стороны России. Более того, русский посол потребовал паспорта для выезда из Франции. В завершение Бассано отмечал, что в настоящее время «победоносные армии Вашего в-ва выполняют миссию возвращения России к миру». Если же, проложал он, не восстановить «фундаментальные основы Тильзита», Россия пойдет на мир с Англией и начнет беспредельное расширение своей экспансии по миру, прежде всего в направлении Турции, Греции, Великого герцогства Варшавского. Все это, считал Маре, вызывает необходимость создания в Европе барьера против России, что, полагал он, неизбежно должно привести к объявлению ей войны¹. В течение 1812 г. Наполеон неоднократно использовал фрагменты этой записки в своих посланиях.

По мнению Наполеона, установление прочного мира в Европе на основе абсолютного доминирования Франции было связано с вытеснением России из большой европейской политики. Документ, обнаруженный русскими войсками в 1813 г. в бумагах поверенного в делах Франции в Берлине г-на Лефебюра, и идеи которого подтверждаются другой документацией, ясно определял рамки планируемой Наполеоном новой европейской конфигурации. В документе говорилось, что Наполеон должен был стать главой Европейской континентальной конфедерации, которая, в свою очередь, должна была функционировать на основе признания полной свободы и независимости во всех сферах (административной, военной и коммерческой) оставшихся за ее пределами стран, а именно шведской, датской и турецкой монархий и республиканских США. Предполагалось достижение универсальности коммерческих отношений на суше и на море для всех стран, а также признание всех территорий, захваченных как Францией, так и Великобританией после 1809 г. Для достижения на этой основе компромисса со странами, не входящими в Европейскую конфедерацию, предусматривалась широкая система компенсаций. Реализация этих положений, при военном доминировании Франции, по мысли составителя документа, должна была привести к росту коммерции, процветанию и ликвидации войн. О месте России в этой системе документ умалчивал². Главные положения этого документа весьма четко укладываются в контекст общих настроений Наполеона. Россия должна была быть вытеснена из большой европейской политики и, уже совершенно определенно, не могла быть включена в на-

---

¹ АМАЕ. Série «Correspondance politique». Sous-série «Russie». Vol. 154.

² РГАДА. Д. 268. Л. 41–55. Текст этого проекта был послан начальником секретной части архива МИД России П.Г. Дивовым А.А. Аракчееву 18 мая (ст. ст.) 1813 г.

полеоновскую конфедерацию или федерацию. «Всякий мог ясно видеть, что Россия была слишком сильна, чтобы войти в новую, преобразованную систему Европы, стержнем которой была Франция». «Мне должно было вытеснить Россию из Европы, чтобы она не нарушала единства моей системы, и дать этому новому политическому разделению довольно сильные границы, чтобы противостоять могуществу российской державы», – так позже интерпретировал планы Наполеона в 1812 г. известный военный теоретик А.А. Жomini¹. Более того, борьба с Россией и русскими мыслилась как важнейший фактор сплочения остальных народов континента. «...Я поведу за собой всю Европу», – сказал Наполеон известному деятелю Первой империи Ж. Фуше перед походом в Россию². «...Я шел на Россию во главе остальной Европы, – говорил он на острове Св. Елены. – Начало было популярным, дело было европейским. Это было последнее усилие, которое оставалось сделать Франции... Россия была последним ресурсом Англии. Всеобщий мир был в России, и успех предприятия был несомненен»³.

В соответствии с установками Наполеона активно работала и пропагандистская машина, последовательно конструируя «образ врага»⁴. Этот образ оказался достаточно традиционным: противник агрессивен, опасен, он – варвар, он упорен, но это упорство связано с дикостью, забитостью, воздействием религиозной пропаганды или пьяного угара. «Образ врага» формировался безликим, в виде орды, которой должны противостоять все европейцы.

В целом нетрудно заметить серьезные расхождения между, с одной стороны, значительным объемом важной и довольно точной информацией о России, имевшейся в распоряжении высшего военного и политического руководства Франции к началу войны 1812 г.; с другой – заявлениями, исходившими от Наполеона и его пропагандистской машины, предназначенными для своих подданных (солдат и гражданского населения) и народов стран-сателлитов; а с третьей – исключительно политическими целями, которые преследовал, начиная войну с Россией французский император, и что заставляло его почти полностью исключать социальный аспект из целей и способов борьбы с неприятелем во время Русской кампании (если Наполеон и обращался в 1812 г. под давлением обстоятельств к мысли о возмож-

---

¹ Жomini А. Политическая и военная жизнь Наполеона. Изд. 3-е. СПб., 1844. Ч. 2. С. 246–247.

² Fouché J. Mémoires. P.: Le Rouge, 1824. Т. 2. P. 114.

³ Las Cases A.-E.-D.-M. Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal ou se trouve cosigné, jour par jour... P., 1823. Т. 1. P. 472.

⁴ См., например: Промыслов Н.В. Указ. соч.

ности каких-либо радикальных мер в отношении крепостничества, то сразу же от них отказывался).

Столь противоречивая «система координат», изначально заданная для Русского похода, предопределила неоднозначность практик социокультурного характера во взаимоотношениях солдат армии вторжения с местным населением в различных регионах Российской империи в 1812 г.

Автор приносит глубочайшую благодарность Российскому научному фонду, предоставившему возможность существенно дополнить ранее собранные материалы документами из французских, австрийских и отечественных архивохранилищ; моим коллегам по историческому факультету Уральского федерального университета и исторического факультета Уральского государственного педагогического университета; сотрудникам Российского государственного архива древних актов; Отдела письменных источников Государственного исторического музея; Российского государственного военно-исторического архива; Центрального исторического архива Москвы, в особенности Е.Г. Болдиной; Архива внешней политики Российской империи; Национального архива Франции; Исторической службы министерства обороны Франции; Архива министерства иностранных дел Франции; Дворцового, Домашнего и Государственного архива и Военного архивов Австрии; Российской государственной библиотеки; Российской национальной библиотеки; Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В.Г. Белинского; Британской библиотеки; Национальной библиотеки Уэльса (г. Аберистуит); библиотеки Уэльского университета Тринити – Сент-Дэвидс (г. Лампетер, Уэльс, Великобритания); моим российским друзьям и коллегам, изучающим 1812 год и историю Франции, В.М. Безотосному, О.С. Даниловой, Б.П. Миловидову, Е.А. Назарян, А.И. Попову, А.А. Постниковой, О.В. Соколову, А.А. Смирнову, С.Н. Хомченко, А.В. Чудинову; зарубежным историкам В. Ададуруву, Т. Ленцу, А.М. Лукашевичу, Ж.Д. Поли, М.П. Рей, Н. Робертсу, а также безвременно ушедшим от нас, но часто мною вспоминаемым Д. Чандлеру и Ф. Бокуру. Хочу выразить признательность друзьям по Екатеринбургскому военно-историческому клубу, с неподдельным интересом в течение многих лет следившим за моими изысканиями. Признателен также моей семье, проявлявшей многие годы терпение по отношению к моим военно-историческим увлечениям.

Глава 1 ЛИТВА ПРИ НАПОЛЕОНЕ

Те несколько месяцев 1812 г., когда Литва оказалась под контролем войск и администрации французского императора, современные литовские историки назвали «временем Наполеона»¹. Этому периоду в истории Литвы посвящена обширная историография². Наиболее интересные исследования стали появляться в начале XX в., их авторами были польский историк Я. Ивашкевич и российские ученые К.А. Военский, Ю.В. Татищев, А. Вруцевич, Ф.А. Кудринский, Н.Н. Бернацкий, Г.А. Бориславский³. В межвоенный период польский военный историк М. Кукель и литовский исследователь Б. Дундулис обозначили новый этап в исследовании проблемы «наполеоновской Литвы», не только введя в оборот обширный пласт документов, но и попытавшись вписать литовские события в широкий исторический контекст 1812 года⁴. Наконец, на рубеже XX–XXI вв. в связи с серьезными геополитическими сдвигами в регионе Центрально-Восточной Европы и попытками переосмысления событий 1812 г. появились исследования таких авторов, как А.И. Попов и К.Б. Жучков (Россия), А.М. Лукашевич (Беларусь), В.В. Ададуров

---

¹ Пугачаускас В. Литва в войне 1812 года // Россия и Балтия. М., 2014. Вып. 7. Памятные даты и историческая память. С. 52.

² Мы используем политоним «Литва» применительно к ситуации начала XIX в., имея в виду Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии.

³ Iwaszkiewicz J. Litwa w roku 1812. Kraków, 1912; [Военский К.А.] [Предисловие] // Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. СПб., 1909; [Татищев Ю.В.] [Предисловие] // Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812–1813 гг. (Виленский временник. Кн. 5). Вильна, 1913. Ч. 2; Вруцевич А. Предисловие // Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Вильна, 1912. Т. 37. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г.; Кудринский Ф.А. Вильна в 1812 году. Вильна, 1912; Бернацкий Н.Н. События в Вильне во время Отечественной войны 1812 г. Вильна, 1912; Бориславский Г.А. События в Вильно в 1812 г. // Военный сборник. 1903. Июнь. С. 38–71; и др.

⁴ Kukiel M. Wojna 1812 roku. Kraków, 1937. Т. 1–2; Dundulis B. Napoléon et la Lituanie en 1812. P., 1940.

и С.В. Потрашков (Украина), В. Пугачаускас (Литва)¹ и др. Наиболее основательным исследованием стала хорошо фундированная монография польского историка Д. Наврота². О деятельности А.А. Жomini на посту военного губернатора Вильно пишет американский историк Э. Вовси³. Наконец, проблемы еврейского населения Вильно нашли отражение в публикациях В. Лукина⁴.

В сущности, все авторы, обращавшиеся к теме Литвы 1812 года, пытались ответить на главный вопрос: о причинах, обусловивших слабую результативность деятельности пронаполеоновской администрации Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). Мы же попытаемся ответить и на ряд иных вопросов: Стали ли месяцы пребывания войск Наполеона в Литве периодом освобождения или периодом оккупации, либо тем и другим одновременно? Как складывались отношения между населением Литвы и наполеоновской администрацией, а также между самими национальными, культурными, социальными и конфессиональными общинами на этой территории в тот недолгий период? В центре нашего внимания оказался Вильно, глав-

---

¹ Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002; Жучков К.Б. Взятие русскими войсками Вильно в 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Сборник материалов. М., 2015. С. 121–161; Лукашевич А.М. Политическая ситуация в западных (белорусских) губерниях накануне и в начале Отечественной войны 1812 года в оценке российских служб разведки // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. 9–11 сентября 2008 г. Можайск, 2009. С. 54–70; Ададуров В.В. Между шляхтой и крестьянством: отношение французских государственных и военных деятелей к крестьянскому вопросу в западных губерниях Российской империи во время войны 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Сборник материалов (Труды Государственного исторического музея. Вып. 183). М.: Государственный исторический музей, 2010. С. 118–140; Потрашков С.В. Чужая война: нашествие Наполеона и еврейское население запада и юго-запада Российской империи // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. С. 229–238; Pugačiauskas V. Napoleono administracija Lietuvoje. Vilnius, 1998; Пугачаускас В. Указ. соч. С. 52–63.

² Nawrot D. Litwa I Napoleon w 1812 roku. Katowice, 2008.

³ Vovsi E. An Unsuitable Job for a Historian: Autoine-Henri Jomini's Governorship. Lithuania, 1812 // Journal of Baltic Studies. Vol. 43. Issue 4 (October 2012). P. 479–494.

⁴ Лукин В. Война 1812 года в коллективной памяти российского еврейства // 1812 год. Россия и евреи. М.; Иерусалим, 2012. С. 7–58; Он же. Участие российских евреев в войне 1812 года: заметки архивиста // Там же. С. 249–292.

ный административный и военный центр «наполеоновской» Литвы, средоточие как основных событий той эпохи, так и узел переплетения межкультурных и социальных контактов и противоречий.

Основными источниками, на которые опирается наше исследование, являются обширные документальные публикации начала XX века, сделанные К.А. Военским, Ю.В. Татищевым, А. Вруцевичем¹, в начале XXI века – В. Пугачаускасом², многочисленные воспоминания³, а также ряд неопубликованных материалов из французских⁴ и австрийских⁵ архивохранилищ.

1.1. Литва при Наполеоне: деятельность временного правительства Великого княжества Литовского

Земли, составлявшие «русскую Литву», на территории которой в 1812 г. на несколько месяцев появилось ВКЛ, вошли в состав Российской империи только в 1795 г. в результате третьего раздела Речи Посполитой. К 1812 г. они были разделены на Виленскую (Литовско-Виленскую), Гродненскую (Литовско-Гродненскую) и Минскую губернии. Помимо них, в состав ВКЛ вошла и Белостокская область. Насколько полными и точными были представления напо-

---

¹ Акты... Т. 1; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. Ч. 2.

² 1812 metų Lietuvos laikinosios vyriausybės komisijos posėdžių protokolai / Lietuvos istorijos institutas; parengė Virgilijus Pugačiauskas. Vilnius, 2012.

³ Военский К.А. Вильна в 1812 году. Из воспоминаний французских генералов графа Гогендорпа и Рох-Годара. СПб., 1912; Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943; Марбо М. Мемуары генерала барона Марбо. М., 2005; Пасторе. Записки маркиза Пасторе о 1812 годе // Русский архив. 1900. № 12. С. 481–548; Шуазель-Гуфье С. Воспоминания об императоре Александре I и императоре Наполеоне I. СПб., [1879]; Bangofsky G. Extraits de son journal de campagnes // Mémoires de l'Académie de Stanislas. 6-e Série. Nancy, 1905. Т. 2; Bignon. Souvenirs d'un diplomate la Pologne. P., 1864; [Brandt H.] Souvenirs d'un officier polonaise. 1808–1812. P.: G. Charpentier, 1877; Caulaincourt A.-A.-L. Mémoires. P., 1933. Т. 1; Chlapowski D. Mémoires sur les Guerres de Napoléon. 1806–1813. P., 1908; Denniée P.P. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842; Hogendorp Dirk, van. Mémoires. P., 1887; Pils F. Journal de marche du grenadier Pils. 1804–1814. P., 1895.

⁴ АМАЕ. Série MD. Sous-série «Russie». Vol. 26; Série Mémoires et documents. Sous-série Pologne. Vol. 18; AN. AF IV. Vol. 1649, 1650; SHD. 1M 1489; 2. C 121.

⁵ Lettres Lithuaniennes // Hof, Haus- und Staats-Archiv, Wien. Polen V. 1 Berichte, Weisungen, Varia 1807–1820. Warschau. Varia 1807–1820.

леоновского командования и гражданских служб Наполеона об этом крае к началу войны с Россией? Обращение к материалам, отложившимся в Архиве исторической службы министерства обороны и в Архиве министерства иностранных дел Франции, дает следующую картину.

По данным наполеоновских аналитиков, в Виленской губернии проживало около 935 тыс. человек. В самом Вильно – 65 тыс. человек (в Гродненской губернии – 593 тыс., в Минской – 930 тыс., в Белостокской области – 170 тыс. человек; всего ко времени образования ВКЛ там проживало 2628 тыс. человек¹). Жителями Виленской губернии были литовцы (Lethuaniens), поляки, русские, евреи, немцы, богемцы (Bohemieus) и татары, однако помимо этих народов, как указывалось в аналитической записке, там проживали и иностранцы, прежде всего армяне. «Сервами, по большей части, являются литовцы, в то время как дворянство почти все польского происхождения. Среди последних есть столь бедные, что они вынуждены служить сеньору в качестве домашних слуг. Для большей части жителей религией является католицизм. Русские же придерживаются греческой веры, но не униатской. Татары исповедуют магометанство». «Литовцы, как и поляки, являются потомками древнего славянского народа, и языком для них является польский, который, по имеющимся сведениям, схож с языком склавинов». «Основной отраслью производства жителей губернии, – говорилось далее, – является сельское хозяйство. У местных крестьян редко бывает более одной или двух лошадей, одной или двух пар быков и столько же коров. Они редко содержат сколько бы то ни было овец или свиней. Однако в хозяйствах дворян лошадей много, небольших, но крепких, пригодных для использования в легкой кавалерии; имеется и хороший племенной скот».

Описывая климат края, аналитики отмечали, что он резко-континентальный, и зима долгая, как в Курляндии. Поэтому в крае, как и в других провинциях Польши, существует проблема подножного корма для скота.

---

¹ Готовясь к походу на Россию и рассчитывая на антироссийские настроения на всех территориях, которые были отторгнуты от Швеции, Польши, Пруссии, Австрии, Турции и Персии и присоединены к Российской империи в конце XVIII – начале XIX в., аналитики из министерства внешних сношений Франции подготовили специальные таблицы. Согласно им, только во время третьего раздела Польши Россия приобрела 1 176 590 жителей, которые потенциально могли поддержать армию вторжения // *Tableaux de la population des conquêtes de la Russie. Janvier 1812 (AMAE. Série MD. Sous-série «Russie». Vol. 26).*

Городское население губернии весьма немногочисленное, большей частью население сельское. Значительную часть населения составляют евреи. «Промышленности мало, – читаем далее. – Коммерция, связанная с экспортной торговлей, находится в руках дворянства (*noblesse*) и евреев. Экспорт продукции ориентирован на порты Балтики, прежде всего на Ригу, затем – на Кенигсберг и Мемель». Главные товары экспорта, сообщали авторы записки, рожь, ржаная мука, ячмень, гречиха (*blé noir*), конопля, лен, конопляное масло, хмель, доски, сосновый лес, еловый лес, солонина, сало, масло, шерсть, рога, конский волос, свиная щетина, воск и другие продукты сельского хозяйства. Тем не менее подчеркивалось, что коммерция не занимает большого места в жизни губернии, и экспорт товаров через рижский порт не превышает 10 тыс. тонн, и еще менее через порт Мемеля. Что касается предметов импорта, то они очень многочисленны в связи с плохо развитой промышленностью и покупкой дворянством предметов роскоши. Поэтому импорт в основном представлен солью, железом, кофе, изделиями из серебра и металла, бижутерией и иными украшениями, винами, сахаром, бакалеей, красками, сельдью, тканями из сукна и тканями из хлопка. Все эти товары ввозятся через Ригу, Мемель, Кенигсберг и Данциг¹.

Как мы видим, накануне военных действий французское командование имело возможность представить общую картину о ситуации в Литве, однако она была далеко не всегда точной. Вполне можно согласиться с львовским исследователем В.В. Ададуровым, который пишет об информационной фрагментарности и идейной стереотипности представлений наполеоновского командования о России, которые и предопределили линию поведения французских властей в западных губерниях Российской империи в период оккупации². Этот вывод подтверждается и выявленными нами материалами. Французское командование и администрация последовательно отбирали ту информацию, которая соответствовала изначальным, нередко даже фантастическим представлениям о Литве. «Говорят, что собственно русские считают казаков братьями поляков, но не москвитов, тем более что казаки долгое время были с поляками вместе под одним скипетром и имели одно правительство. Глупые москвитские законы привели к тому, что указ Екатерины 1775 г. перенес их места обитания на Днепр, а также определил местом их пребывания Кубань, Кавказские горы и Сибирь. Это говорит о том, что каза-

---

¹ Lithuanie. Gouvernement de Wilna // SHD. 1M 1489.

² Ададуров В.В. Между шляхтой и крестьянством... С. 121, 129.

ки сильно страдали от москвитов и готовы против них сражаться»¹. Эта, и подобные ей, выдержки из переписки литовских поляков тщательно собирались и «анализировались» информаторами армии вторжения.

Русское правительство, хорошо осознавая слабость своего влияния в западных губерниях, было – в условиях перспективы войны с Наполеоном – чрезвычайно этим обеспокоено. Еще в 1807 г. среди местного дворянства – как магнатов, так и мелкопоместной шляхты – был отмечен всплеск пронаполеоновских настроений. Более того, в Виленском крае широкое распространение получили слухи о готовности Наполеона освободить крестьян². Поэтому в течение 1807 – в начале 1812 г. Петербург предпринял ряд шагов (не всегда продуманных и достаточно эффективных), направленных на укрепление в регионе своих позиций. Стремясь обеспечить себе поддержку польско-литовской знати, российское правительство стало активно обсуждать вопрос о государственно-политической автономии Литвы в рамках Российской империи. Наряду с этим, делались значительные финансовые вложения в развитие Виленского университета и местных благотворительных учреждений.

14 апреля (ст. ст.) 1812 г. русский император прибыл в Вильно собственной персоной. Этот визит преследовал две главные цели: во-первых, проконтролировать подготовку двух Западных армий к началу военных действий; во-вторых, выяснить настроения населения Западного края и, по возможности, расположить его в свою пользу. Встреча русского государя, организованная властями края и жителями Вильно, должна была, казалось, вселить оптимизм. «Самые желанные и горячие ожидания наши исполнились, – писала газета «Курьер литовский»³. – В 2 ½ часа пополудни мы увидели в наших стенах обожаемого монарха. (...) Вершины холмов, окружавших дорогу [проходившую по Антокольскому предместью. – В. З.], башни, крыши, окна – все было переполнено толпой народа разного звания. Во главе депутаций шел городской магистрат. Ремесленные цехи шли с распущенными знаменами и, опуская их, с барабанным боем отдавали приветственную честь. Евреи, по своему обряду, поднесением торы и хлеба, выражали свои чувства»⁴. Духовенство всех вероиспове-

---

¹ *Lettres Lithuaniennes*. F. 42.

² См.: Dundulis В. *Op. cit.*; Лукашевич А.М. Политическая ситуация... С. 55–56; и др.

³ Газета издавалась на польском языке и в то время была единственной в крае. После вступления в Литву Великой армии тон публикаций радикально изменился в пользу Наполеона.

⁴ Kurjer Litewski. 1812. 15 (27) апреля 1812 г. № 34.

даний в праздничном облачении поздравляло приближавшегося монарха. Весь день гремела музыка, а вечером была иллюминация.

В течение всего пребывания в Литве, чаще всего в Вильно, Александр I без усталости раздавал титулы, награды и обещания¹.

Однако, наряду с этими действиями, ход военных приготовлений вынудил российские власти предпринять и такие шаги, которые явно не могли радовать местное население. Следовало обеспечить войска 1-й и 2-й Западных армий продовольствием, транспортом, людьми для подвижного магазина и перевозки больных, дровами, людьми для земляных работ и т. д. Реализация подобных задач потребовала гигантского напряжения сил и ресурсов западных губерний, прежде всего Виленской². Особенно недовольно подобными тяготами оказалась местное дворянство, тем более что оплата его усилий «была связана с обязательным единовременным внесением всех недоимок», а кроме того, «производилась не серебром, а облигациями и ассигнациями, курс которых уже упал до ужасающих размеров...»³. «Ни пребывание императора Александра в Вильно, ни его попытки заслужить популярность не затронули сердца истинных поляков, любящих свою родину», – так писал некто Гедивилло (Gediwillo) из Вильно своему другу в Варшаву⁴.

Достаточно убедительными представляются выводы белорусского исследователя А.М. Лукашевича, который проанализировал ситуацию в западных губерниях Российской империи накануне вторжения Наполеона: «...лояльность к российскому правительству проявляли отдельные представители богатейшего дворянства. Значительная часть средней и особенно мелкой шляхты была негативно настроена к власти. Свое материальное благополучие они связывали с возрождением государственности “Польши” в любом из ее вариантов. В определенной оппозиции российскому правительству находилось католическое и униатское духовенство. Большая часть “сельских обывателей” также была недовольна своим положением. И хотя крестьяне безропотно выполняли постоянно возрастающие повинности (...), даже они ожидали от предстоящей войны перемен и прежде всего решения вопроса об отмене крепостного права»⁵. Что

---

¹ Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 45; Пугачаускас В. Указ. соч. С. 52–55; Кудринский Ф.А. Указ. соч. Глава 3; Татищев Ю.В. Указ. соч. С. 5–11; и др.

² См., например: Акты... Т. 1. С. 47–102.

³ Татищев Ю.В. Указ. соч. С. 11.

⁴ *Lettres Lithuaniennes*. F. 41.

⁵ Лукашевич А.М. Белорусские земли в военно-стратегических планах Российской империи (конец XVIII в. – 1812 г.): автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. Минск, 2014. С. 34.

же касается еврейского населения, которое составляло значительную часть жителей Вильно, то и в его отношении российские власти проявляли значительную степень недоверия. Все это предопределило, как справедливо указывает А.М. Лукашевич, что «Александр I смирился с вероятной потерей своих “польских провинций”»¹.

Для российского правительства оставалось одно: вывезти из западных регионов накануне войны важную для неприятеля документацию, побудить к отъезду русских помещиков и чиновников и тех представителей литовской знати, которые ориентировались на Петербург, наконец, нанести возможный ущерб оставляемой территории (разрушить мосты, сжечь магазины и т. д.).

После получения известий о переходе войсками Наполеона Немана (вопреки «романтической версии», русский император еще до бала в Закрете уже знал о начале неприятельского вторжения), начался массовый выезд из Вильно семей военных и чиновников, вывоз оставшихся архивов, денег и т. д.² Виленские обыватели, оставшиеся в Вильно и ожидавшие вблизи города сражения, приготовили запас продовольствия и заперлись в домах. С беспокойством прислушиваясь к проходившим по улицам отступавшим русским войскам (движение которых началось 14 июня (ст. ст.) и к утру 16-го (ст. ст.) закончилось), виленские обыватели ждали дальнейшего развития событий. Несмотря на ряд стычек на окраинах города, сражения не произошло³.

16 (28) июня, в воскресенье, в полдень, в Вильно вступили части наполеоновской армии. «Курьер литовский» написал об этом так:

---

¹ Лукашевич А.М. Указ. соч. С. 34.

² Вместе с Александром I 14 июня (ст. ст.) из Вильно выехали виленский предводитель дворянства К.А. Сулистровский и гродненский предводитель дворянства князь К.Ф. Друцкой-Любецкий в сопровождении местных влиятельных дворян Рокицкого и Вавржецкого. Покинуло Вильно и несколько профессоров Виленского университета.

³ По городу ходили упорные слухи, что при отступлении русские зажгут город; при этом одни утверждали, что все местные жители будут уведены в Россию, другие же полагали, что всех просто вырежут. Наконец, стали говорить, что сражения не будет, и что император Александр ради того, чтобы оградить Вильно от бедствий войны, повелел сдать город без боя и даже отправил к Наполеону особую делегацию (Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 46; Татищев Ю.В. Указ. соч. С. 18). Ю.В. Татищев замечает, что «средние и низшие слои населения связывали неизбежное занятие города наполеоновскими войсками не с идеей освобождения от русского владычества, а с волею императора Александра, подчиняясь ей и оставаясь таким образом как бы верными ему и в самом своем отпадении» (Татищев Ю.В. Указ. соч. С. 19).

«Едва только русские отступили за Антоколь и Зеленый мост¹, и обыватели заняли караулы на гауптвахте², как немедленно же вошли в город первые польские и французские разъезды. Магистрат, знатнейшие жители и большая часть народа с городскими ключами вышли навстречу непобедимой армии. Его Величество король Обейх Сицилий [И. Мюрат. – В. З.] ласково принял депутатов на Погулянке [местность к югу от центра города. – В. З.]. По окончании церемонии этой первой встречи они отправились на полмили дальше, по направлению к Понарам [местность к западу от Вильно по дороге на Ковно, известная высокими холмами. – В. З.], для изъявления чувств преданности Его императорскому и Королевскому Величеству»³. Далее «Курьер литовский» в высренных выражениях, во многом напомиавших фразы из сообщения о встрече русского императора несколькими месяцами ранее, описал восторги виленских жителей, увидевших войска Наполеона и его самого.

Судя по свидетельствам очевидцев и участников тех событий, восторги виленской публики были на этот раз действительно более громкими, чем в апреле 1812 г. «Весь город был на улице, все окрестные горы сплошь были покрыты людьми, чающими первыми увидеть французов. Многие с этой целью полезли на крыши домов, башни церквей и колокольни. Огромные толпы побежали за ковенскую заставу, откуда ожидались французы. Все это бежало, сталкивалось, галдело, напомиая собою в общем один громадный дом сумасшедших», – вспоминал Михаил Лавринович, францисканский монах⁴. «Народ веселился на улицах, на площадях крича виват и пускаясь к реке подбирать оружие, которое русские, отступая, там побросали. Муниципалитет с распущенными знаменами вышел подносить императору Наполеону ключи от города», – вспоминала Шуазель-Гуфье, урожденная графиня Тизенгаузен⁵. «Полк князя Радзивилла⁶ прошел по нашей улице, – вспоминала она, – то были польские ула-

---

¹ Через р. Вилию к северу от центра Вильно было переброшено два моста: один каменный и другой (восточнее первого) – деревянный, называвшийся Зеленым мостом. Зеленый мост был подожен отступавшими русскими частями.

² Как видим, газета пыталась представить виленских горожан активной силой, взявшей город под свой контроль еще до подхода частей Великой армии.

³ Kurjer Litewski. 1812. № 49.

⁴ Кудринский Ф.А. Указ. соч. С. 37. Сноска 8.

⁵ Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 46–47.

⁶ 8-й польский уланский полк из 1-й легко-кавалерийской дивизии Брюйера 1-го резервного кавалерийского корпуса.

ны в своих прелестных мундирах с значками из польских цветов. Я стояла на балконе замка. Они с улыбкой отдавали мне честь. И в первый раз в жизни я увидела поляков! Слезы восторга и радости полились из моих глаз; я осознавала себя полькой! И эта минута была восхитительна, но как она была коротка!»¹

Действительно, минута восторга была недолгой. Вместе с вступлением в город войск Наполеона для виленских жителей началась трагедия. «Войска сии, заняв окрестности города, – вспоминал виленский помещик Эйсмонт, – истребили тотчас прилегающие к оному обывательские дачи, а в числе оных и мою, близ города состоящую, Маркуци называемую, забирая всякую находившуюся в оной провизию, скот, лошадей, всякое движимое имущество, истребляя двери, окошки и мебель, находившиеся в строениях; а для совершення крайнего разорения, кавалерия, запасаяся хозяйственными косами, скосила всякого рода дворовый и крестьянский хлеб для корма лошадей; и таким образом, в продолжение одного часа, лишился я всего...»² «Между тем, – вторит Эйсмонту Шуазель-Гуфье, – начался грабеж. Вне города и по деревням совершались неслыханные бесчинства: церкви были ограблены, священные сосуды осквернены; даже кладбища не были пощажены, несчастные женщины оскорблены! Самые прискорбные рассказы так и сыпались»³. Подобных свидетельств, относящихся уже к начальному пребыванию наполеоновских войск в Вильно, имеется немало.

В чем была причина подобных эксцессов? Многие авторы, обращавшиеся к событиям 1812 г. в Литве, отмечали пагубную роль, которую сыграли бюллетень Великой армии и воззвание о начале 2-й польской войны, продиктованное Наполеоном 23 июня в Вильковишках⁴. Войска, изнуренные походом, восприняли это воззвание как факт вступления на неприязельскую территорию и предались

---

¹ Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 26–47.

² Письмо виленского помещика Эйсмонта о пребывании Наполеона в Вильно в 1812 году // Акты... Т. 1. С. 416. Эйсмонт отправил своего управляющего «с просьбою к Наполеону, но не удостоился счастья получить резолюцию». Эйсмонт отмечает, что в то же время его «шинкарка», также подвергшаяся разорению, получила от Наполеона 200 франков. Эйсмонт полагает, что Наполеон, «видя, что невозможно награждать неисчислимых убытков, войсками его причиняемых, наделял только одних неимущих» (Там же. С. 417).

³ Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 48.

⁴ Napoléon I. Correspondance de Napoléon I-er. P., 1868. Т. 23. № 18855. P. 618–619; Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 1. P. 354; Татищев Ю.В. Указ. соч. С. 23; Nawrot D. Op. cit. S. 374; и др.

мародерству¹. А.Д. Пасторе, французский чиновник, с августа 1812 г. интендант Витебской провинции, писал так: «Из Ковны армия двигалась через Бумчешки (Румшишки), Шишморы (Жижаморы), Собоleshки (Соботишки) и Риконты (Рыконты) до Вильны. Расстояние между этими двумя городами всего двадцать восемь миль; но дорога, идущая по нагроможденным кучам песка, подчиняющаяся всем неровностям гористой местности, которые нигде не попытались выровнять, должна была и, действительно, оказалась тягостной. Стояли сильные жары, и наши лошади, не привыкшие к таким дорогам, уже падали в громадном числе. Армия оставила их за собой от 7 до 8 тысяч...»²

Однако только лишь изнуренностью войск и их «ошибками» в интерпретации наполеоновского воззвания от 23 июня вряд ли можно объяснить размах грабежей и насилий, с которыми солдаты обрушились на Вильно и его окрестности. Ключевая проблема заключалась в том, какую роль отводил Литве в своих планах Наполеон и как это влияло на его решения и действия в ходе событий 1812 г. Целый ряд документов и обстоятельств достаточно ясно проясняют планы Наполеона. Так, 28 мая, еще находясь в Дрездене, император продиктовал пространные инструкции для Д.Ж. Ф. Прадта, отправлявшегося в Варшаву в качестве французского резидента. Прадт должен был направить деятельность варшавского правительства на обеспечение Великой армии всеми возможными ресурсами герцогства, держать в курсе дела императора и Главный штаб, способствовать росту патриотических настроений, в особенности в отношении тех польских провинций, которые «фактически оккупированны Россией», для чего созвать сейм и создать общепольскую конфедерацию как своего рода верховный совет вооруженной нации, следить за тем, чтобы патриотическая активность не вредила Пруссии и Австрии³. Еще более явно роль Литвы в проектах Наполеона была обозначена 11 июля в его ответе на речь сенатора Выбицкого, который возглавлял делегацию польского сейма, прибывшую в Вильно, дабы от имени генеральной конфедерации просить французского императора поддержать реше-

---

¹ Собственно говоря, части Великой армии действовали как на завоеванной территории еще и до перехода Немана (См., например: [Brandt H.] Op. cit. P. 231).

² Пасторе. Указ. соч. С. 484–485. Инспектор смотров П.П. Деннье также пишет о том, что при переходе от Ковно до Вильно пало 5 тыс. лошадей (Dennée P.P. Op. cit. P. 21); об этом писали и другие современники.

³ Napoléon I. Correspondance... Т. 23. № 18734. P. 441–447; Bignon. Op. cit. P. 238.

ние о возрождении Речи Посполитой. Слова Наполеона были следующими: «Если старания ваши будут единодушны, можете питать надежду заставить врагов признать права ваши; но только от единодушных усилий всех жителей можете ожидать успеха. (...) Пусть Литва, Самогития, Витебск, Полоцк, Могилев, Волынь, Украина и Подолия одушевлятся тем же духом, который встретил я в Великой Польше, и Провидение увенчает успехом святое ваше дело»¹.

Ю.В. Татищев в свое время справедливо обратил внимание на странности в организации власти в провозглашенном ВКЛ, которые противоречили «основным принципам юридической конструкции всякого государства», а именно, что «верховная власть не принадлежала императору Наполеону» и «еще менее принадлежала она временной правительственной комиссии, так как рядом с нею, а в некоторых отношениях и под нею, действовала власть французского генерал-губернатора». Более того, в подписанном в кафедральном соборе Вильно 2 (14) июля акте о присоединении жителей ВКЛ к генеральной конфедерации польского королевства не содержалось никаких указаний на их отказ признавать власть русского императора. Таким образом, независимость Литвы от России нигде не была провозглашена. В этой связи Ю.В. Татищев высказал мысль о том, что «виленские политические деятели, идя с виду послушно в поводу у Варшавы, до известной степени сознательно допустили все перечисленные несообразности в положении Литвы...»²

В целом очевидно, что Наполеон, намекая литовской элите на возможность то ли возрождения Речи Посполитой, то ли на обретение Литвой независимости как самостоятельного политического образования, стремился воспользоваться людскими и материальными ресурсами последней исключительно в целях достижения военного успеха в борьбе с русским императором. Нам представляется, что и серьезные трения, которые возникли между военным губернатором Виленской провинции генералом А.А. Жомини и генерал-губернатором Литвы Т. ван Гогендорпом, а также между представителями наполеоновской администрации и Комиссией временного правительства ВКЛ (далее – ВП ВКЛ), имели своим источником сознательно созданную Наполеоном ситуацию неопределенности в столице «русской Польши».

Напомним, что 1 июля Наполеон создал Комиссию ВП ВКЛ, в которую первоначально вошли С. Солтан, К. Прозор, Ю. Се-

---

¹ Цит. по: Акты, издаваемые Виленскою комиссиею... С. VIII.

² [Татищев Ю.В.] Указ. соч. С. 27–28.

раковский, А. Сапега, Ф. Ельский, А. Потоцкий и Я. Снядецкий, которая и должна была представлять высшую гражданскую власть в Литве. Само же ВКЛ должно было состоять из четырех департаментов, охватывая территорию главным образом Виленской, Гродненской, Минской губерний и Белостокской области. В городах княжества учреждались муниципалитеты. В главном городе – Вильно – президентом (мэром) стал М. Ромер (с 16 сентября – Я. Хорайн). Помимо президента, в руководящий состав муниципалитета входили четыре его помощника и 12 членов муниципального совета. Несмотря на видимый «демократизм» при формировании органов гражданской власти ВКЛ, когда на все административные должности были назначены представители местной элиты (естественно, польско-литовского происхождения), контроль за ними должны были осуществлять лица, принадлежавшие к французской военной и гражданской администрации. Комиссаром при комиссии ВП ВКЛ стал Л.П.Э. Биньон, ранее исполнявший подобные функции при правительстве Великого герцогства Варшавского (на этом посту его сменил Прадт). В каждом департаменте, где гражданскую власть должна была осуществлять административная комиссия из трех человек, имелся французский интендант, который контролировал ее деятельность.

Военную власть в Литве представлял генерал-губернатор (на эту должность 8 июля был назначен генерал граф Т. ван Гогендорп). Каждый департамент имел своего военного губернатора. В Виленском департаменте им вначале был генерал А.А. Жомини, а затем (официально с 4 октября) генерал Р. Годар. При этом, хотя поиск средств и сама организация вооруженных сил, жандармерии и национальной гвардии возлагались на собственно литовское руководство, реальная военная власть была исключительно в руках французского командования¹. Это обстоятельство, в сущности, и стало причиной серьезного конфликта между Жомини и Гогендорпом. Внешне это выглядело как результат взаимной исключительно личной неприязни двух генералов – «пустого и самоуверенного» (слова Гогендорпа) швейцарца Жомини и подобного «трости капрала» (слова Жомини)

---

¹ Биньон, комментируя инструкции, врученные от имени Наполеона Прадту, подчеркивал, что внешняя самостоятельность польского правительства должна была опираться «исключительно на силу нашей армии». Кроме того, характер войны с Россией должен был быть «обычным», не предполагавшим создание «посполитого рушения», когда вооружались и господа, и крестьяне (Vignon. Op. cit. P. 231). Подобными намерениями, как отмечал Биньон, Наполеон руководствовался и в отношении Литвы (Ibid. P. 239).

голландца Гогендорпа¹. Однако при сопоставлении деятельности Жомини в качестве военного губернатора Виленского департамента и Гогендорпа как генерал-губернатора Литвы становится понятным, что швейцарец на французской службе, в отличие от Гогендорпа, не был готов к тем, по сути, жестоким мерам, которых требовал Наполеон от Литовского края для обеспечения нужд Великой армии всеми необходимыми ресурсами. Сам Гогендорп писал о своем появлении в Вильно так: «Члены временного литовского правительства отнеслись ко мне чрезвычайно холодно и, вероятно, были восстановлены против меня. Они не сделали мне визита, утверждая, что я должен был посетить их первый. Со своей стороны, я совсем не вмешивался в дела их внутреннего управления, но считал необходимым обратить свое внимание на военную часть, особенно на продовольствие и комплектование прибывавших и проходивших французских войск. Я считал это важнейшей своею обязанностью, зная, что император придает этому особенное значение»². Наполеон, находясь уже в Смоленске, 24 августа известил Гогендорпа о его назначении председателем Комиссии ВП ВКЛ и о возложении на него обязанностей по организации литовской армии³. Члены Комиссии ВП ВКЛ были, по словам Гогендорпа, «столь же недовольны, как и удивлены». Князь Сапега в знак протеста подал в отставку и был заменен графом И. Тизенгаузенем⁴. Совершенно очевидно: литовское правительство не могло радоваться тому, что край, из которого уже выка-

---

¹ Конкретные обстоятельства конфликта изложила только одна сторона – Гогендорп (Hogendorp. Op. cit. (есть русский перевод: Военский К.А. Вильна в 1812 году.). Современный американский автор Э. Вовси попытался взглянуть на события глазами Жомини (Vovsi E. Op. cit. P. 51–53). Одним из пунктов, по которым Гогендорп критиковал Жомини, было стремление последнего укрепить Замковую гору. Действительно, хотя такого рода укрепления не имели большой ценности из-за господства высот левого берега р. Вилии, но приказ о их возведении был отдан самим Наполеоном.

² [Военский К.А.] [Предисловие]. С. 16.

³ Наполеон – Марс. 24 августа 1812 г. // *Napoléon Bonaparte. Correspondance générale*. P., 2012. T. 12. № 31592–31593. P. 1039–1040; Военский К.А. Вильна в 1812 году. С. 17. В ночь на 25 августа Наполеон покинул Смоленск и двинулся вслед за русской армией к Москве. Литва, по мысли императора, должна была «быстро и эффективно» решать конкретные задачи тылового обеспечения и формирования новых армейских частей в условиях решающей фазы военной кампании.

⁴ Из текста мемуаров Гогендорпа можно понять, что его отношения с Биньоном, «опекавшим» Комиссию ВП ВКЛ, во все время его, Гогендорпа, деятельности сохранялись равными (Военский К.А. Вильна в 1812 году. С. 17–18). Однако сам Биньон свидетельствовал об обратном (Bignon. Op. cit. P. 240).

чали чуть ли не все ресурсы, теперь должен был быть окончательно разорен, причем без каких-либо ясных гарантий на обретение независимости.

Как в этих условиях действовала литовская администрация, оказавшаяся фактически в заложниках цинично-прагматических интересов французского императора? Попытаемся нарисовать эту картину, обратившись к главным проблемам, которые должна была решать комиссия ВП ВКЛ. Начать следует с вопроса о создании вооруженных сил Литвы.

Вплоть до конца июля Наполеон считал возможным формировать вооруженные силы княжества на основе принципа добровольчества, а решить проблему финансирования – за счет ресурсов края – надеялся, рассчитывая прежде всего на патриотизм и самопожертвование местной знати. Уже в 4-м бюллетене Великой армии от 30 июня сообщалось, что сразу по вступлении французов в Вильно «четыре или пять сотен молодых людей из Университета, которым едва за 18 лет и которые принадлежат к лучшим фамилиям, потребовали сформировать из них полк»¹.

1 июля в приказе по организации ВП ВКЛ Наполеон распорядился сформировать в Вильно Национальную гвардию² из двух батальонов по шесть рот в каждом; численность двух батальонов была определена в 1450 человек. Командующим виленской Национальной гвардией стал К. Козельский, командирами батальонов – А. Францесон и С. Закржевский. Кроме того, было приказано создать в каждом из четырех департаментов жандармерию во главе с полковником, и в каждом из уездов было предписано расположить роту жандармерии. Командиром жандармерии Виленского департамента стал Антоний Храповицкий, а отдельными начальниками – князь Стефан Гедройц и Станислав Радзишевский³. Весьма своеобразно был обозначен принцип формирования жандармерии: «Офицеры, унтер-офицеры и волонтеры жандармерии будут избираться из среды дворян, уездных землевладельцев. *Отказываться от назначения никто не имеет права* [выделено мной. – В. З.]»⁴. В заключение приказа Наполеона говорилось так: «Начальнику Главного штаба назначить

---

¹ Pieces officielles et Bulletins de la Grande-Armée. Année 1812. P., s.a. P. 71.

² В русских документах эти формирования чаще называются Народной гвардией благодаря произвольному переводу с польского «gwardia narodowa».

³ В Вильно должна была быть сформирована также Почетная гвардия во главе с Гавриилом Огинским. М. Марбо утверждал, что г. Вильно и Виленский округ «смогли дать лишь двадцать человек в почетный караул Наполеона» (Марбо М. Указ. соч. С. 523).

⁴ Акты... Т. 1. С. 134–135; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею... С. II.

старшего офицера или командира отдельной части, француза или поляка, состоявшего в армии, комендантом всего департамента. Ему будут подчинены Национальная гвардия, жандармерия и местные войска»¹.

23 июля Комиссия постановила, что офицеры жандармерии, выбравшие «всеобщим голосованием» из городских обывателей и землевладельцев, служат бесплатно; каждый рядовой жандармерии будет получать по одному золотому в день. Жандарм должен был обмундироваться за свой счет и иметь собственного коня. В Виленском департаменте предполагалось сформировать корпус жандармерии в 550 человек².

5 июля, вслед за распоряжением о создании Национальной гвардии, последовал приказ о формировании пяти полков линейной пехоты (в составе трех батальонов, в каждом по шесть рот) и четырех полков линейной кавалерии (по четыре эскадрона, в каждом по две роты), которые должны были стать частью Войска польского³. Эта нелегкая задача была снова возложена на литовское правительство, а именно на Военный комитет под председательством А. Сапеги и его помощника полковника А. Ходкевича. Предполагалось, что лошади будут предоставляться местными помещиками в зависимости от количества имевшихся у них деревень, а экипировку обеспечат главные города княжества⁴.

В этой ситуации Виленский муниципалитет проявил явную растерянность. Он уведомил Административную комиссию Виленского департамента, что город Вильно должен поставить 119 рекрутов, но вся «польская городская молодежь», назначенная к набору, уже добровольно поступила на военную службу. Русская же молодежь, жившая ранее в городе, также была взята на службу по набору, произведенному до вступления в Вильно французов. Таким образом, как заявил муниципалитет, среди населения совсем нет молодых людей, и набор рекрутов является невозможным. Как единственное средство было предложено искать добровольцев⁵.

---

¹ Акты... Т. 1. С. 136–137.

² Там же. С. 211–213. 6 октября воззвание о наборе в жандармерию было повторено (Там же. С. 228–229).

³ Iwaszkiewicz J. Op. cit. S. 158–162; Попов А.И. Великая армия в России. С. 79.

⁴ Napoléon I. Correspondance... Т. 23. № 18902, 18955, 18962, 19001, 19053; Kukiel M. Op. cit. Т. 1. S. 371; Notice historique... // Акты... Т. 1. С. 419–421; Попов А.И. Великая армия в России. С. 79 и др.

⁵ Выдержки из протоколов заседания муниципалитета г. Вильно // Акты... С. 241.

По мнению А.И. Попова, к концу июля удалось сформировать только первый батальон 18-го полка линейной пехоты, да и то благодаря тому, что 18 июля для его укомплектования французское командование передало 354 пленных поляков¹.

Было ясно, что на энтузиазм местного населения уповать не стоило. В результате решили прибегнуть к рекрутскому набору, апробированному в период российского господства. 25 июля было издано распоряжение временного правительства «о наборе кантонистов». Виленский департамент должен был поставить 3 тыс. рекрутов. Набору подлежали лица от 18 до 34 лет ростом не менее 2 локтей и 12 вершков «литовской меры». Срок службы устанавливался в шесть лет, срок на проведение рекрутского набора – с 6 по 30 августа. При отказе помещиков от предоставления рекрутов, к ним надлежало применять военную силу. В случае отсутствия у помещиков должного числа крепостных для поставки в качестве рекрутов, они должны были заплатить 1 тыс. польских злотых. Что до представителей той части населения, на которую рекрутская повинность не распространялась (евреи, караимы и др.), то они платили за каждого рекрута по 2 тыс. злотых. Наконец, устанавливалось, что помещик должен был снабдить рекрута двумя рубашками, двумя парами панталон и башмаков, шапкой и сермяжной курткой².

Увещевая крестьян, которые были явно не в восторге от перспективы рекрутчины, Комиссия ВП опубликовала 1 августа специальное воззвание, в котором, в частности, говорилось: «При прошлом правительстве нужно было сынов ваших в окопах препровождать в

---

¹ Попов А.И. Великая армия в России. С. 80–81. Между тем «Курьер Литовский» 29 июля сообщал, что в 18-м линейном полку было уже 600 человек (Kurjer Litewski. № 59).

² Акты... Т. 1. С. 213–215, 223–224. Комиссия ВП ВКЛ на своем заседании 4 августа приняла решение обеспечить каждого кантониста перед выступлением еще и суммой в 7 рублей. Сбор денег предполагалось осуществить за счет «патриотизма граждан» (Выписка за журнала заседаний Комиссии. 4 августа 1812 г. // АН. 1650. Ф. 125). Гогендорп в своих воспоминаниях назвал принятие литовским правительством русской системы рекрутского набора грубой ошибкой, так как «дворянство (les seigneurs) естественно избавлялось от худших из своих крестьян (vassaux), и было трудно распределить их по полкам, которые старались перепихнуть один другому подобный человеческий хлам, военная подготовка которого занимала долгое время» (Hogendorp. Op. cit. P. 215–216). К этому стоит добавить, что русские власти предусмотрительно постарались вывезти все документы, которые могли бы облегчить наполеоновской администрации осуществление рекрутского набора.

войско. Вы теряли их навсегда, служба их продолжалась до конца жизни, их посылали в отдаленные края за реками и за морями. Теперь совсем иные условия службы: только на шесть лет сыновья ваши удалятся из домов родителей, будут служить в своем крае, в своей провинции, офицеры будут обращаться с ними ласково, отечество щедро им заплатит, а по окончании службы они возвратятся домой к своим земледельческим занятиям». Впрочем, такого рода ласковые увещевания сопровождалась угрозой «суровой военной кары»¹.

Одновременно с этим воззванием Комиссия ВП ВКЛ издала предписание о формировании четырех полков кавалерии (в отношении создания которых Наполеон отдал приказ еще 5 июля) на основе рекрутского набора. Один всадник с конем и снаряжением должен был быть поставлен от 75 дворов. На Виленский департамент пришла квота в 1327 всадников. Мелкопоместные владельцы, не имевшие 75 дворов, уплачивали 1 тыс. злотых за всадника и 500 злотых за коня².

Исключительно на добровольной основе шло формирование 3-го полка шеволежеров Императорской гвардии. По-видимому, сразу после вступления Наполеона в Вильно в этот полк и записались те самые «четыре или пять сотен молодых людей», о которых сообщалось в 4-м бюллетене Великой армии. Между тем 21 июля командующий полком польских улан Императорской гвардии генерал А. Красинский отправил И. Тизенгаузену, члену Административной комиссии, письмо, в котором сообщил о приказе Наполеона принять в полк Старой гвардии «тысячу молодых литовских дворян». Условия зачисления были следующими: дворянское происхождение, пристойное поведение, возраст от 18 до 32 лет, наличие коня и мундира³. 4 августа по этому поводу вышло распоряжение Комиссии литовского правительств⁴. Наконец, 12 августа был официально объявлен набор «тысячи добровольцев»⁵. Судя по всему, набор этот шел достаточно медленно. Согласно бумагам А.И. Михайловского-Данилевского, в Виленском департаменте охотников вступить в этот полк нашлось только 33 человека⁶. По-

---

¹ Акты... Т. 1. С. 245.

² Там же. С. 216–220; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. 246–248.

³ Акты... Т. 1. С. 209–210.

⁴ Там же. С. 222–223; Выписка из журнала заседания Комиссии, 4 августа 1812 г. // AN 1650. Ф. 126.

⁵ Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. 285–286.

⁶ Акты... Т. 1. С. 210.

видимому, это действительно было так, поскольку 25 ноября «Курьер Литовский» вторично опубликовал воззвание Красинского. В комментарии к нему говорилось: «Мы, литовский генерал-губернатор, дивизионный генерал граф Гогендорп, предписываем всем гражданским властям опубликовать настоящее воззвание в подведомственных им округах для сведения всех жителей Литвы. Оно было уже раз опубликовано, но по непредвиденным обстоятельствам не имело желаемого успеха»¹.

Одновременно с объявлением о наборе «тысячи добровольцев», 12 августа комиссия сообщила, что «недостаток средств задерживает образование линейного войска, жандармерии и Национальной гвардии, а настоятельная необходимость требует постоянного присутствия военных команд как для поимки шаек беглецов из войска, так и для поддержания порядка в стране», и поэтому объявила о формировании шести временных батальонов из лесников, егерей и старших лесничих². Однако и этот набор шел очень медленно. 13 сентября Гогендорп вторично запросил литовские власти о результатах призыва, отметив, что у него до сих пор нет на этот счет никаких сведений³.

Под угрозой провала находились и все попытки организовать рекрутский набор в пехотные и кавалерийские полки, с трудом происходило комплектование и корпуса жандармерии. 3 октября срок поставки рекрутов был продлен до 26 октября⁴, а 7 октября были несколько изменены правила комплектования жандармерии – теперь туда набирали людей в возрасте от 18 до 50 лет. Снова уведомили о плате рядовым по одному злотому в день⁵.

Между тем в сентябре и октябре стали предприниматься усилия по формированию еще двух полков: конно-егерского и конного полка из литовских татар. Идея создания конно-егерского полка появилась благодаря тому, что два литовских магната Игнатий Монюшко и Абрамович выразили намерение сделать большие пожертвования на формирование полка (оба сразу получили чины полковника и майора). 22 сентября было объявлено о добровольном вступлении

---

¹ Там же. С. 224–225.

² Там же. С. 223–224; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. 223–224; Fabry G. Campagne de Russie 1812: Operations militaires. P., 1903. Т. 3. P. 532–533.

³ Акты... Т. 1. С. 225–227.

⁴ Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. 423–424.

⁵ Акты... Т. 1. С. 228–229; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. 430–432.

«литовской молодежи» в этот конно-егерский полк¹. 3 и 7 октября воззвание с призывом вступить в этот полк дважды публиковал «Курьер Литовский».

Воззвание Военного комитета ВП ВКЛ к литовским татарам с призывом вступить в вооруженные силы Великого княжества было обнародовано еще 2 августа². Позже возникла идея сформировать из татар отдельную часть, и 23 октября «Курьер Литовский» напечатал воззвание подполковника польской службы Мустафы Мирзы Ахматовича, в котором тот объявил, что готов принять всех желающих вступить в полк, даже если у них нет «мундира, вооружения и лошади»³. В конечном итоге удалось укомплектовать только один эскадрон (формирование происходило в Варшаве), который в дальнейшем вошел в качестве разведчиков в 1-й полк шеволежеров Императорской гвардии.

Наконец, на средства Рудольфа Тизенгаузена в Вильно формировалась и конно-артиллерийская рота, которая в 1813 г. вошла в состав армии Великого герцогства Варшавского⁴.

Что касается Национальной гвардии, представлявшей собой милиционные формирования, она должна была быть создана из городских обывателей христианского вероисповедания: домовладельцев, купцов, ремесленников и их подмастерьев. Большая часть гвардейцев должна была обмундировываться за собственный счет, а меньшая – за счет муниципалитетов, точнее, за счет еврейского кагала и тех христиан, которые не несли этой повинности «натурой» (старше 50 лет, лица духовного звания и т. д.)⁵. Национальная гвардия в

---

¹ Акты... Т. 1. С. 227–228. Полк получил 21-й номер (напомним, что в Войске польском полки имели «сквозные» номера). В этом воззвании было заявлено, что пять полков пехоты и четыре полка кавалерии уже почти укомплектованы. Гогендорп пишет, что «один молодой польский дворянин» (это был, как полагаем, И. Монюшко) взялся набрать и снарядить за свой счет полк легкой кавалерии, если его сделают полковником. Так как у молодого человека были наличные деньги, Гогендорп принял это предложение без колебаний (Hogendorp. Op. cit. P. 319).

² Kurjer Litewski. № 60; Акты... Т. 1. С. 220–221; Выписка из журнала заседаний комиссии. 2 августа 1812 г. // AN. 1650. F. 123.

³ Акты... Т. 1. С. 231–232. Гогендорп вспоминал, что к нему приходило много татар, которые просили принять их на службу с условием сформировать из них отдельную часть. Он, Гогендорп, сформировал из них один эскадрон, обещая, если их число увеличится, развернуть его в полк (Hogendorp. Op. cit. P. 319).

⁴ Notice historique... // Акты... Т. 1. С. 423.

⁵ Акты... Ч. 2. С. 79, 91.

Вильно должна была состоять из двух батальонов и иметь численность в 1450 человек. Однако, несмотря на то что «Курьер Литовский» без устали восхвалял внешний вид виленских национальных гвардейцев, их боевая подготовка да и численность оставляли желать много лучшего. Уже к августу стало очевидным, что набрать в Национальную гвардию нужное число людей не удастся. Командир одного из батальонов подполковник Антон (Антуан) Францессон в полной растерянности писал министру внешних сношений Ю.Б. Маре, герцогу Бассано, который, расположившись в Вильно, исполнял роль главного администратора тылов Великой армии; Францессон сообщал, что для формирования предписанной численности Национальной гвардии просто нет достаточного количества населения¹. Реальная численность Национальной гвардии в Вильно, по сведениям возвратившихся в конце 1812 г. русских властей, составляла не более 826 человек, которые к тому же, как указывалось в документах, «не все (...) несли службу»². Многие из национальных гвардейцев часто сказывались больными³. Когда в декабре 1812 г. в Вильно возвратились российские власти, они вначале распорядились, чтобы национальные гвардейцы продолжали нести свою службу, и только в марте 1813 г. Национальная гвардия была распущена⁴.

---

¹ Францессон – Бассано. Вильно, август 1812 г. // AN. 1650. F. 151–152.

² Акты... Ч. 2. С. 91. Были примеры того, что Виленский муниципалитет, «в противность воле Наполеона и расположения комиссии [имеется в виду Комиссия ВП ВКЛ. – В. 3.]», принудил православный виленский Свято-Духов монастырь «поставить натурою трех человек в гвардию». Любопытно, что архимандрит этого монастыря Тимофей, прося в конце 1812 г. фельдмаршала М.И. Кутузова отменить это решение, ссылался на «волю Наполеона» (Акты... Ч. 2. С. 86–87).

³ Весьма характерно прошение жителя г. Вильно музыканта Иосифа Децинского на имя фельдмаршала М.И. Кутузова, помеченное декабрем 1812 г. Децинский сообщал, что, «не имея никаких к тому [к воинской службе. – В. 3.] способностей, занимаясь целую жизнь одними фортепьянами», был между тем по вступлении в город французов «вовлечен насильственным образом принцем Бассано национальной гвардии в звании капитана»; однако избегал «исправления должности болезнию» (Акты... Ч. 2. С. 88).

⁴ Акты... Ч. 2. С. 96. Любопытно на этот счет прошение, поданное в марте 1813 г. на имя российского виленского гражданского губернатора «от имени Виленской городской гвардии капитанов купеческой роты Антония Гастля и ремесленной Максима Макса» на предмет того, что в связи со службой в гвардии христианского населения Вильно «все промыслы, рукоделия и коммерции» «в руки еврейские со всеми прибылями перешли и перейдут» (Акты... Ч. 2. С. 93–96).

Итак, насколько успешными были действия по формированию вооруженных сил ВКЛ? В исторической литературе на этот счет нет однозначного ответа. Если в отечественных публикациях вплоть до конца XX в.¹ преобладало мнение чуть ли не о провале попыток Литовского княжества создать свою армию, то в зарубежной литературе (Я. Ивашкевич, М. Кукель, Д. Наврот) господствовало противоположное мнение. Найти золотую середину в этом вопросе попытался в 2002 г. А.И. Попов². По его мнению, сложности состояли не в отсутствии нужного числа добровольцев и рекрутов, а были обусловлены проблемами финансирования и военной подготовки. Наше обращение к документам в основном подтверждает этот тезис.

Действительно, Комиссия ВП ВКЛ уже с первых дней своего существования столкнулась с острой проблемой отсутствия денежных средств. Во-первых, российские власти в целом успешно организовали вывоз денежной наличности из западных губерний. Осталась только медная монета³. Во-вторых, активные, даже несколько суетливые попытки организовать добровольные пожертвования имели весьма ограниченный успех⁴. В-третьих, наладить эффективный «сбор повинностей» на основе прежней, российской, системы также не удалось по причине как отсутствия большей части документации, вывезенной русскими, так и явного нежелания местного населения расставаться со своими средствами в условиях военной неразберихи⁵. В-четвертых, проведение люстрации, то есть фактической кон-

---

¹ Полагаем, что первым, кто в отечественной литературе нарушил эту традицию, был И.Ю. Кудряшов (Кудряшов И.Ю. Вооруженные силы Литовского княжества 1812 г. // Старый барабанщик. № 1. С. 20–27; Он же. Призрак Великой Литвы. Об одной малоизвестной странице войны // Родина. 1992. № 6–7. С. 32–35).

² Попов А.И. Великая армия в России. С. 79–82.

³ В эпоху «наполеоновского присутствия» в Литве ходила самая разнообразная монета. Литовское правительство предприняло усилия с целью хоть как-то упорядочить денежный оборот. Было установлено, к примеру, что русский серебряный рубль равнялся 6 польским злотым и 20 грошам, французский наполеондор в 40 франков равнялся 64 злотым, французский франк – 1 злотому и 18 грошам (См.: Сравнительная таблица денежного курса монет иностранных государств // Акты... Ч. 2. С. 100–101; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. XXXI–XXXII).

⁴ См.: Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. XXVIII–XXIX.

⁵ Тем не менее согласно «Исторической записке...», составленной впоследствии виленским гражданским губернатором Д.Н. Бантыш-Каменским, с частных пожертвований и собранных налогов поступило 2 159 566 злотых и 2 ½ гроша (Акты... Т. 1. С. 396).

фискации имущества, оставленного русскими владельцами¹, также не могло дать серьезных результатов, тем более в виде денежных поступлений в ближайшее время.

Если принять во внимание, что с момента вступления войск Наполеона в Вильно здесь обосновалось множество госпиталей, расположились и беспрестанно проходили воинские команды, широкое распространение в городе и особенно в его окрестностях – так же, как в Виленском уезде в целом – приобрели акты «самозахвата», а то и открытого мародерства и даже разбоя, можно представить, в каком сложном финансовом положении оказались Комитет ВП и муниципалитет города. Даже самые патриотичные порывы части польско-литовской шляхты, выражавшей готовность к пожертвованию своими именьями и доходами с них, наталкивались на невозможность получить свободные деньги, да еще и в короткий срок. Поставщики (главным образом из еврейской среды) не спешили открывать кредит кому бы то ни было.

В этой ситуации и произошло назначение 24 августа Гогендорпа председателем Комиссии ВП ВКЛ. Гогендорп немедленно отправил Наполеону (возможно, через Бассано) запрос на получение крупной суммы для покрытия текущих расходов. Общая сумма, выделенная Наполеоном, равнялась 500 тыс. франков. Эта цифра фигурирует в большинстве исторических сочинений. Указана она и в мемуарах самого Гогендорпа². Однако понятно, что далеко не вся эта сумма предназначалась для формирования армии ВКЛ, а также частей, которые должны были войти в состав французской армии (3-й полк шеволежеров Императорской гвардии и татарский эскадрон). Обращение к фондам Национального архива Франции и Архива исторической службы министерства обороны Франции помогло внести ясность в вопрос об использовании этих 500 тыс. франков.

Во-первых, очевидно, что большую заинтересованность в выделении императором значительной суммы для литовского правительства проявил Бассано. 29 августа он подготовил письмо к генерал-интенданту Великой армии М. Дюма, в котором попытался обосновать необходимость ассигнования 400 тыс. франков, прежде всего – для снаряжения литовских полков³. Во-вторых, необходимые

---

¹ См.: Предписание Комиссии ВП ВКЛ от 25 июля 1812 г. // Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. № 422.

² Hogenдорп. *Op. cit.* P. 318.

³ Бассано – Дюма. Вильна, 29 августа 1812 г. Черновик. // SHD. 2С 121. F. 32–33. К тем же дням – 28 и 29 августа – относятся два письма от Бассано к Гедройцу, в которых шла речь о формировании литовских частей (см.: *Ibid.* F. 31–31v; 34).

для экипировки литовских частей расходы вряд ли могли составить огромную сумму в 500 тыс. франков¹. В-третьих, согласно официальным бумагам, оформившим декрет о выделении кредита в 500 тыс. франков на функционирование «различных служб в Вильно», деньги были отпущены на следующие цели: 29 августа – в распоряжение ординатора для закупки муки – 250 тыс. франков; 3 сентября – в распоряжение того же лица для расходов на литовские полки – 30 тыс. франков; 29 сентября – в распоряжение генерала Ф.А.Л. Бурсье, начальника депо кавалерийского ремонта, для закупки лошадей – 308 тыс. франков; 24 сентября – в распоряжение ординатора для обеспечения мясом – 12 тыс. франков. Итого: 500 тыс. франков². Несмотря на то что декрет был официально оформлен только 18 октября, когда французская армия уже уходила из Москвы, решение Наполеона о выделении 500 тыс. было принято еще в начале сентября, о чем Гогендорпа сразу же уведомили. 10 сентября он сообщил об этом в приказе г-ну Канонну (Canonne), плательщику (payeur) армии в Вильно (в приказе говорилось об общей сумме в 500 тыс. франков, выделенных «с целью выполнения приказов»)³.

Трудно сказать, когда именно в Вильно доставили 100 опломбированных бочонков, в каждом из которых находилось по 5 тыс. франков в пятифранковых монетах⁴. Полагаем, что достаточно быстро. Но сыграли ли эти деньги решающую роль в формировании литовской армии?

Документы Архива исторической службы министерства обороны Франции определенно свидетельствуют, что расходование 500 тыс. франков происходило исключительно по тем позициям и в тех сум-

---

¹ В бумагах Бассано сохранились подсчеты расходов на формирование пяти полков пехоты и четырех полков кавалерии. Сумма составила около 11 тыс. франков (AN. 1650. F. 134).

² Выписка из материалов заседания государственного секретаря. В императорской квартире в Москве, 18 октября 1812 г. // SHD. 2C 121. F. 176–179.

³ Приказ генерала Гогендорпа г-ну Канонну, плательщику в Вильно. Вильна, 10 сентября 1812 г. // SHD. 2C 121. F. 44.

⁴ Письмо виленского помещика Эйсмонта о пребывании Наполеона в Вильне в 1812 г. // Акты... Т. 1. С. 417. Иосифу Эйсмонту, как он сам пишет, было «поручено управление главной казною, состоящею первоначально из пожалованных Наполеоном в пособие на сформирование литовских полков 500 000 франков и впоследствии сбор разного рода податей». Бочонки с 500 тыс. франков Эйсмонт «под предлогом находившихся при бочонках пломб» должен был принять «без счета». По его словам, в дальнейшем оказалась нехватка только «нескольких талеров» (Там же).

мах, которые были определены декретом от 18 октября¹. Генерал Р. Годар, сменивший Жомини на посту военного губернатора, свидетельствовал, что в начале ноября в городе находились четыре «польских пехотных полка», состоявшие из «необмундированных и невооруженных рекрут. Пришлось забрать все, что было возможно в госпиталях и магазинах, и в течение 24 часов все были более или менее одеты и вооружены»².

Полагаем, что расходование суммы в 500 тыс. франков происходило при полном контроле со стороны французской администрации в лице Бассано, Гогендорпа, Биньона, ординатора Бертомёфа (Berthomoeuf) и плательщика Канонна. Литовское правительство в лучшем случае могло рассчитывать на средства, собранные в виде добровольных пожертвований, налогов и различных поборов с населения. Но и в этом случае Гогендорп, как председатель Комиссии, эти расходы контролировал. Вполне естественно, что французы прежде всего были заинтересованы в удовлетворении неотложных нужд своей армии и продолжали уповать на готовность к самопожертвованию со стороны литовцев.

Как бы то ни было кредит, предоставленный Наполеоном, позволил активизировать евреев-поставщиков, имевших склады в Кёнигсберге, Данциге и других местах³. «Наконец, – вспоминал Гогендорп, – все пошло настолько быстро, что я решился уведомить императора, что к началу января 1813 г. армия Литвы будет организована, обмундирована и может приступить к активной службе, как только это позволит время года»⁴. Действительно, имеется немало свидетельств тому, что к концу ноября линейные пехотные и кавалерийские части, жандармерия и даже «лесничие» батальоны литовского войска были в основном укомплектованы и, хотя и плохо, но обмундированы и даже вооружены. Общая численность литовского

---

¹ См.: Бассано (?) – Бертомёфу, ординатору. Вильна, 29 октября 1812 г. Копия // SHD. 2С 121. F. 191 (о закупке муки на 150 тыс. франков); Бассано (?) – Канонну, плательщику армии в Вильно. Копия. Вильна, 29 октября 1812 г. // Ibid. F. 194 (также о закупке муки на 150 тыс. франков); Бассано (?) – Канонну, плательщику армии в Вильно. Копия. Вильна, 9 ноября 1812 г. // Ibid. F. 58 (о расходах на собственно полки 30 тыс. франков).

² Военский К.А. Вильна в 1812 году. С. 34.

³ Hogenдорп. Op. cit. P. 318. Комиссия ВП ВКЛ еще 11 августа приняла решение о реквизиции всего сукна по всем четырем департаментам Литвы для скорейшего обмундирования формируемых частей (Выписка из журнала заседания комиссии. 11 августа 1812 г. // AN 1650. F. 160–161). Однако результативность такого решения, по-видимому, оказалась мала.

⁴ Hogenдорп. Op. cit. P. 318–319.

войска (из расчета 18 батальонов, 15 эскадронов и одной артиллерийской роты) вместе с жандармерией обычно оценивается в 19 тыс. человек¹.

К началу декабря большая часть средств, ассигнованных Наполеоном, была уже израсходована. 5 декабря Канонн представил Бассано доклад, из которого следовало, что в кассе осталось чуть более 3750 франков золотом и около 4800 франков серебром. С учетом 940 франков, предназначенных для обслуживания виленского гарнизона, в наличии было чуть более 9 тыс. 488 франков².

И все же вряд ли можно говорить, что к моменту подхода русской армии к Вильно литовские вооруженные силы были готовы продемонстрировать не то что высокую, но хотя бы какую-то боеспособность. Довольно точно об этих солдатах написала Шуазель-Гуфье: «...все эти приготовления, самое обучение и вооружение происходили весьма медленно; да иначе и быть не могло; не было недостатка в людях, но только прежде чем давать им оружие в руки, следовало их обучить с ним обращаться»³.

Помимо денежных сборов в связи с рекрутским набором, содержанием жандармерии и Национальной гвардии, казна «наполеоновской Литвы» пополнялась также за счет огромного множества иных поступлений. При этом остается не до конца ясным, были ли эти поступления результатом деятельности единой системы по всей Литве, либо нередко являлись следствием инициативы местных властей. В целом представляется, что существовала поголовная подать в 1 р. 42 коп. (около 9 злотых) с души; сбор на военные издержки по 60 коп. с дома; по 15 коп. с дома же на «экстренные внутренние потребности»⁴; сбор на дрова, свечи на лазареты для французских войск по 7 злотых и 16 грошей с дома; значительные суммы на лечение больных и раненых Великой армии⁵; 22 августа вышло постанов-

---

¹ Notice historique... // Акты... Т. 1. С. 424; Там же. С. 408; Кудряшов И.Ю. Вооруженные силы...; Он же. Призрак Великой Литвы... и др.

² Рапорт Канонна. Вильна, 5 декабря 1812 г. // AN. 1649. II. F. 152. Канонн высказал предположение на предмет количества повозок и лошадей, необходимых для транспортировки денег, а также отметил, что 16 ноября из Данцига в Вильно вышел конвой с суммой в 1 тыс. 200 франков, который должен прибыть 7 или 8 декабря.

³ Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 81.

⁴ Акты... Ч. 2. С. 41.

⁵ Точные суммы в этом плане установить вряд ли возможно. Так, по Вильно было решено собрать 600 тыс. злотых для потребностей нового госпиталя на 6 тыс. мест; $\frac{2}{3}$ из этой суммы должен был предоставить Виленский муниципалитет, а $\frac{1}{3}$ – Виленский кагал. Однако, судя по обращению

ление о сборе «личного единовременного пожертвования» на основе разделения жителей Литвы на 11 разрядов (от 15 грошей с человека для 1-го разряда и до 500 злотых с людей, отнесенных к 10-му разряду (владельцев или арендаторов имений свыше 1 тыс. дворов) и до «налога с капиталистов в расчете $\frac{1}{7}$ части доходов» – для 11 разряда¹. Был установлен также единовременный налог с лиц духовного звания в виде а) так называемого гербового сбора с каждого разряда духовенства (вне зависимости от принадлежности к той или иной церкви); б) процентного сбора в 5 % «с четырехлетнего дохода» с занимаемых этими лицами должностей².

Все эти денежные сборы шли тяжело. По свидетельству И. Эйсмонта, с 3 августа по 9 декабря 1812 г. в главное казначейство поступило: российскими ассигнациями – 43 110 р., медной монетой – 161 р. 91 коп. В целом, считая с серебряной и золотой монетой, общий приход составил в пересчете на польские злотые 2 млн 159 тыс. 566 злотых 2 $\frac{1}{2}$ грошей³.

Кроме денежных поборов, на жителей Литвы распространялась, согласно указу Наполеона от 2 октября, обязанность по реквизиции лошадей (на Вильно пришлось по раскладке 76 лошадей); поставке лекарств, доставке корпии (в Вильно с каждого одноэтажного дома – полфунта корпии, с двухэтажного – 1 фунт, с трехэтажного – полтора фунта; помимо этого, согласно вторичному распоряжению, «состоятельные жильцы» должны были доставить еще фунт корпии, а бедные – по полфунта)⁴.

И все же наиболее тяжелой повинностью для жителей Литвы оказалась поставка продовольствия⁵. В первые дни по вступлении Наполеона в Литву его войска занимались открытым грабежом⁶, что было предопределено, в частности, и тем, что армейская служба снабжения оказалась расстроеной еще до перехода армии через

кагала на имя фельдмаршала М.И. Кутузова от 19 декабря 1812 г., евреев заставили внести значительно большую сумму (Акты... Ч. 2. С. 44, 69–70). Согласно тексту этого прошения, распределение расходов было «против христиан и самого магистрата» несправедливым.

¹ Акты... Т. 1. С. 170–177.

² Там же. Ч. 2. С. 42.

³ Письмо Эйсмонта // Акты... Т. 1. С. 419.

⁴ Кудринский Ф.Ф. Указ. соч. С. 74.

⁵ Мы не включили в рассмотрение такие повинности, как дорожная и подводная, а также организацию почты.

⁶ Полностью была уничтожена «дача» Эйсмонта, находившаяся возле Вильно. Солдаты забрали всю провизию, скот, лошадей; кавалеристы скопили весь хлеб на корню для корма лошадей (Акты... Т. 1. С. 416).

р. Неман. «Три дня в армии не было хлеба, – вспоминала С. Шуазель-Гуфье. – Русские повсюду на пути французов сожгли хлебные запасы и мельницы». «В Вильне солдатам выдавался хлеб из столь дурной муки и так дурно испеченный, вроде лепешек, что если бросить в стену, то он прилеплялся к ней»¹. «В кавалерии не было фуража, – продолжает Шуазель-Гуфье, – и для прокормления лошадей в конце июня снимали с полей хлеб. Несчастные животные мерли как мухи, и их трупы бросали в реку»².

В этой ситуации французское командование, с одной стороны, попыталось ускорить доставку продовольствия из Ковно, куда начали по Неману прибывать барки с хлебом, установило более жесткий контроль над распределением продовольствия, стремясь, с одной стороны, обеспечить в первую очередь Императорскую гвардию³, а с другой – возложить главные тяготы в решении этого вопроса на только что сформированную Комиссию ВП ВКЛ. По первоначальному предположению, Вильно должен был поставить (с уезда) 100 тыс. центнеров ржи, 500 тыс. центнеров овса, 4500 центнеров сена и 4500 центнеров соломы, а всего с Виленского департамента – 200 тыс. центнеров ржи, 2 000 000 центнеров овса, 18 тыс. центнеров соломы⁴. Предполагались и значительные поставки крупного рогатого скота. Так, Виленский департамент должен был поставить для нужд армии не менее 500 быков⁵. Есть сведения, что только Виленский еврейский кагал обязан был поставить 300 волов⁶.

Обеспечение поставок продовольствия и фуража должно было происходить по «официальным» каналам двумя способами. Во-первых, путем реквизиций (при этом бывшим владельцам реквизируемой собственности выдавались боны (квитанции) с обязательством дальнейшей денежной компенсации по твердо установленным расценкам). По части этих бонов выплаты были произведены, но

---

¹ Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 49. О проблемах с обеспечением частей Великой армии хлебом уже в день вступления в Вильно говорят и документы, опубликованные Г. Фабри (Fabry G. Campagne de Russie 1812. P., 1900. Т. 1. P. 46).

² Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 49.

³ См.: Дюма – Наполеону. Вильно, 5 июля 1812 г. // AN IV. 1646. III. F. 126–127.

⁴ Акты... Т. 1. С. 201.

⁵ Выписка из журнала заседаний комиссии. 30 июля и 1 августа 1812 г. // AN 1650. F. 113, 117.

⁶ Акты... Т. 1. С. 236. К 24 июля эти поставки все еще не были осуществлены.

значительное их количество превратилось в пустые бумажки. О ходе реквизиций дает представление письмо от 6 августа, адресованное Бассано неким французским военным чиновником, отправленным в Самогитию с целью поставки 2 тыс. лошадей, зерна и овощей. Отмечая большие трудности в выполнении задачи, он прежде всего констатировал, что край был разорен вначале русскими, а затем прусской армией. С трех дискриктов ему удалось собрать разного зерна 74 тыс. 144 квинтала¹. Помимо реквизиций, чиновники обратились к системе подрядов, которые брали преимущественно богатые евреи². Но и в этом случае не все шло гладко. Еврей-поставщики использовали всяческие уловки, чтобы оттянуть сроки доставки продовольствия или фуража, из-за чего между литовским правительством и администрацией Виленского департамента возникали трения³.

Вскоре Комиссия ВП ВКЛ решила прибегнуть к еще одному средству обеспечения провиантом и фуражом: призвала сделать «добровольные» пожертвования, которые, судя по тексту документов, в реальности были обязательными. Первое распоряжение Комиссии подобного рода вышло 8 августа. В нем указывалось: 1. Устроить в четырех главных городах департаментов значительные, а в уездных – «поменьше, запасные магазины, а также провиантские этапы в Мерече и Олите. 2. Назначить администрацию магазинов. 3. Все землевладельцы должны были пожертвовать: с каждой недвижимости – 2 осьмины ржи, 2 осьмины овса, 2 гарнца крупы ячменной или гречневой, 2 гарнца гороха, 80 фунтов сена и 80 фунтов соломы. Срок был означен до 1 октября»⁴.

При этом ситуация с продовольствием в самом Вильно была не блестящей. 15 августа военный комиссар докладывал Бассано о запасах, имевшихся в магазинах Вильно. К утру 14 августа в наличии было 65 быков и коров, 2 тыс. 99 квинталов ржаного зерна и 1 тыс. 273 квинтала ржаной муки. При этом военный комиссар был озабочен главным образом тем, чтобы обеспечить продовольствием виленские госпитали⁵.

---

¹ Жозеф (?) – Бассано. Вильно, 6 августа 1812 г. // AN. 1649. I. F. 132–133.

² См., например: ? – Бергомёфу, главному ординатору Литвы. Вильно, 25 августа 1812 г. // SHD. 2С 121. F. 26. Согласно этому документу, поставщиками были Симон Морнус (?), Абрам Симфор (?), Соломон Хейман и Давид из Лиды.

³ Акты... Ч. 2. С. 38.

⁴ Акты... Т. 1. С. 166–168; Акты... Ч. 2. С. 39.

⁵ Военный комиссар ? – Бассано. Вильно, 15 августа 1812 г. // AN. 1649. Pl. 4. F. 427–432. Напомним, что 1 парижский квинтал равнялся 48,95 кг.

Городским обывателям Вильно в этот период приходилось не менее тяжело. «Голод в Вильно постоянно давал себя чувствовать», – вспоминала С. Шуазель-Гуфье¹. По ее же свидетельству, всех городских булочников обязали поставлять хлеб в войска, и даже семейство Тизенгаузен, к которому принадлежала мемуаристка (напомним, что глава семейства граф Игнатий Тизенгаузен входил в Административную комиссию Виленского департамента), питалось очень плохо и недоедало. В конце августа голодающие разбили и разграбили две еврейские хлебопекарни². Мало того, что львиная доля продовольствия шла на нужды французской армии, караулы, стоявшие у городских ворот, вымогали взятки за провоз продуктов в город³.

К концу августа – началу сентября Гогендорп начал предпринимать решительные меры как для обеспечения французской армии продовольствием, так и с целью создания значительных его запасов. Ключевую роль в этих усилиях сыграл главный ординатор Литвы Бертомёф. 2 октября он докладывал Дюма, что все предшествующие усилия в плане организации реквизиций дали ничтожный результат. К 12 сентября в магазинах Вильно оказалось от 1500 до 1600 квинталов ржи и плохой муки. Бертомёф отметил также, что в ходе реквизиций у французских властей возникают конфликты с Литовским правительством. Общую ситуацию с продовольствием главный ординатор расценивал как критическую, о чем он сообщал и Гогендорпу⁴. Очевидно, что вплоть до конца сентября литовские власти не проявляли какой-либо чрезвычайной активности с целью сбора продовольственных ресурсов⁵. Да и могло ли быть иначе? В течение нескольких месяцев край систематически подвергался разорению. Реквизиции волов, быков и лошадей вначале русскими, затем

---

¹ Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 58.

² Кудринский Ф.А. Указ. соч. С. 88. Вместе с тем в записке А. Хрептовича, члена администрации Виленского департамента, составленной в 1839 г., говорилось, что «несмотря на все притеснения жители не испытывали голода» в связи с небывалым урожаем в 1812 г. (Акты... Т. 1. С. 409).

³ Постановление административной комиссии Виленского муниципалитета. 6 сентября 1812 г. // Акты... Т. 1. С. 239.

⁴ Бертомёф – Дюма. Вильно, 2 октября 1812 г. // AN 1649. I. F. 138–141.

⁵ Характерен ответ Ф. Рейзера, советника виленского муниципалитета, на запрос кн. Пузына, директора продовольственных магазинов, по поводу непоставки 125 волов виленским кагалом. Из документа следует, что кагал просто игнорировал все предписания муниципалитета, и поэтому советник Рейзер не нашел ничего лучшего, как предложить кн. Пузыну самому обратиться к кагалным старостам (Рейзер – кн. Пузыну. Вильно, 5 сентября 1812 г. // Акты... Т. 1. С. 238–239).

наполеоновскими войсками, обрекли многих поселян на голодную смерть¹. Военный чиновник Раймон (Raymond?) докладывал Бассано, что по пути следования наших конвоев крестьяне «покинули места своего проживания и угнали свой скот в леса, гражданская администрация бессильна провести “реквизиции, так как многочисленные банды, созданные местными помещиками (par les Barons), евреями и прочими”, останавливают отдельных проезжающих французов, грабят, отбирают лошадей и повозки, бьют, и были случаи, что до смерти»².

Только под давлением французов, в особенности Гогендорпа (Бассано, по-видимому, пытался сохранять доверительные – до известной степени – отношения с литовской администрацией), литовское правительство было вынуждено перейти к более решительным действиям. 18 сентября Комиссия ВП ВКЛ обязала своих чиновников «путем реквизиции или при помощи контрактов» обеспечить поставку провианта и фуража «без малейшего замедления»³.

К концу октября, когда Великая армия уже покинула Москву и начала отступление, деятельность по наполнению «запасных магазинов» в Литве еще более ускорилась. 29 октября Комиссия ВП ВКЛ распорядилась в целях быстрее создания «запасного магазина» Виленского департамента разослать отряды солдат и жандармов, сопровождаемые облеченными доверием местными властями литовскими дворянами. Причем в распоряжении для Комиссии по этому поводу сообщалось, что французские власти потребовали, дабы наряду с литовскими смотрителями в «запасных магазинах» присутствовали и смотрители из числа французов⁴.

Гораздо сложнее, чем обеспечение отступающей армии хлебом и фуражом, оказалось решить проблему мясных рационов. Еще 1 сентября французское командование распорядилось начать на территории Литвы поставку волов, которые выполняли не только роль тягловой силы, но и «живого» запаса свежего мяса. Виленский департамент обязали поставить 10 тыс. волов, причем вес каждого должен был быть не менее 4 центнеров⁵.

Судя по французским документам, огромные гурты быков в 10 тыс. голов действительно удалось собрать и сконцентрировать их в районе Меречи, а восемь рот 21-го и 23-го батальонов обоза долж-

---

¹ Nawrot D. Op. cit. P. 352–354.

² Раймон (Raymond)? – Бассано. Глубокое, 21 октября 1812 г. // AN 1650. F. 39–41.

³ Акты... Т. 1. С. 193.

⁴ Там же. С. 199–201.

⁵ Там же. С. 202; ? – Биньону. Б. м., б. д. // AN 1649. I. F. 156–157.

ны были перегнать их к Вильно. Однако тяжелые условия перехода и начавшиеся холода привели к тому, что многие быки пали, не добравшись до места назначения. В Вильно уцелевших быков разделили на две категории: одну часть решили использовать в госпиталях как тяговую силу для перевозки больных, а другую уже к середине ноября забили на мясо¹.

Несмотря на все сложности, французская и литовская администрации смогли к началу декабря создать в Вильно огромные запасы продовольствия. 4 декабря Бергомёф докладывал Бассано, что только здесь отступающая армия может располагать 3 350 000 рационами².

Эта цифра серьезно отличается от данных, содержащихся в докладе Биньону мэра (президента) Вильно Яна Непомука Хорайна. По словам последнего, на 5 декабря в магазинах Вильно имелось 100 тыс. рационов водки, 260 тыс. рационов зерном, 320 тыс. рационов мукой и 300 тыс. рационов солью. Хорайн писал, что ожидаются новые поставки за счет реквизиции, и что завтра он будет иметь честь об этом доложить³. Гогендорп, в свою очередь, доложил Наполеону (по-видимому, также 5 декабря), что в Вильно есть запасы на три месяца на 100 тыс. человек. Р. Годар писал о запасах продовольствия на 36 дней на 12 тыс. человек⁴. В любом случае, очевидно, что запасы

---

¹ В бумагах Бассано сохранилась переписка, относящаяся к этой истории с быками: Инспектор обозных экипажей командир батальона Латье (?) – Бергомёфу. Вильно, 14 ноября 1812 г. // SHD. 2C 121. F. 69–70; Директор службы по обеспечению мясом Шабрю (?) – Бергомёфу. Вильно, 15 ноября 1812 г. // Ibid. F. 71–71v; Бергомёф – Бассано. Вильно, 16 ноября 1812 г. // Ibid. F. 72–73v.

² Бергомёф – Бассано. Б. м., 4 декабря 1812 г. // AN 1649. I. F. 146–148. Напомним, что дневной рацион французского солдата должен был состоять из: хлеба – $1\frac{1}{2}$ фунта, мяса – $\frac{1}{2}$ фунта, круп – $\frac{1}{8}$ фунта, соли – $\frac{1}{30}$ фунта, водки – $\frac{1}{2}$ «кватерки» (кварты); на лошадь – $2\frac{3}{4}$ гарнца овса, сена и соломы – по 10 фунтов (Акты, издаваемые Виленской комиссией. С. XXII).

³ Хорайн – Биньону. Вильно, 5 декабря 1812 г. // AN. 1649. Pl. 1. F. 154.

⁴ Военский К.А. Вильна в 1812 году. С. 24, 35. По мнению К.Б. Жучкова, который попытался подсчитать общее количество рационов, сосредоточенных или могущих быть сосредоточенными к началу – середине декабря в Вильно, на складах города было «17.482.743 рациона свежего хлеба (при подсчете муки и зерна на печеный хлеб при том, что местные мощности помола позволяли производить 88 тыс. рационов в день, а Г. Маре рассчитывал довести ее до 100 тыс.), 298.485 рационов овса и 102.026 рационов сена и соломы». К этим цифрам Жучков прибавляет 2.863.023 рационов крупы, 673.267 рационов гороха, 974.474 рациона пшена, 307.064 рациона ячменя, 46.299 рационов мяса, 36.400 бутылок вина и других алкогольных напитков,

продовольствия в Вильно были значительными, и созданы были как за счет безжалостного ограбления «союзной» Наполеону территории, так и благодаря патриотически настроенной части польско-литовского населения. Гипотетически это позволяло армии Наполеона не только закрепиться в Литве на краткий срок для перегруппировки, но и остаться на зимовку.

Тяжелым бременем легло на жителей Литвы и Вильно в частности содержание госпиталей. Ко времени вступления войск Наполеона в Вильно в городе имелось, по разным данным, от шести до девяти «воинских лазаретов»¹. Однако такого количества госпиталей для размещения больных и раненых Великой армии было явно недостаточно. Французское военное командование сразу приняло меры к увеличению их числа. Возле зданий, которые могли стать пристанищем для больных и раненых, выставили охрану, а главный хирург Великой армии А.Ю. Иван вместе с медиками виленского университета осмотрел городские монастыри. Помимо этого, инспектор санитарной службы Великой армии Р.Н.Д. Деженет рекомендовал с той же целью осмотреть церкви и воинские казармы. Было высказано предложение и о размещении госпиталей в окрестностях города. Наконец, стал обсуждаться вариант использования под госпитали университетских зданий (университетский колледж Св. Иоанна, библиотеку, астрономическую обсерваторию, физический, математический, минералогический, художественный и гравировальный кабинеты, архив, типографию, аптеку), где можно было бы, по предварительным прикидкам, разместить до 1500 больных. Это позволило бы, как полагала администрация французской армии, избавить ряд монастырей от печальной участи превращения их в лазареты, а тем самым удовлетворить многочисленные жалобы, посту-

---

45.497 порций соли, 7.831.148 рационов сухарей. Всего наличного хлеба, по его мнению, имелось 25.313.891 рацион, то есть хлеба хватало для питания 100 тыс. человек на 252 дня. Объединив все крупы (в том числе гороха, пшеница и ячменя), получалось в наличии на складах 4.790.829 порций, достаточных для питания 100 тыс. человек в течение 47 дней. Что касается фуража, то в различном виде его было на 10 тыс. лошадей на 39,8 дня (на 29,8 дня овса и на 10 дней соломы и сена) (Жучков К.Б. Взятие русскими войсками Вильно в 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Сб. материалов. XIII. М., 2015. С. 125).

В отношении «живого мяса» материал для подсчета более фрагментарный и не дает возможности строить какие-либо предположения.

¹ В рапорте виленской городской думы от 31 мая 1812 г. названы девять лазаретов, в то время как Ф.А. Кудринский, ссылаясь на тот же документ, пишет о шести.

павшие от монастырских общин. Ординатор Буало (Voilleau) вместе с отрядом солдат уже было приступил к захвату университетских зданий, но осуществить это намерение (по крайней мере в том виде, как он планировал) ему не удалось. Ректор университета Я. Снядецкий преградил Буало и его солдатам дорогу, не впустил их в здания университета, а 7 августа он представил Бассано обширную записку с описанием сложившейся ситуации. По словам ректора, идея с размещением в зданиях университета госпиталей не поддерживается литовским правительством, и в Вильно вполне достаточно зданий, помимо университетских, для содержания больных и раненых солдат. К началу августа уже до 4 тыс. больных было размещено в местных церквях, в гимназии, в клинике, в доме Лабовского (Labowski?), в базилианском монастыре, в «русском госпитале», «дворце Сапеги», во францисканском монастыре¹. Несмотря на усилия Снядецкого, в ряде университетских зданий в конечном итоге все-таки разместили больных и раненых солдат².

Общее количество госпиталей быстро увеличилось до 16³. Множество раненых было размещено где попало по домам обывателей⁴.

---

¹ Ян Снядецкий – Бассано (?). Вильно, 7 августа 1812 г. // AN 1650. F. 143–146. Одним из примеров того, во что превращались прекрасные строения Вильно при размещении в них госпиталя, является поместье Закрет. Об этом написала С. Шуазель-Гуфье: «Померанцевые деревья были опрокинуты и поломаны; здания, меблированные самым изысканным образом, были окончательно опустошены; превосходные оранжереи, наполненные экзотическими растениями, разрушены и расхищены. <...> Одним словом, Закрет был осужден превратиться в военный госпиталь» (Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 73–74). О разгромленном Закрете см. также: [Brandt H.] Op. cit. P. 238.

² Из документов видно, что два университетских здания – «клинический» и «гимназический» – были заняты под госпитали еще русскими властями до начала военных действия (Акты... Ч. 2. С. 69).

³ Военный К.А. Вильна в 1812 году. С. 33.

⁴ Военный чиновник Ж. Банговски прибыл в Вильно в ноябре месяце. Улицы Вильно «были полны ранеными, мертвыми и умирающими», всюду лежали конские трупы. Банговски смог разместиться только в подвале у одного еврея, где уже жило четыре офицера, больных и с ампутированными конечностями, пытающихся хоть как-то укрыться от холода (Bangofsky G. Op. cit. P. 297). Конечно, те раненые, которые были в больших чинах, устроились неплохо. Маршал Н. Удино, например, который прибыл в Вильно для лечения 26 августа, был размещен во дворце епископа; его навещали Бассано, Гогендорп и даже приехала жена (Pils F. Op. cit. P. 127–129).

Трудно сказать определенно, на какое количество мест в целом оказались в конечном итоге рассчитаны виленские госпитали. В документах чаще всего фигурирует цифра в 6 тыс.¹ Помимо собственно помещения для госпиталя, каждого больного нужно было обеспечить матрасом, набитым сеном («сенником»), подушкой из перьев с наволочкой, двумя полотняными простынями и суконным одеялом, подшитым простыней. Наконец, требовалось оборудовать каждый лазарет необходимой мебелью и иными предметами на сумму не менее чем на 60 тыс. польских злотых². Несмотря на то что в дальнейшем, согласно декрету Наполеона от 18 октября, на госпитали в Вильно было выделено 30 тыс. франков³, основные тяготы по их материальному обеспечению легли на виленский муниципалитет и Комиссию ВП ВКЛ. Когда в сентябре аптекари Вильно отказались отпускать лекарства в долг, Комиссии ВП ВКЛ пришлось обязать их это делать на условиях, согласованных с главным ординатором Литвы Бертомёфом. Более того, Комиссия взяла на себя гарантирование уплаты за поставляемые лекарства⁴.

Не меньше проблем возникало в связи с необходимостью обеспечить госпитали медицинским персоналом⁵, продовольствием и корпией⁶.

Но даже не огромные материальные расходы по содержанию госпиталей, а тем более не заготовка корпии так удручали виленских жителей. Скопление огромного количества больных и раненых в Вильно способствовало распространению в городе тяжелейших болезней. Уже в первые недели пребывания наполеоновских войск в Вильно многие горожане стали страдать «кровавыми поносами», что,

---

¹ Записка А. Хрептовича // Акты... Т. 1. С. 406; Записка К. Даниловича о действиях Наполеона в Вильне // Там же. С. 412; Акты... Ч. 2. С. 69–70.

² Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. XXXII.

³ Бассано – Бертомёфу. Вильна, 3 ноября 1812 г. // SHD. 2C 121. f. 197–198; Бассано – Канонну, плательщику армии в Вильно. Вильно, 3 ноября 1812 г. // Ibid. F. 199.

⁴ Акты... Т. 1. С. 193.

⁵ См., например: [Военский К.Б.] [Предисловие]. С. 241.

⁶ ВП ВКЛ дважды обращалось с воззванием в отношении поставок корпии. С. Шуазель-Гуфье вспоминала, как вечера она обыкновенно проводила за щипанием корпии. Причем нередко участие в этих занятиях принимал и герцог Бассано (Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 86). По ее словам, госпитали находились в тяжелейшем положении «вследствие алчности и небрежности французских распорядителей. Всю присылавшуюся из Франции корпию они продавали на бумажные фабрики, и раненых перевязывали сеном и шерстью» (см.: Там же. С. 87).

по всей видимости, было связано с заболеванием дизентерией. В особенности много случаев подобного заболевания, нередко со смертельным исходом, было отмечено среди еврейского населения. Вслед за дизентерией началась эпидемия сыпного тифа («гнилая горячка», «госпитальная горячка»). Распространению эпидемии способствовали солдаты и еврейские перекупщики, которые продавали одежду, оставшуюся от умерших от тифа. Я. Снядецкий, искавший способы борьбы с сыпным тифом, объяснял его плохими санитарными условиями, дурным питанием, нравственными тяготами, а также сосредоточением в одном месте людей, «принадлежащих к разным народностям»¹.

В ноябре эпидемиологическая ситуация в Вильно еще более ухудшилась. Из Москвы и из других городов, находившихся на главной коммуникационной линии Великой армии, стали прибывать новые партии больных и раненых. Трупы умерших людей и животных уже не только не хоронили, но даже не выносили из зданий².

10 декабря 1812 г. в Вильно вошли части русской армии. Генерал И.Е. Чаплиц, командовавший авангардом, «был встречен от дворянства от магистрата кагалу и мещанства с восклицаниями “Да здравствует Император Александр и войско его и да будем щастливы с ними”»³. 12 декабря в Вильно прибыл М.И. Кутузов. В полусгоревшем городе, заваленном трупами и умирающими, «благородные жители» теперь водрузили на театральной сцене транспарант с изображением Кутузова и надписью «Спасителю Отечества». Еще более торжественно Вильно отметил прибытие русского императора – парадом, балом, иллюминацией и новым транспарантом, теперь уже прославлявшим не Наполеона и польско-литовскую свободу, но российского монарха и возвращение под его скипетр.

1.2. Вильно в 1812 году: жизнь при Наполеоне

В 1812 г. Наполеон вел против Российской империи исключительно «политическую войну», которая не должна была, по его мнению, серьезно затрагивать социальные устои российского общества. Однако на практике, стремясь использовать Литву исключительно как источник ресурсов и тыловое прикрытие, французский импера-

---

¹ Кудринский Ф.А. Указ. соч. С. 70–71.

² См., например, страшное своей реалистичностью описание госпиталя в базилианском монастыре в Вильно (Загорский В.Б. Императорское виленское медицинское общество. 1805–1895. Вильно, 1896. С. 42–43).

³ Цит. по: Жучков К.Б. Указ. соч. С. 150.

тор не мог не привести в движение не только социальные, но также культурные, этно-конфессиональные и прочие пласты жизни этого края, состояние и взаимодействие между которыми характеризовались исключительной сложностью и неустойчивостью¹. Очевидно, что главным вопросом в этом конгломерате проблем был вопрос о положении крестьянства, которое, несмотря на свою невежественность и информационную изолированность, активно питалось слухами о крестьянской вольности в Великом герцогстве Варшавском и надеждами на свое освобождение с приходом Наполеона². Но очевидно и другое: Наполеон и его польские информаторы видели всю опасность и несвоевременность обсуждения этого вопроса³ и не торопились привлекать к нему внимание. Поэтому в условиях начавшейся войны поведение литовского крестьянства оказалось вполне предсказуемым. Все происходящее (реквизиции, мародерство и прочие тяготы войны) крестьянство довольно быстро стало воспринимать не иначе как трагедию. Крестьяне, в особенности по сторонам дорог, по которым двигались войска, стали угонять скот в леса и уходить сами⁴.

6 июля Комиссия ВП ВКЛ обратилась с воззванием, которое должно было «быть оглашено с амвона, прочитано на сельских сходах, а в уездных городах прибито на дверях Ратуши»: «1. Все крестьяне, жители местечек и деревень, оставившие при проходе войск свои дома, обязаны вернуться в оные и приступить к исполнению своих земледельческих работ и повинностей. 2. До объявления во всеобщее сведение других распоряжений все крестьяне, и вообще сельские жители, обязаны повиноваться помещикам, владельцам и арендаторам имений или лицам, их заступающим; обязаны не нарушать собственности, исполнять все предписанные им работы и повинности, исполнявшиеся ими до сего времени. 3. Не исполнившие этого или исполняющие свои обязанности дурно, по докладу сельских властей подлежат увещеванию, наказанию и принуждению к

---

¹ Полагаем, что наиболее адекватное представление о социальной структуре населения Литвы того времени можно получить на основе текста постановления Комиссии ВП ВКЛ о сборе «без различия состояния и религии» «личного единовременного пожертвования» (Акты... Т. 1. С. 170–177).

² См.: Лукашевич А.М. Политическая ситуация. С. 56.

³ См., к примеру, знаменитую «Записку» М. Сокольникового (AMAE. Sér. Mémoires et documents. Sous-Sér. Pologne. Vol. 18. F. 198). См. также: Ададуров В.В. Между шляхтой и крестьянством. С. 122.

⁴ См., например: Раймон (Raymond) (?) – Бассано. Глубокое, 21 октября 1812 г. // AN 1650. F. 39–41; Nawrot D. Op. cit. S. 353–354, 372, 722–723; etc.

выполнению этих обязанностей при посредстве уездных властей и даже воинской силы, если того потребуют обстоятельства»¹.

Трудно сказать, насколько серьезно повлияло это обращение на крестьян Литвы, но очевидно, что, несмотря на явное нежелание новых властей затрагивать вопрос о крепостном праве, а также на глубокие различия в социальном, культурном, конфессиональном (если польская шляхта принадлежала к католической вере, то простые литовцы в большинстве своем были униатами) и даже языковом отношении между крестьянством и верхушкой общества, открытых антипомещичьих выступлений в Литве в «эпоху Наполеона» отмечено не было.

Насколько сильным оказался «патриотический порыв» польско-литовской шляхты, на который рассчитывал Наполеон? Прежде всего, следует отметить, что немало представителей польско-литовской элиты, подобно русским помещикам² и чиновникам, покинули родной край после перехода Наполеона через Неман. Большая же часть польско-литовской шляхты, в особенности из числа тех состоятельных землевладельцев, которые подверглись гонениям в период российского господства, встретила приход Наполеона с горячим энтузиазмом. Что касается беспоместной шляхты, которая ранее, при российском правительстве, находила для себя различного рода чиновничьи должности, то она была менее восторженна. К июлю 1812 г. настроения среди всего польско-литовского дворянства стали заметно меняться. Многочисленные реквизиции, «единовременные» поборы, мародерство, возобновление практики рекрутской повинности и прочие тяготы войны существенно ослабили патриотический порыв. В этой связи 7 июля (то есть на следующий день после обнародования воззвания к крестьянам) Комиссия ВП ВКЛ обратилась с призывом «к помещикам и землевладельцам», в котором, в частности, говорилось: «Не смущайтесь отдельными случаями злоупотреблений... Спокойно оставайте в домах ваших, собирайте разбежавшихся жителей и старайтесь внушать им, сколь необходимо заниматься земледелием и отправлять предписанные договорами повинности...»³

Не могла не повлиять на политически активную часть польско-литовской шляхты и уклончивость речи Наполеона, которую он произнес 11 июля в ответ на призыв сенатора Выбицкого по поводу

---

¹ Воззвание к городским, уездным и сельским властям. 6 июля 1812 г. // Акты... Т. 1. С. 150–151; Kurjer Litewski. 1812. № 52.

² Комиссия ВП ВКЛ распорядилась назначить в покинутые русскими помещиками имения особых администраторов.

³ Акты... Т. 1. С. 152.

провозглашения Речи Посполитой. Патриотический энтузиазм постепенно уступал место рассудку. «Какая выгода представлялась подставлять себя смерти, разорению, служа Наполеону? Сомнение охлаждало рвение», – так передавала настроения польского дворянства тех дней С. Шуазель-Гуфье¹.

Но было и еще одно немаловажное обстоятельство, серьезно умерившее пыл литовской знати: несмотря на молчание Наполеона на предмет ослабления или даже ликвидации крепостной зависимости и введения гражданских свобод, дворянство Литвы не исключало, что вопросы подобного рода все же будут поставлены в ближайшем будущем. Довольно прямолинейно, но в целом точно выразился по этому поводу знаменитый М. Марбо, прошедший в 1812 г. с 23-м конно-егерским полком литовскими дорогами: «Основной причиной апатии литовских поляков была традиционная привязанность знати к русскому правительству, обеспечивающему власть помещиков-рабовладельцев над крестьянами, освобождения которых французами польская знать боялась. Ведь все эти польские дворяне, непрерывно твердившие о свободе, держали крестьян в самом жестоком рабстве!»² «Здесь поляки не походят на варшавских», – заявил Наполеон уже в первый день своего появления в Вильно. А Коленкур, передавший эти слова императора, заметил, что «здешние поляки, которые были довольны русским правительством, были мало расположены к перемене»³.

В том, что предвоенная политика Александра I в отношении Литвы оказалась достаточно эффективной, Наполеон убедился на встрече с представителями Виленского университета. Ректор Я. Снядецкий в речи перед французским императором весьма смело начал превозносить Александра I, отметив, что именно «этот просвещенный государь учинил для распространения образования в своем государстве», и что «Виленский университет обязан цветущим своим состоянием и всем, что только находится в нем лучшего, милостям сего императора». Выслушав подобные тирады, Наполеон ответил: «Да, это превосходный государь, он философ на троне»⁴. Ян Снядецкий возглавил комитет народного просвещения и религии Комиссии ВП ВКЛ. Этот пост он использовал главным образом в целях сохранения университета и его имущества. Кроме того,

---

¹ Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 54.

² Марбо М. Указ. соч. С. 54.

³ Коленкур А. Указ. соч. С. 88.

⁴ Бантыш-Каменский Д.Н. Историческая записка о состоянии Виленской губернии в 1812 году // Акты... Т. 1. С. 393; Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 64.

Снядецкий неустанно составлял обширные записки для Бассано, в которых подробнейшим образом описывал историю, структуру, принципы деятельности и значимость университета для Литвы¹. Наконец, он не боялся и открыто выступить против французской администрации, пытавшейся использовать университетские здания под госпитали².

Важную роль, как полагала наполеоновская администрация, в сохранении благоприятной для французов ситуации в Литве должно было сыграть духовенство: «...со всех сторон польский народ поднимается на восстание, повсюду реет герб белого орла; священники, знать, крестьяне, женщины – все требуют предоставления независимости их нации», – говорилось в 6-м бюллетене Великой армии³. Еще в первый день появления в Вильно, усевшись на скамейку на берегу р. Вилии и наблюдая за наведением французскими саперами мостов через реку, Наполеон долго разговаривал со священником ордена пиаров Глаголевским, расспрашивая его в том числе о появлении католической веры в Литве⁴. Многократно беседовал Наполеон с виленскими священнослужителями и в последующие дни пребывания в столице Литвы. Примечательно, что и в домовый походной церкви Наполеона, разместившейся в верхнем этаже дворца виленского епископа, теперь служило только местное духовенство: епископ Адам Коссаковский вместе с двумя членами кафедрального капитула и светским клиром⁵. Французский император следовал всем тонкостям ритуала. Столь же демонстративно-религиозным он являл себя во время службы в кафедральном соборе Вильно. Примеру императора следовало его окружение и даже солдаты императорской гвардии.

Тем не менее напряженность между французским командованием и католическим клиром Вильно уже изначально была не только предопределена фактом пленения папы римского Пия VII, но и теми воспоминаниями и представлениями о религиозных гонениях времен революции во Франции, которые были еще очень живы в умах католического населения Литвы. Было очевидно, что французское

---

¹ См.: AN. 1650. I. F. 219.

² AN. 1650. F. 143–146; Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. С. 393.

³ 6-й бюллетень Великой армии Вильно, 11 июля 1812 г. // *Pieces officiels...* P. 84.

⁴ Записка Виленского прелата Цывинского о пребывании Наполеона в Вильно в 1812 г. // *Акты...* Т. 1. С. 415.

⁵ Хорошо известно, в какие именно дни в домовый церкви была служба. См.: Записка виленского прелата Цывинского... С. 414.

командование показным проявлением своей религиозности решало главным образом практические задачи.

7 июля Комиссия ВП ВКЛ предписала «духовенству приносить вместе с народом моления Всевышнему, благодаря за прибытие Избавителя всей Польши и молясь о дальнейших успехах его армии, а также убеждать народ терпеливо переносить случайные невзгоды, которые в свое время будут вознаграждены; ободрять его своим примером и уговаривать продолжать земледельческие занятия и возвратиться в свои дома... Необходимо также, – говорилось в предписании, – немедленно возобновить постоянное отправление обыкновенных дворовых повинностей (барщины)...»¹. 17 сентября решением Комиссии ВП ВКЛ был установлен (согласно тексту документа – восстановлен на основе польской конституции 1789 года) «единовременный» налог с лиц духовного звания (вне зависимости от католического, униатского или православного вероисповедания) в виде т. н. «гербового сбора», размер которого определялся классом духовенства, и «процентного сбора», а именно 5 % с четырехлетнего дохода с занимаемых должностей². Если вспомнить, что подобного сбора не существовало при русском правительстве, то можно представить, с каким облегчением – тайным или явным – духовенство края восприняло возвращение русской администрации³.

Но главным обстоятельством, наиболее серьезно повлиявшим на степень горячности «патриотического порыва» духовенства, конечно же, были неизбежные последствия войны, а также отношение рядового и офицерского состава Великой армии к церковному имуществу и религии в целом. «Однажды поутру, – вспоминала Шуазель-Гуфье, – я пошла к моей двоюродной бабке, бывшей игуменьей в прекрасном Бенедиктинском монастыре (...); французы заняли этот монастырь под госпиталь, а бедных святых овечек всех перегнали в другой женский монастырь, бернардинский. На все мольбы не тревожить почтенную игуменью (...) французы только хохотали, приговаривая, что от соединения двух общин монахиням же будет веселее (...)»⁴. В дальнейшем, при приближении отступающей армии из Москвы Гогендорп выселил всех виленских монахов из монастырей, собрав их в один, чтобы приготовить помещения для размещения отступающих войск.

---

¹ Акты... Т. 1. С. 153.

² Там же. С. 187–192; Акты... Ч. 2. С. 42; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. XXXI.

³ Так как срок этого единовременного налога с духовенства был установлен в шесть месяцев, деньги так и не были собраны.

⁴ Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 82.

Важно отметить, что французские командование и администрация в своей политике в Литве последовательно исходили из принципа равенства всех религиозных конфессий. Этой линии поведения французское командование придерживалось неукоснительно, несмотря на проекты, предлагавшиеся «варшавскими поляками»¹, исходившими из подходов иного рода. Однако на практике ситуация могла быть и иной. Так, из всех виленских монастырей особенно пострадал единственный в городе православный Свято-Духов монастырь. Более того, несмотря на то что все духовенство было освобождено от «дачи натурою» людей в Национальную гвардию, муниципалитет потребовал от этого монастыря «поставить натурою трех человек в гвардию», что и пришлось сделать².

Военные события пагубно сказались и на положении виленского купечества. 23 июля (4 августа) 1813 г. от имени купцов г. Вильно городской голова Фома Рейзер составил прошение на имя министра финансов с приложением ведомости «о причиненных обидах виленским купцам». Среди потерпевших убытки (а всего было убытков исчислено на сумму в 4 млн 403 тыс. 529 рублей серебром!) купцов фигурировали польские, русские и еврейские имена и фамилии³. В прошении утверждалось, что «виленское купечество дошло до самого неприятного положения несостоятельности ограблением неприятельским войском из разных товаров, забранием под видом заимообразно наличных денег и разными раскладками...». И далее: «А вся торговля и коммерция, какая во времена бытности неприятеля здесь и состояла, производилась заграничными и из разных пределов прибывшими сюда купцами, а не здешними...»⁴

Несладко пришлось и обывателям-ремесленникам христианского вероисповедания. Помимо поборов и иных напастей, им пришлось нести службу в Национальной гвардии. «Люди ремесла нашего, – говорилось в прошении старшин сапожного цеха, – быв заняты сею обязанностью и удерживая беспрерывно городские караулы, не в состоянии находиться не токмо уплачивать следующие от них подати, но даже и удерживать себя не имеют ни малейшего способа, по причине наиболее той, что отбывая сию обязанность не достает им времени зарабатывать, как на прокормление, так и на уплату следующих от на-

---

¹ См., например: AN. 1650. F. 245.

² Письмо к князю М.И. Кутузову архимандрита Свято-Духова монастыря Тимофея 16 (28) декабря 1812 г. // Акты... Ч. 2. С. 86–87; Донесение Феофилакты, архиепископа Рязанского, Св. Синоду. Смоленск, 11 (23) марта 1813 г. // Акты, издаваемые Виленскою комиссиею. С. 153.

³ Акты... Ч. 2. С. 241–246; 275.

⁴ Там же. С. 242.

шего цеху податей»¹. В прошении от «капитанов купеческой роты», подготовленном три дня спустя, указывалось на еще одно важное обстоятельство: «К исполнению личной должности в гвардии Народовой суть обязаны христиане, имеющие свои оседлости, равно купцы, ремесленники и их подмастерья, кои, опустив свои коммерции, промысла и рекоделия (...) сию должность беспрерывно исполняют»; «евреи же, уволенные от оной», получили явное преимущество. Вследствие этого авторы прошения предрекли, что «все промысла, рукоделия и коммерции» «в руки европейские со всеми прибылями перешли и перейдут»².

А что же евреи города Вильно?³ Их отношение к тому, что мог принести с собой Наполеон и его армия, уже изначально было настроенным. Несмотря на то что евреи Великого герцогства Варшавского формально имели равные права с прочим населением, реальная ситуация была иной. Вслед за наполеоновским декретом 1808 г. об ограничении прав эльзасских евреев саксонский король Фридрих Август поспешил издать подобный декрет в отношении герцогства Варшавского. Более того, очевидно, что если какая-то часть еврейства, жившего на территории Литвы, и испытывала тягу к «гражданским свободам», то кагальная верхушка определенно была настроена сохранять традиционный уклад жизни. Все это предопределило не только нейтрально-выжидательное отношение виленского еврейства к новым властям, но и явную склонность к возвращению власти российского императора. Комиссия ВП ВКЛ весьма активно выжимала из еврейской общины значительные средства на поставки продовольствия, на формирование и содержание войск и лазаретов и т. д.⁴ Еврейское население постоянно привлекалось для выполнения тяжелейших работ, прежде всего для уборки трупов. Так, 30 июля Комиссия ВП ВКЛ постановила: «Приказать муниципалитету ото-

---

¹ Прошение на имя Виленского гражданского губернатора старшин Виленского сапожного цеха. 7 (19) марта 1813 г. // Там же. С. 92–93.

² Акты... Ч. 2. С. 93–96.

³ Теме русских евреев в 1812 г. посвящена обширная литература. Большой частью она ориентирована на подтверждение тезиса о настроенном отношении российского еврейства к армии вторжения и даже о решительном неприятии политики Наполеона (Гинзбург С.М. Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб., 1912; Ан-ский (Раппопорт) С.А. Отечественная война и евреи // Известия Общества распространения правильных сведений о евреях и еврействе. М., 1912. № 1; и др.). Историография вопроса отражена в публикации В. Лукина (Лукин В. Война 1812 года в коллективной памяти российского еврейства // 1812 год. Россия и евреи. С. 7–58).

⁴ См.: Акты... Т. 1. С. 236, 238–239; Акты... Ч. 2. С. 44, 69–70; и др.

брать 500 молодых и крепких евреев для работ по захоронению трупов лошадей, разбросанных по городской округе»¹.

Однако не все было так однозначно. Среди еврейской верхушки нашлись богатые и предприимчивые единоверцы, которые не преминули воспользоваться возникшими обстоятельствами и обогатиться. Ни французское командование, ни литовское правительство не могли обойтись без поддержки оборотистых евреев в том, что касалось обеспечения армии продовольствием и обмундированием. О контрактах с тремя еврейскими купцами на продовольственные поставки писал Бассано²; о том, как быстро прислали все необходимое для экипировки войск поставщики-евреи, имевшие свои склады в Кенигсберге, Данциге и других городах, сообщал Гогендорп³. Нередко и простые евреи, пользуясь случаем, получали свой «гешефт» от наводнивших литовский край русских, наполеоновских, и снова русских войск⁴.

Нельзя игнорировать и ряд других важных моментов. Появление в литовском крае многоязычной европейской армии, среди солдат и даже офицеров которой было немало евреев, не могло не способствовать разрушению изолированных кагалным начальством сообществ. Перед многими литовскими евреями замаячили новые социальные горизонты. Более того, как справедливо отмечает В. Лукин, появилась тенденция «к установлению диалога центральной власти [имеется в виду российская власть. – В. З.] с подданными-евреями», что стало важным фактором «формирования новой субэтнической общности – российского еврейства с новой общеимперской самоидентификацией»⁵.

История «наполеоновского пребывания» в Литве имела для евреев этого края и непосредственное продолжение. В тягостной атмосфере ушедшей на запад, но не закончившейся войны, широкое рас-

---

¹ Выписки из заседаний Комиссии ВП ВКЛ. 30 июля 1812 г. // AN 1650. F. 113.

² Бассано – Бертомёфу. Вильно, 25 августа 1812 г. // SHD. 2 C121. F. 26.

³ Военский К.А. Вильна в 1812 году. С. 18.

⁴ Мемуаристы (Сегюр, Шуазель-Гуфье, Грабовский и др.) описывали многочисленные факты вероломного и жестокого обращения евреев Вильно с солдатами Великой армии во время ее отступления из России. «Жида поступали бесчеловечно. Они сами предавали русским несчастных французов – слабых и незащищавшихся; женщины разделяли их жестокость и добывали бедных солдат своими каблуками», – вспоминала те дни Шуазель-Гуфье (см.: Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 96). Вместе с тем известны и многие примеры помощи французам со стороны литовских евреев.

⁵ Лукин В. Война 1812 года... С. 58.

пространение в Виленской и Гродненской губерниях получили слухи о готовящемся польском мятеже. Весной 1813 г. российские власти стали получать одно за другим сообщения о заговоре польской шляхты и католических священников с целью перебить русских и евреев и получить «освобождение» от французов «от всех работ». Несмотря на то что установить факт заговора как такового не удалось, и все сводилось лишь к разговорам и угрозам под пьяную руку в еврейских корчмах¹, шесть человек были расстреляны, десять приговорили к телесным наказаниям, а пятерых – к тюремному заключению.

В конечном итоге, идя навстречу просьбам католической части населения края, литовский губернатор А.М. Римский-Корсаков обратился к виленскому гагалу с увещаниями прекратить «от страха увеличенные и от необдуманности неосновательные, доносы» и пригрозил, что «все лживые доношники наказываться будут ныне же по всей строгости законов»².

Пять месяцев и двенадцать дней «наполеоновского господства» стали поистине исторической эпохой не только для еврейского населения Вильно, но и для всех иных групп литовского города. Судьбоносные (или казавшиеся таковыми) события отмечались в Вильно торжественными службами в костелах, балами, обедами, театральными постановками, иллюминацией и всенародными гуляниями. Первый такой, хотя и импровизированный, праздник состоялся уже в день вступления в Вильно армии Наполеона. Значительно более пышные торжества прошли 14 июля, когда в виленском кафедральном соборе был провозглашен акт о присоединении ВКЛ к Варшавской генеральной конфедерации³. Епископ Коссаковский с великой пышностью отслужил мессу, и все присутствующие с большим чувством исполнили *Te Deum Laudamus*. Город был иллюминирован, театр наполнился восторженными и празднично одетыми зрителями. Граф Людовик Пац по предложению герцога Бассано дал великолепный бал. Дом Паца украшали два транспаранта. На одном

---

¹ Один шляхтич заявил, обращаясь «к одной еврейке», так: «Государь за верность евреев поравнял их с дворянами. Вы думаете, что государь будет строить для вас фольварки? Нет, скорее мы будем строить для вас виселицы... Как вы резали в Вильне французов, так будут вскоре вас резать» (Акты... Ч. 2. С. 96).

² Там же. Ч. 2. С. 98.

³ 16 (28) июня 1812 г. варшавский сейм был преобразован в Генеральную конфедерацию королевства Польского как политический союз польской и литовско-белорусской шляхты в целях объединения всех частей бывшей Речи Посполитой.

из них был изображен Наполеон, снимающий оковы с Польши, представленной в виде прекрасной женщины, наполовину лежащей в могиле. Изображение сопровождалось надписью: «Мститель здесь, трепещите!» На другом транспаранте был изображен золотой орел, соединяющий среди молний гербы Польши и Литвы¹. Бал в доме Паца посетил Наполеон. Бал сменился ужином, «поистине изумительным по обилию и утонченности»².

Не менее грандиозное празднество состоялось 15 августа, в день рождения и тезоименитства французского императора. Еще 30 июля Комиссия ВП ВКЛ постановила «опубликовать прокламацию по поводу праздника 15 августа как национального праздника, как праздника нашего освободителя, Героя века Его величества императора и Короля»³. Вторично этот вопрос правительство обсудило 10 августа и, наконец, 11 августа утвердило программу (регламент) празднества⁴.

15 августа по сигналу, данному пушечными выстрелами, на главную площадь двинулись воинские подразделения, которые прошли возле дворца генерал-губернатора церемониальным маршем. В кафедральном соборе отслужили торжественную мессу и исполнили *Te Deum*. Муниципалитет организовал на площади пир, а после патристической речи Ромера – мэра (президента) города – обыватели принялись поедать жареных быков, начиненных дичью, поросятами и баранами, запивая это водкой и пивом. Вечером в театре была дана пьеса «Краковяки», «возбуждающая любовь к отечеству и ненависть к врагам». После спектакля был дан бал, продолжавшийся до 6 часов утра. На фасаде ратуши водрузили пять транспарантов, на одном из которых были изображены два улана – поляк и литовец – в окружении толпы соотечественников, возносящих руки к вензелю Наполеона и к орлу, мечущему молнии⁵.

Отметили также тезоименитство императрицы Марии-Луизы, взятие Смоленска, победу под Бородином (при Москве-реке)⁶ и, на-

---

¹ Kurjer Litewski. 1812. № 53. Вильно, 15 июля; Акты... Т. 1. С. 258–259; Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 67–68; Chlapowski D. Op. cit. P. 230.

² Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 70.

³ Выдержки из заседаний Комитета правительства. 30 июля 1812 г. // AN. 1650. F. 114.

⁴ Ibid. F. 251.

⁵ Kurjer Litewski. № 65, 68; Акты... Т. 1. С. 263–268.

⁶ По этому случаю была дана пьеса Словацкого, профессора польской литературы Виленского университета, «Школьники в Крожах, или патриотизм в Самогитии», повествующая о том, как 40 польских школьников обратили в бегство 50 русских казаков.

конец, вступление Великой армии в Москву. Однако по мере того как война затягивалась, а тяготы, с нею связанные, возрастали, праздничные торжества давались все с большим трудом. 20 сентября, когда виленский муниципалитет готовился к празднику по случаю взятия Москвы, ему пришлось, не уповая на спонтанный энтузиазм населения, обязать Национальную гвардию, «цеха и общества» присутствовать на богослужении, а полиции – организовать обывателей для иллюминации собственных домов¹. Осенью 1812 г. столь же вымученными стали выглядеть и театральные постановки, которые ставились, дабы, по словам Шуазель-Гуфье, «заставить общество рассеяться, забыться», но «с каждым днем горизонт заволакивался все более и более»².

Последним по времени праздником времен «наполеоновского Вильно» стали торжества 2 декабря по случаю годовщины коронации французского императора. Как обычно, в кафедральном соборе состоялась торжественная служба, затем у герцога Бассано дали большой обед, а Гогендорп устроил бал, на котором присутствовали иностранные представители и вся польская знать. По словам Гогендорпа, «царило самое непринужденное веселье»³.

Следующий праздник Вильно отметил 12 декабря, когда прибыл М.И. Кутузов. Еще более торжественно Вильно встречал прибытие русского императора. В отличие от проникнутой цинизмом политики Наполеона, направленной исключительно на то, чтобы воспользоваться ресурсами Литвы в военных целях, возвратившиеся в Вильно русские власти были сконцентрированы на иных задачах и ориентированы на иной стиль взаимоотношений с населением края. 24 декабря (ст. ст.) Александр I подписал манифест, в котором предавал виленские события времен наполеоновского нашествия «вечному забвению и глубокому молчанию», а действия лиц, сотрудничавших с Наполеоном, «прощению»⁴. Более того, те представители администрации ВП ВКЛ, которые не ушли вместе с армией Наполеона, продолжали исполнять свои обязанности. «Князь Кутузов, – вспоминал Хрептович, член администрации Виленского

---

¹ Акты... Т. 1. С. 241–242.

² Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 84.

³ Военский К.А. Вильна в 1812 году. С. 24; Kurjer Litewski. № 98; Акты... Т. 1. С. 273.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 32. № 25289. С. 481–482. О манифесте см.: Лукашевич А.М. Манифест о прощении жителей от Польши присоединенных областей... // Отечественная война 1812 года и Освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия. В 3 т. М., 2012. Т. 2. С. 422.

дистрикта, – принял меня ласково» и объявил, что государева воля, «дабы я продолжил управление Виленскою администрациею...»¹ Казенных крестьян Литвы освободили от годового оброка, а помещики, которые осуществляли поставки русским войскам в 1812 и 1813 гг., расчетами «остались вполне удовлетворены»². Русское правительство, как могло, удовлетворило и просьбы купеческого сословия, пострадавшего во время событий 1812 г.

Подведем итоги. Выводы большинства наших предшественников, изучавших имевшие место в Вильно в 1812 г. события, об исключительно прагматической цели, которую преследовал Наполеон в Литве, вполне подтверждаются на основе нового прочтения ранее известных документов и обращения к архивным материалам, впервые введенным в научный оборот. На этом фоне деятельность комиссии ВП ВКЛ предстает как самоотверженный акт части польско-литовской элиты, поддавшейся иллюзорным надеждам на обретение Литвой независимости (либо в составе возрожденной Речи Посполитой, либо в качестве самостоятельного государственного образования). Однако тяготы войны, соединенные с постепенной утратой иллюзий литовским дворянством в отношении целей и действий Наполеона, привели к взаимному разочарованию обеих сторон – как временного руководства Литвы, так и администрации Великой армии.

Межкультурная гармония между чинами Великой армии и местным населением Литвы, в перспективу которой к началу военных действий верило и наполеоновское руководство, и – еще более – часть патриотически настроенного населения Литвы, в конечном итоге не состоялась. Приход Наполеона в Литву постепенно стал восприниматься как вражеская оккупация. В целом же события в Вильно 1812 года являются убедительным примером того, насколько сложно применительно к северо-западным и юго-западным регионам Российской империи начала XIX в. однозначно оценивать ситуацию, используя такие смысловые категории, как «освобождение» или «оккупация». Амбивалентность оценок ситуации (по крайней мере применительно к Литве) в этом плане изначально была предопределена рядом обстоятельств: во-первых, сложным переплетением социальных, религиозных, национально-культурных взаимоотношений на северо-западных и юго-западных территориях Российской империи; во-вторых, противоречиями между ожиданиями населения

---

¹ Акты... Т. 1. С. 407.

² Там же. С. 408.

(чаще всего политически активной местной элитой) и целями, которые ставило перед собой командование армии вторжения; в-третьих, в целом тяготами войны, которые были способны быстро нивелировать и даже обратить в свою противоположность первые восторги части населения края по поводу «освобождения»; невзгоды военного времени неизбежно заставляли многих местных жителей пересмотреть как априорно-позитивные ожидания от прихода «Освободителя», так и традиционно негативное (или чаще – сдержанно-негативное) отношение к «поработителям»; в-четвертых, готовностью или неготовностью власти (властей) учитывать материальные и духовные настроения, царившие в регионе (очевидно, что общий курс политики Александра I в отношении Литвы оказался в краткосрочной перспективе более продуктивным, чем политика Наполеона); в-пятых, уровнем и глубиной представлений власти (властей) о хозяйственном, социальном, этническом, языковом и религиозном контекстах региона, подвергнутому освобождению/завоеванию, а также готовностью/неготовностью власти руководствоваться этими представлениями на практике.

Глава 2 МОСКВА ПРИ НАПОЛЕОНЕ

Почти двести лет тема оккупации Наполеоном Москвы и связанная с нею тема московского пожара 1812 г. являются знаковыми для русского человека. Пройдя огонь и пепел «самосожжения» первопрестольной, Россия и русские возродились к новой жизни, преисполненной ощущением безграничной силы и законности своего места среди великих народов. Между тем период оккупации Наполеоном Москвы дал не только для русского, но и для ряда западноевропейских (французов, итальянцев), центрально-европейских (немцев) и восточно-европейских (поляков) народов богатейший опыт межкультурного диалога, определившего на десятилетия и даже столетия особенности процессов самоидентификации, межнационального и межгосударственного взаимодействия.

Богатейший документальный материал, доступный исследователю на сегодняшний день, дает возможность увидеть, с какими ожиданиями входили в первопрестольную солдаты общеевропейской армии, что предопределило исход москвичей из города, какого характера оказались первые контакты его жителей, оставшихся в городе, с оккупантами, почему и при каких обстоятельствах начался великий московский пожар и какую роль он сыграл во взаимоотношениях оккупантов с местным населением, какими были модели поведения россиян и солдат Великой армии в экстремальной ситуации сожженного города, как ответил Наполеон и чины его армии на действия российских властей и местных жителей.

Мы попытаемся затронуть также и вопрос о реакции на ситуацию длительного стресса в условиях оккупации различных групп русского городского социума. А так как и сама армия вторжения являла собой не только разноплеменный, но и социально неоднородный организм, «московская эпопея» продемонстрировала обострение противоречий самого разного характера и уровня: социальных, межнациональных, конфессиональных и даже тех, которые можно отнести к области взаимодействия человека и природы.

В попытках ответить или только затронуть обозначенные нами вопросы мы опираемся на широкий круг разнообразных материалов. К первой группе источников следует отнести довольно объемную делопроизводственную документацию, в которой – в силу объек-

тивных обстоятельств – доминируют материалы наполеоновской армии¹. Наиболее значительную группу источников составили документы личного происхождения: дневники, воспоминания, мемуары участников событий² и в особенности их пись-

---

¹ Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-ученого архива. СПб., 1910–1914. Т. 13–22; Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива главного штаба. Отд. 2. Бумаги, отбитые у противника. СПб., 1903. Т. 1; Кутузов М.И. Сборник документов. М., 1954–1955. Т. 4. Ч. 1–2; Шукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. М., 1897–1908. Ч. 1–10 (далее – Бумаги, относящиеся...); Napoléon I. Correspondance de Napoléon I-er. P., 1868. Т. 24; Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. P., 2012. Т. 12; Napoléon I. Œuvres de Napoléon I.P., 1827. Т. 5; Fabry G. Campagne de Russie 1812: Operations militaires. P., 1900–1903. Т. 1–5; [Du Casse A.] Mémoires et correspondance politique et militaire du Prince Eugène. P., 1858 (1860). Т. 8; D'Eckmühl A.L. (de Blocqueville). Le maréchal Davout, prince D'Eckmühl. P., 1880. Т. 3; Correspondance du maréchal Davout. P., 1885. Т. 3; Chuquet A. Lettres de 1812. P., 1911. Sér. 1; idem. 1812. La Guerre de Russie: Notes et documents. P., 1912. Sér. 1–3; Extraits du livre d'ordres 2-e Régiment de grenadiers á pied de la Garde imperiale (2-e bataillon, 2-e compagne) // Carnet de la Sabretache. 1900. № 95. P. 683–704; ОПИ ГИМ. Ф. 155; Ф. 160. Оп. 1; ОР РНБ. Ф. 859. К. 6; Ф. 961. Франция. Fr. Q.IV. № 95; РГАДА. Д. 259, 266–270, 273–274, 278, 285; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3588; Центральный исторический архив Москвы. Ф. 46. Оп. 8 (далее – ЦИАМ). Д. 279, 385, 503, 563; Российский государственный исторический архив. Ф. 1345. Оп. 98 (далее – РГИА). Д. 942а – д; и т. д.

² Бестужев-Рюмин А.Д. Донесение И.И. Дмитриеву от 27 февраля 1813 г. О происшествиях, случившихся в Москве во время пребывания в оной неприятеля в 1812 году // РГИА. Д. 942г. Л. 31–43 об. (Опубликовано в: Русский архив (далее – РА). 1896. № 7 (Кн. 2). С. 365–372); Он же. Краткое описание происшествий в Москве в 1812 году // Там же. С. 341–365; Брандт Г. Воспоминания // Записки современников 1812 года. СПб., б. г.; Бургонь. Пожар Москвы и отступление французов. СПб., 1898; Военский К.А. Отечественная война в записках современников. СПб., 1911; Волконский П.А. У французов в Московском плену 1812 года // РА. 1905. № 11. С. 351–359; Вяземский П.А. Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине // РА. 1877. № 5. С. 69–78; Дневник поручика Фоссена // РА. 1903. № 11. С. 467–479; Жданов П. Памятник французам или приключения Московского жителя П... Ж... СПб., 1813; Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов. М., 2001; Записки А.П. Ермолова. М., 1991; Изарн Ф., де. Воспоминания московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 году // РА. 1900. № 11. Ст. 1405–1441; Изгнание Наполеона из Москвы. Сборник. М., 1938; Клаузевиц К. 1812 год. М., 1997; Кольчугин Г.Н. Записки о 1812 годе московского гофмаклера Г.Н. Кольчугина // РА. 1879. № 9. С. 45–60; Корбелецкий Ф.И. Краткое повествование о вторжении французов в Москву... СПб., 1813; Ло-

---

жье Ц. Дневник офицера Великой армии. М., 1912; Лоссберг. Поход в Россию в 1812 г. // Военно-исторический вестник. 1912. Кн.1. Приложение; Его же. Письма вестфальского штаб-офицера. М., 2003; Маслов С.А. Путешествие в Москву во время пребывания в оной французов // РА. 1908. № 7. С. 403–415; Машков И.С. 1812 год: Сожжение Москвы. Показания очевидца // РА. 1909. № 12. С. 455–463; Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война 1812 года: Воспоминания. М., 2004; Наполеон в России глазами русских. М., 2004; Наполеон. Годы величия. Воспоминания секретаря Меневаля и камердинера Константа. М., 2001; Перовский В.А. Из записок покойного В.А. Перовского // РА. 1865. Ст. 1031–1058; Письмо приказчика М. Сокова к И.Р. Баташову (сентябрь 1812 г.) // РА. 1871. № 6. Ст. 0218–0228; Пожар Москвы / Сост. Г. Балицкий. М., 1911; Роос Г. С Наполеоном в Россию. М., 1912; России двинулись сыны. М., 1988; Рунич Д.П. Из записок // Русская старина (далее – РС). 1901. № 3. С. 597–613; Рязанов А. Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве 1812 года. М., 1862; Тольчева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1872; она же. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1912; 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991; 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995; 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987; Французы в России. М., 1912. Ч. 1–2; Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1902. Вып. 1–3; Бумаги, относящиеся...; Яковлев И.А. Записка о 1812 годе // РА. 1874. № 4. Ст. 1062–1069; Bausset L.F.J. Mémoires anecdotiques... Bruxelles, 1827. Т. 2; [Bausset L.F.J.] Private anecdotes of Foreign Courts. L., 1827. Vol. 2; Berthezéne P. Souvenirs militaires de la République et de l'Empire. P., 1855. Т. 2; Biot H.F. Souvenirs anecdotiques et militaires. P., 1901; Bonnet. Journal // Carnet de la Sabretache. 1912; Boulart J.F. Mémoires militaires. P., 1894; Bourgeois R. Tableau de la campagne de Moscou en 1812. P., 1814; Bourgogne A.J.B.F. Mémoires du sergent Bourgogne. P., 1900; Bourgoing P. Souvenirs militaires. P., 1897; Bro L. Mémoires du général Bro. P., 1914; Castellane E.V.E.B. Journal. P., 1895. Т. 1; Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 1–2; Cheron A. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. P. 2001; Dedem de Gelder. Mémoires du général Dedem de Gelder. P., 1900; Dennée P.P. Op. cit.; Domergues A. La Russie pendant les guerres de l'Empire. P., 1835. Т. 1–2; Dupuy V. Souvenirs militaires. P., 1892; Dumas M. Souvenirs. P., 1839. Т. 3; Dumonceau F. Mémoires. Bruxelles, 1958. Т. 1–2; Dutheillet de Lamothé A. Mémoires. Bruxelles, 1899; Fain A.J.F. Manuscrit de 1812. P., 1827. Т. 1–2; Fantin des Odoards L.F. Journal. P., 1895; Fezensac M. Souvenirs militaires. P., 1863; Fezensac R.A.P.J. Journal de la Campagne de Russie en 1812. P., 1850; Gardier L. Journal de la Campagne de Russie en 1812. P., 1999; Gourgaud G. Napoléon et la Grande Armée en Russie... P., 1825; Griois L. Mémoires du général Griois. P., 1909. Т. 2; Histoire de la destruction de Moscou...; Labaume E. Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. P., 1814 (мы цитируем по изд.: P., 1815, либо P., 2001); Larrey D.J. Mémoires de chirurgie militaire et campagne.

ма¹. Наконец, немалое значение имели для нас иконографические и топографические материалы², открывающие огромные возможности

P., 1817. Т. 4; Las Cases A.E.D.M. *Mémorial de St.-Hélène*. P., s.a. Т. 1–2; Lejeune L.F. *Souvenirs d'un officiers de l'Empire*. P., 1850; Mailly-Nesle A.A.A. *Mon journal pendant la campagne de Russie...* P., 1841; *Manuscrits de carabiniers // Revue de cavalerie*. Paris; Nancy, 1894; Muralt A. *Der Marsch nach Moskau // Muralt A., Legler Th. Berezina. Erinnerungen aus dem Feldzug Napoleon I in Russland 1812*. Bern, 1942; Narichkine M-m (néé comtesse Rostopchine). *Le comte Rostopchine et son temps*. St.Petersbourg, 1912; O'Méara. *Napoléon dans l'exil // Las Cases A.E.D.M. Op. cit. s.a. Т. 2; Pelleport P. Souvenirs militaires et intimes*. P., 1857. Т. 2; Peyrusse G.J. *Mémorial et archives. 1809–1815*. Carcassone, 1869; Pion des Loches A.A. *Mes campagnes*. P., 1889; Planat de la Faye N.L. *Vie de Planat de la Faye...* P., 1895; Rapp J. *Memoires*. L., 1823; Rigou D. *Souvenirs des Guerres de l'Empire*. P., 1845; Rostopchine F.V. *Op. cit.*; Ségur Ph.P. *La campagne de Russie. Mémoires*. P., s.a.; Solytk R. *Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie*. P., 1836; Surugue A. *Mil huit cent douze; idem. Les Français à Moscou*. M., 1909]; Turno Ch. *Souvenirs d'un officier polonais (1811–1814) // Szymanowski J., Turno Ch. Souvenirs de deux généraux polonais au service de la France*. P., 2001; Vionnet de Maringoné L.J. *Souvenirs...* P., 1899; [Ysarn de Villefort F.J.D.] *Relation du séjour des Français a Moscou et de l'incendie de cette ville en 1812...* / Publ. par A. Gadaruel. Bruxelles, 1871; etc.

¹ Андреев А.Ю. «Я служил городу, а не врагу» // Исторический архив. 1997. № 3. С. 44–53; Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006; Frappaz, l'abbé. *Vie de l'abbé Nicolle*. P., 1857 (рус. пер. письма: 1812 год. Французы в Москве по рассказу аббата Сюрюра // РА. 1882. № 4. С. 196–204); *Lettres inédites de Napoléon Ier à Marie-Louise*. P., 1935; *Lettres inedites du baron Dominique Larrey à sa Femme pendant la Campagne de Russie // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 291; Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriainow*. P., 1913; Peyrusse G.J. *Mémorial et archives. 1809–1815*. Carcassone, 1869; *Surrugues. Lettres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville, au R.P. Bouvet, de la compagnie de Jésus, par l'abbé Surrugues, témoin oculaire, et curé de l'Église de Saint-Louis, a Moscou*. P., 1823; АВПРИ. Д. 1842; РГАДА. Д. 239–243, 245–254, 260–264, 266–268. Ч. 1–2; РГВИА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 92; Ф. 846. Оп. 16. Д. 3605. Ч. 1–2; и др.

² Мы воспользовались прежде всего рядом изданий рисунков А. Адама, художника, числившегося при штабе 4-го пехотного корпуса Великой армии, и Х.В. фон Фабер дю Фора, обер-лейтенанта вюртембергской артиллерии: Adam A. *Voyage de Willenberg en Prusse jusqu'a Moscou en 1812*. Munich, 1828; Faber du Faur. *Blatter aus meinen Portfeuille, im Laufe des Feldzuge 1812*. Stuttgart, 1831–1843 (наиболее известны два франц. изд.: Faber du Faur C.W. *Campagne de Russie, 1812*. P., s.a.; Faber du Faure G. *Campagne de Russie, 1812*. P., 1895); North J. *With Napoleon in Russia: The Illustrated Memoirs of Faber du Faur, 1812*. L., 2001. См. также: Quennevat J.C. Albrecht Adam et

в прояснении частных, составляющих живую плоть любого исторического события.

2.1. Вступление армии Наполеона в Москву

После Бородинского сражения армия Наполеона, проведя три дня в Можайске, стала продвигаться к Москве. Французские войска перемещались медленно, пытаясь выяснить намерения неприятеля, которые были еще не вполне ясны. Наполеон был почти уверен, что русская армия отступает к Москве, но, отходя все ближе и ближе к столице, почему-то не решается на новое сражение. Если бы в намерения русского главнокомандующего М.И. Кутузова, как считал Наполеон, входило оставить Москву, логичнее было бы уже изменить направление отхода русской армии и устремиться либо на север, прикрывая Петербург, либо, что более вероятно, выбрать южное направление.

В 8 часов утра 14 сентября в Малых Вязёмах император Наполеон вместе с начальником Главного штаба маршалом Л.А. Бертье сели в карету и отправились в направлении Москвы¹. Не доезжая верст 12, вероятно, в с. Спасском, Наполеон был встречен едущим от авангарда королем Неаполя, командующим резервной кавалерией И. Мюратом. Здесь, вправо от Московского тракта, возле красивой церкви Спаса Нерукотворного, стоящей на пологом берегу р. Сетуни, состоялся более чем часовой разговор французского императора с Неаполитанским королем. Прохаживаясь по церковному двору, Мюрат доложил о том, что произошло утром на подступах к Москве, а Наполеон поделился своими соображениями по поводу намерений русских и отдал приказы на дальнейшие действия аван-

---

Faber du Faure, «Reporters» de la campagne de Russie // Souvenir napoléonien-nes. T. 262. P. 14–18; Tradition magazine. Hors série. № 3.

Нами было привлечено несколько русских планов Москвы, составленных накануне войны 1812 г. и сразу после нее, а также план города, которым, вероятно, пользовалось французское командование, опубликованный в работе П.М. Немпда-Дюпуайе, и. о. директора инженерного парка Великой армии (Nempde P.M. Opinion... sur l'incendie de Moscou. P., 1826). Представляет интерес также французский план Москвы, данный в качестве приложения к брюссельскому изданию мемуаров шеваляе Ф.Ж.Д. д'Изарна ([Ysarn de Villefort F.J.D.] Op. cit.). Большой интерес вызвала у нас иконография «до-пожарной» Москвы, в том числе представленная работами Ф.Я. Алексева и его учеников (Федор Алексеев и его школа. М., 2004).

¹ Дорожный дневник Коленкура // Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 7. Note 1; Denniéе P.P. Op. cit. P. 190.

гарда¹. То, что сообщил Неаполитанский король императору, было в высшей степени важным: русские отказались от битвы за Москву. Их армия, судя по всему, не перешла на Калужскую дорогу, а отступала через город. Все говорило о том, что под Бородином русские получили удар такой силы, от которого они не в состоянии оправиться, а значит, в самое ближайшее время будут вынуждены просить мира. Такой вариант развития событий виделся Наполеону наиболее предпочтительным: русская кампания слишком затянулась, а французская армия сама нуждалась в отдыхе. Мюрату было приказано как можно скорее вернуться к авангарду и продолжать оказывать давление на отступавшего неприятеля.

К полудню 14 сентября Мюрат, возвратившись из Спасского, приказал авангарду идти вперед. Это движение, соединенное с приближением войск Э. Богарнэ (вице-короля Италии и командира 4-го армейского корпуса) к Москве с северо-запада, и войск князя Ю.А. Понятовского (5-го армейского корпуса) – с юго-запада, заставило генерала М.А. Милорадовича, командовавшего русским арьергардом, принять дерзкое решение. Осознавая, в каком опасном положении оказалась русская армия, растянувшаяся по улицам Москвы и обремененная тысячами раненых и многочисленными обозами, и не видя возможности долго удерживать неприятеля малыми силами арьергарда возле Поклонной горы и Воробьевых гор, Милорадович решил вступить в переговоры с Мюратом. Своего рода предлогом для начала контактов с неприятелем стала записка, подписанная дежурным генералом при штабе Кутузова П.С. Кайсаровым и доставленная Милорадовичу предположительно около полудня: «Оставленные в Москве раненые поручаются гуманности французских войск»². Милорадович поручил штабс-ротмистру лейб-гвардии Гусарского полка Ф.В. Акинфому не только вручить эту записку лично Мюрату, но и передать ему от имени генерала следующие слова: «...если французы хотят занять Москву целою, то должны, не наступая сильно, дать нам спокойно выйти из нее с артиллериею и обозом; иначе генерал Милорадович перед Москвою и в Москве будет драться до последнего человека и вместо Москвы оставит развалины». Один из адъютантов Милорадовича, де Юнкер, услышав это, сказал:

---

¹ Корбелецкий Ф.И. Указ. соч. С. 22. То, что этот разговор Наполеона с Мюратом произошел именно в Спасском, установили Г.В. Ляпишев и И.С. Тихонов. См. также: Ляпишев Г.В. Москва 1812 года на рисунках Х.В. Фабер дю Фора. К проблеме достоверности источника // Московский журнал. 2009. № 9. С. 30.

² Un billet de Kaissarov. 2–14 сентября 1812 г. // Chuquet A. Lettres de 1812. № 13. P. 31.

«...перед французской армией так не храбрятся» («...on ne brave pas ainsi l'armée française»). «Это мое дело быть храбрым, а ваше – умирать (C'est à moi à la braver, et à vous – à mourir)», – бросил в ответ генерал. Акинфов должен был как можно дольше оставаться у неприятеля и тем самым выиграть время¹.

Взяв с собой трубача из конвоя Милорадовича, Акинфов подъехал к неприятельской цепи аванпостов. Вскоре Акинфов вручил Мюрату записку, подписанную Кайсаровым, и передал слова Милорадовича с требованием приостановить движение французских колонн, чтобы дать русским время пройти через Москву. Пробежав глазами текст письма, Неаполитанский король ответил: «Напрасно поручать больных и раненых великодушию французских войск; французы в пленных неприятелях не видят уже врагов». В ответ же на требование Милорадовича Мюрат вначале заявил, что не волен остановить движение войск без приказа Наполеона. Однако вскоре переменял свое решение и объявил, что, желая сохранить Москву, он принимает предложение Милорадовича и будет продвигаться вперед так медленно, как хотят русские, но с условием, что город будет занят французами в тот же день. Акинфов ответил, что Милорадович согласится с этим. Мюрат тотчас же отдал приказ передовым цепям остановиться и прекратить перестрелку. Далее, обращаясь к Акинфову, Мюрат начал с ним весьма примечательный диалог. Неаполитанский король просил русского офицера уговорить жителей Москвы сохранять спокойствие: им не причинят «никакого вреда», с них не возьмут ни малейшей «контрибуции», и французские власти будут всячески заботиться об их безопасности. Однако он вдруг неожиданно спросил (поскольку до французского командования уже стали доходить сведения об истинном положении дел в Москве, а возможно, Мюрат просто догадывался о вероятности такого развития событий), не оставлена ли Москва жителями, и где находится московский главнокомандующий граф Ростопчин. Акинфов на это отговорился неведением, как и на вопрос о том, где император Александр и великий князь Константин Павлович. «Почему не за-

---

¹ История с посылкой Акинфова основана главным образом на рукописной записке самого Акинфова, представленной им самим в 1837 г., когда он был уже сенатором, А.И. Михайловскому-Данилевскому. Записка была опубликована только в 1900 г. (Харкевич В. Указ. соч. Вып. 1. С. 205–212). Однако еще в 1818 г. сам Милорадович поведал Михайловскому-Данилевскому историю «о сдаче Москвы» (См.: Милорадович М.А. О сдаче Москвы. Рассказ, записанный в 1818 г. А.И. Михайловским-Данилевским // 1812 год в воспоминаниях современников. С. 59–60); его рассказ более «красочен», но, по-видимому, не всегда точен.

ключают мира?» – спросил Мюрат, прибавив крепкое солдатское выражение, которое Акинфов так и не решился передать на бумаге. «Пора мириться!» – воскликнул Неаполитанский король, располагаясь улыбаясь русскому офицеру, после чего предложил ему перекусить. Акинфов отказался. Тогда Мюрат еще раз уверил в том, что французские войска будут заботиться о сохранении Москвы и в уважении, которое он питает к Милорадовичу.

Наполеон узнал о достигнутом Мюратом перемирии с русскими почти сразу же, так как уже находился неподалеку от авангарда. Ординарец императора Г. Гурго, оказавшийся рядом с Мюратом к концу разговора последнего с Акинфовым, тотчас поскакал назад и доложил императору об этом важном событии, которого вся армия с нетерпением ожидала, и которое, казалось, предвещало скорый мир. Наполеон утвердил условия перемирия, но потребовал сообщить русским, чтобы те продолжали свое отступление без остановок. «Между тем в то непродолжительное время, пока этот офицер был перед императором, – сообщает суб-инспектор смотров в кабинете начальника Главного штаба армии П.П. Деннье о разговоре Наполеона с Гурго, – он должен был ответить на множество стремительно заданных вопросов в отношении, конечно же, положения дел в Москве (*la situation de Moscou*). Эти ответы были точными (*précises*); но в них чувствовалась экзальтация или, скорее, упоение, которое каждый из нас ощущал в момент вступления в эту древнюю столицу России, припоминая, что несколько месяцев назад мы присутствовали при бомбардировке Кадиса. В самом деле, Москва – это мир! Это славный мир!»¹ Гурго быстро отправился назад к Мюрату сообщить о решении императора.

В то время, когда в действиях французских войск наступила пауза и Мюрат беседовал с Акинфовым, к русским аванпостам подъехал командир 2-го резервного кавалерийского корпуса генерал О.Ф.Б. Себастьяни. К.Ф.Г. Клаузевиц, состоявший в те дни квартирмейстером русского 1-го резервного кавалерийского корпуса, из описания которого мы узнаем об этом эпизоде, пишет, что прибытие Себастьяни «не понравилось генералу Милорадовичу, тем не менее он поехал на место и имел с французским генералом довольно продолжительный разговор, присутствовать при котором не был допущен никто из нас, находящихся в свите. После этого они вместе проехали добрый конец пути по направлению к Москве, по разговору, который они вели, автор понял, что предложение генерала Милорадовича не встретило никаких возражений. Высказанное им

---

¹ Denniée P.P. Op. cit. P. 85–86.

пожелание, чтобы Москву по возможности пощадили, генерал Себастьяни с большой живостью перебил словами: “Генерал! Император во главе армии поставит свою гвардию, чтобы сделать совершенно невозможным какие бы то ни было беспорядки и т. д.” Это заверение он повторил несколько раз. Автору эти слова показались знаменательными, так как в них выражалось величайшее желание вступить во владение Москвой в полной сохранности, а с другой стороны, слова генерала Милорадовича, вызвавшие этот ответ, не позволяли верить в умышленное сожжение Москвы русскими»¹.

Примерно в час дня или в начале второго французский авангард, неотступно следуя за отступавшими цепями русского арьергарда, оказался на Поклонной горе. В голове авангарда шел 10-й полк польских гусар. «Читатель может легко понять, – повествовал о том миге, когда перед польскими гусарами открылся вид на русскую столицу, поляк Р. Солтык, адъютант генерала М. Сокольницкого, начальника разведывательной службы Великой армии, оказавшийся рядом с кавалеристами 10-го полка, – каковы были мои эмоции, когда я увидел древнюю столицу царей, чей вид вызвал во мне столь сильные исторические воспоминания; здесь в начале 17-го столетия победоносные поляки водрузили свое знамя, перед которым склонился московский народ, признав своим государем сына нашего короля; и вот теперь здесь их потомки, которые, маршируя в фалангах Наполеона, пришли во второй раз водрузить своих победоносных орлов. Эти мысли как о давних, так и о нынешних соотечественниках возникли в моем сознании одновременно, и мне вспомнились победы Ходкевичей, Жолкевских и особенно Сапеги, усвятского старосты, который некогда заставлял трепетать московскую империю»².

Вид Москвы, открывшийся полякам, был грандиозен: соборы с разноцветными куполами, чаще серебряными и золотыми, бесчисленные дворцы, сады и парки... «Зрелище, которое являла собой Москва, было столь грандиозным и романтическим, что это трудно описать...» «Увидев Москву, наш авангард издал крик радости; после всех лишений солдат достиг наконец отдыха и изобилия», – вспоминал Солтык³.

---

¹ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 85. О разговоре Милорадовича с Себастьяни см. также: РС. 1872. № 9. С. 285.

² Soltysk R. Op. cit. P. 259–260. Я.П. Сапега (1569–1611), возглавлявший войска Речи Посполитой во время вторжения в Россию в начале XVII в., был прадедом Солтыка по матери.

³ Ibid. P. 261–263.

Передовые цепи авангарда продолжали свое неспешное движение вперед, ступая по пятам отходивших русских ведетов¹. Основная же часть авангарда, перейдя Поклонную гору, остановилась у ее подножия и сгруппировалась. Примерно в 2 часа пополудни на Поклонную гору въехал Наполеон².

Образ торжествующего Наполеона и его ликующей армии, взирающих с Поклонной горы на лежащую перед ними сказочную Москву, прочно вошел в историческую память русских³. Нередко этот образ мелькает и на страницах зарубежной литературы и даже воспоминаний французских участников кампании 1812 г. Так, например, Л. Гриуа, начальник артиллерии 3-го кавалерийского корпуса, обычно точный в своих описаниях событий 1812 г., в воспроизведении этого эпизода, подобно другим авторам, не смог избежать искушения изобразить то, чему свидетелем он никак не мог быть. А именно: Гриуа повествует, как в середине дня 14-го сентября он очутился на некой «Святой горе» рядом со штабом вице-короля (как известно, 3-й резервный кавалерийский корпус двигался вместе с 4-м армейским корпусом севернее главной колонны Великой армии; поэтому ни тот, ни другой корпусы просто не могли находиться возле

---

¹ Сообщая 15 сентября о действиях французского авангарда принцу Эжену Богарнэ, Мюрат отметил, что он вступил в Москву 14-го в 2 часа дня (Мюрат – Богарнэ. Б. д. // [Du Casse A.] Op. cit. P. 47). (ведеты (*франц.* vedette) – ближайšie к неприятелю караулы, передовые посты. – *Ред.*).

² Свидетели указывают разное время прибытия Наполеона на Поклонную гору – от 10 утра до половины 4-го пополудни (Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 7. Note 1; Bausset L.F.J. Mémoires anecdotiques... P. 115; Schuerman A. Itinéraire général de Napoléon I. P., 1911. P. 308; etc.). В конечном итоге как в отечественной, так и в зарубежной историографии стало преобладать мнение, что это событие произошло в 2 часа дня. Оно основано, как полагаем, не только на свидетельстве Корбелецкого (см.: Корбелецкий Ф.И. Указ. соч. С. 23), но и на вполне объяснимом «раскладе» событий того дня по времени.

³ Выдающийся русский художник В.В. Верещагин назвал свою картину «Перед Москвой – ожидание депутации бояр», не упоминая, что изображенная им сцена происходит на Поклонной горе. Однако вид города, который наблюдает завоеватель, однозначно говорит, что это Поклонная гора.

Как известно, группа холмов, которая называлась Поклонная гора, в XX в. практически полностью исчезла. Название «Поклонная гора» было перенесено с исторической восточной вершины на западную (см.: Москва. Энциклопедия. М., 1997. С. 645). Сегодня от восточной вершины остался только небольшой холм, увенчанный поклонным крестом. Даже если взойти на этот холм и попытаться представить вид, который мог открыться перед французами 14 сентября 1812 г., этого сделать практически будет невозможно: часть города закрывают близлежащие дома на Кутузовском проспекте.

Поклонной горы). Подобно другим офицерам и генералам, он в восхищении любуется видом златоглавой Москвы и завершает эту сцену обязательным для многих мемуаристов сюжетом: «Некоторое время спустя прибыл император со своей гвардией. Он также поднялся на вершину, с которой он созерцал этот город, который, наконец, был в его власти»¹.

По нашему мнению, только два свидетельства можно признать заслуживающими внимания: это строки из книги-оправдания Ф.И. Корбелецкого, русского чиновника, оказавшегося во французском плену, написанной в 1813 г., и труда Ф.П. Сегюра, в 1812 г. главного квартирмейстера Главной квартиры императора, изданного в 1824 г. Именно эти две книги стали основой для последующих описаний данного момента как в исторической литературе, так и в воспоминаниях². Оба автора единодушны в том, что Наполеон появился на Поклонной горе в два часа или в самом начале третьего, когда авангард уже спустился с горы и построился в боевом порядке. Император, въехав на холм, с которого открывался завораживающий вид на Москву, казалось, поддался общему восторгу. «Вот, наконец, этот знаменитый город! (La voilà donc enfin cette ville fameuse!)» – воскликнул он. Но здесь же, как будто пытаясь погасить свой восторг, произнес: «Давно пора! (Il était temps!)». Наполеон и несколько сопровождавших его генералов спешили. Императору подали карту, изучая которую он стал отдавать приказы на передвижение войск.

Примерно через полчаса своего пребывания на Поклонной горе Наполеон приказал произвести сигнальный выстрел из пушки, по которому авангард и часть основных сил с невероятной быстротой устремились вперед и минут через 15 (Корбелецкий говорит о 12 минутах! Какая точность?!) оказались возле Дорогомиловской заставы³. Под возгласы «Да здравствует император!» Наполеон сошел с коня и расположился с левой стороны от заставы, возле Камер-

---

¹ Griois L. Op. cit. P. 48–50.

² Ségur Ph. P. La Campagne de Russie. P. 169–173; Корбелецкий Ф.И. Указ. соч. С. 24–25.

³ Полагаем, что, находясь на Поклонной горе, император соразмерял действия центральной группировки с движением колонн Богарнэ и Понятовского, которые подходили к Москве с северо-запада и юго-запада соответственно. Утверждения Сегюра о том, что беспокойство императора возрастало из-за долгого отсутствия депутации москвичей и известий «нескольких офицеров», проникших в город и возвестивших, что Москва пуста, кажутся несколько опережающими ход событий.

коллежского вала¹. Император, по словам Корбелецкого, «в спокойном расположении духа» начал расхаживать взад и вперед, ожидая депутации от властей и выноса городских ключей².

Через несколько минут, прямо на дерне, была раскинута большая карта Москвы, которую Наполеон начал внимательно рассматривать, забрасывая при этом вопросами своего секретаря-переводчика Э.Л.Ф. Лелорня д'Идевиля, хорошо знавшего русскую столицу³. Согласно Фэну, император обратил внимание на огромное здание Воспитательного дома. Узнав от Лелорня, что это за учреждение, и что оно находится под особым попечением вдовствующей императрицы, он приказал тотчас же разместить там охрану⁴.

Коленкуру было приказано написать в Париж архиканцлеру Ж.Ж. Камбасересу и министру внешних сношений Ю.Б. Маре, а также герцогу Бассано в Вильно о вступлении в Москву. Наполеон особо подчеркнул, чтобы письма были обязательно помечены Москвой⁵.

Время шло. Однако, несмотря на приказ, отданный непосредственно Мюрату и многократно затем подтвержденный при посылке в город все новых и новых офицеров, депутация московских властей не появлялась. Нетерпение императора нарастает⁶. Наполеон успо-

---

¹ Коленкур, заносивший в свой походный журнал сведения о передвижениях императора, зафиксировал его прибытие к «воротам Москвы» в половине четвертого (Дорожный дневник Коленкура// Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 2. Р. 7. Note 1). Расхождение данных «дневника» Коленкура со свидетельствами Корбелецкого небольшое – примерно 30 минут. Бургонь, прибывший со своим полком к заставе, как он говорит, в половине четвертого, увидел, что император был там (Bourgogne A.J.V.F. Op. cit. Р. 12). По А. Шуерману, пытавшемуся «усреднить» сведения, Наполеон прибыл к воротам Москвы около 3-х часов (Schuerman A. Op. cit. Р. 308).

² Корбелецкий Ф.И. Указ. соч. С. 25.

³ Fain A.J.F. Op. cit. Р. 53; Solytk R. Op. cit. Р. 269–270.

⁴ Между тем, согласно записке И.А. Тутолмина, именно он, главный надзиратель Воспитательного дома, стал тем лицом, которое вечером 14-го выпросило у военного коменданта А.Ж.О.А. Дюронеля 12 жандармов и одного офицера для охраны здания.

⁵ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 2. Р. 3.

⁶ Ibid. Т. 1. Р. 441; Denniée P.P. Op. cit. Р. 88. Д'Изарн поведал о том, что «один польский генерал [быть может, М. Сокольниковский? – В. З.]» был послан «вызвать депутацию». Он «встретился с Виллерсом, и тот водил его в губернское правление, в Думу, в полицию, к генерал-губернатору, словом, всюду, где была малейшая надежда встретить какой-нибудь остаток чиновников. Эта-то прискорбная встреча доставила Виллерсу место полицмейстера. После многих бесполезных поисков польский генерал воротился к Бона-

каивает себя тем, что русские, может быть, просто не знают, как принято сдавать города. «Ведь здесь все ново: они для нас, а мы для них!» – так, как представляется, в целом точно, передал Сегюр размышления императора в те минуты¹.

Между тем прибывающие из Москвы офицеры докладывают, что город пуст. Тогда император, обратившись к П.А.Н.Б. Дарю, министру-государственному секретарю, говорит ему: «Москва пуста! Что за невероятное известие! Надо туда проникнуть. Идите и приведите ко мне бояр (*les boyards*)»². Вероятно, чуть позже³ Наполеон обращается к генерал-адъютанту А.Ж.О.А. Дюронелю, которого он назначил военным комендантом Москвы, и приказывает ему: «Поезжайте в город; организуйте службу (*réglez le service*) и составьте депутацию, которая принесет мне ключи». Здесь же, обратившись к Деннье, Наполеон говорит: «Вы, Деннье, поезжайте выяснить ситуацию, соберите сведения о ресурсах и представьте мне отчет». Дюронель и Деннье тотчас же выезжают в город, достигают моста через Москву-реку и, миновав его, видят группу московских иностранцев примерно человек в 20⁴. Эти люди, «гонимые страхом», спешили, как пишет Деннье, «прибегнуть к защите под нашими знаменами». По их словам, губернатор Москвы принял все меры к тому, чтобы население покинуло город и что теперь «Москва не более чем пустыня»⁵.

парту, чтоб донести ему, что в Москве не осталось никого из властей и что город был покинут всеми, исключая некоторых оставшихся там иностранцев» (Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1409–1410).

¹ Ségur Ph.P. *La Campagne de Russie*. P. 173.

² *Ibidem*.

³ По словам Деннье, это произошло примерно через час после прибытия Наполеона к Дорогомилдовской заставе (Denniée P.P. *Op. cit.* P. 88–89), т. е. примерно в половине пятого.

⁴ Согласно Ж. Шамбрэ, эту депутацию первым увидел Мюрат (*Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie*. P., 1838. Т. 2. P. 117). Это мнение кажется справедливым.

Среди прочих в составе депутации были книгопродавцы Рис и Сессе (Со-сэ), лектор Московского университета Виллерс, назначенный позже обер-полицеймейстером Москвы, и типографщик Ламур, о котором речь пойдет ниже. Был там и некий француз, «директор кабинета естественной истории Москвы». Об этом «директоре» пишет Р. Солтык (*Soltyk R. Op. cit.* P. 270). О Рисе и Сессе поведал А. Домерг со слов либо своей жены, либо других иностранцев, оставшихся в Москве (*Domergues A. Op. cit.* Т. 2. P. 42–43). При этом Домерг отнес встречу Наполеона с этой депутацией на 15 сентября. О присутствии в делегации Виллерса известно из следственного дела.

⁵ *Denniée P.P. Op. cit.* P. 88–89.

Эта депутация была приведена к императору. Наполеон, сразу поняв, кто перед ним, тем не менее пожелал поговорить с одним из пришедших. Вызвался некто Ламур (Lamour), француз, оставшийся в Москве в качестве временно управляющего типографией Н.С. Всеволожского вместо высланного Ф.В. Ростопчиным Августа (Огюста) Семена¹. Ламур, восторженный поклонник Наполеона, был чрезвычайно рад чести говорить с императором. Но ему удалось произнести только несколько фраз, а именно сообщить о том, что москвичи, которыми «овладел панический страх при вести о торжественном приближении вашего величества», очистили город в несколько дней, в то время как Ростопчин «решился уехать только 31-го августа...». Здесь Наполеон прервал Ламура восклицанием: «Прежде сражения! Что за сказки!» Затем, повернувшись спиной к типографщику, явственно произнес: «Дурак»².

Этот диалог оказался чрезвычайно примечательным: Наполеон не только не был в состоянии понять поведение русских жителей Москвы, но и московских французов. Дело в том, что Ламур, уже долго живший в Москве, привык к юлианскому календарю, в то время как Наполеон, возможно и слышавший о разнице между западноевропейским и русским календарями, не считал нужным принимать это во внимание!³

---

¹ По другим сведениям, временно управляющим был г. Гюе.

Типография Всеволожского (типография Императорской Академии наук) была основана в 1809 г. Ее хозяин, Всеволожский, покидая Москву задолго до вступления французов, должен был оставить ее управляющему Огюсту Семену, но Семен был выслан Ростопчиным из города. Управление типографией было возложено на француза Гюе (Huet), фактора типографии. В начале оккупации Москвы в здании типографии поселился бригадный генерал Ш. Лельевр де ла Гранж, командир 3-й бригады 5-й дивизии тяжелой кавалерии из 1-го кавалерийского корпуса. Он повесил новую вывеску: «Императорская типография Великой армии». В ней печатались приказы, прокламации и бюллетени Великой армии. Рабочим было прибавлено жалованье и расчет с ними производился каждый вечер. Помимо типографии Всеволожского, французы использовали маленькую походную типографию г. Левро, находившуюся в подчинении у Дарю (Изарн Ф., де. Указ. соч. Примеч. 9. Ст. 1456–1457).

² Корбелецкий Ф.И. Указ. соч. С. 26; Толычева Т. Указ. соч. 1912. С. 21–22. О прибытии этой делегации и о факте разговора с ней Наполеона пишут многие – Гурго (Gourgau G. Op. cit. P. 277), Деннье (Dennée P.P. Op. cit. P. 88–89), Солтык (Solytk R. Op. cit. P. 269–270), Шамбрэ (Chambray G. Op. cit. P. 117) и др.

³ Сегюр сообщает о том, что некий французский офицер, отправившийся в город, пригнал к императору пятеро или шестеро бродяг. Но с первых же

Известие об оставлении Москвы всеми ее жителями, которое вновь и вновь подтверждалось прибывающими из города офицерами и москвичами-иностранцами, чрезвычайно взволновало Наполеона. «Я никогда не видел, – вспоминал Коленкур, – чтобы он находился под таким сильным впечатлением. Он был очень озабочен и проявлял нетерпение после двухчасового ожидания у заставы; а новые донесения навели его, очевидно, на весьма серьезные размышления, так как его лицо, обычно столь бесстрастное, на сей раз ярко отражало его разочарование»¹. Другой очевидец, Корбелецкий, писал о Наполеоне так: «...ровные и спокойные шаги его вдруг становятся скоры и беспорядочны. Он оглядывается в разные стороны, оправляет платье, останавливается, вздрагивает, недоумевает, берет себя за нос, снимает с руки перчатку и опять надевает, вынимает из кармана платок, мнет его в руках и как бы ошибкою кладет в другой карман, потом снова вынимает и снова кладет, опять снимает перчатку и торопливо надевает ее, и это повторяется несколько раз»².

Полагаем, что, еще находясь у Дорогомиловской заставы, Наполеон, который опасался грабежей в городе со стороны солдат Великой армии, приказал, чтобы две бригады легкой кавалерии растянули посты вдоль западных окраин города и предотвратили проныкновение в него жаждавших поживиться солдат. Что же касается войск Богарнэ и Понятовского, то им было приказано остановиться в лье от города³. С той же целью – сохранение в городе порядка – император приказал войскам командующего Молодой гвардией маршала А.Э.К.Ж. Мортье, двигавшимся сразу за авангардом Мюрата, занять Кремль и предотвратить его разграбление⁴. 14-го Наполеон произвел также важные назначения: Мортье был назначен губернатором Московской провинции, Дюронель – комендантом города, а бывший

слов этих людей Наполеон убедился, что перед ним несчастные поденщики (*journaliers*) и воскликнул: «Aga! Русские еще не сознают, какое впечатление должно произвести на них взятие их столицы!» (*Séguir Ph.P. La Campagne de Russie. P. 174*). Интересно, что некоторые чины Великой армии действительно были убеждены в том, будто ключи от города Наполеону были все же принесены (См., например: Кудер (*Coudère*) – жене. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées. P. 52*).

¹ Caulaincourt A.A.L. *Op. cit.* Т. 2. Р. 5.

² Корбелецкий Ф.И. Указ. соч. С. 27–28.

³ *Chambrey G. Op. cit.* Р. 115. Все мемуаристы свидетельствуют о том, что чуть ли не любой офицер или солдат, желавший, несмотря на все запреты, вечером 14-го или в ночь на 15-е побывать в русской столице, смог это сделать.

⁴ *Ibidem.*

поверенный в делах в Петербурге Ж.Б.Б. Лессепс – интендантом провинции¹. Было подготовлено и обращение к жителям русской столицы, в котором предлагалось: 1. Представить коменданту города Дюронелю рапорты «о всех русских, находящихся у них, как о раненых, так и здоровых». 2. Представить в течение суток рапорты «о всех вещах, принадлежащих казне». 3. Объявить о наличии «мучных, ржаных и питейных запасах». 4. Объявить о наличии и представить «коменданту все оружие». В заключение провозглашалось, что «спокойные жители Москвы не должны сомневаться в сохранности их имущества»².

14 сентября датируются и ряд приказов, отданных Наполеоном в отношении задержанных и плененных русских солдат, бывших в тот день основным источником беспорядков и мародерства в Москве. Было предписано передавать их войскам Л.Н. Даву³. Это тем более важно, что Дюронель беспрестанно сообщал из Москвы о том, что все дома полны отставших русских солдат, и что император не должен пока въезжать в город. Дюронель настаивал на введении в город дополнительных сил с тем, чтобы эффективно организовать патрулирование. В ответ на эти просьбы император предложил коменданту обратиться к Мортье⁴.

---

¹ В отношении точной даты назначения Лессепса у нас имеются серьезные сомнения.

² Текст прокламации на французском языке без подписи и датировки был вначале опубликован Шамбрэ (Chambrey G. *Op. cit.* P. 114–115; Note «а»), а затем на русском языке Михайловским-Данилевским (Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1840. Ч. 2. С. 287). В тексте, хранящемся в ОПИ ГИМ (Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 91. Копия с копии), он датирован 14 сентября и подписан Бертье («По указу Его императорского и королевского величества подписал кн. Невшательский Александр»). См. также: Дубровин Н. Ф. Отечественная война. С. 118–119.

³ Caulaincourt A.A.L. *Op. cit.* Т. 2. P. 3–4. Среди опубликованных письменных приказов Наполеона к 14-му числу относится только один! В нем император предлагает Бертье написать дивизионному генералу Д. Сен-Жермену, который командовал 1-м корпусом резервной кавалерии вместо раненого Э.М.А. Нансути, о том, что «артиллерийский парк русских находится в квартале, называемом Земляной город, рядом с небольшим озером перед Петербургской дорогой», и что туда необходимо отправить сильную партию. Эта партия не должна вступать в город, но «должна выделить подразделения, которые будут заняты подбором русских, находящихся в большом числе по обе стороны [вероятно, Петербургской дороги. – В. З.]» (Наполеон – Бертье. Москва, 14 сентября 1812 г. // Napoléon I. *Correspondance*. Т. 24. № 19205. P. 217–218).

⁴ Caulaincourt A.A.L. *Op. cit.* Т. 2. P. 4–5.

Наконец, около 5 вечера Наполеон сел на лошадь и в сопровождении Даву, находившегося недалеко от заставы, объехал деревню, которая раскинулась перед городом (*le village qui est près de la ville*). Возвратившись к заставе, император в 5 часов вечера въехал в предместье. Он проехал до полуразрушенного моста через Москву-реку, перешел ее вброд, доехал до конца улицы, затем вернулся к мосту. Здесь император оставался до наступления ночи. Он торопил с починкой моста, продолжал получать сообщения о положении дел в городе и о движениях своей и русской армий¹.

Что же произошло в эти часы в самом городе? Москва обезлюдела. К началу 1812 г. в первопрестольной, по данным полиции, было 270 184 жителя (157 152 мужского пола и 113 032 женского пола). В полицейских документах давалась численность и по отдельным категориям населения: духовенства – 5104 человека, дворян – 17 442, военных – 13 891, купцов – 19 124, мещан – 18 138, дворовых людей – 80 540, «всех прочих сословий» – 106 945 человек². Однако, по убедительному мнению А.Г. Тартаковского, численность населения Москвы к лету 1812 г. должна была заметно уменьшиться за счет «сезонных жителей» – помещичьих и государственных крестьян, которые приходили в столицу с поздней осени до весны на заработки для уплаты оброка и казенных податей³. Кроме того, А.Г. Тартаковский, опираясь на списки жителей Москвы, составленные летом 1813 г. для выявления тех, кто находился в Москве в период оккупации, и имея данные по 12 из 20 полицейских частей города, остановился на примерной цифре в 6189 человек⁴. Несмотря на то что у нас имеются серьезные сомнения даже в относительной точности подобной цифры (полагаем, что в Москве без учета русских раненых и больных солдат осталось не менее 10 тыс. человек), мы все же вынуждены принять расчеты А.Г. Тартаковского в отношении пропорциональной зависимости между числом оставшихся в Москве жителей и общей массой населения первопрестольной по отдельным социальным категориям. Позже, во время оккупации, согласно А.Г. Тартаковскому, удельный вес крестьян уменьшился с 60,2 % населения до 27 %, что было связано с их сезонным пребыванием в городе; удельный вес дворовых также снизился с 36,8 % до почти 22 %, но в общей массе крестьян, бывших в Москве при французах, их доля существенно возросла и достигла 81,3 %. Заметно вырос в общей

---

¹ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 2. Р. 6–7.

² ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 160. Л. 3.

³ Тартаковский А.Г. Население Москвы в период французской оккупации 1812 г. // Исторические записки. 92. М., 1973. С. 237.

⁴ Там же. С. 361–368.

массе оставшегося в Москве населения удельный вес духовенства – с 2,1 % до 10,7 %, в основном за счет служителей культа низшего звена, в то время как высшие иерархи поголовно выехали. Увеличилась доля купцов – до 12,4 % (с 6,6 % до начала оккупации), мещан – 17 % (с 5,5 %), разночинцев – 6,6 % (с 1,4 %), цеховых – 5,5 % (с 3,5 %.) Резко возрос удельный вес иностранцев в оккупированной Москве – с 1,1 % до 8 %¹.

При анализе причин, заставивших тех или иных москвичей остаться в Москве, обращает на себя внимание тот факт, что представители статусных и зажиточных слоев города вынуждены были отказаться от выезда, как правило, по обстоятельствам имущественного и семейного характера². В то же время у городских низов, почти поголовно принадлежавших к русскому населению, мотивы остаться, как правило, были иными. Во-первых, они не обладали практически никакой собственностью, которую хотели бы защитить. Во-вторых, немало было тех (и последующие события это показали), кто надеялся пожить за счет добра, оставленного в Москве покинувшими ее жителями. Кроме того, как, к примеру, вспоминал мещанин П. Кондратьев, остались и те, «кому некуда было идти»³.

Если в Москве во время оккупации оставалось, как мы полагаем, не менее 10 тыс. жителей, то раненых и больных солдат в ней оказалось еще больше – от 10 до 15 тыс. человек⁴. В условиях поспешного отступления, расстройств тыловых служб, пренебрежения ряда чинов своими обязанностями большую часть нетранспортабельных раненых пришлось оставить в Москве фактически на произвол судьбы. Немалая доля вины за это лежит на Ф.В. Ростопчине. Всю вторую половину августа он, будучи занят изобретением все новых и новых способов поддержания в простонародье «патриотического возбуждения» и выискиванием среди «московских иностранцев» затаившихся врагов Отечества, вынашивал замысел поджога и уничтожения Москвы. При этом инспирированное Ф.В. Ростопчиным преследование «московских иностранцев» привело к тому, что среди простонародья стали составляться заговоры с целью массового избиения оставшихся иностранцев и разграбления их имущества⁵. Между тем сам Ф.В. Ростопчин, бросив 2 (14) сентября на растерзание толпе ку-

---

¹ Там же. С. 361–368.

² См.: Земцов В.Н. Москва при Наполеоне: социальный опыт кросскультурного диалога // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 221–223.

³ Толычева Т. Указ. соч. 1872. С. 18.

⁴ См.: Zemtov V. The Fate of the Russian Wounded abandoned in Moscow in 1812 // *Journal Slavic Military Studies*. 2015. Vol. 28. Issue 3. P. 502–523.

⁵ Земцов В.Н. 1812 год. Пожар Москвы. М., 2010. С. 35.

печеского сына М.Н. Верещагина, которого он обвинил в измене Отечеству, благополучно отбыл из столицы. Успели покинуть город, часто загодя, и многие представители высших слоев. «Сперва-то народ роптал, что господа выезжают, – вспоминал мещанин П. Кондратьев, – а его выдают без защиты неприятелю». «Начальство даже боялось, как бы от своих каких бед не произошло. Иные дворяне от страха наряжались в женское платье, а бакенбарды подвязывали, будто зубы болят, да так и выезжали из города». «Сильно тогда все серчали на графа Ростопчина», – говорил П. Кондратьев¹. «Начальство московское и полиция, – вторил Кондратьеву купец Г.Н. Кольчугин, – с 1 на 2 сентября в ночи все выбыло из города, оставя нас на произвол судьбы»². Выехали из Москвы и все иерархи русской православной церкви, не дав своим подчиненным никаких ясных указаний на счет их действий.

Какой увидели Москву вступившие в город солдаты Великой армии? Головные части авангарда Мюрата вступили в Дорогомиловское предместье в два – начале третьего часа пополудни³. Впереди шла кавалерия 2-го кавалерийского корпуса под командованием Себастьяни. Кавалеристам был отдан строжайший приказ не слезать с коней и не выезжать из строя⁴. Хирург Г. Роос, который ехал со своим вюртембергским 3-м конно-егерским полком сразу вслед за передовым 10-м польским гусарским, вспоминал: «Пока мы ехали по улице до реки Москвы, не было видно ни одной обывательской души. Мост был разобран, мы поехали вброд; пушки ушли в воду до оси, а лошади – до колен»⁵. О том же пишет и Солтык, оказавшийся в составе авангарда. Прямо впереди французского авангарда он видел казаков, «которые служили своего рода гидами»; «они двигались медленно, без опаски, и, переходя через реку, напоили своих лошадей в реке; Неаполитанский король сделал то же самое, как и его свита»⁶.

Миновав переправу, русские и французы, офицеры и солдаты, как это было в тот день уже не раз, перемешались. Неаполитанский король оказался среди русских, он остановился и возвысил голос:

– Есть ли офицер, который говорит по-французски?

---

¹ Толычева Т. Указ. соч. 1872. С. 17–18.

² Кольчугин Г.Н. Указ. соч. С. 47.

³ Мюрат – Богарнэ. Без даты // [Du Casse A.] Op. cit. P. 47.

⁴ Роос Г. Указ. соч. С. 141–142.

⁵ Там же. С. 142.

⁶ Soltyk R. Op. cit. P. 266.

– Да, сир, – ответил один юный русский офицер, приблизившийся к нему.

– Кто командует арьергардом?

Юный офицер сделал несколько шагов и представил королю пожилого офицера с воинственной фигурой, одетого в «форму регулярного казака».

– Спросите его, я прошу Вас, знает ли он меня?

– Он говорит, сир, что знает Ваше величество; и что он все время видел Вас в гуще огня.

Этот, в общем-то правдивый, ответ не мог не польстить Неаполитанскому королю¹.

Во время этого короткого разговора Неаполитанский король обратил внимание на бурку (французы пишут о небольшой шубе) с длинной шерстью, которая хорошо служила пожилому офицеру на биваках. Офицер тотчас же снял с себя бурку и предложил ее королю, которую тот принял. Король, застигнутый любезностью русского офицера врасплох и не имея ничего, что можно было бы подарить взамен, обратился к ординарцу императора Гурго, оказавшемуся рядом: «Дайте мне Ваши часы». Гурго, скрепя сердце, вынужден был расстаться со своими очень красивыми и дорогими часами².

Вообще в те несколько часов 14 сентября, пока продолжалось шаткое перемирие, произошло множество сцен своего рода «братания» солдат воюющих армий. Леопольд Голуховский, капитан польского генерального штаба, помощник начальника штаба корпуса Понятовского, был направлен своим командиром к Милорадовичу для переговоров. Сопровождаемый казачьим офицером, Голуховский

---

¹ Коленкур, который не мог присутствовать при этой сцене, впрочем, как и все остальные «свидетели» (Деннье, Сегюр, Фэн и Боссе), вложил в уста казачьего офицера следующие слова: «Мы до такой степени восхищаемся Вами, что наши казаки дали себе слово не стрелять по столь храброму принцу. Но между тем однажды, прибавил он, с Вами может произойти несчастье» (Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 3–4).

² Denni e P.P. Op. cit. P. 86–87. О том, что эта сцена, по-видимому, действительно имела место между обрушившимся мостом через Москву-реку и кварталами Арбата, свидетельствуют строки Фэна (Fain A.J.F. Op. cit. P. 52). См. также: Bausset L.F.J. M moires anecdotiques... P. 115; S gur Ph.P. La Campagne de Russie. P. 172. История о беседе Неаполитанского короля с казаками, сопровождавшаяся раздачей «часов всех своих адъютантов и других офицеров штаба», в тот же день получила широкое хождение среди чинов Великой армии (См., например, рассказ су-лейтенанта Ж. Комба из 8-го конно-егерского полка со слов некоего баварского офицера (Французы в России. Ч. 1. С. 253)). А.Н. Попов, как само собой разумеющееся, считает, что казачьим офицером был не кто иной, как полковник И.Е. Ефремов.

въехал в город. Всюду были колонны отступавших русских солдат и нестройные толпы беженцев. Завидев офицера в неприятельском мундире, русские стали кричать: «Мир! Мир!» Голуховский потом уверял, что отнюдь не чувствовал себя хотя бы в малейшей опасности, а наоборот, всюду встречал наилучший прием и выражение дружеских чувств¹.

Некоторые очевидцы демонстративного дружелюбия солдат двух воюющих армий подметили одну характерную вещь: «...в то время как мы дружески общались, – писал один из очевидцев, – собаки обеих армий были менее дружелюбны. Они косо поглядывали, оставаясь на некотором расстоянии друг от друга, и не прекращали злобно ворчать; и эти звуки предупреждали нас о продолжительности их злопамятства»².

Двигаясь через Арбат, кавалеристы французского авангарда наконец-то «встретили несколько человек, стоявших у окон и дверей, но они, казалось, были не особенно любопытны. Дальше попадались прекрасные здания, каменные и деревянные, на балконах иногда виднелись мужчины и дамы. Наши офицеры, – писал Роос, – приветливо отдавали честь; им отвечали столь же вежливо, но все-таки мы видели еще очень мало жителей, а около дворцов все стояли люди, имевшие вид прислуги. Во внутренних частях города мы наткнулись на истомленных русских солдат, отсталых, пеших и конных, на брошенный обоз, на серых убойных быков и т. д. Все это мы пропускали мимо. Медленно, с постоянными поворотами продвигались мы по улицам...»³

Когда голова авангарда проезжала через рынок, внимание кавалеристов привлекли деревянные лавки: они были открыты, а перед дверями на улице валялись разбросанные в беспорядке товары, словно «здесь хозяйничали грабители». «Мюрат, – вспоминал Роос, – проезжал взад и вперед по нашим рядам, был очень серьезен и деятелен»⁴.

---

¹ Solytk R. Op. cit. P. 265. Солтык называет Голуховского полковником и уверяет, что тот был отправлен в Москву Мюратом. Эти ошибки исправил М. Кукель (Kukiel M. Op. cit. Str. 213).

² Цит. по: Grünwald C. La campagne de Russie. 1812. P., 1963. P. 193.

³ Роос Г. Указ. соч. С. 142.

Отставной генерал-майор С.И. Мосолов, оставшийся в Москве и наблюдавший происходившее в ней, писал, что 2 сентября (ст. ст.) неприятели «ехали взводами порядком», не вынимая сабель из ножен, «а иные и пели песни» (Отрывок из рукописи «История моей жизни» отставного генерал-майора С.И. Мосолова // Бумаги, относящиеся... Ч. 8. С. 335).

⁴ Роос Г. Указ. соч. С. 144.

В голове авангарда, недалеко от Мюрата, оказался в те минуты еще один будущий мемуарист, обер-лейтенант баварского 5-го шеволежерского полка «Ляйнинген» А. Муральт. С восторгом молодости он вначале наблюдает чудесное «театрализованное шествие» авангарда, вступающего в русскую столицу, любителю необыкновенным костюмом Неаполитанского короля, но сразу вслед за этим поражается пустынности широких улиц и смертельной тишине обезлюдившего города. «Никто не смотрел на нас из окон», – напишет он¹.

Движение сомкнутыми колоннами, сразу вслед за неторопливо отступающими казаками, «совершалось крайне медленно, остановки были очень часты» (Роос). Ближе к четырем часам пополудни, миновав Арбатскую площадь, французский авангард увидел в конце улицы Воздвиженки краснокирпичные стены Московского Кремля. В начале пятого возле Троицких ворот Кремля произошла знаменитая стычка солдат Мюрата с горсткой вооруженных москвичей.

Это событие, хотя и незначительное с военной точки зрения, в отечественной историографии приобрело символическое звучание. По версии А.И. Михайловского-Данилевского (он не указал источники своих сведений), ставшей основой для описания этого сюжета Л.Н. Толстым в «Войне и мире», вначале был сделан выстрел по Мюрату, когда тот въезжал в Никольские ворота (Мюрат, судя по всему, въехал через Троицкие ворота. – В. З.). Одновременно некий ратник московского ополчения бросился на «одного польского офицера, вероятно, приняв его, по богатому мундиру, за генерала, может быть, и за самого Бонапарта, и убил врага». Уже после этой сцены у Никольских ворот французы произвели три выстрела из пушки по толпе, собравшейся у Арсенала. Наконец, один из крестьян «кинулся на офицера, бывшего при орудии, раздробил ему прикладом череп и рвал его лицо зубами»².

Постепенно в отечественной историографии возникает несколько иная картина. Вот, например, версия Е.В. Тарле: «...когда головной отряд кавалерии Мюрата подошел к Кремлю, оттуда из-за запертых ворот раздались несколько выстрелов. Французы ядром выбили ворота и картечью перебили несколько человек, там оказавшихся». И далее: «Когда французы ворвались в крепость, то один из защитников с необычайной яростью бросился на французского офицера, стараясь задушить его, и зубами прокусил ему руку. Он был убит,

---

¹ Muralt A. Op. cit. S. 69.

² Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008. С. 284.

как и остальные»¹. Не менее патетически описал этот эпизод Л.Г. Бескровный: французы направили огонь пушек «против горстки русских патриотов, которые, запершись в Кремле, обстреляли подошедший к нему французский авангард. Мюрат приказал ядрами разбить ворота Кремля. Артиллеристы вломились в Кремль и расстреляли его безымянных защитников»².

Пожалуй, только А.Н. Попов отважился заметно снизить патриотический накал этого эпизода, честно сказав, что эти несколько сот патриотов представляли собой пьяную толпу городских подонков, накануне растерзавших брошенное им Ростовичиным тело «предателя» М. Верещагина, а теперь, разнося оставшиеся без присмотра кабаки, решившие отразить армию Наполеона³.

Если оставить в стороне описания отечественных историков и обратиться к свидетельствам очевидцев с русской стороны, то их оказывается весьма немного. Главным (и чуть ли не единственным) русским свидетелем этого эпизода оказывается А.Д. Бестужев-Рюмин, чиновник Вотчинного департамента, наблюдавший сцену (точнее, часть сцены) из окон Сенатского здания. Из текста его воспоминаний следует, что солдаты французского авангарда вынуждены были выломать Троицкие ворота, так как те были заперты (при этом из текста не ясно, были ли ворота выбиты орудийными выстрелами, либо взломаны как-то иначе). После этого в ворота въехали несколько «польских улан», которые начали рубить стоявших у Арсенала людей с оружием. Когда несколько человек пало окровавленными, остальные, бросив оружие, запросили пощады. Уланы сошли с коней и стали отбивать у ружей приклады, после чего «засадили их [людей. – В. З.] в новостроющуюся Оружейную Палату». Вслед за уланами вошла через ворота конница. Впереди «ехал генерал, и музыка гремела». На стенных часах, что были в департаменте, Бестужев-Рюмин увидел, что была половина пятого⁴.

---

¹ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1992. С. 165.

² Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 422.

³ Попов А.Н. Французы в Москве. М., 1876. С. 22–24.

⁴ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание... С. 363–364. Хотя свидетельства Бестужева-Рюмина и заслуживают всяческого внимания и доверия, тем не менее и они вызывают законный вопрос: о каких таких «польских уланах» повествует Бестужев-Рюмин, если во 2-м кавалерийском корпусе, который определенно шел в авангарде первым, был только прусский 1-й сводный уланский полк, двигавшийся вслед за передовым 10-м польским гусарским? Нельзя исключать, что Бестужев-Рюмин принял за «польских улан» либо польских гусар, либо прусских улан.

Еще более «понижает» героизм сцены неизвестный русский автор письма, составленного сразу после событий: неприятели «застигли русских в арсенале с оружием в руках, кричали им, чтоб они его бросили, многие не понимали их, подавали им, думая, что они просят оное себе его, а злодеи таковых убивали, тут последовало смятение, смешанное с ужасом и отчаянием...»¹.

С русской стороны имеется одно любопытное свидетельство, правда, косвенное, да и зафиксированное много лет спустя человеком, пережившим французский плен. Оно принадлежит В.А. Перовскому, тому самому, которого вывел в романе «Сожженная Москва» Г.П. Данилевский. 16 сентября в доме И.Р. Баташова Перовский говорил с офицером из свиты Мюрата, голова, часть лица и правая нога которого были перевязаны. Этот офицер с нескрываемой злобой поведал, как при вхождении в Кремль сопровождение Мюрата было встречено ружейными выстрелами. «Это была толпа вооруженных жителей; выстрелы ранили несколько человек из свиты короля; не успели еще опомниться, как отчаянные с криком «ура!» бросились на французов... один большой сильный мужик бросился на него, ударил штыком в ногу, потом за ногу стащил с лошади, лег на него и начал кусать в лицо; старались его стащить с офицера, но это было невозможно, на нем его и изрубили». «Искусанный француз с негодованием уверял меня, – вспоминал Перовский, – что от мужика пахло водкой». «Французы принуждены были выдвинуть два орудия и выстрелить по толпе несколько раз картечью; последние сии защитники Кремля все были побиты»².

---

¹ Отрывок из черного письма неизвестного лица // Бумаги, относящиеся... Ч. 3. С. 262. Сразу после появления в Кремле французов «во время благовеста к вечерне» в Успенском соборе был схвачен неприятельскими солдатами «в волосатых касках и в странных мундирах» священник И.С. Божанов. Он слышал только один выстрел пушки (Тетрадь священника московского Успенского собора И.С. Божанова. 1822 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 4. С. 57–58). «Три пушечных выстрела в Кремле», которыми «разгоняли народ, там собравшийся», услышал Ростопчин (Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 314).

² Перовский В.А. Указ. соч. Ст. 1036. Возможно, что именно этот искусанный офицер из свиты Мюрата, который, по словам Перовского, «собою был очень хорош», и стал персонажем рассказа Сегюра, Бургоня, а потом и Тарле. В справочнике А. Мартиньена мы обнаружили только одного возможного претендента на роль «искусанного офицера» – это адъютант штаба (*adjoint d'état-major*) шеф батальона неаполитанской службы, прикомандированный к топографическому кабинету Неаполитанского короля Пишон (Pichon). Согласно документам, он получил ранение в пригороде Москвы;

Со стороны москвичей (правда, не русских, но иностранных) имеется еще два-три свидетельства этого эпизода. Наиболее убедительное принадлежит французскому эмигранту Ф. д'Изарну. Оно звучит так: «Проходя в ворота Кремля, выходящие к Никольской улице, генерал [Себастьяни. – В. З.] увидел около двухсот вооруженных граждан, которые собрались толпою в Кремле; он обратился к какому-то любопытному, находившемуся вместе с ним под воротами, и сказал ему: “Вы говорите по-французски. Подите и скажите этим людям, чтобы они положили оружие, – иначе я велю стрелять по ним”. Любопытный, очень смутившись этим поручением (он очень мало знал по-русски), но побуждаемый чувством сострадания, которое его приглашали доказать на деле, отправился к русским с переговорами, чтобы предупредить слишком неравный бой. Несмотря на это, французы, все продвигаясь вперед, были встречены несколькими ружейными выстрелами, на которые они ответили двумя пушечными; но, благодаря переговорщику, сражение остановилось на этом. Русские побросали ружья и мирно разошлись»¹.

Близкую версию событий излагает и театральный режиссер А. Домерг со слов французов, находившихся в городе во время оккупации. Речь у Домерга тоже идет о «воротах, выходящих на Никольскую улицу», правда количество «мужиков» которые после двух пушечных выстрелов «разбежались в разные стороны»², увеличивается с 200 до 300.

Третий свидетель из числа московских иностранцев (немец А.В. Нордгоф) говорит о пяти орудийных выстрелах со стороны Кремля: «Четыре маленькие пушки в отдалении, и тотчас же после этого одна большого калибра выстрелила по Кремлю (sur le Kremlin)». Спустя некоторое время Нордгоф и его товарищ увидели «идущих французов с военной музыкой»³.

Какую же версию или, лучше сказать, какие версии предлагают нам свидетели со стороны армии Наполеона? Самая красочная из них принадлежит, конечно же, перу Сегюра. Он повествует, что подошедшая к Кремлю голова колонны авангарда обнаружила ворота запертыми, а из-за его стен «доносился какой-то свирепый рёв». «Несколько вооруженных мужчин и женщин, отвратительного вида, показались на стенах. Они были пьяны и изрыгали ужасные ру-

---

правда, указано, что это было 15 сентября (Martinien A. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les Guerres de l'Empire. 1805–1815. P., 1899. P. 36).

¹ Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1407–1408.

² Domergues A. Op. cit. Т. 2. P. 39.

³ Histoire de la destruction de Moscou... P. 77–78.

гательства. Мюрат обратился к ним со словами мира, но все было напрасно. Надо было пробить ворота пушечными выстрелами. Волей-неволей пришлось проникнуть в толпу этих бездельников. Один из них чуть было не бросился на Мюрата и пытался убить одного из его офицеров». Мужика обезоружили, но он бросился опять, повалил офицера на землю и хотел его задушить. «Когда же его схватили за руки, он пытался кусаться». По словам Сегюра, за этими сценами совершенно индифферентно наблюдали «500 новобранцев, забытых на площади Кремля». По первому же требованию они разбежались¹.

Несмотря на чрезмерную «художественность» картины, нарисованной Сегюром, она в своей основе кажется довольно правдивой (вспомним хотя бы эпизод с искусанным офицером, о чем писал и Перовский), чего нельзя сказать о версии храброго сержанта полка фузилеров-гренадер из Молодой гвардии А.Ж.Б. Ф. Бургоня. По мнению последнего, Мюрат якобы обратился к Наполеону с вопросом, что ему делать с засевшими в Кремле русскими, на что император ответил: «Выбить ворота пушкой», что и было сделано пушечными выстрелами².

Стоит упомянуть, что ни Сегюр, ни тем более Бургонь не могли быть свидетелями этого эпизода. Не присутствовали там в этот момент ни известный историк кампании 1812 года капитан гвардейской артиллерии, Ж. Шамбрэ, ни капитан Ж. Ф. Фриан, хотя и служивший во 2-й пехотной дивизии, двигавшейся в авангарде, но в событиях 14 сентября не участвовавший. Вряд ли был очевидцем и капитан К. Турно, адъютант генерала К. Турно, командира 29-й бригады легкой кавалерии, которая, хотя и входила в колонну авангарда Мюрата, но была явно далеко от его головы³, и многие другие «очевидцы» Великой армии. И все же... Четверо чинов армии Наполеона, оставившие воспоминания, не без оснований могли претендовать на роль свидетелей и участников интересующего нас эпизода в Московском Кремле 14 сентября. Это обер-лейтенант Муральт, ка-

---

¹ Ségur Ph.P. La Campagne de Russie. P. 176–177. Г. Брандт, офицер Легиона Вислы, по-видимому, со слов своего знакомого ротмистра Г. Скуржевского, поведал о том, что возле Кремля был пленен рекрутский батальон в составе 400 человек. Затем плененные были препровождены в Кремль, а еще позже отконвоированы к Даву (Наполеон в России глазами русских. С. 290–291). Не об этих ли рекрутах говорит Сегюр?

² Bourgonne A.J.V.F. Op. cit. P. 12.

³ Chambray G. Op. cit. P. 116; Friant J.F. Vie militaire du lieutenant-général comte Friant. P., 1857. P. 244 (капитан Ж.Ф. Фриан, как и его отец, дивизионный генерал Л. Фриан, был ранен 7 сентября 1812 г.); Turno Ch. Op. cit. P. 103.

питан Солтык, врач Роос и бригадный генерал А.Б.Ж. Дедем ван де Гельдер.

Обер-лейтенант баварского 5-го шеволежерского полка «Ляйнинген» А. Муральт оказался в тот час недалеко от Неаполитанского короля. Муральт увидел, как Мюрат и один из его адъютантов приблизились на 40–50 шагов к Кремлю, когда из ворот, «а также из одной, находившейся напротив церкви», вывалилась «толпа пьяных солдат и горожан», и прозвучали выстрелы. Толпой руководило несколько офицеров. Один из них, видимо, старший, был на лошади; в одной руке у него была сабля, другой он сжимал бутылку. Так как призывы Неаполитанского короля прекратить сопротивление оказались безрезультатными, были произведены один или два выстрела картечью, после чего «толпа совершенно разбежалась в разных направлениях». Эта стычка продолжалась «едва одну минуту»¹. После этого Муральт, не въезжая за стены Кремля, немедленно покинул место столкновения.

В памяти врача Рооса, в отличие от Муральта, запечатлелось то, что произошло позже, уже в самом Кремле, у стен Арсенала: «Арсенал был открыт, и всякого рода люди – в большинстве, по видимому, мужики – выносили оттуда оружие, некоторые старались пробраться внутрь. На улице и на площади, где мы теперь остановились, валялось множество всякого оружия разного вида, по большей части нового. В дверях арсенала возникла перебранка адъютантов короля с выносившими оружие. Несколько адъютантов въехали внутрь здания, перебранка стала очень громкой. Тем временем было замечено, что на площади позади арсенала собралось много народа, шумного и беспокойного. Все это заставило короля придвинуть ко входу на площадь наши пушки и дать залп. Трех выстрелов оказалось достаточно, чтобы толпа с невероятной поспешностью рассеялась по всем направлениям»².

Когда же все-таки прозвучали орудийные выстрелы? Когда надо было высадить ворота, по всей видимости, Троицкой башни, или когда разгоняли толпу у Арсенала? Что говорит третий претендент на роль свидетеля, капитан Солтык? Он пишет: «Внезапно, когда наш авангард оказался возле Кремля, он был встречен ружейными вы-

---

¹ Muralt A. Op. cit. S. 70. Возможно, что церковь, из которой, по описанию Муральта, вывалилась часть толпы, – это церковь Николы в Сапожках, располагавшаяся рядом с Кутафьей башней. Стычка, которую наблюдал Муральт, могла произойти именно здесь, возле Кутафьей башни.

² Роос Г. Указ. соч. С. 144. Не исключено, что та часть авангарда, в которую входил и полк Рооса, вместе с Себастьяни вошла в Кремль через Никольские ворота, не встретив там сопротивления.

стрелами нескольких сот гражданских лиц, которые укрылись за его стенами и которые были совершенно пьяны. Теперь король считал, что перемирие нарушено; он высадил ворота цитадели, которая и была занята без сопротивления подразделением пехоты, в то время как наш передовой авангард бросился атаковать задние пелотоны вражеского арьергарда...»¹ Странно... Все последующие события говорят о том, что вплоть до поздней ночи или даже утра следующего дня перемирие в целом соблюдалось.

Что пишет четвертый свидетель и, возможно, участник стычки, генерал Дедем, чья пехота, по словам Солтыка, и захватила ворота Кремля? Вот его слова: «Мы остановились перед деревянным мостом через Москву-реку. Тотчас же адъютант короля передал приказ двигаться к Кремлю, куда жители и своего рода национальная гвардия отступили и заперлись в арсенале. В нас стали стрелять из амбразур. Выстрел из пушки смел все, что было, и затем по приказу Мюрата я собрал всех, кто носил мундир, в императорском дворце и выделил роту вольтижеров для охраны этих заключенных»². По-видимому, пехота Дедема (из дивизии Дюфура) прибыла на место уже после того, как стычка закончилась или подходила к завершению.

Итак, реконструировать ключевой эпизод вступления войск Наполеона в Москву сегодня возможно только в самых общих чертах. Примерно в начале 5-го часа пополудни по авангарду Мюрата, подходившему к Троицкой башне, было произведено несколько ружейных выстрелов из амбразур кремлевских укреплений. Одновременно эскорт Мюрата был ожесточенно, но беспорядочно атакован несколькими вооруженными ополченцами и мужиками. Сам король Неаполя в этот момент находился рядом, возле Троицких ворот, в то время как Себастьяни – в районе Никольских. Это обстоятельство указывает на то, что французский авангард подошел к Кремлю сразу по нескольким арбатским улицам. Возможно, французы оказались также и возле Боровицких ворот³. Сопrotивление пыталась организовать толпа человек в 200–300, состоявшая из отставших солдат, ополченцев и простонародья, вдохновленного призывами Ростопчина и винными парами. Попытки нескольких офицеров

---

¹ Soltyk R. Op. cit. P. 266. Некоторые пассажи на страницах воспоминаний Солтыка заставляют предположить, что и он лично не видел стычку, произошедшую у ворот Кремля и возле Арсенала. По-видимому, в это время он находился в одном из домов на Арбате (см.: Ibid. P. 267–269).

² Dedem de Gelder. Op. cit. P. 249.

³ Это следует из текста Бестужева-Рюмина (Бестужев-Рюмин А.Д. Крайнее описание... С. 364).

хоть как-то организовать эту толпу дали слабые результаты. Патриотическая экзальтация натолкнулась на организованную силу и была моментально сломлена. Троицкие ворота были разбиты парой выстрелов из орудий и в образовавшийся проезд устремились кавалеристы, которые быстро рассеяли (возможно, не без использования орудий и на этот раз) скопление народа возле здания Арсенала. Большая часть собравшихся поспешила разбежаться, а несколько десятков было задержано и передано солдатам Дедема. Количество убитых и раненых со стороны москвичей могло быть более двух десятков. Были раненые (и искусанные!) и с французской стороны. О судьбе задержанных можно только догадываться: позже часть из них, вероятно, была расстреляна в числе «поджигателей».

Маловероятно, что Мюрат воспринял этот эпизод как явное нарушение русскими условий перемирия: он хорошо понимал, что ни Милорадович, ни в целом русское командование не имели к столкновению у Кремля ни малейшего отношения. Тем не менее этот эксцесс заставил Неаполитанского короля относиться с большей осторожностью и сдержанностью к демонстрации миролюбия со стороны русских.

Быстро рассеяв толпу москвичей, собравшихся в Кремле, Мюрат повел авангард дальше. Бестужев-Рюмин, наблюдавший это шествие, видел, как войска, войдя в Кремль через Троицкие и Боровицкие ворота, проходили мимо здания Сената и выходили через Спасские ворота в Китай-город. В Кремль, как он утверждает, была ввезена пушка, из которой был сделан холостой сигнальный выстрел в сторону Никольских ворот. Движение французских войск через Кремль продолжалось до глубоких сумерек¹.

Было около шести часов вечера, когда авангард Себастьяни, вслед за частями Милорадовича, вышел за пределы города. «В это время заходило солнце при ясной погоде, совсем не такой, как утром, когда было пасмурно и холодно», – вспоминал Роос². Здесь, возле Рогожской и Покровской застав, русские и французские части снова, как это было недавно, смешались. «...Мы, выбравшись за город, – вспоминал Роос, – увидели несколько русских драгунских полков, частью построенных, частью проходивших мимо. Мы с самыми мирными намерениями выстроились против них. Они обнаружили подобное же настроение, офицеры и солдаты сблизались, протягивали друг другу руки и фляжки с водкой и разговаривали, как умели»³.

---

¹ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание... С. 364.

² Роос Г. Указ. соч. С. 145.

³ Там же. С. 146 (? – сбой в нумерации страниц). «Вечером русские офицеры смешались с нашими», – записал в дневнике 14 сентября капитан

Выдвижение французского авангарда за пределы города, несмотря на все задержки, произошло гораздо быстрее, чем на то рассчитывал Милорадович. При выезде из города (вероятно, через Рогожскую заставу) слева от себя он увидел неприятеля: «Двух уланов, а за ними конницу, тянувшуюся наперерез Рязанской дороге». Как пишет А.А. Щербинин (прапорщик, состоявший при арьберггарде), Милорадович, одетый в полную форму, «с тремя звездами, без шинели», немедленно бросился к неприятелю, требуя начальника. Этим начальником оказался все тот же Себастьяни. Милорадович с возмущенным видом заявил ему о том, что «мы заключили с Неаполитанским королем соглашение о перемирии вплоть до 7 часов утра, и вот Вы преграждаете мне дорогу!» На это французский генерал заявил, что не получал от Мюрата никакого уведомления на этот счет. Тем не менее Себастьяни приказал своей кавалерии остановиться «параллельно Рязанской дороге», по которой свободно прошли последние войска русского арьберггарда и обозы. Себастьяни, указывая на проходившие мимо русские войска и повозки, сказал Милорадовичу: «Сознайтесь, что мы предобрые люди; все это могло быть наше». «Ошибаетесь, – ответил Милорадович, – вы не взяли бы этого иначе, как перешагнув через мой труп, а сто тысяч человек, которые стоят позади меня, отмстили бы за мою смерть»¹.

Когда русский арьберггард уже удалился от города версты на четыре, к Милорадовичу примчался генерал-майор Панчулидзе, сообщивший, что два его драгунских полка оказались отрезанными французской кавалерией². Это обстоятельство заставило Милорадовича

М. Таше из 12-го конно-егерского (Tascher M. Journal de campagnes. P., 2008. P. 265).

¹ Эта сцена описана Щербининым (Щербинин А.А. Записки // Харкевич В. Указ. соч. Вып. 1. С. 26–27) и Михайловским-Данилевским «со слов графа Милорадовича» (Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны. 2008. С. 284–285). Из какой заставы, согласно картине, нарисованной Милорадовичем, могли выйти войска Себастьяни? Из Рогожской? Скорее даже не оттуда, а из Проломной заставы.

² Михайловский-Данилевский, как можно понять, со ссылкой на Милорадовича, писал не о двух полках, а о двух эскадронах. М.И. Богданович предположил, что это были два эскадрона Польского уланского полка. В этом случае речь должна идти о генерал-майоре С.Д. Панчулидзе 2-м, чья бригада была во 2-м резервном кавалерийском корпусе 1-й Западной армии. Но сам Милорадович говорил о двух драгунских полках! (Милорадович М.А. Указ. соч. С. 60). В этом случае речь может идти о генерал-майоре И.Д. Панчулидзе 1-м, командовавшем бригадой из Харьковского и Черниговского драгунских полков, входившей в 4-й резервный кавалерийский корпус 2-й Западной армии. Еще один свидетель – подпоручик В.А. Перовский, уверяв-

немедленно броситься к неприятельскому авангарду. Он «проскакал один, без трубача, через неприятельские посты, сказал приветствие Себастьяни и, не ожидая его ответа», скомандовал нашим полкам: «По три направо, заезжай!», вывел их из неприятельской цепи и с ними вместе освободил еще множество подъехавших из Москвы экипажей¹.

В сущности, Себастьяни не оставалось ничего другого, как безусловно наблюдать за действиями русского арьергарда и тянувшимися из Москвы бесчисленными обозами и отставшими русскими солдатами. Во-первых, французский генерал должен был следовать указаниям, пусть и очень неопределенным, соблюдая перемирие с русскими; во-вторых, у него просто не было достаточных сил для активных действий; в-третьих, Себастьяни, как и его солдаты, по видимому, сам поддался расслабляющему действию надежды на долгожданный и столь всеми желаемый мир.

«Тем временем мы подметили, – вспоминал Роос, чей полк оказался “в недалеком расстоянии от города, вправо от дороги, ведущей на Владимир и Казань”, – что русским так же, как и нам, мир был желателен, и мы видели, что лошади у них так же истощены, как и у нас, ибо при переправе через канаву многие из лошадей падали, поднышась потом медленно и с трудом, совсем как это бывало и у нас»².

Несколько юго-восточнее Рооса наблюдал за происходившим другой немец, но служивший в русской армии, – Клаузевиц. Он видел, как «обе стороны продолжали стоять близко одна против другой, не предпринимая никаких враждебных действий. С этого места мы могли видеть, как через заставы, расположенные в стороне от нас, из пустеющей Москвы непрерывной вереницей тянулись небольшие русские телеги, причем в эти первые часы французы их не тревожили; наоборот, казалось, что казаки все еще продолжают быть хозяевами этих частей города, тогда как французский авангард был занят исключительно русским арьергардом. Далее, мы отсюда наблюдали, как в крайних предместьях Москвы уже в нескольких местах подымались столбы дыма, являвшимися, по мнению автора, следствием господствовавшего там беспорядка»³.

ший, что сам наблюдал за беседой Панчулидзева с Себастьяни, говорит, что отрезанными были драгунский и казачий полки (Перовский В.А. Указ. соч. Ст. 1032). Как трудно найти истину!

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны. 2008. С. 285.

² Роос Г. Указ. соч. С. 146 (? – сбой в нумерации страниц).

³ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 86.

В сгустившихся сумерках русский арьергард медленно отошел на несколько верст от города и расположился на ночлег. Весь вечер и всю ночь из Москвы через неприятельские пикеты продолжали просачиваться москвичи и оставшие одиночные солдаты. Иногда их задерживали, но чаще пропускали через посты, и они уходили туда, где горели русские лагерные огни.

Авангард Мюрата расположился на юго-восточных окраинах города, охватывая Покровскую, Рогожскую, Проломную и Семеновскую заставы. Начиная от Рязанской дороги и до Петербургской была протянута цепь постов. Сам Мюрат со штабом уже к 7 часам вечера разместился в прекрасном доме заводчика И.Р. Баташова за Яузским мостом на Швивой (Вшивой) горке.

Авангард Мюрата предназначался, как известно, для преследования русского арьергарда (точнее – для следования за ним). Какие же части должны были контролировать ситуацию в самом городе? Первоначально с этой целью в город были отправлены только элитные жандармы, насчитывавшие несколько сот человек. Это было все, чем вначале мог располагать назначенный военным комендантом Дюронель. Он вошел в город вместе с головными частями Неаполитанского короля. Сопроводив Мюрата до Рогожской заставы, он вместе с Гурго возвратился в Кремль¹. Всюду блуждали оставшие русские солдаты, непонятные личности в гражданском или полувоенном платье, временами слышались выстрелы².

Дюронель, сообразуясь с малочисленностью жандармов, находившихся в его распоряжении, решил ограничиться охраной Кремля и Воспитательного дома (благо, чуть позже к Дюронелю явился сам И.А. Тутолмин, главный надзиратель этого дома, и, сопроводив небольшой отряд жандармов к месту назначения, прекрасно его устроил). По свидетельству Коленкура, Дюронель «отправил императору просьбу о присылке каких-нибудь воинских частей». «Император предписал ему обратиться к герцогу Тревизскому [Мортье. – В. З.]», корпус которого должен был занять город³.

Действительно, дивизия Ф. Роге из Молодой гвардии вошла в русскую столицу вслед за авангардом Мюрата. Батальоны дивизии,

---

¹ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 2. Р. 4.

² Среди чинов армии ходил рассказ о том, что Гурго, возвратившись в Кремль, захватил там то ли 40, то ли 60 «казаков с помощью одного уланского офицера, который сопровождал его в этой экспедиции» (Soltik R. Op. cit. Р. 269; Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 2. Р. 4). Возможно, это были те самые несчастные полупьяные патриоты, которые были захвачены у Арсенала и которых сторожила рота вольтижеров из бригады Дедема.

³ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 2. Р. 4.

одетые в «большую форму», вступили в город повзводно, с музыкантами в голове каждого полка. Бургонь из полка фузилеров-гренадер писал, что сигнал к вступлению в город его полк, стоявший у самой заставы, получил в 3 часа дня¹. Лишь только состоявший из тридцати человек авангард полка во главе с лейтенантом Серрарисом (Serraris) перешел мост через Москву-реку, «как из-под моста выскочил какой-то субъект и направился навстречу войскам: он был одет в овчинный полушубок (d'une capote de peau de mouton), стянутый ремнем, длинные седые волосы развевались у него по плечам, густая белая борода спускалась до пояса. Он был вооружен вилами о трех зубьях (d'une fourche à trois dents), точь-в-точь, как рисуют Нептуна, вышедшего из вод. Он гордо двинулся на тамбурмажора, собираясь первым нанести удар; видя, что тот в парадном мундире, в галунах, он, вероятно, принял его за генерала. Он нанес ему удар своими вилами, но тамбурмажор успел уклониться и, вырвав у него смертельное оружие, взял его за плечи и спустил с моста в воду, откуда он только перед тем вылез; он скрылся в воде и уже не появлялся, его унесло течением...» Вслед за этим по фузилерам-гренадерам еще неоднократно стреляли какие-то мужики, но «так как они никого не ранили, у них просто вырывали ружья, разбивали, а их самих спроваживали, ударяя прикладами в зад»². Когда фузилеры-гренадеры вышли на Арбат, их поразило полное безлюдье. «...Некому было слушать нашу музыку, игравшую «Победа за нами!»» – сетовал Бургонь. Только «кое-где попались одни слуги в ливреях, да несколько русских солдат».

Примерно в половине пятого полк фузилеров-гренадер оказался «перед первой оградой Кремля», а затем, обойдя Кремль слева, вступил на «губернаторскую площадь» (так французские мемуаристы

---

¹ Bourgogne A.J.V.F. Op. cit. P. 12.

² Ibid. P. 2–13. Не менее примечательная встреча запомнилась Г. Брандту, капитану из Легиона Вислы. Во время одной из остановок колонны авангарда «человек громадного роста (...), в синей поддевке, застегнутой до самой шеи, вышел из запертого дома и хотел перейти через улицу; ни слова не говоря, он растолкал солдат, которых на улице было множество. Так как войскам перед вступлением в город был отдан строжайший приказ хорошо обращаться с жителями, солдаты ничего ему не ответили; но когда он толкнул офицера, последний выругал его и пригрозил ему шпагой, после чего и солдаты стали огрызаться. Он, ни слова им не отвечая, разорвал поддевку, обнажил грудь и крикнул: «Вонзайте ваши клинки в грудь русского!» Эти слова заставили всех замолчать. Русский с вызывающим видом ушел, открыл дверь маленького домика и запер ее изнутри так старательно, что все мы это слышали» (Цит. по: Наполеон в России глазами русских. С. 289).

называли площадь перед домом Ростопчина на Лубянке)¹. Здесь часть дивизии Роге встала биваком. Сам Мортье занял дом аптекаря на углу одной из улиц, обращенный к фасаду «дворца губернатора»². Пока маршал, генералы и офицеры дивизии размещались в пустующих или почти пустующих домах в районе губернаторского дома, солдаты стаскивали на площадь, где стояли биваком, всевозможную снедь из близлежащих зданий. «...Тут были вина разных сортов, водка, варенье, множество голов сахара...»³ Полк фузилеров-гренадер «занял подступы к площади постами и караулами во всех публичных зданиях, в магазинах с различными припасами, в Бирже [так французы называли Гостиный двор. – В. З.], в банке и в детском приюте, который имел форму необъятного дворца и в котором имелись значительные склады», – вспоминал шеф батальона фузилеров-гренадер Л.Ж. Вьонне де Маренгоне, который сам обосновался в доме недалеко от дворца Ростопчина⁴. Остальная часть дивизии, по его свидетельству, разместилась в Кремле и на Кузнецком мосту.

Каких только неожиданных встреч и удивительных событий не произошло в те первые часы вступления Великой армии Европы в «полуазиатскую» столицу! Польский граф Роман Солтык, служивший там авангарда Мюрата. Справа и слева от себя он увидел красивые большие дома, «хотя и построенные из дерева, но оштукатуренные и окрашенные в желтый цвет, так что они казались сделанными из камня». Солтык начал стучать во все двери, которые, однако, оказались прочно запертыми. Он даже не мог расслышать ничьих шагов, кроме своих собственных. Все было пустынно и молчаливо. Тогда Солтык бросился куда-то в переулки, влево от большой улицы, и наконец ему показалось, что в одном многоэтажном доме из окна на первом этаже кто-то сказал по-польски. По-видимому, это были хозяева дома, который стал жертвой грабежа со стороны группы русских солдат. Солтык, ни минуты не раздумывая, прыгнул на землю, передал коня подскочившему поляку из числа хозяев дома и бросился вовнутрь. Позже он скажет, что этот необдуманый поступок он мог совершить только по причине того безмерного доверия, которое питали солдаты армии Наполеона в те часы к своему противнику.

Солтык оказался один среди трех десятков «московитских солдат», которые, оставив ружья у стен и разбив хранившиеся там бочки

---

¹ Bourgogne A.J.B.F. Op. cit. P. 13.

² Vionnet de Maringoné L.J. Op. cit. P. 24.

³ Bourgogne A.J.B.F. Op. cit. P. 14.

⁴ Vionnet de Maringoné L.J. Op. cit. P. 24.

с водкой, усердно пили. Вместо того чтобы броситься к своим ружьям, солдаты, увидев эполеты Солтыка, сдернули свои фуражные шапки и вытянулись во фрунт. Солтык их разоружил и обратил в бегство. Так, по крайней мере, он рассказывал много лет спустя...¹

После сей стычки с пьяными русскими солдатами Солтык возвратился к Дорогомиловской заставе, где находился император. Наполеон стоял слева от дороги; перед ним на дерне была разложена огромная карта Москвы. Он расспрашивал людей, прибывавших из города. Одним из них и стал Солтык, сообщивший об опустевшей Москве и идущих там со стороны отставших русских солдат грабежах и пьянстве².

Еще более удивительная встреча ждала в те часы баварского оберлейтенанта Муральта, того самого, который проехал рядом с Мюратом до ворот Кремля. После того как Муральт стал свидетелем стычки французского авангарда с вооруженными москвичами, он отправился назад, пытаясь найти войска вице-короля Богарнэ. Вначале он двигался вдоль длинной и плотной колонны кавалерии и артиллерии, идущей вслед за Мюратом, затем свернул в одну из боковых улиц. Он, как и пятеро его людей, были очень голодны и мечтали раздобыть хоть чего-нибудь съестного. Улицы были пустынные, все дома накрепко заперты, многие окна закрыты ставнями. Наконец, Муральт остановил свой маленький отряд перед очень большим зданием. Он приказал одному из солдат сойти с лошади и постучать в ворота. Через довольно продолжительное время из ворот показался хорошо одетый человек. Убедившись, вспоминал Муральт, что «нас только шестеро и поблизости не видно никаких других солдат, он поманил нас жестом в просторный передний двор и тщательно запер за нами ворота. Затем он спросил меня на хорошем немецком языке, говорю ли я по-немецки. После того как я ответил утвердительно и сказал, что мы баварцы, он очень дружески пригласил нас спешиться и пройти с ним внутрь. Я последовал за ним вверх по лестнице, и он привел меня в большую комнату, где собралось много людей, в том числе и женщины. Он тут же приказал, чтобы мне принесли все, что только было возможно, и позаботился также о моих людях, оставшихся внизу. Мне не следует объяснять, что я все съел с величайшим

---

¹ Soltyk R. Op. cit. P. 268–269.

² Ibid. P. 269–270. Солтык сетовал по поводу того, что его собственный рапорт несколько не заинтересовал Наполеона, хотя, по мнению офицера, на основе его можно было бы убедиться в полной дезорганизации «московитской армии». «Как отличалось наше вступление в Москву от того, как мы вступали в Вену и Берлин!» – восклицает он.

аппетитом. Пока я был занят этим приятным делом, мой хозяин рассказал, что он немецкий профессор и служит в Московском университете. Речь, естественно, тут же зашла о войне, взятии Москвы и пр. По его мнению, император Александр никогда не заключит мира, и что в ресурсах у него не будет недостатка, если даже и вторая столица империи окажется в руках врага; к тому же приближающаяся зима заставит французов отступать. Они не знают русских, если полагают, что им можно так легко навязать свою волю...» После того как Муральт и его солдаты насытились, приветливый хозяин вручил им еще и еды на дорогу¹.

Только к позднему вечеру Муральту удалось найти свой корпус и явиться с докладом к генералу Ф.А. Орнано. После доклада Муральт, наконец-то, оказался среди своих полковых товарищей, сидевших у бивачных огней. Вскоре вокруг него собрались офицеры, забросавшие его вопросами. Рассказ Муральта, прозвучавший уже в ночи, о том, что Москва пуста, а ее многочисленное население бежало, «вызвал много мрачных мыслей»².

В то время как Муральт пробирался из Москвы в расположение войск вице-короля, су-лейтенант Ж. Комб, француз, служивший в 8-м конно-егерском полку, и его товарищ Паскаль ехали в противоположную сторону: из расположения войск Богарнэ в русскую столицу. Когда два товарища достигли Москвы, первым человеком, которого они увидели, была старуха, остановившая за узды коня французского су-лейтенанта. Другой рукой старуха придерживала край своего фартука, криками и жестами предлагая взять его содержимое. Комб нагнулся, запустил руку в фартук и вытащил оттуда печеную грушу. Не о таком угощении он мечтал, отправляясь, нарушив строевой приказ, в русскую столицу! Груша с презрением была брошена назад.

Но Москва оказалась пуста... На великолепной улице с тротуарами (возможно, Тверской), по которой ехали двое французов, не было «ни единого жителя, ни света, ни малейшего шума, ни малейшего признака жизни: всюду царило глубокое молчание, молчание могилы...» «Мы остановили своих лошадей, – вспоминает Комб. – Нам

---

¹ Muralt A. Op. cit. S. 70–71. А.Ю. Андреев, который в 1997 г. впервые опубликовал на русском языке небольшой отрывок из воспоминаний Муральта и чьим переводом мы частично воспользовались, совершенно правильно определил личность гостеприимного хозяина – им был профессор Х. Штельцер, о судьбе которого речь пойдет ниже. Дом, в котором он жил, находился на территории Московского университета. См.: Андреев А.Ю. Указ. соч. С. 44–45.

² Muralt A. Op. cit. S. 71–72.

было страшно. Великое решение покинуть город, принятое неприятелем, предстало перед нашими глазами, как призрак, угрожающий и ужасный»¹.

В тот же вечер метался по центру пустого города капитан Б. Каstellан, которому было поручено найти достойное жилье для его шефа – генерал-адъютанта императора графа Л. Нарбонна. Каstellан стучался во многие двери, потрясал саблей, пока наконец в одном из домов ему не открыли. «Я оказался один среди дюжины русских, которые меня не понимали, – записал он тем вечером в дневник, который постоянно носил с собой, – они дали мне хорошего вина и ужин, и я устроился на ночлег в этом уединенном жилище. Это было не очень благоразумно, так как в квартале было много отставших русских солдат». Каstellан спал недолго. Вскоре он «был поднят пожаром»².

Вечером 14-го устраивался на ночлег, рассчитывая приятно провести ночь, и начальник авангарда Мюрат. Он расположился со своим штабом в прекрасном доме И.Р. Баташова. Постель Мюрату была устроена в спальне, дежурные генералы и офицеры расположились в диванных и гостиных, остальные устроились, как могли и где могли. Свечи в люстрах и лампах не гасили всю ночь. Уже в 9 вечера из дома Баташова стало видно, что в городе начались пожары³.

Император вместе с пехотой Старой гвардии разместился в Дорогомиловской ямской слободе. «...Император расположился в доме в предместье, – записал в своем дневнике капитан Л. Ф. Фантэн дез Одоард, командир роты из 2-го полка пеших grenадер гвардии, – и гвардия разбила свои биваки в близлежащих садах. Это ложе не походило на то, о котором я мечтал в течение всего дня»⁴. Еще менее повезло солдатам дивизии Делаборда из Молодой гвардии. «Наша

---

¹ Французы в России. Ч. 1. С. 189. Комбу и Паскалю все же удастся тем вечером напиться пьяными вместе с артиллеристами майора Л.С. Шопена из 1-го корпуса кавалерийского резерва, разбив подвалы с бочками великопленного французского («Шато-Марго», «Медок», «Сотерн»), испанского и «фронтиньянского» вина. За этим «весельем» будут наблюдать несколько зловещих личностей, одетых в овчинные полушубки и широкополые шляпы. Они будут молча стоять у стен, скрестив на груди руки.

² Castellane E.V.E.V. Op. cit. P. 154. В тот вечер Каstellан сделал последнюю запись в первой из двух тетрадей своего дневника 1812 г. Вот она: «В понедельник, 7-го, мы выиграли баталию при Москве-реке; в понедельник, 14-го, мы вступили в Москву. Наша радость от вступления в столицу безмерна».

³ Письмо приказчика М. Сокова. Ст. 0218–0219.

⁴ Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 332.

дивизия провела ночь на открытом воздухе, – пишет П.Ш.А. Бургоэнь, су-лейтенант 5-го полка вольтижеров гвардии, – потому что в первый момент ей было запрещено размещаться в домах из-за боязни, что часть наших покинувших строй солдат учинит беспорядки и пожары...» Однако солдаты Делаборда, несмотря на запрет, «проникли во все постройки, которые были расположены поблизости; они достали доски, мебель, ковры, и стащили их в свой импровизированный лагерь. В наш лагерь также были присланы из штаба большие еловые ящики; они были пусты, и, как нам сказали, хранились на большой фабрике мыла. Наши солдаты, как обычно, составили груды этих четырехугольных ящиков без крышек в виде четырех каменных стен; открытая сторона этих ящиков была повернута вовнутрь, образуя своего рода шалаш, хотя и без крыши, который мы сконструировали за 10 минут. Этот “шкаф”, похожий на магазин пряностей, был затем заполнен самими солдатами, припасами и провизией разного рода, которую они притащили из ближайших домов. Это изобилие подвигло нас строить расчеты, во многом обманчивые, на предмет тех ресурсов, которые армия сможет получить завтра; но наши иллюзии испарились: огонь все уничтожил...»¹

Часть гвардейской артиллерии 14 сентября была введена в город, вероятно, для поддержки дивизии Роге. «14 сентября в 6 вечера моя батарея была первой, которая отправилась в Москву», – пишет капитан А.О. Ф. Пьон де Лош, командир 3-й роты пешего артиллерийского полка Старой гвардии, которая входила в резервную артиллерию Молодой гвардии². Всюду, по его словам, уже бушевали грабежи³.

В отличие от Мюрата, который, по-видимому, был совершенно доволен заканчивавшимся днем и в спокойствии отошел ко сну, несколько высших чинов Великой армии были отягощены многочисленными хлопотами. Весь вечер и ночь не покидал седла назначенный комендантом города Дюронель, тщетно пытаясь со

---

¹ Bourgoing P. Op. cit. P. 111–112. Гвардейский офицер Льюйте (Lyautey) вспоминал, что «наши две роты были частью той гвардии, которая не прошла слишком далеко, и мы разместились на биваке слева от дороги, в леску, или, лучше сказать, у кромок леса, который покрывал скат холма». «Кантиньери, которые побывали в городе (не более чем на полчаса), рассказывали нам о всех сортах сладостей, которых мы были лишены на биваке». Всю ночь, как вспоминал офицер, «лил сильный дождь» (цит. по: Grünwald C. Op. cit. P. 188).

² Piondes Loches A.A. Op. cit. P. 125. Пьон де Лош в те дни состоял под началом майора Ж. Ф. Булара, который, как известно, командовал артиллерией при 2-й бригаде 3-й гвардейской пехотной дивизии (Старая гвардия).

³ Ibid. P. 126.

своими жандармами навести порядок хотя бы в центре Москвы. Размещал свои войска, отправлял офицеров в разные части города и принимал рапорты Мортье, расположившийся рядом с домом Ростопчина на Лубянке. Деятельно объезжали различные казенные учреждения Москвы Дарю и главный интендант Великой армии М. Дюма.

А что же Наполеон? «Император оставался у моста, – писал Коленкур, – до самой ночи. Его главная квартира была устроена в грязном кабаке (*un mauvais cabaret*), деревянном строении у въезда в предместье»¹. Наполеон не спешил спать. Он продолжал получать многочисленные рапорты и размышлять о перспективах заключения мира. Несмотря на сильное потрясение, которое он испытал, узнав об эвакуации из Москвы русских властей, казенных учреждений и почти всех жителей, император не терял надежды на благоприятный для него исход событий. «(...) Нынешнее состояние русской армии, – писал Коленкур, – упадок ее духа, недовольство казаков, впечатление, которое произведет в Петербурге новость о занятии второй русской столицы, все эти события... должны были, как говорил император, повлечь за собою предложение мира»². «К 11 часам вечера стало известно, что горят Торговые ряды (*le Bazar*)»³. Начинаясь великий московский пожар.

2.2. Ф.В. Ростопчин и пожар Москвы

Одновременно со вступлением Великой армии в Москву в первопрестольной начался грандиозный пожар. Это обстоятельство не просто наложило отпечаток на ход дальнейших событий, но и стало

---

¹ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 2. Р. 8. В «Дорожном дневнике» Коленкур сделал запись: «Lagé dans une petite maison de bois à l'entrée». Это вполне подтверждается и другими свидетельствами (Fain A.J.F. Op. cit. Р. 53–54; Bausset L.F.J. Mémoires anecdotiques... Р. 115; Soltyk R. Op. cit. Р. 271; etc). Издатель русского варианта воспоминаний д'Изарна сделал следующее примечание: «Дом, где остановился Наполеон, виден еще и теперь в ¼ версты от заставы шагов 1000 [не слишком ли много? – В. З.] от Смоленской дороги» (Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1409. Примеч. «б»). В Дорогомилловской ямской слободе, где остановился Наполеон, по словам Михайловского-Данилевского, не оставалось никаких жителей, кроме четверых дворников.

Дом, в котором предположительно останавливался Наполеон (ул. Дорогомилловская, 47), был снесен 25 апреля 2004 г. Благодарен И.С. Тихонову за предоставленные сведения.

² Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 2. Р. 7–8.

³ Ibid. Р. 8.

главным фактором, предопределившим характер взаимоотношений между солдатами армии Наполеона и оставшимися в городе жителями.

Спустя 200 лет после событий 1812 г. споры вокруг причин и последствий великого московского пожара продолжают. Центральной фигурой в этих дискуссиях остается личность главнокомандующего Москвы Федора Васильевича Ростопчина. Мы остановимся на двух ключевых сюжетах этих дискуссий: причинах и обстоятельствах смерти купеческого сына М.Н. Верещагина и роли в организации поджогов московских зданий уголовников, которые, согласно весьма распространенной версии, были специально с этой целью выпущены Ростопчиным из тюрем.

Рассмотрим прежде всего «дело Верещагина». Напомним, что около 10 часов утра 2 сентября (ст. ст.) 1812 г., в день вступления неприятеля в Москву, возле дворца московского главнокомандующего Ф.В. Ростопчина на Лубянке (ныне ул. Б. Лубянка, 14) разыгралась кровавая трагедия. Ростопчин бросил на растерзание толпе московского простонародья обвиненного в измене Отечеству купеческого сына Михаила Верещагина. Событие это вызывало интерес многих историков, писателей и общественных деятелей. О нем говорили уже тогда, в 1812 г.¹, позже писали историки XIX в. Н.Ф. Дубровин, П.В. Шереметевский, А.Н. Попов и др.² Сцену расправы над Верещагиным описал великий русский писатель Л.Н. Толстой в романе «Война и мир». В начале XX в. к этой теме обращались либеральные историки С.П. Мельгунов и А.А. Кизеветтер³, художники А.Д. Кившенко и К.В. Лебедев... Правда, в советское время гибель М. Верещагина обычно удостаивалась только скромного упоминания, возможно, в силу того, что смерть какого-то купеческого сына не могла идти в сравнение с жертвами, которые понес охваченный

---

¹ Surugue A. Mil huit cent douze. P. 22; Histoire de la destruction de Moscou. P. 64–65.

² Дубровин Н.Ф. Москва и граф Ростопчин в 1812 году: Материалы для истории 1812 года // Военный сборник. 1863. № 7. С. 99–155; № 8. С. 419–471; Шереметевский П.В. Дело о Верещагине и Мешкове // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее – ЧОИДР). Кн. 4. 1866. С. 231–247; Попов А.Н. Москва в 1812 году // РА. 1875. № 7. С. 282–289; Он же. Дело о Верещагине // Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб., 1876. С. 433–469, и др.

³ Мельгунов С.П. Ростопчин – московский главнокомандующий // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 4. С. 34–82; Кизеветтер А.А. Исторические отклики. М., 1915 (далее цит. по: Кизеветтер А.А. Исторические силуэты. Ростов-на-Дону, 1997).

пламенным патриотизмом народ в борьбе с иноземными захватчиками. Однако к концу XX и в начале XXI в. о смерти Верещагина заговорили вновь. На этот раз инициатива исходила от кругов «охранительно-патриотических». О.Н. Любченко и М.В. Горностаев¹, обратившиеся к личности и деятельности Ростопчина, жизнь которого являлась, по их мнению, великим примером мудрого гражданственного служения Отечеству, не только пытаются снять со своего кумира обвинения историков-либералов в преступлении, но и придать этому событию даже некий героический смысл. В своем повествовании мы не стремимся никого обвинять или оправдывать кого бы то ни было, не хотим также вступать в полемику с нашими предшественниками (исключение составляют только те сюжеты, где речь идет о подлинности или убедительности самих фактов). Свою задачу мы видим в другом: выяснить, как эта жертва оказалась связана с началом оккупации Москвы и с началом великого московского пожара.

В свое время мы уже дали портрет главной жертвы – 22-летнего купеческого сына Михаила Николаевича Верещагина². Образованный молодой человек, хорошо знавший немецкий и французский языки, читавший и по-английски и даже уже издававший свои переводы иностранных авторов, он по неосторожности сообщил своему приятелю П.А. Мешкову содержание опубликованных в одной из гамбургских газет письма Наполеона к прусскому королю и его же речи к государям Рейнского союза. Полагаем, что эту газету он получил от своего тезки Михаила Ключарева, сына московского почт-директора. Когда бумага с текстом письма и обращения Наполеона случайно попала в руки полиции, Ростопчин решил ее использовать для преследования почт-директора Ф.П. Ключарева – затаившегося, по его мнению, врага Отечества, «мартиниста»³.

---

¹ Любченко О.Н. Граф Ростопчин. М., 2000; Горностаев М.В. Генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин: страницы истории 1812 года. М., 2003. В 2017 г. писатель Л.М. Портной также взял на себя смелость обратиться к биографии Ростопчина (Портной Л.М. Граф Ростопчин. История незаурядного генерал-губернатора Москвы. М., 2017). Его попытка оказалась, по нашему мнению, малоудачной – как в силу поверхностного знакомства с источниками, так и по причине отсутствия у автора ясной концепции.

² Земцов В.Н. 1812 год. Пожар Москвы. С. 28–29.

³ Мартинисты – последователи Л.К. де Сен-Мартена (1743–1803), ученика М. Паскалиса, основателя одного из направлений масонства, которое особенно настоятельно проповедовало деятельную любовь к ближнему ради постижения природы и создавшего ее Творца.

Напомним, что к 1812 г. граф Ф.В. Ростопчин¹, определенно зарекомендовавший себя как последовательный и яркий представитель «русской партии», активно включился в борьбу против всех «либералов», «мартинистов» и «государственных преступников», не пытаясь даже их разделять. В мае 1812 г. – благодаря участию вел. кн. Екатерины Павловны – император Александр I назначил Ростопчина главнокомандующим в Москве, дав одновременно чин генерала-от-инфантерии. Император пошел на этот шаг во многом вынужденно, вопреки своей антипатии к Ростопчину, понимая необходимость в условиях приближавшейся войны с Наполеоном опереться на «русскую партию». Так на посту почти ничем не ограниченного господина древней столицы и ее жителей оказался человек, личность которого до сих пор вызывает восхищение, сопряженное с ужасом и презрительностью. Политическое кредо нового московского градоначальника было хорошо представлено несколькими годами раньше в его напечатанном сочинении «Ох, французы!»: обязанностью населения является почитание начальства, а задачей начальства – сохранение незыблемости дворянских привилегий и защита их от галломанов и буйной черни. Но в голове Ростопчина (галлофоба, воспитанного на французских книжках и французской культуре!) эта схема усложнялась тем фактом, что, по его мнению, носителем идеологии политического рабства должен быть независимый гражданин, действующий не по принуждению, а «по зову сердца»². Будучи натурой яркой, талантливой и дерзкой, Ростопчин с первых шагов своей деятельности в Москве начал разыгрывать роль «народного барина»: то сочиняя знаменитые афишки, написанные балаганным языком, то распаяя простонародье ура-патриотическими призывами, то остужая энтузиазм, давая тем самым понять, кто же истинный хозяин в первопрестольной.

В этой обстановке основной его мишенью стали московские иностранцы и масоны, преследуя которых Ростопчин довольно успешно манипулировал чувствами простонародья. На протяжении лета 1812 г. полиция без усталы выявляла и арестовывала тех иностранцев (в том числе и российских подданных), которые по неосмотрительности позволяли себе неосторожные высказывания по поводу

---

¹ Об этом человеке за 200 лет написано столь много, что мы не рискуем воспроизводить его биографию. По нашему мнению, наиболее полный обзор источников и литературы о жизни и деятельности Ростопчина приведен у А.Е. Ельницкого (Русский биографический словарь. Романова – Рясковский. Пг., 1918. Ст. 298–305).

² Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 234–235.

войны с Наполеоном или были попросту оклеветаны русскими «патриотами» из корысти. 8 августа (ст. ст.) 40 «подозрительных» иностранцев, к которым добровольно присоединились четыре женщины с детьми, были погружены на баржу и под улюлюканье толпы высланы из Москвы. Как заметил сам Ростопчин, он сделал это «для удовольствия народа»¹.

Но еще большим преследованиям, по мнению Ростопчина, должны были подвергнуться те русские, которые принадлежали к «секте мартинистов». Еще задолго до войны 1812 г. Ростопчин составил знаменитую «Записку о мартинистах» для вел. кн. Екатерины Павловны, что фактически и открыло ему дорогу в ее «тверской» политический салон, а затем привело на пост московского градоначальника. Представляли ли остатки масонских кружков в Москве, разгромленные еще при Екатерине II, какую-либо реальную политическую силу или хотя бы малейшую опасность для государства? Исследователи уже давно и убедительно дали на этот вопрос отрицательный ответ².

В такой обстановке, во многом predeterminedной не только началом войны, но и личностью градоначальника, появились в Москве «зловредные листки» со словами Наполеона. Полиция вмиг напала на след Верещагина. Уже через несколько дней благодаря ретивости квартального надзирателя А.П. Спиридонова, получившего за это в качестве награды золотые часы³, Михаил Верещагин был взят полицией.

26 июня (ст. ст.) полицмейстер Егор Александрович Дурасов, ранее дослужившийся до полковника гвардии, а впоследствии ставший сенатором⁴, провел первый допрос Верещагина. Верещагин письменно показал, что он, шедши с Лубянки на Кузнецкий мост, против французских лавок «поднял некий печатный лист, или газету, на немецком языке, с которого и перевел на русский означенные обращения Наполеона»⁵. Такое объяснение происхождения оригинального текста нисколько не удовлетворило полицию, и на следующий день

---

¹ Ростопчин – Балашову. 18 августа (ст. ст.)1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война... С. 101.

² Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1876; Попов А.Н. Москва в 1812 году; Кизеветтер А.А. Указ. соч., и др.

³ Бумаги, относящиеся... Ч. 4. С. 281.

⁴ «Полковник гвардии, болезненный, ограниченный, но очень честный человек», – так написал о нем Ростопчин.

⁵ Шереметевский П.В. Указ. соч. С. 238; Попов А.Н. Дело М. Верещагина в Сенате в 1812–1816 гг. // ЧОИДР. 1888. Кн. 1. С. 3.

тот же Дурасов допросил отца Михаила – Николая Гавриловича. Их показания заметно расходились. Николай Гаврилович заявил, что Михаил в разговоре с ним указал на сына Ключарева, от которого получил означенную гамбургскую газету. Теперь Михаил вынужден был изменить показания и вначале подтвердил слова отца, но затем, вероятно, не желая впутывать в это дело сына Ключарева, стал утверждать, будто получил газету от неизвестного чиновника газетной комнаты почтамта, где будто бы ее там и перевел.

Ростопчин очень внимательно следил за ходом дознания, в особенности после того, как стало ясно, что местом появления «злонамеренной бумаги» является здание почтамта, которым руководил и даже проживал там мартинист Ключарев, давно ненавидимый Федором Васильевичем и подозреваемый им в антиправительственной деятельности. Судя по бумаге, представленной Ростопчиным в Сенат одновременно с направлением туда «дела Верещагина и Мешкова», 28 июня (ст. ст.) Ростопчин сам допрашивал М. Верещагина в своем доме на Лубянке. Желая как можно скорее вывести обитателей почтамта «на чистую воду», он приказал Дурасову немедленно отправиться вместе с Верещагиным в почтамт, дабы тот указал на чиновника, предоставившего ему гамбургский листок¹. Дурасов исполнил приказание Ростопчина и через несколько минут вместе с подследственным был у здания почтамта². Однако неожиданно для Дурасова он был остановлен возле газетной комнаты, где находилась иностранная пресса, «каким-то Дружининым», чиновником почтамта, и на все требования неизменно получал только один ответ: в почтамте ничего «без особого повеления господина почт-директора не исполняется». Тогда Дурасов потребовал увидеть самого почт-директора, что Дружинин, который оказался экзекутором почтамта в чине надворного советника, и исполнил. Ф.П. Ключарев, почт-директор, увидев Дурасова, подтвердил слова своего чиновника и одобрил его действия, однако, узнав о причине прибытия полицмейстера, неожиданно и очень настойчиво объявил о желании немедленно переговорить с Верещагиным с глазу на глаз. Растерянный и присмиривший Дурасов не воспрепятствовал этому и в течение некоторого времени («довольно долго») вынужден был ожидать, пока Ключарев не закончит беседовать с подследственным в другой комнате. Наконец Ключарев пригласил Дурасова войти к ним в комнату и заявил, что молодой человек достоин сожаления и что его дарования могут быть

---

¹ Шереметевский П.В. Указ. соч. С. 244.

² Почтамт располагался недалеко от дома Ростопчина, на Мясницкой.

употреблены с пользой. Сам же «молодой человек», то есть М. Верещагин, здесь же признался, что оклеветал сына почт-директора и «других», и что автором наполеоновской прокламации является он сам; «наконец, написал пример в доказательство и отдал бывший у него в шляпе за подкладкою брульон»¹.

По всей видимости (что подтверждается и воспоминаниями Ростопчина), этой бумагой, свернутой брульоном, был текст некоего эссе, только что, в комнате Ключарева, набросанном Верещагиным. То была некая импровизация, темой которой, согласно воспоминаниям Ростопчина, было «торжество России». Эту бумагу Ключарев просил Дурасова передать Ростопчину. Данный опус не только не тронул губернатора, но еще больше обозлил. На следующий день Ростопчин отправил в почтамт к Ключареву письмо с требованием объяснить как отказ допустить полицмейстера Дурасова в газетную комнату, так и факт разговора с Верещагиным: «По какому праву ваше превосходительство наедине говорили с государственным преступником Верещагиным, и потом, в каком смысле находили полезным на службу его дарование и принимали на себя за него ходатайствовать?»²

По-видимому, для Федора Васильевича вся история, произошедшая 28-го числа в почтамте, стала еще одним подтверждением причастности Ключарева и других мартинистов к распространению антиправительственных слухов. Поэтому Ростопчин отстранил Дурасова от ведения следствия и перепоручил это обер-полицмейстеру П.А. Ивашкину. Ивашкин (29 или 30 июня (ст. ст.)) произвел в доме Верещагиных обыск, однако никаких подозрительных бумаг обнаружить не смог. В дальнейшем при допросе мачехи Михаила Верещагина Анны Алексеевны вскрылось, что во время обыска ее пасынок (Ивашкин взял подследственного с собой), проходя мимо, сказал на ухо: «Не бойтесь: за меня Федор Петрович вступится»³. Это обстоятельство еще более усложнило положение Ключарева и, наоборот, вдохновило Ростопчина.

Напомним, что Федор Петрович Ключарев происходил из обер-офицерских детей. Начав службу копиистом в конторе Берг-коллегии в Москве, Ключарев затем сменил немало чиновничьих должностей вначале в Могилевской и Вятской губерниях, а затем и в

---

¹ Ф.П. Ключарев – Ростопчину. Москва, 19 июня (ст. ст.)1812 г. // Дуровин Н.Ф. Отечественная война... С. 37.

² Ростопчин – Ф.П. Ключареву. Москва, 29 июня (ст. ст.)1812 г. // Там же. С. 36.

³ Шереметевский П.В. Указ. соч. С. 244.

первопрестольной, пока не стал с 1795 г. служить по почтовому ведомству. Он последовательно занимал должность астраханского, затем тамбовского и, наконец, с 1801 г. – московского почт-директора. На последнем посту он и получил чин действительного статского советника. Еще будучи молодым человеком, Ключарев вступил в масонскую ложу, где он свел короткую дружбу с известным масоном профессором Московского университета И.Г. Шварцем и в особенности с Н.И. Новиковым. В 1781 г. Ключарев был мастером стула в ложе «Святого Моисея», а в 1782 г. стал одним из пяти членов директории восьмой провинции (то есть России). К тому времени за Ключаревым уже закрепились слава вольнодумца и большого любителя наук и словесности. Он был членом «Собрания университетских питомцев», автором трагедии в стихах «Владимир Великий», повести «Испытание честности» и ряда мистических произведений. Но истинную признательность всех почитателей русской словесности Ключареву принесло осуществленное по его поручению Ф.Ф. Якубовичем в 1804 г. первое издание сборника Кириши Данилова «Древние российские стихотворения».

Н.И. Новиков после освобождения часто виделся с Ключаревым и даже жил у него в имении. Несмотря ни на что Ключарев никогда не прерывал связи с масонским движением; с 1809 г. он был членом ложи «К мертвой голове». Поддерживал близкое знакомство с М.М. Сперанским, но вместе с тем общался с Н.М. Карамзиным и И.И. Дмитриевым, был знаком с А.Т. Болотовым. По отзывам современников, Ключарев обладал трезвостью суждений и прямодушием, а его литературные произведения отличались образностью¹.

К 1812 г. Федор Петрович продолжал занимать пост московского почт-директора. Хотя к этому времени он, по-видимому, уже выдал замуж двух своих дочерей и женил троих сыновей, но младший, 20-летний Михаил, начал доставлять ему немало хлопот. Будучи студентом Московского университета, Михаил, впрочем, как и его отец, проявлял большую склонность к вольнодумству, однако не отличался осторожностью. Как можно предполагать, еще до открытия «дела Верещагина» Ростопчину уже донесли о неких письмах, адресованных Михаилу Ключареву от какого-то француза, живущего в России, и которые московскому главнокомандующему «показались подозрительными». Наконец, тесное общение Михаила Ключарева с Верещагиным и передача последнему злополучной «гамбургской га-

---

¹ См.: Ключарев Ф.П. // Русский биографический словарь. «Ибак – Ключарев». СПб., 1897. С. 755–756; Лонгинов М.Н. Указ. соч.; Попов А.Н. Москва в 1812 году. № 7. С. 282–286; и др.

зеты» окончательно убедили Ростопчина в причастности московского почт-директора к антиправительственным действиям.

Визит Дурасова вместе с подследственным Верещагиным 28 июня (ст. ст.) на московский почтамт стал для Ф.П. Ключарева большой неожиданностью. Он испугался прежде всего за сына. Поэтому Федор Петрович сразу же попытался убедить Верещагина отвести подозрения от своего сына Михаила и фактически взять вину на себя. За это Федор Петрович пообещал Верещагину защиту как со своей стороны, так, по-видимому, и со стороны своих друзей-масонов.

30 июня (ст. ст.) московский главнокомандующий отправил первое донесение императору о «деле Верещагина»: «Вы увидите, государь, из моего донесения министру полиции, какого изверга откопал я здесь». После кратких сведений о Михаиле Верещагине, которого воспитали «масоны и мартинисты», Ростопчин обратился к личности почт-директора: «Образ действий Ключарева во время розысков на почте, его беседа с преступником с глазу на глаз, данное ему обещание покровительствовать и пр., – все это должно убедить вас, государь, что мартинисты суть скрытые враги ваши и что вам препятствовали обратить на них внимание. Дай Бог, чтобы здесь не произошло движения в народе; но я наперед говорю, что лицемеры-мартинисты обличаются и заявят себя злодеями»¹. В тот же день Ростопчин отправил отношение по поводу «дела Верещагина» и в Комитет министров.

Между тем Верещагин после встречи с Ключаревым решительно изменил показания и стал упорно утверждать, что сочинителем «гнусной прокламации» является он сам, и никакого знакомства с сыном почт-директора у него не было. Нисколько не веря словам Верещагина², Ростопчин тем не менее решил воспользоваться новым оборотом дела. Полагая, что благодаря масонской сети, бумаги, переведенные Верещагиным, уже получили широкое хождение, он решился на неожиданный шаг – 3 июля (ст. ст.) в «Московских ведомостях» публикует текст письма Наполеона к прусскому королю и его речь к князьям Рейнского союза, сопроводив их информацией о «сочинителе». «Он есть сын московского второй гильдии купца

---

¹ Цит. по: Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 290–291.

² Верный клевет Ростопчина А.Ф. Брокер вспоминал следующий эпизод: «Раз, запирательство его [Верещагина. – В. З.] до того озлобило графа, что он схватил ножницы, которыми режут бумагу, и хотел заколоть ими Верещагина» (Адам Фомич Брокер. Его записки // РА. 1868. Ст. 1431). По-видимому, эта сцена произошла в самых последних числах июня – начале июля, когда Верещагин взял всю вину на себя.

Верещагина, воспитанный иностранным и развращенный трактирно-беседою»¹.

На самом деле Ростопчин продолжал пребывать в убеждении, что главным источником «злонамеренной» бумаги были, конечно же, московские масоны. 4 июля (ст. ст.) он решился предложить Александру I план, фактически толкавший императора на нарушение закона. «Этот Верещагин, – писал Ростопчин, – сын купца 2-й гильдии и записан вместе с ним, поэтому изъят от телесных наказаний. Его дело не может долго продолжаться в судах; но оно должно поступить в Сенат и тогда затянется надолго [Ростопчин полагал, что трое из московских сенаторов принадлежали к обществу мартинистов: И.В. Лопухин, П.С. Рунич и П.И. Голенищев-Кутузов. – В. З.]. Между тем надо спешить произведением в исполнение приговора, в виду важности преступления, колебаний в народе и сомнений в обществе. Я осмелюсь предложить Вашему императорскому Величеству средство согласить правосудие с Вашею милостию: прислать мне указ, чтобы Верещагина повесить, возвесть на виселицу и потом сослать в Сибирь в каторжную работу. Я придам самый торжественный вид этой экзекуции и никто не будет знать о помиловании до тех пор, пока я не произнесу его»².

6 июля (ст. ст.) в Комитете министров было заслушано отношение Ростопчина «о сочинителе появившейся в Москве прокламации Наполеоновой и письма его к Королю прусскому, московском купеческом сыне Верещагине». Было предложено Ростопчину «суд над Верещагиным» кончить «во всех местах без очереди и, не приводя окончательного решения в исполнение, представили б оное к министру юстиции для доклада Его Императорскому Величеству. Верещагина же содержать между под наикрепчайшим присмотром...»³.

---

¹ Цит. по: Попов А.Н. Москва в 1812 году. № 7. С. 287. Попов ссылается на «Московские ведомости» за № 53 от 3 июля 1812 г. «Бумага, им [то есть Верещагиным. – В. З.] написанная, развезена, верно, во все края России, и для уничтожения ее содержания я напечатал в “Московских ведомостях”, кто ее сочинитель и что он судится по всей строгости законов». «Теперь, – добавлял Ростопчин убежденно, – о бумаге сей никто уже более и не говорит» (Ростопчин – Н.И. Салтыкову. М., 11 июля (ст. ст.) 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война... С. 50).

² Цит. по: Попов А.Н. Дело М. Верещагина в Сенате. С. 4. Примеч.; Он же. Москва в 1812 г. Кн. 2. С. 259.

³ Н.И. Салтыков – Ростопчину. СПб., 6 июля (ст. ст.) 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война... С. 46.

Однако еще до того как суд первой инстанции – Московский магистрат и надворный суд – 15 июля вынес свое решение, 11 июля (ст. ст.) в Москву прибыл император Александр I. А.Н. Попов предполагал¹ (и мы с ним согласны), что в течение недельного пребывания государя в Москве Ростопчин, который неоднократно имел беседы с императором наедине, пытался заводить разговор о «деле Верещагина»², однако Александр, по-видимому, отнесся к этому без энтузиазма и тему не поддержал.

18 июля (ст. ст.) император Александр I отбыл из Москвы, и Ростопчин с удвоенной энергией продолжил борьбу с мартинистами и «паникерами»³. 23 июля (ст. ст.) Ростопчин уведомил министра полиции А.Д. Балашова о том, что «бывший студент Урусов, не пьяный, в трактире стал доказывать, что приход Наполеона в Москву возможен и послужит к общему благополучию», за что был посажен в сумасшедший дом; что взят под караул «живущий в Петровском священник иностранец Буфф» за подозрительную переписку с лицами из Риги и Франции; о том, что «вчера на немецком рынке прибили француза за то, что он дурно говорит по-русски»... А далее, как бы мельком: «В городе еще утверждают, что в.п. имели тайное свидание с Ключаревым». И сразу затем сменил тему⁴. Эта фраза, словно случайно брошенная Ростопчиным, министра полиции если и не испугала, то не на шутку взволновала. 30 июля (ст. ст.) он немедленно и собственноручно после получения письма отписал Ростопчину из Петербурга: «О тайном моем будто бы свидании с К. слухи неосновательны, ибо нет тому ни повода, ни причин, а явно был он у меня один раз»⁵. Так все-таки Балашов виделся с Ключаревым! Более того, в течение нескольких лет Ключарев информировал Балашова не только о важных новостях, почерпнутых из прессы, но и о различных

---

¹ Попов А.Н. Москва в 1812 году. № 8. С. 370.

² В письме Ростопчина Салтыкову от 11 июля (ст. ст.) 1812 г. есть примечательная фраза: «...если государь не соизволит решить сам его [т. е. Верещагина. – В. З.] судьбу» (Дубровин Н.Ф. Отечественная война... С. 50).

³ Завершая сюжет об отъезде государя из Москвы, Ростопчин написал так: «Он [Александр I. – В. З.] не захотел, чтобы я проводил его до заставы, сел в свою коляску и уехал, оставив меня полновластным и облеченным его доверием, но в самом критическом положении, как покинутого на произвол судьбы импровизатора, которому поставили темой: Наполеон и Москва». (Наполеон в России глазами русских. С. 211).

⁴ Ростопчин – Балашову. 23 июля (ст. ст.) 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война... С. 61–62.

⁵ Балашов – Ростопчину. Собственноручно. СПб., 30 июля (ст. ст.) 1812 г. // Там же. С. 69.

настроениях и слухах в Москве, информацию о которых почт-директор, по-видимому, получал благодаря перлюстрации проходившей через него корреспонденции. Факт предоставления Балашову информации Ключаревым заставляют предположить два письма, отправленные первым министру полиции в январе 1810 г. и опубликованные в 1889 г. в «Русском архиве»¹. Знал ли об этом Ростопчин? В любом случае, он был уверен, что у Ключарева сильные связи в верхах. Тем более московский главнокомандующий, отличавшийся смелым и задиристым нравом, должен был чувствовать азарт к тому, чтобы испытать свою собственную силу в праведной борьбе с подлинными и с мнимыми врагами Отечества.

15 июля (ст. ст.) общее присутствие московского магистрата совместно с надворным судом пришло к мнению по делу Верещагина и Мешкова: «Купеческого сына Михайлу Верещагина лишить доброго имени и, заклепав в кандалы, сослать в каторжную работу в Нерчинск; а дерзкое сочинение его истребить. Секретаря Мешкова, лиша чинов и личного дворянского достоинства, написать в военную службу»².

20 июля (ст. ст.) (подписано было 25 июля (ст. ст.)) это мнение с поправкой было подтверждено определением 1-го департамента московской палаты уголовного суда. Но, несмотря на то что дела подобного рода в Сенате, как правило, уже не рассматривались, Ростопчин, желая не только ужесточить приговор, но и официально привлечь к делу Ключарева и московских мартинистов, перенес дело в Сенат. В своем рапорте от 1 августа, поданном в 6-й департамент Сената, он указал, что «находит преступление Верещагина самоважное и в том случае, если бы он единственно перевел Прокламацию и речь Наполеона; но как он есть сочинитель сей дерзкой бумаги, и писал ее именем врага России», то по его, Ростопчина, мнению, Верещагина следовало наказать кнутом и сослать вечно в Нерчинск в работу³. Таким образом, Верещагин, оговорив себя и отведя обвинения от сына Ключарева и от самого почт-директора, усугубил собственную вину. Это, в частности, дало Ростопчину повод перенести дело в Сенат, требуя ужесточения приговора.

Между тем Сенат дал свое определение по делу только 19 августа. Он решил, что, хотя от «пасквиля», написанного Верещагиным, ни малейшего вреда не последовало и что он написан был единственно

---

¹ Два письма московского почт-директора Ф.П. Ключарева к министру полиции А.Д. Балашову // РА. 1889. Кн. 2. Вып. 6. С. 311–312.

² См.: Попов А.Н. Дело М. Верещагина в Сенате. С. 9; Шереметевский П.В. Указ. соч. С. 242.

³ Шереметевский П.В. Указ. соч. С. 243.

из ветрености мыслей, но ввиду того, что он наполнен дерзкими выражениями против Российского государства, от имени врага России, что делает Верещагина изменником Отечества, сей последний, по мнению Сената, должен был подвергнуться наказанию кнутом 25 ударами и ссылке в каторжную работу в Нерчинск. Написанный же им «пасквиль» следовало публично сжечь под виселицей. Мешкова, «списавшего дерзкое сочинение и сделавшегося орудием к рассеянию оною по разным рукам, лиша чинов и соединенного с оными дворянского достоинства, написать в солдаты, а буде окажется неспособным к воинской службе, то сослать в Сибирь на поселение». 1-му департаменту московской палаты уголовного суда следовало сделать строгий выговор за неправильное освобождение Верещагина от телесного наказания.

Наконец, в связи с «неблаговидными поступками» московского почт-директора Ключарева, «оказанными им при исследовании об означенном преступнике Верещагине полициею», и показавшимися подозрительными, Сенат решил: «Об оных строжайше исследовав, учинить суждение на основании законов»¹. Так как Сенат счел рассмотренное дело чрезвычайно важным, следовало до приведения приговора в исполнение представить о нем через министра юстиции рапорт государю императору.

Между тем Ростопчин продолжал с большим пылом выискивать в Москве изменников, запугивать иностранцев и кормить простой люд разными слухами, всячески возбуждая в нем праведный патриотический дух. 26 июля Ростопчин сообщил Балашову: «Известие из Твери (...) о разбитии Саксонского корпуса войсками г-на Торماسова, обрадовало город и разозлило народ и против немцев. Все движение к добру, и сие находится даже в разглашениях. 60 человек будто видели, и все верят, что на Даниловском монастыре на 20-е число показалось пред светом над крестом церкви сияние, посреди коего Спаситель, благословляющий Москву. Барыня видела сон (и ему верят), что государь изволит стоять в короне, что на него хочет кидаться леопард, коего удерживают Егорий и Никола веревкой, и наконец его удавили». И далее: «Живущий у меня в доме и прежде долго живший повар француз Турне вздумал толковать на кухне благоденствие царствования Наполеонова дарованием свободы. Но люди сие на него донесли. Он в полиции, послезавтра, яко мещанин на Конной, будет высечен плетью и отослан в Оренбург»².

---

¹ Попов А.Н. Дело М. Верещагина в Сенате. С. 4–5, 10–13; Шереметевский П.В. Указ. соч. С. 244–245.

² Ростопчин – Балашову. 26 июля 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война... С. 66.

Среди тех иностранцев, которых хватали и наказывали чуть ли не каждый день, 30 июля (ст. ст.) оказался Франсуа (по другим данным – Петр) Мутон, учитель фехтования. Ростопчин писал об этом Балашову так: «А вам сообщаю новое доказательство, что слово вольность, на коей Наполеон создал свой замысел завоевать Россию, совсем в пользу его не действует. Русских проповедников свободы нет, ибо я в счет не кладу ни помешанных, ни пьяных, коих слова остаются без действия. А сего утра один француз, дезертир в последнюю войну, по имени Mouton, живучи в доме доктора Шлегеля, вздумал говорить слуге его: что скоро они будут счастливы, и Наполеон им дает свободу. Вместо благодарности человек русский ударил его по зубам, позвал товарищей, чтоб тащить на съезжий двор»¹. В день расправы над Верещагиным 2 сентября (ст. ст.) 1812 г. Мутон чудом не стал еще одной жертвой «народного гнева».

Ростопчин продолжал информировать и Александра I о «зловредных» замыслах московских масонов. 6 августа (ст. ст.) он сообщил о циркулировавших по Москве слухах, будто гибель России является Божьим наказанием за кончину Павла I. «Я не сомневаюсь, – писал он, – что сочинители этой бессовестной молвы суть Лопухин, Ключарев, Кутузов и Лубяновский...» Ростопчин прямо просил государя дать ему указание выслать этих лиц из Москвы «до дальнейших распоряжений»². Александр I молчал.

10 августа (ст. ст.) Ростопчин получил сообщение об оставлении русскими войсками Смоленска. Охваченный новой вспышкой гнева на врагов Отечества и памятуя о чрезвычайных полномочиях, которыми облек его государь (правда, в чем собственно они заключались, до конца так и не было понятно), Ростопчин приказал Ивашкину арестовать Ключарева и выслать его из Москвы.

Между тем в голове Ростопчина зрела мысль об уничтожении Москвы в случае подхода к ней неприятеля. После сдачи Смоленска эта идея становилась все более определенной. 13 августа (ст. ст.) Ростопчин писал Балашову: «Мнение народа есть следовать правилу: “Не доставайся злодею”. И если Провидению угодно будет, к вечному посрамлению России, чтоб злодей ее вступил в Москву, то я почти уверен, что народ зажжет город и отнимет у Наполеона предмет его алчности и способ наградить грабежом своих разбойников»³. Эту идею живо подхватил главнокомандующий 2-й Западной армии

---

¹ Ростопчин – Балашову. М., 30 июля (ст. ст.) 1812 г. // Там же. С. 70.

² Ельницкий А.Е. Указ. соч. С. 265. Ф.П. Лубяновский (1777–1869), сенатор, мемуарист.

³ Ростопчин – Балашову. 13 августа (ст. ст.) 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война. С. 94.

П.И. Багратион, с которым Ростопчин состоял в постоянной переписке. «Истинно так и надо, – писал Багратион московскому главнокомандующему, – лучше предать огню, нежели неприятелю. Ради бога надо разозлить чернь, что грабят церкви и женский пол насильничают; это надо рассказать мужикам»¹. В том же письме Багратион допустил в отношении государя такие выражения, которые, будь они обнаружены в одном из листов московских масонов, обернулись бы против них немедленной расправой! «От государя ни слова не имеем, нас совсем бросил. Барклай говорит, что государь ему запретил давать решительные сражения, и все убегает. По-моему, видно, государю угодно, чтобы вся Россия была занята неприятелем»². Что было позволено открыто говорить и делать барам, не было позволено даже мыслить простым чиновникам или купеческим сыновьям...

Всю вторую половину августа Ростопчин без устали изобретал все новые и новые способы поддержания в московском простонародье «патриотического возбуждения». Помимо распространения знаменитых «афишек», писанных псевдонародным языком заигравшегося в русскость богатого барина, московский главнокомандующий с еще большим азартом вел демонстративные поиски затаившихся врагов Отечества. 18 августа (ст. ст.) Ростопчин докладывал Балашову: «Для удовольствия народа [Sic! – В. З.], отобрав 43 человек из самых замеченных по поведению и образу мыслей французов, наняв до Нижнего Новгорода барку, завтра ночью забрав, отправлю водою, а оттуда в Саратов и далее»³. Среди иностранцев, которые не были отправлены на барке, а продолжали содержаться в Москве, ожидая наказания, был уже упоминавшийся нами Мутон. Он был определен к наказанию кнутом и ссылке в Сибирь. Доносчику на Мутона Ростопчин демонстративно выдал 1000 рублей (!) в награду, тем самым поощряя доносительство на «подозрительных» иностранцев. Многие из московского простонародья этим воспользовались. Более того, стали составляться заговоры с целью массового избития оставшихся иностранцев и разграбления их имущества. Об одном из таких заговоров поведал в «Записках» сам Ростопчин. Он же рассказал, как некий Наумов, занимавшийся хождением по делам, по видимому, вдохновленный намерениями Ростопчина предать город огню, «подговаривал дворовых людей и указывал им, куда следует собираться, когда настанет время грабить. Он записал уже более

---

¹ Багратион – Ростопчину. Дер. Лушки, 36 верст от Вязьмы, 14 августа (ст. ст.) 1812 г. // Там же. С. 97.

² Там же. С. 98.

³ Ростопчин – Балашову, 18 августа (ст. ст.) 1812 г. // Там же. С. 101.

600 [! – В. З.] человек»¹. «Патриотический порыв», организованный Ростопчиным, с неизбежностью должен был соединиться с разнuzданной уголовщиной.

Все эти дни накануне сдачи Москвы Верещагин оставался в заключении в «яме», то есть в тюрьме для должников, которая находилась в подвальных помещениях здания, бывшего когда-то монетным двором, а затем губернскими присутственными местами². Там же содержался и француз Мутон.

Когда отгрели орудия Бородинской битвы, и русская армия приблизилась к Москве, неотступно преследуемая Наполеоном, 30 августа (ст. ст.) Ростопчин обратился к москвичам с воззванием, призывая их собраться «на Три горы»³, дабы вместе с армией они встретили неприятеля и разбили его. Но сам Ростопчин заведомо знал, что «у нас на Трех горах ничего не будет», как он заявил С.Н. Глинке, передавая ему это воззвание. Тысячи москвичей собрались 31 августа (ст. ст.) в указанном месте, но, простояв в ожидании целый день, так и не дождались губернатора и в тягостных раздумьях разошлись к вечеру.

Между тем Москва к тому времени уже оказалась наводнена дезертирами, ранеными и «мниморанеными» (Ростопчин). «Волнение в народе было сильное, – писал о событиях 1 сентября (ст. ст.) 1812 г. в рапорте министру юстиции надворный советник А.Д. Бестужев-Рюмин, – грабили даже дома; пьянство и озорничество оставалось без всякого опасения быть наказану»⁴. Как сообщал в письме чиновник московского почтамта А. Карфачевский, 1 сентября (ст. ст.) по улицам города прохаживались «одни раненые солдаты, бывшие в деле под Можайском, разбивали питейные дома и лавочки на рынках»⁵.

К 8 часам вечера 1 сентября (ст. ст.) Ростопчин получил уведомление от главнокомандующего объединенными русскими армиями М.И. Кутузова о том, что войска, не принимая сражения, спешно оставляют Москву. Теперь московскому главнокомандующему оставалось совсем немного времени, чтобы привести в действие давно замысленный им план уничтожения города. Он отдал распоряжение

---

¹ Цит. по: Наполеон в России глазами русских. С. 226.

² На этом месте затем было воздвигнуто здание Московской городской думы, которое в советское время стало Центральным музеем В.И. Ленина, а ныне является филиалом Государственного исторического музея.

³ Три горы – холмистая местность к западу от Садового кольца, на левом берегу р. Москвы (район нынешней ул. Трехгорный вал).

⁴ Бестужев-Рюмин А.Д. Донесение И.И. Дмитриеву. С. 368.

⁵ Бумаги, относящиеся... Ч. 5. С. 165.

Ивашкину вывезти из Москвы пожарные насосы¹, провел тайное совещание с чинами полиции, где они получили инструкции на предмет организации поджогов в городе по вступлении в него французов; наконец, рано утром 2-го отправил своего адъютанта В.А. Обрескова в «яму», где тот приказал выпустить примерно полторы сотни арестантов, предварительно потребовав от них клятвы перед иконами в исполнении «патриотического долга»². Однако двое арестантов, содержавшихся в «яме», в число выпущенных на свободу не попали. Ими были Верещагин и Мутон. Их Обресков доставил в дом Ростопчина на Лубянке.

Около 10 утра 2 сентября (ст. ст.) московский главнокомандующий был уже готов отбыть из столицы и после беседы с сыном Сергеем, которого застал выходящим со слезами на глазах из спальни своей матери (жена Ростопчина Екатерина Петровна и их дочери уже несколько дней как отбыли в Ярославль), узнал, что весь двор перед дворцом заполнен толпою московского простонародья. Большею частью это были те самые люди, которые по своей детской доверчивости к «начальству» весь день накануне простояли на «Трех горах», тщетно ожидая словоохотливого графа, а теперь, узнав об оставлении Москвы, в полном неведении и в смятении столпились у дома Ростопчина, запрудив обширный двор и прилегавшую к нему улицу. Многие были с оружием и в сильном подпитии. Обстоятельства разыгравшейся здесь несколько позднее трагедии не до конца ясны в своих деталях, но в общих чертах восстанавливаются достаточно убедительно.

Двухэтажный барочный дворец, перед которым 2 сентября (ст. ст.) 1812 г. произошло трагическое событие, стоит до сих пор. С двух сторон его окружают большие флигели, которых в 1812 г. еще не было, а двор, выходящий на Большую Лубянку, был еще более обширным. 2 сентября (ст. ст.) 1812 г. этот двор заполнил московский люд. Задний двор, в те годы отделенный от переднего двора кирпичной стеной, и также достаточно обширный, был пуст. По центру дворца находится парадный вход с невысоким крыльцом, а над входом, на уровне 2-го этажа, возвышается балкон. Около 10 утра 2 сентября (ст. ст.) 1812 г. на этот балкон выбежал Ростопчин, чтобы прокричать народу: «Подождите, братцы: мне надобно еще управиться с изменником!» После этого Ростопчин зашел с балкона в дом и спустился вниз на крыльцо, куда под конвоем вывели Верещагина и Мутона. Конвойными были ординарцы Ростопчина полицейские

---

¹ Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 96.

² Narichkine M-m (née comtesse Rostopchine). Op. cit. P. 168.

драгуны офицер А.Г. Гаврилов и вахмистр П. Бурдаев (оба они много лет спустя поделаются своими воспоминаниями о том дне). За Ростопчиным, в дверях, а частью возле крыльца, сгрудилась его свита человек в 10. Среди свитских находился адъютант московского главнокомандующего В.А. Обресков, чьи устные воспоминания об этом событии, хотя и через третьих лиц, также дошли до нас¹.

Итак, Ростопчин вышел на крыльцо и спустился во двор, куда двое полицейских драгун уже вывели Верещагина и Мутона. Толпа немного отхлынула назад и образовала перед крыльцом своего рода полукруг. Ростопчин, переживший бессонную ночь, раздраженный на М.И. Кутузова, который обманул его, не дав как следует подготовиться к поджогу Москвы, и находясь под впечатлением грозности замысла, который он все же решил осуществить, – сжечь и разграбить Москву – теперь решил принести человеческую жертву. Молодой купчик, который в своем благородстве брал вину на себя и отводил обвинения от врага Отечества – Ключарева – должен был умереть адской смертью, а кровь его еще более возбудить патриотизм московской толпы.

Ростопчин схватил Верещагина за руку и закричал народу: «Вот изменник! От него погибает Москва!» Несчастный Верещагин, побледнев как полотно, только и успел тихо сказать: «Грех вашему сиятельству будет!»², как Ростопчин махнул рукой и закричал вахмистру Бурдаеву: «Руби!» Бурдаев стоял как вкопанный и «не подымал рук». Тогда Ростопчин в гневе закричал на Гаврилова, в чьем эскадроне был Бурдаев: «Вы мне отвечаете своею собственною головою! Рубить!» Гаврилов скомандовал: «Сабли вон!» Бурдаев машинально выхватил палаш и вскинул вверх. То же сделал и Гаврилов. Гаврилов и нанес первый удар Верещагину по лицу, вслед за ним ударил и Бурдаев. Верещагин упал, обливаясь кровью.

Ростопчин сразу обратился к Мутону, который стоял здесь же, в поношенном «сюртучишке, испачканном белой краской, простоволосый и с молитвенником в руках» (Ростопчин). Он ожидал участи, только что постигшей Верещагина, и читал молитву. Ростопчин в «Записках» так воспроизвел свои собственные слова, сказанные Мутону: «Дарую вам жизнь, ступайте к своим и скажите им, что не-

---

¹ Воспоминания В.А. Обрескова записал Д.Н. Свербеев со слов М.А. Дмитриева (РА. 1870. С. 519).

² О словах, сказанных юношей перед смертью, вероятно, ходили слухи уже тогда, сразу после расправы. Поэтому Ростопчин в записках счел необходимым написать: «Он [то есть Верещагин. – В. З.] упал, не произнося ни одного слова» (Цит. по: Наполеон в России глазами русских. С. 250). Этим Ростопчин только подтвердил, что несчастный все же что-то произнес.

годяй, которого я только что наказал, был единственным русским, изменившим своему Отечеству». По знаку главнокомандующего толпа расступилась, и Мутон бросился бежать.

Француза никто не попытался задержать. Возбужденные взоры толпы были направлены на окровавленное тело раненого Верещагина. На несколько мгновений воцарилась мертвая тишина. Как только Ростопчин и его свита быстрым шагом снова вошли в дом, толпа бросилась к умирающему юноше. Его ноги были обхвачены петлей; другой конец веревки привязали к лошади и поволокли тело прочь со двора, таскать по улицам. Окровавленная голова еще живого Верещагина билась о камни мостовой. Пьяная толпа ревела... Кто-то кричал: «Вот изменник нашему батюшке Александру Павловичу!»

Ростопчин, все еще слыша крики, доносившиеся со двора, не оглядываясь, прошел комнаты дворца, быстро вышел на задний двор, сел в дрожки, закричал кучеру: «Пошел!», и вместе со свитой мгновенно покинул Лубянку¹.

Возбужденная кровью «предателя», народная толпа хлынула со двора ростопчинского дома на Кузнецкий мост, где находились лавки живших в Москве иностранцев. Под крики и улюлюканье толпа протащила тело по Кузнецкому мосту, а затем повернула на Петровку, свернула в Столешников переулок и выплеснулась на Тверскую прямо напротив официальной резиденции генерал-губернатора². Там было пусто – вся администрация из Москвы уже отбы-

---

¹ Сцена убийства Верещагина описана по: Записка о деле Верещагина. Копия конца XIX в. // ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 66–73; Жуков И.Ф. Разбор известий и дополнительное сведение о казни купеческого сына Верещагина, 2 сентября 1812 года, в Москве // ЧОИДР. 1866. Кн. 4. С. 247–258 (Жуков рассмотрел свидетельства немецкого писателя К.А. Варнгагена фон Энзе; публикацию писателя и переводчика М.А. Дмитриева, в которой последний передает рассказ своего родственника известного мемуариста Д.Н. Свербеева о беседе с адъютантом Ростопчина В.А. Обресковым; свидетельство безвестного извозчика, очевидца трагедии, который вез М.А. Дмитриева осенью 1813 г.; свидетельства ординарцев Ростопчина П. Бурдаева (в передаче Г. Кононова) и А.Г. Гаврилова, с которым Жуков был знаком лично); письма и «Дневник» священника церкви Св. Людовика в Москве А. Сюрюга (Surrugues. *Léttres sur l'incendie de Moscou*; Surugue A. *Mil huit cent douze*); «Записки» Ф.В. Ростопчина. См. также интересный комментарий А.Ф. Кони к сцене убийства Верещагина (Кони А.Ф. *Психология и свидетельские показания* // Новые идеи в философии. СПб., 1913. Сборник 9. С. 93–94).

² Ныне здание мэрии Москвы.

ла. Растерянный и пьяный московский люд потащил тело вниз по Тверской, к базару возле кремлевских стен...

Между тем к Москве уже подходил Наполеон. В полдень он любовался куполами русской столицы с Поклонной горы, а затем приказал авангарду Мюрата войти в город. Мюрат, без выстрелов наседа на русский арьергард, медленно начал продвигаться к Кремлю. Здесь, как мы уже знаем, и произошла первая стычка с защитниками Москвы – ополченцами и полупьяными мужиками – которые стреляли по французам, бросались на них с пиками и даже рвали неприятелей зубами. Без сомнения, многие из этих безымянных защитников Кремля были теми самыми москвичами, которые в порыве патриотизма, досады и гнева только что таскали по улицам тело Верещагина. Сейчас же, около 4-х часов дня, сопротивление этой полупьяной толпы, брошенной своими господами, было легко сломлено. Несколько человек было убито, другие разбежались, третьих разоружили и взяли под караул.

Начало оккупации первопрестольной, помимо «дела Верещагина», связано с еще одним, весьма важным, но также крайне запутанным вопросом о роли уголовников в поджогах города при вступлении в него армии Наполеона. Напомним, что на показательном процессе над 26-ю «поджигателями», организованном французами 24 сентября, было заявлено, что главным организатором пожара Москвы является Ростопчин, который «велел распустить острог и около 800 преступников было выпущено с тем, чтобы они подожгли город в 24 часа после вступления французов». Для руководства этим предприятием в Москве были оставлены «различные офицеры и полицейские чиновники». Помимо этого, утверждалось, что Ростопчин вывез из города все пожарные трубы, дроги, крючья, ведра и другие «пожарные орудия»¹.

Обращает на себя внимание, что указанное французской военно-судной комиссией число арестантов (800 человек) почти совершенно совпадало с истинным числом преступников и подследственных, находившихся в Тюремном замке и во Временной тюрьме! Не менее удивительно и другое: среди 26 человек ни один из них не был отнесен к уголовникам (только у казненного Семена Ахрамеева и «недостаточно изобличенного» Андрея Шестоперова род занятий не был указан). Хотя, конечно, не исключено, что в протоколе судебного заседания указывался только род занятий, но не «судимость» обвиняемого. В этом случае среди представших на процессе могли быть и уголовники.

---

¹ Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 129–143.

Как бы то ни было, история о поджигателях-каторжниках стала излюбленным сюжетом для многих французских описаний московского пожара. Уже в день процесса, 24 сентября, капитан 2-го полка пеших гренадер Императорской гвардии Л.Ф. Фантэн дез Одоард, записал в своем дневнике: «Ростопчин, его [т. е. города. – В. З.] губернатор, хладнокровно подготовил и принес жертву. Его помощниками была тысяча каторжников, освобожденных до этого, и всем преступникам было обещано прощение, если они сожгут Москву. Опьяненные водкой и снабженные зажигательными материалами, а также запуская конгривные ракеты [назывались так по имени английского изобретателя полковника У. Конгрейва. – В. З.], бешеные подняли руку на плоды труда с адской радостью...»¹

Еще ранее Фантэна дез Одоарда, в 19-м бюллетене Великой армии, продиктованном Наполеоном поздним вечером 16 сентября, была запущена в широкий оборот другая цифра – «три тысячи злодеев, которых он [Ростопчин. – В. З.] выпустил из тюрем». Здесь же говорилось, что, кроме этого, Ростопчин «созвал 6 тыс. подчиненных и раздал им оружие из арсенала»². Пассажи об участии каторжников в поджогах Москвы встречаются во многих письмах французов, написанных в те дни в Москве³. Правда, наряду с каторжниками и выпущенными на волю сумасшедшими, действуют тысячи (от 5 до 10 тыс.) других русских злоумышленников, в том числе чинов полиции⁴, а также английские агенты, переодетые в русское платье⁵. Число же каторжников в письмах французов иногда доходит до 20 тыс.!⁶

---

¹ Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 336.

² 19-й бюллетень Великой армии. Москва, 16 сентября (н. ст.) 1812 г. // Napoléon I. Œuvres de Napoléon. P. 62–63.

³ См., например: Лейтенант 25 линейного полка Паради – м-ль Бонграс. Москва, 20 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 22; Су-лейтенант 12-го линейного полка П. Беснар – жене. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 29–30.

⁴ См., например: Castellane E.V.E.V. Op. cit. P. 154–155 (запись от 15 сентября 1812 г.); лейтенант Паради – сыну. Москва, 26 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 24; су-лейтенант Ж. Даве – отцу. Москва, 28 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 54; Проспер, интендантский чиновник – отчиму. Москва, 15 октября 1812 г. // *Ibid.* P. 147.

⁵ См., например: солдат Маршал – г-ну Тюгне, кюре. Москва, 26 сентября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 52; *Lettres interceptées...* P. 34.

⁶ Кудер, чиновник администрации Великой армии – жене. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 51–52.

Версия о широком участии в поджоге города каторжников, выпущенных Ростопчиным, активно развивалась московскими иностранцами с первого дня вступления Наполеона в Москву. Даже еще ранее вступления в город французов по Москве уже упорно ходили слухи о готовности Ростопчина сжечь город и о том, что московская чернь с попустительством, а то и при поощрении городского начальства, собирается перебить всех оставшихся в городе иностранцев. Не исключено, что и слухи о том, что губернатор выпустил из тюрем колодников для организации поджогов и бесчинств, тоже начали ходить за несколько часов до входа войск Наполеона. Известный мемуарист шевалье Ф.Ж. д'Изарн, давно осевший в Москве и торговавший зерном, передал одну из тех историй, которые циркулировали в русской столице: «Незадолго до вступления французов в Москву, к дверям слесаря немца Гурни, жившего в Немецкой слободе, подошел просить милостыни какой-то нищий в арестантском платье и головою, наполовину обритую. Хозяйка дома дала этому несчастному все нужное для того, чтобы подкрепиться и потом еще несколько денег. Сударыня, сказал он ей, в благодарность за вашу доброту ко мне, я дам вам совет: “Уезжайте как можно скорей”. – Зачем? – “Этого мне нельзя сказать вам”, – но, осажденный вопросами, он рассказал наконец, что все арестанты без исключения выпущены из острога; с них взяли слово, что они будут поджигать город, а для большей верности, их заставили присягнуть перед иконами»¹.

История с освобождением Ростопчиным заключенных для организации бесчинств и пожаров активно распространялась и знаменитым аббатом Сюрюгом, кюре французской церкви Св. Людовика в Москве². В целом история о русских каторжниках прочно вошла в издания мемуаров французских участников похода в Россию³.

Что же говорят об этом русские материалы? Картина оказывается более противоречивой. Известно, что грабежи и разбойные нападения в Москве начались задолго до утра 2 сентября (ст. ст.), когда все арестанты московских тюрем еще определенно находились под караулом. В начавшихся бесчинствах особую активность в те дни проявляли оставшиеся в городе русские раненые и дезертиры. «У Покровского монастыря, – писал в письме асессор Сокольский, выбравшийся из Москвы 1 сентября (ст. ст.), – встретили около 5000 раненых, кои разбивали кабаки; нашим многие грозили страш-

---

¹ Изарн Ф. де. Указ. соч. Ст. 1444.

² Surugue A. Mil huit cent douze. P. 22; idem. Létres sur l'incendie de Moscou. P. 14–15.

³ См., например: Bourgoing P. Op. cit. P. 34–37, 40.

ною опасностию...»¹ Мародерство со стороны дезертиров и брошенных в Москве на произвол судьбы раненых приобрело в дальнейшем неимоверный размах.

Ростопчин, хорошо представляя, сколь опасны были для Москвы, покидаемой жителями и властями, эти скопления неизбежных для дезорганизованной армии мародеров, многократно писал об этом, отводя всякие обвинения в свой адрес на предмет освобождения заключенных. 13 сентября (ст. ст.) 1812 г. он написал главнокомандующему Кутузову о страданиях жителей «от своих раненых, больных и нижних воинских чинов всюду шатающихся единственно для разорения соотечественников»². 30 октября (ст. ст.) Ростопчин писал управляющему Министерством полиции С.К. Вязмитинову, что «в числе едва 10 тыс. человек в Москве жителей оставшихся, наверно 9 тыс. было таких, кои с намерением грабить не выехали да и по выходе французов продолжали [грабить] и с казаками, и с жителями окрестных селений, в первые три или четыре дня»³.

В своих воспоминаниях, написанных значительно позже описываемых событий, Ростопчин, как можно понять, 30 или 31 августа, приказал полиции «запереть вечером все кабаки и выгнать целовальников. К мере этой я должен был, – писал Ростопчин, – прибегнуть вследствие появления огромного числа мародеров, дезертиров и мнимораненых, которые со всех сторон прибывали в город; а одна уже приманка выпивки привлекла бы часть армии, которая и без того уже была слишком дезорганизована, и тысячи солдат, которых нельзя было сдержать силой, начали бы грабить город и, может быть, даже зажгли бы его, прежде прихода нашей армии»⁴. Версию же о том, что в поджоге Москвы участвовали преднамеренно выпущенные им для этого колодники, Ростопчин категорически отвергал⁵.

Но только ли русские солдаты и дезертиры грабили и поджигали дома москвичей? Определенно нет. Среди грабителей и поджигателей были и солдаты Великой армии. Вопреки уверениям Наполеона,

---

¹ Бестужев-Рюмин А.Д. Донесение И.Н. Баранову. С. 368; Письмо асесора Сокольского к неизвестному [Ивану Николаевичу] о событиях в Москве и жизни при французах [1812] // ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 13.

² Журнал исходящих бумаг канцелярии Ростопчина с июля по декабрь 1812 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 10. С. 182.

³ Ростопчин – С.К. Вязмитинову. 30 октября (ст. ст.) 1812 г. Копия // Там же. Ч. 7. С. 417–418.

⁴ Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! С. 304.

⁵ Rostopchine F.V. Op. cit. P. 8.

некоторых мемуаристов и зарубежных историков в том, что наполеоновские солдаты только грабили, но не поджигали дома, это было не так. Наполеоновские мародеры, как и русские, полагали, что грабить добро гораздо сподручнее, когда дом загорится. О поджогах такого рода писали многие: надзиратель Воспитательного дома И.А. Тутолмин, смотритель Павловской больницы в Москве П. Носков, отставной генерал-майор С.И. Мосолов и др.¹

Очень много было поджигавших и грабивших из числа отбросов московского общества. Было немало случаев, когда они грабили не только своих соотечественников, но и самих французов!² Особую окраску и особый размах буйство этих подонков приобрело в самом начале оккупации Москвы вследствие патриотических призывов самого Ростопчина. Патриотические призывы губернатора, водка, пролитая кровь М. Верещагина – все это происходило на фоне свободной раздачи оружия из Кремлевского арсенала.

Весьма существенную лепту в разграбление Москвы с самого начала внесли окрестные крестьяне. Свидетельств тому множество. Вот, к примеру, что рассказал священник церкви Николы в Зарядье А.Н. Лебедев. Он писал, что имущество растаскивалось «налетевшими как саранча... мужиками незадолго до вступления неприятеля в Москву. Из этих грабителей были такие умелые, которые быстро находили и все то, что было зарыто москвичами в земле на дворах, по погребам. Увозилось ими все, и мелкое, и крупное, не пренебрегали и книгами...»³

Наконец, сохранились свидетельства и о том, что в грабежах и в сотрудничестве с оккупантами участвовали и чины московской полиции! Московская полиция, как писала фрейлина императорского двора М.А. Волкова своей подруге В.И. Ланской, «выйдя из города в беспорядке, грабила во всех деревнях, лежащих между Москвой и Владимиром»⁴. А квартальный поручик П. Лакруа, находившийся в карауле у пленного французского командира эскадрона Сент-Перна,

---

¹ И.А. Тутолмин – императрице Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Копия // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 62 об.; П. Носков – секретарю императрицы Марии Федоровне Г.И. Вилламову. 28 октября (ст. ст.) 1812 г. Копия // Там же. Л. 54 об. – 55; Отрывок из рукописи «История моей жизни» отставного генерал-майора С.И. Мосолова // Бумаги, относящиеся... Ч. 8. С. 338.

² Имел место случай, когда было похищено имущество, принадлежавшее маршалу Л.А. Бертье (Кольчугин Г.Н. Указ. соч. С. 53).

³ Из рассказов русских о 1812 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 2. С. 259.

⁴ М.А. Волкова – В.И. Ланской. 18 ноября (ст. ст.) 1812 г. // Наполеон в России глазами русских. С. 71.

специально остался в Москве, дабы перейти на службу к неприятелю. Сознательно остался в Москве, желая перейти на службу к французам, и квартальный поручик В. Галданов. Оказался 2 сентября (ст. ст.) пьян, отстал от полицейской команды и остался в Москве фурман Соломенко. Поведение его в городе во время оккупации так до конца и осталось невыясненным¹. На этом фоне совершенно невинными выглядели действия И.М. Бархатова, заплечных дел мастера, состоявшего при Московском губернском замке, который, следуя на своей подводе с женой в Нижний Новгород, «ходя там, по питейным домам и наглыми средствами отнимая у целовальников казенные меры, черпая, вино пил безденежно»².

Что же говорят русские свидетельства о колодниках? Участвовали ли они в грабежах и поджогах, и если участвовали, то каково было это участие? А.Я. Булгаков, доверенное лицо Ростопчина, оставил запись о том, что 2 сентября (ст. ст.) в 5 часов вечера возле заставы, через которую он выезжал из Москвы, он увидел следующее: «Кабак разбит. У острога колодники бегут: их выпустили, или они поломали замки сами»³. П.А. Волконский также свидетельствовал, что 2 сентября (ст. ст.) «распустили колодников из ямы, рабочего дома и сумасшедших»⁴. Титулярный советник Василий Попов в своем прошении о вспомоществовании от 10 ноября (ст. ст.) 1812 г. на имя Ростопчина рассказывал, как в оккупированной Москве его вначале остановили французские грабители, которые ободрали с образов, бывших с ним, серебряные венцы, после чего возвратили ему иконы. Но сразу после этого и сами образа у него отняли трое «молодцов», «скованных в железзах», и при этом немилосердно били⁵. Весьма пространный рассказ о том, как, будучи еще 14-летним мальчиком, попал в настоящее бандитское логово в оккупированной Москве, оставил спустя много лет А. Рязанов⁶. После знакомства с его рассказом не остается сомнений в том, что в логове были настоящие каторжники, выпущенные из острога, которые грабили всех подряд, в особенности французов. Впрочем, вместе с тем, уголовники были готовы и

---

¹ Допрос фурмана Соломенко в Таганской части. Январь 1813 г. Копия // Бумаги, относящиеся... Ч. 3. С. 113–114.

² Из Владимирского губернского правления – обер-полицмейстеру П. Алексееву. 16 сентября (ст. ст.) 1812 г. // ЦИАМ. Д. 509. Л. 1.

³ Заметки на память А.Я. Булгакова // РА. 1865. Ч. 4. Ст. 702.

⁴ Волконский П.А. Указ. соч.

⁵ В. Попов – Ростопчину. 10 ноября (ст. ст.) 1812 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 121.

⁶ Рязанов А. Указ. соч. Гл. 8, 10.

оказать снисходительное покровительство некоторым своим несчастным соотечественникам.

Сразу после оставления неприятелем Москвы и вступления туда русских войск власти начали отлавливать арестантов, оказавшихся на свободе. 15 октября (ст. ст.) майор Гельман, командир Московской драгунской команды, докладывал Ивашкину, что в Москве задержано более 600 грабителей, «да еще под караулом содержалось более 200 человек»¹. Рапорт генерал-майора И.Д. Иловайского 4-го Ростовчину от 16 октября (ст. ст.) 1812 г. еще более откровенен. Со ссылкой на майора К.Х. Бенкендорфа Иловайский сообщал, что «в течение двух дней переловлено более 200 зажигателей и грабителей, по большей части выпущенных из острога преступников, из которых семь человек схвачены лейб-казачьим разъездом, против коего они стреляли из ружей, и несколько пойманы в святотатстве и убийстве...»².

Этот рапорт Иловайского, а также другие свидетельства русских и французов, дали возможность А.Н. Попову в работе, написанной более 100 лет назад, со всей убежденностью заявить о том, что в период наполеоновской оккупации в Москве находилось немало выпущенных из тюрем преступников, а приказание Ростовчина об отправке их из столицы «не было исполнено, по крайней мере вполне»³.

Последним из отечественных историков обращался к теме каторжников и московского пожара 1812 г. А.Г. Тартаковский. Взяв в качестве основной идеи своей статьи версию И. Шницлера и А.Е. Ельницкого о несоответствии первоначального замысла Ростовчина о полном уничтожении столицы реальному его воплощению⁴, Тартаковский, тем не менее, внес ряд ценных уточнений. Одно из них касалось судьбы колодников. По его мнению, если арестанты Тюремного замка в Бутырьках и были отконвоированы из города, то всех колодников из Временной тюрьмы выпустил на волю В.А. Обресков – адъютант Ростовчина, его особо доверенное лицо⁵.

---

¹ Гельман – Ивашкину. Москва, 15 октября (ст. ст.) 1812 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 100. Кем были эти 200 человек, которые еще ранее оказались под караулом? Под чьим караулом? Скорее всего, того же майора Гельмана.

² Рапорт генерал-майора И.Д. Иловайского 4-го. Москва, 16 октября (ст. ст.) 1812 г. // РА. 1865. Ч. 4. С. 695.

³ Попов А.Н. Французы в Москве. С. 79.

⁴ Schnitzler J.H. La Russie en 1812. Rostopchine et Koutousof. P., 1863; А.Е. Ельницкий. Указ. соч. С. 283–284. См. также: Богданович М.И. Указ. соч. С. 314–315.

⁵ Тартаковский А.Г. Обманутый Герострат // Родина. 1992. № 6–7. С. 90.

При всей убедительности картины, представленной Тартаковским, не может не возникнуть вопроса о том, могли ли сидевшие в «яме», по большей части несостоятельные должники или подследственные по мелким делам, вдруг превратиться в сотни отъявленных уголовников, готовых на поджоги, грабежи и убийства? Вновь обратимся к сохранившимся документам.

1 сентября (ст. ст.) Ростопчин (трудно сказать, до или после встречи с Кутузовым на Поклонной горе) предписал гражданскому губернатору Н.В. Обрескову отправить в Рязань «за присмотром содержащихся в здешнем тюремном замке криминальных колодников». Н.В. Обресков, в свою очередь, соотнесся с обер-полицмейстером Ивашкиным, возложив на него эту задачу. Согласно сведениям Обрескова, в Тюремном замке содержалось («за исключением по ордонансной части», т. е. воинских арестантов по Московскому гарнизону) 529 человек. Во Временной тюрьме всего содержалось 166 человек. Обресков полагал (вероятно, по предложению Ростопчина), что, возможно, те из них, кто «по давно бывшим претензиям, могут [быть] освобождены на расписки с обязательством явиться по требованию». Обресков просил Ивашкина вытребовать от московского коменданта охранение под командой обер-офицера из расчета одного рядового на трех арестантов. Обресков требовал также изыскать суммы на продовольствие в дороге. Конвоирование содержащихся по ордонансной части 101 человека предполагалось поручить коменданту. Содержавшихся за долги, «по изъяснении господина стряпчего», рекомендовалось освободить¹.

Итак, в намерения Ростопчина, без сомнения, не входило использовать колодников Тюремного замка для организации беспорядков и поджогов в городе. Но, может быть, поджигателями должны были стать арестанты Временной тюрьмы? К утру 2 сентября (ст. ст.) «подопечными» Вельтмана, смотрителя Временной тюрьмы, числилось 173 арестанта, из которых, однако, во Временной тюрьме содержалось только 166 человек; остальные семеро были размещены в Тюремном замке². Кроме того, в ведении Вельтмана

---

¹ Н.В. Обресков – Ивашкину. 1 сентября (ст. ст.) 1812 г. // ЦИАМ. Д. 503. Л. 1–2. См. также: Бумаги, относящиеся... Ч. 6. С. 4.

² Ими были: сын губернского регистратора Яков Астальцев, землемерный помощник Семен Храпов, отставной чиновник 9-го класса Иван Сокольницкий, два коллежских регистратора М. Попов и М. Пропилов, отставной титулярный советник Павел Молчанов и иностранец Иоганн Гольц. Мы попытались найти указанных лиц в списке арестантов Тюремного замка, составленном на 2 сентября (ст. ст.) 1812 г., однако из семи человек троих обнаружить не удалось.

находилось «сверх того, более 20 человек евреев», которые содержались в замке, но которые, по-видимому, вместе с тем не вошли в указанное число 173 человека¹. Из 166 человек 26 были женщинами. Основная часть арестантов были дворовыми людьми и крестьянами. Кроме того, было несколько мещан, купеческий сын, несколько дезертиров, один отставной корнет, один майор, шесть чиновников, один сын чиновника, один отставной вахмистр и один иностранец. Трудно сказать, кого именно могли бы освободить под расписку утром 2 сентября (ст. ст.), но очевидно, что и оставшиеся 100–150 человек вряд ли могли превратиться в восемь сотен каторжников-поджигателей.

Что же в действительности произошло 2 сентября (ст. ст.) с арестантами московских тюрем? Как известно, около 8 часов вечера 1 сентября (ст. ст.) Ростопчин получил сообщение от Кутузова об окончательном решении оставить Москву. Поэтому вечер 1 сентября (ст. ст.) и ночь с 1-го на 2-е были до предела заполнены неотложными делами. Среди прочего, Ростопчин приказал Ивашкину вывезти из Москвы пожарные трубы, при этом оставив на месте «пожарные инструменты». Сборным местом пожарной команды, как и всей полицейской команды, были определены Красные ворота, неподалеку от дома обер-полицейстера².

Воспоминания Ростопчина дают нам представление о тех неотложных мерах, которые московский главнокомандующий успел предпринять вечером 1-го, в ночь с 1-го на 2-е и утром 2 сентября (ст. ст.). Он написал и отправил к императору 2 письма (одно – до получения уведомления от Кутузова о сдаче Москвы, другое – после); «призвал» Ивашкина и отдал ему распоряжение об отправке полицейских офицеров для провода войск на Рязанскую и Владимирскую дороги; распорядился увезти все пожарные трубы; отдал приказ коменданту и начальнику Московского гарнизона об

---

¹ Донесение смотрителя Временной тюрьмы Вельтмана в Московскую управу благочиния. 28 августа (ст. ст.) 1813 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 2. С. 212–213.

² Предписание Ростопчина Ивашкину о вывозе из Москвы пожарных труб. 1 сентября (ст. ст.) 1812 г. // Там же. Ч. 1. С. 96. В «Правде о пожаре Москвы» Ростопчин открыто признался, что приказал вывезти из города 2100 полицейских пожарных и 96 труб (Rostopchine F.V. Op. cit. P. 11). Однако были вывезены не все трубы, по крайней мере 4 трубы были оставлены в Воспитательном доме. Утром 2 сентября (ст. ст.) приказ Ростопчина Ивашкину о сборе всей полицейской команды у дома обер-полицейстера и о движении на Владимир был подтвержден (Ивашкин – Ростопчину. 26 июля (ст. ст.) 1814 г. // ЦИАМ. Д. 563. Л. 50).

уходе их команд из города; позаботился об отправке из Москвы двух (по другим источникам – трех) особо чтимых икон; немало времени уделил организации отправки раненых; распорядился о высылке Ф. Леппиха со всем его «хозяйством» (как известно, последний производил опыты по постройке управляемого воздушного шара) по Ярославской дороге; примерно в 11 вечера беседовал с принцем Бюргенбургским и герцогом Ольденбургским, затем – с несколькими молодыми людьми из «хороших фамилий», с которыми вынужден был спорить о необходимости оставления Москвы; отправил камердинера на дачу в Сокольники, чтобы спасти два дорогих ему портрета – жены и императора Павла I; отобрал бумаги, которые хотел взять с собой; озаботился отправкой двух грузинских царевен, двух грузинских княжон и экзарха Грузии, брошенных в Москве начальником Московского дворцового управления П.С. Валуевым; принял множество просителей; отобрал шестерых полицейских офицеров, которые должны были остаться переодетыми в Москве и доставлять ему сведения о происходивших там событиях¹; под утро принял шталмейстера П.И. Загряжского, чье поведение во время вражеской оккупации станет столь скандальным; в 10 часов утра встретился с сыном Сергеем; наконец, стал организатором и участником трагической сцены убийства М.Н. Верещагина. Конечно, о зловещем совещании, где бы обсуждался план сожжения города, Ростопчин не поведал. О том, что такое совещание предположительно все же имело место, мы можем судить на основании лишь косвенных данных. Впервые о факте такого совещания уверенно написала дочь Ростопчина Н.Ф. Нарышкина, чьи воспоминания, написанные в 1860-е гг., были опубликованы только в 1912 г. Более того, в научный оборот их ввел только А.Г. Тартаковский в 1992 г. Напомним, что Нарышкина уверяла, будто «глубокой ночью полицмейстер (le maître de police) Брокер привел с собой несколько человек из числа горожан и других чинов полиции». «Состоялось секретное совещание, – пишет она далее, – в кабинете моего отца, на котором присутствовали Брокер и мой брат; они получили точные инструкции (des instructions précises) о зданиях и кварталах, которые следовало обратить в пепел сразу же как только пройдут наши войска: они обещали все выполнить и сдержать слово; это не подтверждает мнения, будто разбойники или бандиты явились теми, кто поджог город, но это бы-

---

¹ Все они, как сообщает Ростопчин, остались живы. Нам определенно известно только имя квартального надзирателя Ф.П. Пожарского и предположительно – квартального надзирателя И.И. Иваницкого. Не исключено также, что одним из этих людей был квартальный надзиратель А.П. Спиридонов (Бумаги, относящиеся... Ч. 4. С. 281–282).

ли люди, преданные своей родине и своему долгу»¹. Среди этих людей Нарышкина назвала прежде всего квартального надзирателя П.И. Вороненко, который, по ее словам, уничтожил склады с зерном, барки, стоявшие на реке, также наполненные зерном, «и лавки, которые образуют форму базара, в которых были все товары, необходимые для обитателей Москвы». Нарышкина называет еще два имени из числа московских ремесленников, выполнивших приказ «об уничтожении складов, которые первыми должны были быть преданы огню». Этими людьми были Иван Прохоров, который был расстрелян французами, и Антон Герасимов, который исчез бесследно².

Следует обратить внимание на то, что Нарышкина все же была не первой, кто, опираясь на известный рапорт Вороненко на имя экзекутора Андреева, отверг идею об использовании Ростопчиним колодников для организации поджогов. Первым был А.И. Михайловский-Данилевский³. Из доклада Вороненко следовало, что 2 сентября (ст. ст.) в 5 часов утра по поручению Ростопчина он отправился «на Винный и Мытный дворы, в комиссариат и на не успевшие к выходу казенные и партикулярные барки у Красного холма и Симонова монастыря». После вступления в Москву неприятеля (это произошло, как мы уже знаем, в 3–4 часа дня) вплоть до 10 часов вечера он «по мере возможности» предал эти объекты огню.

Что же касается А.Ф. Брокера, то основная его «истребительная деятельность» пришлось на ночь с 1 на 2 сентября (ст. ст.), когда он по приказу Ивашкина с командой «в казенных магазинах и в содержательской конторе» вплоть до 7 часов утра разбивал и разливал бочки с вином. В 7 утра он получил приказ Ивашкина явиться к дому обер-полицмейстера, «что у Красных ворот», вместе с командой для выхода из города. После чего выступил из города вместе со всей полицейской командой и пожарным инструментом по Калужской дороге⁴.

---

¹ Narichkine M-m (née comtesse Rostopchine). Op. cit. P. 168.

² Ibid. P. 168–169. Развивая дальше свое повествование и излагая суждения об организации пожара Москвы, Нарышкина утверждала, что Ростопчин полагал, будто император Александр вовсе не был против этой крайней меры (Ibid. P. 180).

³ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. 1843. Ч. 2. С. 366, 376–377.

⁴ Адам Фомич Брокер // РА. 1868. Ст. 1433–1434. По словам Брокера, при исполнении приказа об уничтожении вина встретилось затруднение, которого не могла остановить никакая строгость: вино лилось на улицу, и народ припадал к сточным канавам, пользуясь, несмотря на приставленный надзор, даровым угощением, и что «многие тут и остались». При этом из пожарной

По-видимому, совещание (а возможно, и не одно), о котором поведала Нарышкина, в ночь с 1-го на 2-е в действительности имело место. Брокер, который фигурирует в ее рассказе, вполне мог в течение ночи пару раз оторваться от увлекательнейшего занятия истребления бочек с вином и появиться в доме Ростопчина на Лубянке. Но вопрос об использовании острожников для организации поджогов, скорее всего, тогда даже не поднимался. Об острожниках попросту не вспоминали.

Ростопчин, поручив гражданскому губернатору Обрескову организовать эвакуацию заключенных в Рязань, занялся другими делами. Ивашкин, со своей стороны, также уже 1 сентября (ст. ст.) отдал приказ московскому коменданту утром 2 сентября (ст. ст.) отправить «криминальных колодников» числом 529 человек из Тюремного замка с «хорошим конвоем» из расчета одного солдата на трех арестантов в Рязань¹, и был уверен, что эту заботу он со своих плеч сбросил. Ростопчин, как мы знаем, был занят массой других дел и, по-видимому, к утру 2-го полагал, что проблема с острожниками решается своим чередом.

В 6 утра Ростопчин собрал в доме на Лубянке совещание полицейских чиновников². То, что произошло в ходе него, точно восстановить вряд ли возможно, но полагаем, что идея об использовании арестантов Временной тюрьмы для организации поджогов на этот раз все же была высказана. А так как Ростопчину стало известно, что они все еще находятся в подвалах Временной тюрьмы, он, во изменение прежнего решения об освобождении под расписку только некоторых из них, приказал их всех выпустить на свободу, предварительно потребовав клятвы перед иконами в исполнении «патриотического долга». Осуществить эту миссию должен был не кто иной, как доверенное лицо московского главнокомандующего адъютант В.А. Обресков. Все это было сделано в то время, когда смотритель Временной тюрьмы Вельтман, не получив ранее никаких инструкций в отношении своих 173 арестантов (правда, часть из них из-за тесноты «ямы» содержалась в Тюремном замке в Бутырках), бросился к дому Ивашкина, но, застав его опустевшим, направился обратно

команды двое чинов, «при этом испытании, утонули в бочках» (Там же. Ст. 1433. Примеч. 30).

¹ Ивашкин – московскому коменданту. 1 сентября (ст. ст.) 1812 г. // Бу маги, относящиеся... Ч. 3. С. 195.

² Там же. С. 19. Мы полагаем, что это было не то совещание, на котором решался вопрос о поджогах различных объектов в Москве.

к подвалам Временной тюрьмы¹. В отсутствие Вельтмана начальником Временной тюрьмы оставался квартальный поручик Сретенской части Скрябин. Можно представить, сколь велико было удивление Вельтмана, когда, возвращаясь от дома обер-полицмейстера, он увидит «караул со всем конвоем из оной тюрьмы». Скрябин отрапортовал изумленному Вельтману, «что прислан был по приказанию от Его графского сиятельства господина главнокомандующего адъютант Обресков, который выпустил при себе всех содержавшихся из Временной тюрьмы колодников»². К донесению Вельтмана, из которого мы и узнаем об этих событиях, прилагался «реестр» заключенных. Из него видно, что в ведении Вельтмана находилось 173 арестанта, часть из которых содержалась в Тюремном замке. Как мы уже убедились ранее, данные этого списка не всегда соотносятся с реестром узников Бутырской тюрьмы. Кроме того, в этом списке нет Верещагина и Мутона, которые до утра 2 сентября определенно содержались в «яме». По-видимому, этих двух арестантов Обресков сам и доставил в дом Ростопчина (точно установлено, что В.А. Обресков присутствовал и при убийстве Верещагина, что произошло около 10 часов утра). В этом случае известные строки из воспоминаний Ростопчина определенно выглядят как преднамеренная ложь. Вот они: «Я спустился на двор, чтобы сесть на лошадь, и нашел там с десяток людей, уезжавших со мною. Улица перед моим домом

---

¹ Донесение смотрителя Временной тюрьмы Вельтмана в Московскую управу благочиния. 28 августа (ст. ст.) 1813 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 2. С. 212. В отличие от Иванова, который составлял рапорт, будучи больным и под непосредственным впечатлением от только что произошедших событий, Вельтман делал это позже, стараясь выгородить начальство и избежать эмоций. Однако из контекста рапорта видно, что картина была та же, что и в случае с Ивановым.

² Донесение Вельтмана в Московскую управу благочиния. 28 августа (ст. ст.) 1813 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 2. С. 212. О том, что все заключенные Временной тюрьмы были выпущены 2 сентября (ст. ст.) В.А. Обресковым, следует и из другого документа – отношения Московской управы благочиния в 1-й департамент Московского надворного суда от 6 июня (ст. ст.) 1813 г. (Там же. С. 213).

Бывший арестант Временной тюрьмы титулярный советник Поспелов, который «был взят от должности следственным приставом Яковлевым» по приказанию Ростопчина и по делу которого еще не было производства, уверял впоследствии, что был выпущен из тюрьмы «за три часа до вступления французов» (Ростопчин – Ивашкину. 6 февраля (ст. ст.) 1814 г.; Московская управа благочиния – Ивашкину. 27 февраля (ст. ст.) 1814 г. // ЦИАМ. Д. 563. Л. 19, 26.

была людьми простого звания, желавших присутствовать при моем отъезде. Все они при моем появлении обнажили головы. Я приказал вывести из тюрьмы и привести ко мне купеческого сына Верещагина, автора наполеоновских прокламаций, и еще одного французского фехтовального учителя по фамилии Мутона, который за свои революционные речи был предан суду и, уже более 3-х недель тому назад, приговорен уголовной палатой к телесному наказанию и к ссылке в Сибирь; но я отсрочил исполнение этого приговора. Оба они содержались в тюрьме для неисправных должников, и их забыли отправить с 730 преступниками как Московский губернии, так и всех тех, которые были заняты неприятелем. Преступники эти, которыми наполнили главную московскую тюрьму, ушли три дня тому назад [?! – В. З.], под конвоем одного батальона гарнизонного полка, и направились к Нижнему Новгороду. Человек 20 заключенных за долги, в особой тюрьме, были, по моему приказанию, объявлены свободными, и им растворили двери; кредиторов их в городе не было, и обстоятельства не благоприятствовали уплате долгов. Как же был я удивлен, когда впервые узнал, что эти должники превратились – в одном из наполеоновских бюллетеней – в легион из 500 человек, исполнивших мой план сожжения Москвы»¹.

Как мы знаем, Ростопчин неоднократно и категорически отвергал обвинения в свой адрес по поводу организации поджогов Москвы руками колодников, вероятно полагая, что действия сотни или полутора сотен не особо опасных уголовников или подозреваемых легко могут «раствориться» в огромном водовороте событий великого московского пожара. Ростопчин тем более был в этом уверен, ибо, по крайней мере, с самого начала полагал, будто вся опаснейшая братия колодников из Тюремного замка действительно была выпровождена из Москвы. 4 сентября (ст. ст.) 1812 г. он сообщал Кутузову о том, что арестантов, содержавшихся в Москве, было приказано «бывшему московскому гарнизонному полку всех» выпроводить, и «которые оным полком и выпровождены»². 30 октября (ст. ст.), уже после освобождения Москвы, явно реагируя на обвинения наполеоновских бюллетеней (а вероятно, и своих соотечественников) в использовании каторжников для поджога столицы, Ростопчин писал Вязмитинову, что все преступники, «как московской, так и присланные из занятых губерний» были в числе 620-ти [sic! – В. З.] отправлены под караулом в Нижний Новгород, «где они и теперь в остроге

---

¹ Ростопчин Ф.В. Указ. соч. С. 312–313.

² Журнал исходящих бумаг канцелярии Ростопчина с июня по декабрь 1812 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 10. С. 175.

содержатся»¹. Важно, что в этом письме Ростопчин уведомил только об арестантах, содержащихся в Тюремном замке. То, что по его приказанию были выпущены заключенные Временной тюрьмы, он не скрывал.

Итак, арестанты Тюремного замка были все-таки уведены из столицы под караулом Московского гарнизонного полка?

Здесь мы должны обратиться к рапорту смотрителя Московского тюремного замка Иванова, в ведении которого к утру 2 сентября (ст. ст.) содержалось ни много ни мало 627 «арестантов и колодников». Накануне, в воскресенье, стряпчий губернской уголовной палаты надворный советник Евреинов сообщил ему, что «есть распоряжение начальства отправить из замка и временной тюрьмы колодников в город Рязань». В тот же день, «в ночи», прибывший в замок частный пристав Муратов подтвердил это решение. Однако Иванов оставался в недоумении, «когда и каким образом то исполнением учиниться долженствовало». «Ни отколе не имев» об этом сведений, «поутру в часе в 6-м», Иванов отправился к Красным воротам на квартиру к обер-полицмейстеру П.А. Ивашкину, «надеясь осведомиться о том и получить приказание». Однако квартира Ивашкина оказалась уже покинутой. Иванов в панике начал метаться, пытаясь узнать, куда же выехал его начальник, и что ему, Иванову, следовало делать. И только «по слухам узнал», что Ивашкин уже Москву покинул! «...И так, – сообщал Иванов в рапорте от 13 сентября (ст. ст.) 1812 г. тому же Ивашкину, – оставшись в изумлении, не зная к чему приступить, а паче что делать с врученной мне обязанностью, лишаясь всех способов к продовольствию, возвратился немедленно к своей обязанности ожидать откуда-нибудь недоумению моему разрешения»². Солдат Московского гарнизонного полка он так и не дождался. Вместо этого «того ж утра часу в 11-м» в Тюремном замке появился плац-адъютант майор Кушнерёв и объявил Иванову приказ сдать «колодников сколько их есть имеющему прийти полку». Вскоре появился и «полк». Обрадованный Иванов спешно сдал всех 627 арестантов и колодников «под расписку» подпоручику

---

¹ Ростопчин – Вязмитинову. 30 октября (ст. ст.) 1812 г. Копия // Там же. Ч. 7. С. 416.

² Рапорт смотрителя Московского тюремного замка Иванова московскому обер-полицмейстеру П.А. Ивашкину. 13 сентября (ст. ст.) 1812 г. // ЦИАМ. Д. 503. Л. 4. Бутырский тюремный замок, или губернская тюрьма, представлял собою мощное крестообразное в плане сооружение с башнями, построенное М.Ф. Казаковым в 1784–1792 гг. Сегодня сохранились фрагменты первоначального здания (ул. Новослободская, 45).

Анисимову, «за коими поотдавал и весь бывший в замке караул», а сам «с малою бывшею у меня командою остался в замке».

Но и теперь, наконец-то избавившись от заключенных, Иванов продолжал пребывать в растерянности: не было дано никаких приказаний в отношении самого Тюремного замка. Между тем Кушнерёв сообщил, что московский комендант с гарнизоном из города уже выступил и «что в Москве никакой команды нет». «В таком случае, – повествует Иванов, – не зная, что предпринять, наконец решил я оставить замок и последовать всем выходом из Москвы вон». Итак, «в исходе 4-го часа пополудни с привратником унтер-офицером Сергеем Ивановым, лекарским учеником Алексеем Макаровым и тремя заплечных [дел] мастерами с семействами их и моим, отправился к Преображенской заставе». В самом же Тюремном замке из числа бывшей при Иванове команды остался унтер-офицер Изот Андреев, рядовой Матюшин с семействами, и «Лафертовской части пожарный служитель староста церковной Степан Слепнёв, холостой».

На этом мытарства Иванова не закончились. Достигнув села Покровского, Иванов и его люди услышали пушечные выстрелы, раздавшиеся из города. Вокруг началась паника, народ кричал, что в Москву вошли французы и надо спасаться бегством. В этой суматохе один из заплечных дел мастеров Алексей Коренев «неизвестно как в Москве отстал». Со всеми же остальными Иванов добрался до города Александрова, «где по истощении способов следовать куда-либо далее», оставил свою команду «впредь до востребования в ведении тамошнего городничего». Сам же отправился в город Юрьев-Польский и, «будучи крайне нездоров, остановился в оном, не зная настоящего пристанища и [неразборчиво] способом продолжать путь куда-либо далее». Здесь Иванов «узнал по слухам», что его начальник Ивашкин «иметь изволили свое пребывание во Владимире, но и от то ж якобы выезжать намеревались». Поэтому Иванов, «долгом поставляя донести о себе», 19 сентября (ст. ст.) подготовил рапорт и приложил к нему другой, подготовленный ранее, 13 сентября (ст. ст.), с описанием произошедших с ним, начиная с 1 сентября (ст. ст.), событий. С этими рапортами Ивашкину был отправлен и список сданных под расписку подпоручику Анисимову колодников, а также ведомость расходов¹. Из списка колодников видно, что всего

---

¹ Иванов – Ивашкину. 13 сентября (ст. ст.) 1812 г.; Иванов – Ивашкину. 19 сентября (ст. ст.) 1812 г. [Поступило в канцелярию обер-полицмейстера 25 сентября 1812 г.] //ЦИАМ. Д. 503. Л. 3–5; Список губернского тюремного замка содержащимся в оном колодникам с показанием, кто по какому

под надзором Иванова был 631 человек, однако «из оного числа отпущено в части трубочистов 3, да отправлен в ордонансгауз за болезнию 1»¹. Так что осталось 627 человек. Действительно, из документов видно, что еще 20 августа (ст. ст.) был «отправлен в ордонансгауз за болезнею» драгун Квашнин². 1 сентября (ст. ст.) был отпущен в Пятницкую часть Федор Михайлов, трубочист, а 2 сентября (ст. ст.) – еще двое: Иван Колесников (в Городскую часть) и «присланный из пожарной части» (в Тверскую часть) Мартын Тимофеев. Интересно, зачем перед самым выходом из Москвы понадобились в полицейские части арестанты-трубочисты? Чистить трубы? Скорее всего, как отмечали многие французские мемуаристы, для того, чтобы подложить в печи взрывчатые вещества.

Таким образом, ко 2 сентября (ст. ст.) в Тюремном замке содержалось 627 человек (в это число входили и те несколько человек, которые числились во Временной тюрьме у Вельтмана).

Из последней записи в списке колодников находим и ответ на вопрос, какой такой «полк» привел к Тюремному замку 2 сентября (ст. ст.) подпоручик Анисимов, чтобы принять заключенных. То был «вновь сформированный под командою майора Никельгорста 10-й пехотный полк»³. Это, безусловно, подтверждается отношением Московской управы благочиния в 1-й департамент Московского надворного суда от 6 июня (ст. ст.) 1813 г.⁴

По-видимому, утром 2 сентября (ст. ст.) у московского коменданта под рукой уже не оставалось никаких надежных воинских команд, и он поручил еще до конца не сформированному полку Московского ополчения отконвоировать арестантов Бутырской тюрьмы. Этот 10-й полк Московского ополчения только 29 августа (ст. ст.) получил 964 ружья, которых не хватило даже на половину его личного состава. Что же касается партии, которая была определена майором бароном Нительгорстом (вероятно, именно таким было правильное написание его фамилии) для конвоирования колодников, то об ее составе мы узнаем из рапорта самого командира полка, отправленном 9 сентября (ст. ст.) 1812 г. Кутузову. Партия состояла из командира

присутственному месту и с которого времени. 1 (исправлено на 2) сентября (ст. ст.) 1812 г. // Там же. Л. 6–21 об.

¹ Список губернского тюремного замка. Л. 21 об.

² Там же.

³ Список губернского тюремного замка. Л. 21 об.

⁴ Отношение Московской управы благочиния в 1-й департамент Московского надворного суда. 6 июня (ст. ст.) 1813 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 2. С. 213.

поручика Кулакова, четырех унтер-офицеров, «рядовых старых 6, из рекрут рядовых 10, рекрут 284»¹. Сей состав весьма примечателен (мы не считаем солдат тюремного караула). Один офицер, четыре унтер-офицера и шесть солдат должны были следить за тем, чтобы не разбежалось 294 рекрута и 627 арестантов, среди которых были отъявленнейшие преступники!

Сохранились ли какие-либо следы того, что какая-то часть арестантов смогла по дороге (скорее всего, даже еще в Москве) «утечку учинить»? Еще Михайловскому-Данилевскому удалось в делах нижегородского губернского правления обнаружить документ от 3 октября (ст. ст.) 1812 г., из которого следовало, что 23 сентября 10-й пехотный полк Московского ополчения доставил в Нижний Новгород «из числа 620, за убылью некоторых из них в пути» 540 человек арестантов². Следовательно, по дороге «исчезло» более 80 арестантов! Если даже предположить, что часть из этих 80 человек составили больные, которых нельзя было конвоировать дальше, некоторое число заключенных определенно бежало.

Обращение к списку лиц, проходивших по процессу над поджигателями, организованному 24 сентября французами, это предположение, похоже, подтверждает. Среди 16 «недостаточно изобличенных» значился Семен Иванов, 18 лет, обойщик, уроженец г. Масальска. В списке колодников Тюремного замка на 2 сентября также был некий Семён Иванов, дворовый человек госпожи Ивановой, уличенный в краже и поступивший в Замок 13 августа 1812 г.³ Но особенно примечательна фигура признанного виновным в поджогах и расстрелянного Ивана Максимова, старика 70-ти лет, назвавшегося лакеем князя Сибирского и уроженцем г. Козлова. В списках Бутырской тюрьмы был Иван Максимов, поступивший туда 11 июня (ст. ст.) 1812 г. и значившийся как «воспитанник» богадельни. В графе, где односложно характеризовалась причина ареста, было неопределенно записано: «В отлучке из богаделенного дому»⁴. Имена остальных, проходивших на процессе 24 сентября, в списках Тюремного замка

---

¹ Майор Нительгорст – Кутузову. 9 сентября (ст. ст.) 1812 г. с. Сафоново, на Тульской дороге // Отечественная война 1812 г.: Материалы Военно-Ученого архива. Т.18. С. 42–43.

² Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008. С. 296.

³ Список губернского тюремного замка. Л. 15. Кстати, в Замке сидело двое Иванов Семеновых.

⁴ Там же. Л. 10.

на значатся (что, конечно, не исключает, что кто-то на «суде» вообще назвался не своим именем).

Знал ли Ростопчин о том, что часть колодников Тюремного замка разбежалась или, по крайней мере, догадывался ли он об этом? Этого мы, вероятно, уже никогда не узнаем. В любом случае, московский главнокомандующий не собирался использовать колодников Бутырской тюрьмы для организации поджогов. Ростопчин и так прекрасно знал, что в условиях анархии и грабежей, удаления «огнеспасительного снаряда», да еще и организации нескольких преднамеренно устроенных поджогов людьми Вороненко, а то и арестантами Временной тюрьмы, столица должна была загореться непременно.

Как мы уже знаем, вечером 2 сентября (ст. ст.) в городе начались пожары. Первые взрывы и поджоги были произведены агентами Ростопчина – чинами московской полиции. Кто именно продолжал осуществлять эти поджоги в дальнейшем, начиная с 3 сентября (ст. ст.), – до сих пор вызывает большие споры. Мы попытались выяснить, какова была роль в этих событиях оказавшихся на свободе заключенных московских тюрем. Несмотря на явное участие колодников в поджогах и грабежах Москвы, роль их не могла быть определяющей. Между тем поджоги продолжались по меньшей мере еще две недели, а число уничтоженных оккупантами подлинных и мнимых поджигателей, как мы постараемся показать далее, составляло не менее полутысячи!

Кто были эти люди? Помимо уголовников, выпущенных или сбежавших из-под караула, значительную долю составили раненые и «мнимораненые» русские солдаты, оставленные в Москве на произвол судьбы в количестве не менее 10 тыс. человек, и, наконец, сами московские жители, в основном из числа городской бедноты, которым, собственно говоря, нечего было терять, и которые получили «законное» право убивать и грабить¹. На этот «патриотический под-

---

¹ Вот два характерных типажа из числа московского простонародья, оставшегося в Москве во время оккупации. Первый типаж. 20 мая (ст. ст.) 1813 г. в Рогожской части на месте сгоревшего дома полиция обнаружила мертвого мужика, «который приметями похож на оставшего солдата или на господского человека не молодых уже лет, одетый в сером суконном ветхом армяке, под оным фуфайка старая суконная темнозеленого цвету, с рукавами и черным воротником и с красной оторочкой, обутий в лаптях и разных лоскутах, росту посредственного, волосом темнорус, острижен по-крестьянски, лицом смугл, круглолиц, бороду брил, с оставлением усов и бакенбардов, на шее крест медный, в рубахе и портах холстинных, ветхих, и причем найдено, по снятии с него рубахи свернутое на поясе, нанизанного на ниточке мелкаго жемчуга, длины без четверти два вершка, а в ширину полвершка, с двумя по

виг» их благословил московский главнокомандующий Ростопчин, бросив им перед своим отъездом на растерзание тело раненого Верещагина.

Ловко манипулируя толпой и, по временам, разжигая в ней самые страшные инстинкты, не останавливаясь ради этого перед беззаконием и преступлением, Ростопчин направлял народную энергию по тому пути, на котором, по его мнению, она не только уничтожит неприятеля, но и поможет сохранить патриархально-крепостнический уклад российской жизни. Обрекая первопрестольную столицу на уничтожение, Ростопчин добивался еще одного, не менее важного результата: между оккупационными властями и обездоленным народом не должно было возникнуть никакого сближения. Русские простолудины, по его мнению, будут совершенно глухи к словам «свобода» и «вольность», а европейские солдаты, в свою очередь, уже не смогут относиться к русским иначе как к диким и темным варварам.

2.3. Московский пожар глазами французов

На фоне калейдоскопического мелькания версий причин московского пожара, существующих в отечественной историографии, французская интерпретация выглядит довольно последовательной. Она связывает пожар почти исключительно с инициативой, исходившей от русской стороны, в особенности главнокомандующего Москвы Ф.В. Ростопчина. Русские, движимые «варварскими» понятиями о патриотизме, сознательно обрекли столицу на уничтожение. Эта французская версия родилась еще в горящей Москве. 20 сентября 1812 г. император Франции Наполеон написал русскому императору Александру I: «Красивый, великий город Москва не существует; Ростопчин его сжег. 400 поджигателей пойманы на месте преступле-

---

углам сергами, у коих камушки зеленые, и около оных по 6 маленьких же жемчужин, по видимому от образа подвесочки, лапти старья и сумка холстинная с хлебом, да денег медною монетою 7 копеек, по замечанию, бродяга и ходящий по миру...» (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 198. Л. 19 об. – 20).

Вот второй типаж, на этот раз женский. В мае 1813 г. в полиции Таганской части была допрошена дворовая девка из числа крепостных «г-на Акшерумова» Дарья Степанова, которая во время оккупации имела в Москве пропитание «от чинимого с разными людьми непотребства». 22 апреля (ст. ст.) 1813 г. она была арестована полицией, так как «в сумерки, встретившись сей части на Семеновской улице с шедшим неизвестным ей солдатом, который пригласил ее к непотребству и по согласию на пожарище близ Покровского монастыря легли, где полицейским офицером взяты...» (Бумаги, относящиеся... Ч. 3. С. 112).

ния; все они объявили, что жгли по приказу губернатора и полицмейстера...»¹ Наполеон, в те дни еще надеявшийся на мирные переговоры с Александром I, предпочел не обвинять русское правительство и командование русской армии в поджоге напрямую, указывая главным образом на московские власти. Однако Наполеон и его армия увидели в московском пожаре проявление «варварства» как такового, свойственного русским по определению. После выхода в 1823 г. в Париже книги Ростопчина (он уже много лет жил во французской столице, но собирался возвращаться в Россию), в которой автор попытался снять с себя ответственность за пожар, по Европе прокатилась волна обвинений в его адрес, и с тех пор не только для французских, но и других европейских и американских историков вопрос, в сущности, был уже «закрыт»². Попытаемся понять, какими глазами увидели солдаты армии Наполеона, вступавшие в город, первопрестольную русскую столицу, и как это предопределило характер взаимоотношений между оккупантами и оставшимися в Москве жителями.

Армия Наполеона начала входить в Москву во второй половине дня 14 сентября. При этом казаки русского арьергарда и французские кавалеристы, вступавшие в Москву первыми и двигавшимися за ними по пятам, несколько раз смешивались между собой, но не только не проявляли вражды друг к другу, но и всячески демонстрировали приязнь и уважение. Когда голова французского авангарда, передвигаясь по улицам, проезжала через рынок, кавалеристы увидели открытые двери лавок, а перед дверями на улице валялись разбросанные в беспорядке товары, словно «здесь хозяйничали грабители»³. Действительно, город уже второй день подвергался разгрому. «Перед самым тем временем, как вступил француз в Москву, – вспоминал через много лет бывший крепостной Василий Ермолаевич, – приказано было разбивать в кабаках бочки с вином. Народ-то на них и навалился, перепились пьянеханьки. Вино течет по улицам, а иные припадут к мостовой и камни лижут. Драки, крик!»⁴ 1 (13) сентября, как писал в ноябре 1812 г. чиновник почтамта А. Карфачевский, по улицам прохаживались «одни раненые солдаты, бывшие в деле под

---

¹ Наполеон – Александру I. Москва, 20 сентября 1812 г. // Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. P., 1868. Т. 24. № 19213. Р. 221–222.

² Полная версия результатов нашего изучения причин и обстоятельств московского пожара представлена в кн.: Земцов В.Н. 1812 год. Пожар Москвы.

³ Роос Г. Указ. соч. С. 144.

⁴ Толычева Т. Указ. соч. 1912. С. 68.

Можайском, разбивали питейные дома и лавочки на рынках»¹. «Второго числа, – читаем в донесении Синоду товарища директора Московской синодальной типографии П. Левашева, – видя, что караулы в городе на гауптвахтах, притинах [притин – караульный пост. – В. З.] и у будок сняты, чернь в буйстве своем таскает по улицам мертвое тело (Верещагина?) и чинит разные беспорядки...» Работники типографии «вместе с чернью, разбивая питейные дома, приходили в нетрезвом состоянии и приносили из арсенала ружья и сабли. Дерзость некоторых из них до того доходила, что они бегали по двору типографскому с обнаженными саблями и заряженными ружьями и изрыгали непристойные слова»². «В это время можно было бояться русских мужиков более, нежели французов», – вспоминал воспитанник пансиона Г.Я. Козловский³. «Я сейчас видел, что по улицам пьяные таскают мертвое тело», – с ужасом сообщил А.Д. Бестужев-Рюмину прибежавший чиновник Вотчинного департамента⁴. Чуть позже А.Д. Бестужев-Рюмин, стоя у окон сенатского здания, увидел стычку этой пьяной толпы, тем временем уже бросившей тело несчастного Верещагина, с входившими в Кремль французами.

Действительно, добропорядочные москвичи в те трагические часы больше опасались «народных» погромов, чем вступавшего в первопрестольную неприятеля. Особенно сильный страх перед разгулом «народного патриотизма» испытали «московские иностранцы». «Двери и подвалы кабаков были разнесены, и водка лилась по улицам. Чувство ужаса охватило иностранцев и мирных граждан, которые остались и теперь оказались в городе без полиции, без какой-либо администрации, будучи покинутыми и оказавшиеся во власти людей порочных, обуреваемых дурными намерениями»⁵. О том же вспоминали И.-А. Розенштраух, Ф. д'Изарн и другие иностранцы.

Между тем оставшееся в Москве русское население, несмотря на стычку авангарда И. Мюрата с пьяной толпой возле Кремля, попыталось в первый же день вступить в контакт с новыми хозяева столицы. «Я оказался один среди дюжины русских, которые меня не понимали, – записал в дневник адъютант Л.М.Ж.А. Нарбонна, генерал-адъютанта императора Э.В.Э.Б. Кастеллан, ворвавшийся в один из домов, – они дали мне хорошего вина и ужин, и я устроился на ночлег в

---

¹ Бумаги, относящиеся... Ч. 5. С. 165.

² Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 265–266.

³ Козловский Г.Я. Москва в 1812 году, занятая французами. Воспоминания очевидца //РС. 1890. № 1. С. 113.

⁴ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание... С. 369.

⁵ Surugue A. Mil huit cent douze. P. 25.

этом уединенном жилище»¹. Старался угодить И. Мюрату и его свите М. Соков, приказчик крупного предпринимателя И.Р. Баташева, принимая Неаполитанского короля в доме своего хозяина. После того как И. Мюрату показали дом, он откушал один в «красной гостиной». Ему приготовили сытный обед, к которому, по причине отсутствия белого хлеба и калачей, отобрали у дворовых детей четверть сайки. Свите короля ужин подавали «в столовой и в зале». Генералы и офицеры свиты, вначале категорически отказавшись от черного хлеба, требовали белого, потом все же были вынуждены смириться со своей тяжелой судьбой...²

Пыталось найти общий язык с оккупантами и русское простонародье. «...Пришел ко мне мой родственник, – вспоминал неизвестный автор записки о московском пожаре, – и говорил мне, что французы взошли самым благовидным образом, и что один французский офицер говорил со мной весьма ласково, и потчевал арбузом, за который он заплатил столько, сколько требовал лавочник...»³ Кое-кто из простонародья пытался даже установить с французами в первый же день «деловые отношения». Су-лейтенант Ж. Комб и его друг Паскаль, служившие в 8-м конно-егерском, въехав в Москву с северо-запада, встретили старуху, которая пыталась продать французам печеные груши⁴.

Радушно встречали французов московские проститутки. И.-А. Розенштраух вспоминал, что в дом его друга г. Чермака вошло восемь человек французов, «остальные распределились по прочим домам. Сейчас же показались жившие в нашем переулке уличные девки и так по-свойски вели себя с этими чужеземными гостями, как будто они всегда были знакомы – хотя и не умели с ними говорить»⁵.

Вечером 2 (14) сентября в Москве начался пожар. В те часы Муральт «своими глазами видел», как на улицах города мелькали «субъекты с горящими факелами или пучками соломы», поджигавшие дома. Когда к вечеру Муральт достиг расположения своей части к северу от Москвы, он и его товарищи уже «видели отдельные столбы дыма», а ночью город охватил настоящий пожар⁶. О поднимав-

---

¹ Castellane E.V.E.V. Op. cit. P. 154.

² Письмо приказчика М. Сокова... Ст. 0218–0219.

³ Долгова С.Г. Неизвестное свидетельство о московском пожаре 1812 г. // Материалы VII всероссийской научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». 1998 г. Бородино, 1999. С. 35.

⁴ Французы в России. Т. 1. С. 189.

⁵ Розенштраух И.-А. Исторические происшествия в Москве 1812 года во время присутствия в сем городе неприятеля. М., 2015. С. 233.

⁶ Muralt A. Op. cit. S. 74–75.

шихся к небу вечером 14 сентября столбах дыма «в крайних предместьях» Москвы написал и Клаузевиц, оказавшийся к востоку от города¹. В воспоминаниях генерала Дедема, чья бригада, как мы знаем, вошла в Москву в составе авангарда Мюрата, утверждается, что в 7-м часу вечера прогремел взрыв со стороны «Калужских ворот». Неприятель, по мнению автора, взорвал пороховой склад, что было условным сигналом, «так как сразу после этого» он «увидел многочисленные дымы, и в течение чуть более получаса огонь показался в разных кварталах города, в частности во Владимирском предместье...»². Не исключено, что именно этот взрыв описал и Роос, находившийся на восточных окраинах Москвы, который, правда, отнес увиденное уже к ночи. «Из возникшего сразу огромного пламени большими и малыми дугами стали взвиваться кверху огненные шары, словно разом выпустили массу бомб и гранат, и на далекое пространство рассеивая со страшным треском их губительный огонь. Этот взрыв, далеко распространивший страх и ужас, длился минуты три-четыре и казался нам сигналом к началу столь рокового для нас пожара Москвы». Через несколько минут пламя поднялось «во многих местах города; мы увидели скоро восемнадцать таких мест, и их число быстро возрастало»³. То, что вечером 14-го определенно имел место какой-то взрыв большой силы, свидетельствует «Дневник» аббата Сюрюга, который не только оказался в центре событий (он был, как известно, в районе Лубянки), но, будучи человеком пытливого и острого ума, фиксировал все события на бумаге. «В тот день, – записал он, – когда прошла эвакуация русских из Москвы, огненный шар, который засветился в районе Яузы, был предупреждением жителям; дом стал жертвой пламени, в то время как с другой стороны, у Петровского моста, большой дом с водкой, принадлежащий казне (Vinnu Dvor), оказался в огне и обрек [на уничтожение] часть этого склада, не пощадив все остальное»⁴. Из последующих строк ясно, что этот «огненный шар» появился задолго до 11 часов вечера.

Пишут ли эти авторы об одном и том же событии? Совершенно точно сказать нельзя, но именно в этих районах – «у Красного холма и Симонова монастыря», где в это время уничтожались барки с артиллерией и комиссариатским имуществом, и в районе Винного двора в тот день действовали люди квартального надзирателя П.И. Во-

---

¹ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 86.

² Dedem de Gelder. Op. cit. P. 250.

³ Роос Г. Указ. соч. С. 148–149. Как и Роос, капитан из 12-го конно-егерского М. Таше находился среди кавалеристов Мюрата. В дневнике за 14 сентября он записал так: «Бивак в одном лье от Москвы возле шато. Взрывы. Огонь в городе» (Tasche M. Op. cit. P. 265).

⁴ Surugue A. Mil huit cent douze. P. 27–28.

роненко, исполнявшего приказы главнокомандующего Москвы Ф.В. Ростопчина.

Вслед за первыми взрывами и поджогами вечером началась новая серия пожаров. Бестужев-Рюмин, находившийся в тот час в здании Сената в Кремле, утверждал, что уже в 8 вечера в Китай-городе, в Москательном ряду, показалось сильное пламя¹. Приказчик Баташова М. Соков, человек хорошо сведущий в топографии Москвы, полагал, что Скобяные и Москательные ряды, а также Новый Гостиный двор (находился около Кремлевской стены между Никитскими и Спасскими воротами) и два дома «за Яузским мостом» (т. е. в Таганской части, на южном берегу Яузы) загорелись в 9-м часу вечера². Из воспоминаний Бургоня следует, что пожар «Базара» начался еще раньше³. Солтык относит начало пожара в районе «Базара» к 9–10 часам вечера⁴. Коленкур уверяет, что новость о пожаре в Торговых рядах достигла Квартыры императора к 11 часам вечера⁵. Ему вторит Сюрюг: «...около 11 часов вечера яростный огонь охватил лавки, расположенные у Биржи [напомним: так Сюрюг и многие французы называли Гостиный двор. – В. З.]; в этих магазинах находились масло, жир и другие легко воспламеняющиеся материалы, превратившиеся в пылающую печь. Когда потребовались городские насосы, они не нашлись; распространился слух, что полиция вывезла их, как и все инструменты, необходимые для тушения пожаров; пока с огнем боролись в одной стороне, он вспыхивал с другой с еще большей силой»⁶. Другие свидетели предпочли просто указать, что пожар в районе Китай-города начался вечером 14-го⁷.

---

¹ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий... С. 370.

² Письмо приказчика М. Сокова. Ст. 0219–0220.

³ Bourgogne A.J.V.F. Op. cit. P. 14.

⁴ Soltyk R. Op. cit. P. 276.

⁵ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 8.

⁶ Surugue A. Mil huit cent douze. P. 27–28; Surrugues. Léttres sur l'incendie de Moscou. P. 17.

⁷ Кольчугин Г.Н. Указ. соч. С. 47; Castellane E.V.E.V. Op. cit. P. 154; Pion des Loches A.A. Op. cit. P. 126–127. «Я был поднят пожаром, который запылал тем же вечером в квартале, где находилась лавка», – записал в своем дневнике Кастеллан, готовивший квартиру для генерал-адъютанта Нарбонна в одном из частных домов недалеко от Кремля. «Русское правительство отрядило солдат полиции для исполнения этой операции», – констатировал он в следующей строке (Castellane E.V.E.V. Op. cit. P. 154). Пришлось прервать прекрасный обед, который он благодаря гостеприимству одного московского француза запивал бордосским вином, и капитану Пьон де Лошу. Неожиданно ворвавшийся хозяин закричал: «А! Господа, какое несчастье! Биржа горит!» – «Что такое биржа?» – спросил капитан. – «Здание более обширное,

Видимо, чуть позже, уже ночью, вспыхнул пожар на Солянке, у Воспитательного дома¹, который, однако, через несколько часов был потушен.

Кто мог организовать эти пожары? Согласно воспоминаниям Н.Ф. Нарышкиной, дочери Ростопчина, все тот же Вороненко не только уничтожал «склады с зерном, барки, стоявшие на реке, также наполненные зерном», но «и лавки, которые образуют форму базара, в которых были все товары, необходимые для обитателей Москвы»². Сам же Ростопчин в оправдательной книге «Правда о пожаре Москвы» уверял, что пожар учинили «сами сторожа лавок, расположенных вдоль стен Кремля [т. е. в Новом Гостином дворе. – В. З.]». То же самое Ростопчин писал и в отношении причины пожара в Каретном ряду, который хозяева лавок «запалили по общему согласию»³.

Кто же прав? Обратимся к свидетельствам лиц, которые оказались вечером 14 и ночью на 15 сентября в центре событий – к воспоминаниям Бургоня и Вьонне де Маренгоне. «Час спустя после нашего прибытия, – пишет Бургонь, имея в виду, вероятно, прибытие к дворцу Ростопчина, и определяя время, таким образом, примерно шестью часами вечера, – начался пожар: показался, с правой стороны, густой дым, и тотчас же взвились языки пламени, но никто не знал, откуда это происходит. Нам сообщили, что огонь начался на базаре (bazar), квартале купцов...»⁴ «В семь часов, – продолжает Бургонь, – огонь показался за дворцом губернатора: тотчас же полковник [вероятно, П. Бодлэн, майор (полковник) полка фузилеров-гренадер гвардии, в котором служил Бургонь. – В. З.] пришел на пост [размещенный в доме Ростопчина. – В. З.] и приказал выслать патруль в 15 человек, в котором был и я (...)». Вскоре после того как патруль прошел 300 шагов по направлению к пожару, Бургонь и его товарищи были обстреляны и вступили в схватку с одетыми в овчин-

---

чем Пале-Рояль, полное ювелирных предметов, бижутерии и самых ценных изделий мира». Пьон де Лош выбежал из дома и увидел горизонт в огне. До его слуха донеслись слова, сказанные одним из его лейтенантов: «Мы пропали, русские решили сжечь Москву. Надо спасать [артиллерийский] парк» (Piondes Loches A.A. Op. cit. P. 126–127).

¹ Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1410–1411; Домерг А. Указ. соч. 1881. № 8. С. 884; и др.

² Narichkine M-me (née comtesse Rostopchine). Op. cit. P. 168–169.

³ Rostopchine F.V. Op. cit.

⁴ Bourgonne A.J.B.F. Op. cit. P. 14.

ные тулупы стрелявшими. По мнению мемуариста, это были каторжники. Затем французам пришлось долго блуждать по горевшим московским улицам и драться с многочисленными людьми «с длинными бородами и зловещими лицами», которые поджигали дома¹. Во время скитаний той ночью патруль фузилеров-гренадер наткнулся на «многочисленных егерей гвардии (plusieurs chasseurs de la Garde)»², которые сообщили, что русские сами поджигают город. Бургонь и его друзья возвратились на «губернаторскую площадь» только в 2 часа ночи.

В то время как Бургонь блуждал по городу, оставшиеся возле ростоппинского дворца солдаты дивизии Роге боролись с огнем. Вьонне де Маренгоне, шеф батальона фузилеров-гренадер, вспоминал, что, отправив солдат своего батальона патрулировать улицы во всех направлениях, сам он без устали проверял посты. Прибыв на пост, который был расположен у «Биржи», Вьонне де Маренгоне увидел густой дым и немного огня; начальник поста сообщил ему, что он видит дым уже не в первый раз, но не думает, что это происходит из-за того, что какие-то французские солдаты проникли внутрь здания, так как все двери крепко заперты. В то время как окружавшие Вьонне де Маренгоне солдаты стали высказывать мнения о происхождении дыма, огонь стал еще сильнее. Вьонне де Маренгоне быстро побежал на площадь, поднял батальон в ружье и привел с собой к «Бирже» сотню человек. К тому времени, когда он вернулся к «Бирже», огонь охватил уже все здание. Солдаты стали ломиться в двери, пытаясь их как-нибудь открыть, но все было бесполезно. Запоры были крепкими, а у солдат не нашлось нужного для вскрытия таких ворот инструмента. Вьонне де Маренгоне немедленно лично известил герцога Тревизского (Мортье) о происходившем. Мортье же распорядился искать пожарные насосы и принять меры к тому, чтобы предотвратить распространение пожара. Это можно было сделать даже без помп, так как погода стояла безветренная, и огонь не мог быстро перекинуться на другие здания. Тогда Вьонне де Маренгоне решил передать маршалу свой разговор с помощником аптекаря, который у него состоялся накануне, в том самом доме, где расположился Мортье. Молодой человек сказал тогда, «что во всем городе нет помп, и что правительство увезло их с собой». Молодой

---

¹ Ibid. P. 15–20.

² Ibid. P. 19. Так как пехота егерей Старой гвардии и гвардейские конные егеря еще не вступили в Москву, думаем, что Бургонь имеет в виду скорее всего фузилеров-егерей из той же бригады дивизии Роге, что и фузилеры-гренадеры.

человек сообщил также, что говорят, будто огонь был зажжен по приказу людьми, выпущенными из тюрем. Вьонне де Маренгоне передал эти слова маршалу и, не имея возможности найти помпы, занялся локализацией пожара. Место пожара посетил сам маршал, «но он не смог найти доказательств, что пожар устроили русские». Когда маршал удалился, Вьонне де Маренгоне снова попытался выяснить, не проникал ли кто-либо из солдат вовнутрь здания, и убедился, что их там не было. Наконец спустя четыре часа огромными усилиями удалось разобрать небольшое строение, примыкавшее к «Бирже» и локализовать огонь. Теперь оставалось только ждать, пока несколько зданий «Биржи» догорят совсем. Смертельно уставший Вьонне де Маренгоне вернулся на «губернаторскую площадь». Через полтора часа ему вновь сообщили, что огонь появился в другом месте «Биржи» и в доме, расположенном недалеко от нее, и что он находится с подветренной стороны. После новых гигантских усилий – при этом французским солдатам помогали местные жители – был потушен и этот пожар. Вьонне де Маренгоне и его люди чувствовали себя до смерти уставшими, думая только об отдыхе. Но, увы! Начался «еще более ужасный спектакль: пожары начались одновременно в шести различных местах города»¹.

Если вечером 14 сентября Муральт и его товарищи, находясь к северу от Москвы, наблюдали только отдельные столбы дыма в городе, то ночью пожар охватил его целиком². Старший сержант 111-го линейного Фоссен созерцал той ночью пожары, находясь к западу от Москвы: «К полуночи большая часть города уже была объята огнем»³. Наблюдал обширные пожары и Л.Ф.Ж. Боссе, префект императорского двора, который к вечеру 14 сентября прибыл в Кремль и в Большом императорском дворце вместе с Сегюром занимался подготовкой апартаментов для Наполеона. Боссе пишет в своих воспоминаниях, что ему и Сегюру пришлось той ночью устроиться по походному – не раздеваясь и на стульях. На окнах будущих апартаментов Наполеона в Кремле не было ни ставен, ни занавесей, и где-то между двенадцатью и часом ночи Боссе и Сегюр неожиданно проснулись от яркого света, источник которого, однако, находился далеко от них. Боссе бросился к окну и увидел языки пламени, поднимающиеся к небу почти на равных расстояниях друг от друга; это не оставляло никаких сомнений в том, что они возникли не из-за слу-

---

¹ Vionnet de Maringoné L.J. Op. cit. P. 25–29.

² Muralt A. Op. cit. S. 75.

³ Дневник поручика Фоссена. С. 472.

чайности или вследствие грабежа¹. В свое время исследователь И.И. Полосин вполне резонно заметил, что характер пожаров в Замоскворечье, на которое выходили окна будущих апартаментов Наполеона в Кремлевском дворце, определенно мог свидетельствовать об организации этих пожаров русскими. Можно не соглашаться с Полосиным в том, что главную роль в этом следует отнести на счет командования русской армии во главе с Кутузовым (подготовка статьи Полосиным пришлось как раз на пик сталинского превознесения личности М.И. Кутузова; реально же роль и командования, и Кутузова в этих событиях была достаточно ограниченной), но вряд ли стоит сомневаться в том, что первые пожары были организованы, и, как мы полагаем, главным образом людьми Ростопчина. Вскоре к деятельности этих первых поджигателей добавились и другие обстоятельства...

Что же сам Наполеон? Как он, еще находясь на постоялом дворе Дорогомиловского предместья, отреагировал на сообщения о пожарах? Обычно исследователи обращаются к свидетельствам Коленкура и Сегюра, которые утверждали, будто уже утром 15 сентября император передал управление Москвой в руки Мортье, герцога Тревизского². Между тем Сегюр в тот момент определенно находился в Кремле, куда был отправлен для подготовки апартаментов к переезду Наполеон, а Коленкур, хотя и был рядом с императором, но при написании воспоминаний явно сместил это событие на более раннее время. Документы свидетельствуют, что передача управления Москвой Мортье произошла только 16 сентября³. Согласно приказу Наполеона от 15 сентября, отданному Бертье, функции губернатора города продолжал исполнять Дюронель⁴, не имевший достаточно сил даже для наведения порядка вокруг Кремля.

В сущности, мы располагаем единственным свидетельством, а именно камердинера императора Констана, описавшего лишь борьбу Наполеона с русскими клопами. Заявление же Сегюра, согласно которому император в течение ночи беспрестанно получал тревожные

---

¹ [Bausset L.F.J.] Op. cit. P. 296–298.

² Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 8; Ségur Ph.P. La Campagne de Russie. P. 178.

³ Бертье – Мортье. Москва, 16 сентября 1812 г. // Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. Sér. 1. № 24. P. 79.

⁴ Наполеон – Бертье. Москва, 15 сентября 1812 г. // Napoléon I. Correspondance. T. 24. № 19207. P. 218. Только 16 сентября Бертье уведомил Мортье о назначении последнего «главнокомандующим города Москвы» (Chuquet A. 1812: La guerre de Russie. Sér. 1. P. 79).

сообщения из Москвы о подготовке русскими поджогов в городе и, наконец, в два часа ночи был уведомлен, что «пожар начался»¹, может быть принято только с большими условностями: как мы уже знаем, Сегюр в ту ночь находился далеко от Дорогомиловской слободы. И все же одно очевидно: император упорно продолжал держаться мнения о том, что все пожары есть результат обычных беспорядков, царивших в городе после ухода русских войск.

К утру 15 сентября стало казаться, что с пожарами все-таки удастся справиться. Солдаты Молодой гвардии, которым помогали многочисленные местные жители, потушили огонь в здании «Биржи»². Был остановлен пожар, приближавшийся от центральных кварталов к Яузскому мосту³. Отстоял от огня почти все строения Воспитательного дома И.А. Тутолмин со своими подчиненными и подопечными. Именно на этот недолгий период «огненной передышки» и пришлось переезд императора Наполеона из Дорогомиловской слободы в Кремль.

Между тем Великий московский пожар только разгорался... Каstellан, адъютант Нарбонна, неуклонно соблюдавший порядок записывать каждый вечер в дневник события прошедшего дня, начал запись 15 сентября фразой «Пожар Москвы значительно усилился». Из последующих строк дневника можно понять, что в первую половину дня его автор всюду радовался, что наконец-то оказался в Москве, восхищался комфортным жильем, запасами великолепного конфитюра и хороших вин, упивался великолепием московских дворцов... Однако неожиданно для него радостные хлопоты оказались прерваны: «Огонь появился вблизи нашего дома... Арестовано много русских, имевших в руках фитили. Наши солдаты, – писал он далее, – смогли затушить огонь в нескольких местах, но не везде. Говорят, губернатор Москвы отрядил солдат полиции для исполнения сей почетной миссии»⁴.

---

¹ Ségur Ph.P. La Campagne de Russie P. 178.

² Vionnet de Marignoné L.J. Op. cit. P. 29.

³ Письмо приказчика М. Сокова. Ст. 0220. Судя по свидетельству д'Изарна (Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1411), это было сделано по приказу Неаполитанского короля. Из слов же Сокова вытекает, что пожар прекратился здесь просто потому, что «дома с Яузы с горы все сгорели».

⁴ Castellane E.V.E.V. Op. cit. P. 154–155. Из контекста записи, помеченной 15 сентября, следует, что всю ночь с 15-е на 16-е Каstellан и его соратники вынуждены были тушить пожар возле дома, в котором квартировал Нарбонн. Так что в данном случае эту запись автор смог сделать только утром 16-го.

Из воспоминаний Сокова следует, что 15-го сильный пожар начался на Покровке и охватил часть Немецкой слободы¹. Сюрюг писал, что тогда загорелись дома на Тверской, Никитской и запылала часть Покровки. Как бы помогая пожарам, «задул северо-западный ветер, ускоривший в значительной мере распространение огня»². То, что 15-го огонь неожиданно для французов вспыхнул одновременно (!) в шести разных местах, отметил и Вьонне де Маренгоне, который, как и Сюрюг, заметил, что дальнейшему распространению огня в значительной степени способствовал начавшийся сильный ветер³.

Роман Солтык, офицер из ведомства М. Сокольницкого, узнал о начале пожаров вечером 14-го, находясь в доме Мусина-Пушкина. Однако первую половину дня 15-го он, подобно Каstellану, провел относительно спокойно. Покинув дом Мусина-Пушкина, Солтык возвратился в «Смоленское предместье», где находился его начальник генерал Сокольницкий. Последний сообщил офицеру, что император уже отправился в Кремль, куда следует двигаться также и им. Прибыв в Кремль, Сокольницкий отправился в кабинет императора, а Солтык стал осматривать цитадель русской столицы. Только после полудня Сокольницкий наконец-то занялся организацией разведки города. Часть офицеров отправили в северные районы Москвы, в то время как Солтык и капитан Людвиг Дембицкий должны были обследовать ее южную часть. Солтык и его сослуживец видели, как в различных частях города то тут, то там вспыхивали пожары. Все расспросы, с которыми офицеры обращались к встретившимся им редким жителям города, ни к чему не приводили: несмотря на хороший русский язык, которым владели Солтык и Дембицкий, их выдавала неприятельская форма. Солтыка особенно поразила фраза одного русского мальчика, лет 12-ти. В ответ на вопрос о продовольственных припасах он сказал: «Продукты для французов! Оконная замазка – вот чем лучше всего их кормить!» Посетив госпитали и казармы, польские офицеры обнаружили множество оставленных там русской армией больных и раненых, нуждавшихся буквально во всем⁴. По свидетельству Солтыка, 15 сентября французское командование от-

---

¹ Письмо приказчика М. Сокова. Ст. 0220. Интересно, что утром 15-го через Немецкую слободу ехал Перовский, который никакого пожара не увидел (Перовский В.А. Указ. соч. Ст. 1034). Впрочем, московский краевед М.Н. Семенов не без оснований выражает сомнения в точности сведений, содержащихся в воспоминаниях Перовского.

² Surugue A. Mil huit cent douze. P. 28, 31; Surrugues. Léttres sur l'incendie de Moscou. P. 18.

³ Vionnet de Maringoné L.J. Op. cit. P. 29.

⁴ Soltyk R. Op. cit. P. 279–287.

правило в городские кварталы отряды для «зачистки» Москвы от оставшихся русских солдат. Вместе с местными жителями эти отряды должны были тушить пожары и арестовывать поджигателей. Это не предотвратило разрастание пожаров, но, как считал Солтык, «выявило истинных организаторов этой катастрофы; были пойманы несколько человек Ростопчина, которые признались, что были отправлены совершать преступление самим губернатором, и они были немедленно расстреляны». Польские офицеры представили Сокольникову всю собранную ими информацию, которую, как полагал Солтык, немедленно доложили Наполеону. «Ночь пришла, но мы не могли позволить себе никакого отдыха; мы наблюдали за развитием пожара», – так закончил описание событий 15 сентября Солтык¹.

15 сентября поместил свое письмо из Москвы жене главный хирург Великой армии Д.Ж. Ларрей: «Я только что приехал в этот город, один из наиболее отдаленных городов земного шара, самый большой из всех городов, виденных мною, а также и самый красивый; но он пустынен, все жители, за исключением некоторых несчастных из простонародья, оставили его; огонь охватывает его со всех сторон, и я очень опасаясь, как бы он совершенно не стал жертвой пламени и грабежа. В этом случае мы окажемся лишенными средств к существованию, и наше положение не изменится к лучшему. Я очень сожалею по поводу императорского дворца, в котором сосредоточены все английские товары; это здание полностью сожжено; я смог бы сделать для всех вас покупки, но сейчас лучшими были бы хлеб и мука, которых я не могу достать... Армия двинулась за город, преследуя врага, который бежит по направлению к Азии»². «Мы надеялись после ужасной битвы 7-го этого месяца, во время которой погибло более 30 000 русских, что эта нация попросит мира, но она упорно предпочитает, чтобы ее убивали, или же скрывается в лесах вместе с медведями. Впрочем, существует большое сходство, физическое и моральное, между этими людьми и дикими зверями; поэтому почти все вельможи имеют нескольких прирученных зверей; они едят и спят вместе. Суди о приятном обществе! О, этот отвратительный народ, как мне не терпится скорее расстаться с ним»³.

---

¹ Ibid. P. 288. 16 сентября за подписью Бертье в войска был отправлен приказ о задержании и расстреле всех русских офицеров и солдат, которые будут обнаружены в разных частях Москвы (Москва и Отечественная война 1812 года. Кн. 2. С. 62–63).

² Lettres inedites du baron Dominique Larrey... Л. 23–24.

³ Ibid. Л. 24.

15 сентября, вероятно, еще утром Наполеон, находясь в Дорогомиловской слободе, отдал ряд приказов с целью наведения порядка в городе. Командующему гвардейской кавалерией маршалу Ж.Б. Бессьеру было приказано сформировать 20 патрулей из драгун гвардии, в каждом из которых должно было быть по 30 человек под командой офицера, и которые должны были арестовывать «всех русских» (вероятно, имелись в виду русские солдаты) и препроводить их в расположение корпуса Даву, «в деревню вне города». Десять таких патрулей, но уже состоящих из конных гренадер, должны были заняться подобной «зачисткой» в Кремле. Всем остальным конным гренадерам и конным егерям гвардии было приказано направляться к Кремлю для «исполнения дневной службы»¹. Одновременно маршалу Лефевру было приказано ввести в Кремль Старую гвардию, которая должна была «выполнять роль полиции в этом квартале». Генерал Дюронель, согласно этому приказу, исполнял «функции губернатора города». Авангард Неаполитанского короля получил приказ занять дороги за городом, начиная от дороги на Коломну, где стоял Понятовский, вплоть до дороги к Троицкому. Богарнэ было предписано разместить штаб-квартиру у «Санкт-Петербургской заставы» и занять пространство, начиная от дороги «к Троицкому». Даву со своим корпусом должен был перекрывать дороги, идущие от 4-го корпуса до корпуса Понятовского. Богарнэ и Мюрату, кроме того, было предписано выдвинуть впереди себя по дорогам сильные посты². Таким образом, по замыслу Наполеона, русская столица должна была быть полностью блокирована, а главный источник беспорядков, приводящих к пожарам, – отставшие русские солдаты и дезертиры, – обезврежены. При этом нахождение в Москве только императорской гвардии с одновременным запретом солдатам других частей проникать в город должно было, как казалось Наполеону, вообще исключить любую возможность для возникновения пожаров.

Утром 15-го император сел на коня по имени Эмир и отправился в Кремль. Сразу вслед за небольшим авангардом (вероятно, из числа гвардейской кавалерии) и императорским кортежем двинулась к Кремлю пехота Старой гвардии. Эта процессия шла вначале по Арбатской улице, а затем свернула на Знаменку и вступила в Кремль,

---

¹ Наполеон – Бессьеру. Москва, 15 сентября 1812 г. // Napoléon I. Correspondance. T. 24. № 19206. P. 218. По мнению Шамбрэ, уже 15 сентября патрули взяли в плен более 6 тыс. человек! (Chambrey G. Op. cit. P. 118. Note «а»).

² Наполеон – Бертье. Москва, 15 сентября 1812 г. // Napoléon I. Correspondance. T. 24. № 19207. P. 218; Fain A.J.F. Op. cit. P. 76–77.

по-видимому, через Боровицкие ворота. «На следующий день, утром, – вскоре после описываемых событий записал в своем дневнике Фантэн дез Одоард, участник этой процессии, – Император двинулся в оставленный город, все дома которого были заперты. После того как он проехал улицы, на которых не было видно никакого движения в ответ на нашу гремевшую музыку, он вступил в Кремль... Мы были в гораздо менее веселом настроении, чем ранее, и горевали по поводу того, что все население, среди которого мы рассчитывали вести сладкую жизнь, исчезло; через несколько часов обнаружился и другой предмет разочарования, когда к нам стали приходить отдельные погорельцы. Хотя после Смоленска мы двигались не иначе как по пеплу пожарищ, никто из нас не предполагал, что Москва, *Святая Москва*, будет предана огню как последняя деревня; но у нас было ошибочное мнение в отношении цивилизации русских. При первых известиях о пожарах Император, который, вероятно, разделял нашу беззаботность, был убежден в том, что они произошли по вине наших мародеров и, впад в гнев, отдал соответствующие приказы»¹.

Прибыв в Кремль, рота Фантэна дез Одоарда (4-я рота 1-го батальона 2-го полка пеших гренадер) расположилась охранять «одни из ворот»². В литературе обычно отмечается, что Наполеон приказал оставить незабаррикадованными либо одни ворота – Никольские, либо двое – Никольские и Троицкие³. Наконец Корбелецкий отмечает, что были открыты еще и Тайницкие ворота⁴. Как бы то ни было, приказ саперам гвардии «забаррикадовать» «четверо других ворот» был отдан только 18 сентября, когда император возвратился из Петровского. При этом из приказа не ясно, сколько ворот оставили открытыми – двое или трое⁵. В любом случае, до 18 сентября проездными оставались пять ворот: Никольские, Троицкие, Тайницкие, Спасские и Боровицкие. Несмотря на караулы и несмотря на то, что там расположилась резиденция императора, в Кремль в течение нескольких дней мог входить кто угодно, только бы он был в мундире Великой армии! Так, в ночь с 15-го на 16-е в Кремль свободно прош-

---

¹ Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 332–333.

² Ibid. P. 333.

³ Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1424; Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны. 1840. Ч. 2. С. 56; Богданович М.И. Указ. соч. С. 326; История Москвы. М., 1954. Т. 3. С. 103; и др.

⁴ Корбелецкий Ф.И. Указ. соч. С. 43.

⁵ Приказ на день. 18 сентября 1812 г. // Carnet de la Sabretache. № 93. P. 575.

ли Бургонь и двое его товарищей-сержантов из полка фузилеров-гренадер, хотя этот полк квартировал в другом месте¹. Вечером 15-го идея посетить Кремль пришла в голову и капитану Б.Т. Дюверже, казначею из 1-го армейского корпуса. Он увидел, что Кремль охраняют гвардейские пешие гренадеры и егеря, но никто его даже не окликнул! Дюверже несколько часов беспрепятственно лазил по башням, любуясь панорамой Москвы². Как именно охраняли московскую цитадель в те дни славные гвардейцы, повествует ординарец Дюронеля су-лейтенант А.О.А. Майи-Нель: «На каждом шагу в Кремле, в этом дворце-крепости, стояли гренадеры гвардии на часах; они были выражены в шубы москвитов, перевязаны шальями из кашемира. Рядом с ними были хрустальные вазы, в четыре фута высотой, наполненные вареньем из самых изысканных фруктов, и из них торчали большие деревянные ложки; вокруг этих ваз была груда бесчисленных флаконов и бутылок, которым отбивали горлышки (...); некоторые из этих солдат вместо своих нахлобучили на себя московитские шапки; все они были более или менее пьяны, были без оружия и, по-видимому, использовали вместо оружия свои ложки. Правда, гренадеры задержали Майи-Неля и отвели его к «так называемому караульному офицеру, которого изображал старый солдат». Последний заставил су-лейтенанта выпить две бутылки «прекрасного бордо» «по приказу китайского императора» и заесть его вареньем³.

Все внутреннее пространство Кремля было загромождено зарядными ящиками, фурами, лошадьми... Фуры с боевыми зарядами, как отмечали Гурго и Сегюр, стояли прямо напротив окон дворца, в котором разместился Наполеон. Судя по приказам по гвардии, которые будут отданы позже, костры для варки пищи разводили беспорядочно, между солдаты отправляли «во всех углах» и «даже под окнами императора». На территории Кремля валялось немалое число «издохших лошадей и несколько палых коров» (Корбелецкий). Наконец, совершенно свободно в стенах Кремля и в районе земляных валов, оставшихся от петровских укреплений XVIII в., расположились кантиньери [маркитантки. – *Ред.*] гвардии со всем своим скарбом (о том, как в домах, расположенных у стен Кремля и занятых маркитантками гвардии, к утру 16 сентября вспыхнул пожар, упоминает Бургонь).

---

¹ Bourgogne A.J.B.F. Op. cit. P. 22–25.

² Austin P.B. 1812. Napoleon in Moscow. L., 1995. P. 23.

³ Mailly-Nesle A.A.A. Op. cit. P. 137–138; Французы в России. Ч. 2. С. 21–22.

Если в самом Кремле и в тех районах Москвы, где разместилась императорская гвардия, изначально царил беспорядок и происходили массовые грабежи, что же тогда можно было увидеть в других частях города, куда, несмотря на запреты, проникли мародеры из армейских частей? В «Журнале» Сюрюга о первых двух днях погромов было написано следующее: «Тем временем чернь с ожесточением выламывала двери домов и вламывалась в подвалы лавок, объятых пламенем. Всюду разграблялись не только сахар, кофе и чай, но также и кожа, сапоги, предметы скобяного товара, используемые скорняками, материя и, наконец, любые предметы роскоши. Солдаты, которые не могли оставаться спокойными зрителями, приняли в этом самое активное участие. Склады с мукой были разграблены; вином и водкой были залиты все подвалы...»¹

Фоссен, чей 111-й линейный пребывал у западных окраин Москвы, так описал ситуацию к ночи на 15 сентября: «Никому не разрешалось уходить из лагеря; ежечасно били сбор. Тем не менее солдаты десятками бегали в город (...) возвращались с добычей в лагерь и делились с товарищами, даже с офицером, которые были все-му этому очень рады»². В отличие от 111-го линейного, командование многих других частей Великой армии, стоявших за городом, не только официально не запретило своим солдатам «вылазки» в Москву, но и специально их организовало. Так поступило и командование бригады Тильмана, и командование 3-го армейского корпуса, и командование многих других частей и соединений³.

15 сентября, миновав Тверскую часть, отправился к центру Москвы Лабом. По мере продвижения к Кремлю Лабом все чаще начал встречать настоящие толпы жителей и солдат, которые вперемешку обменивались и торговали награбленными вещами. Своего рода эпицентром грабежа и торговли оказался Гостиный двор, который продолжал гореть, и вокруг которого суеилось множество солдат и московского простонародья, отбиравших наиболее ценное и бросая на землю то, что либо нельзя было унести, либо представлялось менее ценным. При этом не было слышно никаких восклицаний; раздавался только треск от огня и стук разбиваемых дверей: грабители «работали» предельно сосредоточенно⁴. Итак, к пожарам, начавшимся 14 сентября, днем 15-го добавился всеобщий грабеж.

---

¹ Surugue A. Mil huit cent douze. P. 29.

² Дневник поручика Фоссена. С. 472.

³ Pelleport P. Op. cit. P. 33; Cerrini di Monte Varchi C.F. Die Feldzuge der Sachsen, in den Jahren 1812 und 1813... Dresden, 1821. S. 391; etc.

⁴ Labaume E. La Campagne de Russie. P., 2001. P. 149.

«Армия вся разбежалась»¹, – констатировал Пьон де Лош, находившийся 15-го в Москве и видевший все своими глазами.

Что же Наполеон? Въехав через Боровицкие ворота в Кремль, он, по-видимому, удалился в свои апартаменты, устроенные в императорском дворце, который был построен в середине XVIII в. В.В. Растрелли. В 3 часа дня он вновь «сел на лошадь и начал объезд Кремля»². «Он рассматривал его, – пишет Сегюр, – во всех подробностях, с чувством удовлетворенной гордости и любопытства»³. Затем он посетил район Воспитательного дома, «два важнейших места и возвратился в Кремль»⁴. Во время объезда Наполеоном Кремля и близлежащих районов пожаров фактически не было видно. Из своих окон Наполеон мог наблюдать думы в Замоскворечье, но не придал этому большого значения. Позже Наполеон вспоминал, что в те часы он говорил своему окружению примерно следующее: «Мы посмотрим, что эти русские собираются делать; если они откажутся от того, чтобы и далее отступать, нам следует придерживаться уже принятого решения. Квартиры нам обеспечены. Мы покажем миру удивительный спектакль мирно зимующей армии среди вражеских народов, окруживших ее со всех сторон. Французская армия в Москве – это корабль, находящийся среди льдов. Но с возвращением хорошего времени года мы возобновим войну. Впрочем, Александр не допустит, чтобы мы должны были это делать; мы понимаем друг друга, и он подпишет мир»⁵.

Однако в те несколько часов, которые прошли между водворением Наполеона в Кремлевском дворце и удалением императора в свои покои для подготовки ко сну (это произошло, видимо, где-то в начале десятого) в Главный штаб Великой армии и Квартиру императора были доставлены очень противоречивые сведения. Наполеон, среди прочего, был проинформирован о постройке неким Шмидтом зажигательного воздушного шара и подготовке им различных горючих

---

¹ Pion des Loches A.A. Op. cit. P. 129.

² Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 9.

³ Ségur Ph.P. La Campagne de Russie. P. 179.

⁴ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 9. Дворец XVIII в., в котором пребывал Наполеон, как известно, был сожжен после его отъезда, потом восстановлен, а затем в 1838 г. окончательно разрушен. Поэтому сегодня довольно сложно воссоздать всю картину пребывания Наполеона в этих апартаментах. Более или менее подробно их попытался описать только мамлюк императора Л.Э. Сен-Дени, по прозвищу Али. Для нас особенно важным является указание Али на то, что окна спальни были обращены на Москву-реку. Об этом же пишет и Фэн (Fain A.J.F. Op. cit. P. 46).

⁵ Цит. по: Thiry J. La Campagne de Russie.P., 1969. P. 169.

материалов для организации пожаров. Некая «старая французская актриса», которую специально доставили в Кремль, поведала о недовольстве среди русского дворянства тем, как Александр ведет войну, и что «русские вельможи хотят мира во что бы то ни стало и принудят к этому императора Александра...»¹.

Примерно в половине десятого 15 сентября во многих районах Москвы начались сильные пожары, и в 11 вечера гвардия в Кремле была поднята в ружье². Ночь с 15 на 16 сентября запомнилась многим солдатам Наполеона. «Едва наступившая ночь покрыла горизонт, на котором вырисовывались дворцы, – вспоминал ту ночь Бургоэнь, все еще находившийся вместе с дивизией Делаборда у Дорогомиловской заставы, – мы увидели зловещий свет двух пожаров, затем пяти, затем 20, затем тысячу всполохов пламени, перекидывавшихся от одного к другому. В течение двух часов весь горизонт стал не чем иным, как сжимающимся кольцом. Мы тотчас же были подавлены смыслом этого языка пламени (*langue de feu*), на котором к нам обращались русские в миг нашего вступления в эту столицу. Это было продолжением того, что мы видели в Смоленске, Вязме, Можайске, в каждом местечке, в каждой деревне, которые мы должны были пройти. Русские получили приказ сжигать все, чтобы мы голодали; они следовали этому предписанию с их обычным невозмутимым постоянством. Весьма опечаленные, мы укладывались спать при свете этого пылавшего костра, который с каждой минутой все увеличивался»³.

Разраставшийся московский пожар наблюдали издали солдаты французского авангарда: «Этот в высшем смысле слова спектакль, – вспоминал капитан К. Турно, состоявший адъютантом при командире 29-й бригады легкой кавалерии, – отдавался в сердце невольным чувством ужаса...»⁴ О быстром распространении пожаров той ночью свидетельствуют и многие русские очевидцы: приказчик Соков, подпоручик Перовский, ассессор Сокольский и многие другие⁵.

Фантэн дез Одоард находился той ночью в карауле у одних из кремлевских ворот (у Троицких или у Никольских). Среди ночи какой-то человек, подошедший снаружи стены, «говоривший довольно хорошо по-французски, но с немецким акцентом», обратился

---

¹ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 2. Р. 10; Bausset L.F.J. Op. cit. Р. 116; Thiry J. Op. cit. Р. 169; etc.

² Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 2. Р. 10.

³ Bourgoing P. Op. cit. Р. 112–113.

⁴ Turno Ch. Op. cit. Р. 103.

⁵ Письмо приказчика М. Сокова. Ст. 0220; Перовский В.А. Указ. соч. Ст. 1035; ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 14; и др.

к Фантэну дез Одоарду с просьбой помочь потушить огонь, который подбирался «к обширному зданию, расположенному недалеко от Кремля», и в котором, по его словам, находилась «драгоценная коллекция медалей и антиков». Фантэн дез Одоард во главе двадцати гренадеров бросился к этому дому, надеясь остановить огонь. Но было поздно! «Огонь добрался до лестницы, по которой попал в залы научных сокровищ, и не было возможности подойти». Фантэн дез Одоард возвратился на свой пост, «действительно огорченный этим несчастьем». Что же касается ученого, просившего о помощи, то гренадеры оставили «его внизу лестницы, объятый пламенем и в таком отчаянии, что возможно он не смог пережить свои драгоценные медали»¹.

Продолжал бороться с огнем в ту ужасную ночь и Ёвонне де Маренгоне. Когда пожар затухал в одном месте, то разгорался в другом. «Огонь одновременно вспыхнул в шести разных местах города», – вспоминал офицер. К утру «начался сильный ветер, и огонь стал распространяться на очень большие расстояния»². «В полночь огонь опять вспыхнул недалеко от Кремля; удалось ограничить его распространение. Но 16-го, в 3 часа утра он возобновился с большей силой, и уже не прекращался», – вторит Ёвонне де Маренгоне сержант Бургонь, находившийся в тех же кварталах³. Но если шеф батальона не мог покинуть своего поста, то солдаты его полка, пользуясь суматохой, пытались проводить время с большим удовольствием. «В эту ночь, с 15-го на 16-е, – пишет Бургонь, – мне, а также двум моим друзьям, унтер-офицерам, как и я, пришла охота посмотреть город и посетить Кремль, о котором много слышали». Проблуждав по горящим улицам, сержанты только к рассвету прибыли, как можно понять, к Китай-городу, а затем вошли в Кремль. Там они встре-

---

¹ Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 333–334. Кто именно был этим несчастным ученым? Первоначально мы предположили, что им был профессор Московского университета Х. Штельцер, а сгоревшие сокровища принадлежали Московскому университету. В этом случае Фантэн дез Одоард наверняка находился в карауле у Троицких ворот. Однако если он держал караул у Никольских ворот, тогда могли гореть здания бывшего Монетного двора, где теперь размещались губернские присутственные места, и в этом случае прибежавшим ученым вряд ли мог быть Штельцер.

Возможно также, что горело собрание древностей Ф.Г. Баузе. Но самого Баузе уже не было в живых – он умер в мае 1812 г.

² Vionnet de Maringoné L.J. Op. cit. P. 29. Муральт вспоминал, что благодаря сильному ветру огонь в ночь на 16 сентября сделался столь ярким, что «на нашем биваке было светло как днем» (Muralt A. Op. cit. S. 75).

³ Bourgogne A.J.B.F. Op. cit. P. 22.

тили друзей из 1-го полка гвардейских пеших егерей, назначенных пикетом, которые, однако, здесь же пригласили гренадер-фузилеров отобедать¹.

К утру все солдаты Великой армии, которые были в Москве, уже не сомневались в том, что поджоги происходят усилиями многочисленных русских «поджигателей», которыми руководят полицейские по заданию Ростопчина. Многие «поджигатели», мнимые и реальные, уже были арестованы или убиты разъяренными солдатами наполеоновской армии². В пятом часу утра императора разбудили, и ему было доложено о пожаре, который быстро распространялся по всему городу. Возможно, что теперь, когда французы наконец-то осознали масштаб угрозы и готовы были принять решительные меры для прекращения пожара, катастрофу можно было бы предотвратить. Однако в «игру» уже вступил новый участник – сильнейший ветер. «Если бы погода была спокойной, – несколько наивно, но, в сущности, верно, отмечает Лабом, – все бы ограничилось сожжением биржи; но вчера, с рассветом (16 сентября) мы со страхом увидели, что город горит с четырех сторон, и ветер, дохнувший с силой, понес отовсюду горящие головни»³. Внимательный и точный наблюдатель, аббат Сюрюг также был убежден, что сильный северо-западный ветер 15-го числа «ускорил в значительной степени распространение огня». «16-го, около 4-х часов вечера он резко сменился и подул с юго-запада с ураганной силой. Огонь (...) был подкреплен ветром и разгорался с такой силой, что стал представлять собой необъятный вулкан, чей кратер окаймлен разрывами огня и пепла»⁴.

Начавшийся в ночь на 16 сентября сильный ветер обрел на уничтожение дом Баташова, в котором остановился Мюрат, и который 15-го еще удавалось отстоять от огня. Сразу после того как Неаполитанский король, пообедав, поскакал верхом к авангарду, «ветер подул с запада самый жесточайший, с сильными и необыкновенными порывами; загорелись дома за Москвой-рекой от Каменного моста. Занялось все Замоскворечье, а потом и у нас – на горе», – вспоминал Соков. Дом Баташова пришлось бросить и бежать через Язу на Хованскую горку. Оттуда дворня Баташова наблюдала, как горят дома на Швивой (Вшивой) горке, как занялось

---

¹ Bourgonne A.J.B.F. Op. cit. P. 23–24.

² См., например: Castellane E.V.E.B. Op. cit. P. 154–155; Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 11.

³ Labaume E. Op. cit. 2001. P. 156.

⁴ Surugue A. Mil huit cent douze. P. 31–32.

все Заяузье, и как без остатка выгорело все Замоскворечье... В воздухе стоял смрад, летела зола, глаза у людей наливались кровью...¹

16-го огонь стал подбираться и к Кремлю. 21 сентября Фантэн дез Одоард записал: «Утром 16-го Кремль стал представлять собою остров посреди огненного моря. Стремительный ветер, спровоцированный жестокостью пожара, во сто крат усилился и стал вести себя непредсказуемо. Из глубин пламени доносился зловещий шум и, подобно волнам океана в сильную бурю, прокатывались от одного к другому раскаты непрерывного грома. Это было извержение Везувия, соединенное с ничем не сравнимым величием ужасного спектакля»².

Утром 16-го генерал Сокольников и его штаб, расположившиеся в доме, который стоял напротив дворца Пашкова, проснувшись, увидели, как густой дым затянул купола этого дворца. Их обиталище тоже оказалось в опасности, пламя распространялось быстро. В то время как Сокольников поехал в Кремль, дабы присоединиться к императору, Солтыку и его товарищам было приказано искать новое пристанище. Как только чины штаба Сокольниковского отъехали от дома, он тотчас же загорелся. Солтык со своими товарищами тщетно пытались найти другое здание, дабы там разместить штаб Сокольниковского. Они рыскали по улицам, всюду наталкиваясь на неопишуемые сцены ужаса. Среди обездоленных московских погорельцев было немало и женщин из высших классов. Одной из них, молодой, очаровательной особе, галантный польский граф Солтык попытался предложить помощь. «Чудовище! Как ты смеешь обращаться ко мне с предложением?!» – бросила ему женщина³.

Как встретил то утро Наполеон? Странная вещь: будучи разбуженным в начале пятого и приказав послать офицеров, чтобы выяснить, что происходит, Наполеон снова заснул. Причина заключалась в том, что его наконец-то отпустила дизурия. Когда около 7 утра к императору пришел врач Э.О. Метивьер, тот все еще был в постели. Тогда-то со слов Метивьера Наполеон и узнал, что огонь уже обступает Кремль. Отсвет зарева, который нельзя было не увидеть в окнах дворца, подтверждал это⁴.

---

¹ Письмо приказчика М. Сокова. Ст. 0220–0222.

² Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 334.

³ Soltyk R. Op. cit. P. 289–295.

⁴ Попов А.Н. Французы в Москве. С. 36. А.Н. Попов ссылается на одну из работ Сегюра: Ségur Ph.P. Histoire et mémoires... P., 1873. Т. 6. P. 17–18; Austin P.B. Op. cit. P. 35.

Впрочем, обстоятельства того, как Наполеон встретил утро 16 сентября, ясны недостаточно. Единственное неопровержимое свидетельство – письмо Наполеона Марии-Луизе, помеченное 16 сентября и написанное, без сомнения, утром того дня, – не может не удивить: «Город [Москва. – В. З.] так же велик, как Париж. В нем 1600 колоколен и более тысячи прекрасных дворцов, город весь украшен. Дворянство уехало; народ остался. Мое здоровье хорошее, мой насморк закончился. Враг отступает, как говорят, на Казань. Прекрасное завоевание – результат сражения при Москве-реке»¹. Поразительно! Но даже утром 16-го Наполеон, видимо, не сразу осознал все последствия разыгравшейся московской трагедии. Согласно Сегюру, 2–2,5 часа после пробуждения Наполеон мог только в полной растерянности взволнованно ходить по комнатам и, бросаясь от окна к окну, восклицать: «Какое ужасное зрелище! Это они сами! Столько дворцов! Какое необыкновенное решение! Что за люди! Это скифы (*Quel effroyable spectacle! Ce sont eux-même! Tant de palais! Quelle resolution extraordinaire! Quels hommes! Ce sont des Scyth*)». И только крик «Кремль горит!» заставил императора выйти из дворца и посмотреть, насколько велика опасность². Секретарь-архивист Наполеона Фэн так вспоминал те часы: «В Кремле воцарилась мрачная молчание, которое прерывалось только восклицаниями “Вот как они ведут войну! Цивилизация Петербурга нас обманула; они все еще остаются скифами!”»³

В этот час в Кремле оказался захваченный в плен русский подпоручик В.А. Перовский. Позже он вспоминал: «Погода была довольно хорошая; но страшный ветер, усиленный, а может быть и произведенный свирепствующим пожаром, едва позволял стоять на ногах. Внутри Кремля не было еще пожара, но с площадки, за рекой, видно

---

¹ Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 16 сентября 1812 г. // *Lettres inédites de Napoléon*. № 93. P. 78.

² Ségur Ph.P. *La Campagne de Russie*. P. 185–186. Впрочем, некоторые меры, направленные против поджигателей, Наполеон все же принял. К 16 сентября относится следующий приказ за подписью Бертье: «Согласно Прокламации от 14-го сего месяца, все русские офицеры и солдаты должны явиться и объявить о себе в течение 24 часов господину коменданту Москвы. Сегодня, 16-го числа, на третий день после объявления Прокламации, многие русские солдаты продолжают бегать по улицам и арестовываются при поджоге домов. Поэтому, согласно настоящему приказу, все русские солдаты, которые будут встречены на улицах, подлежат смерти» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3588. Л. 1). Благодарим Е.А. Назарян за предоставленную возможность познакомиться с этими документами.

³ Fain A.J.F. *Op. cit.* P. 88.

было одно только пламя и ужасные клубы дыма; изредка, кой-где, можно было различить кровли незагоревшихся еще строений и колокольни; а вправо, за Грановитой Палатой, за Кремлевской стеной, подымалось до небес черное, густое, дымное облако, и слышен был треск от обрушающихся кровлей и стен». Вскоре Перовского окружили французские офицеры: «Не ласковы были разговоры их со мною; они хладнокровно не могли смотреть на русского, – были обмануты в своих ожиданиях или намерениях»¹.

Итак, около половины десятого² Наполеон вышел из Кремлевского дворца, желая лично оценить размеры пожара и той опасности, которая угрожала Кремлю.

К этому времени солдатам Старой гвардии уже пришлось тушить пожар в Арсенальной башне, перекрытия здания Арсенала, конюшенный корпус и даже Кремлевский дворец. «Более минуты нельзя было оставаться на одном месте, – пишет Коленкур, – меховые шапки гренадеров тлели на их головах»³. Ситуация становилась критической. Время от времени горящие головни перелетали через кремлевские стены и падали возле или даже на сами зарядные ящики гвардейских орудий⁴. Несмотря на то что многие из окружения умоляли Наполеона покинуть Кремль ввиду грозящей опасности (среди умолявших определенно были Богарнэ, Бертье, Бессьер, Лефевр и Мортье), император медлил. Майор Булар, который с трудом добрался в те часы до Кремля, разыскивая генерала Ф.Ж.Б.Ф. Кюриала, командира 3-й гвардейской пехотной дивизии, чтобы получить от него приказ (орудия Булара продолжали стоять недалеко от Дорогомиловского моста), увидел, что «все были угнетены, в состоянии оцепенения. Страх и тревога были написаны на всех лицах»⁵.

---

¹ Перовский В.А. Указ. соч. Ст. 1038. Перовский наблюдал, как французы допрашивали русского «полицейского офицера в мундирном сюртуке» на предмет организации поджогов города. Полицейский офицер отвечал «дрожащим голосом», что он ничего не знает, а остался в городе потому, что не успел уехать. Полицейский, по-видимому, в дальнейшем был казнен (см: Там же. Ст. 1039).

² Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 2. Р. 12.

³ Ibid. Р. 13.

⁴ Fain A.J.F. Op. cit. Р. 76–78, 93–95; Domergues A. Op. cit. Т. 2. Р. 42, 72; Chambray G. Op. cit. Р. 120–121; etc. Сложно сказать, имели ли место в те часы попытки со стороны «поджигателей» проникнуть в Кремль или локальные пожары в нем происходили от горевших поблизости строений. Сюрюг полагал, что зажигательные снаряды бросались и в Кремлевские здания (Surugue A. Mil huit cent douze. Р. 31–32).

⁵ Цит. по: Austin P.B. Op. cit. Р. 38. В дневнике Каstellана за 16 сентября записано: «Пожар заставил императора покинуть Кремль. Прогуливаясь по

И все же главная причина, заставившая Наполеона принять решение покинуть Кремль и переехать в Петровский замок, заключалась в другом. Коль скоро император все же убедился, что пожар был организован московскими властями и русским командованием, он пришел к выводу, «что эта катастрофа могла быть частью комбинации, связанной с какими-либо маневрами неприятеля, хотя частые донесения Неаполитанского короля и утверждали, что неприятель продолжает свое отступление по Казанской дороге...»¹ Последним аргументом в пользу выхода из Кремля, вероятно, стали слова Бертье о том, что «если враг атакует корпуса вне Москвы», у Наполеона не будет возможности снестись с ними². Опасения Наполеона как в отношении ухода русской армии отнюдь не по Казанской дороге, так и трудностей, возникших вследствие пожара в плане поддержания связи с корпусами, были более чем оправданны. На следующий день, 17 сентября, начальник штаба резервной кавалерии О.Д. Бельяр, находившийся при императоре и Бертье в Петровском, сообщил А.Ш. Гильемино, начальнику штаба 4-го армейского корпуса: «Его величество послал офицеров и подразделения для связи с королем, и до настоящего времени новостей нет. Я прошу Вас уведомить о местонахождении Вашего корпуса и сообщить мне или отыскать императора, с которым король не имел связи ни в течение ночи, ни этим утром по причине страшного пожара, который нас вчера выгнал из города»³.

Наполеон, решив удалиться из Кремля в Петровское, к месту расположения 4-го армейского корпуса в районе Тверской заставы, столкнулся с немалыми трудностями при осуществлении этого плана. Капитан К.Л.В. Мортемар де Рошшуар, ординарец императора, посланный разведать путь в этом направлении, доложил, что путь преграждает пожар. Однако через несколько минут прибыл другой офицер, прорвавшийся с Тверской заставы, и император приказал

террасе, он сказал графу Лобо [Ж. Мутон, граф Лобо – генерал-адъютант императора. – В. З.], имея в виду пожар: “Это нам предзнаменование более великих несчастий”» (Castellane E.V.E.B. Op. cit. P. 155). Много лет спустя, готовя издание своего дневника, Кастеллан по поводу этой фразы заметил: «Непонятно, как после такого предположения он [Наполеон. – В. З.] еще в течение месяца оставался в Москве».

¹ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 15.

² Austin P.D. Op. cit. P. 38; Fain A.J.F. Op. cit. P. 76–78; Богданович М.И. Указ. соч. С. 306; и др.

³ Бельяр – Гильемино. Петровское, 1-я деревня по дороге в Коломну, 17 сентября 1812 г. // [Du Casse A.] Op. cit. P. 47.

начать движение¹. К тому времени, когда император решил покинуть Кремль, проходить через ворота Боровицкой башни, так же как и через Троицкие и Спасские ворота, стало уже чрезвычайно опасно. Поэтому было решено воспользоваться ходом под Тайницкой башней. Сегюр пишет о нем как о «подземном ходе (à travers les rochers) к Москве-реке», Констан – о «скрытой двери в стене в сторону Москвы-реки», Фантэн дез Одоард – о «потайном ходе (par une poterne)». Только оказавшись на набережной, Наполеон сел на Тавриза (Tauris), которого к тому времени туда уже подвели. Последующий путь Наполеон проделал верхом (что следует из воспоминаний Фантэна дез Одоарда и «Дорожного дневника» Коленкура). Вся Старая гвардия (за исключением 1-го батальона 2-го полка пеших егерей²) должна была также покинуть Кремль. Часть пешей гвардии, без сомнения, прошла за императором под Тайницкой башней. Об этом, в частности, пишет Фантэн дез Одоард из 2-го полка пеших гренадер, отмечая, что солдаты «с трудом проходили по одному» через подземный ход³.

Дальнейший путь Наполеона и его гвардейцев вполне убедительно восстановил еще А.Н. Попов, по-видимому, на основе воспоминаний Корбелецкого⁴. Из района Всехсвятского моста путь лежал через Лебяжий переулок, Ленивку и Волхонку к Пречистенским воротам, затем вверх по Арбату. Здесь императора и гвардию встретил маршал Даву⁵, который вывел кортеж к Москве-реке у Дорогомиловского моста. Затем – берегом реки до с. Хорошева, переправились через реку по плавучему мосту, а затем мимо Ваганьковского кладбища и полями достигли Петровского дворца⁶.

Фантэн дез Одоард оставил нам несколько строк о том достопамятном марше в Петровский дворец (запись в дневнике сделана по свежим впечатлениям 21 сентября): «Этот путь представлял большую опасность: вскоре он пошел под сводом огня, и пламя, устремившись над нами длинными вихрями, угрожало догнать нас; широко простиравшееся облако пепла и дыма мгновенно лишило нас зрения. Воздух, которым мы дышали, казалось, мог задушить нас своим жаром. Много раз неожиданное крушение здания либо могло унич-

---

¹ Fain A.J.F. Op. cit. P. 76–78; Denni e P.P. Op. cit. P. 93–95, 190; Богданович М.И. Указ. соч. С. 306; и др.

² Bourgogne A.J.V.F. Op. cit. P. 25.

³ Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 334.

⁴ Корбелецкий Ф.И. Указ. соч. С. 33; Попов А.Н. Французы в Москве. С. 39–41.

⁵ S gur Ph.P. La Campagne de Russie. P. 188–189.

⁶ Попов А.Н. Французы в Москве. С. 39–41.

тожить нас, либо создавало преграду на дороге, которую мы только что прошли. К концу этого сурового пути, во время которого были опалены не один старый ус и не одна меховая шапка, мы достигли окрестностей Москвы и сделали остановку, чтобы перевести дух, подождать менее проворных и привести в порядок свои ряды. В трех верстах, по Петербургской дороге, мы соединились с императором, который остановился в Петровском»¹. В своем «Дорожном дневнике» Коленкур сразу по приезде в Петровское сделал по поводу действий императора запись: «Приехал в 7:30. Пошел спать»². Таким образом, согласно бумагам Коленкура, путь из Кремля занял два часа.

Наполеон находился в Петровском дворце с 19:30 16 сентября до 9:00 18 сентября³. Сам Петровский дворец к вечеру 16 сентября находился в расположении 4-го армейского корпуса Богарнэ.

Теперь здесь расположилась также значительная часть императорской гвардии, два кавалерийских корпуса, Главный штаб и императорская квартира. В центре этого скопления войск, но заметно к северу, находился Петровский дворец. Французы – авторы дневников, поделились с нами своими впечатлениями от дворца. «Это обширное сооружение из кирпича, окаймленное башнями, и по своей внешности живописное, но совсем не европейское. Если это и есть, как говорят, татарская архитектура, то она не без элегантности», – так описывал дворец Фонтэн дез Одоард⁴. «17 [сентября]. Я на службе в шато Петровском; очень красивый, окруженный высокими стенами из кирпича, с башнями в греческом стиле, он в самом деле имеет очень романтический вид», – повествует Каstellан⁵. Однако французская армия основательно «перетрясла» идиллическую картину окрестностей замка. «Прекрасный парк Петровского, привычное место встречи высшего общества столицы, стал на два дня местом расположения наших биваков, и достоинство его деревьев и его декораций не было осчастливлено»⁶. По свидетельству Монтестьё

---

¹ Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 334–335.

² Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 15–16. Note 2.

³ Дорожный дневник Коленкура //Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 15–16. Note; P. 19. Note.

⁴ Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 335. Солтык отмечал, что Петровский дворец был «из красного кирпича готической архитектуры». Он напоминал ему замок Хэмптон-Корт возле Лондона (Soltyk R. Op. cit. P. 300–301. Note). В то же время Гриуа поведал, что Петровский замок был «древней конструкции, похожий скорее на государственную тюрьму, чем на замок суверена» (Griouis L. Op. cit. P. 54).

⁵ Castellane E.V.E.B. Op. cit. P. 155.

⁶ Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 335.

Фезенсака, в английском саду вокруг деревьев разместились многочисленные службы, входившие в состав Главной квартиры, «генералы поместились в здании фабрик, лошади стояли в аллеях», всюду шла бойкая торговля награбленными вещами¹. Не менее ярко живописует эту картину артиллерийский майор Ж.Ф. Булар: войска расположились «в садах английского стиля», в гротах, китайских павильонах и киосках. Царила полная неразбериха в одеждах – солдаты, одетые «по-татарски, по-казачьи и по-китайски, разгуливали по нашему лагерю». Многие были «в женских или поповских одеждах». Всюду играли на пианино, скрипках и гитарах. «Наша армия представляла собой карнавал», – заканчивал свое описание Булар².

Этот карнавал разворачивался на фоне фантазмагорической картины московского пожара. «В то время как [мы] стояли лагерем в рощах, – записал в дневнике 21 сентября Фантэн дез Одоард, – Москва, находившаяся в огне, источала такой свет, что мы почти не ощутили две проведенные там ночи, [так как] день приносил нам не более света [чем ночь]. Свет необъятного костра был таким, что мы могли свободно читать, хотя нас отделяло одно лье. До нас доходил шум, который был подобен далекому ревущему урагану. Время от времени [какой-нибудь] дворец, в своем разрушении, посылал к тучам сверкающие снопы, похожие на огненный букет фейерверка, между тем как масса металла, которая была крышей, падала с грохотом, и тогда залп орудий, казалось, прерывал мрачный ропот адского урагана»³. «Было ужасным видеть, – писал интендантский чиновник Проспер, который оказался у Петровского 17 сентября и наблюдавший оттуда за пожаром, – как этот город горит в ночное время. Линия огня была видна на более чем лье и была похожа на вулкан с многочисленными кратерами»⁴. Стены Петровского замка нагрелись от огня, хотя он и находился достаточно далеко от московского пожара⁵.

Поздно вечером 16 или в ночь на 17 сентября император продиктовал 19-й бюллетень Великой армии. В нем он сообщил миру, что город Москва, «столь же огромен, как Париж», что Москва – «в высшей степени богатый город, наполненный дворцами всех князей империи», и что Великая армия теперь находится в нем. Однако «рус-

---

¹ Fezensac R.A.P.J. Op. cit. P. 265.

² Austin P.B. Op. cit. P. 48.

³ Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 336.

⁴ Проспер – отчиму. Москва, 15 октября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 281–282 об.; Lettres interceptées. P. 149.

⁵ Soltyk R. Op. cit. P. 301.

ский губернатор, Ростопчин, вознамерился уничтожить этот прекрасный город, когда узнал, что русская армия его покидает. Он вооружил три тысячи злодеев, которых выпустил из тюрем, равным образом он созвал 6 тысяч подчиненных и раздал им оружие из арсенала». Ростопчин заставил выехать из Москвы всех «купцов и негодянов», «более четырехсот французов и немцев», удалил пожарных с насосами. Благодаря этим мерам русского губернатора «город охватила полная анархия; дома захватило пьяное неистовство, и полыхнул огонь». «Таким образом, полная анархия опустошила этот огромный и прекрасный город, и он был пожран пламенем». Но здесь же, словно спохватившись, император добавил, что армия нашла «значительные запасы в разных местах». В бюллетене сообщалось, что 30 тыс. раненых и больных русских, находившихся в госпиталях, были оставлены без помощи и продовольствия¹. После подготовки бюллетеня император занялся планированием дальнейших маневров своей армии. Утром 17-го Наполеон долго смотрел в сторону горящей Москвы, как пишет Сегюр, «в угрюмом молчании», а затем воскликнул: «Это предвещает нам большие несчастья!»²

По мнению Коленкура, в течение всего дня «император был очень задумчив; он не говорил ни с кем и вышел [из своих покоев. – В. З.] лишь на полчаса, чтобы осмотреть дворец изнутри и снаружи». Как считает обер-штабмейстер, «во время пребывания в Петровском он [Наполеон. – В. З.] принял только князя Невшатальского; князь воспользовался случаем и изложил все соображения, которые ему внушил пожар, пытаясь убедить императора сделать выводы и не оставаться долго в Москве»³. Очевидно, что Коленкур в данном случае ошибается.

Несмотря на кажущуюся апатию, Наполеон, как обычно, проявил завидную активность. 17 сентября он продиктовал 20-й бюллетень Великой армии. Бюллетень начинался с язвительного замечания о том, что прежде русские служили благодарственный молебен всякий раз после проигранного сражения. Возможно, и теперь, когда французская армия достигла Москвы, произойдет то же самое. Затем Наполеон описал богатства Москвы, которая является «кладовой Азии и Европы». А далее – очень контрастно – шло описание уничтожения Москвы в «океане пламени». «Эта потеря неисчисли-

---

¹ 19-й бюллетень Великой армии. Москва, 16 сентября 1812 г. // Napoléon I. Œuvres de Napoléon. P. 62–63. Хотя этот бюллетень и мог быть продиктован Наполеоном еще в Кремле в первой половине дня 16 сентября, но более вероятно, что это произошло поздно вечером, уже в Петровском.

² Ségur Ph.P. La Campagne de Russie. P. 189.

³ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 16.

ма для России, для ее торговли, ее дворянства... Понесенные потери исчисляются многими миллиардами». В этом пожаре сгорело, по словам бюллетеня, 30 тыс. раненых и больных русских. Главную вину за эту катастрофу Наполеон возложил на Ростопчина, который воспользовался «освобожденными из тюрем злодеями». Резонно полагая, что уничтожение Москвы обесценивало успехи Великой армии, император распisał, как много удалось найти припасов в уцелевших погребах. «Армия восстановила свои силы, – утверждал он, – она имеет в изобилии хлеб, картофель, капусту, овощи, мясо, солености, вино, водку, сахар, кофе, в общем, провизию всякого рода»¹.

Помимо обеспечения «пропагандистского прикрытия», чем Наполеон занялся практически сразу после приезда в Петровское, он активно начал выяснять настроения среди русского населения, в том числе по поводу отмены крепостного права. 17 сентября Наполеон принял в Петровском несколько «московских французов». О факте этих встреч сообщает хорошо информированный шевалье д'Изарн. Однако о содержании этих бесед мы можем судить только по тому, что д'Изарну поведала одна из приглашенных к императору – г-жа Мари-Роз Обер-Шальме (Aubert-Chalmé). Родившаяся во Франции и вышедшая замуж за Жана-Николя Обера, она перебралась в Россию и содержала гостиницу и модный магазин на Кузнецком мосту (в Глинищевском переулке между Тверской и Большой Дмитровкой). Ей был 31 год, она была красивой, располагающей к себе особой, была хорошо известна как в среде московской знати, которая была ее клиентурой, так и в среде французских колонистов в Москве. Ее муж был выслан Ростопчиным в Макарьев на барке вместе с четырьмя десятками других «подозрительных», а ее магазин был, как говорили, также по приказу московского главнокомандующего, разгромлен (вероятно, утром 14 сентября)². Д'Изарну Обер-

---

¹ 20-й бюллетень Великой армии. Москва, 17 сентября 1812 г. // Napoléon I. Œuvres de Napoléon. P. 63–64.

² Olivier D. The Burning of Moscow 1812. L., 1966. P. 98; Berthezène P. Op. cit. P. 70. Трудно сказать, что именно заставило Наполеона беседовать именно с Обер-Шальме. После возвращения в Москву русских властей оставшееся от магазина Обер-Шальме имущество было распродано с аукциона. Среди прочего было продано 56 «бутылок с духами», 4 «бронзовых люстры», 11 «корпусов часовых бронзовых», 490 «пузырьков с душистым маслом», 90 «стеклянных помадных банок», 186 зеркал! Был продан за 102 р. 15 коп. и «медный» бюст Наполеона. Всего было выручено 34 892 руб. 24 коп. (Опись вещей иностранки Шальме, проданных с аукциона. Август 1813 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 198. Л. 21–22 об.). В качестве краткой справки к этой

Шальме поведала следующее. Около 6 часов утра 17 сентября один из «адъютантов» (мы думаем, что, скорее всего, это был кто-то из ординарцев или офицер из ведомства Лелорнь д'Идевиля, или, наконец, офицер из штаба Мортье) нашел Обер-Шальме среди беженцев из числа московских иностранцев, которые начали скапливаться в районе Петровского дворца. На дрожках, запряженных «скверной лошастью», «адъютант» доставил даму, одетую в «костюм маркитантки» («*costume du camp*»), к Петровском дворцу. Предоставим д'Изарну самому передать слова, услышанные им от Шальме: «У ворот дворца встретил их маршал Мортье, подал ей руку и провел ее до большой залы, куда она вошла одна. Бонапарт ждал ее там, в амбразуре окна. Когда она вошла, он сказал ей: “Вы очень несчастливы, как я слышал?” Затем начался разговор наедине, состоявший из вопросов и ответов и продолжавшийся около часу, после чего г-жу О*** (А***t) отпустили и отправили с такими же церемониями, с какими она была встречена». Д'Изарн узнал от Шальме, что один из вопросов, заданных ей, касался освобождения крестьян (*l'idée de donner la liberté aux paysans*). Шальме ответила: «Я думаю, Ваше Величество, что одна треть из них, может быть, оценит это благодеяние, а остальные две трети не поймут, пожалуй, что вы хотите сказать этим». «При этом, – сообщает далее д'Изарн, – Бонапарт понюхал табак, что он делал всегда, встречая какое-нибудь противоречие»¹.

«Описи...» прилагалась запись о том, что дама «была тайным агентом Наполеона» и имела в народе прозвище «Обер-Шельма». Вопрос о том, могла ли Обер-Шальме в действительности принадлежать к французской агентуре в Москве в историографии всерьез не рассматривался.

¹ Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1414–1416. Французский текст: [Ysarn deVillefort F.J.D.] Op. cit. P. 13–15. д'Изарн сообщает, вероятно, не на основе разговора с Обер-Шальме, а, как он пишет, благодаря «одному письму», найденному «в ее бумагах», что собеседница обратилась к Наполеону с просьбой избавить ее от преследований кредиторов, которым она в России и за границей задолжала 300 тыс. рублей. Обер-Шальме аргументировала тем, что «война заставила ее бросить в Москве состояние в 500 тыс. рублей и поэтому не сможет рассчитаться с кредиторами» (Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1414–1415; [Ysarn de Villefort F.J.D.] Op. cit. P. 14). Черновик письма к Наполеону с просьбой поместить в лицей двух сыновей, помочь возратить из русской ссылки мужа и компенсировать понесенные в Москве потери цитируется в: Письма А.Я. Булгакова к Наталье Васильевне Булгаковой // РА. 1865. Ч. 4. Ст. 705. Обер-Шальме последовала за Великой армией вместе со своими сыновьями, от которых, к сожалению, она в дороге оказалась оторвана. Перенесенные несчастья свели ее в могилу (она скончалась по дороге от тифа). Ее муж возвратился в Москву и продолжал жить там до 1826 г., когда и скончался в возрасте 54 лет.

А.Н. Попов дополняет этот разговор, правда, не совсем ясно, на основе каких источников. По его словам, Наполеон в ответ на заявление Обер-Шальме воскликнул: «Но речи и пример первых увлекут за собою и остальных». – «Ваше величество, можете ошибаться, – продолжала француженка, – здесь не то, что в полуденной Европе. Русский недоверчив, его трудно расшевелить. Дворяне не замедлят воспользоваться минутою колебания, и эти новые идеи будут представлены как безбожные и нечестивые. Увлечь ими чрезвычайно будет трудно, даже невозможно»¹.

Между тем Москва продолжала гореть. «Ночь с 16-го на 17-е, – писал 21 сентября Пейрюсс своему брату Андре, – разразилась новыми бедствиями; ничто не могло уберечься; пламя распространилось еще дальше на 4 лье. Небо было в огне»². 17-го пожар не утихал. Однако около 3-х часов дня начался сильный дождь, ветер утих, и сила огня в некоторых местах немного уменьшилась, но не везде³. Так, капитан Д. Риго, пробираясь через Москву после выполнения какого-то задания, с трудом находил путь среди огня: «...меня душили жестокий ветер, дым и разряженный вследствие огня воздух. Москва превратилась в бездну, в океан огня; пламя шло с севера к центру, и оно достигало самого неба; куски кровельного железа падали с колоколен и домов с грохотом на широкие мостовые, отдаваясь в горестном сердце...»⁴ Вьонне де Маренгоне также свидетельствует, что 17-го «ветер изменил направление и понес огонь к Кремлю». Частям Молодой гвардии, находившимся в центре города, был отдан приказ ограничиться «защитой Кремля и той части города, которая располагается у Кузнецкого моста, где жили иностранные купцы»⁵.

К вечеру того же дня генерал-адъютант Нарбонн с небольшим отрядом был отправлен из Петровского спасать от огня Слободской дворец (французские мемуаристы называли его исключительно Желтым дворцом). Отряд смог пробраться к дворцу, делая большие объезды из-за пожаров, только к 10 часам вечера. По дороге отряду попадалось «на улицах много вооруженных русских солдат, свобод-

---

¹ Попов А.Н. Французы в Москве. С. 83–84.

² Пейрюсс – брату Андре. 21 сентября // Peyrusse G.J. Op. cit. P. 97.

³ О том, что пожар уменьшился во второй половине дня 17-го, пишет Сюрюг, тонкий и точный свидетель. Но несомненно, что он, находясь возле церкви в Мясницкой части, где пожары усиленно тушились подразделениями Молодой гвардии, слабо представлял, что творилось в других частях города.

⁴ Rigau D. Op. cit. P. 60–61.

⁵ Vionnet de Maringoné L.J. Op. cit. P. 32.

но разгуливавших», немало было и русских раненых, старавшихся «укрыться от пламени». Была встречена «толпа жителей, нагрузивших на свои повозки все наиболее ценное, и которых наши солдаты грабили». Нарбонн дал этим жителям эскорт, чтобы они смогли выбраться со своим скарбом в пригород. Достигнув Желтого дворца, люди Нарбонна убедились, что его уже невозможно спасти. Полюбовавшись напоследок роскошью обстановки и «свернув множество картин», они вернулись в Петровское¹.

Вечером 17-го отправился с десятью солдатами в ночную экспедицию бравый Бургонь. Той ночью они расправились с несколькими «поджигателями», попытались спасти от огня 17 русских раненых, успешно боролись с огнем в кварталах Мясницкой части. Продолжал идти сильный дождь, но пожар не унимался².

В пламени московского пожара нашли свою смерть многие оставленные в городе русские раненые. Всюду шел разнузданный грабеж, активное участие в котором принимали как наполеоновские солдаты, так и московские люмпены, сбежавшие уголовники и брошенные на произвол судьбы раненые русские солдаты.

Особенно уязвимыми – как потенциальные и реальные жертвы грабежей – были московские иностранцы. А.-И. Розенштраух писал, что в те дни его знакомые г-н Кнауф и его жена были вчистую ограблены, «чему более всего способствовали их фабричные рабочие»³. Те из иностранцев, которые своевременно побеспокоились о защите от оккупационных властей, оказались в более благоприятном положении. Так, церковь Св. Людовика удалось спасти от огня благодаря роте фузилеров-гренадер, после чего вокруг нее стало скапливаться множество иностранцев-католиков⁴. Но и «московские французы» не всегда находили защиту у наполеоновских солдат. В ответ на просьбы Ф. д'Изарна о защите французский генерал заявил ему: «Какое мне дело, что вы французы!.. Что вы здесь делаете? Разве какой-нибудь (собака) француз не присоединится к нам! Вы эмигранты!» Вот чем меня угощали каждый день раз двадцать...»⁵

---

¹ Об этой экспедиции поведал Каstellан (Castellane E.V.E.V. Op. cit. P. 155–156). Он отметил, что не осведомлен об участии этих картин. Может быть, они оказались в багаже Нарбонна?

² Bourgoigne A.J.V.F. Op. cit. P. 27–33. В тексте воспоминаний (P. 27) явная описка. Последующие страницы (P. 33) свидетельствуют о том, что Бургонь и его товарищи отправились в экспедицию не в ночь на 17, а в ночь на 18 сентября.

³ Розенштраух И.-А. Указ. соч. С. 235.

⁴ Surugue A. Mil huit cent douze. P. 35–36.

⁵ Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1423.

Именно на эти дни – 3 (15), 4 (16) и 5 (17) сентября – приходится большинство свидетельств о насилиях оккупантов над женщинами. Неизвестный московский обыватель, дом которого сгорел, а сам он с матерью оказался в каком-то подвале, 4 (16) сентября был свидетелем, как наполеоновский солдат «старался всячески обольстить» девицу, бывшую там, «но не имел успеха; обратил мысли свои на служанку, оставя девицу, взял ее и сделал удовлетворение своим прихотям»¹. В тот же день, 4 (16) сентября, неприятельские солдаты надругались над молодой монахиней в Алексеевском монастыре². «Повторены здесь ужасные сцены робеспьерова времени, – писал неизвестный чиновнику Петербургского почтамта И.П. Оденталю. – Девочки 10 лет изнасилованы на улицах»³.

18 сентября дождь, начавшийся накануне, продолжал идти. Ветер заметно ослабел. «Наевшись, огонь уже не был столь значительным», – вспоминал тот день по горячим следам Пейрюсс⁴. Однако во многих районах огонь еще продолжался и даже «вспыхнул в нескольких местах» (Сюрюг). Ряд участников событий, находившихся 18-го в Москве, даже утверждали, что пожары тогда заметно усилились. Так, Вьонне де Маренгоне пишет, что ураган возобновился «с новой силой, так что было невозможно находиться на улицах и площадях. Я выглядывал в окно, изучая картину, которую стал представлять город...» В этот день Вьонне де Маренгоне сам арестовал человека, который пытался поджечь дом, в котором расположился офицер. Вьонне де Маренгоне не стал его расстреливать и приказал препроводить в тюрьму⁵. Сохранить дом все же не удалось⁶.

---

¹ Долгова С.Г. Указ. соч. С. 43.

² Толычева Т. Указ. соч. 1912. С. 104.

³ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 252.

⁴ Пейрюсс – брату Андре. 21 сентября 1812 г. // Peyrusse G.J. Op. cit. P. 97.

⁵ Vionnet de Maringoné L.J. Op. cit. P. 31.

⁶ После этого Вьонне перебрался в дом сенатора Нелединского-Мелецкого. Вселившись туда (вероятно, во второй половине дня 18-го), Вьонне потребовал от дворецкого, который немного говорил по-французски, вина. Тот ответил, что почти ничего не осталось, за исключением 28 бутылок, находящихся в погребе. На следующее утро – 19 сентября – люди Вьонне де Маренгоне сообщили, что дворецкий исчез вместе с вином и другими вещами (Vionnet de Maringoné L.J. Op. cit. P. 32–33). Бургонь также сообщает, что 18 сентября его части (полк фузилеров-гренадер) были отведены квартиры, расположенные «недалеко от первой ограды Кремля, на прекрасной улице, большая часть которой была спасена от огня. Для нашей роты отвели боль-

Ларрей, главный хирург Великой армии, занятый устройством госпиталей, также не уезжал из Москвы в Петровское. Свою квартиру он расположил «в уединенном каменном доме, стоявшем во французском квартале [то есть в Мясницкой части. – В. З.] недалеко от Кремля». Оттуда он и наблюдал «ужасный пожар»¹. Тем не менее, хотя 18 сентября сильные пожары продолжались, и сохранялась явная угроза их нового усиления, император решил возвратиться в Кремль.

Утро 18 сентября было хмурым. Продолжал идти дождь. Несмотря на это Москва все еще горела. Гарь, липкая грязь и зловоние заполнили полуразрушенные улицы Москвы и окрестности города. Благодаря дневнику, который вел обер-штальмейстер императора, мы и в этот раз с большой долей точности можем сказать, что около 9 часов утра Наполеон сел на жеребца по имени Моску (*le Moscou* – Москва!) и двинулся из Петровского по направлению к городу². Он был в обычном сером рединготе и черной шляпе, его окружала большая свита и дежурные эскадроны. «Император возвратился из Петровского в Кремль в ожидании предложений о мире, на который все еще надеялся»³. Эта фраза командира 4-го линейного полка Монтеस्कё Фезенсака удивительно емко, хотя и оставляя в стороне нюансы, выразила главный смысл происшедшего события. «...Он уверял себя, – писал об этом Сегюр, – что два таких великих имени, как *Наполеон* и *Москва*, соединенные вместе, окажутся достаточными для завершения всего. Поэтому он решил вернуться в Кремль...»⁴ Наполеон как победитель должен был находиться в завоеванной столице, в самом ее сердце, в Кремле.

Первоначальный путь Наполеона по выезде из Петровского пролегал до Тверской заставы среди биваков 4-го армейского корпуса. Вице-король Эжен Богарнэ был среди тех, кто сопровождал императора в тот день. Именно об этом участке пути нам поведал Сегюр:

шое кафе, где в одной из зал было два бильярда, а для нас, унтер-офицеров, [отвели] дом одного боярина, примыкавший к первому. Наши солдаты разобрали бильярды на много частей; некоторые из сукна сделали себе шинели» (*Bourgogne* A.J.V.F. Op. cit. P. 33).

¹ Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 1. С. 311. Ларрей писал жене 18 сентября 1812 г.: «Вынужден был день и ночь [находиться] на ногах, чтобы следить за распространением пожара и сохранять от него моё жилище» (*Lettres inedites du baron Dominique Larrey*. Л. 29).

² «Дорожный дневник Коленкура» // *Caulaincourt* A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 19. Note 1.

³ *Fezensac* R.A.P.J. Op. cit. P. 56.

⁴ *Ségur* Ph.P. *La Campagne de Russie*. P. 191.

«Лагерь, через который ему [Наполеону. – В. З.] надо было проехать, чтобы достигнуть Кремля, имел странный вид. Он находился среди поля, покрытого густой холодной грязью. Везде были разведены большие костры из мебели красного дерева, оконных рам и золоченых дверей, и вокруг этих костров, на тонкой подстилке из мокрой и грязной соломы, под защитой нескольких досок, солдаты и офицеры, выпачканные в грязи и почерневшие от дыма, сидели или лежали в креслах и на диванах, крытых шелком. У ног их валялись груды кашемировых шалей, драгоценных сибирских мехов, затканых золотом персидских материй, и перед ними стояли серебряные блюда, из которых они должны были есть лепешки из черного теста, испеченные под пеплом, и наполовину изжаренное и еще кровавое лошадиное мясо. Странная смесь изобилия и нужды, богатства и грязи, роскоши и бедности! Между лагерями и городом постоянно встречались толпы солдат, тащивших добычу или гнавших перед собой, точно выючных животных, мужиков, нагруженных добром, награбленном в их же столице»¹. «Вступив в город, – продолжает далее Сегюр, – император был поражен еще более странным зрелищем. От всей огромной Москвы оставалось только несколько разбросанных домов, стоявших среди развалин! Запах, издаваемый этим поверженным колоссом, сожженным и обуглившимся, был очень неприятен. Горы пепла и местами оставшиеся стоять остовы стен и полуразрушенные столбы были единственными признаками пролежавших здесь улиц. Предместья были заполнены русскими мужчинами и женщинами в полуобгоревшей одежде. Они блуждали, точно призраки, среди развалин». И далее: «Все дороги были загромождены; площади, как и лагеря, превратились в базары, где происходила меновая торговля...»²

Описание Сегюра является отнюдь не плодом поэтического воображения. «Счастливы те, кто не видел этого ужасного зрелища, этой картины разрушения», – сдержанно сообщает Коленкур, который сопровождал императора, о том возвращении в Москву³. Рядом с императором ехал и Богарнэ. «Город почти полностью превращен в пепел», – написал он вечером того же дня жене. «Ты не можешь представить того ужасного спектакля, который мы наблюдали своими глазами во время этого пожара. Хорошо, если в

---

¹ Ségur Ph.P. La Campagne de Russie. P. 191–192. Цитируя данный отрывок, мы воспользовались переводом русского издания: Граф де-Сегюр. Поход в Россию. М., 2002. С. 140.

² Ségur Ph.P. La Campagne de Russie. P. 193–194.

³ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 21.

городе осталось 80 [так в тексте. – В. З.] из 100 000 жителей. Они здесь без пищи, без одежды, без того, чтобы укрыть свои головы в момент, когда придет то время года, которое здесь столь сурово; это внушает ужас!»¹

Въехав в город через Тверскую заставу, император проследовал по Тверской-Ямской и Тверской до Страстной площади, на которой, повешенные на деревьях, болтались трупы «поджигателей», затем – по Тверской улице – до Кремля, в который въехал скорее всего через Никольские ворота. Судя по записям Коленкура, в Кремле император оставался недолго. Он пересел с Москву на жеребца Варшава (le Varsovie) и вновь отправился в город². Его путь лежал в совершенно сгоревшую Арбатскую часть. Но, вероятно, еще не доехав до пепелища Арбатского театра, который находился у Арбатских ворот, он свернул вправо – достиг менее пострадавшей Тверской части, а затем въехал в хорошо сохранившуюся Мясницкую часть. Возможно, здесь, а возможно, и ранее – по дороге из Петровского, император встретил толпу беженцев из числа московских иностранцев. Им удалось обратить на себя внимание императора, и Наполеон отдал приказ обеспечить их кровом и питанием. По утверждению Фэна, Наполеон распорядился, помимо этого, предоставить им первую помощь в 50 тыс. рублей³. Эта миссия была возложена на аудитора Государственного совета г-на Буша, который, как говорит Фэн, был известен своим религиозным усердием. Объехав окрестности Кремля с севера, Наполеон оказался у каменного Москворецкого моста. Император въехал на него, но затем почти сразу возвратился на северный берег и двинулся по набережной в сторону Яузы⁴.

«Император проезжал по большой набережной Москвы-реки, – пишет Фэн, – и среди этих сцен боли он увидел, что Воспитательный дом остался цел. Он обратился к своему секретарю-переводчику Лелорню [по русской версии – к генерал-интенданту М. Дюма. – В. З.]. “Поезжайте и посмотрите от моего имени, – сказал он, – что случилось с этими маленькими несчастными”»⁵. Это событие будет иметь в дальнейшем важные последствия.

---

¹ Богарнэ – жене. Москва, 18 октября 1812 г., вечером // [Du Casse A.] Op. cit. P. 48.

² Дорожный дневник Коленкура // Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 19. Note 1.

³ Fain A.J.F. Op. cit. P. 99. Сюрюг сообщает, что помощь равнялась примерно 90 рублям каждому.

⁴ Дорожный дневник Коленкура // Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 19. Note 1; Fain A.J.F. Op. cit. P. 99.

⁵ Fain A.J.F. Op. cit. P. 99. Согласно версии Тутолмина, Наполеон отправил тогда в Воспитательный дом не Лелорня д’Идевиля, а генерал-интендан-

Миновав квартал Воспитательного дома, Наполеон пересек Яузский мост и двинулся к Петровской заставе. Выехав за Камерколлежский вал, он поехал вдоль его на север и, либо через Рогожскую заставу, либо через Проломную, снова въехал в город. Дальше его путь лежал к двум большим военным госпиталям – Лефортовскому и Екатерининскому (Головинскому) дворцам. Император решил их не посещать, но выслушал доклад о их состоянии. Основную массу больных и раненых здесь составляли русские – практически без медицинского присмотра и средств к существованию. Затем император пересек каменный Дворцовый мост и проехал возле сгоревшего накануне Слободского (Желтого) дворца. После этого двинулся ближайшей дорогой к Кремлю, куда и прибыл в 4 часа вечера¹.

К тому времени части Старой гвардии, находившиеся с императором в Петровском, также возвратились в Кремль. Фантэн дез Одоард записал в дневнике, что гвардия прошла «вдоль куч руин и пепла» и вновь расположилась в Кремле². Вернулись из Петровского в Москву и многочисленные службы. «Мы возвратились в город, – пишет интендантский чиновник Проспер своему отчиму, – и не увидели ничего, кроме развалин и пепла». И далее: «Бульвары, где можно было увидеть самых хорошеньких жительниц, уничтожены. Большой деревянный театр разрушен, как и множество огромных зданий»³. Заселился «в один из домов напротив Кремля» префект двора Боссе⁴. Пейрюсс «возвратился в Кремль, в (...) жилище, перед которым лестница со львами (l'escalier des Lions)»⁵. «Я возвратился, – записал в дневник Каstellан, – в новое помещение прямо напротив старого, сожженного накануне. Этот дом принадлежал графу Каменскому [вероятно, дом на Зубовском бульваре. – В. З.], судя по любовным письмам, оставленным в его библиотеке. Невозможно

та М. Дюма (Московский воспитательный дом в 1812 году // РА. 1900. № 11. С. 459). Наполеон осматривал этот район города и был у Воспитательного дома еще 15 сентября. Днем ранее, 14 сентября, генерал Дюронель выделил для охраны Воспитательного дома 12 жандармов при одном офицере, что помогло спасти здание (за исключением аптеки, конюшен, сараев, погребов и заборов) от пожаров.

¹ Дорожный дневник Коленкура // Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 2. Р. 19. Note 1. Какой именно дорогой Наполеон возвратился в Кремль, неизвестно.

² Fantin des Odoards L.F. Op. cit. Р. 335.

³ Проспер – отчиму. Москва, 15 октября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 282; Lettres interceptées. Р. 149.

⁴ Французы в России. Ч. 1. С. 313–314.

⁵ Peygusse G.J. Op. cit. Р. 99.

объясниться с рабами, и [поэтому] очень трудно открыть имя владельца. Я провел утро в попытках спасти дрожки (droshki) из пламени. Приобрел новую меховую шубу. Приходится покупать у солдата, если хочешь что-либо иметь. Они вытаскивают все из огня; это в какой-то мере оправдывает их грабеж. Ресурсы Москвы неисчислимы; в домах имеется провизии на 8 месяцев, вино в изобилии. Поэтому все наши солдаты пьянствуют: видно, как на улицах, во всю длину, они расположились вокруг больших банок варенья. Они вокруг себя бьют стекло, сидят [вокруг этих банок,] как вокруг котла, окруженные толпой винных бутылок и великодушно предлагают [их] проходящим». «Император разместился во дворце Кремля, хорошо защищенном... Москва имеет, хотя она не более чем груда развалин, 40 верст в окружности, или 11 лье. Кремль хорошо сохранился»¹.

18 сентября маршал Ф.Ж. Лефевр отдал приказ по Старой гвардии: «Гвардия возвращается в Кремль на свои прежние квартиры...» Теперь порядок ее службы становится жестким. Открытыми оставались, как полагаем, только двое ворот (Никольские и Троицкие); каждые ворота должны были теперь охраняться 100 солдатами гвардии, в самих воротах поставили по двое часовых. «Четверо других ворот» распорядились не только забаррикадировать, но и разместить рядом с ними пост в 8 человек с сержантом. Особо было приказано «не позволять входить никакому русскому в Кремль под каким-либо предлогом, даже если он в сопровождении офицера или слуги [императорской] квартиры, за исключением случая, когда этого требует Его величество. Если же, вопреки инструкции, какой-либо русский попытается проникнуть в крепость, открывать по нему огонь». Сам Кремль должен был без перерыва патрулироваться. На всех углах и на крепостной стене было приказано разместить посты и караульные кордоны. Служба ночью и днем должна была производиться как на военном объекте (une place de guerre). Гвардейцам было строго запрещено покидать Кремль без письменного разрешения капитана своей роты или, в особых случаях, другого капитана. Огонь можно было теперь разводить только в месте, специально для этого отведенном в лощине или яме под кухню. Уборные предписывалось вычищать; «делать грязь в другом месте» запрещалось. Так как на территории Кремля накопилось огромное количество поломанных экипажей, ящиков и прочего, все это следовало убрать и «свалить в ямы». Предписывалось выделить 200 рабочих для выполнения первоочередных работ совместно с ротой са-

---

¹ Castellane E.V.E.B. Op. cit. P. 156–157.

перов генерала Ж.Б. Эбле (начальника понтонных экипажей Великой армии)¹.

Сразу или вскоре после возвращения в Кремль Наполеон, под впечатлением поездки, пишет Марии-Луизе письмо: «Мой друг, я [пишу] тебе уже из Москвы. У меня не было представления об этом городе. В нем 500 дворцов столь же прекрасных, как Елисейский дворец Наполеона (l'Élisée Napoléon), обставленных по-французски с невероятной роскошью, многочисленные императорские дворцы, казармы, восхитительные госпитали. Все исчезло, огонь пожрал в течение четырех дней. Так как все маленькие дома буржуа из дерева, все вспыхнуло как спичка. Это губернатор и русские, которые в ярости от того, что побеждены, подожгли этот прекрасный город. 200 000 добрых жителей в отчаянии на улицах, в нищете. Между тем для армии осталось довольно, и армия нашла много богатств разного рода, так как в этом беспорядке все занимаются грабежом. Эта потеря неизмерима для России, понятно, что ее торговля в состоянии великого потрясения. Эти мерзавцы приняли меры вплоть до того, чтобы вывезти или испортить насосы. Мой насморк закончился, мое здоровье в порядке. До свидания, мой друг. Всего тебе хорошего»².

Через несколько часов после того, как Наполеон закончил это письмо, он получил послание от Марии-Луизы от 2 сентября. Император снова набросал жене несколько строк о своей недавней поездке по Москве: «Я посетил сегодня все кварталы. Город прекрасен. Россия в огне понесла неисчислимые потери, осталось не более трети домов. Солдат хорошо находит провизию и предметы торговли, у него есть съестные припасы и водка из Франции в большом количестве. Мое здоровье в порядке»³.

Весь вечер Наполеон энергично работал. Он решил восполнить потери своей артиллерии за счет того, что было найдено в Москве. Министру внешних сношений Маре Наполеон написал, что «враг отступает к Волге» и что в Москве найдены значительные запасы. Завершалось письмо строчками: «Россия долго не восстановит потерю того, чего лишилась. Ее можно исчислить в миллиард»⁴.

---

¹ Приказ дня по Старой гвардии. 18 сентября 1812 г. // *Carnet de la Sabretache*. № 93. P. 575–576.

² Наполеон– Марии-Луизе. 18 сентября 1812 г. // *Lettres inédites de Napoléon Ier à Marie-Louise*. P. 78–79.

³ Наполеон – Марии-Луизе. 18 сентября 1812 г., 8 часов вечера // *Ibid.* P. 79–80.

⁴ Наполеон – Маре. Москва, 18 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. T. 24. № 19208. P. 219.

«Пожар города был очень сильным, – отписал Наполеон архиканцлеру Ж.Ж.Р. Камбасересу. – Я объехал сегодня главные кварталы, это был грандиозный город. Я говорю так, ибо на сегодня более половины его уничтожено». Однако, как писал император далее, в погребях сохранилось много вина и водки. «Я расположился во дворце царей, в Кремле, который представляет собой цитадель, защищенную высокими стенами в 1500 или 1800 туазов в окружности»¹.

Вспомнил Наполеон и о московских иностранцах, пострадавших во время пожара. Правда, в письме к Бертье он пишет почему-то только о «французах»: «Всех французов, которые живут в Москве, – мужчин, женщин и детей, и которые остались без крова, разместить в доме возле Кремля. Три синдика назначаются для исполнения и контроля; обеспечить рационами. Обеспечить работой тех, кто в состоянии работать, и уход за всеми остальными»².

И все же главным событием в тот вечер (либо утром следующего дня) было решение вступить через главного надзирателя Воспитательного дома Тутолмина в переговоры с русским императором Александром. Проезжая возле сохранившегося от пожара Воспитательного дома около 2-х часов дня, Наполеон отправил туда генерал-интенданта Дюма. Дюма, подскакав к дому, осведомился, где находится его начальник. Тутолмин, оказавшийся рядом, как он о себе написал, «в бессменной страже», сразу узнал Дюма, поскольку последний уже приезжал в Воспитательный дом, по-видимому, 15 сентября и распорядился тогда строить возле лабазов «печи для печения хлебов»³. Когда Тутолмин осведомился о цели визита генерал-интенданта, Дюма сказал, что он прислан «от императора и короля», который «приказал благодарить за труд и за спасение дома». Здесь же добавил, что «его величеству угодно с вами лично познакомиться». На этом разговор закончился.

На следующий день, 19 сентября, состоялась встреча Тутолмина с Наполеоном, в ходе которой император предложил главному надзирателю отправить Александру I рапорт с описанием произошедшего в Москве за последние дни. Иван Акинфиевич на это согласился.

---

¹ Наполеон – Камбасересу. Москва, 18 сентября 1812 г. // *Napoléon Bonaparte. Correspondance générale*. № 31729. P. 1100.

² Наполеон – Бертье. Москва, 18 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. Т. 24. № 19209. P. 219.

³ Донесение И.А. Тутолмина императрице Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. // *РА*. 1900. № 11. С. 463. Тутолмин относит первый визит Дюма к 3 сентября (ст. ст.), что, по-видимому, верно.

Эта первая попытка Наполеона начать мирные переговоры с Петербургом довольно примечательна. Французский император искал пока косвенные пути для вступления в переговоры, полагая, что Александр, возможно, только ждет повода, и любой миролюбивый знак со стороны Наполеона даст ему возможность это сделать. Наполеон явно исходил из убеждения о непричастности Александра к московским пожарам и пытался использовать случай, чтобы открыть русскому императору глаза на преступления, совершенные сторонниками «партии войны». Наконец, очевидно, что все эти расчеты Наполеона строились на полной уверенности в том, что он абсолютно постиг характер русского императора, а тот, ужаснувшись трагедии, обрушившейся на страну, желает скорейшего окончания затянувшейся войны.

Второй демарш, предпринятый Наполеоном в поисках мира, оказался более решительным, и сделан он был через отставного гвардии капитана Ивана Алексеевича Яковлева 20 сентября.

Как известно, Иван Алексеевич Яковлев, «московский барин и оригинал», как охарактеризовал его Е.В. Тарле, пытаясь выехать из растерзанной Москвы, обратился к случайно встретившемуся ему штабному полковнику, начальнику штаба Молодой гвардии Л.А.Р. Мейнадье (Meunadiés или Meunadier). Тот ответил, что пропуск на выезд из Москвы ему может дать только московский генерал-губернатор Мортье. Благодаря Мейнадье Яковлев был принят Мортье, который, в свою очередь, запросил разрешения у императора.

Наполеону была знакома фамилия Яковлева, так как родной брат Ивана Алексеевича Лев Алексеевич Яковлев (1764–1839), чрезвычайный посланник и полномочный министр, с 1810 г. находился при вестфальском короле. Император тотчас приказал Лелорню д'Идевилю доставить Яковлева в Кремль. Попытаемся воспроизвести содержание беседы, опираясь как на свидетельства Фэна, так и на записку самого Яковлева. Беседа от начала до конца была хорошо разыграна Наполеоном. Проходила она все в том же Тронном зале Кремлевского дворца, в котором император беседовал с Тутолминим. Сделав знак Лелорню остаться, Наполеон с ходу начал с горячностью укорять русских в поджоге Москвы. «Мои войска занимали почти все европейские столицы, но я не жег ни одной из них. — Передает его слова Яковлев. — Во всю мою жизнь я сжег один только город, в Италии, да и то случайно в пылу сраженья, кипевшего на улицах. А вы сами решились сжечь Москву, Москву священную, Москву, где покоится прах всех предков царей ваших». Яковлев, будучи сам жертвой пожара, с готовностью разделил негодование

Наполеона и, согласно Фэну, сразу стал осуждать бесчеловечность Ростопчина. Согласно же тексту своей записки, он ответил, что не знает виновника несчастий, и тогда Наполеон, обратившись к Лелорню, как будто не слышав ранее имени Ростопчина, спросил: «Да кто же у них губернатор в Москве?» Услышав имя Ростопчина, император начал расспрашивать о нем у Яковлева. По словам последнего, Наполеон, назвав Ростопчина сумасшедшим, затем рассыпался в комплиментах по поводу того, что Россия «прекраснейшая страна», и далее заговорил о необходимости положить конец кровопролитию. Со слов же Фэна, который, вне сомнения, получил информацию от присутствовавшего при встрече Лелорня д'Идевиля, слово «мир» первым произнес растроганный Яковлев. Наполеон с готовностью заявил, что готов пойти на мир. «Я подпишу мир в Москве, как я уже делал это в Вене, в Берлине... – так пишет Фэн. – Я не для того, чтобы здесь остаться, я бы не сделал этого [то есть не дошел бы до Москвы. – В. З.], если бы меня не заставили. Поле битвы могло бы быть в Литве, где бы и решился спор; зачем надо было отступать? Эта война обостряется из-за упорства, которое не нужно ни Александру, ни мне. Обманывая вашего императора, англичане наносят по России удар, из-за которого она долго будет истекать кровью. После Смоленска я не проходил ни одного города, ни одной деревни, которые бы не были в пламени. Ваш патриотизм есть не что иное, как бешенство. Петр Великий сам называл вас варварами; и что бы он сказал, вдыхая пепел Москвы? Горячка Ростопчина стоила вам дороже, чем десять сражений. Впрочем, ради чего этот пожар? Разве я не нахожусь все время в Кремле? Разве не осталось вокруг меня достаточно домов для моих генералов? Разве мои солдаты не находят все, что нужно в покинутых погребках? Более того, я не вижу ничего, что бы заставило меня остаться в вашей столице. Я бы остановился у ворот, я бы построил казармы для моей армии у предместьев, я бы объявил Москву нейтральным городом, если бы Александр сказал мне хоть одно слово! Этого слова я ожидал много часов; я так его желал; хотя бы шаг, первый шаг, со стороны Александра будет мне доказательством того, что в глубине его сердца осталась какая-то привязанность ко мне. С этого времени мир может быть быстро заключен между нами и без промедления; он может быть таким, как в Тильзите, когда были жестокие заблуждения на мой счет, и все вскоре забылось!.. Вместо этого вы видите, в каком мы положении! Сколько пролито крови! Что до меня, то [я думаю, что] вина была с обеих сторон!»

Мы сознательно передаем эту часть разговора на основе материалов Фэна. Его изложение, если опустить некоторые детали, кажется нам достаточно убедительным и прекрасно передает энергию, напор

и риторику императора Наполеона. Добавим только две детали, о которых говорит Яковлев и которых нет у Фэна. Во-первых, Наполеон выразил надежду, что Александр даст ему знать, что желает мира, и тогда тотчас же к нему будут посланы Нарбонн или Лористон; но, если русский император желает войны, французские войска могут двинуться на Петербург, который в таком случае «подвергнется одной участи с Москвою». Во-вторых, Яковлев уверяет, что смог вклиниться в рассуждения Наполеона, когда тот остановился понюхать табак, и спросил, где находится главная русская армия и где граф Витгенштейн. Наполеон ответил, что главная русская армия на Рязанской дороге, а Витгенштейн – в направлении Петербурга, но он совершенно разбит Сен-Сиром. В остальном Яковлеву не удалось добавить чего-то принципиально нового к тексту Фэна.

Вернемся к версии Фэна (а может, Лелорня д'Идевиля?). Услышав предложение Яковлева, Наполеон задумался, прошелся в молчании, затем сказал: «Если я напишу, доставите ли вы мое письмо, и могу ли я быть уверенным, что оно будет вручено Александру в собственные руки (à lui-même)?» Последние слова Наполеон произнес с особенным ударением. «В этом случае я могу вас выпустить... Но есть ли у вас средства доставить его вашему суверену, и как вы мне сообщите о моем письме?» Яковлев поручился это сделать.

Впоследствии Яковлев представил это иначе. Он написал, будто заявил Наполеону, что ни по своему званию, ни по своему положению не имеет права надеяться быть представленным государю. Наполеон же убеждал, что это возможно – через обращение к гофмаршалу графу Толстому; приказав камердинеру доложить о себе; наконец, встретив государя во время прогулки. Яковлев в ответ на это произнес: «Теперь я во власти вашей, но я поданный *Императора Александра* и останусь им до последней капли крови. Не требуйте от меня того, чего я не смею вам обещать». После этого, как утверждает Яковлев, Наполеон решил написать Александру письмо и даже изложил его содержание: в нем была готовность к миру¹.

В течение ночи Наполеон подготовил письмо, и утром следующего дня оно через Лелорня было отправлено к Яковлеву, который тотчас же стал собираться в дорогу и выступил в полдень. Пешком, вместе со своими домочадцами и сотней крестьян, у которых тоже были семьи (так что в общей сложности набралось до 500 человек!), Яковлев к вечеру того же дня, миновав передовые посты французского 4-го армейского корпуса, вышел по Тверской дороге к Черной

---

¹ Fain A.J.F. Op. cit. P. 103–106; Яковлев И.А. Указ. соч. Ст. 1062–1066.

грязи. Там он представился полковнику В.Д. Иловайскому. На другой день его доставили к генералу Ф. Винцингероде, а уже затем отправили в Петербург. Яковлев не удостоился встречи с государем – граф А.А. Аракчеев сразу отправил его под арест, но письмо Наполеона было доставлено по назначению.

Как мы видим, по возвращении Наполеона в Кремль из Петровского главной его заботой стал вопрос о перспективах скорейшего заключения мира. Встреча с Тутолминым, а затем с Яковлевым и подготовка письма к Александру I от 20 сентября стали важными шагами в этом направлении. Однако, как хорошо понимал Наполеон, сожжение русской столицы стало серьезным, а возможно даже, и непреодолимым препятствием для начала мирных переговоров. Крайне важно было отвести от себя любые подозрения в организации московских поджогов. «Сразу по возвращении в Москву, – писал Коленкур, – император занялся поиском способов снять с французской армии в глазах Петербурга ответственность за пожар Москвы...»¹ Ответственность за это следовало возложить на местные власти в лице главнокомандующего Москвы Ростопчина.

В те дни Наполеон вряд ли сомневался, что сам Александр не мог отдать приказа уничтожить первопрестольную столицу и что это является делом рук «английской партии», к которой, по всей видимости, относился и Ростопчин. Важнейшим элементом в кампании по оправданию собственных действий и по дискредитации «английской партии», как в глазах европейцев, так и русского императора, должен был стать показательный процесс над «поджигателями». «Император считал (впоследствии он подтвердил это в разговоре со мной), – сообщает Коленкур, – что его демарш (предпринятый, помимо всего остального, с целью принципиально установить, что французы ни в коей мере не причастны к пожару Москвы и даже сделали все возможное для его прекращения) доказывает его готовность к соглашению, и, следовательно, из Петербурга последует ответ и даже предложение мира»². Процесс, вероятно, должен был преследовать и еще одну немаловажную цель: наладить контакт с оставшимся в Москве местным населением. «Предполагается, – записал в дневнике Фантэн дез Одоард, – что это неотвратимое решение [процесса] по поводу пожара откроет тайну для большей части [московских] жителей...»³

Вероятно, еще до того, как состоялся процесс, было приказано всем оставшимся в Москве жителям явиться к военному коменданту

---

¹ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 20.

² Ibid. P. 25.

³ Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 336.

одного из районов с целью регистрации (по всей видимости, предполагалось, что ему будет выдан специальный пропуск); в противном случае любому жителю будет грозить расстрел; одновременно был подтвержден приказ от 15 сентября о том, что любое лицо, застигнутое с факелом (*la torche*) в руке, подлежит смерти¹.

20 сентября (то есть в тот же день, которым было помечено письмо Наполеона Александру I) французский император продиктовал 21-й бюллетень Великой армии. В нем говорилось о том, что «три сотни поджигателей [в письме Александру I было написано о четырехстах поджигателях. – В. З.] были арестованы и расстреляны; они были снабжены снарядами в 6 дюймов, закрепленными между двумя кусками дерева», а также иными зажигательными средствами, которые они бросали на кровли домов. С деланным возмущением автор бюллетеня утверждал, что в то время как Ростопчин увозил насосы из города, он оставил там 60 тыс. ружей, 150 артиллерийских стволов, более 100 тыс. снарядов, 1 млн 500 тыс. патронов, 400 тыс. фунтов пороха, 400 тыс. фунтов селитры и серы. «Этого достаточно, – говорилось в бюллетене, – чтобы обеспечить две кампании». В заключение в бюллетене констатировалось, что «пожар столицы отбросил Россию на сто лет»².

Как видим, пропагандистская машина Наполеона заработала очень активно. 21 сентября Наполеон пишет императрице Марии-Луизе письмо (до этого он писал ей только 18 сентября). Он просит ее, во-первых, написать своему отцу австрийскому императору Францу I об оптимизме, который, как можно понять, испытывает ее муж, находящийся в Москве, и, во-вторых, передать Наполеону слухи, которые ходят в Париже по поводу последних событий в России³. О происходящих в Москве расстрелах русских «поджигателей» Наполеон сообщил Марии-Луизе 23 сентября, сделав это в очень своеобразной манере: «Здесь все хорошо, зной стал умеренным, погода хорошая, мы расстреляли столько поджигателей, что он [пожар. – В. З.] закончился»⁴.

---

¹ О данном приказе, отданном Наполеоном по возвращении из Петровского, сообщает только Пьон де Лош (Pion des Loches A.A. Op. cit. P. 131). По-видимому, первый пункт приказа оказался просто невыполнимым и о нем «забыли». Примечательно, что французское слово *la torche* означает не только факел, но и пучок соломы.

² 21-й бюллетень Великой армии. Москва, 20 сентября 1812 г. // Napoléon I. Œuvres de Napoléon I. P. 65–66.

³ Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 21 сентября 1812 г. // Napoléon I. Lettres inédits de Napoléon. P. 81

⁴ Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 23 сентября 1812 г. // Ibid. P. 82.

К 23 сентября уже все было готово к показательному процессу. В тот день Пейрюсс, казначей в администрации Главной квартиры Великой армии, записал в дневнике: «Невозможно, чтобы Его величество оставался далее безучастным наблюдателем этого ужасного опустошения. После обысков захвачено 26 наиболее усердствовавших поджигателей. Назначена комиссия для проведения над ними процесса»¹. На другой день, 24 сентября, не зная о том, что процесс, возможно, уже состоялся, Фантэн дез Одоард сделал в дневнике следующую запись: «Пусть Европа думает, что французы сожгли Москву, и, может быть, история выполнит свой долг в отношении этого акта вандализма. Между тем правда в том, что этот великий город не имеет отца, чья рука была обязана его защитить. Ростопчин, его губернатор, хладнокровно подготовил и принес жертву. Его помощниками была тысяча каторжников, освобожденных для этой цели, и всем этим преступникам было обещано прощение, если они сожгут Москву. Опыленные водкой и снабженные зажигательным материалом, также запуская конгривные ракеты, бешеные подняли руку на плоды труда с адской радостью. (...) Схвачено и заключено под стражу немало этих злоумышленников. Я остановил [одного из них] своей собственной рукой в тот момент, когда он проскальзывал в Кремль, и я нашел в его карманах вещественные доказательства: фитили, фосфор и огниво»². И далее: «Эти “порядочные” люди должны быть судимы как поджигатели, и скоро наша военная юстиция уплатит им причитающийся долг за их верность [своему] начальнику Ростопчину»³.

В сущности, решения этого «суда» были уже predetermined, и цель его проведения была хорошо понятна даже офицерам французской армии.

Заседание Военной комиссии по делу «поджигателей», учрежденной приказом маршала Бертье, состоялось 24 сентября в доме кн. Долгоруковых⁴. Вся (или почти вся) информация о заседании Военной комиссии исходит от текста ее постановления, опубликованного в «Монитёр» от 29 октября 1812 г. (№ 303). Помимо этого, есть копии текста постановления, которые имеют, по-видимому,

---

¹ Peyrusse G.J. Op. cit. P. 102.

² Вероятно, о поимке именно этого русского, проникшего в Кремль в ночь с 23 на 24 сентября, упоминается в приказе от 24 сентября за подписью маршала Лефевра (Приказ дня. 24 сентября 1812 г. // Extraits du livre d'ordres... (Carnet de la Sabretache. 1900. № 95. P. 687)). Нет ли имени этого человека среди тех десяти русских, приговоренных на процессе к смерти?

³ Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 336.

⁴ Ныне ул. Покровка, 4.

иное происхождение, так как оккупанты попытались предать информацию как можно более широкой огласке. Причем все тексты, в целях демонстрации объективности суда, были на французском и русском языках¹. Кроме того, о ходе и постановлении процесса имеется косвенная информация, исходящая из воспоминаний капитана гвардейской артиллерии Пьон де Лоша и 18-страничной брошюры участника русского похода Шамбрэ, опубликованной в 1823 г. в ответ на «Правду о пожаре Москвы» Ростопчина². При этом Шамбрэ, вступив в спор с Ростопчиным, рассказал о деталях экзекуции над приговоренными судом к смерти³.

Слушалось дело о пожарах в г. Москве 14, 15, 16, 17 и 18 сентября 1812 г. После чтения бумаг докладчиком Вебером⁴ привели обвиняемых числом 26. Особо подчеркивалось, что их «привели свободно, без оков». Комиссия выслушала доказательства, затем самих обвиняемых. В тексте постановления совершенно не говорится, что именно отвечали обвиняемые, но Шамбрэ утверждает, что некоторые из них заявили, что разводили огонь по приказу, не желая или будучи не в состоянии объяснить больше; другие говорили, что делали это по приказу агентов полиции⁵. Обвиняемым приносили «разные вещи, употребляемые к зажиганию, как то: фитили, ракеты, фосфорные замки, серу и другие зажигательные составы, найденные частью при обвиненных, а частью подложенных нарочно во многих местах». Как можно понять, далее комиссия совещалась, принимала постановле-

---

¹ Мы воспользовались текстами, находящимися в: ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 19–34 об.; ОР РНБ. Ф. 859. К. 6. № 6. Л. 84–89; Процесс так называемых московских зажигателей 1812 г. / Публ. М.П. Погодина // Москвитянин. 1843. Ч. 5. № 10. С. 392–402; Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 130–139, а также изложением «Журнала заседания Комиссии военного суда о московском пожаре», сделанным М.И. Богдановичем (Богданович М.И. Указ. соч. С. 309–310, 600–601. Примеч. 8), как можно понять, непосредственно из «Монитёра».

² Piondes Loches A.A. Op. cit. P. 131; [Chambray G.] Réponse de l'auteur de l'Histoire de l'expédition de Russie, a la brochure de M. le comte Rostopchin, intitulée: La vérité sur l'incendie de Moscou. P., 1823.

³ Ростопчин в «Правде...» уверял, что в его руках был некий печатный экземпляр приговора суда над «поджигателями», которых, по его словам, было тридцать человек (Rostopchine F.V. Op. cit. P. 9).

⁴ Шамбрэ сообщает, что среди прочего Вебер поведал, будто некоторые из обвиняемых были схвачены в тот момент, когда разводили огонь на крышах и между досок хлебных амбаров, и что это объясняет, почему огонь начинался часто с кровли. Вебер такие очаги пожаров находил лично ([Chambray G.] Réponse de... P. 7–8).

⁵ Ibid. P. 8.

ние и выносила приговор – уже без обвиняемых, при закрытых дверях.

Содержание постановления было следующим. «Комиссия удостоверилась, что российское правительство уже три месяца назад, предчувствуя опасность, в которую себя ввергло, ввязавшись в войну, а также невозможность воспрепятствовать вступлению французской армии в Москву, решилось использовать для своей защиты необыкновенные средства для поджогов и уничтожения, отвергнутые просвещенными народами». Поэтому было «принято предложение одного доктора англичанина именем Шмита, хотя он себя и немцем называет, а упражнением он механик и машинист [так в тексте. – В.З.]». Этот англичанин с первых чисел мая, проведя тайные переговоры с представителями русского правительства, поселился на даче Воронцово, находящейся в 6 верстах от города. Дача охранялась отрядом из 160 человек пехоты и 12 драгунов, дабы «обеспечить тайные деяния Шмита и любопытствующих к нему не допускать». Комиссия посчитала доказанным, что история с постройкой этим Шмитом воздушного шара имела задачу скрыть истинную цель этих работ, которая заключалась в «составлении зажигательных снарядов».

В качестве доказательства истинных намерений Ростопчина комиссия привлекла его афишки. Цитируя одну из них (от 30 августа ст. ст.), где говорилось, что французов удобнее всего убивать вилами, было прибавлено: «Если же они [то есть французы. – В. З.] войдут в Москву, то мы сожжем их там». Последней фразы в данной афишке Ростопчина не было¹. Далее говорилось, что губернатор велел распустить острог, и около 800 преступников было выпущено с тем, чтобы они подожгли город в 24 часа после вступления французов. Сообщалось также, что различные офицеры и полицейские чиновники получили приказ остаться в Москве и там ждать сигнала к поджогам. В то же время Ростопчин вывез из города все пожарные трубы, дроги, крючья, ведра и другие «пожарные орудия». Во многих домах были заранее размещены «разные зажигательные снаряды». В постановлении было также отмечено, что многие из тех, кто с помощью фитилей и ракет совершали преступления, были на месте расстреляны французскими патрулями или же погибли от самих взрывов и огня.

---

¹ На это обратил внимание М.И. Богданович (Богданович М.И. Указ. соч. С. 310), а затем А.Н. Попов (Попов А.Н. Французы в Москве. С. 90) и А.Е. Ельницкий (Ельницкий А.Е. Ростопчин Ф.В. // Русский биографический словарь. Романова – Рясковский. Пг., 1918. С. 283).

Комиссия приговорила 10 человек, уличенных – согласно показаниям свидетелей и признавших свое участие в поджогах, – к расстрелу. Это были: Петр Игнатьев, поручик 1-го полка Московского ополчения; Стратон Баров, живописец (то есть маляр); Алексей Карлум, солдат московской полиции; Иван Томас, сиделец (то есть продавец или приказчик в лавке – *commis-marchand*); Петр Стигневич, живописец (то есть маляр); Илья Агакомов, кузнец; Иван Максимов, лакей князя Сибирского¹; Семен Ахрамеев (род занятий не был указан); Николай Левутьев, живописец (то есть маляр) и Федор Сергеев (портной).

16 человек, «недостаточно изобличенных», были приговорены к заключению в тюрьму, а также, как сообщает Шамбрэ, «к присутствию при казни»². Ими были: Иван Касианов, пономарь 67 лет; Николай Вакселев, кузнец; Федор Мидцов, солдат; Василий Ермолаев, ремесленник; Семен Иванов, обойщик; Андрей Шестоперов, Федор Ефимов, Луциан Мойтейц, Сивал Сеахов, Гаврила Абрамов, Самойло Никифоров, Гаврила Беглов, Федор Григорьев, все восемь – солдаты московской полиции; Степан Логинов и Николай Бельшеров – лакеи; Андрей Шестопьяров (род занятий не указан). Таким образом, среди последних шестнадцати половину составляли солдаты московской полиции; но никто не был зафиксирован в документах как колодник.

Согласно постановлению, приговор должен был быть приведен в исполнение в течение 24 часов. К постановлению был приложен обширный список вещей, найденных на даче Воронцово, которые, как можно понять, были сочтены судом теми материалами, с помощью которых Ростопчин должен был организовать поджоги в Москве.

Шамбрэ сообщает нам, где и каким образом приговор был приведен в исполнение. А именно, на следующий день, 25 сентября, приговоренные, исключая тех, кто был отправлен в тюрьму (странно, ведь согласно тому же Шамбрэ, они должны были присутствовать при экзекуции!), были доставлены на Девичье поле (*le Champ des Demoiselles*) к стенам большого монастыря, там расположенного (определенно Новодевичьего монастыря); им был зачитан приговор на русском языке, и затем был произведен расстрел. Их трупы были привязаны к столбам, и на каждый (не ясно – труп или столб) была

---

¹ Примечательно, что Ростопчин по возвращении в Москву говорил с одним из лакеев князя Сибирского, который был арестован в самом начале оккупации Москвы ночью на улице, и позже чуть было не был расстрелян возле Высокопетровского монастыря (*Rostopchine F.V. Op. cit. P. 9–10*).

² Фразу Шамбрэ «*et en outre à assister à l'exécution*» можно перевести и как «оказание помощи при казни».

повешена табличка с надписью на французском и русском языках: «поджигатели Москвы» («incendiaires de Moscou»)¹.

В день заседания военно-судебной комиссии Наполеон написал Марии-Луизе очень милое письмо: «Моя добрая Луиза, я получил твое письмо от 8 сентября, из которого увидел, что в Париже очень скверно. Я согласен с тем, что ты решила в отношении твоих красных женщин². Мое здоровье очень хорошее. Погода стала немного холодной, но холод определенно весенний. Я тебя прошу хорошо держаться, быть веселой, крепко обними от меня маленького короля. Как, этот маленький глупец не признает свою кормилицу? Какая маленькая гадость! До свидания, мой друг. Всего тебе хорошего»³. Было письмо и в день экзекуции: «Моя дорогая Луиза. Я получил твое письмо от 9-го и увидел с удовольствием, что твое здоровье очень хорошее, что твой сын любезен и это тебя радует. Мое здоровье хорошее. Всего тебе хорошего»⁴.

---

¹ [Chambray G.] Réponse de... P. 9. События, имевшие место в горячей Москве, так фантазмагорически запутаны, что истинная картина расстрела могла быть другой. Мы не исключаем, что это могло происходить почти так, как рассказали Ростопчину чудом спасшиеся «поджигатели» – служитель кн. Сибирского, «старый подметальщик в Кремле» и магазинный сторож. Их арестовали еще в первые дни оккупации и держали в кордегардии в Кремле, а затем «одним утром» вместе с десятью другими русскими препроводили в Хамовнические казармы. Там к ним присоединили еще 17 человек и отвели под сильным прикрытием к Петровскому (так в тексте; в действительности же, видимо, к Высокопетровскому) монастырю, находящемуся на бульваре. Там они простояли почти час, после чего приехало множество офицеров верхом, которые сошли на землю. 30 русских были поставлены в одну линию, из которых отсчитали 13 человек справа, поставили к монастырской стене и расстреляли. Тела их были повешены на фонарные столбы с надписями на французском и русском языках о том, что это поджигатели. Другие же 17 человек были отпущены на свободу (Rostopchine F.V. Op. cit. P. 9–10). Картина достаточно реалистичная! Никакого суда, никаких разбирательств, о чем вещали французы... Случайный набор имен и столь же случайный выбор жертв! Что же касается несовпадения численности приведенных на место казни (30 и 26 человек), то тем, кто чудом избежал смерти, можно простить ошибку в этом подсчете. Да и в текст постановления военной комиссии также можно было вписать любое количество оправданных!

² Этим выражением обозначены «первые дамы» императрицы, так как они, подобно камергерским мундирам, носили платья ярко красного цвета.

³ Наполеон – Марии-Луизе. 24 сентября 1812 г. (в оригинале вначале было написано «22», но затем исправлено на «24») // Napoléon I. Lettres inédites de Napoléon I. P. 82–83.

⁴ Наполеон – Марии-Луизе. 25 сентября 1812 г. // Ibid. P. 83.

Насколько убедительными оказались материалы показательного процесса? Отечественные историки, за исключением М.И. Богдановича, А.Н. Попова, а также С.П. Мельгунова¹, практически не писали даже о факте этого процесса над «поджигателями», априорно считая его решения заранее predetermined. Что же касается Богдановича и фактически принявших его точку зрения А.Н. Попова и С.П. Мельгунова, то они справедливо замечали, что в материалах этого суда «ложь перемешана с истиною»², и пытались на его примере показать всю сложность вопроса о том, кто же поджог Москву. Мы так же, вслед за этими историками, полагая важным увидеть проблему в более широком контексте вопроса о виновниках сожжения Москвы, пытаемся понять, как формировалась и в чем заключалась и заключается «французская правда» о московском пожаре.

Как ни странно это звучит, но французская версия московского пожара родилась еще до того, как он возник. К 1812 г. в Москве только одних французов проживало более 3 тыс. человек³. Причем эта колония была не только многочисленной, но и довольно пестрой – от торговца зерном шевалье д'Изарна до актрисы Л. Фюзиль⁴. Своеобразным центром французской колонии была церковь Св. Людовика. Как мы уже знаем, с началом военных действий Наполеона против России положение иностранцев в Москве заметно осложнилось, а накануне ее сдачи они пребывали в совершенно паническом состоянии. По Москве упорно ходили слухи о готовности Ростопчина сжечь город (не исключалось даже, что он намеревался сделать это не только по своей инициативе, но и с благословения стоявших выше него); что в подмосковном имении некий Шмит строит летательный аппарат, с помощью которого можно будет то ли уничтожить неприятеля, то ли сжечь Москву; что московская чернь с по-

---

¹ Богданович М.И. Указ. соч. С. 309–317; Попов А.Н. Французы в Москве. С. 89–91; Мельгунов С.П. Кто сжег Москву? // Отечественная война и русское общество. С. 166–167.

² Богданович М.И. Указ. соч. С. 311.

³ Эту цифру приводит М.И. Богданович (см.: Там же. С. 258).

⁴ О французской колонии в Москве см.: Tastevin F. Histoire de la Colonie française de Moscou depuis les origines jusqu'en 1813. Paris; Moscou, 1908. P. 27–85; Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. P., 1886. P. 233–234, 293–294, 311; Surugue A. Mil huit cent douze. P. 6–10; Mirot L. L'Abbé Adrien Surugue. Un témoin de la campagne de Russie. P., 1914. P. 16–21; Аскиноф С. Московские французы в 1812 году. От московского пожара до Березины. М., 2012.

пустительства, а то и при поощрении городского начальства, собирается перебить всех оставшихся в городе иностранцев и т. д. Наконец, накануне вступления войск Наполеона в Москву стало известно, что Ростопчин выпустил из тюрем колодников, которые начали поджоги и бесчинства.

Помимо всего прочего, из уст в уста передавались и рассказы об убийстве Ростопчиным купеческого сына М.Н. Верещагина, а также о том, что толпа чуть было не растерзала француза Мутона. Именно эти настроения (и надо признать, не беспочвенные) московских иностранцев и стали главным источником сведений командования и солдат Великой армии о зловещих замыслах Ростопчина и русского правительства уничтожить Москву вместе с армией неприятеля. Очень многие французы-мемуаристы (Лабом, Вьонне де Маренгоне, Дедем и др.¹) повествуют о том, как практически сразу же после вступления в Москву они узнали от местных французов о грозящей опасности.

Особую роль в переломе настроений чинов Великой армии, а позже – в исторических и историографических дискуссиях – сыграла находка в доме Ростопчина на Лубянке зажигательных веществ. Это произошло, вероятно, 17 сентября, когда в ростопчинском доме решил разместиться генерал А.Ф. Делаборд, командир 1-й пехотной гвардейской дивизии. Его адъютант П.Ш.А. Бургуэн рассказывает, что в доме находилось «несколько оборванцев», часть из которых французы определили к себе на службу. Французы приказали им организовать отопление. Но «наши мужики», как пишет Бургуэн, прежде чем принести дрова для огромных шведских печек, стоявших во дворце Ростопчина, извлекли из их внутренностей и из труб огромное количество «своего рода маленьких бочонков, наполненных зажигательными материалами. Я называю эти предметы *бочонками*, – пишет далее Бургуэн, – поскольку они были цилиндрической формы; но реально они были простым куском елового дерева, обработанным и с углублением на круглой части; оба их конца были закруглены. Они были 9-и дюймов длины и около 2,5 дюймов в диаметре». «Выражение ракеты (*fusées*) мне кажется скорее ошибочным, как и *бочки*, поскольку их нельзя было бросать с использованием длинного запала; мы строили догадки, предполагая, что они могли вполне вначале зажигаться, а затем бросаться рукой через окна или слуховые окна домов, не выходя наружу»². Что касается русских

---

¹ Labaume E. Op. cit. 1815. P. 185; Vionnet de Maringoné L.J. Op. cit. P. 25–29; Dedem de Gelder. Op. cit. P. 252; etc.

² Bourgoing P. Op. cit. P. 116–117.

слуг, то они, увидев, что французы заинтересовались содержимым печей, немедленно исчезли.

Орудия поджога, найденные в доме губернатора, «изучали» многие французы. «Я видел множество этих факелов поджигателей в доме Ростопчина, – отмечал генерал П. Бертезен, – они все схожи, по форме и по своим размерам, со свертком табачных листьев (*carotte de tabac*), от 9 до 10 дюймов в длину и примерно чуть более 2-х дюймов в диаметре; зажженные, они сами горят в воде»¹. Через доктора Жуанно (Jouhanneau), также остановившегося с генералом Делабордом в доме Ростопчина, узнал об этом префект двора Боссе² и, как полагаем, многие другие чины императорской квартиры.

По-видимому, именно находки, сделанные в доме Ростопчина на Лубянке (а также в Воронцово), в основном и фигурировали в качестве вещественных доказательств на процессе 24 сентября. Ростопчин их, несомненно, приготовил для поджога своего собственного дома, но использовались ли они другими «поджигателями»?

В губернаторском доме на Лубянке были найдены еще и письма Ростопчина. Их было два. Одно относилось к эпохе Павла I³. Второе письмо было написано из Твери и адресовано жене «накануне начала Кампании». В передаче Бертезена (который по памяти в январе 1813 г., будучи уже во Франции, записал содержание этих писем), Ростопчин писал о том, что единственная возможность Наполеона одержать победу над Россией – это предоставить свободу рабам, дать независимость казакам и привлечь к себе нескольких недовольных «сеньоров». Вот тогда и будет поставлена на карту судьба Российской империи⁴.

---

¹ Berthezène P. *Op. cit.* P. 68–69. 15 сентября французами в доме купца и промышленника А.К. Претра были обнаружены большие запасы купоросного масла, которое, как не без оснований было предположено, русские собирались использовать для поджогов города (Москва и Отечественная война 1812 года. Кн. 2. С. 52–54).

² Bausset L.F.J. *Op. cit.* P. 90.

³ Мы не исключаем, что именно оно было опубликовано позже во Франции с целью доказать предубежденность Ростопчина в отношении французов (*Note, présentée à l'Empereur Paulen 1800, après l'époque de la signature de la paix de Luneville*). См.: Ельницкий А.Е. Указ. соч. С. 301.

⁴ Berthezène P. *Op. cit.* P. 70–72. Бертезен утверждал, что эти письма были потеряны при отступлении с экипажами генерала Делаборда. Бертезен, подкрепляя правдивость своих слов при передаче содержания писем, ссылался на других очевидцев – генерала Делаборда, его адъютанта маркиза де Броссара, доктора Жуанно (*Ibid.* P. 71. *Note 1*). Из этого следует, что о содер-

Уже 15 сентября император был уведомлен о том, что рассказывали московские иностранцы. Среди прочего узнал он и о «зажигательном воздушном шаре», который под покровительством губернатора изготавливался то ли англичанином, то ли голландцем по имени Шмидт (Шмит)¹. Как мы уже знаем, Наполеон не сразу всерьез отнестся к этим сведениям, но тем более глубоко он должен был уверовать в их правдивость позже, когда многочисленные сообщения четко укладывались в определенную схему, а сам император был блокирован в Кремле и затем чудом спасся.

Укрывшись в Петровском дворце, поздно вечером 16-го Наполеон продиктовал 19-й бюллетень, в котором обвинял Ростопчина в организации поджогов, для чего тот выпустил из тюрем «три тысячи злодеев» и вооружил 6 тыс. «подчиненных». Это император без устали продолжал повторять в 20-м бюллетене (17 сентября) и в письме Александру I и в 21-м бюллетене 20 сентября. Негодовал Наполеон на вероломство Ростопчина и во время беседы с Тутолминным 19-го и беседы с Яковлевым 20 сентября. «Никто никогда не доводил его [Наполеона. – В. З.] до такой степени бешенства, – пишет А.Е. Ельницкий, – как это удалось сделать Ростопчину. Император не находил слов, способных, по его мнению, заклеить Ростопчина». «Впрочем, – справедливо замечает далее Ельницкий, – Наполеоном в данном случае руководило не одно только чувство ненависти: его побуждала к этому и потребность к самозащите, так как он не мог не видеть и не отдавать себе отчета в том, что общественное мнение всего мира выскажется против него, когда узнает, что вступление его войск в покинутую древнюю столицу России сопровождалось страшным пожаром. Он понимал, что обвинять в пожаре станут прежде всего его самого, и поэтому счел нужным позаботиться о том, чтобы сложить эту вину на самих русских и русское Правительство в лице его высшего представителя в Москве – московского главнокомандующего»².

жании, возможно сильно искаженном, этих писем стало известно в штабах Великой армии и в Главной квартире императора. Не с этим ли связан резко возросший интерес Наполеона к идее освобождения крестьян, которую он обсуждал в Петровском 17 сентября с Обер-Шальме?

В 2012 г. в «Общей корреспонденции» Наполеона было опубликовано письмо, посланное 14 октября Маре, в котором говорилось, что император отправляет некую записку, найденную в бумагах Ростопчина, и предлагает сохранить ее в архиве МИД (Наполеон – Маре. Москва, 14 октября 1812 г. // *Napoléon Bonaparte. Correspondance générale*. № 31903. P. 1184).

¹ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 10.

² Ельницкий А.Е. Указ. соч. С. 281.

К этому стоит добавить одну немаловажную, по нашему мнению, вещь: Наполеон не терял надежды на мир, а для этого крайне необходимо было отделить самого Александра от «английской партии», организовавшей поджог столицы. Были ли у Наполеона сомнения в том, что русский император не причастен к пожару? Полагаем, что да¹. Но важно было скрыть эти сомнения от окружающих и тем более от русских.

Наконец, заметим еще и то, что разыгравшийся пожар не мог не расширить еще более пропасть между оккупантами и населением России. Именно поэтому уже 17 сентября Наполеон обсуждает в Петровском с Обер-Шальме возможность отмены крепостного права, а позже заставляет прекратить грабежи, создает московский муниципалитет и предпринимает иные разнообразные меры с целью наладить контакты с местным населением.

Какие версии относительно московского пожара высказывали другие чины Великой армии? Разделяли ли они мнение императора? Далеко не всегда. Прислушаемся к их голосам. Располагая немалым количеством записей, сделанных французами во время пожара либо вскоре после него, в дневниках и на страницах писем, мы решили в слабой надежде уловить перемены в настроениях чинов Великой армии, расположить эти свидетельства в хронологической последовательности.

Уже 14 сентября, при начале пожаров, капитан Каstellан, адъютант генерал-адъютанта Нарбонна, сделал в дневнике запись: «Русское правительство отрядило солдат полиции для исполнения этой операции». В ночь на 15 сентября Каstellан записал: «Арестовано много русских, с фитилями в руках». И далее вновь: «Говорят, что губернатор Москвы отрядил солдат полиции для исполнения этой почетной миссии»².

По-видимому, к 15 сентября может относиться и запись в дневнике А. Бейля, аудитора государственного совета, состоявшего при военных комиссарах (будущего великого писателя Стендаля): «Этот Росточин, наверное, или негодяй, или древний римлянин; посмотрим, как его будут судить за такие дела»³.

---

¹ См., например: Наполеон – Людовику XVIII. 21 февраля 1814 г. // *Napoléon I. Correspondance*. P., 1869. Т. 27. № 21343; Ernouf A.A. *Maret, duc de Bassano*. P., 2008. P. 380.

² *Castellane E.V.E.V. Op. cit.* P. 154–155.

³ А. Бейль – Феликсу Фору. Москва, 4 октября 1812 г., на дежурстве у главного интенданта. (Дневник от 14 до 15 сентября 1812 г.) // Стендаль. *Собр. соч.* в 15 т. М., 1959. Т. 15. С. 116.

Лейтенант 25-го линейного полка Паради в письме к м-ль Бонграс от 20 сентября: «Ты знаешь, что этот великолепный город обращен в пепел и что это император России заставил жителей эвакуироваться и зажег огонь на всех пунктах с помощью 10 тыс. русских и всех каторжников»¹.

Солдат 21-го линейного полка Ф. Пулашо 21 сентября в письме к жене сделал неожиданное признание, не зафиксированное нами более нигде: «Тем временем всюду, где мы проходили, мы сжигали всю землю; прибыв в Москву, мы сожгли эту древнюю столицу»². В тот же день, записывая в дневник о событиях с 10 по 21 сентября, гвардейский капитан Фантэн дез Одоард, хотя и не конкретизировал, но определенно свидетельствовал о «русских варварах» как организаторах пожара³.

О русском императоре как организаторе пожаров писал 23 сентября в письме к жене П. Беснар, су-лейтенант 12-го линейного: «...император России выпустил каторжников и начался пожар. Город горел в течение 8 дней...»⁴

Очень сложную и, надо признать, весьма экзотическую версию развивал на протяжении 21–23 сентября на страницах своего дневника и своих писем брату, как правило, весьма осведомленный и тонкий наблюдатель Пейрюсс. Приведем одну цитату из его письма к брату от 22 сентября: «Вполне определенно говорят, что это был план, предложенный англичанами на случай нашего вступления в Москву, чтобы нанести удар по квартире императора и по гарнизону путем пожара и разрушения покинутого города с помощью грабежа. Генерал Барклай де Толли, военный министр, разделял это мнение; но император Александр справедливо расценил, что тот иностранец и чужд этому замыслу, и лишил генерала Толли командования корпусом, который занимал Москву. Генерал Кутузов, главнокомандующий, не согласный с этим диким актом, отвечал, что он желает защищать город до последней возможности. И это было вполне возможно, ибо Москва за ее пределами такова, что могла бы быть хорошо защищена; но не таково было решение губернатора; под давлением великого герцога Константина, возбуждаемый некоторыми высокопо-

---

¹ Паради – м-ль Бонграс. Москва, 20 сентября 1812 г. // РГАДА. Д. 268. Л. 68; *Lettres interceptées*. P. 22.

² Ф. Пулашо – жене. Москва, 21 сентября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 80–81об.; *Lettres interceptées*. P. 51.

³ Fantin des Odoards L.F. *Op. cit.* P. 332–333.

⁴ П. Беснар – жене. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 29–30.

ставленными сеньорами, он приказал разрушить город. Этот жестокий приказ более чем точно выполнен»¹.

О губернаторе Ростопчине как организаторе пожара, который воспользовался услугами тысячи каторжников, «освобожденных для этого, и которым было обещано полное прощение», записал в дневнике 24 сентября Фантэн дез Одоард².

24 сентября, сразу после завершения процесса над «поджигателями», Пейрюсс запишет в дневнике, что десять поджигателей, чья вина доказана, приговорены к смерти; они сознались в своих злодеяниях и в миссии, которую они выполняли, и что шестнадцать останутся в заключении как недостаточно изобличенные. «Среди заключенных, – продолжал Пейрюсс, – двое принадлежат к буржуазии; они заявили, что русское правительство, отдавая приказ об этом великом акте вандализма, исходило из двойной цели – воодушевить энергию жителей в защите страны [через] ожесточенную ненависть против нас и выставить нас в гнусном свете; другая – уничтожить все ресурсы, которые могли бы продлить наше пребывание, и вследствие чего мы были бы принуждены к скорейшему отступлению». Но вот далее мы читаем в дневнике Пейрюсса очень необычные размышления, которые, как представляется, могли циркулировать в те дни в среде высшей администрации Великой армии. Пейрюсс писал о том, что во время правления Екатерины II Москва стала объектом ревности со стороны Петербурга и Двора. В Москве знать была значительно более самостоятельной, чем в Петербурге, и ее независимый дух вызывал недоверие правительства. Поэтому «возможность уничтожить этот город-соперник и повесить ярмо на эту фрондирующую знать» стала серьезным мотивом при принятии решения об уничтожении Москвы³.

Пространно рассуждал об организаторах поджогов Ж.П.М. Барье, шеф батальона 17-го линейного полка, в письме к жене от 24 сентября: «Вот, в нескольких словах, то, что имело место: эти варвары, которых оживленно преследовали наши легионы, оказались под сильным огнем, который [по ним] был открыт в одном или двух лье от Москвы, и их главный начальник арьергарда стал просить нашего императора остановить огонь с тем, чтобы сберечь город, который они нам оставляют невредимым; но по своему вероломству, не имеющему примера, и которое нельзя сравнить [с деяниями] самых злост-

---

¹ Пейрюсс – брату. В Кремлевском дворце, в Москве, 22 сентября 1812 г. // Peyrusse G.J. Op. cit. P. 101. Note.

² Мы его цитировали ранее: Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 336.

³ Peyrusse G.J. Op. cit. P. 102–103. Запись за 24 сентября 1812 г.

ных мошенников древней Греции, только лишь с одним Зеноном [?! – В. З.], они отпустили тем же вечером всех сумасшедших и злодеев, которые были в домах заключения и которые, соединившись с 5 или 6 тыс. русских, которых они нашли спрятавшимися в городе, целиком подоженном». По словам Барье, русские рассчитывали на добросердечие французов, чтобы заманить их в ловушку и «всех поджарить»¹.

«Русские, движимые адским духом, подожгли сами свою столицу», – написал 25 сентября Ж. Фишер, музыкант из итальянской королевской гвардии, своему собрату военному музыканту². Москва «погибла в пламени, которое использовано английскими агентами и которые, как считали многие, имели русское платье...», – довольно наивно заявил в письме кюре Тюгне в тот же день солдат по фамилии Маршал³.

26 сентября лейтенант Паради развивает свою версию событий, сообщенную еще 20 сентября в письме к м-ль Бонграс, на этот раз в послании сыну Гектору. Он красочно пишет о том, что «10 тыс. русских, оплаченных своим императором, безостановочно в течение 8 дней поджигают» свою столицу⁴.

«Когда было принято русскими решение превратить весь город в пепел и погубить всех французов... – пишет 27 сентября своей жене некто Кудер (возможно, из администрации Великой армии), – огонь охватил множество домов посредством фитилей, которые были в домах, с помощью оставленных солдат, а также офицеров, которые были задействованы, и с помощью 20 тыс. каторжников, которые выпущены перед нашим прибытием в Москву». Далее Кудер отметил: «Губернатор города сказал жителям не отдавать город французам, чтобы тотчас же он был весь обращен в пепел, вместо того, чтобы дождаться французам». Кудер сообщает, что жители «не послушались» Ростопчина, «ибо как только французская армия приблизилась, они принесли ключи от города»⁵.

Су-лейтенант Ж. Даве пишет в тот же день отцу, что «русским солдатам и каторжникам, которые остались в городе, было приказано

---

¹ Ж.П.М. Барье – жене. Москва, 24 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 33.

² Ж. Фишер – Рошу. Москва, 25 сентября 1812 г. // *АВПРИ*. Д. 1842. Л. 57–58; *Lettres interceptées*. P. 36.

³ Маршал – г-ну Тюгне, кюре. Москва, 25 сентября 1812 г. // *АВПРИ*. Д. 1842. Л. 52; *Lettres interceptées*. P. 34.

⁴ Паради – сыну. Москва, 26 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 24.

⁵ Кудер – жене. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 51–52.

зажечь огонь во всех складах и во всех концах города», но не говорит, кто приказал это сделать¹.

«(...) Русские варварски спалили этот великолепный и очень большой город посредством фейерверков и других приготовленных приспособлений. Все жители потеряли свои очаги, и их судьба [определена] тиранией правительства, которое заставило всех покинуть [город]; наконец, эти нищие варвары уничтожили все, спалили все, и они сожгут также, по всей вероятности, Санкт-Петербург в тот момент, когда армия приблизится», – отписал бригадный генерал Ж.Л. Шарьер 27 сентября².

В письме к отцу 27 сентября гвардейский капитан К.Ж.И. Ван Бёкоп добавляет в картину пожара новый персонаж: «Этот красивый и огромный город сожжен этими варварами. (...) Видя, что они не могут помешать нам вступить в город, они сформировались в отряды поджигателей (...). К несчастью, начался ужасный ветер, чья помощь была так хороша, что в два дня все мгновенно сгорело, и мы в настоящее время в центре руин»³. К той же дате, 27 сентября, относится письмо генерала Л.Ж. Грандо: «Половина этого города сожжена самими русскими, но ограблена нами в очень изящной манере»⁴.

Наконец, приведем еще одно свидетельство, относящееся уже к середине октября (обращение чинов Великой армии в имеющихся у нас письмах и дневниках к теме пожара с конца сентября заметно сокращается). 15 октября Проспер, интендантский чиновник, пишет своему отчиму: «Губернатор Москвы, человек ужасный, перед тем, как покинуть город, выпустил на свободу 2000 каторжников, чтобы сжечь город. Каждый господин оставил в своем доме раба для того, чтобы подпалить дом и лишить французов всех ресурсов. Было сильное стремление к тому, чтобы разрушить свою древнюю столицу и преступить приказы императора Александра (et on a outrepassé les orders de l'empereur Alexandre)»⁵.

Есть ли какие-либо закономерности в динамике и характере представлений чинов Великой армии в отношении организаторов мо-

---

¹ Ж. Даве – отцу. Москва, 28 сентября 1812 г. // Ibid. P. 54.

² Ж.Л. Шарьер – Тошу-старшему. Москва, 27 сентября 1812 г. // Ibid. P. 37.

³ К.Ж.И. Ван Бёкоп, капитан 1-го тиральерского полка императорской гвардии – отцу. Москва, 27 сентября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 86–87; *Lettres interceptées*. P. 49.

⁴ Л.Ж. Грандо – полковнику Ж.Ф. Ноосу. Москва, 27 сентября 1812 г. // РГАДА. Д. 268. Л. 71; *Lettres interceptées*. P. 39.

⁵ Проспер – отчиму. Москва, 15 октября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 281; *Lettres interceptées*. P. 147.

сковского пожара? Их очень трудно уловить, но ясно одно: после процесса над «поджигателями» разнообразие версий заметно «упорядочивается», и если ранее имя императора Александра довольно часто фигурировало среди организаторов пожара, то после 24 сентября оно исчезает. Более того, стали высказываться даже мнения о противодействии со стороны Александра намерению разрушить столицу. Механизм наполеоновской пропаганды был эффективен, по крайней мере, применительно к среде чинов французской армии.

Стихийные расправы над «поджигателями», подлинными или мнимыми, начались уже 14 и в ночь на 15 сентября¹. Наконец, 16-го был отдан приказ расстреливать всех, кто будет уличен в поджогах². Расправы приобрели гигантский масштаб. Предоставим слово французам.

Бравый сержант Бургонь из полка фузилеров-гренадеров Молодой гвардии с удивительной откровенностью дал несколько зарисовок. «Неподалеку от губернаторской площади [напомним: так французы называли пространство перед домом Ростопчина на Лубянке. – В. З.] находилась другая небольшая площадь, где было расстреляно несколько поджигателей и потом повешено на деревьях; это место получило название “Площадь повешенных” (la place Pendus)»³. Вечером 19-го, во время экспедиции к Желтому (Слободскому) дворцу французский отряд захватил 32 человека, которых застали либо за разведанием огня, либо просто «признали каторжниками». Утром 20-го их эскортировали в распоряжение дивизии Роге. «По крайней мере, – пишет Бургонь, – две трети этих несчастных были каторжниками, все с отчаянными лицами; остальные были мещане среднего класса и русские полицейские, которых легко было узнать по их мундирам». Среди арестованных оказался и один швейцарец, 17 лет преподававший в Москве немецкий и французский языки, у которого только что погибли жена и сын. Понимая очевидность непричастности швейцарца к поджогам, Бургонь попытался его спасти, а добравшись 20 сентября до своей части, он отделил от остальных еще двух арестованных портных «с расчетом использовать их» в дальнейшем⁴. Что касается остальных арестованных у Желтого дворца, а также пойманных в других местах, то уже через несколько часов Бургонь наблюдал экзекуцию. «В полдень 20-го, – повествует он, – выглянув в окно квартиры, я увидел, как

---

¹ См.: Castellane E.V.E.B. Op. cit. P. 154–155; Fezensac R.A.P.J. Op. cit. P. 54.

² Bourgogne A.J.B.F. Op. cit. P. 27.

³ Ibidem.

⁴ Ibid. P. 34–36.

расстреливали каторжника. Он не захотел встать на колени и принял смерть мужественно, колотя себя в грудь, как бы в виде вызова нам. Несколько часов спустя та же участь постигла приведенных нами пленников»¹.

Но новые арестованные «ежеминутно» продолжали поступать. Сам Бургонь в расположении своего батальона «в длинной узкой галерее» неожиданно «обнаружил прятавшегося и совершенно пьяного каторжника в овчинном тулупе с пикой и двумя факелами для поджогов». «На другой день утром, 21-го, – пишет Бургонь далее, – я услышал громкий ружейный залп; это опять расстреливали нескольких каторжников и полицейских, обвиненных в поджоге Воспитательного дома и госпиталя, где лежали наши раненые...»² 23-го утром Бургонь снова видел, как одного каторжника расстреливают во дворе кофейни, где он квартировал³.

О расстрелах, правда более сдержанно, пишут Монтеस्कё Фезенсак, Лабом и другие мемуаристы⁴. Об огромном числе повешенных говорит Пьон де Лош. «...Дюжина русских, – пишет он, – была повешена на площади, где я остановился [не совсем ясно, о каком месте говорит Пьон де Лош: то ли о Страстной площади, где он находился до 16 сентября, то ли, скорее, о районе дома князя Барятинского, где он оказался уже после возвращения из Петровского. – В. З.] Многие повсеместно были преданы суду и повешены во многих местах на воротах своих домов»⁵. «(...) Везде – на улицах, на дворах, – пишет д'Изарн, – валялись трупы, большей частью бородастые; мертвые лошади, коровы, собаки; далее встречались трупы повешенных: это были поджигатели, которых сначала расстреляли, и потом повесили; мимо всего этого проходили с неестественным хладнокровием»⁶. «Мы расстреливаем всех тех, которых мы застали за разведением огня, – писал отцу домой 27 сентября Ван Бёкоп, капитан 1-го тиральерского полка императорской гвардии. – Они все выставлены по площадям с надписями, которые обозначают их преступления. Среди этих несчастных есть русские офицеры; я не могу передать другие детали, которые ужасны»⁷.

---

¹ Ibid. P. 37.

² Bourgogne A.J.V.F. Op. cit. P. 37–39.

³ Ibid. P. 40.

⁴ Fezensac R.A.P.J. Op. cit. P. 54; Labaume E. Op. cit. 1815. P. 214; etc.

⁵ Pion des Loches A.A. Op. cit. P. 132.

⁶ Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1427.

⁷ К.Ж.И. Ван Бёкоп – отцу. Москва, 27 сентября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 86; Lettres interceptées. P. 49.

Систематические расправы продолжались до конца сентября. 28 сентября су-лейтенант Даве пишет отцу, что до сих пор «находят время от времени русских солдат, которые разводили огонь среди того, что еще осталось, их арестовывают, и с ними расправляются»¹.

Среди писем Наполеона, опубликованных в новом, 2012 г., издании его корреспонденции оказалась записка, отправленная Бертье 6 октября следующего содержания: «Отдайте приказ, чтобы 10 русских солдат, которые обнаружены в погребе 11-го квартала [Хамовническая часть. – В. З.], были расстреляны как поджигатели; это следует сделать завтра в 4 часа утра, без шума (*sans éclat*)»². Не менее интересна приписка, сделанная, по-видимому, Бертье: «Этот приказ не исполнили, так как это были больные. Бертье»³.

Сколько же всего могло быть жертв? 20 сентября 21-й бюллетень Великой армии объявляет о том, что «три сотни поджигателей арестованы и расстреляны»⁴. Тем же днем Наполеон уверенно пишет Александру I, что «четыреста поджигателей схвачены на месте; все они заявили, что поджигали по приказу губернатора и начальника полиции: они расстреляны»⁵. По-видимому, эти цифры являются единственным источником не только для историков, но и для мемуаристов. Так, Бургуэн не нашел ничего лучшего, как написать о «трех или четырех сотнях злоумышленников», явно объединив обе версии Наполеона⁶. Но ведь если исходить из того, что заявления Наполеона (в бюллетене и в письме Александру) относятся к 20 сентября, а расправы продолжались еще минимум дней 10, не считая единичных расстрелов и позже, то можно предположить, что по обвинению в поджогах были уничтожены более полутысячи, а может быть, и около тысячи человек!

Невозможно сказать, сколько среди убитых было действительно повинных в поджогах. Вряд ли следует исходить из какой-либо пропорции на основе приговора военной комиссии от 24 сентября (напомним, что из 26 обвиняемых виновными были признаны 10 человек). Ни в коем случае нельзя всерьез относиться к приговору этого показательного процесса в отношении каждого обвиняемого.

---

¹ Ж. Даве – отцу. Москва, 28 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 54.

² Наполеон – Бертье. Москва, 6 октября 1812 г. // *Napoléon Bonaparte. Correspondance générale*. № 31843. P. 1152.

³ *Ibidem*.

⁴ 21-й бюллетень Великой армии. Москва, 20 сентября // *Napoléon I. Œuvres de Napoléon I*. P. 65.

⁵ Наполеон – Александру I. Москва, 20 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. T. 24. № 19213. P. 221.

⁶ Bourgoing P. *Op. cit.* P. 117.

Полагаем, что история, рассказанная Ростопчиным о «суде», совершенном над 30 «поджигателями» возле Высокопетровского монастыря, когда произвольно было отсчитано 13 человек справа и расстреляно, а другие 17 были здесь же отпущены на свободу¹, вполне отражает истинную ситуацию с «правосудием» в оккупированной Москве.

В любом случае число убитых французами истинных виновников пожара составило не менее полутысячи человек!

Попытаемся сейчас понять, как французы оценивали последствия московского пожара. Начнем с Наполеона. Его оценки оказываются очень противоречивыми. В своих бюллетенях, продиктованных в то время, когда пожар еще бушевал, император утверждал, что армия смогла найти «в разных местах значительные запасы» и что солдатам удалось «собрать много вещей», так как «все подвалы были защищены от воздействия огня». «Армия восстановила свои силы, – писал он, – она имеет в изобилии хлеб, картофель, зелень, мясо, солености, вино, водку, сахар, кофе, в общем, провизию всякого рода»². Писал Наполеон об этом и Марии-Луизе: «(...) осталось довольно для армии, и армия нашла много богатств разного рода...»³ «Солдат великолепно находит провизию и предметы торговли, он имеет съестные припасы, водку из Франции в значительном количестве»⁴. В том же он пытается уверять и Александра I⁵. Помимо продовольствия, армия захватила в Москве, по словам Наполеона, «60 тыс. ружей, 150 артиллерийских стволов, более 100 тыс. снарядов, 1 млн 500 тыс. патронов и т. д.»⁶.

---

¹ Rostopchine F.V. Op. cit. P. 9–10.

² 19-й бюллетень Великой армии. Москва, 16 сентября 1812 г. // Napoléon I. Œuvres de Napoléon I.P. 62–63; 20-й бюллетень Великой армии. Москва, 17 сентября 1812 г. // Ibid. P. 63–64; 21-й бюллетень Великой армии. Москва, 20 сентября 1812 г. // Ibid. P. 65–66.

³ Наполеон – Марии-Луизе. 18 сентября 1812 г. // Napoléon I. Lettres inédits de Napoléon I. P. 79.

⁴ Наполеон – Марии-Луизе. 18 сентября, 8 часов вечера // Ibid. P. 80.

⁵ Наполеон – Александру I. Москва, 20 сентября 1812 г. // Op. cit.

⁶ 21-й бюллетень Великой армии. Москва, 20 сентября 1812 г. // Napoléon I. Œuvres de Napoléon I. P. 65–66. Много и горячо, как истинный буржуа, сетовал Наполеон на бессмысленное уничтожение огромных материальных богатств. Об этом он говорил в бюллетенях, в письмах. Об этом же он рассуждал и на острове Св. Елены: «Кто может восполнить богатства, которые исчезли?» – восклицал Наполеон. «Представьте себе, – продолжал он далее, обращаясь к собеседнику, – Париж с концентрацией своей промышленности и результатами работы веков: его капитал за 14 веков, который создал этот город, не говоря уже о прибыли в миллион в год, какая сумма! А

И вместе с тем, объясняя на острове Св. Елены своим собеседникам причины провала проекта Великой Европы, Наполеон не раз утверждали прямо противоположное. «В 1812 году, если бы русские не приняли решения сжечь Москву, решения неслыханного в истории, и не создали бы условия, чтобы его исполнить, то взятие этого города повлекло бы за собой исполнение миссии в отношении России; потому что победитель, оказавшись в этом великолепном городе, нашел бы все необходимое»¹. «Огонь пожрал все, что было необходимого для армии, – заявил великий узник в другой раз. – Многочисленные зимние квартиры, полное снабжение продовольствием; и следующая кампания была бы решающей»². Подобные заявления Наполеона, звучавшие с острова Св. Елены, вызывали несогласие других участников кампании 1812 г. Так, генерал Бертезен, познакомившись с одной из подобных фраз бывшего императора, категорически опроверг его мнение в своих мемуарах. По его убеждению, пожар Москвы отнюдь не стал фатальным... Армия располагала огромным количеством военного имущества, продовольствия, вина, водки... Имелись также сукно и кожа, сохранившиеся в «подвалах Китай-города». Бертезен утверждал, что значительная часть потерь Великой армии была следствием времени года и неблагоприятного климата³.

При обращении к свидетельствам других участников похода общая картина начинает проясняться. Вот что записал в своем дневнике 24 сентября, находясь в Москве, Фантэн дез Одоард: «Пепел закрывал подвалы, которые сохранились, и в которых была оставлена провизия всякого рода, иногда более или менее поврежденная воздействием огня, но большей частью в хорошем состоянии. Те, кто занимался поисками, уже достали большое количество муки, вин, водки, мяса и соленой рыбы, колониальных продуктов, и урожай еще далеко не весь был собран. Эти самые подземелья оставили нам, сверх того, нетронутыми товары другого рода. Это холст, кожа, сукна

также его магазины, научные коллекции, собрания искусства, долговую и торговую документацию, и т. д. – и вот теперь это представьте по отношению к Москве: и все исчезло! Какая катастрофа! Одна мысль об этом не может не заставить затрепетать!!!» (Las Cases A.E.D.M. Op. cit. s.a. T. 2. P. 143 (Запись от 24 августа 1816 г.)).

¹ Montholon. Histoire de la captivité de St.Hélène. Bruxelles, 1846. T. 2. P. 228.

² O'Méara. Op. cit. P. 590–591.

³ Berthezéne P. Op. cit. P. 78–81. Бертезен делал только одно исключение: оказалась слаба французская кавалерия, но это, по его словам, было связано с потерями в сражении при Москве-реке, после чего примерно 15 сотен кавалеристов оказались спешенными.

и меха, которые удовлетворяют все нужды». Далее, делая запись 12 октября, Фантэн дез Одоард пишет: «От гренадер, торгующих здесь и там, мы купили столовое белье, домашнюю утварь; от других [торгующих] мы получили провизию всякого рода; стада рогатого скота, которые сопровождали армию, снабдили нас мясом; хлеб мы печем из муки, добытой из-под пепла; наконец, армия здесь имеет все основное, к досаде Ростопчина. Мы собрали на складе в нашем обиталище в Кремле столько, что мы обеспечены на шесть месяцев винами всех стран, ромом, кофе, сахаром, шоколадом, чаем, мясом, соленой рыбой и вареньем». Наконец, на многие месяцы, как отмечает далее французский капитан, армия запаслась собранной вокруг Москвы зеленью, прежде всего капустой, которую солдаты заквасили¹. Однако следующая запись в дневнике многое объясняет: «Со своей стороны, я расцениваю идею провести здесь зиму как химерическую по той причине, что мы не имеем фуража. Для того чтобы найти его сегодня, надо ехать очень далеко, и нельзя взять вязанку сена или соломы без боя. Вооруженные крестьяне и казаки рыскают всюду, и когда наши поиски происходят, всегда возникают трудности. Ежедневно мы теряем людей в этой малой войне. Я заключаю, что зимовать в Москве невозможно, ибо полагаю, что если сильные люди могут там существовать, то лошади неизбежно умрут от голода, и мы получим удар при наступлении жестокого времени года без кавалерии и без упряжных лошадей. Я, следовательно, могу заключить, что русские совершенно бесполезно принесли в жертву первый из своих городов»². Почти то же писал своей жене маршал Даву: «Несмотря на пожар, мы находим огромные ресурсы для содержания войск. В этом отношении чудовища, разрушившие город, не достигли цели»³.

Несколько иначе оценивает последствия уничтожения русской столицы неизвестный адресант, написавший из Москвы командирующему военными экипажами императорской гвардии вице-адмиралу А.Ж.А. Гантому: «...невозможно, чтобы мы здесь зимовали. Наши средства этого нам не позволяют. Разрушение огнем пяти шестых города уничтожило большую часть ресурсов, которые мы здесь надеялись иметь. Кавалерия уже значительно уменьшилась, и она особенно нуждается в жизненных припасах»⁴.

---

¹ Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 337, 339–340.

² Ibid. P. 340.

³ Даву – жене. Москва, 30 сентября 1812 г. // D'Eckmühl A.L. (de Blocqueville). Op. cit. P. 177.

⁴ Неизвестный – А.Ж.А. Гантому, Москва, 16 октября 1812 г. // Lettres interceptées. P. 340. В отечественной историографии о наличии продоволь-

О том, что уничтожение в московском пожаре части ресурсов не имело больших последствий и трудности были связаны только с фуражом, писал историк и участник кампании Шамбрэ¹. Но Шамбрэ тонко уловил еще один фактор: после пожара Москвы стал невозможным эффективный контакт между русским населением и Великой армией! Думаем, что Шамбрэ абсолютно прав. Наполеон не мог не осознавать политического и морально-психологического воздействия произошедшего события. Именно поэтому он столь судорожно стал оправдываться перед Петербургом и Европой², рассуждать об отмене крепостного права, оказывать помощь московским погорельцам, а затем создавать московский муниципалитет³.

2.4. Московский муниципалитет: коллорационизм образца 1812 года

Великий московский пожар кардинально ограничил возможности установления контактов солдат оккупационной армии с непокинувшими первопрестольную ее жителями. Если в первые часы и да-

---

ствия у Великой армии в Москве и отсутствии фуража писал А.К. Дживелегов (Дживелегов А.К. Наполеон перед отступлением // Отечественная война и русское общество. С. 181–182).

¹ Chambray G. Op. cit. P. 164–165. О том, что припасов было достаточно, но не было фуража, утверждал и Деннье (Denniée P.P. Op. cit. P. 97). Об отсутствии фуража, а также о недостатке мяса и хлеба записал 27 сентября Пейрюсс (Peurgusse G.J. Op. cit. P. 104–105). О «мнимом изобилии», когда было вдоволь ликера, сахара и варенья, и не было мяса и хлеба написал Монтескьё Фезенсак (Fezensac R.A.P.J. Op. cit. P. 59).

² Об очевидном беспокойстве Наполеона по поводу реакции Парижа и Европы свидетельствует письмо императора Марии-Луизе от 21 сентября (Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 21 сентября 1812 г. // *Lettres inédits de Napoléon I*. P. 81–82).

³ Ж. Фьеве, постоянный информатор Наполеона, сообщал императору из Парижа в октябре 1812 г. после получения известий о пожаре Москвы: «Невозможно описать того изумления и ужаса, которые произвела в Париже весть о пожаре Москвы. Давно уже народы позабыли о войне, доводимой до крайности. Нашему времени суждено все исчерпать, все довести до крайности, и это событие, без сомнения, нанесет сильный удар высокому идеалу воинской славы». «Время, прошедшее с тех пор, как бюллетень принес эту весть, до сих пор не ослабило силы произведенного впечатления. Это такое событие, которого последствия неисчислимы, и чем более в него вдумываешься, тем более открываются новые виды» (*Correspondance et relations de J. Fiévée avec Bonaparte (1802 à 1813)*. P., 1836. P. 239–240; Попов А.Н. Французы в Москве. С. 81–82).

же дни вступления в Москву армии Наполеона обе стороны, как правило, демонстрировали готовность идти на контакт, то теперь, особенно после 18 сентября, когда французский император отдал приказы, санкционирующие организованный грабеж города, наступает период открытого отчуждения между жителями Москвы и оккупировавшими ее войсками. Те французские военачальники, которые ранее оказывали помощь и защиту русскому населению, стали бояться это делать. Игуменья Зачатьевского монастыря, слышавшая о благородстве некоего «барона Таулета»¹ «который стал известен в городе своим милосердием» и «защитил наших от грабежа и насилий», просила его оградить от разграбления монастырь. О.Ф. Талюзэ на это ответил: «Я сделаю все, что зависит от меня, но должен вас предупредить, что я действую незаконно. Сегодня гвардия получила разрешение грабить»².

Вместе с тем, как мы видели, Наполеон, искавший мира, подготовил письмо к Александру I, а 12 (24) сентября состоялось заседание Военной комиссии по делу «поджигателей», чем Наполеон хотел отвести любые подозрения об ответственности его армии за поджоги. В тот же день был создан и московский муниципалитет, призванный навести в городе хотя бы видимость порядка и прекратить грабежи. Наступил своего рода «классический период» оккупации Москвы, продлившийся до выхода из города основной части наполеоновской армии 6 (18)–7 (19) октября. Этот период характеризовался известным упорядочением взаимоотношений оккупационных властей с местным населением. Оккупанты проявили заинтересованность в поставках им продовольствия и фуража, а также в демонстрации готовности пойти на заключение мира с русским правительством. Горожане, со своей стороны, были озабочены проблемой выживания и сохранением остатков своего имущества. Примерами подобного совпадения интересов стало создание по инициативе оккупационной армии московского муниципалитета и полиции.

Деятельность этих структур привлекала внимание многих исследователей. Возможно, первым, кто написал об этом как историк и свидетель событий, был аббат Сюрюг. По его мнению, деятельность этих органов свелась к минимуму вследствие медлительности фран-

---

¹ Речь идет об О.Ф. Талюзэ-Бонамуре (Talhouet-Bonamour), шефе эскадрона, произведенном 4 октября 1812 г. в полковники 6-го конно-егерского полка (Quintin D. et B. Dictionnaire des Colonels de Napoléon. P., 1996. P. 815).

² Толычева Т. Указ. соч. 1912. С. 100; ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 212 об – 213.

цузской администрации и путанице, которая в тот период имела место¹. Затем о муниципалитете и полиции писал участник событий французский военный историк Ж. Шамбрэ, который привел текст прокламации французского интенданта Москвы и Московской провинции Ж.Б.Б. Лессепа от 6 октября². Кратко писали об этом известный мемуарист Э. Лабом и секретарь-архивист Наполеона А.Ж.Ф. Фэн³. В последующее время зарубежные авторы⁴ обращались к этому вопросу весьма фрагментарно, используя, как правило, прежние, ранее известные материалы. Пожалуй, только французская писательница русского происхождения Д. Оливье добавила некоторые подробности, отметив, что эти воззвания муниципалитета (от 1 и 6 октября) были обнародованы накануне и сразу после визита генерала Ж.А.Б.Л. Лористона в ставку М.И. Кутузова.

Русская историография хранила молчание об этих органах, сформированных оккупантами, вплоть до появления работы А.И. Михайловского-Данилевского. Михайловский-Данилевский не только опубликовал обе прокламации Лессепа от 1 и 6 октября, но и дал оценку результативности этих структур как минимальную⁵. То же сделал и М.И. Богданович⁶. Важно отметить, что ни Михайловский-Данилевский, ни Богданович не высказывали резкого осуждения в адрес тех людей, которые – чаще всего не по своей воле – вынуждены были служить в созданном противником муниципалитете. В 1859 г. была опубликована часть воспоминаний А.Д. Бестужева-Рюмина и его донесение министру юстиции И.И. Дмитриеву, написанное в феврале 1813 г.⁷ Бестужев-Рюмин не просто участвовал в работе муниципалитета, но и был товарищем городского головы. В 60-е гг. XIX в. были опубликованы списки членов муниципалитета (1866 г.),

---

¹ Surugue A. Mil huit cent douze. P. 40. См. Также письма Сюрюга: *Lettres sur la prise de Moscou, en 1812 (par l'abbé Surugue)*. P., 1821. *Surrugues. Létres sur l'incendie de Moscou; Frappaz, l'abbé. Vie de l'abbé Nicolle*. P., 1857 (рус. перевод письма: 1812 год. Французы в Москве по рассказу аббата Сюрюга // РА. 1882. № 4. С. 196–204).

² Chambray G. *Histoire de l'expédition de Russie*. 2-e ed. P., 1825. Т. 2. P. 131–132; P. 272–274. Note 33. Напомним, что первое издание работы Шамбрэ вышло в 1823 г.

³ Labaume E. *Op. cit.*; Fain A.J.F. *Op. cit.*

⁴ Thiers L.A. *Op. cit.*; Olivier D. *Op. cit.*; Thiry J. *Op. cit.*

⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. 1840. Ч. 2. С. 71–73, 149.

⁶ Богданович М.И. Указ. соч. С. 409–411.

⁷ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий... Оригинал записки хранится в РГИА (Ф. 1345. Оп. 98. Д. 942г. Л. 31–43 об.)

список иностранцев, уехавших из Москвы с Наполеоном (1868 г.), воспоминания московского француза Ф.Ж. д'Изарна (1869 г.), донесение М. Грацианского (Грацинского, Гратианского), протоиерея Кавалергардского полка, получившего разрешение от муниципалитета и французской администрации проводить в оккупированной Москве религиозную службу¹. Эти публикации, а также общая атмосфера эпохи «великих реформ», вызвали появление в 1868 г. статьи Н. Киселева². Автор уточнил список лиц, участвовавших в деятельности муниципалитета, разобрался со структурой этих органов и описал работу Следственной комиссии, созданной по этому поводу. Общий настрой статьи Киселева соответствовал духу манифеста Александра I от 30 августа (ст. ст.) 1814 г. и решения Государственного совета от 17 мая (ст. ст.) 1815 г., в которых почти все участники этих структур были оправданы или прощены. По мнению Киселева, главной целью учреждения московского муниципалитета была организация интендантских операций, все же остальные функции муниципалитет и полиция использовали «для маскировки».

Менее детально, но с привлечением новых материалов (в частности, рапортов квартальных надзирателей), хотя и без ссылок на источники, с большим вниманием, так сказать, к личностному аспекту событий, осветил этот вопрос А.Н. Попов в своей работе «Французы в Москве»³. Автор не только не осуждал москвичей, согласившихся на сотрудничество с оккупантами, но и попытался объяснить поступки большинства из них вынужденной необходимостью и даже стремлением принести пользу оставшимся в столице согражданам.

В 1879 г. вышли в свет воспоминания Г.Н. Кольчугина⁴, члена муниципалитета, затем были переизданы воспоминания Бестужева-Рюмина и многих москвичей, находившихся в столице во время оккупации. К столетнему юбилею 1812 г. отношение к московским «коллорабационистам» изменилось окончательно. В.Я. Уланов (1912 г.) и П.П. Гронский (1912 г.)⁵, работавшие с документами Сенатского архива, пришли к выводу, что эти люди были отнюдь не

---

¹ Рапорт Кавалергардского полка протоиерея Грацианского обер-священнику армии и флота И.С. Державину. 5 декабря (ст. ст.) 1812 г. // РА. 1865. Ч. 4. Ст. 731–735.

² Киселев Н. Дело о должностных лицах Московского правления, учрежденного французами в 1812 г. // РА. 1868. № 6. С. 881–904.

³ Попов А.Н. Французы в Москве.

⁴ Кольчугин Г.Н. Указ. соч.

⁵ Уланов В.Я. Организация управления в занятых французами русских областях // Отечественная война и русское общество. С. 121–141; Гронский П.П. Исторические материалы, извлеченные из Сенатского архива //

преступниками, но лицами, пытавшимися охранять соотечественников от насилий и грабежей. Пожалуй, только С.В. Бахрушин в своей книге (1913)¹ все еще продолжал утверждать, что муниципалитет и полиция были слабыми орудиями чужой воли. В советское время эта тема перестала пользоваться популярностью. В работах, посвященных этому периоду российской истории, либо вскользь упоминались муниципалитет и полиция², либо отмечалась их минимальная эффективность в том, что касалось их помощи оккупантам³. В постсоветское время ситуация стала меняться. В 1997 г. А.Ю. Андреев опубликовал интересные письма профессора Х. Штельцера⁴, хотя и имевшие явную оправдательную цель, но вместе с тем вызывавшие искреннее сочувствие к их автору, который оказался в тяжелейших обстоятельствах. В 2001 г. Е.Г. Болдина ввела в научный оборот целый комплекс неиспользованных ранее материалов из ЦИАМ и составила максимально полный список лиц (143 человека), привлеченных к разбирательству во время работы следственной комиссии⁵. В 2002 г. А.И. Попов вновь попытался оценить эффективность созданных французами русских структур в Москве, солидаризируясь в своих выводах с авторами начала XX в.⁶ Достаточно подробно на деятельности муниципалитета и полиции останавливались также и мы в предыдущих публикациях⁷. Наконец, интересную статью, посвященную деятельности полиции времен оккупации Москвы, опубликовал в 2016 г. М.Н. Семенов⁸.

Обстоятельства создания муниципалитета и полиции в оккупированной Москве невозможно понять, не обратившись к той ситуа-

---

Журнал министерства юстиции. 1912. № 3. С. 213–224. Эти материалы сейчас находятся в РГИА (Ф. 1345. Оп. 98. Д. 942а, б, в, г).

¹ Бахрушин С.В. Москва в 1812 году. М., 1913.

² Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 429.

³ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 211–213; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 196.

⁴ Андреев А.Ю. Указ. соч.

⁵ Болдина Е.Г. О деятельности Высочайше учрежденной комиссии для исследования поведения и поступков некоторых московских жителей во время занятия столицы неприятелем // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2001. С. 30–63.

⁶ Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 183–185.

⁷ Земцов В.Н. 1812 год. Пожар Москвы. С. 48–66; Он же. Наполеон в Москве. С. 172–195.

⁸ Семенов М.Н. Москва глазами наполеоновской полиции // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. 14. М., 2016. С. 176–182.

ции, которая сложилась накануне вступления в город армии Наполеона. Как мы уже знаем, Ростопчин сознательно и последовательно возбуждал в московской черни недоверие и неприязнь ко всем иностранцам, проживавшим в Москве. Хотя он и писал в воспоминаниях о том, что ему удалось предотвратить массовое побоище москвичей-иностранцев незадолго до оккупации города наполеоновскими войсками, но сама атмосфера, в которой такой заговор и мог бы иметь место, была создана самим московским градоначальником¹. Не менее противоречивой была деятельность Ростопчина и в отношении русского населения столицы. Вплоть до 2 сентября (ст. ст.) Ростопчин не выдавал разрешений на выезд из города не только иностранцам, но и многим москвичам (можно было выехать только членам их семейств). Впоследствии он будет ссылаться на то, что его ввел в заблуждение М.И. Кутузов, уверявший, будто будет защищать Москву непременно. Но, ссылаясь на Кутузова, Ростопчин сам же и утверждал, что «повеление оставить Москву (...) произвело бы бунт, со всеми бедственными его последствиями...»².

Провоцируя московское простонародье на «патриотический порыв», но сдерживая его до поры до времени, в самый канун вступления неприятеля в Москву Ростопчин считал, что час, наконец, пробил. Призыв к москвичам собраться на Трех горах, раздача оружия из Арсенала всем желающим, освобождение заключенных из Временной тюрьмы с предварительной клятвой в том, что они подожгут город, организованный полицией поджог ряда объектов города вечером 14 и в ночь на 15 сентября (ст. ст.), наконец, жестокая расправа над Верецагиным, – все это не просто стало причиной экзальтации патриотических чувств московской черни и уголовников, но и привело к уничтожению имущества покинувших Москву или остав-

---

¹ Когда московский купец Мюллер был ограблен на улице двумя дюжи-ми русскими парнями под предлогом его иностранного происхождения, в полиции купцу было сказано: «(...) мы не можем компрометировать энтузиазм народа» (*Histoire de la destruction de Moscou*. P. 55–56). Как мы уже указывали, автором данных воспоминаний, имя которого во французском издании скрывалось под криптограммой «А.Ф. В...ch», был московский немец врач А.В. Нордгоф. Подробнее см.: Шарф К. Свидетель и историк войны 1812 г. немецкий врач А.В. Нордгоф и его мемуары о разрушении Москвы // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 334–352 (на эту публикацию нам указали Б.П. Миловидов и А.И. Попов). Вместе с тем во французской историографии авторство нередко приписывается известному писателю, издателю и журналисту А. Бошану (*A. Beauchamps*), что явно ошибочно.

² Цит. по: Киселев Н. Указ. соч. Ст. 884. Киселев ссылается на рапорт Ростопчина Сенату от 28 июля (ст. ст.) 1814 г.

шихся в ней добропорядочных граждан. Благопристойные москвичи в панике наблюдали за этим разгулом вседозволенности, спровоцированным Ростопчиным.

14 сентября, в день вступления в Москву, французское командование издало «объявление» для московских обывателей с рядом требований. Однако, как мы уже отмечали, сил для наведения порядка у коменданта города Дюронеля было совершенно недостаточно. Только 16 сентября Наполеон приказал маршалу А.Э.К.Ж. Мортье принять «верховное командование над городом Москвой». В качестве полицейских сил ему было предложено использовать войска «своего корпуса», т. е. Молодой гвардии¹. Под начальством Мортье в качестве генерал-губернатора Москвы должен был поступить военный комендант генерал Э.Ж.Б. Мийо и штабные полковники М.А.Ж. Ф. Пютон и Л.Н.Ж. Тери, а 20 военных комендантов (commandants d'armes) должны были руководить двадцатью районами города².

Как видим, при вступлении в Москву французское командование целиком полагалось на собственные силы и не рассчитывало на русских жителей первопрестольной. Тем не менее не исключено, что идея создать муниципалитет возникла у Наполеона уже тогда. Маркиз А.Д. Пасторе, интендант Витебской провинции, которого в Москве не было, но достаточно информированный о событиях там происходивших, утверждал, что император после въезда в древнюю русскую столицу был поражен ее пустынной и спросил главного интенданта Великой армии М. Дюма, позаботились ли образовать муниципальное правление? Дюма ответил отрицательно. Тогда Наполеон распорядился позвать человека, которого заметил в одном из окон, когда въезжал в Кремль (им оказался, как обычно указывается, аптекарь). Однако беседа с ним ничего не дала. Наполеон приказал Дюма тем же вечером (15 сентября – ?) принести ему для подписи бумагу об устройстве московского муниципалитета. Хотя Дюма, по мнению Пасторе, и выполнил приказ, в те дни не нашлось людей, которые могли бы войти в муниципалитет³. Если сообщению Пасторе можно верить (а мы полагаем, что это так), то очевидно, что начавшиеся пожары заставили отложить идею организации муниципалитета и полиции.

Важной деталью, которая до сих пор остается неизвестной, является время создания московских муниципалитета и полиции.

---

¹ Бертье – Мортье. Москва, 16 сентября 1812 г. // Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. Sér.1. № 24. P. 79.

² Ibidem.

³ Записки маркиза Пасторе о 1812 годе // РА. 1900. № 12. С. 530.

Михайловский-Данилевский считал, что это произошло не ранее 29 сентября¹. К концу 20-х чисел сентября относил это событие и А.Н. Попов. Е.Г. Болдина при разрешении этого вопроса обратила внимание на воззвание Лессепа от 1 октября и 22-й бюллетень Наполеона от 27 сентября, в котором говорилось об образовании муниципалитета². Все остальные авторы обходили этот вопрос молча. Насколько проясняют эту проблему сохранившиеся документы?

Первое воззвание Лессепа, ставшего «интендантом города и провинции», о начале работы муниципалитета было действительно опубликовано 1 октября 1812 г.³ Но вот с полицией дело обстояло иначе. Объявление о создании *police générale* за подписями Пюже и Виллерса появилось только 12 октября⁴. Вместе с тем, судя по всему⁵, работа по организации как полиции, так и муниципалитета началась вскоре после возвращения Наполеона из Петровского, возможно, с 20 сентября. Первоначально эта деятельность находилась исключительно в ведении Мортье и генерала Мийо. В начале 20-х чисел получил свое назначение и Лессепс⁶. Однако в те дни внимание французской администрации оказалось сосредоточено на орга-

---

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. 1840. Ч. 2. С. 69.

² Болдина Е.Г. Указ. соч. С. 31.

³ Впервые воззвание было опубликовано А.И. Михайловским-Данилевским (Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны. 1843. Ч. 2. С. 17–18, 71–73). Другие публикации: Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 163; Богданович М.И. Указ. соч. С. 409–411; Попов А.Н. Французы в Москве. С. 116–117. Известные нам печатные и рукописные экземпляры хранятся в: РГИА. Д. 9426. Л. 38а – 38аб.; ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 35об.; Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 199. Л. 100–101; Ед. хр. 287. Л. 127; ОР РНБ. Ф. 859. К. 6. № 6. Л. 99 об. Второе воззвание от имени муниципалитета, помеченное 24 сентября (6 октября), опубликовано в: Chambray G. Op. cit. P. 272–274. Note 33; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 71–73, 149; Богданович М.И. Указ. соч. С. 409–411; Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 164. Обе прокламации были вначале написаны по-французски, а затем переведены на русский Лессепсом (*Histoire de la destruction de Moscou*. P. 144). Обе были опубликованы на французском и русском языках.

⁴ Известные нам оригиналы хранятся в: ОР РНБ. Ф. 859. Л. 90 об. – 91; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 201. Л. 48.

⁵ См. в том числе воспоминания А.Ж.Б.Ф. Бургоня, сержанта полка фузилеров-гренадер Молодой гвардии (*Bourgogne* A.J.V.F. Op. cit. P. 36).

⁶ Никакого документа на этот счет до сих пор не найдено, но, судя по ремарке Коленкура, это произошло именно тогда (*Caulaincourt* A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 79).

низации знаменитого процесса над «поджигателями», который состоялся 24 сентября в доме кн. Долгоруковых на Покровке (ныне Покровка, 4). Важно отметить, что именно в этом доме будет размещаться и «московская полиция»! «Московский муниципалитет» находился также недалеко – на Покровке в доме П.А. Румянцева (на углу Армянского пер. и Маросейки). Уже это обстоятельство не может не навести на мысль о том, что создание муниципалитета и полиции стало частью целого комплекса мероприятий, имевших целью отвести от Великой армии любые подозрения в организации уничтожения Москвы¹.

Есть ли возможность точно определить дату образования муниципалитета и полиции? В Центральном историческом архиве Москвы хранится «Дело о наведении справки о русских чиновниках, находившихся на службе у Наполеона»². Среди прочих материалов в нем содержатся оригинальные записи показаний, снятых людьми московского обер-полицмейстера П.А. Ивашкина по требованию Ростопчина в июле 1814 г. с ряда бывших членов французского муниципалитета – с П.И. Находкина, И.К. Козлова, И.П. Исаева, В.Ф. Коняева, П.И. Коробова, Я.А. Дюлона и купца Котова (имя купца Котова встречается в материалах Следственной комиссии и в решении Комитета министров, но его нет в списках муниципалитета и полиции). Эти материалы позволяют ответить на наш вопрос.

Итак, 24 сентября (в день процесса над «поджигателями») Лессепс приказал московскому купцу Дюлону, с которым он был хорошо знаком и в доме которого первоначально остановился, пригласить нескольких известных Дюлону уважаемых москвичей, оставшихся в городе. Такое же поручение Лессепс дал и Виллерсу. Именно последний известил П.И. Находкина о том, «что он, Находкин, избран французским правительством в учреждаемом муниципалитете или городском правлении головою и он же, Виллерс, приказал ему

---

¹ Имеются сведения, что Наполеон размышлял и о создании в Москве «верховного суда» во главе с «главным судьей города» (*grand juge de la ville*). Этот «главный судья» должен был получить «приличествующий ему дом, очень высокое для этой страны жалованье в 6 тыс. р. и гарантированную высокую должность и положение в том случае, если придется покинуть Россию». Однако от идеи создания «верховного суда» пришлось отказаться из-за очевидных трудностей, возникших уже при создании муниципалитета (см.: *Histoire de la destruction de Moscou*. P. 144).

² ЦИАМ. Д. 563. Выражаем искреннюю признательность Е.Г. Болдиной, предоставившей возможность ознакомиться с этим делом. Тексты с показаниями П.И. Находкина и Я.А. Дюлона находятся также в РГИА (Д. 942г. Л. 396–399).

явиться к оному купцу Дюлону»¹. Вероятно, во время разговора Виллерса с Находкиным в доме последнего туда зашли купцы Козлов и Исаев. После чего сам Находкин, его сын, Козлов и Исаев отправились к Дюлону. Другие купцы – Коняев и Коробов – также «были собраны по повестке, а от кого, не знают, к тому Дюлону в дом», в котором уже «было разного звания людей в достаточном числе»².

После того как Дюлон собрал русских купцов у себя в доме, он «приказал идти (...) к французскому генералу Лессепсу»³. Там их собрали в «особой» комнате. Дюлон составил список собравшихся («всех переписал») и объявил, кто в какой должности будет состоять в организуемом французами муниципалитете («назначил их каждому должности»). Как показал позже П.И. Находкин, он, услышав, теперь уже от Лессепса, что назначается «гражданским головою», попытался отказаться от должности, «но Лессепс сказал, что отменить сего нельзя», так как в противном случае «будет с ними худо»⁴.

По вполне понятным причинам во время дознания, организованным людьми Ивашкина, Дюлон отрицал свою ключевую роль в этих событиях. В решении Следственной комиссии говорилось, что «по показанию же Дюлона эти купцы сами собрались к нему в дом без всякого их призыва, вошли с ним к Лессепсу также сами по себе без всякого приказа»⁵. Люди Ивашкина провели очные ставки, и показания Дюлона были опровергнуты другими членами бывшего муниципалитета.

Таким образом, с большой долей уверенности можно сказать, что муниципалитет был создан 24 сентября, в день процесса над «поджигателями». (Интересно, что российские власти, организовавшие следствие над лицами, участвовавшими в деятельности муниципалитета и полиции, в определении даты начала работы этих органов основывались на известной прокламации за подписью Лессепса от 1 октября 1812 г., тем самым оправдывая подследственных.)

Что же касается полиции, то ее формирование шло параллельно с созданием муниципалитета, но как бы «вторым эшелонном».

---

¹ ЦИАМ. Д. 563. Л. 46.

² Там же. Л. 48.

³ Там же. Л. 46. Мы уже отметили, что Лессепс квартировал в доме Дюлона «по давнишнему с ним, как он сам показывает, знакомству» (ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 43 об.). Поэтому не исключаем, что встреча Находкина и других русских купцов с Лессепсом состоялась в том же самом доме Дюлона.

⁴ ЦИАМ. Д. 563. Л. 39–39 об.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 43 об.; РГИА. Д. 942г. Л. 398–399.

Муниципалитет рассматривался по отношению к полиции как первостепенный орган. Об образовании полиции было объявлено в провозглашении от 1 октября за подписью Лессепа одновременно с объявлением о создании муниципалитета¹. Известно, что Гюят (Гюйят, Huet), владелец типографии, в которой было напечатано воззвание Лессепа от 1 октября, еще 27 сентября просил французское командование освободить его от должности *полицейского комиссара* в связи с большим объемом работ по типографии². Так что к 1 октября, когда было объявлено о создании полиции, работа по ее организации уже шла.

Вместе с тем, как ни странно, 12 октября появилось новое объявление о создании *police générale*, на этот раз подписанное Пюже и Виллерсом. В этом «извещении», наконец-то, сообщалось, что «всеобщая полиция учреждается в доме Долгорукова на Покровке в приходе Успения. Канцелярия открыта будет каждодневно от 8 часов утра до 7 вечера. Генерал-комиссары или полицмейстеры давать будут каждодневно аудиенции по утру от 9 до 10, а ввечеру от 3 до 5 часов, кроме воскресенья»³. Все это свидетельствует о том, что, в отличие от муниципалитета, органа во многом формального, организовать деятельность полиции оказалось гораздо труднее.

Что представляли собой муниципалитет и полиция в организационном отношении? Сохранился документ, который, по всей видимости, и был представлен 24 сентября для «одобрения» растерянным и напуганным членам «муниципалитета»: «Временные должности предварительной московской муниципальности». В нем обозначены задачи из 12 пунктов:

1. Обеспечение квартирования войск.
2. Обеспечение города продовольствием.
3. Забота о госпиталях.
4. Вспомоществование «бедным».
5. Содержание улиц, дорог и мостов.
6. Обеспечение безопасности и спокойствия.
7. Введение «наказательную полицию и мирным содействием».
8. Проведение дважды в неделю заседания муниципального совета, на котором должны обсуждаться меры по реализации задач деятельности муниципалитета.
9. Помощь в работе «мастеровых, какой бы нации ни были, назначением им места, где бы им можно было вольно заниматься их рукоделием и работой и платежом за их труды».
10. Проведением богослужений в церквях.
11. Поиск средств для функционирования городских служб и «содержания жителей оного».
12. «Укротить беспокойствие обывателей,

---

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 287. Л. 127; Ед. хр. 199. Л. 100–101.

² Там же. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 36.

³ Там же. Ф. 160. Ед. хр. 201. Л. 48.

ободрить их на предбудущее время и возратить всеобщее доверие, которое есть единственное средство, чтоб усладить их участь».

Документ был подписан Лессепсом, одобрен Мортье и помечен 24 сентября 1812 г.¹

По-видимому, тогда же, 24 сентября, была в основном определена структура муниципалитета. Возглавлял его городской голова – Петр Иванов Находкин. Сам муниципалитет состоял из шести отделений (французы называли их *bureaux*), которые возглавлялись товарищами головы. Состав отделений был таким: 1. Надзор за содержанием дорог, улиц и мостовых (товарищ головы Я.А. Дюлон; помощники: Г. Фе, И.П. Исаев, В. Ф. Коняев). 2. Надзор за госпиталями «и попечение, чтобы Богослужению было уважение» (товарищ головы П.И. Коробов; помощники: Г.Н. Кольчугин, И. Кульман, И.К. Козлов). 3. Надзор за «состоянием ремесленников и назначение им удобного места для беспрепятственного занятия своею работою» (товарищ головы Е. Меньян (Маньян); помощники: П.П. Находкин, Арбильон (Лардильон), Х. Донорович; позже – И. Переплетчиков). 4. Обеспечение размещения войск и квартирования (товарищ головы Ф. Фракман; помощники: Ф. Брион (Бриан), А. Келлер, В.Ю. Бородин). 5. Общая безопасность, спокойствие и правосудие (товарищ головы Н.Н. Крок; помощники: Х. Штельцер, Е. Мерман, И.П. Дронов). 6. «Продовольствие бедных и попечение больных» (товарищ головы А.Д. Бестужев-Рюмин; А.Я. Конохов, И. Переплетчиков, А. Суцов)².

Структура и состав полиции в целом также достаточно известны, но не всегда столь же очевидны в деталях. Как указывалось в возвра-

---

¹ Там же. Ед. хр. 199. Копия. Л. 91об.; РГИА. 942в. Л. 23–23 об.

² Составлено на основе: ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 92; РГИА. Д. 942в. Л. 5–5 об., 25–25 об. Судя по другим спискам и материалам, состав отделений менялся. Так, Конохов оказался в отделении по квартиранию, а Переплетчиков – в отделении, занимавшимся помощью ремесленникам и т. д. Всего же, по разным спискам, помимо головы и его товарищей, было от 14 до 19 членов муниципалитета, два секретаря (П. Пель и К.К. Куст), один казначей (Х. Фе) и один переводчик (А. Крутицкий). Е.Г. Болдина приводит полный список членов муниципалитета из 19 человек (С. 40–44): Х. Штельцер, И.К. Козлов, И. Переплетчиков, А.Я. Конохов, И. Кульман, Ф. Брион, Х. Донорович, А. Суцов, В.Ю. Бородин, Г.Н. Кольчугин, В.Ф. Коняев, П.П. Находкин, А. Келлер, Е. Мерман, И.П. Исаев, И.П. Дронов, В.Р. Шеметов, И.Л. Буржуа, Е. Норман. Но не исключено, что какие-то уточнения могут быть внесены и в этот список. Так, в одном из документов, хранящихся в ОПИ ГИМ (Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 36 об.), нам встретилось упоминание о титулярном советнике Арцове, оставшемся в Москве при университетской типографии и ставшем членом московского муниципалитета!

нии Лессепса от 1 октября, «городовая полиция учреждена по прежнему положению»¹. Во главе полиции стояли два главных (генеральных) комиссара (обер-полицмейстера): Ф. Виллерс и Пюжо. Вся территория города была разделена на 20 участков, которые возглавляли участковые комиссары (приставы): Е. Паланж, Ф. Реми (Рема), И. Бушот, И. Визар, Д. Фабер, Е.(Ж.) Лаланс, Л. Смирнов, А.М. Прево, М.И. Марк, Ф. Ребе, П. Мерсан, У.(Г.) Дро(з), К. Лассан, Н. Борн, И. Чернич, М.С. Мартемьянов, Дамур, Ш(т)рок, П. Морель, Шауверт².

Имелось также от 19 до 21 комиссарских помощника (среди которых встречается даже один вольноотпущенный и один дворовый человек) и четверо или пятеро переводчиков.

Социальный и национальный состав этих органов в свое время проанализировал В.Я. Уланов³, который исходил из числа 87 лиц, принимавших участие в управлении. Получалось, что в муниципалитете и полиции работали более 20 иностранных подданных, 15 чиновников разных рангов, 15 купцов и детей купеческих, четверо военных в отставке, четверо ученых (один профессор, один магистр и два учителя), два дворовых человека и один вольноотпущенный.

Знаками отличия членов муниципалитета должна была стать красная лента через правое плечо и красная лента на левом рукаве. Городской голова, кроме того, должен был носить и белый пояс. Однако, как отмечалось в воззвании Лессепса от 1 октября, «вне отпущений своей службы» члены муниципалитета должны были только «носить перевязь на левой руке из красной ленты»⁴. Частные приставы носили «белые через руку ленты». Но, как понимаем, на практике вариации были различными. Так, например, как только Лессепс склонил Кольчугина к участию в работе муниципалитета,

---

¹ Провозглашение от 19 сентября / 1 октября 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 287. Л. 127; РГИА. Д. 9426. Л. 38а – 38а об.

² В отношении четырех последних фамилий остается некоторая неясность. Эти люди проходят в списках как «комиссары полиции» (Дамур, Ш(т)рок, Шауверт) либо как «городской комиссар» (Морель), что вовсе не значит, что они были участковыми комиссарами. В «Реестре чиновникам разных должностей по муниципалитету во время пребывания французов в Москве», препровожденном к императору от генерал-майора Иловайского 4-го и помеченном 16 октября (ст. ст.) 1812 г., комиссаром полиции значится С.А. Залетов (ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 42), однако по другим документам он проходит как помощник комиссара.

³ Уланов В.Я. Указ. соч. С. 128.

⁴ РГИА. Д. 9426. Л. 38а об.; ОР РНБ. Ф. 859. К. 6. № 6. Л. 99 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 287. Л. 127.

тому сразу «перевязали на левую руку алую ленточку». О красной ленте через плечо он не упоминает. И наоборот, Бестужев-Рюмин ленту на руке не носил, так как «не мог достать [?! – В. З.], а когда выходил со двора», то «имел на себе под шинелью перевязь красную по камзолу (фрака не было)». Эту перевязь он «сделал из ленты ордена Св. Александра Невского, доставшейся по наследству от деда и служившую по рождении мне в пеленах свивальником»¹. По словам Бестужева-Рюмина, «французы высказывали большое уважение к сему знаку», и он смог благодаря этому «человек пять на улице защитить от грабежа». Любопытно, что российские власти в дальнейшем нередко расценивали шарфы через плечо и ленты на рукавах как знаки французских орденов, которыми члены муниципалитета и полиции были пожалованы!²

Наконец, на воротах домов муниципалов крепился «билет», дабы защитить их жилища от разграбления и легко найти их либо французской администрации, либо москвичам. В частности, на воротах у Бестужева-Рюмина была прибита надпись: «Logement d'adjoint au maître de la ville (Резиденция помощника градоначальника)».

Обстоятельства, при которых российские подданные – купцы и чиновники – оказались в составе органов управления в оккупированной Москве, а затем вынуждены были «служить», примечательны. В большинстве случаев (но, конечно, далеко не во всех) обстоятельства не оставляли людям иного выбора, и они пытались либо максимально ограничить свое участие в деятельности муниципалитета и полиции, либо же, несмотря на явную опасность быть в дальнейшем обвиненными в измене, стремились сохранить верность своему человеческому и гражданскому долгу. Обратимся к нескольким примерам.

Петр Иванович Находкин, вскоре после перенесенных испытаний, в 1818 г., умерший, купец 1-й гильдии, был вынужден под угрозами принять должность городского головы (его сын, Павел Петрович, станет членом городского правления). Московский француз эмигрант д'Изарн, не замешанный в деятельности созданных французами органов, так описал поступок Петра Находкина, «очень храброго человека», при утверждении того в должности. По словам д'Изарна, Находкин явился «со всем муниципалитетом» к Лессепсу и «очень неожиданно» сказал: «Ваше превосходительство! Прежде

---

¹ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий... С. 375; Кольчугин Г.Н. Указ. соч. С. 49; Волконский П.А. Указ. соч. С. 357.

² Histoire de la destruction de Moscou. P. 178 (158), 201 (181). Книга имеет дефект нумерации страниц.

всего я, как благородный человек, должен сказать вам, что не намерен делать ничего, противного моей вере и моему государю». Несколько удивленный Лессепс поспешил заверить, что «единственной их обязанностью будет смотреть за благосостоянием города»¹. Когда, после оставления французами Москвы, передовые части русских войск начали входить в город, П.И. Находкин встретил командира Московской драгунской команды майора Гельмана, который в те дни представлял возвращавшуюся городскую власть, в доме, где располагался муниципалитет, и «в присутствии своих товарищей» сдал все бумаги. При этом он заявил Гельману, «что, хотя от Лессепса было ему приказано внушать жителям Москвы и окрестностей доверие к новому правительству прокламациями от городского правления, но он предложил это сделать самому Лессепсу»².

Григорий Никитич Кольчугин, член городского правления, ответственный за надзор за богослужением и оказание помощи бедным. Он был сыном черниговского крестьянина, который вел книжную торговлю вместе с Н.И. Новиковым. Сам Григорий Никитич воспитывался вместе с детьми сенатора Обрескова, знал несколько языков, был близок к «московским мистикам», которых подвергал гонениям Ростопчин. К 1812 г. он был купцом 2-й гильдии и занимал должность гоф-маклера в Коммерческом банке. Обремененный большим семейством (в 1812 г. у него было восемь детей), он оказался в трудном положении. Позднее в своей оправдательной записке он вполне убедительно (и это подтверждается другими материалами) объяснил обстоятельства, заставившие его остаться в Москве. Во-первых, сыграли свою роль «уверения начальства через печатные афиши», что Москва не будет сдана. Во-вторых, паспорта на выезд было разрешено выдавать только женам и детям. В-третьих, его держала в городе болезнь отца. В-четвертых, у него самого (а также и его отца) имелось в наличии много казенного товара (на 50 тыс. руб.), а на руках, как у гоф-маклера, находились документы на очень значительные суммы. Наконец, в-пятых, Кольчугин располагал значительным собственным движимым и недвижимым имуществом, которое невозможно было эвакуировать³. Как справедливо пишет Кольчугин, московское начальство и полиция фактически бросили москвичей «на произвол судьбы», выбив из города сами. С началом оккупации и пожаров все усилия Кольчугина оказались направлены на то, чтобы

---

¹ Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1426; Воспоминания о России Армана Домерга // Исторический вестник. 1881. № 8. С. 883.

² ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 37об.; РГИА. Д. 942г. Л. 396–397.

³ Кольчугин Г.Н. Указ. соч. С. 46.

сберечь имущество от огня и разграбления (дом Кольчугина находился на Покровке, близ дома кн. Трубецкого), для чего он и попросил у французских офицеров, которые стояли там постоем, защиты. Затем в один из дней некий француз, направленный Лессепсом, в сопровождении двух солдат препроводил Кольчугина к московскому интенданту, который объявил, что Григорий Никитич «избран в муниципалитет». Кольчугин слезно начал упрашивать избавить его от этого, ссылаясь на престарелых родителей и многочисленное семейство. В ответ на доводы русского купца Лессепс ответил просто: «Что ли вы много разговорились? Разве хотите, чтоб я об вас, как об упрямец, донес моему императору, который в пример другим прикажет вас расстрелять?»¹ Выбирать не приходилось².

Иван Кульман, надворный советник, старший штаб-лекарь Московской управы благочиния, член городского правления, осуществлявший надзор над богослужением и больницами. О его судьбе поведала фрейлина М.А. Волкова в одном из писем В.И. Ланской. «Не будучи извещен полицией о сдаче Москвы, он остался в городе. В первые же три дня по вступлении французов его ограбили, сожгли его дом, – словом, он всего лишился. В лохмотьях, питаюсь тем, что французы выбрасывали на улицу, в отчаянии он просил принять его в лекаря в один из наполеоновских госпиталей»³. Волкова отзывалась о нем исключительно как о честном и бескорыстном старике. Сам он так описал свое назначение: «Когда все горело, и ниоткуда защиты не было, я стал искать какой бы то ни было службы во французской армии. (...) Не прошло двух дней, как я был вызван к начальнику города Москвы – он мне повязал алую ленту на левую руку и сказал: “Господин Кульман назначен членом муниципального совета городской коммуны Москвы, следовательно советником”»⁴.

История донесла до нас обстоятельства жизни французского эмигранта, отставного офицера русской службы Ж. д’Оррера (d’Horger). После тяжелых мытарств первых дней оккупации семейство д’Орреров нашло приют в доме, где остановился генерал А.Б.Ж. ван Дедем ван де Гельдер⁵. После нескольких дней пребывания в этом доме генерал спросил: «Виделись ли вы с Лористоном, Лессепсом

---

¹ Кольчугин Г.Н. Указ. соч. С. 49.

² В РГИА сохранилось множество письменных свидетельств о «добром поведении» Кольчугина (РГИА. Д. 942б. Л. 543–548).

³ М.А. Волкова – В.И. Ланской 18 ноября (ст. ст.) 1812 г. // Наполеон в России... С. 72.

⁴ Цит. по: Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 30–31.

⁵ О судьбе этого семейства упоминает д’Изарн (Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1422; [Ysarn de Villefort F.J.D.] Op. cit. P. 174. Notes. P. 67). Известен так-

или маршалом Мортье?» На отрицательный ответ д'Оррера генерал заметил, что таким образом действий он, д'Оррер, навлекает на себя подозрение. д'Оррер отвечал: «Я принял русское подданство, присягал русскому императору, а потому не могу считать себя французом». «Это внушит еще большее подозрение», – возразил ему ван Дедем и на следующее утро отправил д'Оррера с письмом к министру – государственному секретарю графу П.А.Н.Б. Дарю. «Если не исполните этого поручения, то пеняйте сами на себя», – заявил генерал. Дарю, вначале приняв д'Оррера очень ласково, вскоре начал его запугивать, подчеркивая, что тот, как и вся его семья, эмигранты, и что «французские законы против них». «Подите и подумайте», – сказал Дарю на прощание¹. Д'Орреру все-таки удалось избежать участия в муниципалитете и полиции. Мы не обнаружили его имени ни в одном из списков чинов этих органов.

Наряду с членами муниципалитета и чинами полиции, поведение которых оказалось, по нашему убеждению, безупречным, существовала и особая категория тех, чья деятельность не может не вызывать вопросов и сегодня. Таких людей было немало.

Алексей Дмитриевич Бестужев-Рюмин, надворный советник, служивший в Вотчинном департаменте, стал товарищем городского головы. Он остался в Москве, чтобы сохранить архив Вотчинного департамента, находившийся на третьем этаже Сенатского здания в Кремле, и который не был своевременно вывезен из города. 15 сентября по своей инициативе Бестужев-Рюмин обратился к Наполеону с просьбой о сохранении архива. Как явствует из материалов следствия, французский император Бестужева-Рюмина не принял, а «спросил его через секретаря Марета: кто он таков?»² Тем не менее

же отрывок из воспоминаний племянницы д'Оррера, дочери врача Ж. Караса, которой в 1812 г. было 8 лет (РА. 1869. XII. Ст. 2021–2023).

¹ Попов А.Н. Французы в Москве. С. 119. А.Н. Попов использовал неизвестные записки д'Оррера, местонахождение оригинала которых нам установить не удалось. Генерал ван Дедем ван де Гельдер в своих воспоминаниях утверждает, что именно мнение д'Оррера о том, будто «мир не зависит от императора Александра, но от армии», повлияло на отправку Наполеоном в начале октября к М.И. Кутузову генерала Ж.А.Б.Л. Лористона. Однако, как сетует Дедем, письмо, которое вез Лористон, было адресовано не Кутузову, но императору Александру. Через два года Дедем и д'Оррер встретились в Париже, и когда разговор зашел о миссии Лористона, д'Оррер заявил, что Кутузов после взятия Москвы уже и не мог пойти на мир; но если бы Наполеон предложил мир «после битвы при Москве, он бы согласился, дабы спасти священный город» (Dedem de Gelder. Op. cit. P. 262–263).

² ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 40–40 об.; РГИА. Д. 9426. Л. 50–56; Д. 942г. Л. 8–15, 31–44 об.; Д. 942в. Л. 95–100.

Наполеон приказал принять меры к сохранности архива. Однако после выезда Наполеона из Кремля в Петровский замок Бестужев-Рюмину было приказано Кремль покинуть. При этом Бестужев был сам ограблен. Обремененный семейством (жена, 12-летний сын и младенец семи недель), он вынужден был скитаться по горящей Москве без пристанища и пищи. 18 сентября на Тверской улице Бестужев встретил кортеж Наполеона и обратился с просьбой о помощи. Император отдал распоряжение секретарю-переводчику Лелорню д'Идевиллю помочь просителю. Бестужева разместили в доме кн. Одоевского близ Покровского монастыря под покровительство подполковника фон Зейдена Нивельта. 28 сентября Бестужеву было приказано явиться к генералу Мийо, который, в свою очередь, вручил ему «записку явиться к Мортье». Мортье «был очень ласков», выразил сожаление о том, что Бестужеву пришлось испытать столько страданий, а затем предложил одежду и деньги. Бестужев от денег, как он уверял после, решительно отказался. После этого маршал заявил, что в Москве учреждается «отеческое градское правление (Municipalité Paternelle), в котором, по собственной воле его императора» должен присутствовать и Бестужев. Алексей Дмитриевич стал отказываться. Мортье настаивал, убеждая, что этот орган учреждается «не в пользу французов», а с целью защиты «несчастных соотечественников от грабежа, насилия и обид». В подтверждение своих слов Мортье показал «инструкцию к учреждению муниципалитета», где действительно так и говорилось о его целях. Бестужев согласился¹.

Следственная комиссия пришла к выводу, что «во время исправления им сей должности, действовал он, как видно из дела, наравне с другими членами муниципалитета и особенных услуг его неприятелю по исследованию не обнаружилось; но он навлек на себя крайнее подозрение тем, что по изгнании уже неприятеля из Москвы, не только не явился с прочими к вошедшему в оную российскому генералу Иловайскому 4-му, но 12 октября [ст. – В. З.] и совсем выехал из сей столицы в деревни братьев своих и гр. Бобринского; в Москву же не прежде возвратился как 22 ноября [ст. ст. – В. З.] и то потому только, что узнал из газет о донесении генерал-майора Иловайского Его и.в. о том, что он Бестужев-Рюмин скрылся (...)». Как видно, в ответ на эти обвинения Бестужев-Рюмин утверждал, что был вынужден покинуть Москву в связи «с ограблением и наготой». Однако следствие, проверив его слова и убедившись, что все было далеко не так (Бестужев прибыл из Москвы в деревню с об-

---

¹ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий... С. 371–375.

ширным скарбом), стало сомневаться и в его показаниях относительно контактов с оккупационными властями. В конечном итоге, хотя с Бестужева и были сняты обвинения в измене, но (как полагаем, в виде наказания за дачу ложных показаний) на него была возложена обязанность возместить сумму в 8 тыс. 221 р. 91 коп. за утраченное казенное имущество¹.

Еще большие сомнения вызвали у комиссии обстоятельства деятельности Христиана Штельцера, надворного советника, профессора Московского университета, назначенного членом городского правления. Версия самого Штельцера, доступная нам благодаря его письмам к министру народного просвещения А.К. Разумовскому и ректору Московского университета А.И. Гейму², во время следствия оспаривалась и ректором, и попечителем университета Т.С. Голенищевым-Кутузовым, а также другими коллегами. По-видимому, отношения Штельцера с начальством и коллегами по службе и ранее были неровными, а его попытки оправдаться перед Следственной комиссией, прибегнув к полуправде, еще более возбудили подозрения и неприязнь к его особе³. Имея в виду эти обстоятельства, попытаемся все же понять, как этот человек попал в муниципалитет.

Как ни странно, но ремарки о скромной особе Штельцера обнаружались в воспоминаниях по крайней мере двух чинов Великой армии. Во-первых, 14 сентября он, сытно накормив шестерых баварских солдат, пообщался с Альбрехтом Муральтом, обер-лейтенантом баварского 5-го шеволежерского полка. Во время беседы с офицером Штельцер убедительно говорил о предстоящем поражении французов⁴. Тем же вечером Штельцер разговаривал с посетившими здание Московского университета Дарю и Дюма. Воспоминания Дюма, в которых говорится об этом событии, убеждают, что Штельцер был обеспокоен почти исключительно сохранностью имущества университета⁵. По-видимому, 28 сентября гофмаршал императорского двора Ж.К.М. Дюрок вызвал Штельцера к себе. «После многочисленных любезностей, – писал профессор ректору Гейму, – он [Дюрок. – В. З.]

---

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 40–42 об.; РГИА. Д. 9426. Л. 50–56, 816–819, 821 об. – 822 об.

² Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 447–448; Андреев А.Ю. Указ. соч. С. 44–53.

³ См.: ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 44–45; Киселев Н. Указ. соч. Ст. 890–891; РГИА. Д. 942г. Л. 366–366 об.; Д. 942в. Л. 117–126.

⁴ Muralt A. Op. cit. S. 70–71. Об этой встрече пишет и А.Ю. Андреев (С. 44–45), ссылаясь на другое издание воспоминаний Муральта.

⁵ Dumas M. Op. cit. P. 443.

предложил мне, от имени императора, должность начальника юстиции в Москве с обещанием впоследствии назначить меня в его немецкие провинции. Я решительно отказался от этого, поскольку, как я сказал, будучи должностным лицом моего императора, без выхода в отставку не могу поступить на чужую службу. Как мне показалось, это было воспринято хорошо, по крайней мере меня отпустили весьма дружелюбно. Два дня спустя генерал-интендант граф Дюма сказал мне: император полагает, что мне следует, по крайней мере, войти в муниципалитет, поскольку иначе с господами нельзя. Это были его собственные слова. Он сказал при этом, что, в противном случае, Его Величество предпримет неприятные для меня меры, потому что теперь у меня уже нет никаких оправданий. То же самое, только несколько более грубо, сказал мне в тот же день городской интендант Лессепс, подлый и жалкий человек¹. Но когда меня пригласил сам муниципалитет, то у меня не было больше сомнений, ведь я определенно служил городу, а не врагу, и благодаря мужеству и решительности мог сделать много добра. Я взял на себя заботу об общественном спокойствии и безопасности и нес бремя не на заседаниях [Штельцером были подписаны протоколы четырех заседаний муниципалитета. – В. З.] или иных предприятиях, а только бегал по улицам туда и обратно, спас больше сотни человек от грабежа и насилия². В целом у Следственной комиссии не нашлось достаточных оснований опровергнуть эти слова Штельцера.

Однако Штельцеру ставился в упрек факт благосклонности к нему маршала М. Нея, который однажды даже выделил для безопасности профессора, его семьи и скарба солидный эскорт в 15 рядовых при одном офицере. Эти обстоятельства сам Штельцер описывал так. В самый канун вступления войск Наполеона в Москву Штельцер сумел вывезти жену и, видимо, двух дочерей в Горенки, имение графа А.К. Разумовского, который покровительствовал московской профессуре. Вскоре в этом селе стало небезопасно оставаться, и жена с дочерьми перебрались в Богородск. Но в ночь с 4 на 5 октября туда неожиданно вошли войска маршала Нея. Благодаря мужеству и самообладанию жены Штельцера, Нея проявил великодушие, вызвав профессора в Богородск и оказав помощь в возвращении семьи в

---

¹ Судя по свидетельствам многих современников о событиях и жизни самого Лессепса, назвать его «подлым и жалким», как выразился Штельцер, вряд ли справедливо.

² Андреев А.Ю. Указ. соч. С. 51–52. По-видимому, именно о Штельцере, который защищал собственность университета и приютил многих несчастных, но и сам был ограблен, писал упоминавшийся выше московский немец А.В. Нордроф (*Histoire de la destruction de Moscou*. P. 103, 120–122).

Москву (по пути в Москву семья Штельцера на два дня задержалась в Горенках). По-видимому, у Штельцера действительно не оставалось выбора: пытаясь спасти университетское и свое собственное имущество, а также обеспечить безопасность семьи, он должен был целиком положиться на покровительство оккупантов. И все же... Во время следствия Штельцер не смог избежать искушения исказить некоторые факты, связанные с якобы невозможностью выехать из Москвы, вследствие чего ему в конечном итоге пришлось покинуть Россию.

Не состояли в муниципалитете или полиции, но были привлечены к следствию по подозрению в сотрудничестве с оккупантами коллежский асессор Ф.И. Корбелецкий, отставной действительный статский советник П.И. Загрязский, надворный советник Г.Ф. Вишневский. Все трое в дальнейшем были признаны невиновными. В отношении Вишневого комиссия исходила из того, что его ложно оговорили подследственные Бестужев-Рюмин и Щербачев (о последнем речь пойдет ниже). Так, Щербачев утверждал, что видел Вишневого в день вступления неприятельских войск в Москву у Дорогомиловской заставы в числе пришедших встречать Наполеона, а позже – у Наполеона в Кремле. Однако 15 человек, находившихся в Запасном дворце, показали, что в тот день, 14 сентября, Вишневский никуда из дворца не отлучался (по другим данным, опросили якобы 56 человек или даже 500¹, что вообще почти невероятно). Что касается Бестужева-Рюмина, то он заявил, что Вишневский «делал ему выговоры за неприятие должности члена в муниципалитете и объявлял при том о кончине Его императорского величества», а также, что Лессепс одно время даже поручал Вишневскому руководство муниципалитетом. Однако и на этот раз опрошенные комиссией члены муниципалитета (нам не известно, кто именно был опрошен) «объявили, что Вишневский никогда в муниципалитет не был приводим и никаких советов не давал». Сам же Вишневский признался в том, что «являлся часто к французским начальникам для испрашивания разных пособий оставшимся в Запасном дворце жителям», «и что по требованию Лессепса отрядил некоторых из живших с ним во дворце чиновников для закупки жителям хлеба». Комиссия не только не нашла чего-либо предосудительного в действиях Вишневого, но и особо отметила его заслуги в сохранении Запасного дворца и всего имущества в нем находившегося, спасение им жизни пятерым приходским священникам «с при-

---

¹ К. Модерах – П.А. Ивашкину. 21 января 1813 г. // ЦИАМ. Д. 379. Л. 84, 92–93; Бумаги, относящиеся... Ч. 2. С. 17–18; РГИА. Д. 9426. Л. 274–312. Объяснения Вишневого см.: РГИА. Д. 9426. Л. 247–250.

чтом и с церковной утварью», а также «сохранение им жизни и имущества до 500 разных людей, выпросивших у него там [в Запасном дворце. – В. З.] убежище»¹.

Однако помимо утверждений (которые были признаны оговорами) Щербачева и Бестужева-Рюмина, имелось еще свидетельство И.Г. Познякова, откровенного изменника и грабителя имущества москвичей. Последний утверждал, что Вишневецкий приезжал к нему вместе с Лессепсом². Эти слова комиссия оставила без всякого внимания. Даже если предположить, что кто-то из троих подследственных все же оговорил Вишневецкого, вряд ли это могли сделать все трое. Комиссия по не совсем понятным причинам все обстоятельства истолковала исключительно в его пользу.

Федор Иванович Корбелецкий был одним из тех коллаборационистов (наряду, скажем, с Бестужевым-Рюминым и Кольчугиным), кто оставил оправдательные воспоминания. Они были изданы еще в 1813 г., когда их автор находился в заключении под следствием! Будучи в чине коллежского асессора и служа в департаменте государственных имуществ помощником столоначальника, Корбелецкий, как он утверждал, попал в плен на Верейской дороге недалеко от станции Горки, затем привезен в Москву с тем, чтобы использовать его услуги «для разъезда при Наполеоне». На следствии он показал, что никаких услуг неприятелю не оказал, а на «вопросы, делаемые ему от секретаря и адъютанта Наполеона», «старался наклонять в пользу России; о важнейших же обстоятельствах отзывался незнанием»³. В конечном итоге Корбелецкий был оправдан, освобожден и даже восстановлен в должности. Однако обращает на себя внимание, что, во-первых, Следственная комиссия, судя по сохранившимся материалам, фактически ограничилась только показаниями самого Корбелецкого, который, судя по всему, прибег к помощи неких влиятельных покровителей (в противном случае, каким образом можно объяснить факт издания в С.-Петербурге его оправдательных воспоминаний в самый разгар следствия?!), а во-вторых, за-

---

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 49 об. – 50. Любопытны строки письма Ф.В. Ростопчина Александру I от 17 марта (ст. ст.) 1813 г.: «Вишневецкий ярый якобинец, тем более опасный, что он имеет большие средства. Его образ мыслей, который он громко высказывал, закрыл перед ним двери многих домов, в которых он раньше был принят. Он пытался даже убедить некоторых из дворян остаться здесь в то время, когда все спешили оставить город при приближении неприятеля, уверяя их, что это послужит им в пользу» (Наполеон в России... С. 97–98).

² Бумаги, относящиеся... Ч. 2. С. 10.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 50–50 об.; РГИА. Д. 9426. Л. 13–24.

конные вопросы вызывают и некоторые обстоятельства его задержания русскими войсками (так, не совсем ясно, зачем Корбелецкий непременно хотел прихватить с собой французские прокламации, когда любому было очевидно, что в случае выхода к русским войскам такого рода бумаги стали бы свидетельствовать не в его пользу).

Наконец, перейдем к личности Загряжского, о котором по Москве ходили слухи, что он «пожалован дюком и кавалером Почетного легиона» и несколько раз сопровождал Наполеона в его поездках по городу¹. Однако Следственная комиссия эти слухи проверять не стала. Она констатировала, что Загряжский «лишился от пожара и разграбления двух своих домов», а затем отыскал квартировавшего в доме кн. Голицына бывшего ранее послом в России Коленкура, с которым был знаком. Загряжский просил Коленкура исходатайствовать для него билет для выезда из Москвы, но был задержан и остался в доме Голицына. Жившие в том же доме генерал-майор К.К. Торкель и купец Баканин показания Загряжского подтвердили. Комиссия приняла во внимание также сведения, предоставленные приставом Серпуховской части о том, что Загряжский «давал в своем доме пристанище и пособие многим разорившимся людям»². Загряжский был оправдан.

Однако, как убедительно писал князь А.А. Шаховской, офицер Тверского ополчения, одним из первых вступивший в оставленную французами Москву, «отставной шталмейстер Загряжский никого не умилит. Хотя он и не был, как разнесся слух, в наполеоновой службе, но по прежней будто дружбе с Коленкуром в добром здравье оставался под его покровительством в чужой Москве, для сохранения своего имущества, а может быть, и для приобретения к нему в случае им одним из русских желанного мира (...)»³.

С Загряжским был, по-видимому, тесно связан член городского правления при французах надворный советник А.Я. Конюхов. Он служил в обер-егермейстерском ведомстве и, приехав за две недели до вступления французов в Москву, остановился в доме Загряжского.

---

¹ Histoire de la destruction de Moscou. P. 141. Обращаем внимание на интересный очерк о Корбелецком: Ляпишев Г.В., Аленина З.Н. Ф.И. Корбелецкий и его «Краткое повествование...» – история создания и использования // Эпоха наполеоновских войн. Люди, события, идеи. Материалы XI международной научной конференции. Москва, 24 апреля 2008 г. М., 2008. С. 72–81. Авторы полагают, что помощь в публикации воспоминаний подследственного оказал министр финансов Д.А. Гурьев.

² ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 47 об. – 48; РГИА. Д. 9426. Л. 25–31 об.

³ Шаховской А.А. Первые дни в сожженной Москве // Наполеон в России. С. 269.

Следственная комиссия не стала вдаваться в подробности его деятельности в качестве члена муниципалитета, ограничившись тем, что проверила объяснения Колюхова по поводу болезни его жены, из-за чего тот, как он уверял, и не выехал из Москвы¹.

Сохранившиеся документы не до конца, на наш взгляд, проясняют поведение титулярного советника Ивана Поспелова. Незадолго до вступления в Москву французов, он «был взят от должности» и посажен во Временную тюрьму следственным приставом Г.Я. Яковлевым по приказанию Ростопчина. Но производства по его делу не открывали, и даже в списках заключенных во Временную тюрьму он не значился! По его собственным словам, он был «за три часа до вступления французов из тюрьмы выпущен». Затем Поспелов «по принуждению», как он утверждал, был назначен французами помощником комиссара полиции, но «должности не исправлял». Комиссия признала его невиновным, и в ноябре 1814 г. он был освобожден². Никаких ясных свидетельств, дающих представление о том, по какой причине Ростопчин отдал приказ о его аресте накануне французского вступления в Москву и почему впоследствии о его прежнем «деле» больше никто не интересовался (ни Ростопчин, ни Яковлев), нами не найдено³.

Наконец, еще одну категорию московских коллаборационистов (и, к сожалению, не столь уж незначительную) составляли те, кто вполне осознанно и активно сотрудничал с оккупантами.

Француз из Эльзаса Фридрих Виллерс, лектор французского языка, магистр Московского университета, содержатель учебного пансиона, остался в Москве намеренно. На подданство российскому императору он не присягал. Уже в первые часы оккупации Виллерс оказался в группе московских иностранцев, которые встречали Наполеона у Дорогомилловской заставы. В дальнейшем Виллерс, как он сам признался, добровольно принимает должность обер-полицеймейстера, доставляет Лессепсу список жителей Москвы, «коих он

---

¹ ЦИАМ. Д. 563. Л. 51.

² ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 63; РГИА. Д. 942г. Л. 225–226.

³ 30 октября (ст. ст.) 1812 г. Ростопчин писал С.К. Вязмитинову: «Есть несколько людей, кои не быв явно в должностях, служили однако же французам, оправдываясь усердием помогать несчастным. Из употребленных в разных должностях, и ныне под караулом задержанных, титулярный советник Поспелов, известный и прежде по распутству и вольнодумству, вздумал вчерашний день проповедывать возвращение французов в Россию и угрожал мщением. Я его приказал посадить в железа, а прежде он содержался просто под караулом, яко французский комиссар» (Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-Ученого архива. Т. 19. С. 400).

полагал способными к занятию мест комиссаров полиции», занимается организацией полиции, «объявляет прокламации»¹ и даже участвует в захвате заложников. О последнем мы узнаем из рапорта комиссара Московского архива коллегии иностранных дел надворного советника Тархова². 13 октября Тархова отконвоировали в занятый комендантом дом купцов Чороковых на Мясницкой, куда позже были доставлены тайный советник А.В. Повалишин, действительный статский советник А.К. Артаков, отставной бригадир А.Е. Демидов, отставной коллежский ассессор П.У. Устинов и титулярный советник Ребров. Вечером к арестованным вошли французский «генерал-комендант»³ и Виллерс, которые объявили, что арест произведен из-за того, что «Ростопчин отправил на барках 50 человек французов в Казань или в Сибирь и что они там содержатся плохо». Поэтому Наполеон приказал отослать Александру I и М.И. Кутузову требование их возвратить, в противном случае арестованные будут расстреляны. Несчастных держали под стражей три дня, а на четвертый «французский генерал» от имени Наполеона объявил о их освобождении. После этого они были отконвоированы к Мортье, который, хотя и отпустил их из-под стражи, но приказал регулярно являться к французскому частному приставу⁴. В целом Виллерс заслужил ненависть многих москвичей. Штельцер в письме к Гейму даже писал, что однажды Виллерс «запряг впереди дохлой лошади» восемь русских и «погонял палкой»⁵.

При оставлении Москвы Наполеоном Виллерс выехал вместе с французами и пытался скрыться в Шклове, а затем в Стародубовском повете Черниговской губернии, где и был арестован. В ходе следствия оказалось, что многие влиятельные особы готовы были за него заступиться. «Виллерс не может быть выслан из России: у него тут много связей, он получает подробные сведения обо всем», – писал Ростопчин Александру I 17 марта (ст. ст.) 1813 г.⁶ Приговоренный

---

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 59–59 об.

² См.: Н.Н. Бантыш-Каменский – Ростопчину. Нижний Новгород, 7 ноября (ст. ст.) 1812 г. // РА. 1875. № 11. С. 296.

³ А.Н. Попов был убежден, что это был Дюронель, но мы полагаем, что пришедшим был скорее всего генерал Мийо.

⁴ А.Н. Попов недоумевал, зачем было брать заложников за несколько дней до оставления Москвы, а через три дня их выпускать. Он находил единственное объяснение в чувстве мести, которое испытывал Наполеон.

⁵ Штельцер – Гейму. 27 октября (ст. ст.) 1812 г. // Андреев А.Ю. Указ. соч. С. 52.

⁶ Наполеон в России. С. 97.

Сенатом к ссылке в Сибирь на поселение, он был затем объявлен свободным и прощен!¹

Павел Лакроа, коллежский регистратор, квартальный поручик Московской полиции, 14 сентября «отстал» от полицейской команды, которой было приказано покинуть столицу. При этом он освободил французского пленного командира эскадрона (в русских документах – полковника) Сент-Перна, который был поручен его надзору. Сразу по вступлении французов в Москву он, как следовало из бумаг, оставшихся в доме М.А. Обер-Шальме (там после переезда из дома Дюлона квартировал Лессепс), известил коменданта Дюронеля «о строении шара с указанием на тех, кто этим занимался, какого материала и веществ было употреблено и у кого они куплены»². На следствии Лакроа показал, что приказа покинуть Москву не получал и что в дальнейшем «никакой должности не исполнял», а «только смотрел за мужиками, при театре, но, избрав удобный случай, из Москвы сбежал»³. Его бывшие начальники Ростопчин и Ивашкин пытались уличить Лакроа в даче ложных показаний⁴, но сделать это им не удалось. Лакроа был «оставлен от суда и следствия свободным».

Еще более странным кажется факт прощения на основании манифеста государя от 30 августа (ст. ст.) 1814 г. губернского секретаря Ивана Щербачева. Будучи архитектурным помощником штата московской управы благочиния, Щербачев, по его же собственному прошению, был назначен в 1-й егерский полк Московского ополчения. Однако в полк не явился, якобы по болезни. В то же время он утверждал, что, взяв из Арсенала ружья и сабли, «подвизался на охране Москвы» перед вступлением в нее неприятеля. Столь же проти-

---

¹ А. Домерг, полный сочувствия к Виллерсу, не пожалел красок, дабы описать, как тот сидел в тюрьме на хлебе и воде и испытывал на себе грубое обращение тюремщиков. По выходе из тюрьмы Виллерс предстал перед московскими иностранцами с большой бородой, с «грязными растрепанными волосами, исхудалый, похожий на привидение, вышедшее из могилы» (Домерг А. Указ. соч. 1881. № 9. С. 164). По всей видимости, отношение московских властей, полиции и тюремных надзирателей к подследственным не отличалось гуманностью. Ивашкин (которого одни московские иностранцы характеризовали как человека доброго, другие – как сурового и жестокого) и один из его адъютантов (как писал Нордгоф, «молодой фанфарон») не останавливались перед тем, чтобы поиздеваться над подследственными (*Histoire de la destruction de Moscou*. P. 180 (200), 181 (2001)).

² Бумаги, относящиеся...Ч. 2. С. 17.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 57 об.; РГИА. Д. 942г. Л. 393–393 об.

⁴ См., например: Ивашкин – Ростопчину. 26 июля (ст. ст.) 1814 г. // ЦИАМ. Д. 563. Л. 50–50 об.

воречивы были его показания о своей деятельности во время оккупации. То он говорил, что был схвачен неприятелем у Арбатских ворот и представлен Наполеону, то объяснял, что «был насильно взят из квартиры в свиту Наполеона», где никакой должности не отправлял, но почему-то совершал в составе свиты Наполеона (по меньшей мере дважды) выезды из Кремля¹. В.М. Безотосный не без оснований утверждает, что Щербачев имел прямое отношение к деятельности французской разведки. Но, проведя до ноября 1814 г. время в тюрьме, он в конечном итоге был прощен!

В отличие от Щербачева, вина канцеляриста Орлова, шпионившего в пользу неприятеля, была доказана. Орлова арестовали у Черной грязи на Петербургской дороге возле русской заставы, где он «расспрашивал секретно о расположении войск». После ареста Орлов пытался по дороге бежать. При нем нашли не только «билет от дежурного генерала вице-короля Богарне» с изъяснением, что он, Орлов, «имеет собственно от одного вице-короля поручение», но и бумагу, написанную его собственной рукой, со следующим текстом: «Ехать 30 или 40 верст, после оттуда на великий тракт Воскресенский; узнать еще когда, куда полки пошли, или идут или дожидаются где и где армия находится»². Однако и Орлов был прощен по манифесту государя от 30 августа (ст. ст.) 1814 г.!

Нам осталась неизвестной дальнейшая судьба Лариона Смирнова, московского купца 3-й гильдии, ставшего комиссаром полиции, приговоренного Сенатом к лишению доброго имени, битью плетью и отдаче в рабочие. Он был бит и взят крестьянами с. Вохны, которые нашли при нем две неприятельские прокламации (как тут не вспомнить о Корбелецком, при котором были такие же прокламации!). В ответ на попытки Смирнова оправдать себя перед Следственной комиссией волостной голова Егор Стулов сообщил, что в с. Вохны Смирнов «провозглашал, чтоб крестьяне как хлеб, так и другие припасы возили в Москву для продажи неприятелю»³.

По-видимому, ушел от возмездия и другой изменник – Александр Петрович Лемон (Леймон), приписанный к московскому купечеству. Судя по всему, он сознательно остался в Москве и, будучи знаком с начальником бюро разведки Главного штаба Великой армии генералом М. Сокольниковым, поступил на французскую службу по комиссариатской части. Во время оккупации Лемон считал за лучшее

---

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 52–52 об., 53; ЦИАМ. Д. 563. Л. 25–26; РГИА. Д. 942в. Л. 163–163 об.

² ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 56 об. – 57.

³ Там же. Л. 55; РГИА. Д. 942б. Л. 232–346 об.

отправить жену Марию (Эмилию) Лемон (Леймон) из Москвы в Ярославль, получив для нее билет для проезда от 24 сентября (ст. ст.) за подписью И.А. Тутолмина(!) (Примечательно, что письма мужу из Ярославля Мария Лемон тоже адресовала на имя Тутолмина.) Имелись сведения, что Марию Лемон до заставы провожали люди Сокольницкого¹.

П.А. Волконский упоминает еще одну персону, дело которой не поднималось и не рассматривалось следственной комиссией: Петра Иванова Ларме, «водочного мастера». По мнению Волконского, Ларме, не раз сопровождав «французского генерала, исправлявшего должность коменданта» [Мийо? – В. З.], в конечном итоге оказался «офицером французской службы, который с вестовыми разъезжал по Москве»².

Среди всех явных изменников особенно поражает фигура Ивана Гаврилова Познякова, купца 3-й гильдии. Его жена Екатерина Михайлова в юности воспитывалась в доме кн. Ю.А. Понятовского в Варшаве, и это позволило Познякову быстро войти в доверие к французам. Среди доказанных Следственной комиссией действий Познякова, изобличивших в нем изменника, значились: знакомство с Лессепсом, которого он «кормил и поил водкой» в своем доме (при этом упоминалось, что Лессепс приезжал к Познякову вместе с Вишневым!); ездил к Понятовскому за Серпуховские ворота, имея бумагу от Мортье; ездил вместе с французским солдатом на рынок для закупки продовольствия, получив от Лессепса 10 000 ассигнациями; принимал секретаря Лессепса Умберта (имелся в виду комиссар полиции Умберт Дро). Позняков получил также поручение осуществить закупки продовольствия за городом, для чего ему было выделено 10 гусар. Однако в этом случае Позняков сказался большим (вместо Познякова французы решили отправить в эту опасную экс-

---

¹ Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 151. Шеф эскадрона Р. Солтык, сотрудник Сокольницкого, писал по поводу истории с Марией Лемон: «Я вспоминаю между тем одну мистификацию, в которую одна женщина-интриганка повергла Сокольницкого (...). Эта женщина, у которой была приятная фигура и талант к музицированию, выдавала себя за немецкую баронессу и много раз посещала генерала; но (...) обещая что-то разузнать в лагере москвитов, и получив 4000 франков (...) исчезла» (Solytk R. Op. cit. P. 313). Факт ее отправки Сокольницким (он снабдил ее 2 тыс. франков, коляской и четырьмя лошадьми) с разведывательным заданием в Ярославль и Петербург подтверждается и другими материалами, как и то, что она действительно была урожденной немецкой баронессой (фон Цастров) (См.: Безотосный В.М. Разведка и планы сторон. С. 178).

² Волконский П.А. Указ. соч. С. 359.

педицию, о которой будет речь ниже, Коробова, Козлова и Переплетчикова).

Но, пожалуй, самым возмутительным в действиях Познякова было разграбление им имущества московских жителей, которое оказалось «бесхозным»¹. Особенно много добра Позняков присвоил себе во время пожара в Гостином дворе. По-видимому, частью награбленного Познякову пришлось поделиться с французами. Комиссия установила, что он отвозил «2 ящика серебра к капитану французской службы Кобылинскому» в дом Щербатова на Девичье поле².

В руки комиссии попали сведения о том, что вместе с Позняковым в хищениях различных товаров участвовал и московский купец Михаил Карнеев и что он к тому же участвовал в работе французской администрации и «носил на левой руке белую повязку». Однако сам Карнеев в этом не признался, а шесть опрошенных свидетелей утверждали, что они «никогда у него на руке не видели повязки» и что он «в сношениях с неприятелем не замечен»³. Комиссия удовлетворилась этими показаниями, Карнеев был признан невиновным.

Что же касается Познякова, то он был приговорен к 15 ударам кнутом, вырезанию ноздрей, клеймению и отправке в кандалах на торгу. Манифест Александра I от 30 августа (ст. ст.) 1814 г. на него не распространялся.

На этом фоне предательств, измен и мародерства резким контрастом выделяется поведение московского купца П.П. Жданова. Он не смог выехать из Москвы и, потеряв во время пожара дом, испытал вместе с женой и двумя малолетними дочерьми все страдания несчастных погорельцев. Наконец, он услышал, что у маршала Даву на Девичьем поле дают «некие особые пропускные виды на выход из Москвы». Действительно, на Девичьем поле в доме кн. Н.И. Нарышкиной, где помещалась канцелярия «герцога Эльхингенского» (герцога Ауэрштедтского) (Даву) с «герцогом Эльхингенским?»), и где толпилось много народу, человек, говоривший по-русски, объявил: «Кто имеет жену и детей, того отпущу и билет дам вольный». Жданов

---

¹ По данным Ростопчина, Позняков украл вещей на 2–3 тыс. рублей (Ростопчин – Александру I. М., 14 декабря (ст. ст.) 1812 г. // Наполеон в России. С. 94).

² Дело о московском купце И.Г. Познякове. 1814 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 4. С. 1–49; РГИА. Д. 9426. Л. 313–350; Д. 942г. Л. 404–466 об. В усадьбе кн. Д.М. Щербатова на Девичьем поле располагалась главная квартира 1-го армейского корпуса маршала Л.Н. Даву. Упомянутый «капитан» Кобылинский – это, по-видимому, Ф. Кобылинский, полковник, адъютант Даву.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 54–54 об.; РГИА. Д. 9426. Л. 251–264.

сказал, что у него жена и дочери. Тогда его ввели в дом, начали расспрашивать и заставили перекреститься перед образом в подтверждение правдивости слов. Однако все это оказалось ловушкой. Жену и детей французы оставили в Москве в качестве заложников, поместив их в том же доме Нарышкиной, а Жданова отправили в качестве шпиона к русской армии. За успешное выполнение задания ему пообещали выпустить семью, наградить 1000 червонцами и «выбрать любой дом в Москве». Затем Жданов был представлен маршалу Даву и отправлен за город. Мучимый сомнениями, опасаясь за жизнь и благополучие семьи, Жданов, достигнув русских постов, потребовал отвести его к генералу. В конечном итоге его представили генералу М.А. Милорадовичу, которому он изложил «наставление», данное французами, и которое он заучил наизусть. Среди прочего Жданов должен был сообщить французам, «что народ говорит о мире», а также всюду разглашать, что в Москве весь хлеб цел, и Наполеон намерен там зимовать. Вполне очевидно, что эти сведения оказались для русского командования чрезвычайно ценными, открывая действительное состояние французских войск и истинные намерения Наполеона.

Что стало с женой и дочерьми Жданова? Так как русское командование отправило Жданова в Петербург, он не мог сразу же по вступлении русских в Москву лично начать поиски. Вместо него это сделали власти. Министр полиции Балашов отправил предписание московскому обер-полицмейстеру Ивашкину найти жену и дочерей Жданова. Не полагаясь на вышестоящие власти, Жданов и сам отправил письмо Ивашкину с той же просьбой. Эта история закончилась благополучно. После отправки Жданова к русским аванпостам жена и дочери находились на пропитании «этого французского генерала» и дождались возвращения русских войск в Москву¹.

Какова была эффективность деятельности созданных французами органов власти? Очевидно, что очень низкой². Несмотря на воз-

---

¹ История, произошедшая с купцом Ждановым, стала широко известна уже в 1813 г. благодаря ряду изданий: Жданов П. Указ. соч.; Анекдоты достопамятной войны Россиян с французами. СПб., 1813. Ч. 1. С. 108–115; Monument de la presence des Français en Russie, ou recueil d'évenements relatifs à P...J..., habitant de Moscou. St.-Pt., 1813. См. также: ЦИАМ. Д. 491; Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 123; Попов А.Н. Французы в Москве. С. 136; Он же. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // РС. 1898. № 10–12. С. 164–165.

² Сохранились выписки из всех трех «книг», представлявших собой журнал заседаний муниципалитета (РГИА. Д. 942в. Л. 76–86 об.). По ним можно представить, какие вопросы пытался решать (или по крайней мере обсуж-

звание от 1 октября, в котором объявлялось о создании муниципалитета и полиции, и от 6 октября, где Лессепс предлагал ремесленникам возвращаться к своим «рукоделиям», а окрестных крестьян призывал каждое воскресенье и среду возить продукты на торги, обещая порядок и охрану, влияние муниципалитета ощущалось очень слабо. «Пришли к Лессепсу жаловаться на грабежи, – описывал в письме к некоему Ивану Николаевичу свое пребывание в оккупированной Москве ассессор Сокольский, – он: как-де мне одному унять армию; а ее не было и 20 000 человек. Вот как отвечал генерал-интендант, командующий Москвою и Московскою провинциею»¹. «Циртификаты [сертификаты. – В. З.] везде рвали; коменданта ругали», – так писал тот же Сокольский об отношении французских солдат к документам, выдаваемым Лессепсом несчастным москвичам².

Хотя представляется, что так было не везде и не всегда. Нередко члены муниципалитета останавливали грабежи и спасали людей. В письме того же Сокольского описано, как для погребения русского священника из Запасного дворца под французским караулом был доставлен священник, а позже удалось выпросить караул и лошадей для переезда группы московских погорельцев³.

Не забывал муниципалитет (правда, чаще всего в лице Лессепса) и нужд московских больниц. Судя по донесению смотрителя Екатерининской больницы, туда было прислано Лессепсом две коровы и четверть пшеницы⁴. Еще более значительную помощь оказал Лессепс Воспитательному дому: 10 октября (?) туда было доставлено восемь коров и четыре барана⁵. При содействии Лессепса 28 сен-

---

дал) московский муниципалитет. Много времени ушло на обсуждение структуры этого органа, на распределение людей по отделениям, большое внимание было уделено восстановлению в городе торговли, ремесел и защите торговцев от произвола оккупантов. Обращает на себя внимание, что ни на одном из заседаний не рассматривался вопрос о раненых и больных, оставленных русской армией в Москве, хотя реальная деятельность в этом направлении определенно имела место.

¹ Письмо ассессора Сокольского. 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 12; Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 1–6.

² ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 17.

³ Там же. Л. 17об. Не исключено, что все это удалось сделать благодаря Вишневному.

⁴ Донесение о состоянии Екатерининской больницы в Москве. 18 октября (ст. ст.) 1812 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 107.

⁵ И.А. Тутолмин – императрице Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Копия // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 68.

тября Дюма отпустил Воспитательному дому 100 центнеров пшеницы и 20 центнеров гречневой крупы¹.

Все это происходило в условиях, когда французская армия сама нуждалась в продовольствии. А.Н. Попов в свое время опубликовал ведомость от 27 сентября 1812 г. за подписью Дюма, из которой следовало, что продовольствия, фуража, дров и свечей сохранилось в Москве после пожара весьма ограниченное количество². Этими обстоятельствами и объясняются те решения, которые 6 октября Наполеон принял в отношении продовольствования московских жителей и в связи с этим определил новые задачи в деятельности муниципалитета. В своем предписании маршалу Бертье император заявил, что герцог Тревизский (Мортье) требует продовольствия для работников полиции, для находящихся в городе детей, для русских в госпиталях, для больных жителей и т. д., однако, хотя «все эти требования законны, сделать ничего нельзя». Наполеон предложил, чтобы муниципалитет сформировал «русскую роту», подразделения которой должны отправиться по деревням для поиска припасов. Для закупки этих припасов следовало ассигновать «необходимые серебряные деньги». В самом же городе муниципалитет должен был учредить магазин, куда бы эти запасы свозились и из которого можно было бы распределять их среди горожан и находящихся в госпиталях. Наполеон полагал, что если бы этот эксперимент удался, можно было бы сформировать еще три или четыре роты с теми же целями. «Вот что надо делать; скажите Лессепсу, и не откладывайте», – закончил Наполеон³.

---

¹ М. Дюма – И.А. Тутолмину. М., 16 (28) сентября 1812 г. Копия с перевода // Там же. Л. 80 об. См. также приказ провиантмейстеру А.Д. Эрве. М., 30 сентября 1812 г. Копия с перевода // Там же. Л. 82. Весьма интересно, как эту ситуацию с присылкой французами продовольствия обрисовал Тутолмин. Припасы в Воспитательном доме были, и были довольно значительными, но главный надзиратель не хотел этого открывать французам и «дал заявку» на продовольствие. «*К несчастью* [выделено мной. – В. З.], – писал он, – дали мне по требованию моему пшеницы 100 центнеров, да круп гречневых 20 центнеров...» (И.А. Тутолмин – императрице Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Копия. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 65).

² Попов А.Н. Французы в Москве. С. 122. Примеч. 22. Между прочим, из комментариев Дюма к этой ведомости следует, что Тутолмин не только принимал от французских властей продовольствие, но 27 сентября и передал из Воспитательного дома 8000 квинталов муки.

³ Наполеон – Бертье. М., 6 октября 1812 г. // Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. T. 24. № 19252. P. 248–249.

Итак, чиновникам муниципалитета теперь предстояло отправиться в тяжелую и опасную экспедицию за продовольствием. Очевидно, что никакую «русскую роту» сформировать было просто невозможно, но не выполнить приказ Наполеона тоже было нельзя. Лессепс приказал срочно собрать заседание муниципалитета и вначале устно объявил собравшимся о повелении Наполеона, «а потом предложил и письмо, написанное к нему [то есть к Лессепсу. – В. З.] о том же Бертье, в котором было изъяснено, что для закупаемых припасов сооружается при муниципалитете магазин, который назначен будет для продовольствия жителей»¹.

Как известно, ряду членов муниципалитета (например, Кольчугину) под предлогом тяжелой болезни удалось отказаться от участия в этой экспедиции. Избежал этого и Позняков, также сказавшийся больным. В конечном итоге горький жребий выпал на долю помощника городского головы П.И. Коробова, членов городского правления И.К. Козлова и И. Переплетчикова. Каждому из них был выделен караул из 10 французских солдат и одного унтер-офицера, выдано по 10 прокламаций «для раздачи крестьянам» и деньги для закупки продовольствия. Вопреки приказу Наполеона, деньги были выданы ассигнациями. Коробов получил 850 руб., «из коих отдал 525 руб. отправленным с ним трем мещанам, неизвестно куда отлучившимся, а с остальными взят в с. Люборицах российскими казаками и представлен в главную квартиру; из числа же полученных им прокламаций четыре должен был раздать по принуждению, а прочие 6-ть истребил». Козлов получил 1400 руб. ассигнациями и на эти деньги купил в 4-х верстах от Москвы 46 коров и 30 баранов, «а данные ему прокламации истребил». Переплетчикову было выдано 900 руб. ассигнациями, с которыми его посылали на закупку продовольствия дважды. В первый раз он купил 6 четвертей пшеницы, во второй раз не удалось купить ничего, так как в дороге отрядом французов из 10 человек, которые его должны были сопровождать, был «прибит и ограблен, причем отняты и оставшиеся у него деньги». Все 10 прокламаций он так и не роздал, а оставил «в лесу в повозке», на которой ехал².

Так закончились попытки использовать муниципалитет для снабжения города продовольствием. Очевидно, что в действительности французское командование и не собиралось использовать созданные им «русские» органы власти для снабжения продовольствием своих

---

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 38–38 об.

² Там же. Л. 39–39 об.

войск. Речь шла исключительно о московских жителях и госпиталях с русскими больными и ранеными.

Участие муниципалитета в деле обеспечения москвичей пропитанием выразилось фактически только в организации трактиров «близ Креста у Сухаревой башни»¹. Возле Калужских ворот была учреждена французская пекарня «для продажи калачей французских и пресных хлебов и ржаных». Хлеб продавался по 10 коп. серебром. При «участии евреев» была устроена продажа «простого вина» (водки). Одну бочку возили по улицам и продавали штоф по 4 руб. 30 коп., бутылку по 1 руб. 72 коп. серебром или ассигнациями².

В свое время аббат Сюрюг, кюре французской церкви Св. Людовика в Москве, утверждал, будто в православных храмах во время оккупации служба не велась, хотя русское население, оставшееся в городе, остро нуждалось в религиозном утешении. Первым и чуть ли не единственным священнослужителем, который возобновил службу в Москве, в церкви Св. Евпла, был некий священник из иностранцев³. Как ни странно, мнение Сюрюга получило широкое хождение⁴. В 70-е гг. XIX в. А.Н. Попов окончательно опроверг данное утверждение, показав, что служба, как правило, прерванная на несколько дней во время самых сильных пожаров, все же велась во многих московских монастырях и некоторых церквях (в Новодевичьем, Рождественском, Зачатьевском монастырях, в Спасо-Преображенской церкви на Глинницах, в Троицкой церкви на Хохловке, в Петропавловской церкви на Якиманке, в церкви Голицынской больницы)⁵. Исследование Л.В. Мельниковой позволяет добавить к этому списку церкви Рождества Богородицы, что на Стрелке, Максима Блаженного, что на Варварке, Троицкую, Рождественскую, что в доме княгини Голицыной, а также пять (или шесть?) церквей в окрестностях села Коломенского, Екатерининскую церковь Воспитательного дома, церковь Запасного дворца и некоторые другие⁶.

---

¹ Волконский П.А. Указ. соч. С. 57. В «Перечне известных из Москвы» по 3 октября (ст. ст.), которые регулярно доставлялись Ростовчину из оккупированного города, сообщалось: «Открыты 3 кабака в Москве: работу производят в них русские, а деньги собирают французы» (РА. 1864. Ст. 798).

² Волконский П.А. Указ. соч. С. 57.

³ Surigue A. *Mil huit cent douze*. P. 42–43. Сюрюг несомненно имел в виду протоиерея Кавалергардского полка М. Грацианского.

⁴ См., например: Богданович М.И. Указ. соч. С. 329.

⁵ Попов А.Н. Французы в Москве. С. 144–147, 185.

⁶ Мельникова Л.В. Армия и Православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 112–113, 148–149; 379. Примеч. 150.

Учрежденный французами муниципалитет был призван, среди прочего, помочь в возобновлении богослужения, тем более что о службе в монастырях и некоторых перечисленных выше церквях знал только очень ограниченный круг москвичей, а главное, служба отправлялась далеко не в полном объеме (служили заутрени, часы и вечерни, но не служили обедни).

К сожалению, до сих пор до конца не прояснен важный вопрос: имелось ли прямое распоряжение со стороны либо церковных, либо светских российских властей о закрытии всех храмов и прекращении в них богослужения. Но если даже прямого указания на этот счет священнослужителям и не поступало, общий настрой как церковных, так и гражданских начальников был в пользу полного закрытия всех без исключения храмов. Оставляя неприятелю столицу, обреченную на разорение, власти вряд ли задумывались о судьбе тех несчастных обывателей, которые по тем или иным, чаще мало зависимым от них самих причинам, не могли ее покинуть. Эти люди, таким образом, лишались возможности получить духовное утешение в годину свалившихся на них несчастий.

Любопытно, что возобновление службы в московских церквях произошло по инициативе как отдельных оставшихся в Москве священнослужителей, взявших на себя тем самым большую ответственность из-за непредсказуемой реакции на это со стороны церковного начальства, так и французских властей. К примеру, проводить богослужения в Страстном монастыре побудил священнослужителей «французский генерал»¹, а в Знаменском монастыре это произошло по причине приезда в него 27 сентября самого Лессепса, который прямо приказал отправлять службу². При этом французские власти разрешили провозглашать многие лета императору Александру.

По-видимому, наибольший эффект произвела служба, возобновленная по инициативе протоиерея Кавалергардского полка Михаила Андреевича Грацианского (встречаются и иные варианты написания его фамилии – Гратинский, Грацинский), генерала Мийо и муниципалитета 27 сентября в день коронации Александра I (!) в верхней церкви Св. Евпла на Мясницкой улице недалеко от Почтамта. Так как эта церковь оказалась фактически единственной, находившейся в центре Москвы и где проходила служба, туда устремились массы москвичей. В своем рапорте обер-священнику армии и флота И.С. Державину Грацианский расскажет, как «по первому удару колокола при многочисленном стечении народа» он начал богослуже-

---

¹ Мельникова Л.В. Указ. соч. С. 358.

² Там же. С. 354.

ние «со сдравием монарха и его фамилии». «Вся церковь, – писал Грацианский, – омыта была слезами. Сами неприятели, смотря на веру и ревность народа русского, едва не плакали». Грацианский слу-жил вплоть до возвращения священника этой церкви¹.

Слова Грацианского в полной мере подтверждаются другими свидетелями. Уже накануне выхода неприятеля из Москвы (16 или 17 октября) в церкви архидьякона Евбла побывал москвич С.А. Маслов. Он писал: «Стечение народа было невероятное, и кажется, что многие давно так усердно не молились, как в тогдашнее время. Каждый день, как узнал я после, бывало множество причастников, и все русские исповедывались, как бы ежеминутно ожидая смерти»².

Получил разрешение отправлять службу и священник церкви Петра и Павла на Якиманке. Очевидец богослужения в этой церкви, тогда еще подросток, А. Рязанов, оставил нам пронзительное по своей эмоциональности свидетельство того, насколько нуждались оставшиеся в Москве жители, брошенные на произвол судьбы светскими и церковными властями, в словах утешения: «Богомольцы, входя в храм, благочестиво крестясь, творили молитвы. Смотря на исхудалые и бледные лица, выражавшие совершенное истощение сил, на рублища, на то, как они с трудом передвигали ноги, выходя из своих жилищ, как из нор, из подвалов и погребных ям, им можно было уподобить восставшим из гробов, вызванным трубным гласом, в последний день страшного суда. С радостным трепетом, как божественного врачевания, они ожидали начала службы. Молились одни, преклонив колена и простерши руки; другие, упав с рыданиями на помост, а иные – неподвижно устремив взоры на распятого Спасителя. Когда перед иконами были зажжены свечи, блеск огня, как благодать, нисшедшая свыше, проникла богомольцев: все воспрянули как бы от тяжкого сна, ободрились духом, готовясь встретить в полночь грядущего жениха. Наконец, отдернулась завеса, открылись царские врата, и священнослужители, в полном облачении, вышли из алтаря. Священник нес на голове крест и Евангелие, дьякон со свечою в левой и с кадиллом в правой. Народ пал ниц. Выйдя на середину церкви и осеняя крестом на четыре стороны, священник возгласил: “Да воскреснет Бог, и расточатся врази его!” Когда он положил крест на аналой, клир запел: “Кресту твоему поклоняется, Владыко!” Все присутствовавшие три раза поклонились в землю. Во время водосвятия, когда пели: “Спаси, господи, люди твоя”, народ, стоя на коленях, общим хором вторил молитве. Но когда запели: “К Богородице при-

---

¹ Рапорт... Грацианского... С. 731, 735.

² Наполеон в России. С. 17–18.

лежно ныне притецем (...)”, – весь храм огласился воплями и рыданиями. Матери, стоя на коленях, поднимая на руках грудных младенцев, зывали: “Пресвятая Дева, спаси невинных детей”»¹.

Так, благодаря самоотверженности нескольких священнослужителей, взявших на себя немалое бремя ответственности, поступая, во многом, вопреки наущениям русских властей, как светских, так и церковных, при поддержке муниципалитета и французской администрации несчастные москвичи получили возможность душевного успокоения.

Любопытно, что позже Ростопчин был вынужден сам ходатайствовать перед московским архиепископом Августином, а последний – перед Синодом, о награждении священников, которые отправляли богослужение в оккупированной Москве. По нашему мнению, это свидетельствует о том, что формального распоряжения о закрытии храмов и прекращении службы, вероятно, все же не поступало. Российские власти, как гражданские, военные, так и церковные, молча, задним числом, сознавая свою ответственность за то, что произошло с российскими подданными в Москве, поспешили вознаградить подвиги тех, кто в тяжелую годину сохранил верность человеческому и гражданскому долгу.

Как действовала созданная французами московская полиция и как вели себя ее чины? Как уже отмечалось выше, если муниципалитет удалось формально создать уже 24 сентября, то с созданием полиции дело обстояло сложнее. Причина заключалась в том, что чинам полиции предстояло не проводить заседания, подобно муниципалам, но непосредственно сразу заняться наведением порядка в городе, что было далеко не безопасно. Назначенные французским командованием – Виллерсом и Пюжо – частные приставы (французы их называли участковыми комиссарами и даже комендантами)² нередко усиленно прятались и от них самих (так, к примеру, делал частный пристав Серпуховской части³). Но есть примеры и иного рода: чины новой московской полиции пытались, как могли, остановить грабежи и насилия со стороны оккупантов и защитить несчастных москвичей.

---

¹ Рязанов А. Указ. соч. С. 200–204. Рязанов вспоминал, что среди молящихся русских оказалось трое неприятельских солдат «в синих мундирах, стоявших на коленях и молившихся со слезами». По его мнению, это были словаки.

² Списки частных приставов («комендантов районов») имеются в РГИА (Д. 942в. Л. 26–26 об.). Они опубликованы М.Н. Семеновым (Семенов М.Н. Указ. соч. С. 180–181).

³ См.: Корбелецкий Ф.И. Указ. соч. С. 48–49.

В связи с этим чрезвычайный интерес представляют рапорты, направлявшиеся участковыми комиссарами Мортье, и к которым уже обращались двое исследователей: П.П. Гронский и А.Н. Попов. Приведем несколько характерных эпизодов из этих рапортов. 2 октября Жорж (Егор) Лаланс доносил, что солдаты 3-го корпуса не только грабят жителей, укрывшихся в подвалах, но и наносят им раны саблями. В грабеже участвуют и французские раненые, помещенные в госпитале Воспитательного дома, которые отнимают у русских капусту и картофель. Он же сообщал о безобразиях, чинимых стоявшими на биваках в саду близ Яузы саксонскими и польскими солдатами, один из которых (саксонец) ударил старую женщину и угрожал убить ее, если она донесет о грабежах комиссару.

9 октября М.И. Марк, комиссар Пресненской части (13 участка) сообщал, что фурьер 10-й роты гвардейской кавалерии обокрал оставшего русского сержанта, а комиссар Басманной части Умберт (Гриберт, Гюберт) Дро(з) в тот же день извещал о действиях в его округе «целой шайки грабителей (...), которую можно разогнать только значительной силою». Комиссар 8-го участка Карл Лассан докладывал о ранении коллежского секретаря П. Разумова в результате нападения на него наполеоновских солдат. Один из комиссаров доносил об убийствах и истязаниях солдатами лошадей: ради забавы в них стреляли из ружей и перерезали им ноги.

В своих донесениях комиссары уделяли много внимания положению русских пленных и раненых: сообщали о высокой смертности среди них и просили оказать им возможную помощь продовольствием¹. Стоит отметить, что многие комиссары полиции были иностранцами подданными (Лаланс, Марк, Лассан и др.).

В заключение наших размышлений о судьбе тех, кто в большинстве случаев не по своей воле вынужден был вступить в органы оккупационной власти, приведем слова С.А. Маслова, который в октябре 1812 г. чудом пробрался в сожженную Москву и уже в 1813 г. опубликовал свои записки. Повстречав и пообщавшись с несколькими из «новопожалованных» французами чиновников, он долго «думал о жалкой участи тех из соотечественников, которые принуждены были принять на себя какие-нибудь должности по приказанию французского начальства. Большая часть таковых были отцы семейства, не имеющие средств или случая выехать из Москвы, или молодые люди, оставшиеся при своих родителях, которых не могли вывезти. Те и другие, по моему мнению, имели очень много причин не упускать

---

¹ Попов А.Н. Французы в Москве. С. 120–121; Гронский П.П. Указ. соч. С. 221–222. См. также: РГИА. Д. 942в. Л. 399 и далее.

первого средства, могущего доставить им и семействам личную безопасность. Сверх того, кроме принуждения, которому нельзя было противиться, продолжительный голод, который обещало зимование французов в Москве и который уже начинал свирепствовать, неизвестность собственной участи, опасность быть употребленным в тяжкие работы и под ноши или быть ограбленным до последней нитки, сохранение семейства, – все сие кого бы не принудило не только принять на себя какой-либо чин по непремennomу приказанию, но даже искать оно для спасения жизни?»¹

Подведем итоги. Цели, которые преследовало французское командование, создавая муниципалитет и полицию, по нашему мнению, были следующие: а) создать условия для мирных переговоров с российским командованием и властями; б) снять с себя ответственность за московский пожар; в) решить вопросы жизнеобеспечения оставшихся в городе москвичей; г) помочь в деле расквартирования войск и снабжения их продовольствием и фуражом. Однако последняя цель вскоре отпала как нереалистичная с точки зрения возможностей муниципалитета и полиции.

Время создания муниципалитета удастся определить достаточно точно: 24 сентября, в один день с проведением «процесса над поджигателями». Начало реального функционирования полиции следует отнести к более позднему времени – к первым числам октября.

Причины, заставившие ряд москвичей согласиться занять должности в муниципалитете и полиции, определялись тяжестью и противоречивостью самой ситуации, в которой оказались жители первопрестольной во время оккупации. Эта ситуация была создана, во-первых, действиями московских властей, бросивших часть населения на произвол судьбы с одновременной организацией поджогов в городе; во-вторых, самой страшной ситуацией в Москве, возникшей в результате пожаров и грабежей. В этих условиях действия москвичей, принявших участие в создании и работе муниципалитета и полиции, были обусловлены чаще всего следующими факторами: а) принуждение к принятию должностей со стороны французского командования; б) естественное стремление обезопасить себя от насилия и надежда на получение средств к спасению своих семейств; в) благородное самоотречение значительной части членов муниципалитета, полиции и части оставшегося в Москве духовенства ради помощи несчастным соотечественникам; г) желание сотрудничать с оккупантами из корыстных побуждений (Орлов, Позняков и немногие др.);

---

¹ Маслов С.А. Путешествие в Москву во время пребывания в оной французов // Пожар Москвы. С. 14.

д) не всегда адекватное поведение, проявленное некоторыми лицами (например, Щербачевым). Мотивы поведения некоторых лиц (Корбелецкого, Вишневого и др.) до сих пор не представляется возможным убедительно объяснить.

Результативность действий муниципалитета и полиции, с точки зрения интервентов, оказалась чрезвычайно низкой. В подавляющем большинстве случаев эти органы власти действовали не в интересах армии Наполеона, но в интересах своих соотечественников. Причина заключалась не только в пассивности членов муниципалитета и чинов полиции, но и в том, что французское командование изначально отнеслось к возможностям каких-либо социальных перемен в великорусских губерниях России с большим опасением.

Отношение русских властей, в том числе в лице Следственной комиссии, к обвиненным в сотрудничестве с оккупантами было достаточно снисходительным¹. Если на первых порах Ростопчин и некоторые другие официальные лица были готовы сурово наказать «предателей», то вскоре стало сказываться наличие у ярада подследственных влиятельных покровителей, а затем стала очевидной и общая установка Александра I на всепрощение. Окончательное решение об амнистии подследственных Александр I принимает в Москве – в день своих именин 30 августа (ст. ст.) – перед отбытием на Венский конгресс. Несомненно, этот шаг был связан с желанием продемонстрировать «человеколюбие» перед лицом европейских государей. Второй причиной небывалого всепрощения даже тех, чья вина являлась очевидной и была доказана, стала необходимость для властей оправдать и собственные действия в ходе трагических событий в Москве в 1812 г. Фактически только один Позняков (если исключить умерших во время следствия И.Л. Буржуа и бывшего помощником комиссара в Мясницкой части Ф. Пузырева, а также скончавшегося в 1815 г. И. Штанникова) понес суровую кару.

Наконец попытаемся ответить на главный вопрос: в чем же заключалась специфика коллаборационизма эпохи 1812 г. (имея в виду, конечно, только великорусские губернии). Обращает на себя внимание, прежде всего, ограниченный размах этого явления. Убедительными можно назвать две причины. Во-первых, относительное единство российского общества; во-вторых, политика самих оккупационных властей, предпочитавших не прибегать к помощи «горючего материала», имевшегося в российском обществе. Первую, по нашему мнению, трудно считать неопровержимой на фоне тех

---

¹ Заключение Следственной комиссии по московским коллаборационистам см.: РГИА. Д. 942в. Л. 686–696 об.

многочисленных эксцессов, которые сопровождали ход войны 1812 г. (хотя, конечно, размах и характер этих эксцессов не сопоставимы с тем, что имело место в 1941–1944 гг.). Но второй обозначенный выше фактор вряд ли вызывает сомнения. Наполеон и его администрация изначально не собирались разжигать в России «революцию», опасаясь ее непредсказуемости и возможных катастрофических последствий.

2.5. Судьба русских раненых, оставленных в Москве

Тяжкий жребий, выпавший на долю раненых и больных солдат российской армии, оказавшихся в оккупированной Наполеоном Москве, давно стал предметом не только научного, но и общественного внимания. Первым, кто во всеуслышание заявил о страшной участи этих людей, стал французский император. Вечером 16 сентября 1812 г., вскоре после того как Наполеон покинул горящий Кремль и перебрался в Петровский дворец, в 19-м бюллетене Великой армии он объявил о том, что в Москве «в госпиталях находится 30 тыс. раненых и больных русских, брошенных без какой-либо помощи и без продовольствия». На следующий день, в 20-м бюллетене, описав уничтожение Москвы «в океане пламени», Наполеон без обиняков заявил, что 30 тыс. раненых и больных русских сгорело¹. 19 сентября, принимая в Кремле И.А. Тутолмина, главного надзирателя Воспитательного дома, Наполеон резко уменьшил названное первоначально число оставленных в Москве русских раненых, заявив то ли о 20 тыс. (в передаче секретаря-архивиста французского императора А.Ж. Ф. Фэна), то ли о 10 тыс. (в передаче Тутолмина)². 9 октября в 23-м бюллетене Наполеон, писал, что «в госпиталях осталось примерно 4 тыс. раненых и больных русских», и при этом уклончиво заметил, что «число погибших чрезвычайно значительно»³.

---

¹ Napoléon I. Œuvres de Napoléon I. P. 62–64. Очевидно, что подобная цифра, названная во многом наугад, имела прежде всего пропагандистский характер. К примеру, «Курьер литовский», выходявший в Вильно, с неукоснительной точностью сразу воспроизвел все эти пассажи наполеоновских бюллетеней (Kurjer Litewski. 1812. № 78–79 // Военский К.А. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. СПб., 1909. Т. 1. С. 327–328). То же сделали и другие органы печати Наполеоновской империи.

² Fain A.J.F. Op. cit. P. 103; Тутолмин – императрице Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 64; РА. 1909. № 11. С. 466.

³ Napoléon I. Œuvres de Napoléon I. P. 68.

В 1817 г. вышел 4-й том воспоминаний главного хирурга Великой армии Ж.Д. Ларрея, в котором он описал, как инспектировал в первые дни пребывания в Москве русские госпитали¹. С восхищением осматривая Главный военный госпиталь, который он сравнил с парижской Военной школой, Ларрей подсчитал, что тот был рассчитан на более чем 3 тыс. больных. Однако французы нашли в нем «только очень малое число больных и перевели их во второй госпиталь, который был самым маленьким, учрежденным под названием Института для обучения детей обоих полов, оставшихся после смерти военных, погибших на войне»². Ларрей обследовал не только Главный военный госпиталь, но определенно также Шереметевскую больницу, Голицынскую больницу, Александровский институт и Воспитательный дом. Возможно, он осмотрел и еще некоторые «гражданские богадельни», однако о нахождении русских раненых он написал только применительно к Голицынской больнице, указав, что в ней, наряду с французскими офицерами, «равным образом лежало около тридцати русских офицеров, с тяжелыми ранениями, которые были размещены их товарищами в этом госпитале (hospice) перед собственным отбытием из Москвы»³.

Между тем в книге «московского немца» врача А.В. Нордгофа, опубликованной в 1822 г., представлена совсем иная картина применительно к Главному военному госпиталю (l'hôpital militaire impérial), который, по словам ее автора, «был оставлен [французской администрацией. – В. З.] исключительно для русских раненых», и в котором «было напихано семь тысяч раненых». «Несчастные больные, – писал Нордгоф, – не имели ни хирургов, ни медикаментов, ни даже продовольствия. Они без всякой помощи боролись с болью, голодом и жаждой». «Из окон выбрасывали тела, которые образовали кучи у начала лестницы. Только 5 сотен человек смогли выжить при таких бедствиях, и они не смогли бы сохранить свою жизнь, если бы не гуманность одного немецкого хирурга»⁴.

Книги Ларрея и Нордгофа не оказали, однако, заметного влияния на историографию проблемы. Гораздо большее широкий резонанс получила своеобразная полемика, произошедшая в 1823 г. меж-

---

¹ Larrey D.J. Mémoires de chirurgie militaire. P., 1817. Т. 4. P. 65–67.

² Цит. по: Larrey D.J. Mémoires et campagnes. P., 1984. P. 67. Трудно сказать определенно, о каком «Институте для обучения детей...» здесь идет речь.

³ Ibid. P. 68.

⁴ Histoire de la destruction de Moscou. P. 84–85. Нельзя исключать, что описанный Нордгофом l'hôpital militaire impérial – это Головинский (старый) дворец.

ду Ж. Шамбрэ и Ф.В. Ростопчиным по поводу причин и последствий московского пожара¹. Шамбрэ, чье произведение до сих пор считается одним из лучших военных описаний Русской кампании 1812 г., утверждал, что более 10 тыс. раненых и больных русских, оставленных в московских госпиталях без помощи и пищи, погибли во время пожара или от голодной смерти². Шамбрэ поместил жуткое описание происходившего в московских госпиталях: «Из всех зрелищ, которые являли разрушение Москвы, самым страшным было зрелище пожара русских госпиталей; там оставались те, кто был тяжело ранен, ибо все те, которые могли передвигаться, ушли при приближении французской армии. Как только пламя охватило помещения, в которых раненые лежали вповалку, стало видно, как они пытались спускаться по лестницам или выбрасываться из окон, испуская мучительные крики; но этим несчастным ненадолго удавалось продлить свое существование; они умирали, разбившись при падении с высоты или становились жертвами голода и отсутствия какой-либо помощи. Более десяти тысяч раненых погибли таким образом»³. Ростопчин, на которого Шамбрэ во многом возлагал ответственность за поджог Москвы, решительно возражал. В отношении русских раненых он уверял, что «от шестнадцати до семнадцати тысяч были отправлены на четырех тысячах подводок накануне занятия Москвы в Коломну, откуда они поплыли Окою на больших крытых барках в Рязанскую губернию, где были учреждены госпитали. Две тысячи раненых оставались в Москве». При этом «два госпиталя, в которых они находились, также не сгорели»⁴.

Если оправдания Ростопчина не оказали заметного влияния на историческую и мемуарную литературу, то картина горящих госпиталей, нарисованная Шамбрэ, стала переходить из одной книги в другую. К примеру, Ч. Ложье, чья работа вышла в 1826–1827 гг., писал: «Но среди всех этих зрелищ самое ужасное, самое плачевное – пожар больниц. Там было более 20 000 тяжелобольных и раненых. Только что пламя охватило эти здания, как из открытых окон послушались страшные крики: несчастные двигались, как призраки, после томительных мучительных колебаний, бросаются вниз. Считают, что таким образом погибло 10 000 больных и раненых, то есть при-

---

¹ Chambray G. Op. cit. Т. 2; Rostopchine F.V. Op. cit. (рус. пер.: Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы, М., 1823).

² Chambray G. Op. cit. P. 125.

³ Ibid. P. 124–125.

⁴ Ростопчин Ф.В. Указ. соч. С. 42, 48.

близительно половина»¹. А. Домерг, режиссер французского театра в Москве, которого в эти дни в городе не было и который спустя много лет описывал происходившее в 1812 г. не только с ним, но и с «московскими французами», также вдохновлялся Шамбрэ: «Как только огонь охватил здания, где были скучены раненые, послышались раздирающие душу крики, восходящие как бы из громадной печи. Вскоре затем несчастные показались в окнах и на лестницах, напрасно сиюсь унести свое полуобгоревшее тело от огня, который их обгонял. Силы им изменяли; задыхаясь от дыма, они не могли уже более ни двигаться, ни кричать. (...) Несчастные умирали в страшных мучениях. Более десяти тысяч погибло на этом ужасном костре»².

В 1826 г. П.М. Немпд-Дюпуайе, в 1812 г. и. о. директора инженерного парка Великой армии, попытался подвергнуть сомнению убедительность принятой французскими авторами версии о целенаправленном поджоге русскими властями Москвы³. «(...) Я видел, – писал он, – больных и раненых, которых русская армия разместила в госпиталях и частных домах, одних и без помощи, волочащихся по дворам и по улицам, дабы избежать огня, и находивших смерть в раскаленном и сухом воздухе. Другие, которые не имели сил двигаться, загорелись от головешек, падавших им на волосы и переносивших огонь на солому, на которой они лежали»⁴. Немпд недоумевал: могло ли все это входить в план по поджогу Москвы русского губернатора? Разве бы он не принял всех мер, чтобы эвакуировать транспортабельных больных и раненых, число которых доходило до 20 тыс.? Впрочем, имя Немпда как автора небольшой книги о московском пожаре оказалось в историографии фактически незамеченным.

В 1839 г., впервые через 16 лет после оправдательной записки Ростопчина, о судьбе несчастных раненых сказала свое слово и российская историография. Избегая упоминания каких-либо «частно-

---

¹ Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 2005. С. 78.

² Мемуары А. Домерга вышли в 1835 г.: Domergues A. *Op. cit.* Цит. по: Домерг А. Указ. соч. 1881. № 8. С. 878. В свою очередь, книги Ложье и Домерга сами стали источниками вдохновения для других авторов и продолжают ими оставаться по сей день (см., например: Попов А.И. Русские военнопленные в 1812 г. Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография (Труды ГИМ. Вып. 187). М., 2012. Т. 10. С. 88–89). Впрочем, продолжают цитировать и Шамбрэ (см., например: Искюль С.Н. Французы в Москве в 1812 году // Французский ежегодник. 2012. М., 2012. С. 66–67).

³ Nempde P.M. *Op. cit.*

⁴ *Ibid.* P. 13–14.

стей», А.И. Михайловский-Данилевский вынужден был написать, что в Москве осталось до 10 тыс. русских раненых и что «весьма немногие из них спаслись от огня, голода и свирепства неприятелей»¹.

Между тем во французской литературе, как исторической, так и мемуарной, версия Наполеона с удивительным постоянством, хотя и в разных вариациях, продолжала развиваться. По мнению А. Тьера, 14-й том «Истории Консульства и Империи» которого вышел в 1855 г., говорилось, что русские оставили в Москве, уповая на гуманность французов, 15 тыс. раненых, и что «эти несчастные погибли, но не от наших рук». «Эти несчастные люди, которые не могли двигаться, были пожраны пламенем. 15 тыс. этих людей стали жертвами варварского патриотизма Ростопчина»². О том, что во время пожара «большой госпиталь, наполненный русскими солдатами, от 9 до 10 тыс., ранеными при Бородино, стал жертвой пламени, к стыду организаторов этого бедствия», написал в своих воспоминаниях Ф.М. Дюфур, командовавший в те дни 2-й пехотной дивизией 1-го армейского корпуса Великой армии³.

В XX в. французская версия была с энтузиазмом воспринята польской историографией. М. Кукель писал, что из 36 тыс. раненых, оказавшихся в Москве накануне ее сдачи, 10 тыс., обрекая их тем самым на смерть от огня, было оставлено. Из них, по словам Кукеля, погибло от 8 до 10 тыс. человек⁴. Современный польский историк Р. Ковальчик, солидаризируясь с Кукелем, не исключает возможности гибели даже большего числа русских раненых⁵.

Что же отечественная историография? Реальное обсуждение проблемы началось только с 60-х гг. XIX в. с публикации ряда документов и мемуаров участников событий. Так, в 1860 г. было издано донесение И.А. Тутолмина вдовствующей императрице Марии Федоровне от 11 ноября (ст. ст.) 1812 г., в котором говорилось о гибели 700 российских раненых, помещенных в Кудринский Вдовый дом, и ставших там жертвой пламени⁶. Разрозненные упоминания о

---

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. 3-е изд. СПб., 1843. Ч. 2. С. 345.

² Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1856. T. 14. P. 375, 388.

³ Dufour F.M. Guerre de Russie. 1812. P., 2007. P. 300.

⁴ Kukiel M. Op. cit. T. 2. Str. 210–211, 214.

⁵ Kowalczyk R. Katastrofa Wielkiej Armii Napoleona w Rosji w 1812 roku. Łódź, 2007. S. 43–44.

⁶ Чтения в обществе истории и древностей российских в Московском университете (далее – ЧОИДР). 1860. Кн. 2. Материалы отечественные. С. 161–184.

трагедии, произошедшей с русскими ранеными в Москве в 1812 г., оказались разбросанными по документам, опубликованным в «Русском архиве»¹, в сборниках документов Н.Ф. Дубровина², П.И. Щукина³, публикациях П.П. Гронского⁴, в коллективной работе В.В. Заглухинского, В.П. Копосова и И.В. Фомина⁵. Немало упоминаний об этом можно найти в мемуарах А.П. Ермолова, А.С. Норова, Н.Н. Муравьева и др.⁶ Тем не менее авторы исторических сочинений, как правило, обходили вопрос стороной либо, в лучшем случае, упоминали о нем вскользь, не пытаясь проверить факты и выяснить подлинные обстоятельства дела⁷. Ситуация стала меняться только к концу XX в. с появлением работ Н.А. Троицкого⁸. Предельно заострив вопрос, Троицкий писал: «Горопясь увезти “огнеспасительный снаряд”, заняв под него сотни подвод, власть предрержащие оставили в городе, обреченном на сожжение, 22,5 тыс. раненых, из которых очень многие, если не большинство, сгорели»⁹. А.А. Смирнов, совершенно справедливо усомнившись в том, что все 22,5 тыс. раненых¹⁰ могли сгореть в московском пожаре, вступил с Троицким в полемику¹¹.

---

¹ Рапорт генерал-майора Иловайского 4-го от 16 октября (ст. ст.) 1812 г.; Письмо М. Сокова И.Р. Баташову. Ст. 0218–0228.

² Дубровин Н.Ф. Указ. соч.

³ Щукин П.И. Бумаги, относящиеся...

⁴ Гронский П.П. Указ. соч.

⁵ Заглухинский В.В., Копосов В.П., Фомин И.В. Организация и работа военно-медицинской службы русской армии в Отечественную кампанию 1812 г. М., 1912.

⁶ Ермолов А.П. Записки. М., 1865. Ч. 1. С. 214; Норов А.С. Война и мир 1805–1812 гг. с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника. СПб., 1893. 72–74, 81; Муравьев Н.Н. Записки // Русские мемуары: Избранные страницы. 1800–1825 гг. М., 1989. С. 121–122; Волконский П.А. Указ. соч.; и др.

⁷ См., например: Попов А.Н. Французы в Москве. С. 72, 151.

⁸ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 190–191; Он же. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 220–222.

⁹ Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов. С. 220.

¹⁰ Эту цифру Троицкий привел на основе письма, помеченного 12 сентября (ст. ст.) 1812 г., главного медицинского инспектора Объединенных русских армий Я.В. Виллие А.А. Аракчееву, где говорилось о предположительном числе раненых и больных, находившихся в московских госпиталях к моменту эвакуации столицы (Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 131–136; Кутузов М.И. Сборник документов. М., 1954. Т. 4. Ч. 1. С. 470–471).

¹¹ Смирнов А.А. Сколько же их было? О раненых российских солдатах, оставленных в Москве в 1812 году // Эпоха наполеоновских войн: люди, со-

К рассматриваемой теме в 2002 г. обратился А.И. Попов, который, аккумулировав значительный документальный материал¹, пришел к выводу, что «основная часть русских раненых погибла в результате пожара, главными виновниками которого – и в этом нет оснований сомневаться – были их соотечественники»². Аналогичный вывод, хотя и на основе более фрагментарного материала, сделал С.И. Искюль. По его мнению, в Москве могло быть оставлено примерно 25 тыс. раненых и больных, часть которых сгорела в московском пожаре. «Непредусмотрительность и пренебрежение своими прямыми обязанностями со стороны армейского командования и власть предрежущих столичного града Москвы оказались (...) настолько чудовищными, вопиющими и непростительными, что обоих – и Кутузова и Ростопчина – прежде всего заботила необходимость переложить вину за оставление Москвы и пожар на “обстоятельства”, друг на друга, или, в конце концов, на “француза”»³.

В совершенно иной тональности выдержана недавняя статья В.П. Столяра и М.Б. Овчинниковой, в которой авторы, отдавая должное самоотверженной работе персонала русских госпиталей в 1812 г., в то же время обошли молчанием острые вопросы, создавая этим у доверчивого читателя явно искаженное впечатление о причинах ужасной судьбы оставшихся в Москве русских солдат. Из текста статьи следует, что единственной причиной массовой гибели русских раненых в Москве было жестокое обращение с ними наполеоновских оккупантов⁴.

бытия, идеи. М., 2000. С. 108–109; Он же. Сколько же их было? О раненых российских солдатах, оставленных в Москве в 1812 году // Император. 2001. № 2. С. 40–42.

¹ Попов А.И. Русские военнопленные в 1812 г. С. 7–12; Он же. Медицинская служба Великой армии в 1812 г. // Наполеон. Альманах за 2010 г. С. 82–88; и др.

² Попов А.И. Русские военнопленные. С. 12.

³ Искюль С.И. Указ. соч. С. 67.

⁴ Столяр В.П., Овчинникова М.Б. Московский госпиталь во время Отечественной войны 1812 г. // «Освобождение России от нашествия неприятельского»: Уроки истории и вызовы современности: Сб. докладов. М., 2013. С. 177–190. В ходе работы научной конференции, которая состоялась 17 октября 2012 г. в Российском институте стратегических исследований, на вопрос одного из работников РИСИ о том, есть ли хоть какие-то основания говорить, будто кто-то из русских раненых погиб в московском пожаре 1812 г., начальник научно-методического центра Главного военного клинического госпиталя им. Н.Н. Бурденко, д.и.н., проф. В.П. Столяр категорически заявил, что таких оснований не существует.

Полагаем, что сегодня пришло время, воздерживаясь от скороспелых или чрезмерно эмоциональных выводов, используя накопившийся за 200 лет огромный документальный материал¹, попытаться прояснить судьбу русских раненых, оставленных в оккупированной неприятелем Москве.

К концу августа 1812 г. не только все госпитали Москвы, но и многие учреждения ведомства императрицы Марии Федоровны были заполнены ранеными, поступавшими в столицу в течение последних двух месяцев. После генерального сражения под Можайском стали прибывать их новые партии. Голодные, измученные и обремененные раненые стали громить кабаки, лавки, обирать и даже убивать обывателей. Московские власти пытались, как могли, остановить этот разгул «вседозволенности». Ростопчин предписал Ивашкину обуздать мародеров и «праздношатающихся военных чинов». Их, а также «легкораненых» следовало брать под караул и отправлять под конвоем в армию². Но главные меры, предпринимаемые Ростопчиным, заключались в том, чтобы как можно скорее отправить транспорты с ранеными и толпы легкораненых³ из Москвы дальше, в сторону Коломны.

30 августа (ст. ст.) генерал-губернатор приказал генерал-кригс-комиссару А.И. Татищеву, «чтоб по мере доставления в Москву из армии раненых, оставлять из них в Москве для пользования одних только тяжело раненых, а легко раненых на тех же подводах, на коих в Москву они доставлены, отправлять в Коломну». Во исполнение этого приказа 31 августа (ст. ст.) в Коломну был отправлен транспорт из 1500 человек раненых «на тех подводах, на которых доставлены были в Москву»⁴. По всей видимости, этот транспорт еще удалось более или менее успешно организовать и обеспечить раненых в

---

¹ Важное значение имеет выход в 2012 г. двух солидных сборников документов, отложившихся в Отделе письменных источников ГИМ и в Центральном историческом архиве Москвы (Москва в 1812 году. М., 2012; Москва и Отечественная война 1812 г. М., 2011. Кн. 1–2).

² Предписание Ростопчина Ивашкину. 1 сентября (ст. ст.) 1812 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 97.

³ Мы не можем не согласиться с русскими военными медиками начала XX в., которые писали следующее: «Возможно, что и выносливость людей того времени была несколько иная, ибо так называемый “коэффициент моральной упругости”, несомненно, падает. Это обстоятельство могло повести к тому, что и сравнительно тяжело раненые могли передвигаться пешком» (Заглухинский В.В., Копосов В.П., Фомин И.В. Указ. соч. С. 195).

⁴ Татищев – Кутузову. Бронницы, 3 сентября (ст. ст.) 1812 г. // Там же. № 81. С. 78.

дороге должным образом¹. Судя по тексту рапорта Татищева Кутузову, после отправки первого транспорта генерал-кригс-комиссару «таковым же порядком предписано было отправлять ежедневно по несколько транспортов и не менее четырех»². Однако выполнить это предписание уже не представлялось никакой возможности. К 1 сентября (ст. ст.) начался такой наплыв раненых в Москву, что Ростопчин, не ведая еще о настроениях Кутузова оставить первопрестольную, теперь приказал отправлять в Коломну «всех раненых, кои в состоянии идти пешком или неопасно больных»³.

Поздно вечером 1 сентября (ст. ст.) русское командование приняло окончательное решение отказаться от боя за Москву, в течение ночи провести войска через город и сдать его неприятелю. В полночь Татищев получил от М.Б. Баркляя де Толли новый приказ: «Находящихся в Москве раненых и больных стараться всеми мерами тотчас без малейшего замедления перевести в Рязань, где и ожидать оным дальнейшего назначения...»⁴

Всю ночь и утро 2 сентября (ст. ст.) толпы раненых, кто как мог, чаще пешком, и только немногие – на подводах, двинулись к восточным окраинам Москвы и далее – по дорогам на Рязань или на Владимир. «В проезд мой из Москвы по Рязанской дороге до города Бронницы, – докладывал генерал-майор М.И. Левицкий, и. о. генерал-полицмейстера 1-й Западной армии, дежурному генералу штаба Кутузова полковнику П.С. Кайсарову, – обогнал идущих мелкими командами и поодиночке раненых и больных, которых хотя не собирал в одну команду, не мудрено в таком случае устроить, когда оные выгнаны с поспешением ночью и разбрелись по всем дорогам. По приезде ж в Бронницы нашел их также не малое число, между которыми находятся таковые, которых нужно вести на подводах...» «По Владимирской же дороге пошло довольно обозов, с которыми, полагать должно, отправались из Москвы и раненые», – писал он далее⁵.

Спустя два дня ситуация все еще мало изменилась. Командант Москвы генерал-лейтенант И.Х. Гессе 4 сентября (ст. ст.) докладывал Кутузову из Бронниц: «...по дороге, лежащей на Рязань, больные и раненые бродят без всякого порядка маленькими командами и по одиночке. Везде делают разные непозволительности (...) и я полагаю,

---

¹ См.: Татищев – Кутузову. Бронницы, 3 сентября (ст. ст.) 1812 г. // Там же. № 81. С. 78.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 79.

что здесь ни от чего другого такие неудобства выходят, как от того, что раненые нередко по дороге не имеют довлеемого [так в тексте. – В. З.] продовольствия, и особливо вышедшие из Москвы...»¹

Судьба раненых, которые смогли выйти из столицы, сложилась по-разному. Большая часть из них все же оказалась в госпиталях, организованных в Серпухове, Касимове, Елатье, Меленках и других пунктах². Иная участь была уготована тем раненым, которые не смогли покинуть Москву.

Сколько же их было? Найти ответ на этот вопрос можно только в случае, если установить, сколько было раненых и больных в Москве к началу сентября, и сколько их могло быть вывезено или ушло накануне и во время ее сдачи неприятелю. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. два известных историка войны 1812 г., Н.А. Троицкий и А.А. Смирнов, вступили в оживленную полемику по этому поводу³, которая дала заметные результаты. А именно был определен круг доступных источников и выявлены свидетельства в отношении количества раненых, прибывших в Москву, эвакуированных из Москвы и погибших в ходе московского пожара. Как показала эта полемика, базовым документом остается письмо Виллие к Аракчееву, помеченное Красной Пахрой 12 сентября (ст. ст.) 1812 г. В нем Виллие сообщал, что «в 9 часов вечера 1 сентября дано внезапное приказание о выводе больных и раненых из Москвы, коих большая часть взяла направление к Владимиру и Рязани (...)». И далее: «К крайнему моему сожалению, не имею я до сих пор сведения, сколько больных и раненых вышло из Москвы: ибо они принуждены были оставить оную внезапно и идти по разным дорогам». К письму был приложен «Список *временным* [выделено мной. – В. З.] в Москве госпиталям с показанием числа находившегося в оных больных», из которого следовало, что в Головинских казармах было 8000, в «Спасских» – 5000; в институтах: Александровском и Екатерининском до 4000, Кудринском до 3000, в Запасном дворце до 2000, по квартирам до 500 человек раненых и больных солдат⁴.

---

¹ Там же. С. 80.

² Так, известно, что только в «касимовскую группу госпиталей» (Касимов, Елатья, Меленки) на 26 октября (ст. ст.) 1812 г. прибыло для излечения 519 офицеров и 23 646 нижних чинов (Столяр В.П., Овчинникова М.Б. Указ. соч. С. 184).

³ См.: Смирнов А.А. Сколько же их было...

⁴ Виллие – Аракчееву. Красная Пахра, 12 сентября (ст. ст.) 1812 г. // Дубровин Н.В. Указ. соч. С. 131–133; Кутузов М.И. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 471.

Обращает на себя внимание, что в приведенном списке нет Главного военного госпиталя, т. к. он не был «временным». Данное обстоятельство имеет значение. Если учесть, что в Главном военном госпитале к концу августа было более 2 тыс. больных и раненых, а французы нашли в нем «только очень малое число больных»¹, основные усилия по вывозу раненых и больных были обращены, прежде всего на Главный военный госпиталь. Раненые и больные из «временных госпиталей», и те, кто в них вообще не оказался (многие лежали во дворах домов и даже на улицах)², должны были выбираться из Москвы, как смогут³.

Сколько раненых могло быть эвакуировано на подводах или уходить из города самостоятельно? Думаем, что около $\frac{2}{3}$. Беря за максимальную цифру раненых в Москве накануне сдачи в 30 тыс. человек, получаем более 10 тыс. человек оставшихся (не исключаем, что максимальное число оставшихся могло достигать и 15 тыс. человек). Это вполне соотносится с мнением ряда участников событий, прежде всего А.П. Ермолова и А.И. Михайловского-Данилевского⁴.

Попытаемся прояснить судьбу этих 10–15 тыс. человек. Итак, примерно с 9 часов вечера 1 сентября (ст. ст.) госпитальные служители стали получать «приказание о выводе больных и раненых из Москвы» (Виллие). «Чрез ночь, сколько можно было посадить раненых на повозки – посажено, а поутру уже все комиссионеры и при-

---

¹ Larrey D.J. Op. cit. 1984. P. 67. По мнению В.П. Столяра и М.Б. Овчинниковой, со ссылкой на рапорт главного интенданта Великой армии М. Дюма Наполеону, находящийся в РГВИА, в госпитале было «примерно 250 русских больных солдат или детей кантонистов» (Столяр В.П., Овчинникова М.Б. Указ. соч. С. 184).

² Будем условно считать, что общее число находившихся во «временных госпиталях» и лежавших на улицах могло быть не менее 22,5 тыс., а скорее всего, значительно больше – до 30 тыс. человек.

³ Обращает на себя внимание, что «смотрение» за «временными госпиталями» было закреплено за лейб-медиком Лодером, который, однако, уже вечером 1 сентября (ст. ст.) получил приказ отправиться вместе с 50 врачами «к Владимиру и Рязани», куда должна была прибыть большая часть отправленных из Москвы раненых (См.: Виллие – Аракчееву. Красная Пахра, 12 сентября (ст. ст.) 1812 г. // Дубровин Н.В. Указ. соч. С. 131). Занимался ли Лодер после получения такого приказа эвакуацией раненых из «временных госпиталей» или сразу отправился из Москвы – не ясно. В любом случае времени для масштабной эвакуации у него явно не было.

⁴ По мнению Ф.В. Акинфова, в Москве было оставлено 9 тыс. раненых и больных солдат (Акинфов Ф.В. Разговор с Мюратом // России двинулись сыны. М., 1988. С. 181–182).

слуга московских госпиталей рассыпались, и много, кажется, оставалось больных, которых поднять уже не было возможности», – читаем в отчете интендантского управления¹. «Самое тягостное зрелище, – вспоминал К. Клаузевиц, – представляло множество раненых, которые длинными рядами лежали вдоль домов и тщетно надеялись, что их увезут». «Все эти несчастные были обречены на смерть», – заканчивал он². Единственное, что сделало русское командование, оно отправило записку за подписью дежурного генерала при штабе Кутузова полковника П.С. Кайсарова командующему французским авангардом И. Мюрату следующего содержания: «Оставленные в Москве раненые поручаются гуманности французских войск»³. Как известно, эта записка была передана в полдень 2 сентября (ст. ст.) штабс-ротмистром лейб-гвардии Гусарского полка Ф.В. Акинфовым Мюрату, на что последний сказал так: «Напрасно поручать больных и раненых великодушью французских войск; французы в пленных неприятелях не видят уже врагов»⁴.

В сущности, получалось, что все раненые и больные русские солдаты, оставшиеся в Москве, автоматически становились пленными. Те из них, которые будут в состоянии идти, пополнят ряды пленников, подлежащих взятию под караул и этапированию в неприятельский тыл. Очевидно, что среди многочисленных групп отставших от частей солдат, нередко занимавшихся в Москве мародерством, было немалое число и легкораненых, которых сразу стали задерживать французские патрули (по мнению Шамбрэ, уже 15 сентября патрули взяли в плен более 6 тыс. человек⁵). Более того, часть из них уже в первые дни оккупации была расстреляна. К 16 сентября относится следующий приказ за подписью начальника Главного штаба Великой армии маршала Л.А. Бертье: «Согласно Прокламации от 14-го сего месяца⁶ все русские офицеры и солдаты должны явиться и объявить о себе в течение 24 часов господину коменданту Москвы. Сегодня, 16-го числа, на третий день после объявления Прокламации, многие

---

¹ Кутузов М.И. Указ. соч. Т. 4. Ч. 2. С. 707.

² Клаузевиц К. Указ. соч. С. 85.

³ Un billet de Kaissarov. 2 (14) сентября 1812 г.

⁴ Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1902. Вып. 1. С. 205–212.

⁵ Chambray G. Op. cit. P. 118. Note «a».

⁶ Текст этой прокламации на французском языке без подписи и даты впервые опубликовал Шамбрэ (Chambray G. Op. cit. P. 114–115; Note «a»), а затем на русском языке А.И. Михайловский-Данилевский (Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. 2-е изд. СПб., 1840. Ч. 2. С. 287). См. также: Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 118–119.

русские солдаты продолжают бегать по улицам и арестовываются при поджоге домов. Поэтому, согласно настоящему приказу, все русские солдаты, которые будут встречены на улицах, подлежат смерти»¹.

Вечером 2 сентября (ст. ст.), в день вступления наполеоновских войск в Москву, в разных частях города начался пожар. Уже 3 сентября (ст. ст.) огонь охватил здание Кудринского Вдовьего дома, в котором находилось несколько тысяч русских раненых.

Вдовый дом был открыт в начале XVIII в. и первоначально находился в Лефортово, в доме Болкашина (т. н. Старый Лефортовский Вдовый дом). В 1809–1811 гг. И.Д. Жилярди было построено новое здание, но по повелению императрицы Марии Федоровны 10 июня (ст. ст.) 1812 г. оно было отдано под Александровское училище (ныне ул. Достоевского, 4). Вместо нового здания Вдовьему дому было отдано прежнее здание Александровского училища, построенное также И.Д. Жилярди на Кудринской площади (ныне угол Кудринской пл. и Баррикадной ул.²). В конце августа 1812 г. в связи с гигантским наплывом раненых в Москву Ростопчин потребовал «отдать для помещения раненых»³ оба Вдовьих дома (в Лефортово и на Кудринской пл.). Тутолмин, главный надзиратель Воспитательного дома, в чьем ведении находились оба Вдовьих дома, был вынужден отдать их «в распоряжение генерал кригскомиссара Татищева, оставя при оных свой наемный караул для охранения оставшихся в них казенных вещей»⁴. К 1 сентября (ст. ст.) в Кудринском Вдовьем доме могло быть размещено до 3 тыс. раненых и больных солдат. Однако после объявления поздним вечером 1 сентября (ст. ст.) о спешном «выводе» больных и раненых из Москвы⁵ в

---

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3588. Л. 1.

² Адрес: Садово-Кудринская, 1. Здесь расположена Российская медицинская академия постдипломного образования. Нынешнее здание построено Д.И. Жилярди и А.Г. Григорьевым в 1818–1823 гг. В состав правого крыла здания включена часть старого.

³ Тутолмин – императрице Марии Федоровне. 26 августа (ст. ст.) 1812 г. // Москва в 1812 г. С. 146–147; Тутолмин – императрице Марии Федоровне. 31 августа (ст. ст.) 1812 г. // Там же. С. 148.

⁴ Москва в 1812 г. С. 148.

⁵ Сохранились воспоминания унтер-офицера Д.В. Душенкевича, который, будучи ранен, был помещен «во Вдовьем доме, где всего в изобилии, даже в излишестве заготовлено, чего бы кто из раненых не пожелал». «В довольстве и покое мы забыли о неприятеле», – писал он. 2 сентября (ст. ст.), вспоминает он далее, «едва утреннего солнца яркие лучи осветили окна наши, директор, или наблюдавший за больницами гр. Толстой принес самую

нем оставалось не менее половины. Причем, согласно рапорту смотрителя Вдовьего дома Н.Ф. Мирицкого¹, «при раненых же и больных никаких чиновников и служителей не осталось». Что же касается Мирицкого, главной задачей которого, как можно полагать, было сохранение имущества самого Вдовьего дома, то ко 2 сентября (ст. ст.) при нем были только «писарь и один инвалидный солдат, а протчия вольнонанятые караульщики при вступлении неприятеля от страху разошлись»².

О трагедии, разыгравшейся в Кудринском Вдовьем доме, нам известно по двум (трем) рапортам Тутолмина и одному рапорту Мирицкого. В сентябре (число неизвестно) 1812 г. Тутолмин писал на имя императрицы Марии Федоровны следующее: «...Кудринский же Вдовый дом, по данному ко мне рапорту от Смотрителя Мирицкого, как главный корпус, так и все деревянные флигели и службы со всеми казенными вещами и письменными делами, разхищены и до самого основания згорели, едва только успел Смотритель с семейством своим, писарем и одним караульным, и те ограбленные, спасти свою жизнь»³. Позже, в ноябре 1812 г., составляя подробный рапорт на имя Марии Федоровны, Тутолмин напишет так: «8-го сентября, в воскресенье, смотритель вдовьего дома Митрицкий рапортом мне донес, что Кудринский Вдовый дом со всем строением, оставшимся имуществом и письменными делами сгорели, а остальные казенные деньги 14 р. 90 к. разграблены, с коими вместе сделались жертвою пламени до 700 человек российских раненых: оные по слабости сил не могли избежать своей гибели, другие же во время пожара спасались; при сем случае сам он, Мирицкий с семейством от пожара и грабительства лишился всего своего имущества и пришел

пасмурную вестъ. Короткими словами он предложил нам: на приготовленных во дворе подводах спастись в г. Владимир. “А французы сегодня вступают в Москву”, – прибавил он, залившись слезами, и вышел, рыдая горько». Душенкевич с товарищами, вместо того чтобы расположиться на подводах, решили искать свой полк (Душенкевич Д.В. Из моих воспоминаний от 1812 года // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 105–135).

¹ Николай Федорович Мирицкий, предположительно 1748 г. рождения, происходил из приказных. С 1803 г. был смотрителем Московского Вдовьего дома. За труды при строительстве дома в 1809–1811 гг. был пожалован чином надворного советника. В январе 1813 г. награжден орденом Владимира 4-й ст. (Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 50. Примеч. 1.).

² Мирицкий – Тутолмину. 27 ноября (ст. ст.) 1812 г. // Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 49.

³ Тутолмин – императрице Марии Федоровне. Сентябрь 1812 г. // Там же. С. 92.

ко мне в самом худом рубище, которого, по возможности, снабдив одеждою, поместил в доме»¹.

Наконец, имеется рапорт самого Мирицкого, составленный 27 ноября (ст. ст.) 1812 г. по требованию Тутолмина². По словам Мирицкого, «никаких принять мер к сохранению [дома] было невозможно, потому что все соседские дома, постоянные дворы и насупротив Кудринские лавки со всех сторон сентября 3-го числа неприятелем были зазжены, а вместе и оный Вдовый дом». Кроме того, «пожарных инструментов в том Доме никаких после переведения Александровского училища не оставалось». И далее: «Попечение в несчастном случае имел я, и при мне были писарь и один инвалидной солдат, а протчия вольнонанятые караульщики по вступлении неприятеля от страху разошлись; при раненых же и больных никаких чиновников и служителей не оставалось, и никаких невозможно было приложить способов к збережению Дома по великому числу зажигателей, которые не только вместе с зажигательством грабили, но и смерть наносили противящимся, сверх коих непрестанные толпы грабителей и крови жаждущих неприятелей шатались по всем местам, причем и я с семейством лишился всего моего имущества, подвергался опасности жизни и в правую ногу в двух местах тесаком проколол, равномерно горестную участь имел и писарь Матвей Антонов с инвалидным солдатом Макаровым». «(...) Так как никаких прислужников не было при раненых и больных, то и неизвестно, какое число оных оставалось во Вдовьем доме, а примерно можно положить до 1500 человек, из коих 800, имевшие хотя малые силы,

---

¹ Тутолмин – императрице Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Копия // ЧОИДР. 1860. Кн. 2. Смес. С. 170; Москва в 1812 г. С. 167. Упоминание о пожаре в Кудринском Вдовьем доме есть и в донесении Тутолмина Марии Федоровне, помеченном 12 октября (ст. ст.) 1812 г.: «Вдовый же Кудринский дом сгорел со всеми казенными вещами...» (Москва в 1812 г. С. 151). В публикации Щукина к донесению Тутолмина от 11 ноября (ст. ст.) было сделано примечание: «Кудринский Вдовый дом сгорел 3-го сентября во вторник не от соседственных дворов, но от явного зажигательства французов, которые, видя, что в том доме русских раненых было около 3000 человек, стреляли в оный горючими материалами, и сколько смотритель Мирицкий ни просил варваров сих о пощаде дома, до 700 раненых наших в оном сгорели; имевшие силы, выбежали и кой-куда разбрелись. В доме тихо отправляли в церкви службу; все исповедались и причащались, готовясь на смерть» (Бумаги, относящиеся... Ч. 5. С. 155). Судя по всему, данное примечание сделал издатель П.И. Щукин.

² Первый рапорт, представленный Тутолмину Мирицким 8 сентября (ст. ст.) 1812 г., не выявлен.

спаслись от гибели при пожаре. Кой во время пожара вышли на двор и в сад и в продолжении нескольких дней разошлись в разные стороны, поелику они оставались без всякого пропитания, а остальные до 700 человек сделались жертвою пламени, будучи не в силах спастись»¹.

Горели ли в ходе великого московского пожара 14–18 сентября 1812 г. какие-либо другие здания, в которых находились русские раненые? Для ответа на этот вопрос попытаемся определить, где и в каком числе раненые и больные русские солдаты могли находиться в оставленной неприятелю Москве, а также какие госпитали или здания, превращенные в госпитали, горели.

В *Главном московском военном госпитале* (ныне Госпитальная пл., 1/3). Как известно, к началу сентября (ст. ст.) здесь находилось до 2 тыс. раненых и больных, но ко времени осмотра госпиталя Ларреем (это произошло во время или сразу после пожара) их там оставалось немного. Пожара в зданиях госпиталя не было.

Головинский (старый) дворец (Екатерининский дворец) (ныне 1-й Краснокурсантский пер., 3/5), приспособленный при Павле I под казармы и отданный Ростовичным для помещения раненых. По сведениям Виллие, к началу сентября здесь могло быть до 8 тыс. человек. Никаких сведений о пожаре в Головинском дворце нет.

Спасские казармы (ныне Садово-Спасская ул., 1) имели в 1812 г. главное здание (дом, ранее принадлежавший графу И.С. Гендрикову) и четыре боковых каменных корпуса, построенных в 1798 г. К сентябрю 1812 г. в Спасских казармах оказалось до 5 тыс. раненых. Все четыре боковых корпуса сгорели во время большого пожара, по-видимому, вместе с теми ранеными, которые не смогли оттуда выползти. Известный архитектор В.А. Бакарев, которому в 1812 г. было 12 лет, писал следующее: «Многие из оставшихся в Москве жителей уверяли, что когда, например, горели Спасские казармы, то изнутри их они слышали раздирающие душу крик и стон, от которых у них волосы становились дыбом»².

Шереметевская больница (больница при странноприимном доме Прасковьи Шереметевой) (ныне Сухаревская пл., 3) была открыта в 1810 г. на 50 коек. К сентябрю 1812 г. раненых солдат здесь не было. Однако они, по-видимому, содержались в самом Странноприимном доме. В письме к Марии Федоровне, написанном аптекарем Шереметевского странноприимного дома (вероятно, это был

---

¹ Мирицкий – Тутолмину. 27 ноября (ст. ст.) 1812 г. // Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 49–50.

² Архнадзор. 2014. 17 января.

Е.А. Соймонов), сообщалось, что, несмотря на то, что «все начальники выехали», сам он остался «из-за сострадания к раненым офицерам» и 32-х бедным, находившимся в богадельне¹. В больнице же были только гражданские больные (по свидетельству главного врача больницы для бедных Х. Оппеля – 132 человека). Французы отправили всех больных в Екатерининский институт и разместили в больнице до 300 своих раненых². В здании больницы пожара не было. Однако угол корпуса Странноприимного дома в ночь с 3 на 4 сентября (ст. ст.) загорелся, но «то спасло, что он весь со сводами; а конюшни, сарай и погреб и заборы сгорели»³. О каких-либо жертвах в связи с пожаром не сообщается⁴. Сразу после освобождения Москвы от неприятеля в Шереметевскую больницу поместили оставшихся в живых русских раненых. К началу 20-х чисел октября (ст. ст.) их было 510 человек⁵.

Голицынская больница (ныне Ленинский пр., 10) была построена в 1802 г., первоначально на 50 коек. В 1803 г. при больнице открыли богадельню для неизлечимых больных. Ларрей, который обследовал московские госпитали, обнаружил в Голицынской больнице «около тридцати (à une trentaine) русских офицеров, имевших тяжёлые ранения»⁶. Вскоре сюда стали поступать раненые офицеры Великой армии. Пожар Голицынскую больницу, как, по-видимому, и богадельню, не затронул. После освобождения Москвы, а именно к началу 20-х чисел октября (ст. ст.), здесь было 38 больных⁷.

Екатерининская больница, находившаяся в здании бывшего Карантинного двора на 3-й Мещанской ул. (ныне ул. Щепкина, 61/2), раненых, как русских, так и французских, не принимала.

---

¹ РА. 1871. № 6. Ст. 0193.

² Оппель – Марии Федоровне. 15 октября (ст. ст.) 1812 г. // Москва в 1812 г. С. 152–153.

³ Тутолмин – Баранову. Ноябрь 1812 г. // Москва в 1812 г. С. 131; Тутолмин – императрице Марии Федоровне. 12 октября (ст. ст.) 1812 г. // РА. 1871. № 6. Ст. 0192–0198.

⁴ Документы совершенно опровергают заявление бригадира П.А. Волконского о том, что неприятель Шереметевскую больницу «всю сжег, где небольшая часть и больных сгорела» (Волконский П.А. Указ. соч. С. 354).

⁵ Спиридов – Ростопчину. Не позднее 25 октября (ст. ст.) 1812 г. // Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 43.

⁶ Larrey D.J. Op. cit. 1984. P. 68.

⁷ Спиридов – Ростопчину. Не позднее 25 октября (ст. ст.) 1812 г. // Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 43.

Согласно донесению смотрителя Андрея Смирнова от 18 октября (ст. ст.) 1812 г., больница пережила пожар и оккупацию благополучно. В ней оказались больные, присланные из богадельни странноприимного дома Шереметевой (17 человек), из больницы для бедных¹ (38 человек), из Голицынской больницы (3 человека), из богадельни графа Остермана (13 человек), а также 43 пациента, изначально в ней находившиеся, и один «оставшийся прусской нации полоненный крестьянин». Однако среди 22-х «принятых, явившихся самих по себе больных и раненых», определенно был кто-то из числа солдат русской армии. Никаких сведений о пожаре в здании больницы нет².

Мариинская больница для бедных (ныне ул. Достоевского, 4, корп. 1) была открыта в 1806 г. В течение всего периода оккупации в ней продолжали оставаться русские больные³, однако наполеоновская администрация разместила в ней до 300 французских больных и раненых. Стараниями главного лекаря Х.Ф. Опшеля больница пострадала от неприятеля незначительно. Пожара в ней не было⁴.

Павловская больница для бедных (ныне Павловская ул., 25) находилась в каменном здании, построенном в 1801–1807 гг. М.Ф. Казаковым. О ситуации в больнице узнаем из письма ее смотрителя П.П. Носкова секретарю императрицы Марии Федоровны Г.И. Вилламову от 28 октября (ст. ст.) 1812 г.⁵ Ко 2 сентября (ст. ст.) в больнице оставалось всего 23 больных. С 8 сентября (ст. ст.) в больнице стали размещать французских офицеров (23 человека), затем рядовых (71 человек). Однако через неделю рядовых перевели «в уч-

---

¹ Не совсем ясно, о какой именно больнице для бедных идет речь – Мариинской или Павловской.

² Донесение о состоянии Екатерининской больницы в Москве. 18 октября (ст. ст.) 1812 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 107. В донесении московского коменданта Г.Г. Спиридова Ростопчину, составленном не позднее 25 октября (ст. ст.) 1812 г., было указано, что в Екатерининской больнице содержится 174 больных (Москва в Отечественной войне 1812 г. Кн. 2. С. 43). Однако из текста не совсем понятно, идет ли речь о Екатерининской больнице, либо о Екатерининском институте, поскольку Александровский институт в тексте обозначен как «Александровская больница».

³ По другим сведениям, все русские больные (132 человека), находившиеся в Мариинской больнице, были отправлены французами в Екатерининский институт (Москва в Отечественной войне. Ч. 2. С. 93–94).

⁴ Тутолмин – императрице Марии Федоровне. 12 октября (ст. ст.) 1812 г. // Москва в 1812 г. С. 151. См. также: Там же. С. 13, 117, 120. 15 октября (ст. ст.) 1812 г. Опшель докладывал, что в больнице сверх обычных «сидельцев» находится «русский офицер при Можайске в ногу раненый» (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 49 об.).

⁵ Москва в 1812 г. С. 156–158.

режденную при университете больницу», а в Павловскую больницу стали принимать одних офицеров, которых к 20 сентября (ст. ст.) набралось до 100 человек, «в числе коих был и раненый в правую ногу контузией 1-й артиллерийской бригады роты полковника Глухова поручик Греч, захваченный французами при взятии Москвы в плен и оставленный по вывозу всех больных в сей больнице, который от последовавшей гнилой горячки 22-го числа сего месяца умер». «Павловская больница, – рапортовал 11 ноября (ст. ст.) императрице Марии Федоровне Тутолмин, – от пожара сохранена, но претерпела некоторым образом от расхищения и была занимаема французами ранеными...»¹

Александровский институт (училище) (ныне ул. Достоевского, 4) и *Екатерининский институт (училище)* (ныне Суворовская пл., 2). Здание Александровского института было построено в 1809–1811 гг. для Вдовьего дома, а здание Екатерининского института располагалось в бывшем Инвалидном доме для офицеров и солдат, перестроенном в 1802 г. И.Д. Жилярди. Здания находились недалеко друг от друга. Оба института после вывода из них воспитанниц поступили в распоряжение Ростопчина для помещения в них раненых², которых к началу сентября было размещено не менее 4 тыс. человек. Однако к моменту вхождения французов в Москву значительная часть больных и раненых солдат была вывезена или они ушли сами. На 20 октября (ст. ст.), согласно донесению лекаря Оппеля, в Александровском училище оставалось 400 воинских чинов³.

Каких-либо данных о количестве раненых в Екатерининском институте нет, но по некоторым сведениям⁴ французы перевели оставшихся в Екатерининском институте русских раненых в Александровский институт, и поэтому цифра в 400 воинских чинов на 20 октября (ст. ст.) может быть отнесена к обоим институтам⁵.

---

¹ Москва в 1812 г. С. 171.

² Тутолмин – императрице Марии Федоровне. 31 августа (ст. ст.) 1812 г. // Там же. С. 107.

³ Донесение Оппеля. 20 октября (ст. ст.) 1812 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 109.

⁴ В донесении Тутолмина Марии Федоровне, составленном предположительно в сентябре 1812 г., написано, что «в Александровском находятся оставленные и вновь переведенные из Екатерининского института [выделено мной. – В. З.] наши российские раненые» (Москва в Отечественной войне 1812 г. Кн. 2. С. 92).

⁵ Однако и в отношении этой версии при знакомстве с донесением московского коменданта Г.Г. Спиридова Ростопчину, составленном не позднее 25 октября (ст. ст.) 1812 г., возникают сомнения. В этом донесении указано,

Оба здания от пожара не пострадали, однако уже 3 сентября (ст. ст.) Тутолмин, в чьем ведении находились оба института, «получил известие, что русские больные и раненые, в Александровском и Екатерининском училищах находившиеся, оставлены без пищи, присмотру, и что мертвые тела не похоронены»¹. После чего Тутолмин предписал Оппелю оказать раненым помощь. Однако сделать это оказалось непросто, тем более что сам Оппель обслуживал прежде всего Мариинскую больницу. Выход нашелся благодаря тому, что, как писал Оппель, московский уроженец часовой мастер Иван Рингель после пожара и грабежа с женою и детьми убежал в Александровский институт, «российскими ранеными наполненный, которых премножество мы до вступления еще французов в своей больнице с утра до ночи перевязывали, и оным операции делали и те, кои ходить к нам не могли, были особенно мною препоручены штаб-лекарю Стропову». Стропов определил Рингеля «от себя в роде смотрителя», и который приложил немалые усилия для сохранения порядка в Александровском институте².

В Александровском институте французы разместили некоторое количество своих раненых, но сколько именно – неизвестно. После начала эвакуации французских раненых в Александровском институте остался от них «малый съестной припас», который был использован для прокормления русских раненых³.

Французские раненые были размещены и в Екатерининском институте, причем часть здания была обращена в казарму и даже в конюшню⁴.

Запасный дворец у Красных ворот (ныне ул. Новая Басманная, 2) принял к началу сентября, согласно письму Виллие, до 2 тыс. боль-

---

что «в Екатерининской больнице» находится 174 больных (Спиридов – Ростопчину. Не позднее 25 октября (ст. ст.) 1812 г. // Москва в Отечественной войне 1812 г. Кн. 2. С. 43). Эти данные можно было бы отнести к собственно Екатерининской больнице, если бы названное число 174 было близко к тому, которое указал в отчете от 18 октября (ст. ст.) смотритель Андрей Смирнов (он указал 114 или 115 пациентов), а также, если бы в донесении Спиридова Александровский институт не был назван «Александровской больницей».

¹ Тутолмин – императору. 6 сентября (ст. ст.) 1812 г. // Москва в 1812 г. С. 125; Тутолмин – императрице Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Копия // Там же. С. 165. См. также: Там же. С. 12, 110.

² Оппель – императрице Марии Федоровне. 17 октября (ст. ст.) 1812 г. Дополнение // Москва в 1812 г. С. 154.

³ Там же.

⁴ Тутолмин – императрице Марии Федоровне. 12 октября (ст. ст.) 1812 г. // Там же. С. 15. См. также: Там же. С. 117.

ных и раненых российских воинов. Никаких ясных свидетельств, которые проливали бы свет на судьбу этих 2 тыс. человек, нет. Известно только, что дворец не пострадал от пожара и, по-видимому, от расхищения, и что в нем во время оккупации продолжали находиться раненые (возможно, не только русской, но и французской армии).

Воспитательный дом (ныне Москворецкая наб., 7) не предназначался для помещения раненых солдат, однако во время пожара и оккупации Тутолмин приютил некоторое число нижних чинов и трех офицеров. «Раненых же наших, приползывающих в Дом, принимал рядовых в свои больницы, а трех офицеров к себе»¹. В отношении Г.И. Вилламова к Тутолмину от 7 ноября (ст. ст.) было сказано так: «...Вы дали пристанища в Воспитательном Доме двум офицерам лейб-гвардии Егерского полка (...) и раненых солдат приняли в людскую больницу (...)»².

Русские раненые находились также в *Куракинской богадельне* (ныне Новая Басманная, д. 4–6). Перед вступлением в Москву неприятеля «питомцы» богадельни были отправлены в Саратовскую губернию. Вместо них стали размещать русских раненых. В той же богадельне вступившие в город французы стали размещать также своих раненых и больных. Известно, что в здании начинался пожар, но был благополучно потушен. Численность содержащихся здесь раненых неизвестна.

Небольшое число раненых могло находиться в *Преображенской больнице* (Московском доллгаузе) (ныне ул. Матросская Тишина, 20), построенной в 1808 г., и в *университетской больнице* (ныне Моховая, 1/9), здания которых были пощажены пожаром 1812 г. О численности и судьбе оставшихся здесь раненых ничего неизвестно.

Некоторое количество раненых было оставлено в *казармах, в которых формировалось московское ополчение*. Так, в казармах 3-го егерского полка Московской военной силы ко 2 сентября (ст. ст.) было «выздоровленных воинов более двухсот человек да больных до двести человек»³.

---

¹ Тутолмин – императрице Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Копия // Там же. С. 166.

² Там же. С. 161.

³ Рапорт подпоручика 3-го егерского полка Московской военной силы В.П. Калашникова и. о. должность московского коменданта Г.Г. Спиридову. 2 ноября (ст. ст.) 1812 г. // Москва в Отечественной войне 1812 г. Кн. 2. С. 28. Нам не удалось с точностью установить, о каких именно казармах идет речь. Не исключено, что о Спасских казармах.

Согласно списку, приложенному к известному письму Виллие, «по квартирам» к началу сентября было размещено до 500 раненых. Проследить их судьбу не представляется возможным, хотя упоминания об этой категории несчастных все же встречаются. Так, сержант полка фузилеров-гренадер Императорской гвардии А.Ж.Б.Ф. Бургонь и его товарищи, блуждая в ночь с 17 на 18 сентября по улицам горящей Москвы, наткнулись на 17 раненых русских солдат, лежавших на соломенных тюфяках в доме какого-то каретника. Французы «оказали им помощь, принесли воды, видя, что они не могли это сделать сами, столь тяжкими были их раны (...)». «Я увидел раненых, – продолжает Бургонь, – между которыми было пять канониров гвардии с раздробленными ногами (...)»¹.

Еще не закончился великий московский пожар, как главный хирург Великой армии Ларрей поспешил выяснить состояние московских госпиталей. Первым делом он посетил Главный военный госпиталь, который произвел на него, как мы уже отмечали выше, самое благоприятное впечатление, и где он застал «только очень малое число больных»². Мы полагаем, что этот визит состоялся на другой день или через день после вступления французов в Москву, поскольку уже 16 и 17 сентября ситуация в Главном военном госпитале резко изменилась. В Архиве исторической службы Министерства обороны Франции в журнале исходящих бумаг командира 1-го армейского корпуса Великой армии маршала Л.Н. Даву мы обнаружили крайне интересный документ. Приведем его полностью.

«Москва, 17 сентября. Начальнику Главного штаба.

Имею честь информировать Ваше высочество, что по заявлению главного хирурга Военного госпиталя в Москве³, здесь находится огромное количество раненых, которые были эвакуированы 16-го и 17-го из разных госпиталей города. Некто по имени Попель [? – В. З.], который был среди них [то есть раненых или вместе с ранеными. – В. З.], и который вернулся сюда [неразборчиво], пройдя по дороге на Владимир, говорит, что большая часть этих раненых ожидала, что будет схвачена нашими войсками, и что отсюда было осуществлено несколько эвакуаций в то время, когда приближались неаполитанский король и император.

---

¹ Bourgogne A.J.V.F. Op. cit. P. 29; Бургонь. Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. СПб., 1898. С. 28.

² Larrey D.J. Op. cit. 1984. P. 67.

³ По тексту документа могут возникнуть сомнения, имеется ли здесь в виду Ларрей, либо некий русский главный хирург Военного госпиталя в Москве. Мы склоняемся к первому варианту.

В Большом военном госпитале, по заявлению главного хирурга, содержится 2000 человек, и они поступили сюда в течение 5 дней. Он [госпиталь. – В. З.] меблирован и обеспечен¹. Головинский (Kalawinsky) госпиталь расположен во дворце, который ничем не обеспечен. В нем приблизительно 10 000 больных. Они здесь примерно 6 дней.

Здесь [т. е. в Москве. – В. З.] имеется [неразборчиво] военная аптека, которая находится возле военного госпиталя.

Я отдам приказ г-ну главному распорядителю (*ordonnateur en chef*) без промедления отправить в больницы материалы и персонал, а также представить рапорт г-ну главному интенданту и мне»².

Вскоре после Ларрея в этих двух госпиталях – Главном военном и Головинском – побывал М. Дюма. «Я поспешил посетить, – пишет он в воспоминаниях, – госпитали, которые уже были наполнены больными и ранеными русской армии. Наиболее значительный из этих госпиталей, расположенный в восточной части города, недалеко от Летнего дворца, показался мне в ужасном состоянии безнадзорности: не хватало всего; число умерших там было ужасающим. Трупы лежали вокруг внешних стен, являя картину ужаса и вызывая сострадание»³.

18 сентября, в середине дня, возле этих госпиталей проезжал только что вернувшийся из Петровского дворца Наполеон. Однако император, объезжая город и оказавшись возле Главного военного и Головинского госпиталей, решил их не посещать; он ограничился тем, что выслушал рапорт о их состоянии⁴.

Решая вопрос о размещении своих раненых (а их было ввезено в Москву до 15 тыс. человек⁵), французы облюбовали прежде всего Голицынскую и Шереметевскую больницы. Шереметевская была определена для размещения больных гвардии, Голицынская – для

---

¹ Вероятно, обеспечен медицинским оборудованием, медикаментами и продовольствием.

² SHD. 2C 290. F. 100. По нашему мнению, численность раненых и больных, находящихся в Головинском дворце, в этом документе явно завышена.

³ Dumas M. Op. cit. P. 446–447. Мы полагаем, что речь здесь идет о Головинском дворце.

⁴ Дорожный дневник Коленкура // Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. T. 2. P. 19. Note 1.

⁵ Интересно отметить, что Наполеон, занимаясь эвакуацией больных и раненых Великой армии из Москвы, приказал губернатору Московской провинции маршалу А.Э.К.Ж. Мортье представить сведения и о числе русских раненых (Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. № 31846. P. 1153).

офицеров. Были заняты полностью или частично Павловская больница для бедных, Мариинская больница для бедных, Александровский институт, Запасный дворец и в конечном итоге Воспитательный дом.

Очевидно, что французское командование предприняло меры к тому, чтобы не только обеспечить продовольствием и медицинской помощью своих раненых, но и помочь оставшимся в Москве русским раненым и больным. Об этом свидетельствует как приведенный нами документ из архива Исторической службы министерства обороны Франции, так и целый ряд свидетельств, как с французской, так и с русской стороны. Самым известным в этой связи сюжетом является история, произошедшая с ранеными русскими офицерами, оказавшимися в Голицынской больнице (прапорщиком А.С. Норовым, штабс-капитаном гвардии и адъютантом М.Б. Барклая де Толли А.Ф. Клингером, капитаном егерей Тимофеевым, поручиком Преображенского полка М.М. Оболяниновым, майором Орденского кирасирского полка Ф.В. Вульфom). Осмотренные, а некоторые и прооперированные самим Ларреем, они были предоставлены заботам старшего хирурга 12-го конно-егерского полка Бёфиса¹. Помогал русским раненым в Голицынской больнице и главный хирург 5-го (польского) армейского корпуса Л. Лафонтен².

Вместе с тем ожесточение войны, отсутствие полноценных возможностей для обеспечения хотя бы своих раненых, а также разгул мародерства в горящей Москве (поджоги производились как русскими, так и чинами наполеоновской армии, чаще всего с целью грабежа) заставляли французов заботиться в первую очередь о своих раненых.

---

¹ Норов А.С. Война и мир 1805–1812 гг. с исторической точки зрения и по воспоминаниям современников. СПб., 1893. С. 49–52; Larrey D.J. Op. cit. 1984. P. 68–69; Попов А.И. Русские военнопленные в 1812 г. С. 12. Приведем также свидетельство о положении в богадельне при Голицынской больнице. 14-летний мальчик был послан проведать одну старушку, жившую там. «Видя в Москве такие ужасы и совершаемые неприятелем злодейства», он не чаял застать старушку в живых, и был поражен, увидев ее совершенно бодрой. «Дитяtko, o каких ты толкуешь злодействах? Да мы, живя в богадельне, не слышали и не видали не только никакой обиды, но даже дурного слова». «Мы сами не можем надивиться, – продолжала она, – говорят набольший-то веры басурманской, а дела творит христианския» (Цит. по: Попов А.Н. Французы в Москве. С. 69–70).

² Лафонтен Леопольд (1756–1812) был первым хирургом последнего польского короля Станислава-Августа Понятовского. В конце 1812 г. он попал в плен и умер в Могилеве.

Врач Нордгоф, московский немец, дал, как полагаем, достаточно реалистичную картину того, что происходило в Главном военном госпитале (*Hôpital militaire imperial*¹): «Несчастливые больные не имели ни хирургов, ни медикаментов, ни даже кухни. (...) Самим французам не хватало хирургов и продовольствия, следовательно, никто не занимался этими бедными заброшенными людьми. Наконец, на третий день прибыли три хирурга, чтобы принять заботу о стольких больных. Да, всего три хирурга на такое количество людей...»²

Огромное число русских раненых разбрелось по Москве в поисках пропитания. Но далеко не все смогли его найти. «Я еще велел, – докладывал М.И. Марк, участковый комиссар полиции 13-го дистрикта (вероятно, Пресненской части), созданной оккупантами, – совершить погребение четырнадцати русских солдат, которые умерли скорее от голода, чем от ран»³.

Понятно, что немалая часть раненых занималась мародерством и даже грабежом. И. Бушот, так же, как и Марк, участковый комиссар созданной французами полиции, докладывал, что в его районе «находят много русских раненых, которых нужно задержать»⁴. Но самое трагичное свидетельство о том, что тогда происходило, оставил приказчик И.Р. Баташова Максим Соков, который вместе с дворней 4 сентября (ст. ст.) бежал из сгоревшей усадьбы «через Язу на Хованскую горку». «Здесь, к ужасу, усмотрели беглых и раненых русских солдат или мародеров и после узнали, что они жили грабежом проходящих; однако как нас было много, то и не смогли до ночи нас грабить. Мы, отделяясь от всех и посадив в гряды капусты детей и жен, стояли вокруг их на карауле и через четверть часа услышали стонущего человека за сто шагов от нас. Часть наших ребят туда побежали и увидели, что русские раненые и беглые солдаты не только ограбили бедного обывателя, руки и ноги переломили, но и старались убить до смерти. Видя это, наши возвратились и просили позволения отомстить убийцам. Я, прибавив к ним еще несколько человек, отправился с дубьем в руках к укрывшимся разбойникам. Мы нашли 12 человек, лежавших в траве и кустах с подвязанными руками и с связанными головами; тут же были и те самые, которые только что ограбили и убили обывателя. Ребята мои, озлобясь, ударили в дубье, и мнимо-раненые вскочили, хотели бежать, но были жестоко приби-

---

¹ Мы не исключаем, что речь здесь идет о Головинском дворце либо о Главном военном госпитале и Головинском дворце одновременно.

² *Histoire de la destruction de Moscou*. P. 85.

³ Цит. по: Гронский П.П. Указ. соч. С. 222.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 60 об.

ты. После поля сражения мы нашли в воде, поросшей осокою, разно-го платья и прочих вещей, награбленных разбойниками, воза два»¹.

Естественно, что те русские раненые, которые занялись грабежом и разбоем, не останавливались перед убийством солдат неприятельской армии. Сохранилась история о раненом солдате лейб-гвардии Измайловского полка, который, «собою видный», держа в одной руке кистень, а в другой 2-х фунтовую гирию, «истребил довольно число» французов и «с помощью других в нужные места бросал»².

Французское командование было всерьез обеспокоено не только тем, что многие русские раненые занимаются мародерством и грабежами, устраивая в том числе и поджоги домов, но и тем, что выздоравливающие раненые могут в скором времени встать в строй и пополнить ряды русской армии. «Примерно 3000 русских солдат, – писал в мемуарах П. Бертезен, в 1812 г. бригадный генерал, командир 1-й бригады 1-й дивизии Молодой гвардии, – из числа 8–9 тысяч, которые были обнаружены, как я уже говорил, в этой столице, были отправлены по той же дороге [т. е. на Смоленск. – В. З.] под конвоем португальского полка...»³ 23 октября, будучи уже в Боровске, Наполеон продиктовал для 26-го бюллетеня Великой армии следующее: «10 тысяч русских солдат, привлеченных возможностью грабежа, были обнаружены рассеянными по городу [Москве. – В. З.]; это старые и хорошие солдаты: они увеличили число пленных»⁴.

Сколько русских раненых осталось в живых ко времени вступления в Москву российских войск? Имеющиеся на этот счет документы чрезвычайно разрозненны. К 15 октября (ст. ст.) относится «донесение» командира московской драгунской команды майора К.А. Гельмана, временно исполнявшего должность полицмейстера, который сообщал, что задержано «более шести сот грабителей, да еще под караулом содержалось более 200 человек», а также, что найдено множество раненых россиян, «которые оставались без всякого призрения и пропитания»⁵. Полагаем, что среди задержанных 600 грабителей было и некоторое число тех, кто ранее числился среди раненых.

В тот же день, 15 октября (ст. ст.), генерал-майор И.Д. Иловайский 4-й рапортовал: «Вышедшие из плена и скрывавшиеся в разных ча-

---

¹ Письмо М. Сокова И.Р. Баташову. Ст. 0222–0223.

² Волконский П.А. Указ. соч. С. 354. Мы должны, впрочем, заметить, что далеко не все, рассказанное Волконским, отличается точностью.

³ Berthezène. Souvenirs militaires. P., 2005. P. 287.

⁴ Le Moniteur universel. 1812. 16 novembre.

⁵ Гельман – Ивашкину. 15 октября (ст. ст.) 1812 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 100.

стях города русские раненые около 700 нижних чинов и 18 офицеров, призрены и помещены большею частью в странноприимном доме графа Шереметева. Оставшиеся в главном гошпитале наши 4 обер-офицера и 646 нижних чинов, получили все должное вспоможение...»¹

18 октября вернувшийся к своим обязанностям московского обер-полицмейстера генерал-майор П.А. Ивашкин предпочел в рапорте С.К. Вязмитинову вообще не упоминать каких-либо цифр: «Неприятель оставил здесь великое множество раненых и больных нижних чинов, как подданных Всемилостивейшего государя нашего, так и своих...»² Цифры появились только в донесении исполнявшего должность московского коменданта Г.Г. Спиридова Ростопчину, составленном не позднее 25 октября (ст. ст.) 1812 г.: «Находятся больные: в Гошпитале – 1462; в Голицынской больнице – 38; в Шереметевской больнице – 510; в Екатерининской больнице – 147; в Александровской больнице – 400. Итого: 2584 человека»³. Но и этот список оставляет много неясностей. Так, непонятно, что в этом документе понимать под «гошпиталем» – только Главный военный госпиталь, куда могли свезти оставшихся в живых из Головинского дворца, из Спасских казарм, Запасного дворца, а быть может, и из других мест, или же сведения о других госпиталях, помимо указанных в донесении Спиридова, просто отсутствовали? Неясно также, что понимать под «Екатерининской больницей» – собственно Екатерининскую больницу или же Екатерининский институт, где также могли быть раненые?

Наконец, мы располагаем рапортом А.И. Татищева А.И. Горчакову от 26 ноября (ст. ст.) 1812 г. Татищев, осматривая «военный госпиталь», обнаружил, что в нем состоит разных полков раненых и боль-

---

¹ Донесение генерал-майора Иловайского 4-го из Москвы. 15 октября (ст. ст.) 1812 г. Печатный экземпляр // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 201. Л. 49. Этот же рапорт был помещен в «Русском архиве» (РА. 1865. Ч. 4. С. 695–696; 1866. Вып. 5. Ст. 695–697), но помеченный 16 октября (ст. ст.). Интересно, что если в рапорте Гельмана сообщалось о 600 грабителях, да еще о содержащихся под караулом «более 200» лицах, то в рапорте Иловайского говорится со ссылкой на рапорт А.Х. Бенкендорфа, что в течение двух дней «было переловлено более 200 зажигателей и грабителей, по большей части выпущенных из острога преступников, из коих 7 человек стреляли из ружей по лейб-казачьему разъезду». Так сколько же было задержано «грабителей»? – 800 или 200? Ответа нет.

² Бумаги, относящиеся... Ч. 2. С. 16.

³ Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 173.

ных гг. офицеров 12, нижних чинов 2030, военнопленных французов 487, всего 2529 человек¹.

Очевидно, что всех раненых и больных военных чинов постепенно стали концентрировать исключительно в Главном военном госпитале, тем более что госпитальные учреждения, находившиеся в ведении Марии Федоровны, постарались как можно скорее от них избавиться. Следовательно, можно условно считать, что ко времени освобождения столицы здесь находилось чуть более 2 тыс. раненых чинов русской армии. Если исключить тех, кто а) был отконвоирован как военнопленный по Смоленскому тракту (большей частью они погибли по дороге); б) занимался грабежами и был арестован возвратившимися российскими властями; в) смог выбраться из оккупированного города, коих было, конечно же, очень немного (по всем трем категориям общее число может доходить до 1,5–2 тыс. человек), то можно предположить, что непосредственно в Москве от пожаров, голода, ран и болезней, а также от рук оккупантов, а то и от рук соотечественников, могло погибнуть до 6–6,5 тыс. человек.

Подведем итоги. Русская армия оставила в Москве на милость победителей более 10 тыс. больных и раненых (полагаем, что эта цифра может доходить в общей сложности и до 15 тыс. человек), большая часть которых была нетранспортабельна. Грандиозный пожар, начавшийся уже в день вступления войск Наполеона в Москву, имел для оставшихся в городе раненых трагические последствия. Часть раненых погибла непосредственно в огне (в Кудринском Вдовьем доме – не менее 700 человек, значительное их число погибло в Спасских казармах и ряде других зданий, а также на улицах). Большинство оставшихся в живых раненых лишились возможности получить, хотя бы в минимальном объеме, медицинскую помощь и продовольственное обеспечение.

Командование французской армии и оккупационная администрация, несмотря на готовность помочь русским раненым, не смогли этого сделать в должном объеме в условиях крайней ограниченности ресурсов. Лишенные средств к существованию отдельные раненые были вынуждены мародерствовать и грабить, нередко погибая при этом от рук оккупантов, а то и от оставшихся в городе московских жителей. Часть раненых, занимавшихся мародерством, была арестована возвратившимися в город российскими властями. Значительная часть русских раненых попала в число военнопленных и была отконвоирована из Москвы; большинство из них погибли в дороге.

---

¹ Столяр В.П., Овчинникова М.Б. Указ. соч. С. 186.

Ко времени освобождения первопрестольной столицы российской армией в ней оставалось не менее 2,5 тыс. русских раненых. Таким образом, можно предполагать, что из 10–15 тыс. больных и раненых, которые были оставлены в Москве, погибли или были угнаны в плен по меньшей мере 8 тыс. человек.

2.6. И.А. Тутолмин, Воспитательный дом и русские «дети Наполеона»

12 (24) сентября 1812 г. секретарь-переводчик Наполеона Э.Л.Ф. Лелорнь д'Идевилль доставил в московский Воспитательный дом двух мальчиков, которые остались без родителей и были подобраны французами на улицах сгоревшей Москвы. Одному из мальчиков (Алексею Михайлову) было 7 лет, другому (Василию Михайлову) – 4 года. Французский император, которому доложили о сиротах, принял в их судьбе деятельное участие. Он не только приказал доставить детей в Воспитательный дом, но и неоднократно после этого осведомлялся о том, как они были устроены¹. Согласно обычаю, мальчики получили фамилию того, кто принял участие в их судьбе, и стали Наполеоновыми. Вслед за ними девять детей, присланные от военного губернатора Москвы и Московской провинции маршала А.Э.К.Ж. Мортье, герцога Тревизского, превратились в Тревизских, а поступившие от французского коменданта Москвы дивизионного генерала Э.Ж.Б. Мийо (тоже девять детей) стали Милиевыми².

Так у Наполеона появилось двое русских детей, а у Мортье и Мийо – по девять. Об этом жизненном казусе, произошедшем в оккупированной французами и сгоревшей Москве, вряд ли стоило бы вспоминать почти через 200 лет, если бы он не высветил очень непростой аспект будней войны, когда грань, разделяющая людей на «своих» и «врагов», временами исчезает. Именно это произошло в истории с московским Воспитательным домом в 1812 г.

---

¹ И.А. Тутолмин – вдовствующей императрице Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Копия // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 65; Именной список детям, присланным в московский Воспитательный дом от французских начальников. 11 ноября 1812 г. // Там же. Л. 86. Донесение И.А. Тутолмина Марии Федоровне от 11 ноября 1812 г. опубликовано в РА (1900. № 11. С. 462–473), однако рукописный текст, использованный нами, имеет отличия от опубликованного; все дальнейшие ссылки – на рукописный текст.

² И.А. Тутолмин – вдовствующей императрице Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Л. 65; Именной список... Л. 86–86 об.

Как известно, московский Воспитательный дом был учрежден по инициативе И.И. Бецкого в 1763 г. для «приема и призрения подкидышей и бесприютных детей». Огромный комплекс Воспитательного дома, настоящее воплощение идей Просвещения, занимал целую квадратную версту на набережной Москвы-реки. Ко времени вхождения в Москву неприятеля 333 взрослых воспитанника (143 мальчика и 190 девочек) были эвакуированы в Казань. Однако в Москве оставались 1125 воспитанников и воспитанниц младше 11 лет. Их было решено не вывозить до того момента, «пока опасность не станет неизбежной»¹. Таково было секретное распоряжение вдовствующей императрицы Марии Федоровны, августейшей покровительницы богоугодных заведений.

В течение августа главный надзиратель Воспитательного дома действительный статский советник 60-летний Иван Акинфиевич Тутолмин ежедневно осведомлялся у главнокомандующего Москвы Ростопчина о положении дел. Однако вплоть до самого последнего момента – до вечера 1 (13) сентября, когда стало известно о решении русского командования оставить столицу, Ростопчин, как можно понять, убеждал Тутолмина в отсутствии явной опасности и тянул с эвакуацией. Таким образом, ко времени вступления французов в Москву 2 (14) сентября и началу грандиозного пожара Тутолмин и 1125 маленьких воспитанников оказались лицом к лицу с одним из величайших бедствий новой истории. Ситуация усугублялась тем, что в городе началась паника, сопровождаемая грабежами и убийствами.

Разгул вседозволенности охватил и служителей Воспитательного дома. «Войска наши кабаки разбили, народ мой перепился, – так описывал ситуацию 2 (14) сентября Тутолмин в письме почетному опекуну И.Н. Баранову, – куда ни сунуть, все пьяно: караульщики, рабочие, мужчины и женщины натаскали вина ведрами, горшками и кувшинами». Тутолмин «вино лил, а их бил и привел в некоторый порядок»².

Опасаясь более пьяного патриотизма московской черни и уголовников, нежели входивших в город французов, Тутолмин бросился в Кремль, куда в 4 часа дня вошли войска Наполеона³. Выйдя к

---

¹ Ведомость о числе воспитанников. 6 сентября (ст. ст.) 1812 г. Копия // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 79.

² И.А. Тутолмин – И.Н. Баранову. Москва, ноябрь 1812 г. // РА. 1900. № 11. С. 457.

³ Вместе с Тутолминым были «экономический помощник» Зейпель и сын коллежского регистратора Петра Христиани, который хорошо говорил по-французски.

Кремлю со стороны храма Василия Блаженного, Иван Акинфиевич и его помощники увидели, как через Спасские ворота выходят на площадь густые колонны неприятельских войск. Протиснувшись между солдатами, которые их не останавливали, они попали в Кремль и «через 50 шагов» встретили какого-то наполеоновского генерала¹. Этот генерал, выслушав просьбу Тутолмина о защите Воспитательного дома, предложил обратиться к только что назначенному военным комендантом дивизионному генералу А.Ж.О.А. Дюронелю. Остановив проходившего возле колокольни Ивана Великого жандармского офицера, генерал приказал ему доставить Тутолмина к губернатору. Хотя и с трудом, но Дюронеля все же удалось найти. В ответ на просьбу Тутолмина взять под свою защиту грудных детей и малолетних, французский губернатор выделил охрану из 12-ти конных жандармов при одном офицере. Вечером 2 (14)-го, уже в ступившихся сумерках, видя вокруг себя разнузданные грабежи, Тутолмин и его помощники с 13-ю конными жандармами возвратились в Воспитательный дом. Солдаты, которых выделил Дюронель, были так называемыми элитными жандармами – высокими крепкими людьми в больших медвежьих шапках на головах и сидевших на крупных красивых лошадях. Тутолмин быстро организовал для них хороший стол. Жандармы «пили и ели аппетитно»². Главный надзиратель отвел им для ночлега лучшее место – «в докторской квартире». Однако в ночь со 2 (14)-го на 3 (15)-е жандармы решили спать возле своих лошадей и устроились на сене. Одного часового они поставили у «кор-де-ложского двора»³.

---

¹ Кто это был? Ф.М. Дюфур, командовавший после ранения Л. Фриана 2-й пехотной дивизией, или бригадный генерал А.Б.Ж. ван Дедем де Гельдер, командир 2-й бригады той же дивизии, либо кто-то из кавалерийских генералов, сказать точно невозможно.

² События 2 (14) сентября описаны по: И.А. Тутолмин – И.Н. Баранову. С. 457–458; И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Л. 60 об. – 61. Эти 13 жандармов, находившиеся в Воспитательном доме с вечера 2 (14) до 6 (20) сентября, когда их сменили более 300 жандармов, съели и выпили на 687 р. 17 1/2 коп. Они ели телятину, ветчину, копченые языки, грибы, прованское масло, сахар, масло, хлеб и картофель. Пили кофе, чай, пиво (3 бочки), вино, водку и ром (Расходы на содержание 12 жандармов с офицером, прибывших 2 сентября. Копия // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 87). Прибывшие 6 (20) числа 300 жандармов также отличались завидным аппетитом. Отметим только, что они успели выпить 110 бутылок пива, 15 бутылок цымлянского и 30 бутылок красного вина (Там же. Л. 88).

³ Корделож, или кор-де-лож – центральный корпус Воспитательного дома. Главные строения Воспитательного дома в 1812 г. представляли собой квадратный корпус, в центре которого находился обширный двор (позже бу-

В ночь на 3 (15) сентября в Москве начались сильные пожары, которые не утихали вплоть до 6 (20) сентября. Воспитательный дом был «со всех сторон окружен пламенем». С началом пожаров Тутолмин заставил всех своих служителей и даже малолетних воспитанников постоянно быть наготове и не мешкая тушить возникавшие то тут, то там очаги возгорания. Примыкавшие к Воспитательному дому деревянные заборы и строения, которые загорелись или могли загореться, были разобраны. К счастью, несмотря на приказ Ростопчина вывезти из Москвы все пожарные трубы (то есть пожарные насосы)¹, четыре пожарные трубы Воспитательного дома остались в неприкосновенности и помогли спасти дом от пожара.

3 (15) сентября в Воспитательный дом приехал генерал-интендант Великой армии М. Дюма. Он осмотрел помещения и распорядился возле лабазов, примыкавших к главным корпусам, строить печи «для печения хлебов». Однако их так и не начали строить².

К вечеру 4 (16) сентября поднялся сильный ветер, усугубленный мощным вихрем из-за возникавшей вследствие пожара разницы температур. Вначале загорелось здание аптеки, затем – конюшни, сарай и погреба, окружавшие главные корпуса. Огонь перекинулся даже на угол одного из корпусов. Корпус отстояли, но все остальные строения, в том числе аптека, сгорели³.

дет закончен еще один такой же квадратный корпус), и корпус (корделож) с двумя церквями, который выступал к набережной Москвы-реки. На противоположной стороне от корделожа размещалось родильное отделение, а далее – центральный подъезд (с улицы Солянки). Перед «квадратом» и корделожем, выходя на набережную, были разбиты парки. Главные строения Воспитательного дома (значительно перепланированные внутри и с упрощенной фасадной отделкой) сохранились до наших дней. Сейчас здесь размещается Военная академия ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого.

¹ Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 96. В «Правде о пожаре Москвы» Ростопчин открыто признался, что приказал вывезти из города 2100 полицейских пожарных и 96 труб (Rostopchine F.V. Op. cit. P. 11).

² И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Л. 62.

³ И.А. Тутолмин – И.Н. Баранову. С. 458–459. В официальном отчете, составленном для Марии Федоровны и помеченном 11 ноября 1812 г., Тутолмин написал: «...когда я с подчиненными моими и с помощью пожарных труб старался загашать огонь, тогда французские зажигатели поджигали с других сторон вновь» (И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Л. 62 об.). Эта фраза из официального отчета Тутолмина будет в дальнейшем широко использоваться во многих трудах отечественных авторов как неопровержимое свидетельство организации московского пожара французами. Между тем все другие материалы, связанные с Воспитательным домом, в том

Как мы уже знаем, 4 (16) сентября Наполеон, спасаясь от пожара, покинул Кремль и перебрался в Петровский дворец. 6 (18) сентября, когда пожар, уничтоживший $\frac{2}{3}$ русской столицы, стал стихать, французский император решил возвратиться в Москву. В тот же день он объехал большую часть города, пытаясь оценить последствия пожара и навести некоторый порядок. Двигаясь по набережной Москвы-реки от Москворецкого моста в сторону Язубы, Наполеон поравнялся с Воспитательным домом. «Император проезжал по большой набережной Москвы-реки, – писал секретарь-архивист Наполеона Фэн, – и среди этих сцен боли он увидел, что Воспитательный дом остался цел. Он обратился к своему секретарю-переводчику Лелорню: “Поезжайте и посмотрите от моего имени, – сказал он, – что случилось с этими маленькими несчастными”»¹. Это событие будет иметь в дальнейшем важные последствия.

Обстоятельства, связанные с попытками Наполеона вступить в переговоры с русским императором Александром через Тутолмина, отечественные историки воспроизводят исключительно по рапорту Тутолмина Александру I от 7 (19) сентября и по его же донесению вдовствующей императрице Марии Федоровне от 11 (23) ноября 1812 г.² Напротив, в зарубежной историографии авторы чаще всего ссылаются лишь на записки Фэна³.

Однако сопоставление русских и французских материалов дает хоть и похожую, но в деталях не совпадающую картину. Начнем с того, что по Тутолмину Наполеон проезжал возле Воспитательного дома 5 (17) сентября примерно около двух часов дня. Тутолмин явно ошибается в отношении даты. Все говорит за то, что 5 (17) сентября Наполеон весь день оставался в Петровском дворце, а город объез-

---

числе и свидетельства самого Тутолмина, не подтверждают этого заявления. Умный и по-стариковски лукавый главный надзиратель включил эту фразу в отчет потому, что «так хотелось начальству».

¹ Fain A.J.F. Op. cit. P. 99. Как мы увидим далее, Фэн ошибается. Наполеон отправил 6 (18) сентября в Воспитательный дом главного интенданта Дюма. В первый раз Наполеон был возле Воспитательного дома тремя днями ранее; тогда Дом уже охраняли 13 элитных жандармов.

² Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны. 1840. Ч. 2. С. 66–67; Богданович М.И. Указ. соч. С. 319–320. Полный текст донесения Тутолмина, составленного для императрицы Марии Федоровны и помеченного 7 сентября (ст. ст.) 1812 г., стал известен только в 2011 г. благодаря публикации его копии, находящейся в фондах ЦИАМ (Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 67–68).

³ См., например: Olivier D. Op. cit. P. 120–122; Austin P.V. Op. cit. P. 56. Д. Оливье использовала краткий отрывок из донесения Тутолмина Александру I, но взяла его из книги Е.В. Тарле (?!).

жал на другой день, то есть 6 (18)-го. В то же время час, который указал Тутолмин, вероятно, точен. Но главное противоречие применительно к 6 (18) сентября возникает при утверждении о том, кого именно Наполеон отправил в Воспитательный дом засвидетельствовать признательность его надзирателю. Фэн утверждает, что это был Лелорнь д'Идевиль, который был встречен Тутолминым с большой радостью и даже обласкан детьми, в то время как согласно русским материалам этим посланцем был Дюма. В данном случае прав Тутолмин. Конечно, Фэн получил от Лелорня вполне правдивую информацию о визите последнего в Воспитательный дом (напомним, что, помимо всего прочего, Фэн и Лелорнь были еще и близкими родственниками – сестра Лелорня была замужем за Фэном), но это относилось к следующему дню – к 7 (19) сентября!¹

Итак, 6 (18) сентября в районе 2-х часов дня Наполеон отправляет в Воспитательный дом генерал-интенданта Дюма, который, как мы уже знаем, сообщил Тутолмину о желании Наполеона лично с ним познакомиться.

На следующий день, 7 (19) сентября, Наполеон отправил к Тутолмину Лелорня д'Идевиля. Предварительно император спросил, знаком ли Лелорнь с Тутолминым. «Сир, – ответил секретарь-переводчик, – я познакомился с ним во время моего первого пребывания в этом городе. Это достойный человек (...)»². Примерно в 12 часов дня Лелорнь прибыл в Воспитательный дом и сообщил Тутолмину, что имеет поручение доставить последнего к императору. Иван Акинфиевич с радостью встретил Лелорня, с которым познакомился пять лет назад, когда они оба часто бывали в доме у А.Д. Хрущева. Тутолмин и Лелорнь расцеловались. Иван Акинфиевич повел гостя к себе, предварительно показав ему ряд помещений Воспитательного дома. Подведя Лелорня к детям, Тутолмин сказал им: «Этого француза прислал император». Лелорнь тотчас же был встречен радостными возгласами детей; самые маленькие ухватились за его ноги, те, кто были постарше, бросились к нему на шею. «Защита вашего государя, – говорил Лелорню Тутолмин со слезами на глазах, – стала для нас милостью неба, и без защиты, которую ваш государь нам предоставил, не было бы надежды защи-

---

¹ Между прочим, Фэн допускает и еще одну неточность. Вначале он утверждает, что «главный директор» приюта эвакуировался вместе с детьми старше 12 лет, а оставшийся Тутолмин был «помощником директора». Однако позже Тутолмин у Фэна все же оказывается «директором». Должность Тутолмина называлась «главный надзиратель».

² Fain A.J.F. Op. cit. P. 103. Как известно, Лелорнь д'Идевиль ранее жил в России, находясь при французской дипломатической миссии.

тить наш дом от того, чтобы он не стал добычей грабежа и пожара». Иван Акинфиевич привел Лелорня к себе в комнаты и, разместившись, они «стали говорить как знакомые». «Я обрадовался, – пишет Тутолмин о Лелорне, – что он по-русски говорит, как русский». Лелорнь особенно расспрашивал о семействе Хрущева, и Тутолмин, что мог знать, отвечал ему. Наконец, Лелорнь взял Тутолмина за руку и тихо сказал, имея в виду Наполеона: «Поедем; чем скорее, тем ему приятнее». Они поднялись, вышли из дома, сели вместе в дрожки и поехали в Кремль. Верховую лошадь, на которой Лелорнь приехал к Тутолмину, вели сзади за дрожками¹.

Доставив Тутолмина в Кремль, Лелорнь ввел его в гостиную, расположенную возле Большого Тронного зала. Гостиная была заполнена офицерами и штатскими чиновниками императорской квартиры, которые все были заняты делами. Через 10 минут Лелорнь пригласил Тутолмина к императору, как можно понять, в Тронный зал. «Вот государь», – сказал Лелорнь д'Идевиле и, по-видимому, вначале удалился. Однако почти сразу же был вновь приглашен Наполеоном, так как выяснилось, что Иван Акинфиевич говорит по-французски с трудом. (Таким образом, Лелорнь, который переводил всю беседу, располагал достаточно точной информацией о ее содержании, когда вскоре после этого сообщал о ней Фэну.) Наполеон стоял возле камина, между колонн. Тутолмин быстро подошел и остановился в десяти шагах, низко поклонился. Наполеон сразу подошел к Тутолмину и, остановившись от него в одном шаге, начал разговор: «Ну что, месье, вот Вы и успокоились насчет судьбы своих сирот. Сколько их у Вас? Думают ли они все еще, что мы их съедим?» «Государь, – ответил Тутолмин. – Я повергаю к вашим ногам глубокое почтение и бесконечную признательность пяти сотен [так в тексте у Фэна. – В. З.] несчастных. Я дал им знать о вашей августейшей благосклонности. Их страх совершенно рассеялся; сейчас они играют с вашими солдатами; они благословляют вас и рады называть вас своим отцом». Выслушав благодарности Тутолмина, Наполеон снова взял слово: «Я хотел сделать для всего города то, что сделано для вашего заведения. Я поступил бы с Москвой так, как поступил с Веной и Берлином, но русские бросили город почти совершенно пустым, сами сожгли свою столицу и, стараясь причинить мне временное зло, разрушили создания многих веков. Нанесенный вами самим себе вред невосполним. Все рапорты, ежечасно мною получаемые, и зажигатели, пойманные за исполнением своего дела, доказывают, откуда

---

¹ Так эту встречу описал Тутолмин в письме к Баранову, а Лелорнь в разговоре с Фэном. В донесении же Марии Федоровне Иван Акинфиевич писал о Лелорне д'Идевиле не иначе как о «лазутчике».

исходят варварские повеления о таких ужасах. Донесите о том императору Александру. Ему, без сомнения, неизвестны сии злодеяния. Я никогда не воевал подобным образом. Мои солдаты умеют сражаться, но не жгут. От самого Смоленска я ничего не находил, кроме пепла. Известно ли вам, что в день моего вступления в Москву были выпущены из тюрьмы колодники? Правда ли, что увезены пожарные трубы?»¹

По всей видимости, Тутолмин ответил, что до него доходили слухи о том, будто бы колодники выпущены и были увезены пожарные трубы. «Это не подлежит никакому сомнению!» – заявил Наполеон. Далее он спросил: «Этот Ростопчин бросил вас без какого-либо предупреждения, без каких-либо инструкций?» – «Государь, мы руководствовались в течение августа месяца секретным приказом императрицы-матери выехать, как только опасность станет неизбежной. Мы находились в ожидании уведомления, которое нам должны были дать; каждый день мы ходили к губернатору Ростопчину, однако вплоть до последнего момента он держал нас более чем в полном неведении». Далее Тутолмин вновь начал благодарить императора за оказанную помощь. Наполеон, в свою очередь, спросил, чем он может ему помочь. «Сир, – ответил Тутолмин, – позвольте обратиться к нашей покровительнице и сообщить, что наш дом, о котором она думает, что он потерян, чудесным образом сохранился». – «Хорошо, напишите; я велю отвезти ваше письмо на аванпосты»².

Несколько минут беседа была посвящена вопросам администрации Воспитательного дома. Тутолмин представил собеседнику ведомость о числе детей³. Бегло просмотрев ее, Наполеон сказал с улыбкой: «Вы увезли в Казань всех взрослых девиц!» По поводу продовольствия Тутолмин сообщил, что имеет его только на один месяц, и сейчас, так как все подрядчики оставили Москву, он лишен возмож-

---

¹ Последней обширной тирады Наполеона у Фэна нет. Она воспроизводится по донесениям Тутолмина.

² Фэн утверждает, что Тутолмин просил разрешения отправить письмо Марии Федоровне, на что французский император дал согласие. Но большинство материалов свидетельствует, что было послано только письмо к Александру I. В фондах ОПИ ГИМ нами найден набросок текста неизвестного лица, относящийся, вероятно, к сентябрю 1812 г.: «Еще сказывают, что Ивана Акинфиевича Тутолмина призывал Наполеон и велел ему от себя государю императору написать и послать с нарочным офицером, коего он сам избрать соизволил». Далее в тексте говорится, что Тутолмин представил Наполеону это письмо «на прочтение и потом отправил» (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 213. Л. 5 об.).

³ См. эту ведомость: Ведомость о числе воспитанников...

ности возобновить запасы на последующий срок. По-видимому, Наполеон в этой связи не преминул осведомиться, как действует система снабжения всей Москвы продовольствием.

В этот момент взгляд императора упал на пожары, которые были видны из окна, выходявшего на Замоскворечье, и он снова заговорил о варварстве Ростопчина. «Несчастный! – воскликнул Наполеон. – К бедствиям войны, и без того великим, он прибавил ужасный пожар, и сделал это своей рукой хладнокровно! Варвар! Разве не довольно было для него бросить бедных детей, над которыми он первый попечитель, и 20 тыс. [в русских текстах указано 10 тыс. – В. З.] раненых, которых русская армия доверила его заботам? Женщины, дети, старики, сироты, раненые – все были обречены на безжалостное уничтожение! И он считает, что он римлянин! Это дикий сумасшедший!»

Все это, как можно понять, Наполеон произносил очень эмоционально, рассчитывая произвести на собеседника должный эффект. Затем он резко сменил тон и начал говорить о своих личных чувствах к императору Александру и о своем желании закончить эту войну. Он сказал, что мир будет легко заключить в том случае, если между двумя императорами не будет интриганов. На этом беседа, продолжавшаяся в общем недолго – примерно в течение получаса, завершилась. В течение всей беседы Наполеон оставался на одном месте, «как вкопанный», – пишет Тутолмин. Прощаясь с ним, Наполеон просил Ивана Акинфиевича написать императору Александру рапорт и отправить его с одним из чиновников, находившихся при Воспитательном доме.

Тутолмин на следующий день вновь приезжал в Кремль, на этот раз с письмом, подготовленным для отправки в Петербург, но не запечатанным, чтобы познакомиться с его содержанием французского императора. По утверждению же Фэна, письмо было адресовано Марии Федоровне (!) и заканчивалось следующими словами: «Мадам, император Наполеон страдает, видя нашу страну почти полностью разрушенной средствами, которыми, говорит он, не подобает вести обычную войну (*bonne guerre*). Он убежден, что если между ним и нашим августейшим императором Александром никто не будет стоять, их старая дружба тотчас же обретет свои права и все наши несчастья закончатся»¹. Однако мы полагаем, что Тутолмин подготовил тогда только одно письмо – императору Александру I.

Письмо должен был доставить в Петербург чиновник ведомства Марии Федоровны, комиссар Крестовой палаты Филипп Рухин, ко-

---

¹ Fain A.J.F. Op. cit. P. 103.

торый состоял при Тутолмине и знал иностранные языки¹. История странствования Рухина с посланием в Петербург довольно запутана. Согласно бумагам, которые были в начале XX в. обнаружены великим князем Константином Константиновичем Романовым в фамильном архиве², 7 (19) сентября Рухин явился в Кремлевский дворец в канцелярию, где ему были вручены И. Мюратом (?) некие незапечатанные депеши на французском языке, которые он должен был вручить лично в руки императору Александру. Рухин, вернувшись в Воспитательный дом, передал эти «депеши» Тутолмину, который увидел в них «донесение Мюрата» относительно бедствий жителей Москвы. Тогда Тутолмин написал личное донесение императору Александру и императрице Марии Федоровне (sic!). На другой день (то есть 8 (20) сентября) Рухин получил в той же канцелярии паспорт на выезд из Петербурга и со всеми документами, которые зашил в воротник мундира (?), отправился в сопровождении французских драгун до Черной грязи. Там он явился «к начальнику казачьего отряда генералу Иловайскому» (видимо, к И.Д. Иловайскому 4-му), который признал его французским шпионом и отправил к генерал-адъютанту Ф.Ф. Винцингероде. Последний задержал его на несколько дней, допрашивал, морил голодом, требуя признаться в шпионской деятельности. При этом Рухин не открыл истинной цели своей миссии и утаил имевшиеся при нем депеши. Только после полученного из Петербурга повеления императора Александра немедленно отправить Рухина в столицу, он был с фельдъегерем и под конвоем туда отправлен. А.А. Аракчеев лично представил его императору Александру и императрице Марии Федоровне, коим он и вручил депеши в собственные руки.

Очевидно, что изложенная выше история далеко не во всем правдива. Во-первых, почти невероятно, чтобы Мюрат решился лично написать русскому императору. Во-вторых, столь же невероятно, что Рухина принял в канцелярии в Московском Кремле именно Мюрат; если с Рухиным действительно имело дело какое-то важное лицо из французской администрации, то почти определенно им был Мортье. В-третьих, трудно поверить, что три пространных документа можно

---

¹ О том, что это был действительно Рухин, свидетельствует ведомость расходов, подготовленная Тутолминым 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Рухину были даны две лошади, одна из которых в дороге пала (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 88 об.).

² К.Р. История Отечественной войны 1812 г. Последняя попытка Наполеона начать мирные переговоры с императором Александром во время занятия Москвы французскими войсками // РС. 1912. Январь. С. 59–61. «К.Р.» – без сомнения, вел. кн. Константин Константинович Романов.

было утаить в ходе нескольких обысков, которым подвергся Рухин. Вызывают сомнения и некоторые другие моменты. И все же... История странствований чиновника Рухина, вне сомнения, основана на имевших место подлинных событиях, которые, однако, трудно отделить от фантазий рассказчика (или рассказчиков?). Можно только утверждать, что император Александр все же познакомился с донесением (или донесениями) Тутолмина, но никакого ответа ни главному надзирателю Воспитательного дома, ни тем более французскому командованию, не дал.

В день встречи Тутолмина с Наполеоном в Воспитательный дом прибыли 300 жандармов во главе с полковником. Тутолмин разместил жандармов в комнатах кор-де-ложи, а также в квартире доктора Саблера. Полковнику Тутолмин отвел свою квартиру¹. Расходы на содержание жандармов Тутолмин взял на себя². Кроме того, жандармы реквизировали несколько лошадей, находившихся при Воспитательном доме, для строевой службы и обоза³. Однако все эти расходы стоили того. За все время пребывания 300 жандармов в Воспитательном доме со стороны мародеров (будь то из числа наполеоновских солдат или «своих» грабителей) не было сделано ни одной попытки грабежа или другого насилия. 4 (16) ноября 1812 г. Тутолмин специально доносил Марии Федоровне о том, что «взрослые девицы, учительницы из воспитанниц, молодые женщины и девицы» пребывают в добром здравии, и что «ни одна ни малейшего от неприятелей не имела грубого расположения, а о похабстве даже никак от них не было замечено»⁴.

8 (20) сентября в Воспитательный дом приехал Дюма и внимательно его осмотрел. Он потребовал от Тутолмина план Дома и взял его с собой. На другой день он прислал этот план обратно с архитектором Жиллярди⁵. На плане Дюма карандашом разделил «квадрат» на

---

¹ И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Л. 64.

² Составляя 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. реестр съеденному и выпитому 300-ми жандармами, Тутолмин указал, что они выпили 110 бутылок пива, 15 бутылок цымлянского и 30 бутылок красного вина (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 88).

³ И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Л. 64.

⁴ И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 4 ноября (ст. ст.) 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 58

⁵ Как известно, было два архитектора Жиллярди, работавших в те годы в России – отец, Иван Дементьевич, и сын, Дементий Иванович. Здесь речь может идти как об отце, так и о сыне, которые оба служили в архитектурном ведомстве московского Воспитательного дома. И.Д. Жиллярди умер в 1817 г.

равные половины и приказал одну из них вместе с окружающими строениями занять французскими ранеными и больными. Тутолмин не на шутку испугался за порядок в Воспитательном доме, особенно его беспокоила возможность распространения заразных болезней. 10 (22) сентября он решился обратиться прямо к Наполеону с просьбой отменить это решение. Главный надзиратель указал в письме прежде всего на опасность заразных болезней¹ и через Лелорнь д'Идевиля передал письмо французскому императору. Никакого письменного ответа на эту просьбу-мольбу Тутолмин не получил, но (вероятно, через того же Лелорня) узнал, как именно прореагировал император. Наполеон сказал: «Что он хочет, когда у него много комнат пустых, следовательно он не стеснится»².

Вместо ответа на письмо Тутолмина Наполеон 12 (24) сентября прислал в Воспитательный дом двух сирот – Алексея Михайлова и Василия Михайлова, получивших фамилию Наполеоновы. В последующие дни с 16 (28) сентября по 10 (22) октября было прислано от французских властей еще 20 детей, оставшихся без родителей. Многие из них были грудными – 5, 8, 17-и и 21-го дня... Старшей из этих детей – Елизавете Николаевой, присланной от Мортье и ставшей Тревизской, было 9 лет³.

Помимо детей, присланных от французского начальства, служители Воспитательного дома в течение всего периода оккупации и сами все время находили «близ дверей Крестовой, близ церкви, по коридорам и другим местам» многочисленных подкидышей⁴. Все они были подобраны и выхожены. Для кормления «рожковых детей» служители Воспитательного дома «с большим трудом сберегли 6 коров», укрыв их «в садах и в погребном этаже»⁵.

13 (25) сентября французы начали свозить раненых и больных солдат в те строения Воспитательного дома, которые окружали «квадрат». На следующий день прибыл инженерный офицер и солдаты-рабочие для оборудования «квадрата», где было намечено разместить французских раненых. Русским служителям пришлось срочно

Д.И. Жиллярди после войны 1812 г. построил заново аптеку и лабораторию, а затем создал ансамбль Опекунского совета Воспитательного дома.

¹ И.А. Тутолмин – Наполеону. 11 сентября (ст. ст.) 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 80–80 об.

² И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Л. 66.

³ Именной список... Л. 86–86 об.

⁴ И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Л. 65.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 89.

освободить это здание от имущества, оставив, однако, кровати с соломенными тюфяками, шкафы и стулья. Была оставлена и библиотека, двери которой французы опечатали. Тем не менее, несмотря на уверения Дюма, что все останется в целости, «многие из классических вещей были расхищены и попорчены, книги разодраны, а шкафы, столы, стулья и стульчики» пошли на отопление печей¹.

Согласно приказу Наполеона, в «квадрате» французы должны были разместить раненых офицеров (как полагаем, и часть раненых солдат), а больные (вероятно, из-за опасения заразных болезней) должны были быть сосредоточены исключительно в окружающих «квадрат» строениях. Кроме того, Наполеон приказал отделить те помещения, где находились французы, от детей Воспитательного дома забором и сделать отдельные выезды.

С 15 (27) сентября французы начали заполнять «квадрат» ранеными, «коих содержали от себя». Всего в «квадрате» и соседних строениях ежедневно содержалось не менее 3000 раненых и больных, всего же за период оккупации через помещения Воспитательного дома прошло более 8 тыс.! По данным Тутолмина, ежедневно в «квадрате» умирало от 20 до 50 человек (всего умерло 1500 человек!). Тела умерших хоронили на пустыре за «квадратом», возле «городовой стены» Китай-города на территории, отведенной для Воспитательного дома. В окружавших «квадрат» строениях умирало чуть меньше – от 15 до 30 человек ежедневно (всего умерло до 1 тыс. человек!). Их хоронили за чертой Воспитательного дома, присыпая известью, которой, однако, было не очень много². Караульные французские солдаты располагались в Крестовой и Докторской комнатах.

На следующий день после начала «заселения» «квадрата» французскими больными и ранеными Тутолмин решил обратиться к оккупантам с просьбой выделить на нужды воспитанников съестные припасы. Хотя в Воспитательном доме припасов было вполне достаточно, мудрый и лукавый старик решил скрыть это от французов, заявив о нужде, которую воспитанники испытывали в питании. Кроме

---

¹ И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Л. 65–65 об.

² И.А. Тутолмин – Ф.В. Ростопчину. 24 октября (ст. ст.) 1812 г. Копия // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 51 об. – 52; И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Л. 66–66 об. Из письма Ростопчину можно понять, что известью присыпались все мертвые, умиравшие как в «квадрате», так и в ближайших строениях. Однако из текста донесения Марии Федоровне следует, что речь идет только о тех, кто умер вне «квадрата».

того, он рассчитывал, что французы разрешат его людям ездить по деревням для закупки хлеба, и он сможет «уведомить наши войска о неприятеле». В ответ на просьбу Тутолмина Дюма немедленно распорядился отпустить Воспитательному дому 100 центнеров пшеницы и 20 центнеров гречневых круп из магазинов Великой армии¹. Тутолмин, который вовсе не нуждался в припасах, теперь обрел только лишние заботы. 11 (23) ноября, составляя рапорт императрице Марии Федоровне, он воскликнет: «К несчастью дали мне по требованию моему пшеницы 100 центнеров, да круп гречневых 20 центнеров!» Однако (о, радость!) выяснилось, что нет свободных мельниц, где можно было бы смолоть зерно. Тутолмин (можно понять, со скрытой радостью) сообщил об этом французскому командованию. Однако французы сразу же дали деньги на починку поломанных мельниц в Шибаевке и Юрьевке. Тутолмину ничего не оставалось другого, как все же смолоть пшеницу.

Дней через 10 после первого обращения с просьбой о снабжении Воспитательного дома продовольствием Тутолмин вновь обратился к Дюма, на этот раз с просьбой позволить покупать хлеб внутри «своих форпостов», то есть в окрестностях Москвы, занятой французами. Дюма предложил отнестись к гражданскому губернатору Ж.Б.Б. Лессепсу, который, в свою очередь, обратился к Мортье. Мортье, наконец, дал разрешение отправить чиновников Воспитательного дома «по деревням для отыскания хлеба», снабдив их соответствующими бумагами и предложив обеспечить их ассигнациями для расходов².

2 (14) октября Тутолмин, наконец-то, отправил своих подчиненных (надворного советника Данилевского с тремя чиновниками, переводчиком, двумя унтер-офицерами и тремя работниками) по деревням, дабы те под предлогом закупки продовольствия установили контакт с нашими войсками. В 12-ти верстах от Москвы на

---

¹ М. Дюма – И.А. Тутолмину. 16 (28) сентября 1812 г. Копия с перевода // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 80 об; Приказ провиантмейстеру А.Д. Эрве. 30 сентября 1812 г. Копия с перевода // Там же. Л. 82.

² Предлагавшиеся Мортье бумажные деньги были, по-видимому, фальшивыми, что и заставило Тутолмина от них отказаться. В докладе от 11 ноября (ст. ст.) на имя Марии Федоровны главный надзиратель рассказал, как жандармский полковник, стоявший у него на квартире, попросил его разменять сторублевую ассигнацию (как догадывался Тутолмин, фальшивую) на 25-рублевые. Тутолмин стал божиться, что у него таких банкнот нет, а есть такие же (фальшивые) сотенные. После настоятельных просьб полковника и полагая, что его помощь еще может пригодиться, Тутолмин все же разменял одну 100-рублевую ассигнацию.

Петербургской дороге они встретились с казачьим отрядом «генерал-майора Иловайского» (по-видимому, это был отряд И.Д. Иловайского 4-го). Иловайский проводил задержанных к Винцингероде. Последний выделил для Воспитательного дома хлеб, но оставил в качестве заложников четырех человек из отряда. Остальные, снабженные припасами, были отпущены, но с требованием возвратиться обратно с новыми сведениями о происходящем в Москве.

10 (22) октября, когда основная масса французских войск уже несколько дней как покинула город, и маршал Мортье с остатками гарнизона также собирался, предварительно взорвав Кремль, эвакуироваться, Тутолмин вновь отправил людей к Винцингероде¹. В 12 верстах от Москвы они узнали от казаков, что Винцингероде взят неприятелем в Москве в плен, и 11 (23) октября они возвратились обратно в город.

Между тем сами французские власти снабжали, как могли, Воспитательный дом продовольствием. Так, Лессепс доставил в Дом восемь коров и четырех баранов. Под прикрытием французских солдат работники Воспитательного дома пытались собирать в полях картофель, которого, однако, оказалось очень мало. Поэтому пришлось довольствоваться в основном сбором капусты².

Перед самым выходом главных сил французов из Москвы оказалось, что они сами чрезвычайно нуждаются в продовольствии. 5 (17) октября «комиссары», посланные от французского начальства, обратились к Тутолмину с просьбой занять некоторое количество хлеба «для печения хлебов на их армию». В тот же день началась эвакуация из Воспитательного дома легкораненых и выздоравливающих. На их место в помещения Дома французы переводили раненых и больных из других госпиталей.

---

¹ Можно ли полностью исключать, что подозрения Винцингероде в том, что миссия людей из Воспитательного дома могла носить шпионские цели в пользу французов, были необоснованными? Известно, к примеру, что 24 сентября (ст. ст.) Тутолмин выправил бумагу на выезд из Москвы для московской жительницы Марии Лемон, муж которой добровольно поступил на французскую службу по комиссариатской части. Ее саму провожали до заставы люди генерала М. Сокольниковского, возглавлявшего разведку Великой армии. При этом письма мужу из Ярославля в Москву Мария Лемон адресовала на имя Тутолмина (Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 151). Поэтому мы не исключаем, что, добываясь от французских властей разрешения на выезд людей Воспитательного дома из Москвы, Тутолмин не обещал французам снабжать их сведениями о ситуации на Петербургской дороге.

² И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Л. 68.

6 (18)–7 (19) октября французская армия выступила по Калужской дороге, одновременно отправив «тяжелые обозы» в направлении Смоленска. Жандармам, охранявшим Воспитательный дом, также было приказано выйти в поход. Поэтому Тутолмин обратился к Мортье с просьбой прислать вместо жандармов новый караул¹. Мортье, который стягивал свой небольшой гарнизон к Кремлю, вначале обещал прислать 10 человек с офицером. Однако по неизвестным причинам караул не явился. Тогда 8 (20) октября Тутолмин обратился к Лессепсу с просьбой отдать приказание караулу, который стоял при французских лазаретах, охранять и Воспитательный дом². При этом главный надзиратель с тревогой сообщал, что рядом с Воспитательным домом начались беспорядки. По его словам, чиновник Воспитательного дома Зверев на Москворецкой набережной попытался заступиться за служащих, которых грабили французские мародеры, но сам чуть не был сброшен в реку³.

9 (21) октября адъютант Лессепса известил Тутолмина, что гражданский губернатор Москвы приказал французскому караулу обеспечить безопасность Воспитательного дома. Вместе с тем Лессепс настоятельно потребовал принять в Доме больных и раненых французских солдат из других частей города, а также устроить в Москве «жителей (...) французской нации». Однако теперь Тутолмин не был расположен выполнять просьбы французского начальства, время которого подходило к концу. Наоборот, главный надзиратель потребовал, чтобы московские французы, «как равно и прочие жители», нашедшие «пристанище от пожара», теперь покинули Воспитательный дом⁴. 10 (22) октября, ближе к ночи, французский караул при Воспитательном доме был снят⁵.

Без сомнения, Тутолмин был уведомлен французами о подготовке Мортье к уничтожению Кремля. Поэтому главный надзиратель заблаговременно приказал открыть в Воспитательном доме все окна. Наконец, во 2-м часу ночи прогремел первый взрыв, затем раздалось

---

¹ И.А. Тутолмин – А.Э.К.Ж. Мортье. 7 октября 1812 г. Копия с копии // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 83.

² И.А. Тутолмин – Лессепсу. 8 (20) октября 1812 г. Копия // Там же. Л. 84.

³ Там же.

⁴ 9 (21) октября лекарь Воспитательного дома Науман объявил Тутолмину, что принят во французскую службу по медицинской части, и отбыл из Москвы.

⁵ И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 12 октября (ст. ст.) 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 41; И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Л. 69.

еще пять сильных ударов. Был разрушен Арсенал, пристройки к Ивановской колокольне, некоторые башни и часть кремлевской стены. Однако, как ясно из текста донесения Тутолмина Марии Федоровне от 12 (24) октября, план полного разрушения Кремля не осуществился из-за сильного дождя, который, усиливаясь, лил всю ночь¹.

Теперь на попечении Тутолмина, хотел он этого или нет, помимо воспитанников и служителей Дома, оказалось еще более 1 тыс. раненых и больных неприятельских солдат и 16 офицеров. У них, оставленных на милость русских, не было никакого караула, не было ни пищи, ни лекарств. В помещениях, где они лежали, стоял смрад. Раненые «испражнялись в тех же комнатах, в которых лежали»².

11 (23) октября в Москву вступили войска Иловайского 4-го. Тутолмин немедленно сообщил ему, что в Воспитательном доме имеются многочисленные французские раненые, и просил выделить караул. Но еще до того, как Иловайский успел отправить отряд в Воспитательный дом, туда ворвались русские казаки, сопровождаемые толпой крестьян, которые грабили все подряд и попутно безжалостно расправлялись с отставшими и ранеными французскими солдатами. Тутолмину удалось предотвратить расправу, но это не спасло ни раненых французов, ни служителей Воспитательного дома от ограбления³. Дальнейшие насилия со стороны русских «мстителей» были пресечены караулом из 20 гусар с одним офицером, который был выделен Иловайским⁴.

Так как Тутолмин полагал, что насилия над ранеными, отданными на его попечение, провоцируются еще и тем, что некоторые из них упорно не хотели расставаться с оружием, пришлось заняться их разоружением. 12 (24) октября Тутолмин приказал «экономскому помощнику» Зейпелю это оружие изъять, что и было исполнено. Благодаря реестру, который в этой связи был составлен, мы можем точно сказать, что на тот день при Воспитательном доме находилось 1098 больных и раненых неприятельских солдат, 8 офицеров, людей при офицерах – 12, медицинских служителей – 10. Изъято было ружей со штыками – 171, без штыков – 158, «худых» ружей – 6, пистолетов – 5, тесаков – 113, сабель и палашей – 38⁵.

---

¹ И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 12 октября (ст. ст.) 1812 г. Л. 41.

² И.А. Тутолмин – Ф.В. Ростопчину. 24 октября (ст. ст.) 1812 г. Л. 51 об.; И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 12 октября (ст. ст.) 1812 г. Л. 41 об.

³ И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Л. 69.

⁴ И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 12 октября (ст. ст.) 1812 г. Л. 41 об.

⁵ [Ведомость] 24 октября 1812 г. Копия с копии // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 85–85 об.

К радости Тутолмина, уже к 25 октября (6 ноября) возвратившиеся русские власти поспешили вывести из зданий Воспитательного дома всех раненых и больных неприятельских солдат, оставив там только 10 человек офицеров. Взору русских служителей Воспитательного дома предстала тягостная картина некогда образцовых помещений: окна были выбиты, двери сняты с петель, перегородки разобраны, всюду следы человеческих испражнений¹.

Так завершились для Воспитательного дома и его начальника Тутолмина тяжелые испытания, выпавшие на их долю в 1812 г. Но что стало с мальчиками и девочками, получившими фамилии Наполеоновы, Тревизские и Милиевы? 11 (23) ноября 1812 г. Тутолмин отправил список этих детей Марии Федоровне с просьбой «означить фамилиями приславших оных», либо же «уничтожить оные» фамилии. На этом списке в Петербурге была сделана надпись: «Прозвищами, данными питомцам по фамилии господ, оставивших их в Воспитательном доме, М[ария] Ф[едоровна] Высочайше повелеть соизволила не именовать»².

2.7. Оккупанты в Московском Кремле

Вскоре после возвращения из Петровского Наполеон занялся устройством пребывания своей армии в Москве. 21 сентября для размещения и «самообеспечения» каждого корпуса Великой армии были назначены определенные кварталы. Войска Даву (за вычетом кавалерии, 2-й дивизии Фриана (Дюфура) и 4-й дивизии (Фридрикса) должны были окончательно расположиться в обширном районе (включавшем до $\frac{1}{3}$ города) от дороги на Тверь и до дороги на Калугу. В секторе между этими дорогами 1-му корпусу был определен и район фуражирования. Маршалу Нею тем же приказом было предписано отправить легкую кавалерию к Богородску для разведки, а также организовать сильную партию из пехоты, кавалерии и артиллерии для экспедиции в этот город. Остальные войска Нея должны были занять $\frac{1}{4}$ кварталов Москвы, примыкавших к Владимирской дороге. Еще одну четверть города, выходящую на С.-Петербургскую и Дмитровскую дороги, продолжали занимать войска Богарнэ. От 4-го армейского корпуса по дороге на Петербург следовало выдвинуть на 6 лье вперед авангард из пехоты и кавале-

---

¹ И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Л. 69 об. – 70.

² И.А. Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Л. 65; Именной список детям... Л. 86–86 об. Алексей Михайлов [Наполеонов] утонул 2 апреля (ст. ст.) 1828 г.; Василий Михайлов [Наполеонов] умер 4 марта (ст.ст.) 1813 г. (Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 37).

рии. Император подчеркивал особую важность в том, чтобы отгеснить врага на этом направлении, и предложил даже занять районы Клина и Дмитрова.

Для окончательного решения вопроса о размещении войск в Москве император предложил Бертье составить проект, по которому 2–3 района города с учетом наличия там продовольствия должны были быть заняты одним корпусом¹. Между тем «магазины разного рода», находящиеся в распоряжении корпусов, оставались в распоряжении исключительно «генерального интендантства армии». Командирам корпусов было предложено обеспечить охрану этих магазинов, но с одновременным запретом «к ним прикасаться» без санкции герцога Тревизского (Мортье). Для получения разрешения использовать содержимое магазинов следовало адресоваться к комендантам, назначенным в каждый из 20 кварталов (частей) города, которые находились также в ведении Мортье².

¹ Наполеон – Бертье. Москва, 21 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. Т. 24. № 19216. Р. 223–224; Бертье – Богарнэ. Москва, 21 сентября 1812 г. // [Du Casse A.] *Op. cit.* Р. 51; Бертье – Наполеону. Москва, 21 сентября 1812 г. // *SHD*. 2С 131. К 21 сентября французское командование предпринимало усилия, чтобы водворить в Москве хоть какой-то порядок, однако все они были почти безрезультатны (См., например: Даву – Бертье. Москва, 21 сентября 1812 г. // *SHD*. 2С 290. *Registre deu letters signées par S.E. le Prince d'Eckmühl... F. 102–102v.*; *Correspondance de Maréchal Davout*. № 1090. Р. 394–395).

² Бертье – Богарнэ. Москва, 21 сентября 1812 г. // [Du Casse A.] *Op. cit.* Р. 51–52.

В архиве Исторической службы Министерства обороны Франции сохранился список французских комендантов кварталов Москвы (*SHD*. 2С 523. *Etat nominative de M.M. les officiers généraux et d'Etat major...*):

Имя	Чин	Наименование квартал (части)
Мийо (Millaud)	Дивизионный генерал	Главный комендант
Пютон (Puton)	Адъюдан-коммандан	1. Кремль
Ванзюлан (Vanzuilen)	Адъюдан-коммандан	2. Пятницкая
Контреглиз (Contreglise)	Капитан-адъюдан	3. Серпуховская
Амира (Amira)	Адъюдан-коммандан	4. Екиманка
Будино (Boudinot)	Адъюдан-коммандан	5. Мясницкая
Фальковски (Falkowski)	Адъюдан-коммандан	6. Тверская
Ванзотан (Vanzauten)	Полковник	7. Пречистенская
Пьерри (Pierri)	Лейтенант 28-го шассерного	8. Арбатская
Гури (Gouri)	Шеф батальона	9. Сретенская
Жорж (Georges)	Шеф батальона	10. Яузская

К 25 сентября относится приказ императора, отданный им Бертье, на предмет организации гарнизонной службы в Москве. Расчеты Наполеона были таковы: на каждый пост (по его мнению, их нужно было 50) необходим караул в 10 человек, что потребует в общей сложности 500 человек; на 20 кварталов города требуется патрулей в общей сложности в 400 человек (при этом Наполеон оговаривал, что потребность в патрулировании разных кварталов должна быть неодинакова – на один потребуются 10 человек, тогда как на другие – по 40); всего, таким образом, необходимо 1500 человек. Эти обязанности император предложил распределить между солдатами Молодой гвардии, дивизии Роге, дивизий 1, 3 и 4-го армейских корпусов. Старую гвардию, которая несла службу в Кремле, задействовать не предполагалось¹. Она должна была обеспечивать охрану

Имя	Чин	Наименование квартал (части)
Фреваль (Freval)	Капитан-аджудан	11. Хамовническая
Флосс (Flosse)	Аджудан-коммандан	12. Новинская
Пюма (Pumaа)	Полковник	13. Пресненская
Буси (Boucy)	Капитан	14. Суцевская
Госле (Gosler)	Полковник	15. Мещанская
Мересс (Meresse)	Капитан-аджудан	16. Басманная
Фийёль (Filleul)	Шеф эскадрона	17. Таганская
Другсбаки (Drugsbaki)	Капитан	18. Рогожская
Прию (Prieye)	Капитан-аджудан	19. Лафертовская
Шварц (Schwartz)	Шеф батальона	20. Покровская

¹ Наполеон – Бертье. Москва, 25 сентября 1812 г. // Napoléon I. Correspondance. T. 24. № 19226. P. 230.

Только 29 сентября Мортье, наконец-то, представил Бертье расчет по организации постов в Москве. Согласно документу, 1-й армейский корпус нес ответственность за те кварталы, в которых находился, – 2, 3, 4, 7, 11 и 12-й кварталы; 3-й армейский корпус – за 16, 17, 18, 19 и 20-й кварталы; 4-й армейский корпус – за 8, 9, 13 и 14-й кварталы; Молодая гвардия – за 1, 5 и 15-й кварталы. Кроме того, следовало обеспечить постами 6 и 10-й кварталы города из расчета двух офицеров, пяти сержантов и 61 солдата. Всего, по подсчетам Мортье, необходимо было выделить 33 офицера, 92 сержанта и 1228 солдат (в документе ошибка при общем подсчете: должно быть 1218 солдат) (Мортье – Бертье. 28 сентября 1812 г. // SHD. 2С 131). Этот документ дает прекрасную возможность с большой долей точности определить размещение корпусов Великой армии в Москве: 1-й армейский корпус занимал Пятницкую, Серпуховскую, Екиманку, Пречистенскую, Хамовническую и Новинскую части; 3-й армейский корпус – Басманную, Таганскую, Рогожскую, Лафертовскую и Покровскую части; 4-й армейский корпус – Арбатскую, Сре-

Кремля и поддерживать там порядок. Между тем солдаты Старой гвардии отнюдь не были примером дисциплинированности. Когда в первые дни по возвращении в Москву из Петровского солдат Старой гвардии все же попытались привлечь к патрулированию города, дабы прекратить разнузданный грабеж (от каждого батальона выделялся патруль в 15 человек под командованием офицера), командир 3-й гвардейской пехотной дивизии Ф.Ж.Б.Ф. Кюриаль, не очень-то доверяя своим солдатам, приказал, чтобы в 3 часа дня эти патрули немедленно возвращались в свои части для переклички. Все же остальные чины, не назначенные к патрулированию, должны были находиться «на казарменном положении в Кремлевской цитадели и никуда не отлучаться»¹.

Но гвардия фактически проигнорировала приказ императора. В приказе дня 21 сентября маршал Лефевр заявил, что «Император в высшей степени недоволен тем, что, несмотря на приказ, требующий прекратить грабеж, не видно, чтобы отряды мародеров, принадлежавших к гвардии, возвратились в Кремль». И далее: «Все чины гвардии, которые возвращаются в Кремль с вином, продуктами и всеми теми вещами, которые достались в результате грабежа, должны тотчас же арестовываться и предаваться в руки гвардейского прево (...)». Этот приказ следовало зачитать утром 21-го перед каждой ротой. В дополнение к этому приказу Кюриаль сообщил, что маршал Лефевр «собрал всех офицеров, ответственных за прекращение грабежа, и сказал, что патрули, отправленные в город, сами виновны в происходящих эксцессах»².

Мало-помалу грабеж (по крайней мере в его первоначальном, разнузданном, виде) со стороны солдат Старой гвардии удалось прекратить. Гвардейцы перешли к обустройству своего быта. Первостепенной проблемой стал вопрос об отправлении естественных нужд солдат Старой гвардии. В приказе дня от 23 сентября, вышедшем за подписью Кюриалья, говорилось: «Обер-гофмаршал [Дюрок. – В. З.] горячо сетовал на то, что, несмотря на повторные запреты, солдат продолжает отправлять свои нужды во всех углах и даже под окнами императора. Приказано немедленно оборудовать от-

---

тенскую, Пресненскую и Сущевскую части; Молодая гвардия – район вокруг Кремля, Мясницкую и Мещанскую части. В Тверской и Яузской частях войска не были расквартированы.

¹ Приказ дня по дивизии Старой гвардии. 20 сентября 1812 г. // *Carnet de la Sabretache*. № 95. P. 683. В этом же приказе содержалось утверждение, что 21-го в 3 часа дня (т. е. в час переклички) «под сводом входа в Сенатский дворец» состоится распродажа вещей убитого генерала Ж.П. Ланабера.

² Приказ дня по Старой гвардии. 21 сентября 1812 г. // *Ibid*. P. 684–685.

хожие места для каждого полка. Нечистоты следует убирать нарядом от каждой части и, дабы эти нечистоты не оставлять на ближайших площадях и дабы солдаты имели большее удобство отправлять свои потребности, следует найти чаны, которые должно разместить в одном или двух помещениях казармы для использования, с тем чтобы воспрепятствовать отправлению нужды в других местах и не пачкать покои, в которых солдаты находятся. Эти чаны следует вытряхивать штрафникам во все дни, утром в 5 часов и вечером в 8 часов; для этого, согласно регламенту, следует сделать, со стороны вала и как можно дальше от двorca, ямы»¹.

С 24 сентября каждому полку Старой гвардии было предписано выделять ежедневно по 300 человек для производства различных работ: 100 человек следовало отправлять в мучной склад; 100 – для расчистки площадей; 100 – для строительства печей, предназначенных для выпечки хлеба. Кухни оборудовались из кирпича и с железными дымоходами «в подземных сводах здания Сената»². Однако все три полка гренадер (в отличие от егерей и артиллеристов) этот приказ проигнорировали. 26 сентября Лефевр потребовал выполнить приказ³. На этот раз гренадеры, по-видимому, все же вынуждены были подчиниться. Но... с 28 сентября гвардейцы снова начали безудержно грабить! 29 сентября Лефевр издал следующий приказ: «Вчера, прошедшей ночью и сегодня беспорядки и грабежи со стороны солдат Старой гвардии возобновились в еще более недостойной манере, чем когда-либо ранее. Его превосходительство герцог Тревизский, губернатор города, г-н генерал-интендант и, наконец, его сиятельство принц Невшательский жалуются его превосходительству маршалу герцогу Данцигскому. Наконец, его величество сам очень сильно недоволен. Император говорит с огорчением, что элитные солдаты, определенные в гвардию Его персоны, и которые, следовательно, должны подавать в любых обстоятельствах пример порядка и дисциплины, забыли в столь ответственный момент свой долг; а именно взламывают погреба и склады с мукой. (...) Часть этих эксцессов совершается на складе Детского приюта. Настало время для того, чтобы окончательно прекратились эти жалобы; солдат гвардии, который не ценит честь принадлежать к этому корпусу, не заслуживает быть

---

¹ Приказ дня от 23 сентября 1812 г. по 3-й пехотной гвардейской дивизии // Ibid. P. 685. Г-ну Прелье, старшему адъютанту 2-го полка егерей, было поручено обозначить места для опорожнения чанов с нечистотами.

² Приказ дня от 24 сентября по 3-й гвардейской пехотной дивизии // Ibid. P. 986–987.

³ Приказ дня по Старой гвардии от 26 сентября 1812 г. // Ibid. P. 687–688.

там. Г-н маршал герцог Данцигский, следовательно, приказывает составить поименный список и выявить людей, которые... причастны к подобным эксцессам. В намерение его превосходительства входит преподать строгий пример (...)»¹. На следующий день Лефевр распорядился, чтобы все офицеры Старой гвардии, квартировавшие в городе, перебрались в Кремль. «Любой чин гвардии, считая с сегодняшнего дня, – говорилось в приказе Лефевра, – который нарушит приказ, данный его сиятельством князем Невшательским, начальником Главного штаба, и которого арестуют в городе, тот час же будет отдан под суд»².

Но и после всех этих мер гвардейцы не торопились проявлять особого усердия к службе. 4 октября Лефевр указывал: «Несмотря на приказы, отданные до сего дня, ночная служба все еще плоха, часовые никогда не кричат “Кто идет?!” . Или, если кричат, то не дожидаются отзыва (...)». Лефевр приказал формировать каждый день подразделение в 50 человек, состоявшее из двух отрядов по 25 человек. Эти отряды должны были постоянно патрулировать снаружи Кремля, проверять посты внутри и вне стен; факт патрулирования предписано было фиксировать в специальном реестре, который будет вести офицер, командующий этим отрядом в 25 человек. Для освещения пространства рядом с постами было приказано снабдить их многочисленными фонарями³. Были приняты меры и для того, чтобы обеспечить освещение рядом с казармами гвардии. Ради этого в Кремль были доставлены городские фонари⁴. Для освещения в самих казармах использовались плошки, заправленные маслом.

В начале октября был окончательно определен порядок формирования наряда от гвардейских частей, квартировавших в Кремле. 1-й егерский и 1-й гренадерский полки ежедневно поочередно выделяли роту для охраны дворца, где находился император; 100 человек формировали «дежурное подразделение для церкви» (Возможно, этой «церковью» был Успенский собор, который стал своего рода центром «официального» разграбления сокровищ Кремля); остальная часть наряда включала 330 человек (от 2-го егерского, 2-го и 3-го гренадерских полков) для несения караульной службы. К 2-м часам дня солдаты, определенные в наряд, формиро-

---

¹ Приказ дня по Старой гвардии. 29 сентября 1812 г. // Ibid. P. 690–691.

² Приказ по Старой гвардии. Москва, 30 сентября 1812 г. // Ibid. P. 691. Один из батальонов 2-го гвардейского егерского полка, который квартировал до этого времени в городе, получил 30 сентября приказ переместиться в Кремль.

³ Приказ дня по Старой гвардии. 4 октября 1812 г. // Ibid. P. 698–699.

⁴ Приказ дня по 2-му полку гвардейских гренадер // Ibid. P. 701.

вали батальон для прохождения. Причем одновременно для этой же цели дополнительно выделялся батальон одного из полков. После прохождения этих двух батальонов гвардейские музыканты еще в течение часа продолжали исполнять различные марши. Музыка должна была раздаваться и вечером – в половине 6-го перед перелюккой и полчаса после нее¹.

В те дни капитан Фантен дез Одоард, командир 4-й роты 2-го батальона 2-го полка пеших гренатер Императорской гвардии, сделал в своем дневнике следующую запись: «В недрах разрушенной великой столицы, покинутой и ограбленной, в которой мы обитаем вот уже в течение месяца, наш образ жизни не намного отличается от того, который был в лагере (...)».² Действительно, создается впечатление, будто солдаты гвардии, оказавшиеся среди великолепных дворцов и соборов, вели себя так, как будто они все еще находились на полевом биваке. «Внутренность этих обширных дворцов находится в ужасном состоянии, – записал 2 октября в дневнике казначей Пейрюсс, также квартировавший в Кремле, – части гвардии расположились в главных залах и огонь [для своих] котелков разводят в центре салонов на паркетe»³. Бестужев-Рюмин, пытавшийся в те дни сохранить архив Вотчинного департамента, был в ужасе, видя, как солдаты раздирали книги архива и использовали их вместо подстилки⁴.

Время от времени среди тех, кто драл бумаги Вотчинного департамента, встречались и явные грамотеи. Много лет спустя один из

---

¹ Приказ дня по 3-й гвардейской пехотной дивизии. 6 октября 1812 г. // Ibid. P. 702–703. Корбелецкий, который находился к Кремле до конца сентября, дает следующую картину: «Никольские, Троицкие и Тайницкие ворота были открыты и охраняемы каждые сначала четырьмя, потом двумя человеками внутри и вне оных стоявшими, а прочие были заперты. Так же стояли часовые инде по одному, а инде по два, на Кремлевской стене у башен, у дворцовых подъездов, внизу иверху дворца, у Архангельского, Благовещенского и Успенского соборов, кои были тогда заперты, и, по-видимому, вовсе неприкосновенны. Караул держала пешая и конная французская гвардия, и польские уланы, коих сперва наряжалось пеших по батальону, а конных каждого по эскадрону и переменялись через три часа, как днем, так и ночью; но после убавлено тех и других наполовину». «(...) Всякое утро был в Кремле развод, и приезжали во дворец: принц Невшательский, вице-король Итальянский, и многие неизвестные маршалы и генералы». «В Кремле, так же, как и везде по Москве, валялось в то время довольно уже число издохших лошадей и несколько палых коров» (Корбелецкий Ф.И. Указ. соч. С. 43–44).

² Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 339.

³ Peyrusse G.J. Op. cit. P. 108.

⁴ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание. С. 376.

архивариусов, Н.И. Тихомиров, обнаружил на полях «Переписной по Калуге старых лет, 1729 года» множество полубеспорядочных надписей¹. Воспроизведем их буквально в переводе на русский язык и попытаемся понять настроения французского гренадера, которые, на наш взгляд, небезытересны: «Господину храброму конному гренaдеру Императорской гвардии 7-й роты кантонирующей в Москве (а Mosquo) Враух Враух [вероятно, это имя собственное, которое следует читать как Бро. – В. З.]. «Нет ни одного француза, который бы не пришел в отчаяние от несчастья вашей чудной Москвы (Moscau)... я осмелюсь уверить, что я почти я в особенности я плачу жалея что она достойна того чтобы быть сохранена если то что осталось будет сохранено Плачь Плачь русский несчастье вашей страны вы один автор всех несчастий которые произошли». «Приказ дня. Согласно приказам, данным императором, все военные находятся в черте Москвы, так что те солдаты, которые [находятся вне], должны быть преданы военному суду. Подписано – Наполеон». «Антуан² – наиболее великий из римлян. Вот то, что он вам оставил³». «Господину Господину капитану Леклерку командиру 7-й роты. От конных гренaдер императорской гвардии 7-я рота». «Приказ дня. В соответствии с приказом его превосходительства господина принца Истрийского все солдаты, находящиеся вне города Москвы будут преданы военному суду и будут осуждены согласно закону. Дано в наших дворцах Москвы». «Господину Барту конных жандармов гвардии в Париж Барту Денненси». «Судьба Медеи – быть преступницей, но ее сердце должно открыться ради любви к доблести⁴». «Я клянусь быть преданным конным гренaдером императорской гвардии Бро (Враух)».

Не будем комментировать эти записи. Отметим только, что процитированные строки являют нам достаточно любопытный типаж французского солдата тех лет: не очень образованного, бравого и за-

---

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 198. Л. 2; Бумаги, относящиеся... Ч. 7. 1903. С. 214–215. С.И. Искюль перевел часть этих надписей иначе (см.: Искюль С.Н. 1812 год. Документальная хроника. СПб., 2008. С. 217). По его мнению, автором надписей был гренaдер Бро. При этом, по мнению Искюля, надписи были сделаны на чистом листе, оказавшемся среди переплетенных бумаг 1782–1784 гг., адресованных московскому городскому магистрату и подписанных З.Г. Чернышевым (Искюль С.Н. Французы в Москве. С. 94).

² По-видимому, имеется в виду Марк Антоний (82–30 гг. до н. э.), римский политический деятель и полководец, соперник Октавиана.

³ Интересно, что Плутарх описывает поход Марка Антония в Армению как очень тяжелый, в особенности тяжелым было возвращение назад. Сколь провидческими оказались мысли французского гренaдера!

⁴ Французский гренaдер был знаком с трагедией Софокла!

диристого и при всем том не лишено человеческого сочувствия к своему противнику.

Несмотря на то что командование Великой армии уделяло обеспечению императорской гвардии первостепенное внимание, быт французских гвардейцев в Кремле оставлял желать много лучшего. Корбелецкий, все еще содержащийся в Кремле в начале второй декады сентября, писал так: «(...) и с сего времени начал приметно сказываться в неприятельской армии недостаток в провианте; сие тем подтверждается, что шассеры [конные егеря. – В. З.] французские (из гвардейцев), составлявшие при Наполеоне почетную стражу, у коих я с товарищами содержался под караулом, при всей гордости своей часто прашивали у нас хлеба»¹.

Чуть лучше обстояло дело с обмундированием. Утром 26 сентября император распорядился пошить для каждого солдата Старой гвардии жилет из кожи, подбитый мехом, дабы можно было носить его под шинелью. С этого времени началась подготовка обмундирования Старой гвардии к зиме. Помимо пошива меховых жилетов, были приняты меры к ремонту обуви и других частей обмундирования².

Офицеры Старой гвардии устроились в Кремле неизмеримо лучше простых солдат. Вот что записал в своем дневнике Фантен дез Одоард 12 октября: «Я живу с несколькими другими офицерами гвардии в небольшом расстоянии от кафедральной церкви, в доме, в котором, должно быть, обитал священник, потому что снизу доверху он заполнен церковной утварью и церковной одеждой. Благодаря грабежу мы обеспечены мебелировкой. Наши кровати сооружены из подушек канане, облачений попа и покровов с алтаря. Благодаря гренадерам, которые урывают то там, то здесь, нам досталось столовое белье и домашняя утварь; мы снабжены также провизией всякого рода; благодаря стадам рогатого скота, которые двигались с армией, мы получили мясо; из муки, добытой под пеплом, мы испекли хлеб; в общем, армия, к досаде Ростопчина, имеет здесь все, что нужно. Мы заполнили склад в нашем обиталище в Кремле настолько, что обеспечили себя на 6 месяцев вином всех стран, ромом, кофе, сахаром, шоколадом, чаем, мясом, соленой рыбой и вареньем. Этот последний продукт хорошо характеризует вкусы местных жителей, и, благодаря ему, можно судить о характере чудес, которые открываются всюду перед нами. Среди всех прочих варений здесь, я предпочитаю то, ко-

---

¹ Корбелецкий Ф.И. Указ. соч. С. 35–36.

² См.: Приказ дня по 3-й пехотной гвардейской дивизии. 26 сентября 1812 г. // *Carnet de la Sabretache*. № 95. P. 688.

торое [сварено] из лепестков розы, и я хочу найти его рецепт: это воспитательное лакомство»¹.

Из казарм гвардейских солдат и обиталищ гвардейских офицеров переместимся во дворец, в котором обосновался Наполеон и высший генералитет Великой армии. 23 сентября «на обеде в Кремле» оказался Кастеллан. «Я обедаю во дворце, – записал он. – Обеденная зала великолепна; она была предназначена для пиров русских императоров. Она чрезвычайно большая; в центре стоит столб, поддерживающий своды, и который делит ее на 4 части; она обтянута красным бархатом»².

Покои, которые занимал император в Кремлевском дворце, были неплохо описаны мамелюком Али (Сен-Дени). Воспроизведем этот отрывок: «В Кремлевском дворце император занимал очень большой салон. Этот салон был разделен на две части балкой, или карнизом, поддерживающимся двумя колоннами, между которыми был проход из одной части в другую. Между стеной и колонной с каждой стороны были треножки. Салон был украшен позолотой, но почерневшей от времени. <...> Спальня, выходящая окнами на Москву-реку, была большой длинной квадратной комнатой, расположенной справа от той, которую занимали лакеи (*valets de chambre*), и она отделялась [видимо, от большого салона. – *В. З.*] всего лишь простой перегородкой. В левом крыле, образуемом этой перегородкой, и на той стороне, что против окон, имелось небольшое бюро цилиндрической формы; оно было расположено так, чтобы срезать угол, который, я

---

¹ Fantin des Odoards L. F. Op. cit. P. 339. Наслаждаясь роскошествами в своем кремлевском обиталище, Фантен дез Одоард был склонен воспринимать и жизнь своих солдат-гвардейцев в радужном свете. «Теплое вино и пунш, – записал он, – потоком струится в серебряных кубках и фарфоровых чашках, и наши казармы, как и наши биваки, сотрясаются от шуток день и ночь» (*Ibidem.*).

² Castellane E.V.E.V. Op. cit. P. 160. Несмотря на все великолепие залы, Кастеллан не встретил здесь маршалов и генералов: там были «офицеры для поручений, адъютанты адъютантов [имеются в виду генерал-адъютанты. – *В. З.*], офицеры гвардии, караульные офицеры, пажи, казначеи, врачи, хирурги, аптекари Наполеона» (*Ibidem.*). Зала, описанная Кастелланом, почти наверняка была Грановитой палатой, стены которой в XVIII в. затащили вишневым бархатом. Вечером 15 сентября, т. е. в день водворения Наполеона в Кремле, было позволено отобедать в императорском дворце русскому Корбелецкому. За столом сидели офицеры и даже генералы; обед проходил в Тронной зале (!), в которой, кроме занавесей на окнах, не было ничего. Столы были простыми деревянными без скатертей. Посуда была серебряной, походной (Корбелецкий Ф.И. Указ. соч. С. 30. Примеч. 10).

думаю, предназначался для камина. У этого бюро имелось три экрана зеленого шелка: один справа, другой – слева, и третий – наверху; все три сзади соединялись. Император саживал за этим бюро, чтобы почитать или пописать. Эта мебель осталась у меня в памяти, и вот почему. Император в ходе своих кампаний и во время различных вояжей располагал несколькими ящиками для книг, которые обычно в течение всего времени его пребывания где-либо стояли или в его кабинете, или в его спальне. В моменты скуки или бездействия он брал том и, когда рядом не было чего-либо другого, использовал мебель, которая оказывалась подле него. Так вот! В течение почти всего времени, когда он оставался в Кремле, «История Карла XII» Вольтера, приятный небольшой том в марокко [кожа черного цвета, которая часто использовалась для переплета книг. – В. З.] с золотым обрезом, постоянно лежала на этом маленьком бюро. Император был далек тогда от того, чтобы думать, будто его история станет столь похожей на историю короля Швеции...»¹

Комнаты, которые занял Бертье, находились, как вспоминал Дюма, «значительно выше апартаментов императора». По мнению Дюма, они считались апартаментами императрицы. Их балкон выходил на Соборную площадь². Беглое описание кабинета Бертье дал Муральт. Он вспоминал, как, попав в Императорский дворец, увидел, что по дворцовой лестнице вверх и вниз постоянно сновали различные чины и придворные; наконец, ему попался «лейб-мамелюк» Рустам, который очень вежливо на вопрос Муральта, где можно найти Бертье, ответил, что готов доложить о нем начальнику Главного штаба. Вскоре Муральт увидел Бертье, сидевшего в полном одиночестве посередине комнаты за маленьким столом и что-то сосредоточенно пишущим. В четырех углах комнаты стояли угловые секретеры³.

Из мемуаров Коленкура известно, что и он, обер-штальмейстер, также получил возможность занять «в Кремле две маленькие комнаты, выходящие на южную террасу»⁴. Коленкур пишет, что «за исклю-

---

¹ Цит. по: Grünwald С. *Op. cit.* P. 223.

² Dumas М. *Op. cit.* P. 455. Перовский вспоминал, как он попал к Бертье: его провели через Красное крыльцо к золотой решетке; затем он прошел через «две комнаты, наполненные придворными и пажам в парадных мундирах и в пудре»; в третьей комнате оказался Бертье (Перовский В.А. Указ. соч. Ст. 1038–1039).

³ Muralt А. *Op. cit.* S. 79.

⁴ Caulaincourt А.А.Л. *Op. cit.* Т. 2. P. 41. Другими словами, из апартаментов Коленкура можно было выйти на обширную террасу, с которой откры-

чением больших покоев [т. е., по-видимому, покоев, которые занимал император. – В. З.], мебели не было нигде, но мы покупали мебель по дешевке...»¹ Однако основной своей резиденцией Коленкур избрал дом кн. С.М. Голицына (ныне Волхонка, 14/1).

В усадьбе кн. Д.М. Щербатова (по другим сведениям, – в соседнем доме купца С.А. Милокова) на Девичьем поле квартировал маршал Даву. Бывая в Кремле, он останавливался в Чудовом монастыре. При этом, говорят, что его кровать стояла в алтаре соборной церкви.

Как это было обычно заведено, Наполеон с раннего утра был уже за работой. Затем он завтракал. К завтраку у Наполеона собиралось несколько человек. Определенно часто за завтраком бывали Бертье, Богарнэ², Дюрок³, по временам – Боссе⁴. Корбелецкий утверждал, что утренняя встреча Наполеона с высшими чинами армии и администрации происходила с 9 до 12 часов утра⁵.

В период пребывания Наполеона в Кремле большая часть дня у него была занята делами армии и империи (там император подписал более 60 декретов⁶). После полудня он не раз выезжал из Кремля. Конвой императора обычно состоял из эскорта конных егерей и «польских уланов»⁷. Согласно «Дорожному дневнику» Коленкура, выезд состоялся 22-го (выехал в 2 часа дня; объехал город, добрался до Воробьевых гор, затем до застав на Калугу и Тулу; затем возвратился через Каменный мост в Кремль)⁸, 30 сентября (выехал в пол-

---

вался вид на Замоскворечье. Напомним, что на Замоскворечье выходили и окна спальни императора.

¹ Ibidem.

² Богарнэ писал жене: «...жизнь, которую я здесь веду, очень однообразна. Утро и вечер у императора, который меня удерживает [у себя] все время по многу часов, и который общается со мной все время с одинаковой добротой. Остаток дня занят делами по армейскому корпусу» (Богарнэ – жене. Москва, 4 октября 1812 г. // [Du Casse A.] Op.cit. P. 58).

³ Мамелюк Али рассказывал, что «однажды за завтраком император разговаривал с гоф-маршалом Дюроком, и беседа шла вокруг темы, какой может быть самая прекрасная смерть. Его величество говорил, что, по его мнению, самой прекрасной смертью было бы умереть на поле битвы, пораженным ядром; но полагает, что он не будет столь счастлив: “Я умру, – сказал он, – в своей кровати как коронованная с...”» (Цит. по: Grünwald С. Op. cit. P. 224).

⁴ См.: [Bausset] Op. cit. Vol. 2. P. 307.

⁵ Корбелецкий Ф.И. Указ. соч. С. 40.

⁶ См.: Bulletin des Lois de l'Empire Français. P., 1813. 4-e Sér. T. 17.

⁷ Корбелецкий Ф.И. Указ. соч. С. 36.

⁸ Корбелецкий писал так: «11 сентября [т. е. 23 по н. ст. – В. З.] Наполеон в предшествии двух камер-пажей, в сопровождении своего генералитета, придворных чинов, трех вышеозначенных русских пленников [т. е. лекаря

день; объехал Кремль внутри и снаружи, затем отправился в «старый город»; возвратился в 6 часов вечера), 1 октября (выехал в полдень, проехал по Тверской, затем выехал к Владимирской дороге, потом проехал к югу, посетил пороховой магазин возле Симонова монастыря¹ и сам монастырь, пересек Москву-реку, проехал возле Серпуховской и Калужской застав; возвратился в Кремль в 5 часов вечера), 2 октября (посетил артиллерийский магазин, Тюремный замок, возвратился в Кремль в 5 часов), 4 октября (посетил Хамовнические казармы и магазин 1-го армейского корпуса, расположенный в Новодевичьем монастыре, объехал город; возвратился в 5 часов), 5 октября (выехал в половине первого, объехал Кремль, затем проехал вдоль левого берега Москвы-реки до порохового магазина возле Симонова монастыря, «рекогносцировал высоты слева»; возвратился к 5 часам), 7 октября (выехал в 2 часа, проехал до Дорогомиловской заставы, затем выехал к дороге на Дмитров, про-

---

Черниговского пехотного полка В.П. Рудзинского, инвалида, служившего сторожем при Архангельском соборе, и Корбелецкого. – В. З.], и конвоя, состоящего из эскадрона шассеров и польских улан в первый раз выезжал из Кремля осматривать разоренную Москву, и в первый раз оставя светло-серый свой сертук, показался в мундире...» «...Одет был в простой армейский мундир темно-зеленого сукна, с красным воротником, без всякого шитья, с одними только эполетами, с звездой на левой стороне и с алою лентою по камзолу, которая едва видна была из под мундира, и в низенькой треугольной, нараспах связанной шляпе с небольшою кокардою, и ехал на простой польской лошади...» (Корбелецкий Ф.И. Указ. соч. С. 36–37). Исходя из записей дневника Коленкура, Корбелецкий ошибся с датой поездки Наполеона по Москве, и это было не 23, а 22 октября. Однако, как мы уже отмечали, имеется другой документ, говорящий в пользу версии Корбелецкого.

23 сентября Наполеон написал маршалу Ф.Ж. Лефевру, командующему Старой гвардией: «Встретил здесь капрала егерей гвардии, который был в маршевом батальоне генерала Ланюсса [бригадный генерал П. Ланюсс, командир 2-й бригады 1-й гвардейской дивизии Делаборда, привел в Москву в начале 20-х чисел сентября большую маршевую колонну примерно в 5 тыс. человек. – В. З.]; он вошел в город без ранца и без ружья, в то время как его батальон... сражался на дороге. Арестуйте этого капрала для примера» (Наполеон – Лефевру. 23 сентября 1812 г. // *Napoléon Bonaparte. Correspondance générale*. № 31749. P. 1109).

Эта записка заставляет предполагать, что Наполеон мог выезжать из Кремля 22 сентября.

¹ 28 сентября Ларибуасьер представил Наполеону рапорт, в котором информировал о состоянии подвалов и подземелий Кремля и предложил перевезти порох, который находился в большом магазине возле Симонова монастыря. Это предложение генерал обосновывал удаленностью порохового магазина от центра города (Ларибуасьер – Наполеону. Москва, 28 сентября 1812 г. // SHD. 2С. 131).

ехал возле Института благородных девиц, потом проехал по городу вплоть до Троицкой заставы, от которой шла дорога на Ярославль; возвратился в 5 часов), 9 октября (выехал в час дня, пересек Каменный мост, выехал к Калужской заставе с выездом на Калужскую дорогу, проехал по ней до 2-х лье (т. е. примерно до развилки на Новую и Старую Калужские дороги); возвратился на Воробьевы горы и прибыл к 5 часам в Кремль (par la porte de Mojaisk))¹. 10 и 11 октября – определено², 12, 13 и 14 – вероятно, Наполеон не садился на лошадь и не покидал Кремль. Не исключено, что 15 октября он в сопровождении Нарбонна посетил московские госпитали³. 16, 17 и 18 октября император Кремль не покидал. Утром в половине пятого 19 октября состоялся окончательный отъезд императора из Московского Кремля.

Как мы видим, возвращение Наполеона в Кремль после поездки чаще всего происходило к 5 часам вечера. Затем император отдыхал, возможно, спал. Обед, скорее всего, подавали часам к девяти. К обеду в Императорский дворец три или четыре раза в неделю собирался высший генералитет и «значительные лица Двора» (Коленкур). Наполеон старался «продлить время, проводимое за столом» (Сегур), вел бесконечные разговоры, которые продолжались и после обеда. Коленкур вспоминал, что император упорно рассуждал в ходе этих бесед о хорошей погоде, о том, что французская армия проведет зиму в Москве, о проектах оттянуть уставшую кавалерию и, наоборот, о выдвигании вперед «польских казаков» (Cosaques polonaise), достойных, по его мнению, соперников русских; «Император заявлял также во всеулышание о своем проекте немедленного движения на Кутузова, чтобы отбросить его и дать, наконец, отдых армии»; Наполеон упорно говорил о подходе резервов, о скорых успехах на Двине, рассуждал об Австрии как о государстве, стремящемся сдерживать русского колосса (la colosse russe)⁴. Наполеон был уверен, что

---

¹ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 37–38; Note 2.

² Об этом свидетельствует «Дорожный дневник» Коленкура. К сожалению, на этом его записи, сохранившиеся в Национальном архиве и использованные издателем его мемуаров Ж. Аното, обрываются. В 2012 г. продолжение «Дорожного дневника» (от 12 октября до 4 ноября) опубликовала Т.П. Петерс (Петерс Т.П. С полей сражений 1812–1815 гг.: Трофейные письма маршалов, генералов, чинов Великой армии, императора Наполеона I и переписка генерал-лейтенанта Д.В. Голицына. М., 2012. С. 56–58). Однако идентифицировал этот текст как «Дорожный дневник» Коленкура только М.Н. Семенов.

³ Castellane E.V.E.V. Op. cit. P. 169.

⁴ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 53.

благодаря его слушателям эти рассуждения непременно будут обсуждаться всей армией¹. Иногда по вечерам император играл в карты в двадцать одно².

Дважды для императора пел известный кастрат Л. Торквинио (Тарквинио), сопрано. «Это происходило, – вспоминал Коленкур, – во внутренних покоях и продолжалось не более получаса; среди слушателей были только офицеры Двора императора»³.

Согласно Сегюру⁴, незадолго до выхода из Москвы Наполеон потратил три вечера на составление устава Комеди франсез, содержащего 87 статей⁵. В тот самый день, 15 октября, когда Наполеон закончил работу над текстом этого знаменитого «московского декрета», у него состоялся примечательный разговор с Нарбонном. Этот разговор был изложен в воспоминаниях Нарбонна, которые отредактировал и издал его секретарь А.Ф. Вильмен⁶: «Салон в Кремле, который занимал Император, и который находился под парадными апартаментами Царицы, был освещен огромными люстрами; жаркий огонь пылал в обширном камине, отделанном мрамором и золотом. Император прохаживался большими шагами, перебрасываясь фразами в замечательной манере, которая была характерна для эпохи великой Империи, о важности политики в отношении искусств, драматического искусства, в частности французского театра,

---

¹ Ibid. P. 38.

² Богарнэ – жене. Лагерь под Москвой, 21 сентября 1812 г. // [Du Casse A.] Op. cit. P. 50.

³ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 40–41. Тарквинио определенно пел вечером 25 сентября (Мутон – жене. 25 сентября 1812 г. // *Lettres d'un lion. Correspondance de G. Mouton*. P., 2005. P. 85).

⁴ Segur Ph.P. *La Campagne de Russie*. P. 214. См. также: Bouchard A. *La langue théâtrale: vocabulaire historique...* P., 1878. P. 308–324.

⁵ Мнение о том, что декрет был целиком написан в Москве и подписан утром 15 октября, было оспорено в 1975 г. Т. Сорелем, который пришел к выводу, что Наполеон получил в Москве доставленный из французской столицы курьером проект устава, просмотрел его, выправил, но подписал в Париже (Saurel T. *Le décret de Moscou mérite-t-ils on nom?* // *Revue historique de droit français et étranger*. 1975. Juillet. P. 436–440; Rey M.P. *L'effroyable tragédie. Un nouvelle histoire de la campagne de Russie*. P., 2012. P. 187–188).

⁶ Этот разговор изложен в воспоминаниях Нарбонна, которые отредактировал и издал его секретарь А.Ф. Вильмен (Villemain A.F. *Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature*. P., 1854. T. 1. P. 225–230). В вольном изложении на русском этот материал дал А.Н. Попов (Попов А.Н. *Французы в Москве*. С. 140–142). Мы не можем не разделять сомнений исследователей (См., например: Соколов О.В. *Битва двух империй. 1805–1812*. М.; СПб., 2012. С. 512–514) в отношении степени достоверности записок Вильмена, однако не исключаем, что многие эпизоды он воспроизвел достаточно точно.

Корнеля, Тальма. – Автор декрета [вдруг] замолчал. Дух значительности сообщился всем участникам (г-на Дарю, который из-за тысячи неотложных дел и забот, связанных с нуждами армии, не было); несколько генералов скромно, почти индифферентно сидели и слушали, не произнося ни слова. Очевидно, что бремя сомнений и беспокойства завладело умами и лишило силы, дабы отдаться отдохновению, так что гений [т. е. Наполеон. – В. З.] обращался к самому себе. “Я был бы должен, мой дорогой Нарбонн, – сказал неожиданно Император, – посоветоваться с вами по поводу того, о чем мы говорим, перед тем как отправить мой утренний декрет (*d’expédier mon Décret de ce matin*). Вы, я знаю, весьма любили театр в дни своей молодости; и вы его великий знаток. Правда, я полагаю, что то был главным образом комический театр, какой именно и предпочитал высший свет, Селимена¹, мадемуазель Конта²”. И при этом последнем имени, быстро произнесенном, что-то похожее на улыбку отобразилось на серьезном лице Императора. “Что касается меня, то я люблю главным образом трагедию, высокую, величественную, какой ее сделал Корнель. Великие люди изображаются в ней более правдиво, чем в истории: они в ней показаны не иначе как в кризисных обстоятельствах, в моменты великих решений; и в ней нет ничего лишнего, всех этих приговорительных деталей и соображений, которые нам обычно приписывают историки. Все это делается [историками] ради славы; ибо, мой дорогой друг, то, что от человеческих слабостей, от колебаний, от сомнений, – все это должно исчезнуть в герою. Это должна быть величавая статуя, в которой более не заметно немощи и дрожи плоти; это Персей Бенвенуто Челлини...”» После довольно долгих рассуждений об искусстве театральной трагедии Наполеон обратился к личности Петра Великого. «“Какую трагедию, к примеру, талантливый человек (...) создал бы из Петра Великого, этого гранитного человека, [мощного], как фундамент Кремля, человека, который основал цивилизацию в России и определил вхождение России в Европу, и который заставил меня, через век после своей смерти, предпринять эту ужасную экспедицию. Я не могу сдержать своего восхищения, когда я думаю, что именно в этом дворце 20-летний Петр, не имея возможности получить чей бы то ни было совет, почти без образования, перед лицом Регентши-правительницы и старой партии, которая все контроли-

---

¹ Селимена – персонаж комедии Ж.Б. Мольера «Мизантроп», возлюбленная Альцеста.

² Л.Ф. Конта (1760–1813) – известная французская актриса из «Комеди франсез».

рвала, оспаривала и ограничивала возможности его правления, взял власть и, думая сделать Россию победоносной и захватнической, начинает с уничтожения *стрельцов*, этой непослушной милиции, которая представляла собой единственную силу империи. Какой пример нравственной силы! Как было бы хорошо увидеть на сцене этого молодого Принца, который, как считали, был склонен к грубым удовольствиям, и который приводит в исполнение 18 брюмера при своем Дворе, отправляет гордую Софью в монастырь, затем закладывает основания мира и, одновременно, – с военной интервенцией в Польшу и Саксонию, создает Армию, Флот и закладывает новую столицу России. Что касается до собственно гения Петра Великого, то он не был хорошо понят. Не заметили, что он обладал тем, чего в большинстве не достает великому человеку, рожденному на троне, – славы быть парвеню, и тех испытаний, которых эта слава стоит. Петр Великий добровольно стал лейтенантом артиллерии, кем был и я. Это не была комедия. Он покинул страну с тем, чтобы избавить себя на некоторое время от короны, дабы изучить обыкновенную жизнь и вновь подняться, на этот раз до величайшего уровня. Он сам сделал то, что дала мне судьба: вот то, что выделяет его из ряда государей по рождению! И между тем какие испытания выпали на долю этой судьбы и этого гения! Подумайте, как на берегах Прута тот же самый человек во главе армии, которую он создал, допустил окружить себя, допустил, чтобы его заставили голодать и едва не взяли в плен турецкой армией? Такие вот необъяснимые затмения случаются с величайшими людьми: это Цезарь, плохо начавший дело и осажденный в Александрии жалкими египтянами. Но Цезарь взял реванш; и человек гения всегда найдется, как после совершенной ошибки, так и после случившегося несчастья».

После этого потока идей и рассуждений Наполеона Нарбонн попытался ответить: «Да, Сир, – сказал он, – Россия Петра Великого полна трагических воспоминаний... Этот царь Петр, которого Ваше Величество обожает столь сильно и который вытягивал Россию из хаоса, не просветил ее. В сущности, он был варваром; и он остался полуварваром; кроме того, он отдался организаторской деятельности и военному делу, стремясь победить первых воинов Европы путем достижения численного перевеса, и победил Карла XII под Полтавой. Но это было достигнуто менее всего благодаря собственному гению, но благодаря ошибкам этого короля. Если бы Карл XII, который был в действительности более солдат, нежели генерал, не столь углубился в Россию, или отступил бы вовремя, если бы он не решился продолжать это вторжение и еще более поостерегся зимы, тогда как сильный холод убил множество солдат во время марша, он никогда бы не был побежден, он возвратился бы в Польшу и отда-

лился от границ Царя, запертого в обширных государствах [по-видимому, Нарбонн имел в виду пространства России и Польши. – В. З.] и вынужденного распаивать степи и заселять пустыни. Царь казался особенно великим благодаря ошибкам своих противников. Он победил не благодаря своей тактике и своему гению, но благодаря суровости своего климата; и это то средство, на которое рассчитывают и его потомки”. “Я вижу, к чему вы клоните, мой любезный Нарбонн, – живо ответил император, – вам говорят о театре, а вы отвечаете политикой. Впрочем, это те вещи, которые иногда сопрягаются. Но будьте покойны; мы не повторим ошибку Карла XII. Она записана в истории, дабы предохранить нас. Надо было подождать здесь немного эффекта тех громких ударов, которые нанесла битва при Москве-реке и занятие Москвы. Я имел причину надеяться на мир: но, преуспеет ли в этом или нет, есть срок нашему пребыванию. После того как наша армия всем воспользовалась, отдохнула и устроилась, и в то время, пока погода стоит великолепная, у нас есть возможность перейти к Смоленску, присоединяя по пути подкрепления, находящиеся эшелонами по дороге, и занять зимние квартиры в Литве и Польше.

Есть другой способ, который предлагает Дарю, и который я называю советом льва: собрать здесь провизию, забить и засолить искалеченных лошадей и расположиться на зиму на развалинах Москвы, которая все еще остается городом, способным дать кров и защиту, а весной возобновить наступательную войну; но я не принял сей проект. Он может завести далеко; нельзя быть слишком долго вне дома. Я чувствую, что Париж меня призывает, и еще более не искушает меня Санкт-Петербург. Следовательно, будьте довольны, мой дорогой; скоро отправление, с миром или без мира”».

Воспроизведенный нами диалог (почти что монолог) императора ясно и, как полагаем, достаточно точно (несмотря на оправданные сомнения в абсолютной достоверности текстов Вильмена), отразил ход размышлений Наполеона как по поводу своих действий, так и в отношении восприятия России и Петра I. Этот диалог напрямую соотносится с фактом того, что, находясь в Кремле, Наполеон часто обращался к «Истории Карла XII» Вольтера, которая была с ним. Боссе утверждает, что эта книга постоянно находилась на столе у Наполеона и даже на его ночном бюро¹. Читал ли император, находясь в Кремле, только Вольтера? А. Шюке в свое время попытался выяснить, что именно мог читать Наполеон во время кампании 1812 года помимо Вольтера. Результаты попыток

---

¹ [Bausset] Op. cit. P. 314. Сегюр пишет о том, что Наполеон проводил в Москве «полулежа долгие часы с романом в руках».

французского историка оказались не очень успешными. Шюке отметил, что Наполеон был знаком с журналом Г. Адлерфельда, камергера Карла XII, о шведском походе в Россию (но историк не уточнил, когда состоялось знакомство императора с этим журналом), но считал его скучным и предпочел ему Вольтера. В Витебске Наполеон получил работу П.С. Лапласа «Аналитическая теория возможностей», но даже не перелистал ее¹. Сохранилось письмо, составленное Дюроком по приказу Наполеона и отправленное из Москвы в Париж 30 сентября на имя императорского библиотекаря Луи Барбье. Из письма следует, что император сетовал по поводу того, что Барбье не присылает «новые занимательные сочинения». Поэтому Дюрок советовал Барбье не упускать случая, чтобы отсылать книги по эстафете с чемоданом аудитора Государственного совета².

Ночью Наполеон обычно продолжал работать (Кастеллан записал в дневнике 5 октября: «Он [т. е. император. – В. З.] работает всю ночь. Он спит, правду сказать, часть дня»³. Однако иногда он прибегал и к хитрости. Один из камердинеров императора Анжель (Angel), беседуя с Кастелланом в передней кабинета императора, поведал ему о том, что Наполеон вскоре после прибытия в Москву «сказал, чтобы все вечера я зажигал две свечи возле его окна с тем, чтобы солдаты восклицали: “Смотрите, император не спит ни днем, ни ночью; он работает постоянно!”»⁴

Как бы то ни было, объем и разнообразие вопросов, которые приходилось решать императору в Москве, впечатляют. Помимо текущих дел, связанных с устройством армии⁵, Наполеон утешал семьи погибших военачальников⁶, проявлял заботу о погорельцах, прежде всего, конечно, о «московских иностранцах»⁷, устраивал домашние

---

¹ Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. Sér. 1. P. 96.

² Наполеон (через Дюрока) – Барбье. Москва, 30 сентября 1812 г. // Napoléon I. Correspondance. T. 24. № 19236. P. 234–235.

³ Castellane E.V.E.V. Op. cit. P. 164–165.

⁴ Ibid. P. 161. Запись от 27 сентября 1812 г.

⁵ Эта деятельность отразилась не только в хорошо известной «Корреспонденции» Наполеона и в вышедшей в 2012 г. «Общей корреспонденции», в многочисленных мемуарах, дневниках и труде секретаря-архивиста Фэна, но и в архивных документах, еще ждущих публикации (См., в частности: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3604. Ч. 1; Д. 3605. Ч. 1–2; РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 284. Ч. 2; ОР РНБ. Ф. 859. К. 6. № 5; и др.).

⁶ См., например: Napoléon I. Correspondance. T. 24. № 19274.

⁷ См., например: Ложье Ц. Указ. соч. 2005. С. 82–83; Surugue A. Mil huit cent douze. P. 49–50.

дела¹, занимался делами цензуры², встречался с «русским индусом» А. Порюс-Визапурским, и т. д., и т. д. Нашлось время озаботиться и сохранностью архива Вотчинного департамента в Кремле³. Правда, в конечном итоге 17 октября, когда надо было уже вплотную готовиться к выходу из Москвы, а Бестужев-Рюмин возобновил попытки обратить внимание французского императора на весьма вольное обращение гвардейцев с бумагами архива, Наполеон воскликнул: «Этот человек с своею архивою мне уже наскучил», но тем не менее дал поручение Нарбонну разобраться⁴.

Немало времени отнимали у Наполеона дела международного характера, о чем свидетельствует его переписка с министром иностранных дел Франции Маре, который находился в этот период времени в Вильно, дабы быть ближе к императору и театру военных действий. Регулярно получал Наполеон и информацию о настроениях парижан⁵.

Завершая этот сюжет, хочется процитировать Коленкура, который написал о деятельности Наполеона в Кремле так: «Он работал весь день и часть ночи. Он управлял Францией и руководил Германией и Польшей так, как если бы находился в Тюильри. Каждый день с эстафетами приходили донесения и отправлялись приказы, дававшие направление Франции и Европе»⁶.

К началу октября, когда было выяснено местонахождение армии Кутузова, Наполеон занялся укреплениями Кремля. Этим он преследовал по крайней мере две цели. Во-первых, император пытался продемонстрировать неприятелю готовность остаться в Москве, надеясь тем самым убедить русских поторопиться с переговорами о мире. Во-вторых, в случае возможного выступления основных сил

---

¹ См.: *Lettres inédits de Napoléon Ier; Napoléon I. Correspondance*. Т. 24. № 19276.

² См.: *Napoléon I. Correspondance*. Т. 24. № 19268, 19270.

³ См.: Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание. С. 371.

⁴ Там же. С. 378.

⁵ См., например, послания секретного информатора Ж. Фьева (*Correspondance et relations de J. Fiévée avec Bonaparte (1802 à 1813)*). Р., 1836). В октябре он отписал Наполеону так: «Резюмирую: император управляет Францией с развалин Москвы так же надежно, как бы он управлял из Варшавы или Вильно...» (*Ibid.* Р. 246). Впрочем, оказалось, что Фьева несколько поспешил с этим выводом: вскоре после отправления этого письма Париж был захвачен генералом К.Ф. Мале и его друзьями-республиканцами. Наполеон явно оказался более проникательным, не переставая, находясь в Москве, беспокоиться о настроениях парижан.

⁶ *Caulaincourt A.A.L. Op. cit.* Т. 2. Р. 37.

армии из Москвы (либо с целью отбросить войска Кутузова, либо с целью создать для них угрозу) Наполеон должен был обеспечить оборону города силами небольшого гарнизона, укрывшегося за прочными укреплениями. Наконец, не следует полностью исключать и возможность того, что при общем отходе армии на зимние квартиры Наполеон не попытался бы сохранить за собой и Москву, оставив в хорошо укрепленном Кремле относительно малочисленный корпус.

30 сентября, в полдень, Наполеон объехал на своем коне Эмире пространство внутри и снаружи Кремля¹, что дало ему возможность представить объем необходимых работ. Утром 1 октября император отдал Бертье приказ относительно вооружения московской цитадели. 12 орудий (это были гаубицы, 12-фунтовые и 3-фунтовые пушки) в течение 1 и 2 октября должны были занять позиции на башнях Кремля. Наполеон отдал совершенно определенные указания, где именно должны были находиться орудия. Благодаря этому, хотя мы и не располагаем планом Кремля, которым пользовался Наполеон, с большой долей вероятности можно предположить, что одно орудие расположилось в Боровицкой башне (по-видимому, она была обозначена на плане под № I), одно – на Водовзводной (на плане № II), два – на Тайницкой башне (на плане № IV), одно на Беклемишевской (№ VIII), одно – на Константино-Еленинской (№ IX), одно – на Спасской (№ XI), два – на Никольской (№ XII), одно – на Угловой Арсенальной (№ XIV), два – на Троицкой (№ XVI). Эти двенадцать орудий могли «в случае необходимости вести огонь по всей окружности» стен Кремля, целиком их фланкируя. Помимо этих двенадцати орудий, предполагалось разместить для обороны Кремля еще 18.

Наполеон приказал произвести с целью обороны цитадели и другие работы. Он распорядился, во-первых, «разрушить строение, которое прислонено к стене между башней № I и башней № II» (Мы полагаем, что оно находилось между Боровицкой и Водовзводной башнями); во-вторых, «раскрыть четверо из пяти ворот и близлежащие от барабана [под барабаном подразумевалась, вероятно, Кутафья башня. – В. З.] с тем, чтобы иметь возможность производить из этих четырех ворот дебуширование и иметь выход, и в то же время сделать у этих ворот укрепленные укрытия для ведения огня из орудий путем устройства палисадов и земляных укреплений, которые будут

---

¹ Дорожный дневник Коленкура // Caulaincourt A.A.L. Op. cit. Т. 2. P. 37. Note 2. После этой поездки Наполеон отправился «в старый город. Возвратился в 6 часов».

созданы перед [воротами]» (по-видимому, открытыми должны были быть Никольские, Троицкие, Тайницкие и Боровицкие ворота; Спасские ворота следовало полностью забаррикадировать); в-третьих, предполагалось проделать во внутренних стенах Кремля многочисленные бреши, дабы сделать возможным быстрое перемещение французских войск внутри крепости; в-четвертых, следовало восстановить и хорошо палисадировать люнеты, находившиеся вдоль северо-западных стен Кремля; внутри их предполагалось разместить многочисленную артиллерию; в-пятых, император приказал углубить ров и соорудить между башнями № XI и № VIII (полагаем, что речь шла о пространстве между Беклемишевской и Спасской башнями) прикрытия (эту часть стен Наполеон считал наиболее уязвимой); в-шестых, было приказано разрушить все строения, располагавшиеся «вокруг Кремля, в особенности те, которые находятся между башнями № XIV и № VIII [видимо, между Углицкой, Арсенальной и Беклемишевской. – В. З.], и особенно мечеть с многочисленными колокольнями» (в последнем случае речь определенно идет о соборе Василия Блаженного)¹.

К счастью, от идеи взорвать Храм Василия Блаженного французы отказались. Все остальные работы были реализованы, однако на практике оказались излишними. Русское командование не было введено в заблуждение насчет возможной зимовки Наполеона в Москве. Более того, при выдвигании французской армии к Калуге оставшийся в Кремле французский гарнизон вряд ли смог бы оказать длительное сопротивление русским, поскольку все (или почти все) орудия, размещенные на стенах и башнях, были свезены оттуда и двинулись вместе с основными силами Наполеона.

Важнейшим вопросом, связанным с оккупацией Наполеоном Москвы, и не до конца разрешенным, является тема «московских сокровищ». Напомним, что Наполеон покинул Кремль 19 октября, а в ночь на 23 октября его покинули еще остававшиеся в нем части французского гарнизона. Около 2-х часов утра 23 октября они взорвали Кремль.

Московский люд, остававшийся в городе, был объят ужасом. Очевидец событий будущий писатель П.Г. Кичеев вспоминал, что в ту ночь до рассвета на лугу возле церкви св. Георгия Победоносца

---

¹ Наполеон – Бертье. Москва, 1 октября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. Т. 24. № 19238. Р. 238–239. «В Кремле поставлены 30 пушек и со всех сторон устроены батареи. Теперь Кремль стал крепостью. В нем учреждены пекарни и склады», – сообщала 17 октября вильнюсская газета «Литовский курьер» (*Kurjer Litowski*. 1812. № 85).

стояла толпа народа. «Через темь и дым мы напрягали зрение к Кремлю; от нас с луга был виден Иван Великий; но ничего нельзя было рассмотреть. Стало светать; но Кремль не показывался. Мы не шли в дом, боясь новых взрывов, и решились ожидать совершенного утра под открытым небом. Наконец, взошло солнышко, а вскоре после показалась и золотая голова Ивана Великого. Он стоял по-прежнему богатырем, к нашей радости и досаде французов (...)»¹. Однако креста над куполом не было. С тех пор, почти уже 200 лет, поиски этого креста не прекращаются, ученые и дилетанты не устают спорить о том, зачем понадобилось Наполеону снимать этот крест и какова его последующая судьба². В сущности, история поисков креста с колокольни Ивана Великого – это своего рода квинтэссенция того, что получило название тайны «московских сокровищ» Наполеона.

Крест, сброшенный в 1812 г. Наполеоном, был изготовлен в 1811 г. и был, по-видимому, аналогичен прежнему, возвышавшемуся до него³. Он был восьмиконечным, имел в основе железный каркас, в который был вставлен деревянный крест. Сверху вся эта конструкция была обшита медными (менее вероятно – серебряными) вызолоченными пластинами. Высота креста, по разным сведениям, составляла от 2-х саженей 2-х аршин до 3-х саженей⁴. У основания креста было «яблоко», сделанное из железа и так же, как и крест, обшито вызолоченными пластинами.

Чем руководствовался французский император, приказав сбросить крест с колокольни Ивана Великого? Современники и свидетели этого события оставили нам следующие суждения. «(...) Наполеон покинул Кремль после того, как снял крест с колокольни Ивана Великого, который он отправил во Францию как символ своего завоевания (*comme un monument de sa conquête*)», – записал кюре французской церкви в Москве аббат Сюрюг в свой журнал, составленный

---

¹ Кичеев П.Г. Из недавней старины: Рассказы и воспоминания П.Г. Кичеева. М., 1870. С. 52–54.

² См., например: Груцо И.А. Сокровища Наполеона: история, версии, поиски, картография. М., 2010.

³ Этот крест хорошо виден на картинах, запечатлевших «допожарную» Москву Ф.Я. Алексеевым и его учениками, а также на известных гравюрах 1762, 1805 и 1809 гг.

⁴ Сержант полка фузилеров-гренадер Императорской гвардии Бургонь пишет о 30 футах вышины. И.А. Груцо, реконструируя внешний вид креста, пишет (основываясь, вероятно, только на мемуарах Бургоня, который сам креста не видел) о том, что в деревянную основу был помещен золотой крест в 30 см.

во время и сразу после событий¹. Пейрюсс, казначей в администрации Главной квартиры Великой армии, который 28 сентября наблюдал приготовления к снятию креста, сделал в тот же день запись в дневнике: «Предметы, обреченные на уничтожение и пламень, принадлежат победителям, которые их сохранили, по праву (...). Русский народ связывает обладание крестом Ивана Великого с сохранением столицы; Его в-во не думает, что будет вынужден вступить в еще какое-либо сражение с врагом, у которого нет других армий (...). Он приказал, чтобы крест с Ивана Великого был снят и помещен на дом Инвалидов»². Сегюр, который опубликовал свою работу в 1824 г., кажется, был вполне солидарен с мнением Пейрюсса, но счел необходимым указать еще и на колебания в настроениях императора: «Беспокойство, которое он [Наполеон. – В. З.] чувствовал, выражалось в гневных приказах. Тогда-то он и велел обобрать церкви в Кремле и взять оттуда все, что может служить трофеем для его Великой армии. Эти предметы, обреченные на гибель самими русскими, говорил он, принадлежат теперь победителям на основании двойного права: благодаря победе и в особенности из-за пожара»³. Шеф батальона фузилеров-гренадер гвардии Вьонне де Маренгоне написал так: «(...) Наполеон велел забрать бриллианты, жемчуг, золото и серебро, которые были в церквях. Он велел даже снять позолоченный крест с купола Ивана Великого. Говорят, что причина, заставившая его снять этот крест, состояла в том, что у русских существовала поговорка: если заходил разговор о какой-нибудь невозможной вещи, то говорили, что это так же верно, как то, что крест с Ивана Великого отправится в Париж. Он [Наполеон. – В. З.] захотел доказать обратное»⁴. Мнение префекта императорского двора Боссе было следующим: «Этот крест был снят, ибо русские расценивали его как палладиум, защищающий их Империю. Наполеон намеревался поместить его как трофей в столице, в Париже (*comme un trophée dans la métropole de Paris*)»⁵. Дюма, главный интендант Великой армии, уточняет: «Намерение императора было (...) разместить его на куполе церкви, которую он строил у Лувра перед фасадом Музея». По мнению Дюма, крест был «объектом почитания и восхищения русского народа»⁶. Шевалье д'Изарн, эмигрант и, так сказать, «москов-

---

¹ Surugue A. *Mil huit cent douze*. P. 50–51.

² Peyrusse G.J. *Op. cit.* P. 105.

³ Ségur Ph.P. *La Campagne de Russie*. P. 210.

⁴ Vionnet de Maringoné L.J. *Op. cit.* P. 57.

⁵ [Bausset L.F.J.] *Op. cit.* P. 314.

⁶ Dumas M. *Op. cit.* P. 455–456.

ский француз», передал историю о том, что некий польский генерал, которого интересовало все, что было связано с историей России, сообщил Наполеону поверье, бытующее среди русских, о том, что пока возвышается над Иваном Великим крест, французы не вступят в Москву¹. Наконец, довольно развернутое обоснование мотивов, которыми руководствовался император, приказавший снимать крест, дал Коленкур, полный текст мемуаров которого вышел только в 30-е гг. XX в.²: «Наполеон хотел отметить в Париже свое пребывание в Москве какими-либо трофеями и осведомился, какие предметы можно было бы, по его выражению, послать во Францию на память об успехах нашего оружия. Он сам осмотрел весь Кремль, колокольню Ивана Великого и соседнюю с ней церковь»³. «Поляки уверяли, что железный крест на колокольне церкви Ивана Великого высоко почитается русскими, служит предметом почитания всех православных»⁴. К основному тексту Коленкур сделал примечание о том, что императору была представлена некая «русская прокламация», «где сообщалось, что крест с Ивана Великого является священным объектом, сейчас оказался в руках врагов, и стремление отбить крест у неприятеля является первым желанием всех верующих. Эта бумага заставила императора решиться»⁵. Этими свидетельствами фактически и исчерпываются данные (которые можно было бы считать заслуживающими внимания) о мотивах, которыми руководствовался Наполеон при снятии креста.

Что же касается мнений, бытовавших в среде российских подданных, то обычно говорилось об алчности Наполеона, вознамерившего-

---

¹ [Ysarn de Villefort F.J.D.] Op. cit. P. 45. Этим польским генералом мог быть не кто иной, как М. Сокольниковский, начальник бюро разведки Главного штаба.

² В мемуарах, опубликованных в пересказе Ш. де Сор, вышедших значительно раньше (*Souvenirs du duc de Vicence (Caulaincourt A.A.L.) / Recueillis et publ. par Charlotte de Sor. Bruxelles, 1837–1838. T. 1–2*), мы не нашли никаких строк, посвященных теме креста.

³ Коленкур не указывает конкретную дату, когда Наполеон стал размышлять о необходимости приобретения «московских трофеев», но по контексту можно предположить, что это произошло уже после 24 сентября, когда русскими временно была перерезана Можайская дорога. Согласно «Дорожному дневнику» Коленкура, Наполеон, после проведения очередного парада 6-го октября, «посетил церкви Кремля» (Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 37. Note 2). Но мы не сомневаемся, что первое знакомство Наполеона со зданием Московского Кремля произошло еще раньше.

⁴ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 58.

⁵ Ibidem. Note 2.

ся украсть золотой крест, который в действительности оказался медным или даже железным¹. Это видно уже из своеобразной полемики, которая развернулась в 1813 г. на страницах «Сына Отечества», «Вестника Европы» и «Московских ведомостей»². Весьма характерным оказался пассаж, сделанный Ростопчиным в своей оправдательной публикации «Правда о пожаре Москвы», опубликованной во Франции в 1823 г.: «В России есть обычай украшать драгоценными камнями образа, которые особо почитаются. Выяснилось, однако, что эти трофеи не дошли до Франции, как и огромный крест, который получил имя Иван Великий; этот крест был сделан из железа; но германский путешественник Адам Олеарий, который приезжал в Москву во времена царя Алексея, предположил (Бог знает, на каком основании), что этот крест был позолоченным, сделанным из массивного серебра; однако когда выяснилось, что он железный, он был оставлен на месте»³.

И все же думается, что потрясение, которое многие русские испытали, увидев после ухода французов «разможенную» главу Ивана Великого без креста, было вызвано утратой отнюдь не материально-го, но духовного и даже сакрального характера.

Когда же именно и каким образом крест был снят с колокольни? Совершенно определенно снятие креста произошло 28 или 29 сентября. 28 сентября Пейрюсс сделал следующую запись в дневнике: «Предметы, которые были обречены на уничтожение и сожжение в пламени, по праву принадлежат победителям, которые их сохранили, и Его в-во снял с церкви Кремля серебряные пластины, украшавшие стены, а также чудесную люстру из массивного серебра. Русский народ связывает обладание крестом Ивана Великого с сохранением столицы. <...> Он приказал, чтобы крест с Ивана Великого был снят и помещен на дом Инвалидов. Я отметил, что в то время, как рабочие были заняты этим делом, огромные стаи во-

---

¹ Существует предание, будто кто-то сказал Наполеону, что крест на Иване Великом сделан из чистого золота, и он приказал снять этот крест. Но во всей армии не нашлось ни одного смельчака, который бы решился на это. Тогда откуда ни возьмись, появился некий русский мужик, изменник, который бесстрашно взобрался на колокольню и снял крест. Но крест оказался деревянным, и Наполеон тотчас приказал расстрелять этого мужика, заявив, что любит измену, но презирает изменников. По всей видимости, эта история была впервые напечатана в «Отечественных записках» в 1821 г. (№ 18).

² Груцо И.А. Указ. соч. С. 47–49. См. также: Письмо неизвестного. Февраль 1813 г. // Наполеон в России глазами русских. С. 165; Суждение русского издателя записок Боволье ([Боволье] Записки современников о 1812 г. // РС. 1893. № 1. Т. 77. С. 18; и др.

³ Rostopchine F.V. Op. cit. P. 38.

рон, без перерыва кружившие в воздухе, оглушали своим беспре-
рывным карканьем»¹. На следующий день, 29 сентября, в дневнике
появилась следующая запись: «Я наблюдал из своей комнаты все те
приготовления, которые делались для того, чтобы сбить (*dégâiner*)
и поднять огромный крест. В момент, когда он уже более не держал-
ся, канаты одного из “козлов” лопнули; равновесие было нарушено,
и тяжесть цепей увлекла крест и часть лесов. Когда он упал, земля
содрогнулась под его огромной тяжестью, и крест сломался на три
куска»². То, что снятие креста произошло именно в эти дни, под-
тверждают и воспоминания Бургоня, также достаточно точно пере-
дающие события московского периода. Применительно к 24 сентя-
бря Бургонь пишет: «На самой высокой колокольне виднелся крест
Ивана Великого, господствовавший над всем; он имел тридцать фу-
тов вышины, и был сделан из дерева, окованного массивными сере-
бряными вызолоченными полосами; несколько цепей, также золочен-
ных, поддерживали его со всех сторон»³. И далее: «Несколько дней
спустя рабочая команда, плотники и другие были отряжены снять
этот крест для перевозки его в Париж в виде трофея. Но когда его
стали снимать, он покачнулся, увлекаемый собственной тяжестью,
и, падая, чуть не убил и не потянул за собой людей, державших его
за цепи (...)»⁴.

И все же... Есть указания на то, что снятие креста могло произой-
ти намного позже 29 сентября. Прежде всего, это может следовать из
воспоминаний Боссе, которые вышли в 1827 г. Боссе пишет, что «за
несколько дней до нашего отправления [из Москвы] большой крест
Ивана, который венчал позолоченную верхушку огромной колоколь-
ни Кремля, был спущен. Огромные стаи ворон, собравшиеся на обо-
дранном куполе... своими криками, казалось, оплакивали свою поте-
рю и предвещали приход суровой зимы»⁵. С мемуарами Боссе вполне
согласуются воспоминания Дюма, опубликованные в 1839 г.: «Что
бы ни было, Наполеон действовал так, как если бы война оконча-
тельно была решена в Москве. Отгрузка трофеев, которые он обо-
брал в Кремле, доказывала существование этого принесшего несча-
стия убеждения. В один из дней я с кн. Ваграмским [маршалом
Бертье. – В. З.] был на балконе апартаментов императрицы, которые
он занимал, и которые были значительно выше апартаментов импе-

---

¹ Peyrusse G.J. Op. cit. P. 105.

² Ibid. P. 106.

³ Bourgonne A.J.B.F. Op. cit. P. 41.

⁴ Ibidem.

⁵ [Bausset] Op. cit. P. 314.

ратора. Мы наблюдали тщетные усилия, которые предпринимали рабочие под управлением инженеров, чтобы спустить с верха купола главной церкви, объекта почитания и восхищения русского народа, который, думали, был из чистого золота (он был из медных пластин листового золота). Этот крест не мог быть сброшен без того, чтобы не разрушить верхушку купола, к которой он был основательно закреплен, и пришлось часть распилить; он упал со страшным грохотом на землю и распался на куски, затем тщательно упакован для транспортировки в Париж»¹. Наконец, обратимся к записи за 16 октября в дневнике Каstellана: «Рушат часть купола собора Кремля и крест Ивановича; свалившись, он сломался (*On abat une partie du dôme du Kremlin et la croix d'Ivanowitch; en tombant, elle se casse*)»².

Возникает ощущение дежа вю. Кажется, что авторы описывают одно и то же событие (кружение стай птиц, те же трудности при снятии креста, сломавшийся крест...), но которое произошло по крайней мере дважды³. Приведем для полноты картины еще два отрывка: из книги Сегюра и мемуаров генерал-адъютанта Наполеона Ж. Раппа, которые не могли быть знакомы ни с дневником Пейрюсса, ни с дневником Каstellана, ни тем более с воспоминаниями Бургоня. Сегюр: «Во время работ на этой колокольне было замечено, что стаи ворон беспрестанно кружат над крестом, и их унылое карканье, надоедавшее Наполеону, заставило его воскликнуть, что стаи этих зловещих птиц как будто хотят защитить крест! Неизвестно, какие мысли смущали Наполеона в эти критические минуты, но все знали, что он легко поддается всяким предчувствиям»⁴. Рапп в своих воспоминаниях пишет так: «Мы увидели, как тучи ворон кружили вокруг этого железа (*la ferraille*); хотели ли они помешать нам увезти его?»⁵

И все же речь, по-видимому, идет об одном и том же событии, которое произошло 28 или 29 сентября. Запись Каstellана не следует понимать так, как будто крест сняли именно 16 октября: судя по контексту, автор дневника просто констатировал факт, что крест был

---

¹ Dumas M. *Op. cit.* P. 455–456. Этот эпизод, описанный, безусловно, на основе мемуаров Дюма, имеется и в воспоминаниях Нарбонна, составленных его секретарем (Villemain A.F. *Op. cit.* P. 232).

² Castellane E.V.E.V. *Op. cit.* P. 170.

³ Можно было бы предположить, что французы сбрасывали два креста – с колокольни Ивана Великого и, скажем, с Рождественской звонницы или Филаретовой пристройки. Но, по всей видимости, это не так.

⁴ Segur Ph.P. *La Campagne de Russie.* P. 210.

⁵ Rapp J. *Op. cit.* P. 220.

снят, а соборы обобраны¹. Что же касается воспоминаний Боссе и Дюма, а тем более Нарбонна, то точного указания на день снятия креста у них все же нет.

Этот, казалось бы, частный вопрос – когда именно французские солдаты снимали крест с колокольни – помогает оценить тот факт, что обезглавливание, как полагали французы, главной русской святыни стало для них событием значительным, можно сказать, символическим, и в плане факта победы над русскими, и в плане проявления самонадеянной дерзости Наполеона, которая, как многие считали, стала причиной плачевного для Великой армии русского похода. Каждый француз, вознамерившийся оставить после себя воспоминания о русской эпопее 1812 года, считал обязательным написать о снятии креста с колокольни Ивана Великого.

Что касается «кремлевских сокровищ» в целом, то полагаем, что некоторую ясность в этот вопрос (по крайней мере, в подсчеты объемов золота и серебра, награбленного Наполеоном в церквях Московского Кремля) может внести документ, хранящийся в архиве Исторической службы Министерства обороны Франции. Из него следует, что 4 октября А.Ш.Н.А. Сен-Дидье, аудитор Государственного совета и префект Двора, руководивший ограблением кремлевских храмов, сообщил Бертье, что «комиссия, назначенная для поиска драгоценных предметов, находящихся в церквях Кремля», продолжает свою деятельность, «взвешивая предметы, которые могут быть переплавлены в слитки, и собирая материалы для отправки на распил (*à la forete*)». Из текста документа следует, что к 4 октября переплавленных и распиленных предметов набралось 19 тыс. 10 ½ русских унций (567 кг 653,53 гр.) золота и 200 тыс. русских фунтов (82 тыс. кг) серебра. Сен-Дидье сообщал, что все это хранится в двух хорошо запертых помещениях (*cadentatre*) и «либо перевозится на монетный двор (*à l'hotel de la monnaie*), либо готовится для отправки, которая начнется завтра». Сен-Дидье просил Бертье дать ему знать о намерениях императора «в отношении главной церкви Кремля, которая еще не тронута, в частности, в отношении люстры. Упаковка ее вызовет большие трудности, а может, будет невозможна вследствие необъятности ее размеров и существенной нехватки рабочих рук». По мнению Сен-Дидье, распилил ее на отдельные

---

¹ Мы не могли не задаться вопросом, почему Каstellан не внес в дневник запись о снятии креста 28 или 29 сентября. Судя по тексту дневника, Каstellан мог сам и не видеть, как крест снимали, а только позже услышал об этом.

фрагменты для последующей отправки также невозможен¹. Таким образом, видно, какой объем драгоценных вещей из кремлевских соборов (за исключением Успенского)² был переплавлен и распилен оккупантами.

Вернемся к вопросу о кресте с колокольни Ивана Великого. Обращает на себя внимание, что Наполеон об этом кресте не упоминал не только в своих воспоминаниях, но даже и в бюллетенях Великой армии, которые всегда (или почти всегда) диктовал лично. Вот, к примеру, 23-й бюллетень от 9 октября, где и говорилось о «московских трофеях»: «Знамена, взятые русскими у турок в ходе разных войн, и другие многочисленные вещи, бывшие в Кремле, отправлены в Париж. Найдена Мадонна, украшенная бриллиантами, она также отправлена в Париж»³. Этот бюллетень хорошо согласуется с теми документами, которые в 1846 г. опубликовал Э.М. Сент-Илер, и в которых если и упоминаются кресты («Деревянный крест, содержащий в себе частицы подлинного креста [т. е. креста, на котором был распят Христос. – В. З.]»; «Другой небольшой крест, украшенный цветными камнями»), то явно иные. Несмотря на разночтения в документах, очевидно, что обоз с этими «трофеями», среди которых определенно не было креста с колокольни Ивана Великого или его

---

¹ Сен-Дидье – Бертье. Москва, 4 октября 1812 г. // SHD. 2С. 131. Речь идет о знаменитой люстре «Урожай», висевшей в Успенском соборе. Из других документов, а именно из отчетов военного комиссара Дюверже (du Vergèr) от 21 декабря 1812 г. ясно, что люстра все же не была переплавлена и в каком-то виде (возможно, все же частично распиленной) была вывезена и, во исполнение приказа Бертье, отданного 4 ноября от имени императора, разломана и брошена в Днепр (Дюверже – генерал-интенданту Армии. Кенигсберг, 21 декабря 1812 г. // AN. 1646. F. 257–258).

² Напомним, что в Успенском соборе на царском месте осталась начертанная мелом надпись, из которой следует, что в соборе было переплавлено не менее 18 пудов (почти 295 кг) золота и 325 пудов (5263,5 кг) серебра. Возможно, это не весь объем того, чем поживились в Успенском соборе наполеоновские грабители. Кроме того, переплавка драгоценностей из кремлевских соборов производилась не только в этом соборе, что началось не ранее 5 октября, но и в здании гауптвахты, пристроенной к Рождественской звоннице возле Ивана Великого. В.М. Полянский, в будущем протоиерей, которому в 1812 г. было 16 лет, вспоминал, что «он был не раз в Кремле и видел на гауптвахте, которая стояла тогда за Иваном Великим, устроенную французами кузницу: несколько человек в ней работало. Перед ними лежали груды крестов, риз, окладов с образов и разные вещи из драгоценных металлов. Их переплавляли в слитки или выжигали» (Толычева Т. (Новосильцева Е.В.) Указ. соч. 1912. С. 43).

³ Napoléon I. Œuvres de Napoléon I. P. 67–68.

фрагментов, отправился из Москвы в путь в начале первой декады октября¹. Крест мог отбыть только со вторым «трофейным» обозом, который выступил к вечеру 19 октября в сопровождении солдат из дивизии Роге Молодой гвардии. Накануне, 18 октября, готовясь к отъезду из Москвы, Наполеон отдал Бертье следующий приказ: «Дивизия Роге остается здесь до завтра; она уйдет завтра вечером, эскортируя казну и главную квартиру интенданта»².

Сам Роге позднее напишет в своих мемуарах: «19-го вечером, согласно приказу Наполеона, я выступил из этого города, эскортируя казну и главную квартиру интенданта; я увозил трофеи Кремля, среди которых был крест Ивана (la croix d'Ivan), многочисленные священные для императоров предметы, все знамена, взятые у турок в течение столетия, мадонну, украшенную драгоценными камнями, изготовленную в 1740 для императрицы Анны Ивановны как память о победах над поляками и взятии Данцига в 1733. Казна состояла из серебряных монет и из слитков, сделанных из вещей, найденных в достаточно большом количестве среди развалин Москвы»³. Бросается в глаза, что текст Роге определенно перекликается с текстом 23-го бюллетеня!⁴ Ответ на это недоумение находим далее, там, где Роге повествует о событиях на Березине. Он пишет так: «Здесь я потерял мою корреспонденцию. Детали, ускользающие сегодня из моей памяти, опущены»⁵.

---

¹ Castellane E.V.E.B. Op. cit. P. 167; P. Fain A.J.F. Op. cit. P. 149; Denièze P.P. Op. cit. P. 105. Note; Коленкур – графине Нансути. Москва, 15 октября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 151; Попов А.И. Кремлевские трофеи Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VII (Труды ГИМ. Вып. 179). М., 2008. С. 126–134; и др.

² Наполеон – Бертье. Москва, 18 октября (н. ст.) 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance*. T. 24. № 19285. P. 273. Бригадный генерал, командир бригады 2-й пехотной дивизии из корпуса Даву А.Б.Ж. Дедем ван де Гельдер написал в мемуарах так: «Золотой крест с колокольни Ивана Великого, а также набальзамированная рука святого, патрона города, одно кресло из императорского дворца и несколько других редкостей были вывезены с казной» (*Dedem de Gelder*. Op. cit. P. 266).

³ Roguet F. Op. cit. P. 497.

⁴ Влияние этого бюллетеня явно чувствуется и у Шамбрэ, участника событий и историка кампании: «Был отправлен конвой с трофеями, состоящий из турецких знамен и других вещей, которые Наполеон похитил из церквей Кремля, и тот самый огромный крест, покрытый золотом и венчавший столп Ивана Великого, и который не имел никакого значения, кроме того, что был объектом почитания для русских» (*Chambray G.* Op. cit. P. 475. Note 1).

⁵ Roguet M. Op. cit. P. 535.

Если Роге и вывозил 19 октября крест Ивана Великого, то в тот же день фрагменты этого креста «выходили» из Москвы в ранцах солдат и сержантов Великой армии. Бургонь вспоминал, что в его ранце «(...) среди прочего был обломок креста Ивана Великого, а именно кусочек покрывавшей его серебряной вызолоченной обшивки; мне его дал один солдат из команды, которая была наряжена для снятия креста с колокольни»¹.

И уж полная неразбериха начинается, когда мемуаристы повествуют о судьбе «московских сокровищ», среди которых был крест Ивана Великого! По-видимому, первым, кто заявил о судьбе креста во всеуслышание, был Э. Лабом, чья книга вышла в 1815 г., и с которой успел даже познакомиться бывший император на острове Св. Елены. По версии Лабом, который служил инженером-капитаном в штабе 4-го армейского корпуса и вряд ли имел прямое отношение к «сокровищам», двигавшимся с остатками дивизии Роге, крест был брошен вместе со знаменами, вывезенными из Кремля, после Вильно по дороге на Ковно². Хотя в тексте и не называется некая возвышенность, где это произошло, но определенно Лабом имел в виду Понарские холмы.

Следующим по времени автором, заявившем о месте «сокрытия» креста, стал Сегюр, выпустивший книгу в 1824 г. Его версия нам уже хорошо известна: крест должен был лежать в «Семлевском озере». Однако Боссе, издавший воспоминания в 1827 г., напишет иначе: «Если я верно информирован, этот греческий крест вместе со многими другими драгоценными вещами, которые трудно было везти, был сброшен в Березину»³. В середине XIX в. Гадаруэль (отец Ладраг), издавший воспоминания шевалье д'Изарна, заявил, что крест «был затоплен в каком-либо водоеме, возможно в Березине»⁴.

---

¹ Bourgogne A.J.V.F. Op. cit. P. 46–47. В примечании Бургонь пишет следующее: «Я забыл упомянуть, что среди большого креста Ивана Великого был другой из массивного золота, около фута в длину (d'un pied de long)» (Ibid. P. 46. Note 1).

² Labaume E. Op. cit. P. 296–297. Любопытно, что Дюма, взбиравшийся на эти высоты вместе с А.Ш.Н.А. Сен-Дидье, аудитором Государственного совета и префектом двора, который руководил грабежом кремлевских сокровищ, описывая разграбление фургонов с казной на Понарской горе, ни словом не обмолвился о кресте, как и о прочих «трофеях». О разграблении фургонов с казной, но также не упоминая о «трофеях», поведали и другие мемуаристы – Ж.Ф. Булар, второй майор полка пешей артиллерии Старой гвардии, и Ж. Комб, су-лейтенант 2-го конно-егерского полка.

³ [Bausset] Op. cit. P. 314.

⁴ [Ysarn de Villefort F.J.D.] Op. cit. P. 78. Note Y.

Мемуары Роге вышли в свет в 1865 г. Генерал, чья дивизия сопровождала обоз с «московскими трофеями», среди коих находился крест, казалось бы, должен был прояснить вопрос о его судьбе. Но и Роге этого не сделал. О судьбе «московских трофеев» (и без упоминания о кресте!) Роге сообщал так: «Пушки и трофеи, которые мы не могли более транспортировать», сбросили в Семлевское озеро¹; а «остатки кремлевских трофеев» были «поглощены болотом», как можно понять, где-то 29 ноября в местечке Камень (Kamen)². Очевидно, что о событиях у Семлевского озера Роге, который, как мы уже знаем, утратил всю свою корреспонденцию на Березине, прочитал у Сегюра и воспроизвел эпизод с затоплением трофеев на страницах своей книги.

В конце XIX в. были изданы дневниковые записи Каstellлана, на которые никоим образом не могли повлиять ни работа Лабома, ни работа Сегюра или кого-либо еще. Каstellлан, сделавший запись 15 ноября, упомянул о событиях в районе Красного, где казаки с артиллерией напали на хвост колонны, застрявшей при переправе через тесный мост: «Два ящика с трофеями, среди которых находился и крест с Ивана Великого, утонули, когда их пытались переправить по льду; погибли все – и люди, и лошади»³.

В начале XX в. в публиковавшихся воспоминаниях участников похода вновь упоминается Семлевское озеро⁴.

Что же касается французских историков, то представляется, что ни один из них так и не попытался прояснить вопрос о судьбе креста с колокольни Ивана Великого. После работы Сент-Илера, вышедшей в 1846 г. и переизданной в 2003 г., в которой упоминалось о потере креста французами при Березине⁵, об этом написали только два французских автора русского происхождения. В 1963 г. К. Грюнвальд, публикуя фрагмент из воспоминаний Боссе, где говорилось о затоплении креста в Березине, попытался оспорить его и, сославшись на Лабома, заявил об утрате креста после Вильно⁶. Наконец, Д. Оливье

---

¹ Roguet M. Op. cit. P. 506. Отметим, что в 1911 г. А. Шюке опубликует два донесения Роге, которые тот отправил Бертье 21 октября 1812 г., т. е. уже после выхода из Москвы 19 октября, о том, что «повозки, груженные трофеями из Москвы, не могут дальше идти из-за усталости лошадей и размытых дорог» (Chuquet A. Lettres de 1812. Sér. 1. № 37, 38. P. 96–98).

² Roguet M. Op. cit. P. 536.

³ Castellane E.V.E.B. Op. cit. P. 187.

⁴ См., например: Biot H.F. Souvenirs anecdotiques et militaires. P., 1901.

⁵ Saint-Hilaire E.M. Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812. P., 1846. T. 2. P. 169.

⁶ Grünwald C. Op. cit. P. 242.

в книге о пожаре Москвы, весьма путано изложив сюжет о «кремлевских трофеях» и кресте, вообще обойдет молчанием его судьбу после вывоза из Москвы¹.

Складывается впечатление, что все (или почти все) сведения, исходившие от мемуаристов Великой армии, и даже их дневниковые записи, говорившие о последующей после снятия с колокольни судьбе креста, рождены были исключительно слухами, ходившими среди наполеоновских солдат. Даже воспоминания Роге, который должен был сопровождать поверженный крест, совершенно не проясняют этот вопрос, а только еще больше его запутывают.

Может даже сложиться впечатление, что и для самого Наполеона, который был инициатором снятия креста, этот вопрос представлял незначительный интерес. Однако... В регистрационной книге гофмаршала императорского Двора Ж.К.М. Дюрока, которая стала доступна для нас совсем недавно, имеется отпуск письма, адресованного П.Л. Ф. Фонтэну (Fontaine), архитектору его величества, следующего содержания: «В последнем письме я просил Вас указать мне размеры, которые будут соотнесены с крестом, который находится среди трофеев, вывезенных из Москвы, и который должен быть водружен на Доме Инвалидов. Среди трофеев есть крест, который находился на башне (tour) в Кремле, называвшейся Иван Великий (Ivan Velicki). Этот крест из железа и дерева, обшит пластинами из меди, кое-где вызолоченный; его края повреждены во время падения на землю так, что от них остались только небольшие куски. Я отправляю Вам точные размеры, которые прошу сохранить. Это пригодится, чтобы восстановить его и определить место, наиболее подходящее, чтобы водрузить этот трофей»².

Итак, какие-то элементы креста с колокольни Ивана Великого (полагаем, что не креста с Филаретовой колокольни) все-таки были вывезены из Москвы. Возможно также, что, как считает В.В. Ададунов, водружением этого креста (точнее – его копии) Наполеон «желал унижить противника путем символического насилия над предметом его религиозного поклонения»³. В любом случае этого не произошло, и после ухода из жизни участников русского похода, и прекращения публикации их дневников и воспоминаний, история о кресте, сброшенном Наполеоном с кремлевской колокольни, потеряла для французов вообще какой-либо интерес.

Совершенным контрастом выглядит русская традиция легенды о кресте. Импульсом к ее пробуждению и даже формированию стала

---

¹ Olivier D. Op. cit. P. 153–154.

² Дюрок – Фонтэну. Вязьма, 1 ноября 1812 г. // AN. 400 AP/4. Dossier 1.

³ Ададунов В.В. Война цивилизаций. С. 223.

малозначащая фраза Сегюра о затоплении креста в Семлевском озере, воспроизведенная в русском переводе книги Вальтера Скотта¹. С этого времени начинаются интенсивнейшие поиски креста, которые не прекращаются и по сегодняшний день. При этом гигантские усилия «поисковиков», как правило, проходили на фоне отсутствия квалифицированной теоретической проработки вопроса на основе письменных источников. Думается, что известный скепсис, выражаемый современными профессиональными историками в отношении перспектив поиска креста с колокольни Ивана Великого, несколько не повлияет на скорость процесса генерации легенд о его местонахождении. Россияне и дальше будут продолжать его поиски², как, собственно, и поиски всех прочих «московских сокровищ» Наполеона.

2.8. «Новые варвары», или к вопросу о социокультурных диффузиях 1812 года

«Ужасный спектакль – море огня, океан пламени. Это был самый грандиозный, самый величественный и самый ужасный спектакль,

---

¹ См.: Земцов В.Н. Крест колокольни Ивана Великого: двести лет двух национальных мифов // Уральский исторический вестник. № 1 (34), 2012. С. 4–12.

² Наш земляк, екатеринбуржец А.М. Архипов, один из тех энтузиастов, которые ежегодно едут в белорусские леса в поисках следов великой эпопеи 1812 года, рассказал мне следующее: «...однажды, весной 1978 года, на опушке леса возле Студенки, я встретил старушку лет восьмидесяти, если не больше, которая что-то увлеченно собирала. Это была местная знахарка, которая с наступлением погожих дней вышла пополнить свои лекарственные припасы. Бабушка оказалась словоохотливой, чему я обрадовался. Выслушав курс молодого травника, я попросил ее припомнить, что рассказывали ей старики о войне с Наполеоном. О той войне подробностей от своих предков, исстари живших в Студенке, она не слышала, но, оживившись, стала рассказывать о днях своей юности. Было это еще до революции: “Когда я была молодухой, мы с парнями часто ездили миловаться на лодках в камыши в устье речки, впадающей в Березину. Место это привлекало нас еще тем, что черная ковшиком придонный ил, можно было намыть несколько не просто монет, а червонцев! Наши-то червонцы были хороши, а вот французские – почти все зеленые, поуже!” А потом она неожиданно вспомнила: “Студенковские мужики вот здесь, – она показала рукой, – перерыли весь правый берег этой речушки, искали закопанный французами большой золотой крест с колокольни Ивана Великого. Знали об этом в каждой семье нашей деревни, но крест так и не нашли”. Еще немного помолчав, она добавила: “Он обязательно найдется, так как земля золота долго не терпит! Со временем она вытолкнет его на свет Божий...”»

который я видел за свою жизнь», – воскликнул Наполеон на острове Св. Елены, вспоминая о московском пожаре и будучи в полной уверенности, что его слова дойдут до потомков¹. Свое поражение в России Наполеон неизменно объяснял так: все сражения в ходе кампании 1812 г. он и его солдаты выиграли, однако ничто не могло победить природной стихии – огня, холода и «жестокости населения», которое само было одной из стихий, не подвластных человеческому гению². Со времени публикации канонического «Мемориала» многие поколения французов, подобно стендалевскому Жюльену Сорелю, именно в этом ключе продолжали и продолжают воспринимать события в Москве 1812 года. Во многих исторических сочинениях, посвященных русской кампании Наполеона, пожар Москвы, ставший результатом «скифской» тактики русских, а также чересчур затянувшееся 36-дневное пребывание Великой армии в разоренной русской столице, стали решающими событиями³. Но мало кто пишет о том, что и сама армия Наполеона превратилась в Москве в «армию скифов»... Обратимся к письмам, дневникам и воспоминаниям солдат Великой армии. Некоторые фрагменты этих материалов нам уже пришлось цитировать ранее, однако мы это делали в ином контексте.

Напомним ход событий. Великая армия увидела Москву в полдень 14 сентября 1812 г. Вид на русскую столицу, неожиданно открывшийся солдатам Наполеона с Поклонной горы, был настолько ошеломляющим, что это сочли необходимым описать десятки, если не сотни, участников похода. Склонные к чтению классической литературы сравнивали свои ощущения с теми, которые переполняли (согласно Т. Тассо) армию крестоносцев Готфрида Бульонского, когда она увидела Иерусалим (су-лейтенант Ц. Ложье и др.), иные просто повествовали о чувстве эйфории, их охватившем (бригадный генерал Ф.П. Сегюр, капитан Э. Лабом и др.). Но практически во всех свидетельствах, особенно записанных по свежим впечатлениям, ощущается одно и то же: солдаты готовы были увидеть сказочный восточный город – и они его увидели. «Этот необъятный город представил нашим взорам волшебную картину, – записал в своем дневнике 15 сентября Пейрюсс, – тысячи золоченых и закругленных ко-

---

¹ O'Méara. Napoléon dans l'exil // Las Cases A.E.D.M. Op. cit. s.a. Т. 2. P. 590–591.

² Las Cases A.E.D.M. Op. cit. s.a. Т. 1. P. 36 (Запись от 10 октября 1818 г.); Т. 2. P. 341 (Запись от 25 октября 1816 г.); Montholon. Histoire de la captivité de Saint-Hélène. Bruxelles, 1846. Т. 2. P. 179; etc.

³ См., например: Chambray G. Op. cit.; Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1856. Т. 14; Olivier D. Op. cit.; Thiry J. Op. cit.; etc.

локолен, горевших под лучами солнца, походили издалека на светящиеся шары. Река Москва текла меж плодородных полей. Я стоял на вершине под названием *поклонная гора*. Религия почитает эту столицу царей священной, и москвит, достигший этой вершины, повергается на землю при виде этой древней столицы Российской империи и осеняет себя крестом»¹. «С холма, откуда Москва развернулась перед нашим изумленным взором, – записал в дневнике 21 сентября Фантэн дез Одоард, – эта столица как будто отправила нас в фантастические детские видения об арабах, вышедших из тысячи и одной ночи. Мы были внезапно перенесены в Азию, так как [то, что мы видели,] уже не было нашей архитектурой... В отличие от устремленности к облакам колоколен наших городов Европы, здесь тысячи минаретов были закругленными, одни зелеными, другие ярких цветов, блестящие под лучами солнца и похожие на множество светящихся шаров, разбросанных и плывущих по необъятному городу; ослепленные блеском этой картины, наши сердца затрепетали от гордости, радости и надежды. Что за удовольствия и наслаждения таит в себе эта великолепная Москва!»² Впечатления Наполеона от вида русской столицы были столь же сильными, как и у его солдат. «Он остановился в восторге, и у него вырвалось восклицание радости», – отметил Сегюр³. К сожалению для нас, первое письмо Марии-Луизе из Москвы Наполеон напишет только 16 сентября, вся же остальная корреспонденция за 14 и 15 сентября будет носить исключительно деловой характер. Представлялась ли Москва Наполеону в тот первый день, 14 сентября, одним из городов Востока, о которых он читал в юности у Тассо, а затем видел в Египте и Сирии, или нет, – определенно сказать уже невозможно. Но то, что Москва не походила ни на один западноевропейский город и отличалась неизмеримо большим количеством церквей, Наполеон хорошо знал и ранее⁴.

Во второй половине дня 14 сентября части Великой армии начали вступать в Москву. Первое впечатление о Москве как об азиатской столице сменилось более сложными чувствами. «Мое удивление [из-за отсутствия жителей. – В. З.] при вступлении в Москву было смешано с восхищением, – вспоминал в письме своему отчиму интендантский чиновник Проспер, – ибо я ожидал увидеть деревянный

---

¹ Peyrusse G.J. Op. cit. P. 94–95.

² Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 331–332.

³ Ségur Ph.P. La campagne de Russie. P. 170.

⁴ См., например, запись беседы Наполеона с генерал-адъютантом Александра I А.Д. Балашовым 1 июля 1812 г. в Вильно: РГВИА. Ф. 846. Д. 3589. Л. 30.

город, как говорили мне многие, но, вопреки этому, почти все дома были из камня и в высшей степени элегантно и самой современной архитектуры. Особняки частных лиц были подобны дворцам, и все было богато и восхитительно»¹. Москва по своему «величию, великолепию и блеску дворцов, которые она в себя включает, – писал жене Ж.П.М. Барье, шеф батальона 17-го линейного полка, превосходит первые города мира...»² Москва – «город великолепный по количеству дворцов и великолепных отелей, которые украшены. Этот город признан самым роскошным», – отписал генерал Л.Ж. Грандо полковнику Ж. Ф. Ноосу³. Полковник Ф.И.А. Паркез, приехавший в Москву только в конце сентября и увидевший город уже сгоревшим, тем не менее не мог не воскликнуть: «Я нахожу, судя по тому, что осталось, что дворцы и вся архитектура есть лучшие, какие только могут быть. Все эти огромные дома покрыты железом и построены из кирпича, и очень хорошо устроены»⁴. Польский граф майор П. Дунин-Стжижевский прибыл в Москву также уже после первых пожаров. Однако в письме жене написал, что город, «хотя и сгоревший в очень значительной части, нам показался все же в высшей степени великолепным (...). Все дворцы огромны, непостижимой роскоши, восхитительны по архитектуре – в планировке, по [своим] колоннадам. Интерьеры этих огромных строений украшены с отменным вкусом; начиная с вестибюлей, лестниц, вплоть до чердака, – все совершенно. Видел статуи в натуральную величину очаровательной работы, античной бронзы, держащие канделябры в 20 свечей». И далее: «Французы, сами столь гордящиеся Парижем, удивлены величием Москвы из-за ее великолепия, роскоши, которая равна тем богатствам, которые [в Москве] найдены, хотя город почти совершенно эвакуирован»⁵. Действительно, многие чины армии не могли удержаться, чтобы не сравнить Москву с Парижем. Москва – «это красивый город, – пишет су-лейтенант Л.Ф. Куантен, – он в 11 лье окружности. Все дома похожи на дворцы, улицы очень длинные.

---

¹ Проспер – отчиму. Москва, 15 октября 1812 г. // ОР РНБ. Ф. 859. К. 6. № 4. Л. 54–55; *Lettres interceptées*. P. 147.

² Ж.П.М. Барье – жене. Москва, 22 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 33.

³ Л.Ж. Грандо – Ж.Ф. Ноосу. Москва, 27 сентября 1812 г. // РГАДА. Д. 268. Л. 71; *Lettres interceptées*. P. 39.

⁴ Ф.И.А. Паркез – жене. Москва, 30 сентября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 109; *Lettres interceptées*. P. 61.

⁵ П. Дунин-Стжижевский – жене. Москва, 12 октября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 146; *Lettres interceptées*. P. 79.

Наконец, утверждают, что он значительно красивее Парижа»¹. «Представь себе, – пишет капитан конной артиллерии императорской гвардии Ф.Ш. Лист, – что Москва на 3 лье в окружности превышает Париж, говорят, что она в 10 лье. Однако в ней не так много жителей, как в Париже. И я нахожу ее более приятным и более нарядным городом, чем Париж. Улицы все очень широкие и удобные, особенно очень чистые»². Москва «столь же значительна и так же велика, как Париж», – заметил су-лейтенант Ж. Даве³. «Мы зашли в клуб, обставленный во французском духе (...). В Париже нет ничего похожего в таком роде», – отметит в своем дневнике о впечатлениях 14 и 15 сентября 29-летний аудитор Государственного совета, причисленный к военным комиссарам, А. Бейль (будущий великий Стендаль)⁴. Москва была до пожара «заполнена всем тем, чего только возможно пожелать (...), такими предметами роскоши, какие можно найти только в Париже», – написал своей жене в Росток некто Борвот (Baurvott)⁵. Подобное стремление сравнить Москву с Парижем испытал и Наполеон. «Город столь же велик, как Париж», – напишет он 16 сентября в своем первом письме Марии-Луизе из Москвы⁶. «Мой друг, я пишу тебе уже из Москвы. Я не в состоянии составить представление об этом городе (Je n'avois pas d'idée de cette ville). В нем 500 дворцов столь же прекрасных, как Елисейский дворец (l'Élisé Napoléon), обставленных по-французски с невероятной роскошью, многочисленные императорские дворцы, казармы, восхитительные госпитали»⁷. «Город Москва столь же велик, как Париж; это в высшей степени богатый город, заполненный дворцами всех князей империи», – говорилось в 19-м бюллетене Великой армии от 16 сентября, составленном, по всей видимости, под диктовку Наполеона⁸. Город «в высшей степени прекрасен», – пишет Наполеон

---

¹ Л.Ф. Куантен – матери. Москва (Россия), 20 сентября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 14; *Lettres interceptées*. P. 18.

² Ф.Ш. Лист – жене. Москва, 22 сентября 1812 г. // РГАДА. Д. 268. Л. 150; *Lettres interceptées*. P. 27.

³ Ж. Даве – отцу. Москва, 28 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 54.

⁴ Дневник от 14 до 15 сентября (А. Бейль – Ф. Фору. Москва, 4 октября 1812 г.) // Стендаль. Указ. соч. С. 113–114.

⁵ Борвот – жене. Москва, 29 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 58.

⁶ Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 16 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Lettres inédits de Napoléon*. P. 78.

⁷ Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 18 сентября 1812 г. // *Ibid*. P. 78–79.

⁸ 19-й бюллетень Великой армии. Москва, 16 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Œuvres de Napoléon I*. P. 62.

о Москве 18 сентября министру иностранных дел Франции Ю.Б. Маре¹.

В строках, которые император и солдаты его армии посвятили удивившей их возможности сравнить Москву с лучшими городами Европы, не могли не проскользнуть наблюдения, свидетельствовавшие о безусловной особости, в представлении французов, русской столицы, которая роднила ее с городами Азии. Нередко эти черты внешней особости авторы дневников и писем связывали с русскими церквами и Кремлем. Еще 1 июля в беседе с Балашовым Наполеон изумлялся огромному количеству церквей в Москве, немислимому в любом европейском городе². «Я вошел [в Москву. – В. З.], восхищаясь красотой города, – записал 15 сентября в своем дневнике Пейрюсс. – Стены домов были различных цветов, купола сверкали свинцом и аспидом, другие золотом, представляя очень необычное разнообразие. Я шел между восхитительными дворцами»³. В Москве «240 церквей, каждая из которых, как все городские церкви, имеет пять куполов. Это создает вид настоящего леса», – напишет Пейрюсс брату 22 сентября⁴. Был потрясен богатством и необычностью кремлевских соборов шеф батальона фузилеров-гренадер императорской гвардии Л.Ж. Вьонне де Маренгоне: «Мы остановились на несколько мгновений в экстазе, вызванном видом такого богатства, что не могли говорить»⁵. С высоты Кремля любовался «греческими церквами», «каждая из которых имеет пять или шесть куполов, покрытых золотом или выкрашенных в зеленый цвет», 20 сентября Каstellан⁶.

Входя в Москву, которая потрясла захватчиков своими размерами, блеском и роскошью, Наполеон, как мы уже писали, принял меры к тому, чтобы она не подверглась разграблению и пожарам от рук солдат Великой армии. Наполеон все еще вел «правильную» войну и надеялся, что «цивилизованное» вступление его войск во вторую русскую столицу с неизбежностью приведет к заключению мира. Пожары, начавшиеся уже в ночь с 14 на 15 сентября, Наполеон приписал исключительно случайностям, обычным во время военных действий.

15 сентября настроение в тех частях Великой армии, которые вступили в Москву, уже было далеко не радужным. «Мы были в на-

---

¹ Наполеон – Ю.Б. Маре. Москва, 18 сентября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance de Napoléon I.* T. 24. P. 219.

² РГВИА. Ф. 846. Д. 3589. Л. 41.

³ Peyrusse G.J. *Op. cit.* P. 95.

⁴ Пейрюсс – брату. Москва, 22 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 102. Note.

⁵ Vionnet de Maringoné L.J. *Op. cit.* P. 35–36.

⁶ Castellane E.V.E.V. *Op. cit.* P. 158.

много менее веселом настроении, чем ранее, – записал 21 сентября о своих впечатлениях, относившихся к 15-му числу, Фантэн дез Одоард, – и горевали по поводу того, что все население, среди которого мы рассчитывали вести сладкую жизнь, исчезло; через несколько часов обнаружился и другой предмет разочарования, когда к нам стали приходить отдельные погорельцы. Хотя после Смоленска мы двигались не иначе как по пепелищу пожарищ, никто между нами не предполагал, что Москва, *Святая Москва*, будет предана огню как последняя деревня; но мы ошибались в отношении русской цивилизации. При первых известиях о пожарах Император, который, вероятно, разделял нашу беззаботность, был убежден в том, что они произошли по вине наших мародеров и, впад в гнев, отдал соответствующие приказы»¹. Действительно, истинное положение дел и причины многочисленных пожаров, вспыхивавших то в одном, то в другом месте, стали очевидны для многих чинов Великой армии уже к 15 сентября.

Постепенно стал осознавать это и Наполеон. В 19-м бюллетене Великой армии, подготовленном, вероятно, вечером 16 сентября, Наполеон, наконец-то, представил, хотя и в несколько преувеличенном виде, истинную картину случившегося, возложив вину за пожар на московского главнокомандующего: «Русский губернатор Ростопчин хотел уничтожить этот прекрасный город, когда узнал, что русская армия его покидает. Он вооружил три тысячи злодеев, которых выпустил из тюрем; равным образом он созвал 6 тыс. подчиненных и раздал им оружие из арсенала». «Полная анархия охватила город; пьяное неистовство захватило дома, и полыхнул огонь. Ростопчин, издав приказ, заставил уехать всех купцов и негоциантов. Более четырехсот французов и немцев также подпали под этот приказ; наконец, он предусмотрел вывезти пожарных с насосами: таким образом, полная анархия опустошила этот огромный и прекрасный город, и он был поглощен пламенем»². Эту тему Наполеон, перескакивая с одного вопроса на другой, и вновь обращаясь к пожару и его организаторам, продолжил развивать и в следующем, 20-м бюллетене. В том, как он пытался убедить не только общественное мнение, но и себя самого, что московский пожар не изменил общей ситуации, явственно ощущается растерянность и ошеломленность от случившегося.

20 сентября император Франции пишет письмо Александру I: «Прекрасный и великий город Москва более не существует.

---

¹ Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 332–333.

² 19-й бюллетень Великой армии. Москва, 16 сентября 1812 г. // Napoléon I. Œuvres de Napoléon I. P. 62–63.

Ростопчин ее сжег. Четыреста поджигателей схвачены на месте; все они заявили, что поджигали по приказу этого губернатора и начальника полиции: они расстреляны. Огонь в конце концов был остановлен. Три четверти домов сожжены, четвертая часть осталась. Такое поведение ужасно и бессмысленно»¹. Текст этого письма отразил многое из того, что происходило в душе Наполеона: он опасался, что Александр (а возможно, и общественное мнение европейских стран) может возложить ответственность за пожар Москвы на французов, он надеялся как можно скорее получить свидетельства от русских о возможности мира, он был в неопределенности в отношении своих собственных планов. Но за всем этим видится и еще одно: растерянность европейца, столкнувшегося с «азиатским варварством». Несмотря на свои заявления накануне и в ходе войны о дикости и «неевропейскости» русских, разумом сознавая пропасть между представлениями и образом действий русских и западноевропейцев, Наполеон все же оказался не готов столкнуться с этим в действительности.

О том, что реакция Европы на пожар Москвы определенно занимала Наполеона, свидетельствует и его письмо от 21 сентября Марии-Луизе. Он просит ее, во-первых, написать своему отцу, австрийскому императору Францу I об оптимизме, который, как можно понять, излучает ее муж, находясь в Москве, а, во-вторых, сообщить ему в Москву о слухах, которые ходят по Парижу по поводу последних событий в России².

Пожар русской столицы окончательно развеял все иллюзии солдат Великой армии в отношении «русской цивилизации». «Бешеные сами уничтожили свою столицу! В современной истории нет ничего похожего на этот страшный эпизод. Есть ли это священный героизм или дикая глупость, доведенная до совершенной крайности? Я придерживаюсь последнего мнения. Да, это не иначе как варвары, скифы, сарматы, те, кто сжег Москву», – записал 21 сентября Фантэн дез Одоард³. «Все мертво, – записал Фантэн дез Одоард 17 октября. – Эти дворцы, очищенные от мебели, как и от жителей, не издают иного звука, кроме звука ваших шагов. Это то же, что Геркуланум и Помпеи, когда они предстают перед иностранцем. Только время от времени мельком покажется один из тех людей из числа русского населения, которые живут между нами в надежде получить часть добычи. Покрытый лохмотьями, с длинной спутанной бородой, он возни-

---

¹ Наполеон I – Александру I. Москва, 20 сентября 1812 г. // Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. T. 24. P. 221–222.

² Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 21 сентября 1812 г. // Napoléon I. Lettres inédits de Napoléon. P. 81.

³ Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 330.

кает в этом безлюдье как призрак, и при приближении француза, боясь быть ограбленным, он исчезает как видение»¹. Об оставшихся в Москве русских жителях Каstellан пишет не иначе, как о рабах, которые грабили покинутые дома². «Русские – ужасные варвары. Население бежало все без остатка», – пишет Борвот своей жене³. «(...) Вокруг нас на 50 лье пустыня в стране холода. Я вас уверяю, что обыватели одеты в овчины (...)» – повествует Ф. Шартон, прикомандированный к администрации фуражирования⁴. «(...) Люди, которые здесь живут, не заслуживают ни малейшей жертвы. Они имеют вид настоящих дикарей; нет ни одной приятной фигуры», – отмечал некто Итасс⁵. «Уверяю тебя, что женщины у этих дикарей им под стать, – пишет своей жене в Париж помощник военного комиссара Ф.М.П.Л. Пенжийи Ларидон 14 октября, – и что до нашего вступления в Россию мы никогда еще не созерцали такого ничтожного количества милостивых женщин»⁶. В окрестностях Москвы французам, оказавшимся в «стране варваров», приходилось еще хуже: «Здесь абсолютная нищета, – писал курьер главной квартиры Бастье, – которая только может быть в стране пустыни, где нет ничего, кроме огня и пламени, которые, уезжая, нам оставили эти русские каналы. Нет ни дома, чтобы получить кров, ни соломы для бивака; прибегаешь к мародерству (...) чтобы не умереть, и часто выезжаешь на дорогу, более ориентируясь по трупам»⁷. Госпитальный чиновник из Можайска писал на родину: «Скрытая война вооруженных крестьян под командой их господ изводит наших фуражиров, наши конвои, наших путников, нам приходится еще хуже, чем армии; они нас лишают фуража и пропитания»⁸.

Остро поразило французов то, что русские, сжигая свою столицу, оставили в ней огромное количество собственных раненых. «Эти варвары не пощадили даже собственных раненых. 25 тыс. раненых

---

¹ Ibid. P. 241.

² Castellane E.V.E.B. Op. cit. P. 158.

³ Борвот – жене. Москва, 29 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 58.

⁴ Ф. Шартон – матери. Москва, 27 сентября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 90; *Lettres interceptées*. P. 49.

⁵ Итасс – кузине. Москва, 14 октября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 182–182об.; *Lettres interceptées*. P. 109.

⁶ Ф.М.П.Л. Пенжийи Ларидон – жене. Москва, 14 октября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 107.

⁷ Бастье – Прису. Гжатск, 17 октября 1812 г. // РГАДА. Д. 267. Л. 37–38 об.; *Lettres interceptées*. P. 173.

⁸ Е. Ф. Бурбон-Гравьер – г-ну Кетто. Можайск, 15 октября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 338.

русских, перемещенных сюда из Можайска, стали жертвами этой жестокости (...)», – записал в дневнике 18 сентября Пейрюсс¹. «30 тыс. раненых и больных русских сгорело», – заявил и Наполеон в бюллетене от 17 сентября².

Теперь и архитектура Москвы стала видиться французам в ином свете. Как отметил в письме от 15 октября интендантский чиновник Проспер, город Москва «построен в азиатском [стиле] и включает огромное количество куполов церквей и мечетей»³. Как о мечети «с многочисленными колокольнями» говорит о соборе Василия Блаженного и Наполеон, предлагая Бертье в приказе от 1 октября его разрушить⁴.

Кастеллан и Бейль попытались объяснить великолепие московских усадеб бесчеловечностью порядков, царящих в России. «Москва, наверное, наиболее прекрасный город из всех городов мира, – заметил 21 сентября Кастеллан. – В немалой степени она такова из-за великолепия дворцов русских сеньоров; что объясняется [наличие великолепных дворцов. – В. З.] легкостью строить на средства их рабов, за счет их насущной пищи. То же касается мебелировки: то что обошлось бы в 2 млн во Франции, [здесь] стоит менее 500 франков»⁵. «Вам известно, – писал Бейль 16 октября графине Пьер Дарю, – что в Москве было четыреста или пятьсот дворцов, убранных с очаровательной роскошью, неведомой в Париже, и которую можно видеть только в счастливой Италии. Объясняется это очень просто. Правительство было деспотическим; здесь жили восемьсот или тысяча человек с годовым доходом от пятисот тысяч до полутора миллионов ливров. Что делать с такими деньгами? Ехать ко двору? Там какой-нибудь гвардейский сержант, любимец императора мог унижить их и, более того, сослать в Сибирь (...). Этим несчастным оставалось только доставлять себе наслаждение (...)»⁶.

Стихийные расправы над теми русскими, которых французские солдаты застали за поджиганием московских зданий, начались, вероятно, уже 15 сентября. «Мы расстреливаем всех тех, кого мы застали

---

¹ Peyrusse G.J. Op. cit. P. 98.

² 20-й бюллетень Великой армии. Москва, 17 сентября 1812 г. // Napoléon I. Œuvres de Napoléon I. P. 63.

³ Проспер – отчиму. Москва, 15 октября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 182; Lettres interceptées. P. 150.

⁴ Наполеон – Бертье. Москва, 1 октября 1812 г. // Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. T. 24. P. 239.

⁵ Castellane E.V.E.V. Op. cit. P. 159–160.

⁶ Бейль – графине Пьер Дарю. Москва, 16 октября 1812 г. // Стендаль. Указ. соч. С. 124.

за разведением огня. Они все выставлены по площадям с надписями, обозначающими их преступления. Среди этих несчастных есть русские офицеры; я не могу передать более подробные детали, которые ужасны», – писал отцу капитан императорской гвардии К.Ж.И. Ван Бёкоп¹. По крайней мере две площади в Москве французские солдаты так и называли: площадями повешенных.

Одним из тех, кто длительное время не знал о происходящих на улицах Москвы массовых экзекуциях над подлинными и мнимыми «поджигателями», был Фантэн дез Одоард, располагавшийся еще с 15 сентября со своей ротой в Московском Кремле. 24 сентября он записал в журнале, что сам арестовал пытавшегося «проскользнуть» в Кремль русского злоумышленника. «(...) Я нашел в его карманах вещественные доказательства: фитили, фосфор и огниво». Этот человек не был сразу убит, его арестовали. Фантэн дез Одоард записал: «Эти “порядочные” люди должны быть судимы как поджигатели, и скоро наша военная юстиция уплатит им причитающийся долг за их верность начальнику Ростопчину»².

Действительно, как мы уже знаем, Наполеон организовал такой «процесс» над «поджигателями». Хотя в его материалах и было отмечено, что изначальная инициатива исходила от «российского правительства», главным виновником организации этой акции объявлялся Ростопчин. Однако в действительности многие чины Великой армии были уверены в непосредственном участии Александра I в организации пожара. «Я проклинаю войну и суверена, который таким образом играет счастьем, судьбой и жизнью людей», – восклицал в письме от 15 октября капитан Л.Н. Плана де ла Фэ³.

Итак, французы не только спонтанно, но и «официально» ответили на варварство русских. Ответ этот заключался не только в расстрелах «поджигателей», истинных или мнимых, но и в разнuzданных грабежах московских домов и оставшихся в них мирных жителей. Эти грабежи начались уже 14 сентября. В этот день солдаты Молодой гвардии посетили «захоронения царей» в Московском Кремле. 15 сентября их сменили солдаты Старой гвардии. Пейрюсс поведал о том разочаровании, которое постигло французов, пытавшихся пограбить царские захоронения: «Они [солдаты. – В. З.] не могли удержаться от расхищения; но, попав в сокровищницу, наши солдаты не нашли ничего, кроме костей во прахе, кусков ткани и

---

¹ К.Ж.И. Ван Бёкоп – отцу. Москва, 27 сентября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 86–87; *Lettres interceptées*. P. 50.

² Fantin des Odoards L.F. *Op.cit.* P. 336.

³ Плана де ла Фэ – мадам Деллас. Москва, 15 октября 1812 г. // РГАДА. Д. 284. Ч. 2. Л. 137.

очень тонких пластинок из серебра, на которых были написаны имена царей, день их рождения и день их смерти»¹. Солдаты Легиона Вислы, также прикомандированные к императорской гвардии, но оставленные в пригороде, с утра 15 сентября один за другим начали убегать в город за добычей. «В этом до сих пор так прекрасно дисциплинированном войске беспорядок дошел до того, что даже патрули укладкой покидали свои посты», – вспоминал капитан Г. Брандт².

15 сентября Наполеон приказал «упорядочить» систему мародерства³. Лейтенант Л. Гардые, 111-й линейный полк которого все еще стоял у Дорогомиловской заставы, свидетельствует, что именно 15 сентября был отдан приказ выделять наряды от частей, стоявших вне города «для поиска съестных припасов, кожи, сукна, меха и т. д.»⁴. Наполеон и не собирался скрывать, что сам отдал подоженный «варварами» город на разграбление своей армии. В письме Марии-Луизе, в глазах которой он всегда пытался выглядеть благородным защитником Европы, он прямо заявил: «(...) армия нашла множество богатств разного рода, так как в этом беспорядке все занимаются грабежом»⁵. Да и в письме Александру от 20 сентября французский император отписал: «Пожары сделали возможным грабеж, с помощью которого солдат оспаривает у пламени то, что осталось»⁶.

Еще более «упорядоченным» стал грабеж после 18 сентября, когда большой пожар закончился. Фантэн дез Одоард записал в дневнике: «Регулярный грабеж (...) был организован. Каждому корпусу определялось, каким кварталом необъятного города он ограничивает свои поиски, и [этот] приказ привел к беспорядку»⁷. Некто Кудер в письме к жене 27 сентября отметил, что «когда наш император уви-

---

¹ Peyrusse G.J. Op. cit. P. 104. Запись в журнале от 26 сентября 1812 г.

² Брандт Г. Указ. соч. С. 98.

³ Русский чиновник Пестов и два офицера – прапорщик Спенюк и штабс-ротмистр Булычев – оказавшиеся в Москве в начале пребывания там французов, так объяснили решение Наполеона: французы надеялись найти в Москве продовольствие и хорошие зимние квартиры, «но когда сверх их чаяния вместо того нашли в Москве один только пожар, родилось в солдатах большое негодование, что чтоб их успокоить позволено было от императора Наполеона три дни грабить...» (ОР РНБ. Ф. 282. Оп. 1. Л. 8).

⁴ Gardier L. Op. cit. P. 53.

⁵ Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 18 сентября 1812 г. // Napoléon I. Lettres inédits de Napoléon. P. 79.

⁶ Наполеон – Александру I. Москва, 20 сентября 1812 г. // Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. T. 24. P. 221.

⁷ Fantin des Odoards L.F. Op. cit. P. 337. Запись от 24 сентября 1812 г.

дел такое [пожар. – В. З.], он дал солдатам право грабить»¹. О том, что армия «получила возможность хорошенько пограбить в течение 10 дней», написал домой 26 сентября Пароди².

Вполне естественно, что грабеж не мог быть «упорядоченным». На улицах горящей Москвы разыгрывались жуткие сцены, связанные с дележом награбленного. Так как дома, наряду с солдатами наполеоновской армии, грабила и городская чернь, а затем и прибывшие из ближних деревень русские крестьяне, все перемешалось. «Грабеж со стороны сброда и солдат совершенный», – заметил в письме домой полковник Паркез³. Генерал Л.Ж. Грандо прямо винил за московскую вакханалию не только русских поджигателей, но и французов. «Половина этого города сожжена самими русскими, но ограблена нами в очень изящной манере», – замечает он язвительно в письме полковнику Ж.Ф. Ноосу⁴. А вот простой солдат из 21-го линейного Ф. Пулашо пишет жене, что французы были виновниками не только разграбления Москвы, но и самого пожара⁵.

После возвращения Наполеона из Петровского в Кремль, когда император понял, что сохранить боеспособность армии в условиях узаконенного грабежа невозможно, он решил остановить дальнейшее разграбление. 20 сентября император приказал «немедленно остановить грабеж»⁶. Но выполнить его распоряжение было нереально. На следующий день маршал М.К.Ж. Лефевр отдал приказ по гвардии, в котором говорилось: «Император в высшей степени недоволен тем, что, несмотря на приказ, требующий прекратить грабеж, не видно, чтобы подразделения гвардии, выделенные для поиска припасов, возвратились в Кремль (...). Все военные чины гвардии, которые возвращаются в Кремль с вином, продуктами и всеми теми вещами, которые получены в результате грабежа, подлежат

---

¹ Кудер – жене. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 51.

² Пароди – сыну. Москва, 26 сентября 1812 г. // *Ibid*. P. 24.

³ Ф.И.А. Паркез – жене. Москва, 30 сентября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 109; *Lettres interceptées*. P. 61.

⁴ Л.Ж. Грандо – Ж.Ф. Ноосу. Москва, 27 сентября 1812 г. // РГАДА. Д. 268. Л. 71; РГВИА. Д. 245. Л. 1–2; *Lettres interceptées*. P. 39.

⁵ Ф. Пулашо – жене. Москва, 21 сентября 1812 г. // РГАДА. Д. 268. Л. 70 об.; *Lettres interceptées*. P. 51.

⁶ Приказ дня по императорской гвардии. 20 сентября 1812 г. // *Registre d'Ordre du 2-e régiment de grenadiers à pied de la Garde Imperiale (ОР РНБ. Fr. Q. IV. № 95. Л. 114 об.)*

аресту (...)»¹. Однако разнузданность солдат Великой армии и даже солдат императорской гвардии уже перешла все границы. В приказе от 23 сентября по гвардейской дивизии Ф.Б.Ж.Ф. Кюриала было отмечено, что солдаты, несмотря на повторные запреты, отправляют нужду даже под окнами императора². 29 сентября (через девять дней после распоряжения императора!) в приказе по дивизии Кюриала говорилось: «Беспорядки и грабежи вчера, прошлой ночью и сегодня возобновились Старой гвардией в такой степени и в такой недостойной манере, каких не было никогда ранее»³. Тем же днем помечен приказ дня по всей армии за подписью начальника Главного штаба Великой армии Бертье и генерала Монтиона, из которого следовало, что грабежи продолжаются, и было заявлено, что с 30 сентября солдаты, продолжающие мародерствовать, будут преданы воинским комиссиям и осуждены «согласно строгости законов»⁴.

Бесконтрольный грабеж Москвы Наполеону удалось остановить только к началу октября. Но теперь перед ним стояла задача подготовиться к эвакуации и начать отступление. Специальная комиссия под началом генерального секретаря генерального интендантства А.Ш.Н.Ф. Сен-Дидье должна была собрать все драгоценности, найденные в Москве, особенно в кремлевских соборах. Серебряные и золотые люстры, кадила, оклады икон и прочие предметы из драгоценных металлов подлежали переплавке в слитки. «(...) Собраны многочисленные драгоценные предметы в церквях Кремля, дабы в качестве трофеев отправить их в Париж, а также многочисленные слитки золота, которые, вы, без сомнения, получите в руки», – описал своему отчиму 15 октября чиновник интендантского ведомства Проспер⁵. Каstellан записал в журнале 16 октября: «Собрано и переплавлено столовое серебро кремлевских церквей и передано казначею армии»⁶. «(...) Его величество, – записал в журнале 28 сентября Пейрюсс, – решил забрать из церкви Кремля серебряные полосы, ко-

---

¹ Приказ дня по императорской гвардии. 21 сентября 1812 г. // *Extraits du livre d'ordres 2-e Régiment de grenadiers à pied de la Garde imperiale...* № 95. P. 683.

² Приказ дня по императорской гвардии. 23 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 685.

³ Приказ дня по императорской гвардии. 29 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 690.

⁴ Приказ дня по Великой армии. 29 сентября 1812 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 41. К. 165. Ед. 16. Л. 2.

⁵ Проспер – отчиму. Москва, 15 октября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 282; *Lettres interceptées*. P. 149.

⁶ *Castellane E.V.E.V. Op. cit.* P. 170.

торыми отделаны стены, также как и восхитительную люстру из массивного серебра»¹.

Из Московского Кремля должны были быть вывезены и все другие вещи, которые, по мнению Наполеона, представляли какую-либо ценность, не только материальную, но и – для русского человека – символическую.

Все чины Великой армии, готовясь к эвакуации, основательно запасались награбленным в Москве добром. Московские «сувениры» могли представлять собой «ящичек, в котором находился медальон в форме сердца, кружева, окаймленные золотом, булавку, несколько жемчужин, немного китайки», «великолепную шубу лисьего меха, покрытую лиловым атласом» (лейтенант Паради), «шесть добрых дюжин хвостов куницы» (полковник Паркез), «шали для Софи и Клары, которые очень хорошие» (кирасирский офицер Жорж), «два воротника из куницы» (начальник протокольного и бухгалтерского отдела государственного секретаря Билле), «портрет Павла I, надевшего все свои ордена» (некий Ж. Лаваль), «шаль из кашемира стоимостью от 1200 до 1900 франков» (шеф эскадрона Г. де Ванс)...

Некоторые письма из Москвы особенно впечатляют. Вот, например, письмо начальника штаба польской кавалерийской дивизии графа Дунина-Стжижевского: «...сделал несколько покупок для тебя на добром рынке, – пишет он своей жене, урожденной Потоцкой, в Варшаву, – но они настолько хороши для перепродажи, что можно взять за них очень выгодную цену. (...) Мне сказали, что соболя, за которые я заплатил 24 франка золотом за два гарнитура, – это недорого, но в сравнении с тем, как это было в первые дни, эта цена непомерная. Я обрыскал улицы, чтобы найти какие-либо вещи, но они закончились (...)». «Я не могу не сожалеть сильно о том, что, придя [в Москву] более скоро, я мог бы купить тысячи вещей по дешевой цене»². С поражающей дотошностью бухгалтера перечисляет в письме жене «приобретенные» в Москве меха «рыцарь без страха и упрека», «покоритель редутов» генерал Ж.Д. Компан: «Вот, моя дорогая, что мне удалось достать из мехов: лисья шуба – частью полосы черные, частью красные; лисья шуба – частью полосы голубые, частью полосы красные. Лисьи шкуры в этой стране [только] добывают, а гарнитуры из них [здесь] не делают. Эти две шубы, о которых сообщил ранее, очень хорошие; большой воротник

---

¹ Peyrusse G.J. Op. cit. P. 105.

² П. Дунин-Стжижевский – жене. Москва, 12 октября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 146; *Lettres interceptées*. P. 79.

из лисы серо-серебряный; воротник черной лисы. И тот, и другой очень красивые (...)»¹

Очевидно, что и внешний вид европейской армии, оказавшейся в столице «варваров», тоже изменился радикальным образом. «...Мне удалось купить по дешевой цене теплую шубу, с помощью которой я смог утеплить мой старый гарик [плащ. – В. З.], – пишет 22 сентября полковник Паркез. – Я сконструировал с помощью солдата большие сапоги из шкуры медведя, мехом вовнутрь, и я закончил перемены в своем внешнем виде, утеплив мехом мой нос, да, смеясь, мой нос мехом»². «Я, к счастью, нашел гренадера, – повествует в письме к жене помощник начальника топографического кабинета императора Л.А.Г. Бакле д'Альб, – который согласился сделать новые теплые подкладки к моим мундирам. Я подогнал хорошую шубу (хотя и старую), чтобы ездить на лошади (...) егеря починил мои сапоги, и он же мне обещал пару ботинок из шкуры, чтобы в них наполовину поместить эти сапоги. Я покрыл беличьим мехом мой парижский картуз (...)»³. «Достал очень большую женскую шубу из лисы и белого атласа, и она мне хорошо служит. Я предпочитаю ее всему другому», – писал К.А. Лами, чиновник, прикомандированный к военным комиссарам⁴. Когда армия тронулась из Москвы, она являла собой картину уже значительно разложившегося военного организма. Вюртембергский лейтенант К. Зуков, например, при выступлении из Москвы имел только один эполет, а поверх мундира был надет домашний шлафрок красного бархата, «отороченный кроликом», на голове вместо потерянного кивера было «нечто вроде каски»⁵. Сержанта полка фузилеров-гренадер Молодой гвардии А.Ж.Б.Ф. Бургонь надел поверх рубашки «жилет из стеганого на вате желтого шелка», который «сам сшил из женской юбки, а поверх всего большой воротник, подбитый горностаем»; «через плечо висела сумка на широком серебряном галуне»⁶. Р.Э.Ф.Ж. Монтестьё барон Фезенсак, командир 4-го линейного полка, наблюдая, как Великая европейская армия выступала из Москвы, подумал, что это «спектакль, который на-

---

¹ Ж.Д. Компан – жене. Москва, 14 октября 1812 г. // РГАДА. Д. 253. Л. 1–2; *Lettres interceptées*. P. 97–98.

² Ф.И.А. Паркез – жене. Москва, 30 сентября 1812 г. // АВПРИ. Д. 1842. Л. 109; *Lettres interceptées*. P. 61.

³ Л.А.Г. Бакле д'Альб – жене. Кремль, 15 октября 1812 г. // РГВИА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 92. Л. 70–70 об.; *Lettres interceptées*. P. 111.

⁴ К.А. Лами – г-ну Буше. Москва, 19 октября 1812 г. // *Lettres interceptées*. P. 168.

⁵ Suckow K. von. D'Iena à Moscou. *Fragments de ma vie*. P., 1901. P. 199.

⁶ Цит. по: Бургонь. Указ. соч. С. 63–64.

поминает войны азиатских завоевателей»¹. Москва превратила армию европейскую в армию азиатскую.

18 октября 1812 г. Великая армия начала покидать Москву². Солдаты Великой армии приняли приказ о выступлении с большой радостью и воодушевлением. Наконец-то, заканчивался период бездействия и начинался, как бы то ни было, путь домой! Но, верно, мало кто в тот день полагал, что тяжелейшая «Илиада» сменится страшной «Одиссеей»...

Некоторые из солдат, получив приказ готовиться к выступлению, дерзнули отправиться к своим русским друзьям (как это сделал солдат Старой гвардии Сабле) и сообщить им о том, что французское командование решило взорвать и сжечь все еще остававшиеся в Москве здания. Следовало, согласно приказам, уничтожить и все находившееся в городе продовольствие. Но сделано это не было. И не только потому, что не хватило времени. Фезенсак, к примеру, приказав нагрузить на телеги продовольствие, оставил в доме, где квартировал, всю муку. «(...) Мне было рекомендовано ее уничтожить, но я не мог отнять ее у несчастных жителей, я охотно отдал ее им в уплату за то зло, которое мы принуждены были им причинить. Я принял их благословения признательный и растроганный; быть может, они принесли мне счастье»³.

За выходившей из Москвы Великой армией решили последовать и «московские французы». Судьба большинства из них оказалась печальной.

Согласно приказам, часть войск и обозов действительно начали движение поздно вечером 18-го или ночью⁴. Но основные передвижения начались все же утром 19-го. «Волнение, которое было вызвано в Москве новостью об отбытии, невозможно описать, – вспоминал А. Шерон, адъютант Лагуссе. – Едва можно было пройти пешком по улицам. Лошади, экипажи, артиллерия – все смешалось. Вряд ли можно изобразить то, что происходило в этом городе»⁵. «Выступление Наполеона из Москвы, – очень точно писал, основываясь на множестве воспоминаний, А.Н. Попов, – представляло давно невиданное в истории Европы зрелище. Оно напоминало Европе движения варваров, разрушивших Римскую империю; а русским – нашествие

---

¹ Цит. по: Fezensac M. The Russian Campaign, 1812. Athens, 1970. P. 52.

² В сущности, решение о выходе из Москвы было окончательно принято задолго до 18 октября, и сам выход должен был непременно произойти не позднее 20 октября (См., например: Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 73).

³ Fezensac F. Op. cit. 1870. P. 279.

⁴ См., например: Ibid. P. 276.

⁵ Cheron A. Op. cit. P. 23.

татар»¹. «(...) Проходя мимо Моховой и Охотного ряда, – вспоминал русский очевидец этого С.А. Маслов, – видел множество обозов, выезжающих на Калужскую дорогу, которые до того стеснили друг друга, что, начиная от Каменного (у Иверских ворот) до Кузнецкого моста, почти невозможно было перейти улицу»². «Почти смеркалось, – вспоминал Бургонь, чей полк фузилеров-гренадер гвардии, входивший во 2-ю гвардейскую пехотную дивизию Роге, двинулся из Москвы только после полудня 19-го, – когда мы вышли за город. Вскоре мы очутились среди множества повозок, которыми управляли люди разной наций; они шли в три-четыре ряда, и вереница тянулась на протяжении целой мили. Слышался говор на разных языках – французском, немецком, испанском, португальском и еще на многих других; московские крестьяне шли следом, а также пропасть евреев: все эти народы со своими разнообразными одеяниями и наречиями, маркитанты с женами и плачущими ребятами, – все это теснилось в беспорядке и производило невообразимую сумятицу. У некоторых повозки были уже поломаны, другие кричали и бранились – содом был такой, что в ушах звенело»³. Помимо всего прочего, пошел дождь, и заметно похолодало...

Рано утром 19-го Наполеон успел продиктовать еще несколько приказов. Мюрату было предписано маневрировать так, чтобы оказаться в голове приближающейся армии; каждой единице подвижного состава – зарядному ящику, фургону, берлину, кале, кабриолету, бричке, телеге и прочим – было приказано посадить по двое раненых, дабы можно было вывезти из Москвы как можно больше несчастных⁴. Среди прочих писем, продиктованных Наполеоном перед выходом из Москвы, было послание к Маре. В нем император сообщал о деле при Винково. В зашифрованной части письма говорилось следующее: «Армия на марше; решено завтра взорвать Кремль и двинуться на Калугу или на Вязьму, дабы успеть до больших морозов занять зимние квартиры»⁵.

В то время как основные войска «московской армии» выступили в направлении Калуги, в русской столице оставался отряд маршала Мортье. С какой целью? На этот счет сохранилось четыре приказа,

---

¹ Попов А.Н. Французы в Москве. С. 173.

² Наполеон в России глазами русских. С. 17.

³ Бургонь. Указ. соч. С. 61–62.

⁴ Наполеон – Бертье. Москва, 19 октября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance de Napoléon I*. T. 24. № 19289. P. 321; Наполеон – Бертье. Москва, 19 октября 1812 г. // *Ibid.* № 19290. P. 321–322.

⁵ Наполеон – Маре. Москва, 19 октября 1812 г., 5 часов утра // *Ibid.* № 19288. P. 320.

отданные Наполеоном 18 октября (по-видимому, вечером) Бертье, Мортье, Ларибуазьеру и командующему инженерами Великой армии дивизионному генералу Ф. Шасслу-Лоба. В приказе, адресованном Бертье, говорилось, что «герцог Тревизский должен охранять город, но с приличной осторожностью». Далее Наполеон потребовал, чтобы интендант оставил одного распорядителя администрации, достаточное число военных комиссаров и начальников служб. Начальник инженеров должен был отрядить одного старшего офицера в качестве коменданта (*officier supérieur commandant*), начальник артиллерии – одного старшего артиллерийского офицера и необходимое число артиллерийских офицеров. Герцогу Тревизскому предписывалось энергично заняться вооружением Кремля и сформировать батарею из орудий, которые там находились; он должен был соорудить небольшое земляное укрепление для размещения там ротных орудий с целью защиты Каменного моста. В монастыре принца Экмюльского (т. е. Новодевичьем) следовало организовать «сильный пост» в связи с тем, что, как говорилось, эта позиция наиболее важна, так как позволяет контролировать «мост через Москву-реку». Всех больных, которые находились в Москве («от 3 до 4 сотен»), было приказано собрать в Воспитательном доме и обеспечить защитой. Необходимо было также поставить охрану у магазина, торговавшего водкой, который находился перед Каменным мостом. Те магазины, которые были сильно удалены, было предписано переместить в Кремль. В Кремле же следовало разместить и всех генералов и старших офицеров администрации, которые еще оставались в русской столице. Что касается коменданта (*commandant de la place*) и интенданта, то им не возбранялось продолжать размещаться в резиденции губернатора или в резиденции, которую герцог Тревизский занимает возле Кремля. В отношении защиты Симонова монастыря, который был опорной точкой корпуса Нея, Наполеон оставил на усмотрение Мортье. А вот Тюремный замок, укрепленный вице-королем Богарнэ и располагавшийся близко от Тверской заставы, которая выводила на Санкт-Петербургскую дорогу, император определенно рекомендовал защищать. Что же касалось до «всего остального», то император приказал «свести службу к минимуму», «отдав предпочтение тому, что находится наиболее близко к Кремлю». Наполеон предлагал обнародовать на следующий день от имени муниципалитета прокламацию о том, что армия идет на Калугу, Тулу и Брянск с целью захвата находящихся там «военных мануфактур». Работы в Кремле предлагалось проводить более активно; по городу учредить «сильное патрулирование» главным образом со стороны Можайских и Калужских ворот, дабы иметь возможность собрать все конвои и маршевые полки, которые двигались сюда по дороге из Можайска.

Герцогу Тревизскому следовало обеспечить в городе «строгую полицию, которая будет расстреливать всех русских солдат, которые встретятся на улице». Наполеон рекомендовал размещать только сильные посты, «чтобы не навлечь недоброжелательства крестьян и избежать сюрпризов со стороны казаков». Мортье было предписано собрать как можно больше продовольствия; мукой, картофелем, квашеной капустой, водкой и вином необходимо было запастись по крайней мере на один месяц¹.

Приказ, адресованный Наполеоном непосредственно Мортье, конкретизируя детали, в основных положениях повторял распоряжения, данные Бертье. Единственное важное отличие состояло в том, что в приказе Мортье речь шла о необходимости назначить командира артиллерийского батальона «на предмет организации пожара Кремля в случае приказа; он должен хорошо изучить свои обязанности»².

В приказе Ларибуасьеру говорилось о том, что «герцог Тревизский с 10 тыс. человек остается в городе и при всех обстоятельствах защитит Кремль». И далее: «Возможно, что я возвращусь в Москву». На этот случай предполагалось «сохранить имеющиеся в Москве запасы пороха, пехотные ружья, заряды, свинец для пуль». Что же касается селитры и серы, то их следовало сжечь. Та же участь была предусмотрена для «русских зарядных ящиков и других материалов, которые нельзя было перевезти в Кремль». Их следовало сжечь 19 октября в 8 утра «вместе с серой и селитрой». Наполеон предлагал Ларибуасьеру оставить одного старшего офицера артиллерии «при магазинах гвардии», одну «артиллерийскую роту для обслуживания орудий, которые находятся на крепостной стене, и четырех офицеров артиллерии, находящихся в Кремле для исполнения этой важной службы». Последние строки приказа были следующими: «(...) офицеры артиллерии, назначенные для обеспечения взрыва Кремля, когда придет время, остаются в Кремле»³.

Шасслу-Лоба, согласно приказу, должен был отрядить в Кремль одного старшего офицера, двух офицеров из штаба инженеров, две роты саперов и минеров, а также всех рабочих «для подготовки затравленного взрыва»⁴.

---

¹ Наполеон – Бертье. Москва, 18 октября 1812 г. // Ibid. № 19285. P. 316–317; Fain A.J.F. Op. cit. P. 208–210.

² Наполеон – Мортье. Москва, 18 октября 1812 г. // Napoléon I Correspondance. T. 24. № 19286. P. 318–319.

³ Наполеон – Ларибуасьеру. Москва, 18 октября 1812 г. // Ibid. № 19287. P. 319–320; Fain A.J.F. Op. cit. P. 211–212.

⁴ Наполеон – Шасслу-Лоба. Москва, 18 октября 1812 г. // Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. № 31936. P. 1200.

Тьер, обратившийся к воспроизведенным нами выше трем первым приказам Наполеона, высказал мнение, что император решился на «смешанную комбинацию»: зимовать в Калуге, не покидая при этом Москву и сохраняя коммуникации со Смоленском через Ельню. Тьер категорически отвергал мнение большинства авторов, утверждавших, что Наполеон, двигаясь на Калугу, стремился исключительно к тому, чтобы заставить Кутузова отойти, но не сразиться с ним. Император изменил свое намерение только вечером 20 октября, находясь в Троицком. Мортье было приказано эвакуировать Кремль и двигаться по дороге на Верею¹. А.Н. Попов, в свое время косвенно вступив с Тьером в спор по этому поводу, убедительно утверждал обратное: Наполеон «не думал возвращаться в Кремль». По мнению русского историка, «цель оставления Мортье заключалась единственно в том, чтобы привести в исполнение задуманное им окончательное истребление Москвы»². Соглашаясь с А.Н. Поповым в целом, считаем все же, что он слишком сузил проблему. Анализ приказов Наполеона, отданных 18 октября Бертье, Мортье и Ларибуасьеру, говорит о том, что отряд герцога Тревизского должен был выполнить не одну, а несколько задач.

Во-первых, ему следовало, как справедливо отмечал Сегюр, прикрыть движение основных сил армии к Калуге, а также, во-вторых, «различных обозов к Можайску»³, другими словами, обеспечить свертывание коммуникационной линии между Москвой и Можайском, а возможно, и далее – Гжатском. В-третьих, Мортье должен был обеспечить на некоторое время сохранность оставшихся в Москве запасов пороха, ружей и боеприпасов, а после получения специального приказа (его Наполеон отправит герцогу Тревизскому 20 октября из с. Троицкого) – их уничтожение. В-четвертых, Мортье было дано распоряжение подготовить, а затем произвести разрушение Кремля и ряда других объектов, что (это мы увидим в дальнейшем) мыслилось как своего рода «революционная месть», ответ «цивилизованной» Европы на «варварское» разрушение русскими своей собственной столицы. В-пятых, группировке Мортье предназначалась еще и «страховочная» роль (это нетрудно заметить, а обстоятельства дальнейших событий это подтверждают). 18 и 19 октября, начиная движение к Калуге, Наполеон ясно не представлял возможных действий армии Кутузова, а также тех немно-

---

¹ Thiers A. Op. cit. P. 451–453; 468–471. Note.

² Попов А.Н. Французы в Москве. С. 172–173.

³ Ségur Ph. P. Napoléon et la Grande-Armée pendant l'année 1812. 3-ed. P., 1825. T. 2. P. 147.

численных русских сил, которые охватывали Москву с северных окраин. Французский император не исключал возможность, хотя и очень незначительную, возвращения всей армии в Москву. Наконец, в-пятых, корпус Мортье имел перед собой задачу дезориентировать на некоторое время (хотя Наполеон, по-видимому, отдавал себе отчет в слабой результативности таких действий) противника на предмет главных намерений французского командования.

Приказ Наполеона Бертье от 18 октября определял состав и численность отряда Мортье: 1. Дивизия Делаборда. 2. Бригада генерала Шарьера (Carrrière), состоящая из 4-х батальонов спешенной кавалерии силой в 4 тыс. человек. 3. Две роты саперов. 4. Рота артиллерии. 5. Артиллерия дивизии Делаборда. Наконец, бригада в 500 кавалеристов.

До вечера 19 октября в городе должна была оставаться еще дивизия Роге, которой предписывалось в дальнейшем эскортировать казну и главную квартиру интенданта¹.

В приказе, отданном самому Мортье, император, понимая низкую боеспособность бригады Шарьера, рекомендовал использовать спешенных кавалеристов для обороны Кремля, Воспитательного дома, Каменного моста и «казарм принца Экмюльского» (т. е. района Новодевичьего монастыря, рядом с которым находились Хамовнические казармы). «Организируйте хорошо вашу пехотную бригаду, – продолжил Наполеон. – Используйте для этого полковников, майоров, капитанов пехоты, которые легко ранены; поставьте их во главе этих батальонов. Возьмите из Молодой гвардии дюжину офицеров и унтер-офицеров, чтобы придать их этим батальонам и проинструктируйте их»².

Полагаем, что на деле Мортье мог положиться только на солдат 1-й гвардейской пехотной дивизии А.Ф. Делаборда, которая могла состоять примерно из 3600 человек. Рота артиллерии (помимо артиллерии дивизии Делаборда) была, по-видимому, ротой гвардейской конной артиллерии капитана Ф.Ш. Листа³. Вместе с двумя ротами саперов (более 200 человек) и исходя из численности спешенной кавалерии в 1200 человек⁴, полагаем общую численность отряда Мортье не более чем в 5, 5 тыс. человек.

---

¹ Наполеон – Бертье. Москва, 18 октября 1812 г. // Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. T. 24. P. 316–317 ; Fain A.J.F. Op. cit. P. 208–210.

² Наполеон – Мортье. Москва, 18 октября 1812 г. // Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. T. 24. № 19286. P. 318–319.

³ Van Vlijmen B.R.F. Vers Berézina (1812) d'après des nouveaux. P., 1908. P. 317.

⁴ Roguet F. Op. cit. P. 496.

19-го рано утром Наполеон навсегда покинул Кремль¹. Напомним, что незадолго до отправления, в 5 утра, император продиктовал письмо Маре. Наполеон сообщал, что утром 18-го авангард Мюрата был атакован русскими, и далее: «Армия на марше; решено завтра взорвать Кремль...»² Таким образом, решение о взрыве Кремля и уничтожении многих московских зданий со всей определенностью уже было принято.

Одним из тех, кому Наполеон, причем лично, утром 19-го предложил воспользоваться любой из своих собственных повозок, был генерал-адъютант Рапп, которому было трудно ехать верхом. Примерно в трех лье от Калужской заставы они остановились (вероятно, где-то в районе Тропарево). Император, прогуливаясь по полю с Дюма, стал ждать известий из Москвы от Мортье. Наполеон подождал Раппа: «Ну вот, Рапп, мы отходим к границам Польши, по дороге на Калугу; и я займу хорошие зимние квартиры: я надеюсь, что Александр пойдет на мир». Рапп уверяет, что на слова императора он ответил так: «Вы слишком долго ожидали, сир; жители предрекают суровую зиму». – «Ба! Ба! Опять вы со своими жителями! Сегодня уже 19 октября, а как хороша погода; неужели вы не узнаете моей звезды? Впрочем, я не мог отправиться прежде чем не отправил в дорогу всех больных и раненых; я не мог оставить их ярости русских». По уверениям Раппа, император еще говорил с ним некоторое время. Наконец, прибыл офицер, доставивший депешу от Мортье. Это был адъютант Раппа, который подтвердил, что в Москве спокойно, и только несколько полков казаков проникли в пригороды, но они не решаются приблизиться ни к Кремлю, ни к расположению французских войск³. Наполеон, получив известия от Мортье, двинулся дальше и к вечеру прибыл к селу Троицкому, где и расположился в «гадком шато»⁴.

Что же происходило в это время в Москве? С раннего утра 19 октября в городе началось оживление. По уверениям Бургоня, который проходил в тот день по московским улицам, «город кишмя кишел евреями и русскими крестьянами: первые пришли покупать у солдат

---

¹ Издатели «Общей корреспонденции» Наполеона считают, что это произошло «к полудню 19-го» (Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. № 31939. P. 1202. Note 3). Полагаем, что это не так. Император покинул Кремль значительно раньше.

² Наполеон – Маре. Москва, 19 октября 1812 г., 5 часов утра // Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. T. 24. № 19288. P. 320.

³ Rapp J. Op. cit. P. 221–222.

⁴ Caulaincourt A.A.L. Op. cit. T. 2. P. 86; Castellane E.V.E.B. Op. cit. P. 173.

все, чего они не могли унести с собой, а вторые – чтобы поживиться тем, что мы выбрасывали на улицу»¹. Запершись в Кремле, гарнизон Мортье выслал в разные стороны сильные пикеты. Большая их часть располагалась или патрулировала в Китай-городе, но некоторые из них контролировали Тверскую улицу и Тверской бульвар², а также улицы, ведущие к дорогам на Калугу и Можайск. Французские солдаты расклеили повсюду адресованные жителям приказы, в которых запрещалось выходить из домов под страхом смерти. Инструкция эта была написана исключительно на французском языке³, так что эффект был минимальным. К ночи все пикеты сосредоточились за стеной Китай-города⁴.

20 октября отряд Мортье начал приводить в исполнение приказ Наполеона, касавшийся не только подготовки к взрыву самого Кремля, но и ряда иных объектов. По-видимому, именно 20 октября (по мнению Бестужева-Рюмина, в 2 часа пополудни) были произведены взрывы боеприпасов на полевом артиллерийском дворе возле Симонова монастыря⁵. В районе Тверского бульвара кордоны войск Мортье вели слабую перестрелку с казаками и вооруженными мужиками⁶. Возможно, что в тот же день был уничтожен загородный дом Ростопчина в Сокольниках⁷.

---

¹ Бургонь. Указ. соч. С. 61.

² Кольчугин Г.Н. Указ. соч. С. 51; Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1436; *Histoire de la destruction de Moscou*. Р. 157. По мнению Нордгофа, ведеты располагались на пространстве в полверсты, и они состояли из «большой частью португальской кавалерии».

³ *Histoire de la destruction de Moscou*. Р. 157.

⁴ Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1436.

⁵ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий... С. 379; Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1436–1437. По уверению чиновника Московского почтамта А. Карфачевского, это было сделано еще 19 октября. д'Изарн, в свою очередь, полагает, что эти взрывы боеприпасов на артиллерийском дворе породили уверенность среди московских иностранцев о подходе русских, и это заставило их закончить сборы и спешно отправиться в путь вслед за армией Наполеона (Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1437).

⁶ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий... С. 379; *Surugue*. *Mil huit cent douze*. Р. 51–52.

⁷ Из воспоминаний Дедема можно понять, что он провел ночь с 19 на 20 октября на биваке возле загородного дома Ростопчина, «от которого остались одни развалины». Другими словами, разрушение дома могло быть осуществлено уже 19-го. В то же время письменный приказ Наполеона об уничтожении «двух домов прежнего губернатора» был отдан только 20-го из Троицкого (Наполеон – Бертье. Троицкое, 20 октября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance de Napoléon I*. Т. 24. № 19292. Р. 323–324). Что

Сразу после ухода из Москвы основных сил Наполеона Мортье начал подготовку к взрыву башен и других сооружений Кремля¹. Для этого были привлечены в основном рабочие Великой армии, но нагнали и русских. Некто Михайло, вероятно, работник Рождественского монастыря, рассказывал: «Меня говорит, туда взяли французы, и других много работников из наших привели, и приказали нам подкопы рыть под кремлевские стены, под соборы и под дворец, и сами тут же рыли. А у нас просто руки не подымались: пусть все погибнет, да хоть не нашими руками; да воля-то не наша была: как ни горько, а копай; окаянные-то тут стоят; и как увидят, что кто из нас плохо работает, так сейчас прикладами ружей бьют: у меня вся спина избита»². Судя по воспоминаниям капитана Листа из гвардейской артиллерии, рота которого оставалась в Кремле, именно 20 октября стены Кремля были заминированы с помощью зарядных ящиков, которые уже невозможно было транспортировать по причине отсутствия необходимого количества лошадей и к которым были присоединены фитили³.

Покидая Москву, Наполеон был вынужден оставить в русской столице значительное число тяжелораненых. Почти все они были сконцентрированы в Воспитательном доме и переданы на попечение главного надзирателя Тутолмина. С ранеными было оставлено несколько французских и немецких врачей и служителей. Всего в Воспитательном доме находилось более 1 тыс. раненых и больных солдат и 16 офицеров. До позднего вечера 22 октября при лазаретах в Воспитательном доме находился французский караул, выделенный из отряда Мортье. Между тем уже 20 октября рядом с Воспитательным домом начались беспорядки, о чем с тревогой сообщил Мортье Тутолмину⁴. 21-го маршал Мортье пришлет к Тутолмину своего адъютанта «для устройства порядка в казарме». В письме, пе-

---

касается дворца Ростопчина на Лубянке, то, как известно, он был разграблен, но не сожжен и не взорван, по-видимому, благодаря просьбе аббата Сюрюга.

¹ Первоначально подрыв намечался на 10 вечера 21 октября. Об этом говорит депеша Бертье, отправленная от Мортье 21 октября (Наполеон в России глазами иностранцев. С. 431. В этом издании, которое было простым переизданием сборника 1912 г., опубликованы отрывки из донесений Мортье к Бертье от 21 и 23 октября 1812 г.; донесение от 23-го публиковалось, по-видимому, по французскому изданию 1911 г. (Chuquet A. Lettres de 1812. Sér. 1. P. 103–104). Источник публикации отрывка из донесения 21 октября нам выявить не удалось.

² Из воспоминаний А.А. Назаровой // Толычева Т. Указ. соч. 1912. С. 90.

³ Van Vlijmen B.R.F. Op. cit. P. 317.

⁴ Тутолмин – Лессепсу. 8 (20) октября 1812 г. Копия // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 84.

реданном Ивану Акинфиевичу с тем же адъютантом, маршал будет просить принять в Воспитательный дом еще какую-то партию французских раненых и больных, а также чинов французской полиции, созданной Наполеоном в Москве. Тутолмин, как можно понять, дал на это согласие. Но во избежание эксцессов потребовал, чтобы все находящиеся в Воспитательном доме более никуда из него не отлучались¹. Он писал о бесчинствующих французских мародерах. Однако к тому времени на улицах Москвы появилось немало грабителей иного рода. «(...) Крестьяне толпами бегали по улицам грабить соляные магазины, оставленные без прикрытия. Днем и ночью тянулись по улицам, кто пешком, кто в телегах, шайки в 10, 20 мужчин, женщин и детей»². Об этом писал и Домерг, который, впрочем, сам этого не видел, а лишь передал впечатления своих соплеменников, остававшихся в Москве. Безудержный грабеж и неистовства московской черни и окрестных крестьян, происходившие 20 октября, были только началом того, что произойдет позже.

В тот же день, 20 октября, находясь в Троицком, Наполеон отдал окончательный приказ о взрыве Кремля и отдельных московских зданий. «С 22-го на 23-е, в 2 часа утра, следует предать огню магазин с водкой, казармы, общественные здания, за исключением детского приюта. Все ружья разбить в щепы; разместить порох под всеми башнями Кремля; все артиллерийские лафеты поломать, так же как и колеса зарядных ящиков. После того как будут выполнены эти действия и огонь охватит многочисленные объекты Кремля, герцог Тревизский покинет Кремль и двинется по дороге на Можайск. В 4 часа артиллерийский офицер, назначенный для исполнения сего, взорвет Кремль, как равно и артиллерию, определенную к этому». И далее: «Следует позаботиться о том, чтобы оставаться в Москве до того времени, пока Кремль не будет взорван. Следует также предать огню два дома прежнего губернатора и дом Разумовского»³. Тем же приказом Наполеон потребовал, чтобы герцог Тревизский с утра 21-го отправил больных из корпусов Даву, Богарнэ, спешенной кавал-

---

¹ Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Копия // Там же. Л. 69. Д'Изарн утверждает, что это письмо к Тутолмину за подписью Мортье и Лессепа было отправлено «в четверг вечером», т. е. вечером 22 октября. По уверению д'Изарна, Мортье и Лессепс «честным словом обещали не делать никакого зла городу, когда будут выходить из него» (Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1437).

² Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1437.

³ Наполеон – Бертье. Троицкое, 20 октября 1812 г. // Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. T. 24. № 19292. P. 323–324

лери и Молодой гвардии по дороге на Можайск. Самому Мортье после подрыва Кремля следовало также двигаться по Можайской дороге, сжигая бросаемые повозки. Прибыв в «Голицынский дворец» (т. е. в М. Вязёмы), следовало взять с собой испанцев и баварцев, которые там находились, и предать огню зарядные ящики, которые нельзя было транспортировать. Прибыть в Можайск Мортье должен был 25-го или 26-го. В дополнение к приказу император предлагал посадить на зарядные ящики находившихся в госпиталях офицеров, которые смогут выдержать дорогу¹.

На следующий день, прибыв из Троицкого в Красное село, Наполеон несколько меняет движение отряда Мортье. «Мой кузен, – пишет император Бертье, – дайте знать герцогу Тревизскому, чтобы, как только его операция в Москве будет закончена, то есть 23-го, в три часа утра, он начнет марш и прибудет 24-го в Кубинское; с этого пункта, вместо того чтобы двигаться на Можайск, он направится на Берею, куда он должен прибыть 25-го. Он будет служить промежуточным звеном между Можайском, где находится герцог д'Абрантес, и Боровском, где расположится армия». Отряд герцога Тревизского, как считал Наполеон, должен был сыграть роль своего рода арьергарда армии. В том же приказе Наполеон патетически, обращаясь к истории древних римлян, считавших спасение раненых высшим проявлением доблести, призвал Мортье взять с собой и таким образом спасти по крайней мере еще 500 раненых, оставшихся в Москве. Начать следовало, считал он, с офицеров, затем унтер-офицеров и предпочтение отдавать французам².

В тот же день, 21 октября, император приказал Бертье уведомить генерала Кольбера, чтобы он выдвинулся с двумя сотнями кавалеристов по направлению к Москве для встречи с кавалерией «полковника Дешана» (так в тексте; полагаем, что речь идет о капитане Дешане (Deschamps), служившем в Главном штабе), и который должен прибыть в Кремль к 9 часам вечера. Он должен был доставить герцогу Тревизскому некое ожидаемое им важное сообщение (предполагаем, судя по контексту, что герцог Тревизский отправил в Главный штаб какой-то запрос по поводу своих действий, и ответ на который необходимо было ему срочно доставить «до полуночи»³). Герцог

---

¹ Ibid. P. 324.

² Наполеон – Бертье. Красное, 21 октября 1812 г. // Ibid. № 19296. P. 326–327.

³ Полагаем, что речь шла об окончательном приказе на предмет взрыва Кремля.

Тревицкий, в свою очередь, отправит одного из своих офицеров, который возвратится с партией 200 кавалеристов¹.

Между тем 21 октября ситуация для гарнизона Мортье заметно изменилась. Партия казаков, вошедшая в город, по-видимому, с северо-востока, миновала Красные ворота и подошла близко к стенам Китай-города. Французы открыли со стороны Кремля артиллерийский огонь. По мнению Г.Н. Кольчугина, было сделано от 10 до 15 выстрелов ядрами. Казаки ретировались, но солдаты гарнизона стали проявлять заметное беспокойство. Всю ночь «из четырех мест поминутно» раздавались сигнальные выстрелы из орудий².

Тем временем Наполеон, уверившись, что дела Мортье обстоят благополучно, взял курс от Красной Пахры на Новую Калужскую дорогу. В 7 часов утра 22-го, находясь в усадьбе с. Игнатово, куда он прибыл вечером 21-го, Наполеон отправляет приказ Богарнэ оставить пост в 100 человек в Шарапово (примерно в 35 км от центра Москвы по новой Калужской дороге), где будет находиться надежный офицер; там он должен будет дожидаться «полуночи или трех часов утра, того часа, когда должен будет услышать взрыв Кремля»; известие о взрыве офицер должен был как можно скорее доставить императору³.

С утра 22-го французский гарнизон в Кремле продолжал производить сигнальные выстрелы из орудий, но реже, чем ночью – через час. Усиленные пикеты передвигались по всем главным улицам, соединявшим Кремль с московскими заставами⁴. В самом Кремле продолжались приготовления к окончательному выходу из Москвы французского гарнизона и, главное, к гигантскому взрыву стен и башен русской твердыни. Именно в этот момент французы были потревожены и озадачены неожиданным демаршем генерал-адъютанта Ф.Ф. Винцингероде, который в сопровождении одного казака подъехал к французским аванпостам и был ими арестован⁵.

---

¹ Наполеон – Бертье. Шато Салтыкоф, 21 октября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance de Napoléon I.* Т. 24. № 19298. Р. 328–329.

² Кольчугин Г.Н. Указ. соч. С. 51.

³ Наполеон – Богарнэ. 22 октября 1812 г., 7 часов утра // *Napoléon I. Correspondance de Napoléon I.* Т. 24. № 19299. Р. 329–330; [Du Casse A.] *Op. cit.* Р. 63.

⁴ Кольчугин Г.Н. Указ. соч. С. 51.

⁵ Нашу версию этого эпизода см.: Земцов В.Н. Наполеон в Москве. С. 326–328.

Об этом событии писали многие – от Сюрюга и Деннье до современных авторов А.И. Попова и Е.А. Назарян¹. Но все предлагавшиеся версии существенно разнятся как в воспроизведении деталей, так и в объяснении мотивов действий Винцингероде². Собирался ли Винцингероде предотвратить взрыв Московского Кремля, как нередко в дальнейшем стали об этом говорить? Маловероятно. Причем несмотря на то что молва о подготовке к взрывам и поджогам в Москве уже несколько дней как широко разнеслась по городу. Еще 18 октября в 8 вечера солдат Старой гвардии Сабле сообщил Бестужеву-Рюмину, что Кремль будет взорван, а также о том, что огню будут преданы все оставшиеся в городе дома³. Не скрывали французы сведения и о приказе подорвать Новодевичий и Рождественский монастыри⁴.

Между тем Мортье заканчивал приготовления к полной эвакуации из Москвы и к уничтожению ряда ее объектов. К вечеру 22-го все пикеты были сняты и стянуты в Кремль. В 8 вечера запылал Винный двор, а вскоре затем и дом главного Кригс-комиссариата⁵.

---

¹ Донесение генерал-губернатора Новгородского, Тверского и Ярославского о состоянии Москвы после ухода французской армии. Ярославль, 16 октября (ст. ст.) 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 197. Л. 27; 26-й бюллетень Великой армии // *Napoléon I. Correspondance*. Т. 24. № 19304. Р. 333–337; Surugue A. *Mil huit cent douze*. Р. 52. Note 1; Ségur Ph. P. *Napoléon et la Grande-Armée pendant l'année 1812*. Р. 152; Gourgaud G. *Op. cit.* Р. 353–355; Fain A.J.F. *Op. cit.* Р. 168–171; Denniée P.P. *Op. cit.* Р. 115–119; Chambray G. *Op. cit.* Р. 324; Bourgoing P. *Op. cit.* Р. 129; Коленкур А. Указ. соч. С. 203–213; Записки Бенкендорфа. М., 2001. С. 75–76; Попов А.Н. Французы в Москве. С. 180–183; Попов А.И. Подрыв московского Кремля, или претенденты на геростратову славу (в печати); Он же. Летучий корпус генерала Ф.Ф. Винцингероде в 1812 г. М., 2011; Назарян Е.А. Генерал-адъютант Ф.Ф. Винцингероде и ротмистр Л.А. Нарышкин во французском плену // *Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы*. Можайск, 2008. С. 247–257; и др.).

² Характерно, что в штабных кругах наполеоновской армии получила распространение версия, будто бы Винцингероде, набросив на себя штатское пальто, занимался тем, что усиленно убеждал на аванпостах французских солдат сложить оружие (См., например: Коленкур А. Указ. соч. С. 208–210). По-видимому, эта версия, хотя и имела под собой некоторые основания, но получила хождение прежде всего в угоду Наполеону, который обвинял Винцингероде в предательстве и выражал готовность его расстрелять.

³ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий... С. 378.

⁴ Тольчева Т. Указ. соч. 1912. С. 17, 87; Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1438. Хорошо знал о подготовке взрывов Тутолмин, который приказал в Воспитательном доме предварительно открыть все окна (Тутолмин – Марии Федоровне. 12 октября (ст. ст.) 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 41).

⁵ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий... С. 379.

По-видимому, около 8 вечера начался пожар и в Кремле, немного погодя – у Калужских ворот¹.

С 6 или 7 часов вечера под дождем Мортье начал выводить войска, многочисленные обозы и раненых (до 400 человек) из Кремля. Так как огромное количество повозок, принадлежавших различным корпусам, чрезвычайно затрудняли отступление и в особенности переправу через реку Москву, маршал приказал полсотни их «побросать в воду». Во время вывода войск Мортье из Кремля казаки и вооруженные крестьяне несколько раз стреляли по французам из ружей, но на большее не решились². Несмотря на все усилия к полуночи, как указывал Мортье в рапорте, некоторые войска все еще оставались на левом берегу Москвы-реки (*j'avais encore des troupes sur la rive gauche de la Moskova*)³.

История подрыва наполеоновскими войсками Московского Кремля имеет много неясностей. Во-первых, следовало бы более определенно разобраться с целями, которые преследовал Наполеон, отдавая такой приказ; во-вторых, внести ясность, когда, кем и как был осуществлен этот план подрыва Московского Кремля; наконец, в-третьих, выяснить (или по крайней мере убедительно объяснить), почему не удалось, если планировалось, взорвать большую часть кремлевских башен, стен и соборов.

Ранним утром 23 октября Наполеон услышал раскаты и почувствовал детонацию от далеких взрывов, потрясших русскую столицу⁴. В 9 утра он выехал из Фоминского и галопом помчался в Боровск, который только что был занят передовыми частями французской армии. Сюда, в Боровск, и прибыл от Мортье офицер, который доставил сведения о выходе маршала из Москвы и произведенных там взрывах⁵. В Боровске Наполеон и продиктует 26-й бюлле-

---

¹ Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1437.

² Мортье – Бертье. Яшкино, 23 октября 1812 г. // *Chuquet A. Letters de 1812. Sér. 1. P. 103.*

³ Мортье – Бертье. Яшкино, 23 октября 1812 г. // *Ibidem.*

⁴ Только Сегюр определенно утверждает, что император, находясь в Фоминском, «слышал этот взрыв» (*Ségur Ph.P. Napoléon et la Grande-Armée pendant l'année 1812. P. 152*). Полагаем, что в Фоминском этот взрыв вполне можно было слышать.

⁵ *Fain A.J.F. Op. cit. P. 166–168.* Фэн не уточняет, кто именно был этот офицер. Возможно, что им был капитан Эврар, помощник начальника штаба 4-го армейского корпуса. Именно он, по мнению Лабома, должен был находиться с небольшим отрядом в Шарапово в ожидании взрыва Московского Кремля, а затем спешно сообщить об этом императору. Но не исключено, что этот офицер был послан непосредственно Мортье из Яшкино, и именно он доставил то донесение, которое было опубликовано в 1911 г. Шюке.

тень, в котором изложит свою версию причин, подвигших его принять решение о взрыве Московского Кремля. Наполеон, как он сделал это уже ранее в 25-м бюллетене, отметит, что Москва уже давно не существует (как понимаем, благодаря «русским поджигателям») и «представляет собой совершенную клоаку, нездоровую и грязную», вследствие чего город не имеет никакого военного и политического значения. И далее: «Все, что находилось в одних магазинах, было роздано, другие магазины эвакуированы, император заминировал Кремль. Герцог Тревизский взорвал его 23-го в 2 часа утра. Арсенал, казармы, магазины – все было уничтожено. Эта древняя цитадель, которая относилась ко времени основания монархии, эти первые дворцы царей, более не существуют!» Далее Наполеон уведомил публику, что из 4000 каменных домов осталось не более 200; из 8000 деревянных домов осталось менее чем 500. «Императору было предложено сжечь остатки города с тем, чтобы “заплатить” русским так, как они того желают, а также сжечь и деревенские дома или шато. Было предложено сформировать четыре колонны из двух тысяч человек каждая, которые должны были сжечь все в 20 лье вокруг. Это был бы урок для русских, дабы они вели войну правильную, а не татарскую; если они сжигают одну деревню, один дом, на это следует ответить сжиганием сотни. Император отказался от этих мер, которые бы так отягчили несчастья населения. Из 9000 владельцев домов, которые сожгли шато, 100 возможно были приверженцами Марата из России; но 8900 из этих “храбрых людей” стали жертвами интриг нескольких мерзавцев. Необходимо прибавить, что это бы оставило совершенно без ресурсов 200 000 жалких рабов, невинных во всех отношениях. Император поэтому удовлетворился приказом разрушить цитадели и военные объекты согласно обычаю войны, чтобы не наносить вред частным лицам, уже и так сильно пострадавшим из-за обстоятельств войны»¹.

Вне сомнения, заявления Наполеона, опубликованные в 26-м бюллетене, оказали определяющее влияние на французскую мемуаристику и историографию. Сегюр, чья работа вышла в 1824 г., вслед за Наполеоном заявил, что инициатива жестокой войны исходила отнюдь не от французского императора. Пытаясь подкрепить этот тезис, Сегюр напомнил, что параллельно с выходом из Москвы император поручил Бертье написать Кутузову о желании «умерить враждебность», которая «глубоко печалит Наполеона», на что рус-

---

¹ 26-й бюллетень Великой армии. Боровск, 23 октября 1812 г. // Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. T. 24. № 19304. P. 333–337. Ремарки Фэна, передающие размышления Наполеона по поводу подрыва Кремля, явно навеяны 26-м бюллетенем (Fain A.J.F. Op. cit. P. 180).

ский главнокомандующий ответил отказом¹. Сюжет с ответом Кутузова на предложения французского командования о «гуманизации» войны привлек внимание и Фэна. Однако последний вынужден был признать тот факт, что когда полковник Бертеми, посланный с письмом Бертье к Кутузову, возвратился 22 октября к Наполеону, все приказы о взрыве Кремля были уже отданы². Оказался солидарен с мнением французского императора и Шамбрэ, который писал, что поджог Кремля и закладка под него мин не были оправданы военными мотивами, но также не могут считаться и безумной мстостью Наполеона, «раздраженного» тем, что «он не смог заставить Александра попасть под его ярмо». По словам Шамбрэ, причина крылась в той злобе по отношению к французам, которая завладела русскими и которая заставила русскую монархию, «гуманную и мягкую по своему характеру», поддаться импульсам, исходившим от нации³.

Вполне понятно, что в отечественной литературе объяснения французской стороны не находили, да и не могли найти, сочувствия. Российские и советские авторы, как правило, писали о высшей степени озлобления и раздражения, охвативших Наполеона, которому не удалось реализовать своих захватнических замыслов. Где же истина? У каждой нации она оказывается, как правило, своей.

Прояснить следующий вопрос – когда, кем и как был осуществлен подрыв Кремля? – кажется, на первый взгляд, значительно легче. Но это не совсем так. Большая часть мемуаристов согласны в том, что первый, самый сильный взрыв, от которого сотряслась земля в 10 лье вокруг, были разбиты все стекла окон оставшихся в Москве домов и даже вышиблены рамы, прогремел где-то в 2 часа утра 23 октября: «в 2 часа пополуночи» (Бестужев-Рюмин), «во втором часу ночи» (Тутолмин), «в 2 часа утра» (Шамбрэ), «в половине второго ночи» (Сегюр), «около 2-х часов утра» (Сюрюг), «не ранее 2-х часов утра» (Рапорт Мортье); и т. д. Судя по всему (и ряд свидетелей на это прямо указывает, как, например, Сюрюг), этим взрывом был разрушен Арсенал⁴.

---

¹ Ségur Ph.P. Napoléon et la Grande-Armée pendant l'année 1812. P. 152.

² Fain A.J.F. Op. cit. P. 164–165.

³ Chambray G. Op. cit. P. 323.

⁴ В отношении времени первого взрыва есть указания и иного рода: «около 4-х часов утра» (д'Изарн), «часом после» того, как в 2 утра Мортье покинул Кремль (Фэн). В целом, как видим, расхождения небольшие, тем более если принять во внимание, что д'Изарн ко времени первого взрыва «заснул в кресле подле окна, из которого был виден Кремль».

А вот в отношении последовавших вслед за первым взрывах разноточений в свидетельствах значительно больше. «После первого взрыва было еще шесть других» (Нордгоф); пять ударов, раздавшихся в Кремле, насчитал как московский житель Ф.З. Захаров, так и Тутолмин; «почти через полчаса [после первого взрыва. – В. З.] последовали два новых удара, но уже слабее первого; затем в меньшие промежутки было еще три взрыва...» (д'Изарн); «три других взрыва были менее сильные» (Сюрюг). Самая странная версия была предложена де ла Флизом: находясь в нескольких верстах от Москвы по Можайской дороге, он услышал первый взрыв, спустя несколько минут – второй, затем третий, «сильный взрыв, от которого земля дрогнула; это был последний»¹.

Более того, существует путаница даже в отношении дня, утром которого был взорван Кремль! Немало мемуаристов указывают на утро 24 октября². Поэтому можно вполне согласиться с мнением одного из самых проницательных и талантливых исследователей войны 1812 года – Александром Николаевичем Поповым, который написал так: «Свидетели-очевидцы различно определяют число взрывов, и кто же мог верно сосчитать их в эту ужасную ночь, которая многим стоила жизни и почти всем здоровья!»³ «Не было ничего более ужасного, – пишет “московский немец” Нордгоф, – тесные камни были отброшены на 500 шагов. Всюду в округе двери были проломлены и окна разбиты. Не осталось ни одного целого стекла»⁴. «(...) Вся Москва пришла в ужас от самого страшного взрыва, какой только можно представить. Разбитые окна, крики женщин, всеобщий испуг, невозможность найти убежище, страх быть раздавленными падающими домами – все это распространило повсюду ужас»⁵. Сюрюг упоминает, что «две женщины стали несчастными жертвами: одна задохнулась, а другая от испуга при родах»⁶. Пылкое воображение

---

¹ Histoire de la destruction de Moscou. P. 145 (165) – сбой в нумерации страниц; Письмо Ф.З. Захарова П.С. Полуленскому. 16 октября (ст. ст.) 1812 г. Копия // Бумаги, относящиеся... Ч. 5. С. 163; Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1438–1439; Surugue A. Mil huit cent douze. P. 55; Де ла Флиз Д. Поход Наполеона в Россию в 1812 году. М., 2003. С. 48 (причем, Де ла Флиз явно ошибочно утверждает, что все это происходило утром 24 октября).

² Bourgoing P. Op. cit. P. 131; Lagneau L.V. Journal d'un chirurgien de la Grande Armée. P., 1913. P. 203; Бенкендорф. Указ. соч. С. 76–77; и т. д.

³ Попов А.Н. Французы в Москве. С. 183.

⁴ Histoire de la destruction de Moscou. P. 145 (165); сбой в нумерации страниц.

⁵ Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1439.

⁶ Surugue A. Mil huit cent douze. P. 55.

Сегюра, который был во время взрывов далеко от Москвы, по-видимому, в Фоминском, нарисовало совершенно фантастическую картину «страданий москвичей»: после ухода из Кремля Мортье «жадные казаки и грязные мужики, привлеченные жаждой добычи, стали стекаться со всех сторон; ободрившись видимой тишиной, царившей в Кремле, они отважились туда проникнуть; их руки, искавшие добычи, уже протягивались к ней, как вдруг все они были уничтожены и подброшены на воздух вместе со стенами Кремля, который они шли грабить; затем, перемешавшись с обломками стен, оторванные части их тел падали на землю, подобно ужасному дождю»¹.

Кто и каким образом осуществил эти взрывы? Блестящая статья, подготовленная А.И. Поповым², называет целый ряд таких «претендентов на геростратову славу». Среди них голландец капитан гвардейской конной артиллерии Ф.Ш. Лист, поляк капитан Ф. Косс и француз шеф батальона 2-го полка морской артиллерии Оттон. Настоящий европейский интернационал! При всех возможных вариациях главным исполнителем предначертанного императором зловещего замысла был, по-видимому, все-таки Оттон. Его имя впервые называет Гурго в своей знаменитой отповеди Сегюру, опубликованной в 1825 г. Приведем этот отрывок полностью: «Взрыв не должен был произойти ранее, чем через час после выхода последних французских войск; шефу батальона морской артиллерии г-ну Оттону (Ottone) было поручено разместить у многочисленных бочек с порохом доски с зажженными фитилями; эти фитили состояли из длинных промасленных кусков трута, зафиксированных на планшетах; один конец достигал пороха, а другой поджигался, и этот трут был такой длины, что зажженный огонь, пробегая по нему, давал необходимое время, чтобы взрыв произошел в определенный момент. Этот офицер, с помощью всего лишь нескольких канониров, выполнил предписанные ему приказы с восхитительным хладнокровием и ретировался только после того, как прочно забаррикадировал ворота Кремля; он присоединился к арьергарду герцога Тревизского за пределами Москвы. Крест ордена Почетного легиона мог быть единственным вознаграждением за эту феноменальную акцию»³. Судя по всему, Оттона и его команду никто

---

¹ Ségur Ph. P. *Napoléon et la Grande-Armée pendant l'année 1812*. P. 152.

² Попов А.И. Претенденты на «геростратову славу» // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Биография. Сборник материалов. Вып. 15. М., 2017. С. 50–61.

³ Gourgaud G. *Op. cit.* P. 352–353. Note 1. 28 ноября на мостах через Березину Оттон будет ранен и 9 декабря 1812 г. умрет (Martinien A. *Op. cit.* P. 678). Вслед за Гурго, Фэн в 1827 г. почти дословно воспроизведет этот сюжет в своей «Рукописи 1812 года» (Fain A.J.F. *Op. cit.* P. 169. Note 1).

особенно не потревожил как в ходе выполнения операции по поджогу фитилей, так и во время оставления ими Кремля, откуда они вышли определенно через Боровицкие ворота.

Какого рода и где именно были заложены французами заряды в Кремле? Очевидно, что все эти заряды были пороховыми и самого простого характера. Известно, что в апреле 1813 г. поручик Семенов 1-й, обследовавший места в Кремле, где еще могли находиться заложённые французами неразорвавшиеся заряды, докладывал, что неприятель просто помещал в особые камеры порох и подводил к ним «зажигательные шнуры»¹. Общий объем заложённого французами пороха определить невозможно. Большинство свидетельств останавливается на цифре примерно в 180 тыс. фунтов пороха².

Следует также помнить, что далеко не все заложённые наполеоновскими солдатами заряды взорвались. Количество неразорвавшегося в Кремле пороха также определить невозможно³.

Попытаемся выяснить, где именно были заложены французами заряды. Совершенно определенно, что основной объем пороха оказался под зданием Арсенала. Именно здесь прогремел самый сильный первый взрыв, который не только разрушил здание Арсенала, но нанес большой ущерб Никольской, Угловой Арсенальной, Средней Арсенальной башням (судя по разрушениям кремлевской стены между Никольской и Угловой Арсенальной башнями, заряд под эту стену также был заложён). От фундамента была подорвана Водовзводная башня и примыкавшая к ней часть стены. Подорваны, также от фундамента, были 2-я Безымянная и Петровская башни,

---

¹ Зайченко Л.В. Москва в Отечественной войне 1812 года. М., 2006. С. 143–144.

² Фэн пишет о 180 тыс. фунтов пороха (Fain A.J.F. Op. cit. P. 169), Сегюр (который опубликовал свою работу раньше Фэна) – о 183 тыс. фунтах пороха (Ségur Ph.P. Napoléon et la Grande-Armée pendant l'année 1812. P. 147); Денне указывал, что «когда маршал герцог Тревизский уничтожил Кремль, там оставалось еще 180 тыс. фунтов пороха» (Dennie P.P. Op. cit. P. 95. Note 1). То же перешло в мемуары Роге (Roguet F. Op. cit. P. 498); Куанье, находившийся в 12 верстах от Москвы и хорошо слышавший страшные взрывы, писал о «60 пороховых бочках с семью пороховыми приводами и с горючими веществами, наложенными на бочках» (Наполеон в России глазами иностранцев. С. 426). После этих слов Куанье приводит фантастическую версию в духе Сегюра о том, что 700 русских поджигателей, которые были все сплошь каторжниками, нашли свою смерть во время этих взрывов.

³ Мы обнаружили только одно свидетельство – в черновом письме предположительно 1812 г. неизвестного лица неизвестному лицу, который утверждал, что в Кремле не было взорвано 8 бочек пороха по причине дождя (Бумаги, относящиеся... Ч. 3. С. 263).

выходившие на набережную¹. Помимо этого, французы попытались подорвать колокольню Ивана Великого, которая, однако, устояла, хотя и дала трещину; примыкавшие к ней звонницы превратились в груды камня. Кремлевский дворец и Грановитую палату не подрывали, но они были подожжены. К рассвету 23 октября Кремлевский дворец уже догорал. Кроме того, имелись большие обрушения кремлевской стены между Спасской и Беклемишевской башнями. (Интересно, что Ростопчин, полемизируя в 1823 г. с текстами наполеоновских бюллетеней, категорически оспаривал утверждение о разрушении всего Кремля. Ростопчин писал, что была подорвана «одна колокольня, в двух местах стена, две башни и четверть арсенала...»)²

Каковы же были причины того, что отступавшая армия Наполеона нанесла русской святыне – Московскому Кремлю – ущерб значительно меньше того, который предрекал французский император? Две легенды оказались особенно дороги России и Франции: одна – рожденная русскими, другая – французами. Русская легенда – героическая. Она повествует о том, что то ли казаки изловили французских саперов, пытавшихся продолжить взрывы в Кремле³, то ли некие «русские патриоты», презрев угрозу для жизни, пробрались в Кремль и затушили горевшие фитили.

Французская же легенда призвана была оправдать или по крайней мере сгладить то жуткое впечатление, которое повсюду должен был произвести факт жестокой мести, на которую решился Наполеон. Появление этой легенды относится уже к концу 1812 г.⁴ Впрочем, во французской литературе за 200 лет так и не будет сделано попыток закрепить и развить эту легенду. Возникает даже впечатление, что не французы, а русские оказались более озабочены мыс-

---

¹ Описание подорванных и поврежденных в бытность неприятеля в Московском Кремле стен и башен [Составлено в октябре 1812 г.] // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Уд. Хр. 197. Л. 24–26 об.

² Rostopchine F.V. Op. cit. P. 41.

³ Копия с выписки из письма чиновника Московского почтамта Андрея Карфачевского. 6 ноября (ст. ст.) 1812 г. // Бумаги, относящиеся... Ч. 5. С. 166–167; Зайченко Л.В. Указ. соч. С. 111; и др.

⁴ См., например: Ответы майора Шмидта на вопросы Ростопчина // РА. 1864. С. 824. Затем эта легенда была поддержана некоторыми мемуаристами. Фезенсак, к примеру, написал о действиях Мортье по подрыву Кремля так: «Манера, с которой маршал смягчил сей жестокий приказ... воздает хвалу его сердцу, как и его характеру» (Fezensac F. Op. cit. 1850. P. 67). То же отметил в мемуарах и генерал Бертезен, который утверждал, что Мортье, получив приказ об организации взрывов, повторял с горечью: «Почему это случилось мне, а не кому-нибудь другому?» (Berthezène P. Op. cit. P. 289).

лю уменьшит тяжесть моральной ответственности Наполеона и его армии¹. А.Н. Попов, обратившийся к этому вопросу, написал так: «(...) дорожа человеческим достоинством, мы готовы верить, что Мортье отпустил негодный порох для этой цели (...)»²

Возможно, отсутствие энтузиазма со стороны Мортье и его подчиненных и сыграло свою роль в том, что план Наполеона не был исполнен до конца. Но не менее важную роль, по-видимому, сыграл дождь, который начался 22-го и «всю ночь лил сильнее». Именно этим объяснял Тутолмин в донесении вдовствующей императрице Марии Федоровне тот факт, что кремлевские соборы остались целы³. Ростопчин, размышляя о действиях французских мин, так написал 30 октября (ст. ст.) С.К. Вязмитинову: «При взрыве подкопов есть действие непонятное: арсенала взорвано почти половину к Никольским воротам. (...) Должно осмотреть сделанные подкопы, из коих некоторые остались без действия, ибо невероятно, чтобы Наполеон предпочел в своем бешенстве арсенал Успенскому собору (...)»⁴. Но, по-видимому, это было действительно так: разрушая арсенал, несколько кремлевских башен и часть стен, сжигая Кремлевский дворец и даже пытаясь подорвать колокольню Ивана Великого, французы все же не планировали взрывать русские соборы. Почему? Достоверно выяснить это не представляется возможным.

---

¹ Сидельцы Новодевичьего монастыря рассказывали после, что стоявший в обители некий «добрый генерал» даже предупредил священника, что по приказу Наполеона монастырь решено превратить в кучу камней. «А чтобы показать Наполеону, будто горит монастырь, этот генерал велел зажечь несколько домов к нему прикосновенных. Злодей, однако ж, узнал обман. И сказывают, велел расстрелять генерала» (Шлионская Л.И. Свидетельства современников о событиях 1812 г. в московском Новодевичьем монастыре // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. 4 (Труды ГИМ. Вып. 147). М., 2005. С. 89).

² Попов А.Н. Французы в Москве. С. 184.

³ Кстати, Тутолмин был предупрежден о подготовке к взрывам и поэтому в ночь с 22 на 23 октября в Воспитательном доме «предварительно окна были открыты» (Тутолмин – Марии Федоровне. 12 октября (ст. ст.) 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 41). «В Кремле 8 бочек пороху не взорвано по причине дождя», – читаем в письме неизвестного лица из Москвы, написанном сразу после событий (Бумаги, относящиеся... Ч. 3. 1898. С. 263). О дожде, как о главной причине прекращения взрывов, писали и другие современники (См., например: Гамбурцев А.А. Воспоминания о 1812 годе // Москва в 1812 году. С. 216).

⁴ Ростопчин – С.К. Вязмитинову. 30 октября (ст. ст.) 1812 г. Копия // Бумаги, относящиеся... Ч. 7. С. 416–417.

С рассветом 23 октября к Кремлю стали стекаться из числа оставшихся в городе москвичей «самые любопытные» (д'Изарн). Их оказалось не так уж и мало. По уверениям Бестужева-Рюмина, который оказался возле Кремля в 7 часов утра, стечение народа было «нескончаемым». Войдя в Кремль, как можно понять, через Боровицкие ворота, Бестужев-Рюмин бросился в Вотчинный департамент, где уже происходил настоящий погром оказавшимися там мужиками; всюду царили «пьянство и буйство»¹.

Первые казачьи части из отряда Иловайского 4-го вступили в город не ранее 2-х часов пополудни². Позже, только к вечеру, в город вступил Бенкендорф с гусарами Изюмского полка и лейб-казаками. «Мы вступили в Москву вечером 11-го числа, – писал Бенкендорф генерал-майору М.С. Воронцову 14 октября (ст. ст.). – Город был отдан на расхищение крестьянам, которых стеклоь великое множество, и все пьяные; казаки и их старшины довершали разгром. (...) Люди убивали друг друга на улицах, поджигали дома (...) мне пришлось выдержать несколько настоящих сражений»³. В своих записках Бенкендорф писал так: «Заблудившиеся французы бродили по Москве и делались жертвами толпы крестьян, которые со всех сторон стекались в несчастный город. Моей первой заботой было поспешить в Кремль, в метрополию Империи. Огромная толпа старалась туда проникнуть. Потребовались неоднократные усилия гвардейского казачьего полка, чтобы заставить ее отойти назад и защитить доступы, образовавшиеся кругом Кремля от обрушения стен»⁴.

Водворив некоторый порядок в Кремле и закрыв в него доступ грабителям, Бенкендорф направился к Воспитательному дому, в зданиях которого находились не только более тысячи малолетних детей, но и огромное число больных и раненых французов⁵. Ко времени по-

---

¹ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий... С. 379.

² Тутолмин – Марии Федоровне. 12 октября (ст. ст.) 1812 г. //ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 41 об.; Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий... С. 379; и др.

³ А.Х. Бенкендорф – М.С. Воронцову. Москва, 14 октября (ст. ст.) 1812 г. //Записки Бенкендорфа. С. 185–186.

⁴ Записки Бенкендорфа. С. 77.

⁵ Число французов, оставленных в Воспитательном доме, определяется по-разному. В рапорте Марии Федоровне от 12 октября (ст. ст.) и в рапорте Ростопчину от 24 октября (ст. ст.) Тутолмин говорил, что их было «до 1500» (в рапорте Ростопчину указывалось, что среди них находилось 16 офицеров) (Тутолмин – Марии Федоровне. 12 октября (ст. ст.) 1812 г. //ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 41 об.; Тутолмин – Ростопчину. 24 октября (ст. ст.) 1812 г. // Там же. Л. 51 об.) В ведомости от 24 октября (ст. ст.) 1812 г. говори-

явления Бенкендорфа здесь уже начала разыгрываться кровавая драма, чуть было не закончившаяся истреблением всех французских солдат. Военный чиновник Ж. Газо (его должность называлась «заместитель директора военного обоза»; в русских документах – «инспектор экипажный» или же «вагельмейстер в чине полковника Жан Газон»), на попечение которого командование Великой армии оставило больных и раненых, сконцентрированных в Воспитательном доме, вспоминал, что, в ожидании погромов и убийств со стороны русской черни и казаков, он «собрал 600 выздоравливающих и раздал им оружие, какое только мог достать. Русские нападали на нас три раза, и три раза мы отбивали их. Наше сопротивление заслужило нам уважение даже в глазах врага: генерал Бенкендорф предложил мне положить оружие, обещая щадить госпитальное население. Мы, конечно, согласились на это условие. Только 30 солдат не пожелали сдаться, и едва они вышли из Воспитательного дома, как были окружены казаками и изрублены на наших глазах»¹. Тутолмин сообщает другую версию событий того дня. В донесении Марии Федоровне от 11 ноября (ст. ст.) главный надзиратель написал, что по вступлении Иловайского 4-го в город, немедленно сообщил русскому командованию о присутствии французских раненых в Воспитательном доме и обратился с просьбой прислать караул. Между тем «в дом вскакали казаки, сопровождаемые толпою крестьян. Ворвавшись в окружное строение, крестьяне, вооружась отнятым у раненых французов оружием, ограбили французов и расхитили имущество служителей»².

В ходе этих столкновений в Воспитательном доме произошел примечательный эпизод, ставший в дальнейшем хорошо известным. Раненый при Бородине русский офицер лейб-гвардии Егерского полка Н.И. Кривцов³, оказавшийся в те дни в Воспитательном доме,

---

лось о 8 офицерах, 1098 солдатах, 10 чиновниках и лекарях и 12 служителях при офицерах, т. е. о 1128 человек (при этом общая цифра в ведомости почему-то указывалась иная – 1132 человека) (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 85–85 об.). Еще более сложно определить общую численность больных и раненых, оставленных Великой армией в целом в Москве. По-видимому, их было более двух тысяч человек (См., например: Surugue A. Milhuitcentdouze. P. 55).

¹ Наполеон в России глазами иностранцев. С. 434.

² Тутолмин – Марии Федоровне. 11 ноября (ст. ст.) 1812 г. Копия // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 69. Как можно понять, позже, уже после вмешательства Бенкендорфа, Тутолмин приказал «экономскому помощнику» Зейпелю изъять у раненых и больных французов все оружие. Его оказалось немало: 335 ружей, 113 тесаков, 38 сабель и палашей) ([Ведомость]. 24 октября (ст. ст.) 1812 г. Копия с копии // Там же. Л. 85 об.).

³ См.: РА. 1865. С. 974.

объявил находившихся там французов, дабы спасти их, своими военнопленными. Несколько французов, по-видимому, взбудораженные спиртным, отказались признать себя военнопленными, выбежали на улицу с оружием в руках и были убиты. Остальных французов это образумило. Тогда Кривцов, выйдя во двор к жаждавшей расправы толпе, заставил казацкого офицера образумить ее и оставить больных и раненых в покое¹.

Если в центре Москвы мало-помалу был наведен некоторый порядок, то в остальных частях города грабежи и убийства еще продолжались. «Весь наш отряд, как бы затерявшийся в огромном пространстве Москвы, едва был достаточен, чтобы сдерживать чернь, вооруженную оружием, отбитым у неприятеля», – вспоминал Бенкендорф². По его мнению, относительная безопасность была восстановлена «только на третий день». «Трое суток, – рассказывал будущий протоиерей В.М. Полянский, которому в 1812 г. было 16 лет, – Москва после неприятельского грабежа была выдана грабежу своих, но по истечении этого времени появившаяся в городе полиция и казаки стали все приводить в порядок и хватали воров»³.

«Лишь только они [французы. – В. З.] ушли, начали свои грабить, и те что в городе оставались, да и соседние крестьяне явились на поживу. Целых три дня грабили нещадно (...)», – вспоминал А.Д. Сысоев, выходец из купеческого сословия. «А другие, – продолжал он далее, – безо всякой совести, на все бросались; да уж хоть бы брали, что могли, а не истребляли бы даром чужого добра. Много его погибло без всякой пользы. Я видел как на Мясницкой с верхнего этажа дома Салтыкова выбрасывали мебель. Она разбивалась о мостовую, и крестьяне увозили столы и стулья без ножек»⁴. Священник А.Н. Лебедев, вспоминая о событиях в Зарядье, писал, что имущество было разграблено «налетевшими как саранча (...) мужиками». «Из этих грабителей были такие умелые, которые быстро находили и все то, что было

---

¹ Наиболее убедительное описание этого эпизода можно найти у д'Изарна (Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1440). Бенкендорф в своем письме генерал-майору М.С. Воронцову от 14 октября (ст. ст.) только написал: «Около трех тысяч раненых французов взбунтовались; они разоружены и накормлены...» (Записки Бенкендорфа. С. 186).

² Записки Бенкендорфа. С. 79.

³ Толычева Т. Указ. соч. 1912. С. 46. Д'Изарну показалось, что уже 24 октября, т. е. на следующий день после вхождения передовых русских войск, ситуация стала меняться: «Наконец, в субботу утром явился полицейстер г. Гельман; тогда все вздохнули свободнее, и порядок начал восстанавливаться» (Изарн Ф., де. Указ. соч. Ст. 1439).

⁴ Толычева Т. Указ. соч. 1872. С. 15.

зарыто москвичами в землю на дворах, по погребам. Увозилось ими все, и мелкое и крупное, не пренебрегали и книгами (...)»¹

В сущности, первые дни после выхода армии Наполеона из Москвы удивительно напоминали канун оккупации первопрестольной: отсутствие властей обрекало город на произвол городских низов, раненых и «мнимораненых» солдат, и окрестных крестьян. Жертвами грабителей и насильников становилась добропорядочная публика из числа чиновников, купцов, мещан и «московских иностранцев». Возвратившиеся в Москву после оккупации русские власти долго не могли навести порядок. Первым делом прекратив грабежи со стороны крестьян и московского люда, власти стали выявлять «крамолу»: арестовывать сотрудничавших с оккупационными властями и составлять списки «выехавших вместе с французами». В первом такого рода списке среди 51 фамилии значились, наряду с «московскими иностранцами», «Иван Гаврилов, калмык, вечноцеховой», две мещанские девицы Прасковья и Пелагея Клушниковы, московская купчиха Варвара Иванова². Немало в числе заподозренных как в сотрудничестве с неприятелем, так и в грабежах и воровстве оказалось среди полицейских.

В течение длительного времени в Москве упорно циркулировали слухи о злоупотреблениях российских властей и даже о возвращении Наполеона! Поэтому Ф.В. Ростопчину и его окружению пришлось преследовать и тех, кто, по их мнению, эти слухи распускал. В апреле 1813 г. «за разглашение пустых и нелепых слухов» были высланы в Вологду военные чиновники отец и сын Газо, оставленные отступавшими при больших французских солдатах³. Был задержан в июле 1813 г. гренадер Денисов «за распространение ложных слухов о прибытии в Москву французов»⁴. Был арестован рядовой Брестского «мушкетерского» полка Григорий Буфетов, который, как оказалось, «вместе с французами разбивал кладовые Почтамта и делал разным чиновникам насилия»⁵. В конце 1813 г. был отправлен в «Железненский гарнизон» некто Артемьев, «цеховой», который «обращаясь в пьянстве, перевозносил в трактире похвалами Наполеона, порицал правительство и желал, чтоб французы опять пришли в Москву»⁶. Удивительная вещь: многие русские, только что пережив

---

¹ Бумаги, относящиеся... Ч. 3. С. 259.

² Там же. Ч. 2. С. 35–38.

³ Там же. Ч. 1. С. 157–158.

⁴ ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8. Д. 564.

⁵ Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 126.

⁶ Там же. С. 159.

ужасы войны и вражеской оккупации, мечтали о возвращении Наполеона в российскую столицу!

Так завершилось пребывание Великой армии в Москве. Захват русской столицы не оправдал надежд Наполеона. Пережив пожар Москвы и столкнувшись с нежеланием Александра и русского командования вести переговоры о мире, французский император решил отплатить русским «той же монетой». Он демонстративно и безжалостно попытался уничтожить все или почти все, что еще оставалось в русской столице после пожаров и разграбления. Этот шаг, вызванный раздражением и отчаянием, приведет в дальнейшем к не менее жестокой мести со стороны русских по отношению к солдатам отступающей и умирающей в России Великой армии Наполеона. И все же... В 1814 г. русский император Александр I не допустит разрушения французской столицы. Военный историк М.И. Богданович скажет об этом так: «Разорение Кремля, совершенно бесполезное для Наполеона, послужило бы к вековому ожесточению Русских против Французов, если б взаимная вражда обоих народов не была укрощена благодушием Того, Кто отмстил за зло, нанесенное Москве спасением Парижа»¹.

Подведем итоги. Опыт межкультурных контактов в период нахождения армии Наполеона в Москве стал наиболее показательным и наиболее емким в плане насыщенности событиями этапом великой эпопеи 1812 года. Еще накануне сдачи Москвы русскими войсками грядущая оккупация первопрестольной выявила серьезные различия в действиях разных групп московского населения. Если верхи общества стремились город покинуть, оставив свою челядь для охраны имущества, то представители средних слоев, включая иностранцев, далеко не все могли это себе позволить. Их задерживала в городе, прежде всего, необходимость сберечь дом и скарб, но также и семейные обстоятельства, а нередко чувство профессионального и общественного долга. Еще менее имел возможности, а то и желания выехать из русской столицы простой люд, низы, настроения которых быстро менялись от патриотической экзальтации, соединенной с пьянством и грабежами, до открытой враждебности к предавшим их власти и «господам». Особую категорию составляли больные и раненые русские солдаты, часть из которых, будучи нетранспортабельными или просто «забытыми» и оставленными на произвол оккупантов, должны были смириться с жестокостью своей судьбы либо, имея возможность передвигаться, заняться разбоем и мародерством.

---

¹ Богданович М.И. Указ. соч. С. 22.

Действия московского градоначальника были во многом обусловлены стремлением воздвигнуть непреодолимую преграду между подошедшими к Москве солдатами Европы и теми, кто оставался в первопрестольной.

Действительно, грандиозный пожар, начавшийся вечером 14 сентября, и соединенные с ним грабежи и насилия расстроили завязывавшиеся было контакты между оккупантами и местным населением. Только по прошествии нескольких дней ситуация стала меняться. Диалог между оккупантами и жителями возобновился. Наряду с чисто прагматическими целями, предопределившими действия оккупационных властей (стремление вступить в переговоры с Александром I, снять с себя ответственность за пожар, обеспечить себя продовольствием и другими ресурсами), важную роль в их поступках играли и чисто гуманистические факторы, связанные с человеческим сопереживанием. Что же касается москвичей, то большинство из них было озабочено в первую очередь проблемой выживания и сохранения, если это было еще возможно, хоть какого-то имущества. Впрочем, среди них нашлось и немало таких, кто в этих обстоятельствах ухватился за удобную возможность обогатиться. Основную массу этих последних составили люди из уголовной среды и городских низов. Но нашлись подобные и среди русского (купец 3-й гильдии И.П. Позняков, создавший целую грабительскую сеть) и нерусского (Розенштраух, обогатившийся за счет скупки асигнаций) купечества.

Наиболее успешный контакт в «классический период» оккупации (то есть после окончания большого пожара и прекращения санкционированных Наполеоном «официальных» грабежей) между наполеоновскими войсками и москвичами возникал между людьми близкого социального и культурного уровня, причем вне зависимости от того, к какому социуму и культурному слою (более высокому или более низкому) они принадлежали. Существенная разница заключалась в целях и последствиях такого рода контакта. Если в высших и средних социальных слоях это взаимодействие приводило хотя бы к частичному возвращению к нормальному функционированию общественных связей, то в низших слоях – к организации совместных акций криминального и полукриминального характера.

В любом случае тот кратковременный период кросс-культурного диалога, пришедшийся на время наполеоновской оккупации Москвы, дал для многих европейских народов, в особенности русского и французского, богатейший опыт, определивший на десятилетия и даже столетия особенности процессов самоидентификации, межнационального и межгосударственного взаимодействия.

Глава 3

ВОЕННОПЛЕННЫЕ АРМИИ НАПОЛЕОНА В РУССКОМ ПЛЕНУ: ОПЫТ УРАЛА

Военные действия, как правило, не располагают к установлению долговременного контакта между оккупационными властями и местным населением. События 1812 года не были в этом плане исключением. Более или менее длительный период общения между чинами армии вторжения и жителями России наступил только после окончания военных действий, когда солдаты Наполеона из захватчиков превратились в военнопленных и в большинстве своем оказались за пределами регионов, где происходили боевые столкновения. Как теперь происходил обмен «социокультурными смыслами» и какой отпечаток события этого периода оставили в культурной памяти России и стран, чьи солдаты оказались в русском плену, мы рассмотрим на примере глубинного региона Российской империи – Урала.

3.1. Французские пленные и первая уральская забастовка

Западноевропейская читающая публика получила возможность сформировать достаточно полное представление об Урале уже в XVIII в.¹ В начале XIX в. в политических, военных и интеллектуальных кругах Западной Европы интерес к уральскому краю заметно усилился. Начиная с 1810 г., когда Наполеон начал серьезную подготовку к предстоящей войне с Россией, французская разведка смогла аккумулировать многочисленные сведения не только о западных и центральных губерниях Российской империи, но и об уральском крае. Среди множества бумаг, которые были захвачены русскими войсками во время отступления Наполеона, оказался массивный рукописный фолиант под названием «Статистический очерк Российской империи», о котором мы уже упоминали во введении.

---

¹ Ярким примером подробного описания Уральского края может служить работа П.С. Палласа, вышедшая в 1768–1773 гг. Еще ранее, в 1751–1752 гг., было издано «Путешествие по Сибири», а в 1747–1769 гг. – «Флора Сибири» И.Г. Гмелина.

Эта книга содержала самые разнообразные сведения и об уральском крае. Так, в общем обзоре авторы «Очерка» отметили, что «русское правительство расценивает Уральские горы в качестве естественной границы между Европой и Азией». Перечислялись отдельно губернии азиатской России: Пермская, Оренбургская, Тобольская, Томская и Иркутская, «которые носят общее название Сибирь». При характеристике Пермской губернии, например, указывалось, что она составляет 5954 квадратных мили, или 16 541 лье, и подразделяется на 12 уездов: Пермский, Кунгурский, Красноуфимский, Осский, Оханский, Соликамский, Чердынский, Екатеринбургский, Камышловский, Шадринский, Ирбитский, Верхотурский (в качестве 13-го уезда к этому списку был по не вполне понятной причине добавлен Киргишанский).

Авторы фолианта отдельно останавливались на описании Уральских гор (*les Montagnes d'Oural*), «которые образуют естественную границу Европы и Азии, разрезают Россию по всей ее ширине и протягиваются на более чем 300 миль или 500 лье». Была приведена даже этимология самого топонима: «Урал, на языке башкир и татар, означает центр земли. (...) Русские также (...) называют его еще Каменный и Земной Пояс (*Kamennoi et Semnoi-Poias*)». Далее следует почти «художественное» описание Уральских гор: «Основная часть этой огромной цепи, начинающейся между Каспийским морем, Аральским озером, расстилающаяся от Оренбурга до Перми, между Тобольском и Архангельском до Карского (*Karich*) залива, образуя Ледовитое море Павла (?), и разветвляясь разными образами на Восток и на Запад, замечательна». Имелись также многочисленные данные об Урале геологического и гидрографического характера: «Плато сформировано в основном гранитом, на склонах есть (...) кварцы и разные минералы, свойственные основным горным породам. Основа состоит из гравия, глины и из песка, но этот порядок не обязательно в точности такой. Возвышаются некоторые вершины. Павдинская имеет 6397 футов или 1060 туазов над уровнем Каспийского моря. Из всех гор России, эти горы Урала наиболее богаты. Они изобилуют прекрасными породами гранита или порфира (...) красивым кварцем, отборной нефтью, щебнем, точильным камнем, кремнем, кальцедоном, большими кристаллами горного хрусталя, топазами, прекрасными аметистами, хризолитами; в земле имеются залежи фарфора, жирной глины, железного шпата, змеевика, слюды, асбеста, изящного мрамора, гипса, плавикового шпата, минеральных масел, каменного угля. (...) Они богаты рудным золотом, серебром, медью, железом, которые прекрасно разрабатываются. В скалах имеются многочисленные пещеры, находящиеся на склонах. Сами горы покрыты лесом. Сверх того, замечательны в этой цепи

многочисленные водоемы, полные рыбой, и очень чистые. Главные водоемы и реки, которые там протекают, – Сосьва, Исеть, Уй, Тобол, Эмба, Урал или Яик, Белая, Чусовая, Кама, Печора, Большая (? – la Volchaïa)». В тексте также содержатся неполные и не во всем точные сведения о Северном Урале, «который занимает территорию от Ледовитого моря до реки Тавды», и к которому авторы отнесли также «цепь Новой Земли». Видимо, с целью придания этнического колорита имеется указание, что «Урал – это страна башкир (Bachire)». Наконец, отмечая культурное значение Урала, авторы вновь подчеркивали: «Урал, помимо прочего, сегодня является демаркационной линией между европейской цивилизацией и грубостью дикаря (l'homme sauvage)»¹. Нам не известно, был ли знаком сам Наполеон с этим фолиантом, но очевидно, что все эти сведения об Урале могли бы быть им востребованы в случае реализации «индийского проекта».

В первый раз солдаты армии Наполеона в качестве пленных оказались на Урале еще в 1807 г. в результате войны с Францией 1805–1807 гг. К тому времени относится и первая попытка использовать французских военнопленных для работы на уральских заводах². Партии военнопленных оказались в Пермской и Вятской губерниях. Однако в связи с подписанием Тильзитского мира их пребывание в крае оказалось очень краткосрочным.

Наступил 1812 год. К началу открытия военных действий на Урале проживало некоторое число выходцев из Франции и из других союзных с ней государств. Все они были подвергнуты местным начальством и полицией проверкам на предмет благонадежности. Судя по известным нам материалам, каких-либо дальнейших мер репрессивного характера к ним не применялось³.

---

¹ Essai de statistique de l'Empire de Russie // ОРРНБ. Ф. 961. Франция. FIV. № 160.

² Этот сюжет затрагивался ранее в публикациях А.А. Терехина и В.Н. Земцова: Терехин А.А. К вопросу о ссылке военнопленных в Прикамье // Вестник Пермского гос. пед. ун-та. Серия «История». 2002. № 1. С. 56–64; Земцов В.Н. Военнопленные армии Наполеона на Урале в 1812–1814 гг. // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. 2012. № 3 (41). С. 68–81; Он же. Военнопленные армии Наполеона на уральских заводах, или история о том, как русские дважды наступили на одни и те же грабли // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 101–114.

³ См., например, документы Воткинского железодельного завода о проверке помощника надзирателя лесов И.И. Эльсера «французской нации», чиновника В.А. Деза, также «французской нации» (Центральный государственный архив Удмуртской республики (далее – ЦГА УР). Ф. 212. Оп. 1.

В 1812 г. в ходе военных действий в русском плену оказалось примерно 110 тыс. человек, из которых уже к началу 1813 г. умерли более 60 тыс.¹ Для размещения военнопленных первоначально были назначены Астраханская, Пермская, Оренбургская, Саратовская и Вятская губернии. Позже стали размещать военнопленных и в других губерниях. Вместе с тем в связи с отдаленностью Пермской губернии в ноябре 1812 г. было решено максимально ограничить отправку туда пленных. В целом же в уральских губерниях в 1812–1814 гг. больше всего военнопленных оказалось в Вятской (к октябрю 1813 г. – 1954 человека, позже их число возросло до 5851), затем – в Оренбургской (на февраль 1813 г. – 1583 человека; затем их число увеличилось, среди них находились: 4 штаб-офицера, 167 обер-офицеров, 1663 нижних чинов, 41 дезертира и 2 женщины. Через Оренбургскую губернию также прошли, направляясь в г. Ишим Тобольской губернии, не менее девяти партий пленных поляков общим числом в 1586 человек)². Менее всего пленных было в Пермской

Д. 407, 753, 984), а также документы «разбора иностранцев» по Екатеринбургским заводам (Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 33. Д. 196).

¹ См.: Бессонов В.А. Военнопленные Великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2001; Он же. Численность военнопленных 1812 года в России // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2002. С. 18–34.

² Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. С. 29–33. См. также: Бессонов В.А. Военнопленные 1812 г. в России // Военнопленные армии Наполеона в России. 1806–1814. СПб., 2012. С. 112–114. Динамику численности военнопленных, а также их национальный состав применительно к г. Орлову Вятской губернии попытался проследить Г.Е. Суворов (Суворов Г.Е. Вклад города Орлова и Орловского уезда Вятской губернии в победу России в Отечественной войне 1812 г. // Вклад Вятской губернии в победу России в Отечественной войне 1812 года. Международная научно-практическая конференция. Киров, 6–7 сентября 2012 г. Киров, 2012. С. 41–49), применительно к г. Елабуге той же губернии – Ф.Х. Валитова (Валитова Ф.Х. Пленные французы в Вятской губернии и г. Елабуге в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2005. С. 264). Вопреки общему положению о препровождении поляков на Кавказскую и Сибирскую линии, часть из них в качестве пленных осталась и на Урале, к примеру в г. Мамлыж Вятской губернии (см., например: Хомченко С.Н. Незадачливый спаситель Отечества, или Как один мещанин польский бунт усмирал // Отечественная война 1812 г. и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2009. С. 187–191).

губернии. На 15 февраля 1813 г. в Перми и ее окрестностях оказалось 225 военнопленных, включая трех обер-офицеров¹. В дальнейшем их присылка сюда должна была быть остановлена. Однако в сентябре 1813 г. из г. Уржума Вятской губернии на Воткинский железоделательный завод, который находился на территории Пермской губернии, прислали еще одну партию военнопленных, которая пробыла здесь до октября 1814 г.²

Первые партии военнопленных на Урал, а именно в Оренбург, были отправлены уже в августе 1812 г., позднее – в Вятку, затем – в Пермь. При отправке военнопленных в дальние губернии (а все уральские губернии были таковыми) предписывалось снабжать их одеждой и обувью соответственно времени года. Так, для зимних переходов пленные нижним чином должны были выдать шапку, полушубок, кафтан, штаны, рубашку, онучи, рукавицы с варежками и лапти; офицеры, не имевшие одежды, снабжались наравне с нижними чинами, но вместо полушубков и кафтанов им рекомендовалось выдавать тулупы и шинели³. Как беспристрастно свидетельствуют документы, многое так и осталось на бумаге... Земский исправник Василий Лукин, который встречал партию пленных на границе Вятской губернии, докладывал губернатору следующее: «(...) пленные были в худой одежде и все почти нагие и босые, что по случаю холодного времени для них ощутительно. Поелику больных было более ста из общего числа партии 315 человек. Встретив их на границе Котельничской, я накормил таковых на станции Зыковской и, сколько можно собрав мужичьих шуб для прикрытия больных, отправил в город Орлов. От простуды почти у каждого из них болезнь сделалась. Касательно до одежды, как выше сказано, оные никакой почти не имеют – кто в лаптях, кто в рогоже, кто в зипуне и тому подобном худом весьма рубище»⁴.

Очевидно, что военнопленные несли в пути огромные потери. Так, в партии ополченческого подполковника Языкова, отправленной из Казани в Бузулук и Бугульму с 864 конвоируемыми, было «потеряно» по дороге 409 человек, а затем еще умершими «на месте» – 25. Оренбургский дивизионный доктор Пятницкий, освидетельствовавший в Бузулуке прибывшую с Языковым партию, написал так: «Жалостное состояние бедных военнопленных столь вели-

---

¹ Бессонов В.А. Численность военнопленных... С. 35. Приложение 1.

² См.: ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 458.

³ Бессонов В.А. Нормативные документы, определяющие содержание военнопленных в Российской империи в 1812 г. //Отечественная война 1812 г.: источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1999. С. 16–17.

⁴ Цит. по: Суворов Г.Е. Указ. соч. С. 41.

ко, что я не могу (...) одного изобразить, скажу только, что ни один из них, кроме изорванного мундира, ничем не одет, а обуви у редкого и лапти есть, многие уже обморозились». Шедших медленно конвойные погоняли палками как скотину, падавших также били палками¹.

Огромные потери были и в партиях, прибывших в конце января 1813 г. в Пермь. Автор летописи г. Перми учитель гимназии Ф.А. Прядильщиков писал, что привезенные в морозы, военнопленные являли собой жалкое зрелище: «Полумертвые от стужи и голода, несчастные почти не походили на людей. Одежда их состояла из ветхих мундиров-шинелей, едва прикрывавших наготу; обувью служили всякого рода обноски. Тут видны были представители разных европейских наций: французы, поляки, немцы, итальянцы, даже обитатели Пиренейского полуострова. Между старыми солдатами находились и юноши, только что преступившие предел отроческих лет»².

В целом, по данным на 15 февраля 1813 г., среди пленных, отправленных в Вятскую губернию, умерло 452 человека (из них 1 штаб-офицер, 5 обер-офицеров и 446 нижних чинов), в Оренбургской – 325, в Пермской – 23 человека (1 обер-офицер и 22 нижних чина)³.

При размещении военнопленных в трех уральских губерниях больше повезло тем, кто попал в Вятку и в Пермь – почти все они оказались в городах. Что же касается попавших в Оренбургскую губернию, то основная масса была отправлена по крепостям вдоль Оренбургской пограничной линии, в станицы и в деревни. Смертность военнопленных и на местах продолжала оставаться очень высокой.

Как жилось военнопленным, которым удалось избежать жестокой смерти в ходе конвоирования в далекие уральские края? Определенно можно сказать, что пленным офицерам жилось в этих краях неплохо, тогда как солдатам и унтер-офицерам нередко приходилось бороться за выживание (так, в Вятской губернии в 1812–1814 гг. умерло не менее 623 военнопленных; в Оренбургской скончалось не менее 331 человека; по Пермской губернии сведений нет).

Согласно официальным распоряжениям относительно содержания военнопленных, полагалось отпускать в сутки на продоволь-

---

¹ Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье. С.95.

² Урал в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. Свердловск, 1945. С. 27.

³ Бессонов В.А. Численность военнопленных... С. 36. Приложение 2; Он же. Военнопленные 1812 г. в России... С. 113–114.

ствии пленным нижним чинам 10 коп. и «обыкновенную дачу солдатского провианта» (а именно, в день 2,5 фунта ржаной муки (1,023 кг) и $\frac{1}{3}$ фунта крупы (0,136 кг); муку могли заменять печеным хлебом или сухарями, а крупу рисом, картофелем или другими овощами), дезертирам до получения паспортов – провиант и 15 коп., обер-офицерам – 1 руб., майорам и подполковникам – 2 руб., полковникам – 3 руб., генералам – 4 руб. и полным генералам – 8 руб. (отметим, что в уральских губерниях побывал в качестве военнопленного только один генерал – знаменитый Вандам¹), а проводникам – провиант и 25 коп. Порционные деньги в российских русских губерниях положено было выдавать медью². Все эти нормы должны были соблюдаться и при определении пленных на места постоянного пребывания.

О жизни пленных офицеров в Оренбургской губернии нам известно благодаря сохранившимся воспоминаниям по крайней мере двух человек: унтер-лейтенанта вестфальского 2-го гусарского полка С.Э. Рюппеля и су-лейтенанта 36-го линейного полка О. Белэ³. Хотя они и сетовали на то, что нередко вели «омерзительно монотонную жизнь, приемлемую лишь в отношении удовлетворения самых насущных потребностей»⁴, но в реальности очень даже неплохо были приняты дворянством всех тех городов, где они оказывались: Оренбурга, Уфы, Бузулука, Бугуруслана и Бирска. Так, 20-летний Рюппель был обласкан семьей г-на Племянникова, бузулукского помещика. В имении последнего, Покровском, Рюппель даже познакомился с Н.М. Карамзиным! В окрестностях Бугульмы прогулки и охота сменялись для Рюппеля танцами молодых служанок в народных костюмах под аккомпанемент балалаек. В одну из служанок по имени Вера Рюппель влюбился и всегда носил с собой ее локон и пуговицу.

---

¹ Вандам Доминик Жозеф Рене (1770–1830), дивизионный генерал, пленен в 1813 г., был отправлен в г. Вятку, куда прибыл 29 января (ст. ст.) 1814 г. и отбыл из Вятки во Францию 30 мая (ст. ст.) 1814 г.

² См.: Бессонов В.А. Военнопленные 1812 г. в России... С. 81.

³ Rüppell E. Kriegs gefangen im Herzen Rußland. Berlin, 1912; Beulay H. Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. P., 1907. Мемуары Белэ частично опубликованы на русском языке с комментариями В.А. Бессонова и А.И. Попова: Белэ О., де. Воспоминания гренадера Великой армии // Военнопленные армии Наполеона в России. С. 227–340.

⁴ Белэ О., де. Указ. соч. С. 273. Белэ признается: «В общем, материальные условия нашей жизни были таковы, что о большем мы не могли и мечтать» (Там же. С. 274).

Не менее счастливо жилось Белэ, его товарищу Ноказу и другим французским офицерам. Уфимский городничий Караулов и местные помещики не только устраивали бесконечные ужины и охоты для пленных офицеров, но и оспаривали между собой право пригласить их к себе. На прощание Караулов подарил французам карету, наполненную съестными припасами, водкой и французскими винами¹.

Военнопленным солдатам пришлось несравненно хуже. Солдат из Ганновера Х. Циммерман описывает, как он после тяжелого перехода, больной, оказался в одной из деревень Бузулукского уезда. Хозяева домов, в которых разместили пленных, всячески старались от них избавиться, особенно от больных. Иногда ночью они выносили больных и беспомощных на улицу, где те замерзали. Утром властям сообщали о смерти пленного, но причиной никто не поинтересовался. Однако Циммерман выжил и благодаря доктору Штобойсу, пруссаку по рождению, жившему в Бузулукском уезде, поправился и относительно неплохо устроился. Помимо всего прочего, Циммерман не только постарался овладеть русским языком, но и демонстративно крестился на иконы перед приемом пищи, показывая хозяевам-крестьянам, что он христианин².

Некоторые из военнопленных солдат изыскивали различные способы улучшить свое материальное положение. Были случаи, когда они пекли хлеб на продажу, изготавливали различные предметы быта, занимались врачевательством и даже предсказывали доверчивым крестьянам будущее по картам. Несмотря на то что пленные, в конце концов, обживались и сносно устраивались, они до конца плена так и не могли свыкнуться с грязью крестьянских жилищ, огромным количеством тараканов и других насекомых, а также с обычаем спать в холодное время года в одной избе с домашней скотиной.

Сохранился рассказ одного из жителей Соликамска, врача и писателя А.Г. Кашина, о том, как непросто пришлось двенадцати пленным французам, отправленным в этот город³. Около

---

¹ Пьер Ноказ (P. Noucaze) опубликовал свои мемуары анонимно (*Voyage d'un officier français, prisonnier en Russie, sur les frontières de cet Empire, du cote de l'Asie*. P., 1817). Авторство этой книги смог установить несколько лет назад С.Н. Хомченко.

² Zimmermann Ch.C. *Bis nach Sibirien. Erinnerungen aus dem Feldzuge nach Rußland und aus der Gefangenschaft 1812–1814*. Hannover, 1863. S. 16–44.

³ Кашин А.Г. Соликамск в 1812 г. и пленные французы // Пермские губернские ведомости. 1869. № 20–21. С. 3–14. См. также: Кашин А.Г. Материалы для истории Пермского края: Соликамск в 1812 г. и пленные французы. Пермь, 1912.

Михайлова дня (то есть 8 (21) ноября по православному календарю) в Соликамск привели 12 пленных французов, в пути погибло столько же. Вместо солдатского постоя стали разводить их по домам, но никто не принимал. Двух пленных солдат в сопровождении штатного солдата-переводчика поселили к 80-летней бабушке Марфе. Та поохала, но накормила их и налила водки, надеясь, что те будут «посмирнее». Кроме того, Марфа позвала ночевать к себе правнуков-мальчишек. За питьем водки солдат стал расспрашивать французов, где и как они воевали. На следующий день в доме возник конфликт между французами и солдатом, так как тотпил водку, а пленным наливать отказался. Французы схватились один за нож, другой за вилку. На шум в избу вошла внучка Марфы – 50-летняя Аграфена, бойкая баба. Она выхватила у француза нож и по очереди, захватив их в охапку, вынесла на крыльцо и бросила того и другого на землю. Солдат же, схватив свои вещи, выскочил из избы и убежал.

После этого случая городничий Отто Адамович приказал поместить всех пленных под соборную колокольню, а внуки Марфы собрали более 20 «малолетков» и договорились бить французов, где бы они ни повстречались. Была создана своего рода мальчишеская армия со своими «прапорными» и десятскими, заготовлены в разных местах улицы кучи камней, кольев и т. п. Около Филиппова дня (то есть 14 (27) ноября по православному календарю) гуляющих французов стали закидывать палками, камнями, те стали ловить обидчиков, таскать их за волосы, пинать. На следующем совете было решено нападать большими группами и отбивать своих. После десятка стычек французы уже не показывались на улице.

Когда французов вновь расселили по квартирам, мальчишки стали мстить их хозяевам за то, что те впустили, и начали выбивать в домах стекла. Городничий пытался остановить хулиганство, но «общественное мнение» было антифранцузским. В конечном итоге пленных пришлось перевести в село Красное, в 2-х верстах от города, поселив их в помещицьем доме Турчаниновых. Зима и морозы остановили «боевые действия».

В целом же очевидно, что наплыв огромного числа пленных в уральские губернии не мог не вызвать огромного беспокойства и даже испуга среди местного населения и заметной тревоги местных властей. «Градское общество, – писал городничий г. Нолинска Вятской губернии губернатору, – будучи в собраниях, имело рассуждения о том, что в здешнем городе находится военнопленных 351 человек. От такого многого количества людей общество живет

в вечном стеснении и опасности (...)»¹. «(...) В здешнем городе, – обращались 6 декабря 1813 г. исполняющий должность городничего г. Орлова С. Поклад и градской голова И. Синцов к Вятскому гражданскому губернатору фон Брадке с просьбой о выводе из города военнопленных, – квартируют военнопленных французов и итальянцев и других союзных с Францией держав подданных 237 человек. Сии люди по системе французской напоенные духом вольнодумства столько наконец стесняют граждан, что многие из них бедные готовы даже отступить от своих домов (...)»². Конфликты между военнопленными и местным населением были не редкостью. Помимо рассказа о событиях в Соликамске, имеются и другие свидетельства о многочисленных инцидентах. В г. Орлове Вятской губернии двое военнопленных (неаполитанец и итальянец) ранили ножом правую руку мещанина Симбирской губернии Михаила Маркина, а француз Жан Людеги ударил межевой палкой правящего должность городничего С. Поклада³. 7 сентября 1815 г., когда военнопленных из числа французов, отправленных уже на родину, но в связи с событиями «Ста дней», вновь стали возвращать в уральские губернии, при выступлении из Вятки в г. Слободском капитан Марселон Ниош, поручик Люи Лене и подпоручик Николай Резеч устроили драку со встретившимся им дворовым человеком советника г. Иванова. Началось с того, что при встрече с пленными дворовый человек «чинил оным неблагопристойные ругательства, каковыми и пленными ему ответствуемо было, человек же, не довольствуясь этим, вслед пустил в одного из пленных камнем, но, к счастью, мимо; пленные же сего не вынеся, настигши его несколько раз ударили, на произнесенный им крик выходил из дому г. Иванов для усмирения; причем якобы и его пленные поносили непотребными словами»⁴. Очевидно, живя ранее в Вятской губернии, французы усвоили многие русские «идиоматические выражения» и поэтому легко добились «взаимопонимания» с русским дворовым человеком. Таков был результат «межкультурной коммуникации» между французскими офицерами и уральским простонародьем.

Но насколько облагораживающим был, так сказать, обратный процесс: можно ли говорить о заметном позитивном воздействии носителей западноевропейской культуры на уральское население?

---

¹ Цит. по: Шарабаров П.Н., Бажанова Е.А. Проблемы взаимоотношения вятского населения и военнопленных Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 г. в региональной истории и историографии. С. 77.

² Суворов Г.Е. Указ. соч. С. 44.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 51.

Подобных примеров (по крайней мере, свидетельствующих о прямом влиянии) мы в источниках найти не смогли. Скорее наоборот. Белэ, к примеру, вспоминал, как русский священник г. Бирска наотрез отказался хоронить на кладбище лейтенанта Марешаля, который по неосторожности, прямо перед своим возвращением на родину, утонул в реке Белой. Его тело пришлось захоронить на пустыре¹. Французы, немцы и итальянцы продолжали оставаться для уральцев (исключение можно сделать только для узкого слоя «благородных») опасными чужаками, «нехристями», носителями неведомой и враждебной культуры.

Общее число военнопленных в России к началу 1813 г. составило примерно 50 тыс. человек, и на их содержание пришлось тратить астрономические суммы. Поэтому российские власти еще в декабре 1812 г. стали рассматривать вопрос о привлечении их к различного рода работам. При этом, как указывает Б.П. Миловидов, власти надеялись, что это произойдет на добровольных началах. Более того, привлечение квалифицированной рабочей силы из числа военнопленных, по мнению властей, должно было существенно способствовать хозяйственному развитию страны².

29 декабря (ст. ст.) 1812 г. император Александр I утвердил мнение Комитета министров, согласно которому для сокращения казенных издержек и облегчения положения военнопленных предполагалось использовать их в различных сферах хозяйства и для государственных нужд. На основе этого документа 7 февраля (ст. ст.) 1813 г. Департамент горных и соляных дел обратился к губернаторам с циркулярным предписанием выявить военнопленных, знающих различные мастерства, работавших на фабриках при горных заводах и рудниках и всех тех, кто происходил из герцогства Берг, для определения их на заводы и фабрики. При этом, согласно предписанию исполнявшего функции председателя Комитета министров С.К. Вязмитинова, военнопленным на заводах хребта Уральского должно было выплачиваться от 24 до 150 руб. в год. Сверх того, они обеспечивались провиантом.

Спрос на труд военнопленных оказался очень высоким. Так, по получении циркуляра Департамента горных и соляных дел, 29 марта (ст. ст.) 1813 г. горный начальник Богословских заводов сразу обратился к Пермскому гражданскому губернатору Б.А. Гермесу с просьбой отправить к нему 329 человек из числа военнопленных. Однако оказалось, что желание быть определенным в работы из числа военнопленных, прибывших в Пермь, выразили только два

---

¹ Белэ О., де. Указ. соч. С. 285.

² Миловидов Б.П. Использование... С. 164–165.

столяра, восемь плотников, два слесаря, один кузнец, один медик и один рудоплавщик. В связи с этим Гермес еще 27 февраля (ст. ст.) 1813 г. отправил соответствующую бумагу в Санкт-Петербург, прося утвердить это решение. Но ответа из столицы пришлось ожидать долго, тем более что уже тогда началось постепенное освобождение тех пленников, которые состояли в контингентах стран, разорвавших отношения с Францией¹.

И все же своеобразный опыт использования труда военнопленных на уральских заводах имел место. Началось с Воткинского завода. 22 марта (ст. ст.) Воткинская заводская контора запросила Департамент горных и соляных дел о возможности привлечь к работам столяра, сапожника, портного, каменщика, слесаря, бритвенного мастера, штукатура, кирпичного мастера, игольщика, художника (т. е. маляра), кожевника и печника из числа военнопленных французов, находящихся в Пермской и Вятской губерниях. После рассмотрения этого запроса Департамент горных и соляных дел «нашел, что действительно некоторые из них [военнопленных. – В. З.] с пользой употреблены быть могут по горным заводам»². Был составлен список, включавший военнопленных, годных к различным работам на воткинских заводах (плотников оказалось семеро, кирпичных дел мастеров и печников – по двое, кузнецов – шестеро, каменщиков и слесарей – по трое, столяров – четверо, токарей, седельников, гранильщиков, штукатуров, медников и рудоплавщиков – по одному)³.

Однако первые мастерские из числа французских военнопленных попали на Воткинские заводы только к началу октября. Их оказалось всего четверо. Согласно приказу управляющего Воткинским железодельным заводом, четверке военнопленных, поступивших из Уржума, было определено всего-навсего по два рубля в месяц и по два пуда провианта⁴.

Куда делись остальные мастерские? Оказывается, что когда 11 августа (ст. ст.) 1813 г. партия из 16 пленных мастеровых готова уже была отправиться к месту работы, плотник Блез Пари и слесарь Мишель Нарбут заявили, что своих ремесел они, оказывается, не знают! Вслед за тем и остальные 14 человек сообщили, что уже утратили навыки своих мирных профессий и «работать в заводах не хотят и идти за препровождением военной команды не соглашаются». В конечном итоге берг-инспектор Пермского горного правления

---

¹ Урал в Отечественной войне 1812 г. С.101–103.

² Письмо директора Департамента горных и соляных дел А.Ф. Дерябина в Воткинскую земскую контору // ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 458. Л. 18–18 об.

³ Там же. С. 19.

⁴ Там же. Л. 31–33.

П.Е. Томилов вынужден был отправить их на городские работы в Кунгур¹.

Что же четверо молодцов из Уржума? Прижились ли они на уральском заводе, удовлетворившись двумя рублями в месяц и двумя пудами провианта? На заводе вскоре стало ясно, что итальянец Амброзио в действительности никакого ремесла не знает, а трое других (французы Леш и Паскаль и итальянец Салля) отказались работать за ту плату, которая была установлена для русских мастеровых². 13 октября (ст. ст.) Воткинская заводская контора приняла решение о возвращении четырех пленных «французов» обратно в Уржум; 20 октября (ст. ст.) был запрошен на этот счет пермский бергинспектор³. 14 декабря (ст. ст.) Томилов сообщил Воткинской заводской конторе о решении вятского гражданского губернатора. Последний приказал уведомить четырех военнопленных о том, «что когда будут они уволены из сего завода, то им вторичной одежды дано не будет (...) и когда они и после сего не согласятся остаться в сем заводе, то отправить их в город Сарапул к тамошнему городничему»⁴. 22 декабря (ст. ст.) решение об отправке четырех мастеровых с Воткинского железодельного завода наконец-то было окончательно принято⁵, и в январе 1814 г., получив взамен провианта деньги, они отправились в Сарапул в распоряжение «тамошнего городничего».

С именем сарапульского городничего А.В. Дурова связана, пожалуй, самая «забавная», история, случившаяся с пленными французами на горнозаводском Урале. В начале 1813 г. в Сарапуле, уездном

---

¹ Там же. С. 37–38; Миловидов Б.П. Использование... С. 167–168.

² Важно отметить, что уже после того, как этих четверых военнопленных пришлось отправить из Воткинского железодельного завода обратно в Уржум 13 декабря (ст. ст.) 1813 г., Главная контора Гороблагодатских заводов сообщила, что согласно предписанию министра финансов, «жалование мастеровым из числа военнопленных могло быть от 24 до 150 рублей в год, с выдачею, сверх того, провианта» (ЦГА УР. Д. 458. Л. 36). Знала ли Воткинская заводская контора об этом ранее? Возможно, она руководствовалась предписанием Вязмитинова, в котором говорилось следующее: «...оповестить взять на заводы художников, мастеровых и работников из числа военнопленных за обыкновенную плату и содержание, какое получают работники мастеровые тех ремесел, к которым они употреблены быть могут» (см.: Список с отношения вятского гражданского губернатора к пермскому гражданскому губернатору от 3 февраля (ст. ст.) 1813 г. // Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 65. Оп. 4. Д. 81. Л. 51–51 об.).

³ ЦГА УР. Д. 458. Л. 38 об. – 39.

⁴ Там же. Л. 41–41 об.

⁵ Там же. Л. 43–44.

городе Вятской губернии, находились до 400 (!) военнопленных армии Наполеона. Андрей Васильевич Дуров, отец той самой кавалерист-девицы (!), решил извлечь из пребывания сей массы пленных, создавших для него немалые проблемы, хоть какую-то пользу. 22 января (ст. ст.) 1813 г. он пишет письмо крупному заводчику Всеволоду Андреевичу Всеволожскому, который жил в это время в Пожевском заводе, и предлагает воспользоваться случаем и принять на работу мастеровых людей из числа военнопленных. Дуров уверяет «батюшку Всеволода Андреевича», что расходы на содержание этих работников будут минимальными – по семи рублей в месяц, а пища – говядины фунт на каждого и порция вина. В заключение городничий просил «батюшку» Всеволода Андреевича за весельем и занятиями хозяйством его, «преданнейшего и искреннейшего» Дурова, не забывать¹.

Всеволожский, по-видимому, ничего не ответил на это письмо. Однако вскоре сарапульский городничий вместе с дочерью (поручиком Литовского уланского полка Александровым), приехавшей к отцу на излечение, и сыном Василием отправился через Пермь в Пожву, к В.А. Всеволожскому. Всеволод Андреевич встретил их радушно, поразил «герцогским» размахом своей жизни. Да и само заводское хозяйство не могло не восхитить гостей. Дело в том, что Всеволод Андреевич по смерти своего дядьки Всеволода Алексеевича стал владельцем поистине огромного состояния. В одной только Пермской губернии в его имении по 5-й ревизии (90-е годы XVIII в.) было мужского пола дворовых, мастеровых и работных людей и крестьян 10 314 душ (!), земли, леса, соляные промыслы, прииски, и пр., и пр.² При этом, женившись на Н.А. Бекетовой, в 1810 г. умершей, Всеволожский увеличил свое состояние до гигантских размеров. Будучи человеком беспокойным и деятельным, Всеволод Андреевич активно расширял производство, внедрял технические новшества. Пожевской завод, в котором он обосновался на несколько лет, был предметом его особой заботы. В те годы на нем было занято 876 мастеровых и 1647 приписных крестьян! Во время приезда на завод Дуровых Всеволод Андреевич с барского плеча подарил юному 14-летнему Василию выезженную английскую кобылу.

Стоит ли удивляться тому, что возвратившись в Сарапул и снова отправив свою дочь в мае 1813 г. в действующую армию, городничий вновь и вновь предлагает услуги своему благодетелю «батюшке Всеволоду Андреевичу». 22 сентября (ст. ст.) и 5 октября (ст. ст.)

---

¹ ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 356. Л. 1.

² См.: Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Т. 1. С. 390–391.

Дуров отправляет в Пожву одно за другим два письма, в которых убеждает Всеволожского принять на свой завод, казалось бы, дармовую квалифицированную рабочую силу. Всеволод Андреевич откликнулся, как можно понять, только 18 ноября (ст. ст.). Он наконец-то решил принять французских мастеровых на свой завод и выразил особую заинтересованность в мастерах по ковке ножей, вилок, ножиц, пил и «тому подобных вещей»¹. Дуров спешит составить регистр тем военнопленным, которые могли бы быть полезны Всеволожскому. Туда попали: четверо столяров, три живописца (маляра), один сапожник, два слесаря, один седельник и один каретник². Отправляя сей список, Дуров отписал, что эти «мастеровые военнопленные» – «все ребята молодые, делают ножи столовые и вилки». Он просил Всеволожского прислать за ними своего человека, который бы доставил военнопленных вначале в Соликамский земский суд, а уже оттуда – «к Вам на завод доставить, ведь завод Ваш в Соликамском округе»³. Здесь следует напомнить одну деталь: Пожевской завод находился в Пермской губернии, тогда как мастеровые военнопленные должны были прибыть из г. Сарапула Вятской губернии.

Всеволожский, по-видимому, догадывался о сложностях, которые могут возникнуть у него в связи с этим. Но, уступая навязчивым предложениям Дурова, 12 декабря (ст. ст.) 1813 г. все же дал согласие на присылку мастеровых. Вместе с тем Всеволожский настоятельно просил у Дурова: дать военнопленным «для свободного житья у меня законные виды, дабы [неразборчиво] сомневаться в их безопасности и могу иметь право держать у себя нimalo не опасаясь преждевременного требования». Более того, в письме говорилось так: «Буде же паче чаяния, кто из них окажется к работам неспособным, то таковых я буду предоставлять обратно». Всеволод Андреевич просил также сарапульского городничего поискать среди военнопленных «стекольного мастера и другого умеющего варить на соляных заводах соль»⁴, а также передать послание Вятскому граждан-

---

¹ Всеволожский – Дурову. Пожевской завод, 18 ноября (ст. ст.) 1813 г. Черновик // ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 356. Л. 6–7.

² Там же. Л. 2.

³ Выписка из письма А.В. Дурова от 28 ноября (ст. ст.) 1813 г. // Там же. Л. 4.

⁴ Всеволожский – Дурову. 12 декабря (ст. ст.) 1813 г. Черновик // Там же. Л. 8–8 об.; Всеволожский – Дурову. 18 декабря (ст. ст.) 1813 г. // Там же. Л. 10–11.

скому губернатору Ф.И. фон Брадке, в котором сообщал «о желании принять мастеровых из военнопленных»¹.

12 декабря (ст. ст.) Всеволожский отдал приказ своему человеку Ивану Кабанову отправиться в Сарапул и доставить оттуда от городничего Дурова в Пожевской завод французских мастеровых, не забыв снабдить их «законными видами». На расходы Кабанову было выдано 100 рублей². К 20-м числам декабря (ст. ст.) 1813 г., проделав путь в более чем 220 верст, в холода, Иван Кабанов прибыл в Сарапул. Однако в обратный путь он отправился только через несколько дней, 23 декабря (ст. ст.)³: пришлось пережить страшные морозы и снабжать военнопленных необходимой одеждой. На 19 человек военнопленных пришлось купить шапки, рукавицы, вареги (варежки) и коты валенки (катанки). Дуров, желая услужить, дал Кабанову взаймы 200 рублей, дабы тот мог не только оплатить обновки для военнопленных, но и выдать каждому из них по 19 рублей, обеспечить питанием на время обратного пути и дважды в день – перед обедом и ужином – порцией вина. Помимо этого, сарапульский городничий «от себя» выдал каждому из военнопленных по 5 рублей, а «батюшке Всеволоду Андреевичу» отправил красной рыбки, присланной ему из Астрахани.

Денег, одолженных Дуровым Кабанову, не хватило! 29 декабря (ст. ст.), добравшись до села Рождественского, Кабанову пришлось взять в долг в земской конторе (?) еще 20 рублей⁴. И только 1 января (ст. ст.) 1814 г. девятнадцать пленных солдат армии Наполеона наконец-то были доставлены в Пожевской завод⁵. 5 января (ст. ст.) Кабанов составил отчет о приходе и расходе денег. Оказалось, что в общей сложности было потрачено 319 рублей 83 коп.!⁶ На следующий день Всеволод Андреевич пишет письмо Дурову, в котором благодарит его за доставленных к нему «мастеровых военнопленных и за одолжение человека моего двумястами рублями», которые, конечно, он готов возвратить городничему. «Равномерно благодарю Вас, – писал Всеволожский, – и за рыбу (...), которая употреблена с

---

¹ Текст этого послания см.: Там же. Л. 12.

² Там же. Л. 16–18 об. Сохранилась копия «билета», выписанного 22 декабря (ст. ст.) 1813 г. Дуровым на партию 19-ти французским военнопленным с приложением «регистра» (Там же. Л. 30 об.).

³ Дуров – Всеволожскому. Сарапул, 23 декабря (ст. ст.) 1813 г. // Там же. Л. 14.

⁴ Рапорт Кабанова. Село Рождественное, 29 декабря (ст. ст.) 1813 г. // Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ Там же. Л. 21–21об.

большим аппетитом»¹. Письмом от 20 января (ст. ст.) 1814 г. Всеволожский считал нужным уведомить Пермское горное правление о том, что «выписал из Вятской губернии из города Сарапула девятнадцать человек» из числа «военнопленных французов». К письму будет приложен их список².

28 марта (ст. ст.) 1814 г. Пермское горное правление уведомило Всеволожского о получении его письма и о том, что, поскольку завод состоит в ведении Соликамского земского суда, именно он и должен будет «печься о надзоре за пленными»³.

Между тем расходы на содержание прибывших мастеровых, которые еще и не начинали работать, продолжали быстро расти. По первоначальному подсчетам от 1 января (ст. ст.) 1814 г. на их содержание в месяц следовало отпускать 164 рубля 44 ½ копейки. Сюда входила стоимость ржаной муки, крупы, соли, масла коровьего на каши, мяса говяжьего и вина. Однако реальность оказалась еще более «накладной». 20 февраля (ст. ст.) 1814 г. при подсчете расходов на военнопленных (включая их переезд из Сарапула в завод, пошив «курточек с панталонами и шинелей», по две пары рубах, сальных свечей на освещение, «на дело квасу муки ржаной», обустройство постелей, на стряпуху, на дрова, на содержание рассыльного, и пр., и пр.), цифра вышла просто ошеломляющая – 1262 рубля 88 копеек!⁴

Но настоящие проблемы начались у Всеволожского в марте, когда «французские мастеровые» должны были, наконец-то, приступить к работе и внести свой вклад «в модернизацию» уральской промышленности. 23 марта (ст. ст.) 1814 г. пятеро французов после обеда отказались от выполнения работ! Этими забастовщиками бы-

---

¹ Всеволожский – Дурову. Пожевской завод, 6 января (ст. ст.) 1814 г. (в оригинале описка – «1813») (Там же. Л. 22).

² Там же. Л. 23–23 об. Первый список из 11 человек был составлен перед отправкой партии из Сарапула. Он включал: 4-х столяров (Домион Огюст, Дебоско Симон, Русель Мари, Бартеlemi), 3-х живописцев» (Лонье Пе, Русель Мари, Аршан Бу), сапожника (Ле Муен), 2-х слесарей (Анри Бернади, Санжедни), одного седельника и каретника (Рино). Список из 19 человек, реально доставленных в Пожевской завод (без указания профессии) был таким: Домион Огюст, Дебоско Симон, Русель Мари, Лямуй, Асен (?), Килеори, Леонард Лиевр, Лонье Пе, Феррари, Лоти, Пюн(к)ель Пьер, Анри Бернаби, Синаеж(дни), Антуаль Доминик, Рино, Бартеlemi, Алексис Крибус, Фикт (?), Алес Батист (Там же. Л. 23 об.). Помимо путаницы в написании французских имен, очевидно, что кто-то из 11 человек первого списка в последний момент отказался от работы в Пожевском заводе.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Там же. Л. 27–28.

ли Дебеско Симон, Бартелеми, Русель Мари, Лонье Пе, Алес(о) Батист¹.

24 марта (ст. ст.) правление Пожевского завода приняло решение отправить этих пятерых, «невоздержанного и притом ослушного поведения», в Соликамский нижний земский суд, так как их «между мастеровыми иметь никак невозможно»².

Оставшиеся на Пожевском заводе 14 человек, отличавшиеся, по видимому, более смирным поведением, поработали тоже недолго. 8 июня (ст. ст.) 1814 г. Дуров, получив приказ (скорее всего, из Вятки) о том, что «по воле государя военнопленные отправляются в свое отечество», вынужден был выписать билет для свободного пропуска французов, живших в Пожевском заводе. Они должны были быть отправлены «обратно до Сарапула» «без малейшего задержания и остановки»³. Оттуда Дуров должен был доставить их в г. Орлов Вятской губернии.

19 июня (ст. ст.) 14 французов, находившихся в заводе, были отправлены в Сарапул. Примерно тогда же из Соликамска также в Сарапул двинулись и пятеро наказанных ранее забастовщиков. Дуров, видимо не будучи об этом уведомлен, 23 июня (ст. ст.) в панике пишет Всеволожскому, что губернатор его бранит и умоляет Всеволода Андреевича отправить пленных поскорее⁴.

Однако и после того как все французские «гости» оказались в Сарапуле, страдания местного городничего не закончились. 30 июня (ст. ст.) 1814 г. некто Минюхин (вероятно, человек Всеволожского) представил в Главное правление Пожевского завода рапорт, в котором сообщил, что «французы по приезде сюда [в Сарапул. – В. З.] оказали здесь совершенное буйство». Во-первых, они не захотели идти на лодках (как то планировал, отправляя их в Орлов, Дуров), утверждая, что это чрезвычайно опасно. Во-вторых, они потребовали выдачи им харчевых денег на дорогу, утверждая при этом, что они были уже обижены, так как им «не дано харчевых». Городничему, который, судя по всему, испугался, что вся эта история может дойти до начальства, распорядился отправить бывших военнопленных сухопутным путем на подводах (что было значительно более затратно, чем по воде) и выдал им 50 рублей, дабы «удовлетворить их алчность»⁵.

---

¹ Там же. Л. 31.

² Рапорт правления Пожевского завода в Соликамский нижний земский суд. 24 марта (ст. ст.) 1814 г. (Там же. Л. 32–32 об.).

³ Там же. Л. 34.

⁴ Там же. Л. 45.

⁵ Там же. Л. 39–40.

Наиболее громкая история, связанная с неудачными попытками использовать труд военнопленных, произошла на Холуницких заводах Вятской губернии¹. Владелец этих заводов А.И. Яковлев, испытывая катастрофическую нехватку работников, выразил готовность принять большое количество военнопленных, и к апрелю 1813 г. здесь их оказалось уже 250 человек. Прибывшие на заводы пленные оказались в тяжелейших условиях труда, которые были нормой для «посессионных крепостных» и даже вольнонаемных работников уральских заводов. Уже в середине мая 1813 г. часть военнопленных попыталась уйти с завода, но была остановлена присланными сюда казаками, которые применили силу. Однако 6 июля (ст. ст.) 1813 г. начались побег с явкой к городничим в г. Вятку или г. Слободской. Вятский гражданский губернатор Ф.И. фон Брадке попытался выяснить причину беспорядков и приказал исправнику Лунину произвести опрос пленных, а затем и главноуправляющего заводами Е.В. Ваганова и его помощников. Оказалось, что в отношении пленных применяли физические наказания и задерживали плату. Вместе с тем вскрылось, что и пленные, со своей стороны, были замечены в пьянстве и в избиении крепостных малолеток. Исправник Лунин докладывал фон Брадке, что военнопленные, находящиеся в заводе, заведуют живущим в городе, беспрестанно самовольно уходят, работ надлежаще не исполняют, дерутся с жителями, по заводу ходят с прутками «и никаким запрещением не внемлют»². Несмотря на приезд на заводы лично самого фон Брадке, беспорядки продолжались. 18 августа (ст. ст.) 1813 г. все пленные, находившиеся в Чернохолуницком заводе, «объявили, что они работать не будут». После этого заводская контора сдалась. Вятскому губернатору сообщили, что, не видя «никакой благонадежности кроме навлечения неудовольствие» и «что в заводских мастеровых, взирая на поступки военнопленных, легко может последовать расстройство», контора военнопленных «содержать при заводах более не согласна»³.

Однако оказалось, что избавиться от военнопленных теперь не так-то просто, да и заменить их на заводах некем. Поэтому хотя большая часть пленных была с заводов отправлена (на начало января

---

¹ Этот сюжет освещен в великолепной статье С.Н. Шулякова (Шуляков С.Н. Военнопленные наполеоновской армии в российской промышленности на примере Холуницких заводов Вятской губернии // Вклад Вятской губернии... С. 69–89).

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 82.

1814 г. на заводах находилось 23 военнопленных, по-видимому, из «первых партий»), постепенно сюда стали поступать новые пополнения, причем на иных, значительно более благоприятных для работников условиях. В январе 1814 г. поступает партия в 20, затем в 11, в феврале – в 62 человека, в апреле – в общей сложности 69 человек, в мае и июне – 85. По подсчетам С.Н. Шулякова, на начало июня 1814 г. на Холуницких заводах могло находиться 268 человек¹. А далее... началась их отправка на родину.

Так закончилась история, связанная с тщетными попытками воспользоваться, казалось бы, дармовой рабочей силой на горных заводах Хребта Уральского. Главная причина неудачи этих попыток заключалась, конечно же, в том, что солдаты наполеоновской армии (которые все, по российской терминологии, были нижними чинами) оказались носителями совершенно иной, в отличие от простонародья казенно-крепостнической России, идеологии, иного мировосприятия и иного социального поведения. Низкая заработная плата, соединенная с внеэкономическим принуждением к труду, никоим образом, даже в условиях плена, не могла их устроить. Какого-либо заметного влияния (за исключением примера «непослушания и неповиновения» для уральских мастеровых и работных людей) на развитие уральской горнозаводской промышленности попытка использования труда военнопленных армии Наполеона не имела.

Имеются ли примеры использования труда военнопленных в других, помимо заводской промышленности², сферах? Материалы, которыми мы располагаем, относятся главным образом к Вятской губернии. Судя по всему, именно события на Холуницких заводах заставили гражданского губернатора фон Брадке 1 сентября (ст. ст.) 1813 г. предписать использовать военнопленных на «городовые ра-

---

¹ Там же. С. 84.

² Помимо вышеотмеченных примеров, известно, что 15 пленнх были отправлены на Чернореченский винокуренный завод Орловского уезда, 64 человека – в Павловский винокуренный завод в Слободском уезде и на Аштрасский также винокуренный завод в Яранском уезде – 60 человек военнопленных (Северюхин И.И. Из истории размещения и трудоустройства военнопленных наполеоновской армии в Вятской губернии после Отечественной войны 1812 г. // Отечественная война 1812 г. в региональной истории и историографии. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Киров, 1 ноября 2012 г. Киров, 2012. С. 271); 16 человек работало на Никулицком винокуренном заводе Орловского уезда (Суворов Г.Е. Указ. соч. С. 51). По-видимому, использовался труд военнопленных и при строительстве Кирсинских водохранилищ (Осколков Е. «Бывали у нас и шведы, и французы...» // Пермская новь. 1991. 6 июля.).

боты» для приведения общественных мест в «надлежащую исправность»; при этом платить пленным предлагалось «из городских доходов», одновременно сняв их с казенного содержания¹. В результате пленные приняли участие в строительстве колокольни при Покровской церкви г. Сарапула (рыли котлован для фундамента и укладывали туда бутовый камень), сооружали там же каменную ограду вокруг Воскресенского собора²; в самой Вятке военнопленных также привлекли «на городские работы» «по улицам Никитской и Спенчинской, близ острога по улицам Вознесенской, Здерихинской, Пятницкой», где они срывали земляной вал и отвозили землю «для засыпки ближайших оврагов и лощин, для открытия улиц к проезду во всю ширину оных»³. Всего в Вятке было привлечено к городским работам около 300 человек⁴.

Использование труда военнопленных в иных, помимо «градских работ», сферах в Уральских краях также имело место, но оказалось все же ограниченным. Имеются сведения об использовании дарований «живописца» Ипполита Дромерта в г. Колтельниче Вятской губернии, двух музыкантов (Жака Розефа и Пьера Баноля) в г. Слободском той же губернии. Возможно, что в г. Сарапуле местная благородная публика воспользовалась талантами одного музыканта, одного художника, одного учителя танцев и одного гувернера⁵. Одному из пленных – Леонарду Мишелю – было дозволено заниматься в Вятке преподаванием наук⁶. Ряд военнопленных поступил в услужение к частным лицам. Так, в Вятке пленные были в услужении у портного Сверяева, часового мастера Коршунова, в доме купеческих детей Машковцевых и у учителя Лорана, преподававшего французский язык в гимназии⁷. Без сомнения, особым «спросом»

---

¹ Шуляков С.Н. Указ. соч. С. 82.

² Валитова Ф.Х. 262; Осколков Е. Указ. соч.

³ Шинкарев М.А. «Пленные французские» на Вятке // Выбор. 1993. № 22. С. 11.

⁴ Северюхин И.И. Указ. соч. С. 270.

⁵ Шарабаров П.Н., Бажанова Е.А. Указ. соч. С. 79.

⁶ Валитова Ф.Х. Указ. соч. С. 262.

⁷ Северюхин И.И. Указ. соч. С. 269–270. Хорошо известно, что в 1812–1814 гг. в Вятской гимназии преподавал французский язык Франц (Яковлевич) Лоран, но был ли он из числа пленных, неизвестно. Что же касается француза (Евдокима Яковлевича) Эро (Геро), который также преподавал французский язык в той же гимназии в 1815–1817 гг., то он был «московским французом», сдавшим в Московском университете экзамен на право преподавательской деятельности еще в 1808 г., и высланным из «первопрестольной» в 1812 г. (См.: Дворецкая Т.А. Француз на русской службе: учитель Ев-

должны были пользоваться медики из числа военнопленных. Однако их познания, как правило, оказывались востребованными уже на начальных этапах плена. Поэтому применительно к уральским губерниям нам известны только два примера использования профессиональных способностей медиков: это хирург бельгиец Жан Батист Брюггеман из 36-го линейного полка, блестяще проявивший свои таланты в Бирске Оренбургской губернии¹ и некий безымянный штаб-лекарь, принятый в Слободской лазарет².

Уже весной 1813 г. начался процесс освобождения военнопленных: в мае 1813 г. из Вятки были отправлены 13 австрийцев, в ноябре–декабре того же года из Вятки выехали два штаб-офицера, 104 обер-офицера, 393 нижних чина, две женщины и т. д. Позже всех – в октябре 1814 г. – стали освобождать из уральских губерний французов. Причем в связи с возвращением к власти Наполеона в период «Ста дней» поступило повеление возвратить обратно тех пленных французов, которые еще не выехали за пределы России. Так, в сентябре 1815 г. в г. Орлове Вятской губернии оказалась партия в 122 нижних чина и 15 офицеров, присланных из Пскова. Впрочем, в январе 1816 г. и они получили свободу. К этому времени в Пермской губернии военнопленных уже не осталось. В Оренбургской губернии оставался только один военнопленный – некто унтер-офицер Куртезио, сардинец на французской службе, живший до августа 1814 г. в Вятке. Там он в пьяном виде подрался с квартировавшим вместе с ним солдатом внутреннего батальона Табанаковым, который также был пьян, и ранил его ножом в бок. Куртезио прогнали дважды сквозь строй и отправили навечно на крепостные работы в Оренбургскую крепость. Однако по высочайшему повелению он был прощен и в феврале–марте 1816 г. выслан за границу³.

Сколько бывших военнопленных осталось на Урале? Начнем с Оренбургской губернии. Принять российское подданство в Оренбургской губернии выразили желание 40 человек, из которых 24 были французами, 5 – итальянцами, 4 – венграми, 4 – немцами, 1 – австрийцем, 1 – хорватом и 1 – испанцем. При этом как минимум 12 человек из этих 40 пожелали вступить в Оренбургское казачье

доким Эро в Вятской ссылке // Краеведение в развитии провинциальной культуры России. Киров, 2009. С. 219–227).

¹ См.: Белэ О., де. Указ. соч. С. 269–270; и др.

² Шарабаров П.Н., Бажанова Е.А. Указ. соч. С. 79.

³ Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье. С. 51.

войско¹. Имена некоторых французов, ставших оренбургскими казаками, привел в своей публикации в 1892 г. П. Юдин: А. Берг, Ш.Ж. Бушен, Ж.П. Биньелон, А. Виклер, Э. Ланглоа. Причем известны случаи, когда некоторые военнопленные, находившиеся в других регионах, специально переезжали в Оренбург и становились казаками. Так, к примеру, произошло с французами Бацем и Вослером, перебравшимися сюда в 1814 г. из Казанской губернии. Значительно позже, в 1829 г., еще один бывший военнопленный француз – Дезире Дандевиль – также перебрался из Казанской губернии в Оренбург, где был принят в Николаевское военное училище на должность учителя французского языка.

Нашлись также французы, пожелавшие остаться и в других регионах Урала. Однако их оказалось немного. Сколько? Предварительный ответ на этот вопрос можно дать благодаря недавно обнаруженному Б.П. Миловидовым алфавитному списку военнопленных, оставшихся в России, предположительно на 1819 г. (в любом случае между 1816 и 1826 гг.)². При исключении повторов в списке оказалось 1413 взрослых мужского пола, 34 женщины и 11 детей. Несмотря на некоторые пробелы в этом реестре, список может являться основой для создания общей картины применительно к оставшимся в России военнопленным Великой армии. Мы сделали выборку применительно к трем уральским губерниям. Результаты оказались следующими:

---

¹ Юдин П. Из прошлого. Французы-казаки // Оренбургские губернские ведомости. 1892. № 32; Иванов К.В. Французы-казаки // 185 лет Отечественной войне 1812 года. Самара, 1997. С. 91–95. Данные сведения, появившиеся в конце XIX в. в публикации П. Юдина и в конце XX века воспроизведенные К.В. Ивановым, до сих пор не подтверждены архивными документами (Благодарим С.Н. Хомченко за эту справку).

² Алфавит военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 года (Публикация Б.П. Миловидова) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. (Труды ГИМ. Вып. 183). М., 2010. С. 280–338. Общий вывод автора заключается в том, что «большинство пленных после завершения наполеоновских войн вернулись на родину. В связи с этим говорить о сколько-нибудь продолжительном влиянии пленных наполеоновских солдат и офицеров на российское провинциальное общество невозможно» (Там же. С. 278).

Б.П. Миловидов полагает, что несколько имен бывших военнопленных, оставшихся в России, в алфавит не попали. Применительно к Уральским губерниям это Аркадий Александров сын Бетнеров, служивший доктором в 3-м гвардейском уланском полку, попавший в плен в Бородинском сражении, принявший присягу на подданство России и живший в 1817 г. в г. Мензелинске Оренбургской губернии.

Таблица 1

Фамилия, имя	Подданный	Где присягнул	Примечание
Батист Парен	французский	Вятка	Сарапульский мещанин
Бриад	французский	Оренбург	Бузулукский крестьянин
Биго Жан	французский	Оренбург	Оренбургский мещанин
Бутьи Франсуа	французский	Оренбург	Бузулукский мещанин
Блажевский Станислав	поляк	Тобольск	Курганский мещанин
Вослер Мишель	французский	Казань	Оренбургской губернии Бугульминского уезда в пахотных солдатах
Винетий Франц	Австрийский из Павии	Вятка	Слободской мещанин
Верли Яков	немец	Оренбург	Оренбургский мещанин
Вейдель Ян	венгерский	–	Бугурусланский мещанин
Вереш Стефан	–	–	Бугурусланский мещанин
Виор Жан Батист	итальянец	–	Бузулукский мещанин
Валенций Михайло	поляк	Тобольск	В Курганском уезде крестьянин
Гали Жан Пьер	–	Пермь	Кунгурский мещанин
Грановиц Григор	австрийский	Вятка	Уржумский мещанин
Гроб Жан Батист	итальянский	Оренбург	Бузулукский мещанин
Григорович Максим	–	Тобольск	В Туринском уезде кре- стьянин
Девиталь Рональд	итальянский	Оренбург	мещанин
Денисов Иван	–	Тобольск	Курганский мещанин
Жевруа Адриен	–	Пермь	Кунгурский мещанин
Жером Жан Батист	французский	Вятка	Сарапульский мещанин
Жанберд Франсуа	французский	Оренбург	Причислен по Бузулукско- му уезду
Кленер Франсуа	французский	Вятка	Яранский мещанин
Клод Пьер	французский	–	Яранский мещанин
Конт[з] Франсуа	французский	Оренбург	В Бузулукском уезде
Каляиш Максим	кроат	–	В Бузулукском уезде
Комон Батист	французский	–	Бузулукский мещанин
Ковалевский Роман	поляк	–	Курганский мещанин

Фамилия, имя	Подданный	Где присягнул	Примечание
Лорно Антон	–	Вятка	Вятский мещанин
Линденевич Филипп	поляк	Тобольск	Курганский мещанин
Марки Луи	тосканский	Пермь	Кунгурский мещанин
Моринц Павел	венгерец	Оренбург	Бугурусланский мещанин
Нассау Франсуа	французский	Оренбург	Оренбургский мещанин
Пожи Жан	Австрийский из Вене[ции]	Вятка	Вятский мещанин
Петько Павел	венгерский	Оренбург	Бугурусланский мещанин
Руане Франсуа	–	Пермь	Пермский мещанин
Ришон	французский	Вятка	Яранский мещанин
Старишинец Иван	–	Пермь	Пермский мещанин
Станкевич Маргин	австрийский	Вятка	Вятский мещанин
Сурмо Франсуа	французский	Оренбург	В крестьянском знании
Транги Ришар	–	Пермь	Пермский мещанин
Тал[яг]о Анто- ний	итальянец	Оренбург	Бугурусланский мещанин
Фротиний Андрей	–	Оренбург	В крестьянском звании
Шульц Франц	французский	Оренбург	Оренбургский мещанин

Точность представленных в таблице сведений подтверждается перекрестной проверкой по другим материалам. Так, в ЦГА УР хранится письмо от 8 июня (ст. ст.) 1814 г. сарапульского бургомистра Ф. Мартынова в Сарапульское духовное правление по поводу двух французских военнопленных, пожелавших принять российское подданство и записаться в число мещан г. Сарапула¹. Это – Батист Парен и Жером Жан Батист. Их имена действительно включены в «Алфавит...»². В то же время частое упоминание в современных публикациях о восьми пленных французах из числа находившихся в

¹ ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 3. Д. 87. Л. 48.

² Этих бывших французских пленников записали в число мещан г. Сарапула с местожительством в с. Галаново и правом организации своего дела. Их освободили на 10 лет от податей и рекрутской повинности, а также гарантировали свободу вероисповедания.

г. Орлове и пожелавших остаться в России с записью в мещане Оренбургской губернии в города Бугульму и Мензелинск, совершенно справедливо не находит подтверждения в «Алфавите...»: их просьба не была удовлетворена, так как «по Высочайшей воле прошения на подданство уже были запрещены»¹. И все же один вопрос остается невыясненным: если в Оренбургской губернии, по сведениям П. Юдина, пожелали принять (пожелали принять – еще не значит, что приняли) российское подданство четыре десятка бывших военнопленных, почему большинство из них не попало в «Алфавит...»? Нам представляется, что возможны два ответа на этот вопрос: 1. Данные П. Юдина в основе своей неверны. 2. В «Алфавит...» попросту не были включены те лица, которые были поверстаны в казаки, а большая часть тех, кто должен был быть причислен к другим состояниям, разрешения на принятие российского подданства так и не получили.

В целом очевидно, что желающих принять российское подданство, тем более поступить на военную службу, оказалось значительно меньше, чем предполагали власти. Так, 18 января (ст. ст.) 1813 г. земский исправник г. Глазова Вятской губернии доносил губернатору фон Брадке, что военнопленные приняли «повеление о приглашении их на нашу военную службу» «с надменностию, отозвались презрительно, что Российская служба по дисциплине и по числу жалования им не нравится, и потому никто желания своего вступить в оную не изъявил»².

3.2. Французские пленные на Урале: историческая память Европы и Уральского края

Одной из задач нашего исследования было выяснить, имела ли место и, если имела, то в каких формах, фиксация образа солдат армии вторжения в исторической памяти россиян и образа России – в исторической памяти западноевропейцев. Полагаем, что даже те материалы, которые относятся к уральскому краю, где пребывание военнопленных в 1812–1816 гг. было кратковременным, а в Пермской губернии в численном отношении достаточно скромным, уже дают подобную возможность.

Несмотря на то что уральские губернии были тыловыми, факт появления здесь военнопленных из армии Наполеона оставил по себе настолько глубокую память, что и по сию пору встречаются уральцы,

---

¹ Цит. по: Суворов Г.Е. Указ. соч. С. 52.

² Валитова Ф.Х. Указ. соч. С. 262.

ведущие свою родословную от пленных французов – настоящих или мнимых¹. Но наиболее распространенными на сегодняшний день утверждениями (впрочем, весьма сомнительного свойства), которые активно циркулируют в публикациях различного характера, являются следующие.

Во-первых, продолжают бытовать легенды о связи ряда местных топонимов с пребыванием на Урале иностранных военнопленных в начале XIX в.² Типичным заблуждением в этом плане является широко тиражируемое утверждение о том, что многие казачьи станицы, превратившиеся в дальнейшем в населенные пункты нынешних Челябинской и Оренбургской областей, получили «офранцузенные» названия по возвращении в родные места из заграничных походов казаков Оренбургского войска. Между тем практически все эти названия (Париж, Фер-Шампенуаз и др.) были даны только в середине XIX в. вновь образованным станицам в память о давних походах.

Во-вторых, сохраняется мнение о сотнях военнопленных бывшей наполеоновской армии, якобы пожелавших остаться на Урале. В свое время В.Г. Сироткин поддержал широко распространенную убежденность отечественной публики о значительном числе военнопленных, оставшихся в России³. Современные исследователи (прежде

---

¹ До сих пор широкое распространение в уральских краях имеет мнение о том, что целый ряд местных фамилий произошли от оставшихся здесь военнопленных армии Наполеона. Так, считается, что в Бугульминском уезде фамилия Юнкеров произошла от некоего Филиппа Юнкера, фамилия Жильцовых – от Ларжинца, Бацитовых – от Петра Баца; Сониных – от некоего Вилера Сонины. А вот фамилия Красноперовых г. Яранска – от Жозефа Рейза, который при крещении получил имя Николая Красноперова.

² В качестве примера можно привести широко бытующее мнение о том, что д. Мундоров в окрестностях г. Орлова Вятской губернии (ныне Кировской обл.) названа так потому, что «здесь на высоком, поросшем лесом берегу Вятки крестьяне нашли французский мундир», и это место получило название «мундиро», а после появления здесь починка оно видоизменилось в «мундоро». Эту легенду попытался «уточнить» местный писатель В.В. Шалагинов, который написал, что здесь с 1813 г. якобы жил пленный француз, по имени которого деревня и стала называться Мундиро. Историк Г.Е. Сидоров попытался проверить обе эти версии и пришел к выводу, что деревня возникла задолго до начала XIX в., а человека с похожим именем в списках военнопленных не было; более того, никто из них в деревнях за пределами г. Орлова не жил. (См.: Суворов Г.Е. Указ. соч. С. 55–56).

³ Сироткин В.Г. Судьба французских солдат в России после 1812 г. // Вопросы истории. 1974. № 3. С. 133; Он же. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 177–219; и др.

всего В.А. Бессонов и Б.П. Миловидов)¹ подвергли этот тезис обоснованным сомнениям. Мы попытались проверить подобное утверждение применительно к Уральскому региону, о чем написали в предшествующем параграфе этой главы.

В-третьих, в отечественной литературе говорится о широком использовании труда военнопленных на различного рода работах, в том числе даже при строительстве уральских заводов², и, как следствие, о заметном вкладе бывших солдат армии Наполеона в развитие уральского края³. Этот тезис мы также уже подвергли сомнению.

В-четвертых, нередко наблюдается явная тенденция к идеализации жизни военнопленных на Урале и их взаимоотношений с местным населением. Так, к примеру, П.Н. Шарабаров и Е.А. Бажанова в подтверждение своей идеи о «взаимопроникновении культур» не нашли ничего лучшего, как написать, «что французы научили местных жителей некоторым ремеслам, например плетению корзинок из соломы»⁴.

Не менее интересно и не менее мифологично отражено пребывание на Урале военнопленных армии Наполеона в исторической па-

---

¹ См.: Бессонов В.А. Военнопленные Великой армии 1812 года в России; Он же. Численность военнопленных 1812 года в России.

² С.Н. Шуляков попытался недавно опровергнуть достаточно распространенное мнение о том, что Богородский завод, официальной датой постройки которого является 1814 г., строили «французские военнопленные» (Шуляков С.Н. Указ. соч. С. 85).

³ Так, И.И. Северюхин, говоря о проекте Комитета министров от ноября 1812 г. об использовании пленных для различного рода работ, голословно заявляет, что «реализация этого положения оказала существенное влияние на экономическую, общественную, культурную жизнь в Вятской губернии» (Северюхин И.И. Указ. соч. С. 269).

⁴ Шарабаров П.Н., Бажанова Е.А. Указ. соч. С. 79. Подобного рода «передержки», а то и откровенные домыслы, продолжают оказывать серьезное влияние и на глубокие исторические исследования. Так, Э.А. Цеглеев, предложивший в 2009 г. интереснейшую работу, в которой попытался показать многоплановую роль одной из уральских губерний в победе над Наполеоном, не нашел ничего лучшего, как заявить следующее: «Размещение военнопленных Великой армии в Вятской губернии оказало влияние на ее социально-экономическую жизнь. Военнопленные были задействованы в промышленности Вятской губернии. Одним из способов социально-психологической адаптации военнопленных на территории Вятской губернии было привлечение их к общественно-полезному труду» (Цеглеев Э.А. Участие вятской губернии в Отечественной и освободительных войнах 1812–1814 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киров, 2009. С. 13).

мнати народов Западной Европы и даже США. Начало этому положил талантливо сконструированный литературный миф¹. Благодаря фантазии двух французских авторов Ш.О. Барбару и Ж.А. Лардье в 1826 г. был рожден легендарный персонаж – сержант 9-го линейного полка Р. Гийемар, который оказался в Нижнем Тагиле и Черноисточинском заводе, с интересом и приятностью познавая до 1814 г. жизнь горнозаводского Урала². Согласно мемуарам, Гийемар попал в русский плен в ходе Бородинского сражения. После многонедельных переходов он в составе большой партии военнопленных прибывает в Пермь, «наиболее крупный город в Европе, который можно встретить на этом направлении». Город, продолжает мемуарист, «расположен в горном крае, составляющем часть Уральских гор, которые, однако, оказались ниже, чем мы предполагали, но именно они создают реальную линию разграничения между Европой и Азией».

Выехав из Перми, пленные, как можно понять, уже через полтора дня (!) оказались в Екатеринбурге, «очень красивом городе, с домами, крыши которых покрыты листовым железом, с Монетным двором и с государственной конторой для общего управления рудниками Перми, Казани, Оренбурга и Сибири». Примечательно, что в Екатеринбурге «никто вовсе и не думал о войне, будучи убежден, что она далеко», и жители города относились ко всем событиям с явным безразличием. Здесь, в Екатеринбурге, в соответствии с соглашением между «представителями короны» и «агентом г-на Демидова, одного из самых богатых людей в России»³, партия в 70 военнопленных была разделена на группы по 10 человек, которые были отправлены «на рудники этого могущественного производителе-

---

¹ Более подробный материал о «мемуарах» Гийемара см.: Земцов В.Н. Необычайные и удивительные приключения Робера Гийемара, сержанта 9-го линейного полка, или пленные французы в уральской глуши в 1812–1814 гг. // Уральский исторический вестник. №1 (18). 2008. С.116–125.

² *Mémoires de Robert Guillemard, Sergent en retraite: suivis de documents historiques, la plupart inédits, de 1805 à 1823.* P., 1826. Т.1–2; *Adventures of a French Serjeant, during his Campaigns in Italy, Spain, Germany, Russia, etc. from 1805 to 1823.* Written by Himself. L., 1826. P. VI, VIII; *Adventures of a French Serjeant, during his Campaigns in Italy, Spain, Germany, Russia, etc. from 1805 to 1823.* Written by Himself. Philadelphia, 1826; *Memoiren Robert Guillemard's verabschiedeten Sergenten.* Leipzig, 1827. Bd. 1–2; *The adventures of a French Serjeant, during his Campaigns in Italy, Spain, Germany, Russia, etc. from 1805 to 1823.* Written by Himself. L., 1898; etc.

³ Примечательно, что пленные, живя на Урале, так и не встретились с Демидовым, что вполне правдоподобно, так как Н.Н. Демидов только единожды, в 1809 г., посетил Урал.

ля железа». Будучи уже в Екатеринбурге, полковник Лаплан, в одной партии с которым оказался Гийемар, узнал, что «кузнечный завод» Нижнего Тагила, расположенный примерно в 10 лье¹ к северу, находится под управлением француза, и попросил отправить туда небольшую партию. 31 декабря 1812 г. пленные французы достигли Нижнего Тагила.

По приезде в Нижний Тагил французы были встречены «одним из мастеров кузницы», который в ожидании дальнейших распоряжений от своего начальства выделил им дом для жилья. На следующее утро пленные были «приятно удивлены приходом г-на Мазэна (Mazin), француза, помощника директора работ (directeur en second de l'usine)». В дальнейшем Мазэн неизменно покровительствовал пленным, в особенности полковнику Лаплану и Гийемару. Им был предоставлен русский слуга по имени Федор, и они были устроены «в очень хорошеньком небольшом теплом домике, находившемся рядом с церковью». Остальные пленные были первоначально поселены в здании при мастерских, где вскоре стали руководителями на отдельных участках работ.

Далее Гийемар дает описание Нижнего Тагила на р. Тагил, где находится железодельный завод. Река Тагил, как справедливо указано в мемуарах, «впадает в Туру, Тура в Тобол, Тобол в Иртыш, а Иртыш – в Обь». Этот завод принадлежит г-ну Демидову, «наряду с другими девятью железодельными заводами, расположенными возле него, где плавится руда, привозимая с Уральских гор». Центром демидовских владений является именно Нижний Тагил, откуда «исходят приказы для кузниц Салдинского, Выйского, Нижне- и Верхне-Лайского, Черного [то есть Черноисточинского. – В. З.] и других [заводов]». Река Тагил перекрыта плотиной и разливается в пруд, чья вода «приводит в действие многочисленные молоты и колеса вдоль длинной линии фабрик». «Здесь производятся разные железные изделия, такие как колокола, разного рода инструменты, железные котлы и т. д. С каждой стороны линии мастерских высятся дома, которые образуют завод (zavode)». Автор поясняет, что для множества домов вокруг железодельных мастерских используется не название город (gorod), но название завод. В Нижнем Тагиле 9 тыс. жителей², и все прямо или косвенно заняты на работах. На самом видном месте расположен дом, предназначенный для хозяина, г-на Демидова, когда он приезжает посе-

---

¹ В то время лье равнялся примерно 4 км.

² По данным на 1828 г., в Нижнем Тагиле было 4562 мужчин и 5116 женщин.

тить свои владения. На вершине самого большого холма построена церковь, которая, подобно всем церквям в России, разделена на две части, одну летнюю и другую зимнюю, и покрыта листовым железом¹. Между домами разбросаны небольшие сады. Хотя они содержатся не в очень хорошем состоянии, но придают поселку (un village) довольно приятный вид, особенно с окончанием зимы (в английском варианте – с приходом весны), когда вишневые деревья (?!) покрываются фруктами (?!). В нижней части поселка расположен базар, своего рода восточная ярмарка, где находятся все лавки этого местечка².

Специфику населения этого поселка автор сравнивает с особенностями населения Сент-Этьена, где размещается оружейное производство Франции. Далее дается красочная картина главной улицы Нижнего Тагила вечером, «когда вдоль двух длинных рядов зданий зажжены все огни, все молоты бьют, все колеса находятся в движении, и тысячи человек, чумазы и в дыму, двигаются возле горнов, ежедневно производя огромное количество чугуна». «Безмерное количество» изделий этого завода, по словам автора, перевозится в санях (?!) по реке Чусовой, откуда они перебрасываются на Волгу, затем – на север, в Европейскую Россию или идут на экспорт в Англию³.

Автор воспоминаний пишет, что г-н Мазэн чрезвычайно сведущ в кузнечном деле и поэтому был назначен «начальником работ по подготовке руды» (вероятно, занимался обогащением руды), сменив на этом месте одного «малосведущего русского (который сам был преемником другого француза г-на F... о заслугах и добродетелях которого с теплотой вспоминали в Нижнем Тагиле)»⁴. Мазэну пришлось приложить немало усилий, чтобы «вновь вернуть прежнее процветание и великолепие». На этом фоне события войны с Наполеоном были очень скоротечны, и Сибирь столь далека, что меры предосторожности, введенные против французов, находившихся в России, не бы-

---

¹ Явно имеется в виду Входо-Иерусалимская церковь, построенная в камне в 1764–1777 гг.

² Действительно, ранее на этом месте находилась торговая площадь.

³ Представления автора о путях транспортировки изделий из Нижнего Тагила весьма искажают истинную картину.

⁴ Речь, как полагаем, идет о знаменитом К.Ж. Ферри (Ferry), который в 1805–1809 гг. работал на Нижнетагильском и Черноисточинском заводах. Что же касается до «г-на Мазэна», то такого, по-видимому, не существовало. Из известных нам лиц, работавших в Нижнем Тагиле в эпоху Александра I, обращает на себя внимание штейгер Фрол Монзин, фамилия которого напоминает фамилию Мазин (Mazin).

ли задействованы, и Мазэн оставался «в высшей степени уважаем и любим».

Всю зиму начала 1813 г. пленные провели в Нижнем Тагиле, и к весне слухи о разгроме Наполеона в России окончательно подтвердились, «так как еще некоторое число пленных было размещено в Сибири». Мазэн пытался, как мог, развлекать французских пленных, показал им «зимние скачки, которые любимы русскими всех классов», и зимний лов рыбы на озерах¹. «Хотя зима и является веселым временем года для сибиряков, – пишет автор, – они ждут прихода весны с радостью (...)». С приходом весны во время пасхальной недели жители Сибири устраивают развлечения, праздную окончание зимы. Для этого всюду ставят качели, и есть немало людей, которые не покидают их целыми днями, разве только для того, чтобы поесть.

Мы не исключаем, что такие любители качелей встречались, но вот описание автором прихода весны не может не удивлять: «Весна в Сибири приходит не постепенно, как у нас, но подобно тому, как и зима наступает [здесь] сразу. Вечером накануне мы чувствовали себя как будто под арктическим кругом; на следующий же день вдыхали весенний воздух. Снег внезапно исчез и земля, как по волшебству, появилась, покрытая цветами».

С наступлением теплой погоды Гийемар и Лаплан, по предложению Мазэна, перебрались в Черноисточинск (Tchornaïa-Zavode), который находился, по словам мемуариста, «в расстоянии 3-х лье»². Далее он пишет, что этот завод расположен на берегах озера Черного (Tchornaïa), которое, в свою очередь, берет имя от реки с тем же названием. Воды этой реки, «прежде чем попасть в озеро, текут через болота, и оттуда затем спускаются в Тагил»³.

---

¹ Автор достаточно точно описывает редкий ныне способ ловли рыбы зимой с помощью сетей и шестов, однако делает явную ошибку, утверждая, что, наряду с щукой, в озерах возле Нижнего Тагила можно поймать линя и даже лосося (?!). Интересно что в примечании, излагая выдумки о том, что стерлядь, выловленную в Оби у Тобольска, подают к императорскому столу в Санкт-Петербурге, издатель упоминает П.С. Палласа, который обнаружил в Оби огромную рыбу-монстра, препарировал и сделал чучело, которое затем оказалось в кабинете естественной истории в Санкт-Петербурге (Строки о стерляди и рыбе-монстре имеются только во французском издании (Mémoires de Robert Guillemard... P., 1826. T. 1. P. 273. Note)).

² Расстояние от Нижнего Тагила до Черноисточинска по прямой составляет примерно 16 км.

³ Следует пояснить, что в те годы, скорее, р. Черная вытекала из озера. Вопрос о переносе вод р. Черной в Черноисточинский пруд рассматривался многократно, но реально этот проект удалось реализовать только в 1849 г.

Сделав подробный обзор географии края, особенностей жизни уральцев и даже уральских древностей, автор «мемуаров» решился разбавить свой рассказ любовной историей, которая должна была бы соответствовать местному колориту и отразить, так сказать, «социально-политический контекст» уральской жизни. В рассказе появилась красивая девушка Дарья с черными как смоль волосами, оттенявшими ее «мягкую и белую как пергамент кожу, составляющую отличие кавказской расы» (ее Гийемар встретил в лесу недалеко от черноисточинской плотины); появился ее отец, богатый старообрядец Михаил; возникает очень богатый башкир¹, брат Михаила по вере, тоже старообрядец (?!); и, конечно же, дюжий русский молодец Василий, полюбивший Дарью и ею, в свою очередь, любимый. Старец Михаил попытался выдать Дарью за своего собрата по вере башкира Афанасия, но встретил упрямое нежелание Дарьи.

Каково же было завершение истории Дарьи и Василия, свидетелем которой оказался француз Гийемар? Однажды в Черноисточинск прибыли два русских офицера с несколькими сержантами. Все они «скорее выглядели как казаки, нежели как регулярные солдаты». Они занимались рекрутским набором. В назначенный день на площади должны были собраться все мужчины. В стороне стояли женщины, которые «с ужасом ждали результатов; некоторые из них плакали». Мужчины поселка были построены в две шеренги, и офицеры, медленно проходя между ними, отбирали к военной службе наиболее пригодных на вид, формируя из них небольшую группу в середине площади. Затем началась инспекция среди отобранных в эту группу людей: их заставляли пройтись, раздеться, словом, как пишет автор, происходило все, как обычно бывает в «рекрутских советах» в наших департаментах многие годы. Когда мужчина оказывался негоден, ему разрешали уйти, и тогда толпа разражалась криком радости; если же его признавали годным, то немедленно заковывали в железо (?!), в то время как его семья кричала от горя. Этих бедняг оставляли закованными вплоть до того момента, покуда их не отправляли из селения.

Автор «воспоминаний» также отмечает, что в России существует множество обстоятельств, позволяющих избежать рекрутчины: воз-

---

¹ Автор пишет, что летом 1812 г. башкирская семья Афанасия, захвав дальше, чем обычно, на север, очутилась возле Черноисточинского завода. Башкиры время от времени заходили в поселок купить что-нибудь или продать халаты, называвшиеся «doubas» (?!), которые они красили в желтый цвет с помощью березовой коры (?!).

раст, наличие семьи, обязанность ухаживать за престарелыми родителями. Иногда случаются и подкупы офицера, занимающегося набором. Но бывало и другое, когда в армию «забирали молодого человека, чья жена или любовница была объектом домогательства соседского сеньора» или в отношении которого готовилась иная несправедливость и за его сдачу в рекруты была обещана плата. «Таков порядок рекрутирования в России!» – восклицал автор.

Гийемар остался в неведении: то ли офицер действительно отобрал Василия, полагая, что из него получится «красивый драгун, либо солдат гвардии», то ли офицер был подкуплен. Итак, Василий был закован в кандалы и определен в бессрочную службу, что в России является своего рода «внутренним изгнанием, так как русскому солдату никогда не разрешается возвратиться в свой дом»¹. Рекрутскую партию в тот день хорошо покормили мясом и напоили «бренди» (!). Затем рекруты, находившиеся в бесчувственном состоянии, все еще закованные в железо, были брошены в сани. Теперь разыгралось множество раздирающих сердце сцен, когда семьи провожали забранных в службу криками и пением «посмертных псалмов» (!). Сами же рекруты, одурманенные «ликером» (!), оставались совершенно индифферентны к происходившему вокруг них. Но не таков был наш Василий! Он ничего не пил и, садясь в сани, «протягивал руки к Дарье, к своим друзьям», к сержанту Гийемару и «посылал нам прощай со слезами». Дарья бросилась к нему, но была безжалостно оторвана от него и брошена на лед. Сани пошли в галоп. Гийемар поднял Дарью и отвел ее к отцу, где она стала быстро угасать, у нее открылась чахотка. Она постоянно приговаривала, что «Василий взял ее жизнь с собой». Когда в середине июля 1814 в поселок возвратился Афанасий, надеясь на скорую свадьбу, чахотка у Дарьи резко усилилась и через несколько дней она умерла с именем Василия на устах.

Сержанту Гийемару довелось сопровождать ее тело из Черноисточинска в старообрядческую церковь в Нижнем Тагиле². По одну сторону гроба встали мужчины, по другую – женщины. «После похоронного песнопения, исполненного на простонародном языке (*en langue vulgaire*), священник, который был с непокрытой головой, произнес речь о покойной. Его седые волосы, его длинная борода, его

---

¹ В примечаниях отмечено, что рекрута забирали на 20 лет, что фактически означало на всю жизнь (*Mémoires de Robert Guillemard... P., 1826. T. 1. P. 301. Note*).

² Этот эпизод вполне можно связать со Свято-Троицкой старообрядческой часовней в Нижнем Тагиле.

азиатское одеяние и громкие рыдания придали его речи особую торжественность». Когда священник закончил, люди стали подходить к гробу и в молчании целовать руку покойной. Сержант Гийемар, который был безответно влюблен в Дарью, сделал это, как и все остальные.

Остаток лета 1814 полковник Лаплан и Гийемар провели в Нижнем Тагиле. Здесь они снова встретились со своими товарищами по плену, которые очень неплохо устроились в нижнетагильском поселке. Они сами построили дом, бывший «одним из самых заметных благодаря порядку и опрятности». Пленные возделывали небольшой садик, который уже «на второй сезон превзошел все сады сибиряков вокруг них». Справедливости ради, автор замечает, что свободного времени у его друзей было больше, чем у рабочих, занятых на руднике.

Наконец, в июле некий «агент Демидова», который был послан инспектировать владения своего хозяина в Верхотурской провинции (?), поделился слухами, пришедшими из Нижнего Новгорода о том, что между Францией и Россией заключен мир.

2 октября¹ «по снегу, который только четвертый или пятый день как покрыл почву» (?), Лаплан и Гийемар отправились в саних из Нижнего Тагила. Вскоре они «пересекли Уральские горы и обширные равнины между Екатеринбургом, Казанью и Нижним Новгородом». 28 октября они были в Москве, а 29 ноября въехали в Страсбург. Так французские пленники возвратились во Францию...

Каким образом два уроженца французского Юга собрали сведения, которые позволили им в середине 20-х гг. XIX в. совершить «виртуальное» путешествие на Средний Урал? Помимо этого, возникает вопрос, что заставило их забросить своего сержанта Гийемара не куда-нибудь, а именно в Нижний Тагил и Черноисточинск?

Начнем с того, что в середине 20-х гг. XIX в. Барбару и Лардье имели возможность вдохновляться несколькими уже опубликованными воспоминаниями солдат наполеоновской армии, побывавшими в русском плену. В 1815 г. Ш.П.А. Бургоэн в литературной форме описал события русского плена своего брата, адъютанта маршала М. Нея, А.М.Ж. Бургоэна. Судьба забросила последнего в Казань, а затем в Оренбургскую губернию². Подобно тому, как это сделают впоследствии Барбару и Лардье, Ш.П.А. Бургоэн не стал утруждать

---

¹ Авторы этих «мемуаров» не стали утруждать себя пояснениями, по какому календарю жили в России Гийемар и его товарищи.

² Bourgoing P. Le prisonnier en Russie. P., 1815.

себя изложением реальных фактов о жизни своего брата, но придумал лирическую сюжетную линию для своего героя¹.

В 1817 г. в Штутгарте вышли воспоминания вюртембержца К.Л. Йелина, находившегося в плену в Пензе и Саранске². Но наиболее близко к описанным двумя французскими авторами краям оказался баварец Бюттнер, захваченный, как и Гийемар, в сентябре 1812 г. под Москвой и отбывавший плен в Вятской губернии³. В любом случае, если Барбару и Лардье могли и не знать о воспоминаниях немцев, то опубликованная история Бургоэна, а также устные рассказы о русском плене французских ветеранов они не могли не знать. Отсюда и ряд вполне правдивых моментов в «мемуарах Гийемара», повествующего о русском плене, которые мы в своем пересказе были вынуждены опустить.

Что же касается общих сведений об Урале, то они заимствованы из работы П.С. Палласа, описавшего свое путешествие по России в 1768–1773 гг.⁴ Паллас посетил вначале Черноисточинский, а затем Нижнетагильский завод в июле 1770 г. Целый ряд моментов Барбару и Лардье взяли из книги немецкого ученого почти дословно: о Черном озере и речке Черной (не поняв при этом точно, впадает ли река в озеро, или, как у Палласа, Черное озеро протекает через речку Черную и вливается в Тагил); о «приятных островах» на поверхности озера, «из коих за пять верст от пруда на одном построено был летний домик» (именно в него поселили Барбару и Лардье полковника и сержанта, проигнорировав замечание Палласа, что этот домик был перенесен с острова в Нижнетагильский завод); о двух достойных внимания горах, вид на которые открывается с Черноисточинского пруда (одна гора – «Дыроватик», другая – «Белый камень», или, как ее сейчас называют, «Белая гора»), и на вершинах которых собирались тучи и облака, предвещающая дождь. Упоминает Паллас и Липовую гору, рядом с которой шла дорога в Нижнетагильский завод. Он же перечисляет владения тогдашнего хозяина края Н.А. Демидова, перечень которых использовали два французских автора. Пишет Паллас и о нижнетагильской церкви, покрытой железом, о расположении домов заводских работников, и даже о старовеерах⁵. Примечательно, что у Палласа фактически нет

---

¹ Хомченко С.Н. Указ. соч. С. 17–18.

² Yelin Ch. Merkwürdige Tage meines Lebens. Stuttgart, 1817.

³ Bütner. Beschreibung der Schicksale und Leidung... Nürnberg, O.J.

⁴ В одном из примечаний к французскому изданию 1826 г. имя Палласа даже упоминается, что и заставило нас обратиться к его работе.

⁵ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства / Пер. с нем. Ф. Томанского. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 247–259.

описания Екатеринбурга. Он посчитал возможным просто сослаться на своего предшественника И.Г. Гмелина. Вероятно, не имея возможности обратиться к «Сибирскому путешествию» Гмелина, два бойких француза решили отправить своих героев подальше, на Север.

Но даже и эти параллели с текстом книги Палласа не позволили до конца разрешить загадку... Мы полагаем, что французские авторы вдохновлялись, помимо всего прочего, рассказами человека, который жил в Нижнем Тагиле и Черноисточинске. Первым кандидатом на роль такого рассказчика может быть, конечно же, знаменитый Клод Жозеф Ферри (1756–1845). Напомним, что среди потока вымышленных имен (за исключением Демидова) авторы неожиданно упоминали «француза г-на F... чьи заслуги и добродетели с теплотой вспоминают в Нижнем Тагиле». Как известно, еще будучи учеником и помощником великих Ж.Л. д'Аламбера и Г. Монжа, Ферри до Революции стал профессором Инженерной школы. Избранный от департамента Арденн членом Конвента, он голосовал за казнь Людовика XVI, а после был одним из главных организаторов обороны Республики, занимаясь производством пушек и другого оружия. Затем он вернулся к профессорской деятельности в Инженерной школе в Меце, а с созданием Политехнической школы стал в ней экзаменатором. Не приняв установления Консульства, а позже Империи, Ферри стал искать возможность покинуть Францию и в 1805 г. встретился с уполномоченным Н.Н. Демидова Анри Вейером, который рекомендовал «бывшего профессора королевской инженерной школы и ныне профессора же императорских артиллерийских, инженерных и других школ в Меце и Париже» своему хозяину. И до 1809 г., когда по разным причинам его контракт с демидовской администрацией был расторгнут, он жил и работал на нижнетагильских заводах. Возвратившись во Францию, Ферри получил кафедру математики в Артиллерийской школе в Меце. В 1812 и 1813 гг. он был также экзаменатором Политехнической школы. Приговоренный к высылке из Франции после Второй реставрации он, однако, отказывался это сделать и, благодаря заступничеству, с 1818 г. продолжил активную деятельность как ученый и инженер¹. Вместе с Ферри в

---

¹ Grand dictionnaire universel. P., s.a. T. 8. P. 275; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 70. С. 613–614; Виргинский В.С. Горно-металлургическое производство во Франции во 2-й половине XVIII в. // Труды Ин-та истор. естеств. и техн. 1959. Т. 20; Он же. Бывший комиссар Конвента на службе у заводчика Демидова // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1957. Т. 102. Отметим, что в 1825 г. Ферри издал во Франции свой перевод английской книги, касавшейся России, который вполне могли использовать

России побывала и его дочь, в те годы девица, Мария Франциска, также возможный информатор двух наших авторов о жизни на Урале.

Но есть еще и третий, пожалуй, самый приемлемый кандидат на роль рассказчика о Нижнем Тагиле и Черноисточинске – Фотий Ильич Швецов (1805–1855), крепостной человек Демидовых, с 1821 по 1824 г. учившийся в Инженерной школе в Меце (!), а осенью 1824 г. отправленный в Горную школу в Париж. В Париже Швецов стал учеником знаменитого Пьера Бертье, а с лета 1825 г. много путешествовал по Франции, затем – в 1826 г. – и по другим странам Европы. Из Франции на родину он возвратился в 1827 г.¹ Любопытно, что за Швецовым во Франции присматривал все тот же Анри Вейер, в свое время рекомендовавший Демидову Ферри.

Таков круг людей, которые могли поделиться рассказами с авторами «мемуаров Гийемара» о жизни в далеком уральском крае².

«Приключения сержанта Гийемара» время от времени переиздаются и сегодня, а некоторые историки до сих пор считают Гийемара реальным лицом³.

Крайне интересной представляется нам и другая легенда, рожденная в далекие 1810-е гг., но удивительным образом актуализированная сегодня, в начале XXI века. Речь идет о портрете помощника военного хирурга 36-го линейного полка Великой армии Наполеона Ж.-Б. Брюггемана, отбывавшего в 1813–1814 гг. плен в г. Бирске Оренбургской губернии. Один из потомков Брюггемана, Николь Кёлеманс, выпускница факультета культурологии Открытого университета Нидерландов, путешественница и писатель, в 2013 г. об-

---

Барбару и Лардье: Notice sur l'organisation, l'administration et l'état present des colonies militaires en Russie, du docteur Lyall. P., 1825.

¹ Виргинский В.С. Фотий Ильич Швецов. М., 1977.

² Полноты ради упомянем еще и о Ф.Ф. Звездине, уроженце Нижнего Тагила, занимавшемся в начале 20-х гг. XIX в. бронзолитейным делом у знаменитого П.Ф. Томира. Во Францию Звездин попал в 15-летнем возрасте (Нижний Тагил в лицах. Деятели культуры Нижнего Тагила XVIII – начала XX в. Нижний Тагил, 2002. С. 19).

³ North J. With Napoleon in Russia: The Illustrated Memoirs of Faber du Faur, 1812. L., 2001. P. 206; Mikaberidze A. The Battle of Borodino: Napoleon against Kutuzov. Barnsley, 2010. P. 48–49, 268. А.И. Попов с удивлением отмечает, что крупнейший знаток наполеоновской эпохи Ж. Тюлар посчитал, что «эта работа, несомненно, выполнена на основе бумаг существовавшего персонажа» (Попов А.И. Обзор мемуаров, дневников и писем военнопленных Великой армии, побывавших в России в 1812–1814 гг. // Военнопленные армии Наполеона в России. С. 580).

народовала семейную легенду в журнале «Традисьон Магазин»¹. Согласно этой легенде, вечером 16 января 1815 г. в небольшом бельгийском городке Тюрнхаут появился некто, босиком и в обветшавшем мундире, который нес «под мышкой скатанным в рулон свой собственный портрет, написанный русской княгиней». Этим некто был числившийся умершим (*décédé*) во время Русской кампании Брюггеман. Кёлеманс проделала немалую работу по поиску сведений о жизни и службе своего предка, а также, и прежде всего, о его пребывании в русском плену. В основу последнего сюжета положены воспоминания Оноре де Белэ², товарища Брюггемана по уральскому плену. Оноре-Филипп Белэ вел журнал, который он «поправил» в 1849 г. Его внук Жозеф Белэ, в свою очередь, нашел этот текст и дополнил его, включив сюжеты, полученные от семьи Брюггемана, а затем опубликовал в 1907 г. под названием «Мемуары гренадера Великой армии»³. Согласно этим воспоминаниям, Белэ и Брюггеман попали в плен при Березине. В конечном итоге после долгих маршей они оказались в Бирске, куда пришли 15 декабря 1813 г.

Сам же портрет, согласно Белэ, был написан в Уфе, в которой Брюггеман был дважды. Там он останавливался у княгини, жены князя, который был губернатором, и жил в Уфе, и где находилась администрация Оренбургской губернии⁴. Первое пребывание было особенно запоминающимся. Белэ говорит, что однажды, в то время как он находился в Бирске в 96 км от Уфы, Брюггемана срочно вызвал его превосходительство князь, единственный сын которого был тяжело болен, и спасти его местные врачи уже не надеялись.

---

¹ Tradition Magazine. № 265. Janvier/Février 2013.

² Белэ (Beulay) Оноре, де (1789–1862), в 1812 г. старший сержант 36-го полка линейной пехоты, затем адъютант 4-го батальона в составе временного полка 12-й пехотной дивизии Великой армии. В ноябре 1812 г. произведен в сулейтенанты, но производство не было оформлено должным образом. Попал в плен при Березине и был отправлен в Оренбургскую губернию. Известный мемуарист. Анализ мемуаров Белэ выявил многочисленные фактологические ошибки.

³ Beulay H.-Ph. *Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée*. Paris: Honoré Champion, 1907. Мемуары Белэ частично опубликованы на русском языке: Белэ О., де. Воспоминания гренадера Великой армии // Военнопленные армии Наполеона в России. С. 225–340.

⁴ Как установили российские исследователи, речь скорее всего должна идти не о военном губернаторе князе С.Г. Волконском и его семье, а о гражданском губернаторе (с 1811 г.) Матвее Андреевиче Наврозове (род. ок. 1768 г.), статском советнике, титула не имевшем (См.: Военнопленные армии Наполеона в России. С. 336–337. Примеч. 115).

Тогда Брюггеман, благодаря своей интуиции врача, смог сразу диагностировать его недуг. Так как причина болезни была определена, результаты лечения сказались быстро¹. Этим обстоятельством частью и объяснялась причина возникновения того ореола, который появился вокруг персоны Брюггемана. Белэ не называет даты, но это произошло за несколько месяцев перед тем, как он покинул Бирск.

Второе пребывание в Уфе имело место в то время, когда Белэ и Брюггеман и освобожденные из плена французы отправились в дорогу по направлению к Риге, где они должны были сесть на корабль и добраться до Франции. Но Белэ и Брюггеман решились покинуть колонну военнопленных и направились в Уфу в надежде получить от князя, бывшего губернатором, подорожную, благодаря которой можно было бы добраться до Риги гораздо быстрее, и которая давала право получать лошадей на всех почтовых станциях. Расчет оказался неверным, потому что князь находился в отъезде, и они должны были ждать его месяц, а кроме того, сделать крюк в 650 км, из-за чего они добрались до Риги с большим опозданием, когда фрегаты уже подняли якоря.

Белэ написал о замечательных условиях, в которых два француза пребывали в Уфе. В этом повествовании он не смог скрыть нотку зависти, когда описывал отношения Брюггемана с княгиней: «Величаявая и стройная молодая женщина, грациозный силуэт которой возник в освещенном солнцем дверном проеме, поднималась по ступеням крыльца, держа за руку прелестного маленького мальчика. (...) Попробуйте-ка оказать сопротивление женщине, прекрасной как день, и тем более княгине (...)»². Брюггеман не спешил уезжать из Уфы, поскольку, по словам Белэ, поддался увлечению. Тогда-то, как поведал все тот же Белэ, «княгиня, [которая] обладала довольно значительным талантом художника, принялась за портрет моего друга Брюггемана. Она справилась великолепно»³.

Столь красивую легенду в наши дни пришлось подкорректировать. Российский историк С.Н. Хомченко внес целый ряд уточнений. Так, согласно Белэ, княгиня была женой князя и губернатора, в то время как в действительности речь должна идти скорее о гражданском губернаторе, находившемся в Уфе (им в это время был М.А. Наврозов), а следовательно, и снимался вопрос о титуле «кня-

---

¹ Это описано по кн.: Beulay H.-Ph. Op. cit. P. 157.

² Перевод сделан по кн.: Военнопленные армии Наполеона в России. С. 288–289.

³ Beulay H.-Ph. Op. cit. P. 169–170.

гини». Судя по всему, оригинальный холст, на котором в России был написан портрет, пострадал во время возвращения на родину и должен был быть отреставрирован. К изображению на нем добавили нагрудку, изменили номер полка, который значился на пуговицах (35-й вместо 36-го, как было первоначально), и, может быть, дописали перстень и книги. Позже портрет еще подновлялся, последний раз – после 1947 г. Впрочем, по мнению С.Н. Хомченко, дошедший до нас портрет вообще мог быть написан не во время пребывания в Уфе, а по возвращении Брюггемана в Бельгию. Но, как пишет Николь Кёлеманс, «несмотря на все открытия исследователей, легенда о княгине, “прекрасной как день”, остается жива»¹.

Подведем итоги. К началу XIX в. западноевропейская образованная публика, военное и политическое руководство Первой империи располагали некоторыми сведениями об Урале. При подготовке Наполеоном широкомасштабной войны против России интерес к Уралу заметно усилился. Нельзя исключать, что при благоприятном для Наполеона исходе кампании в России потенциал Уральского края мог быть востребован в целях расширения экспансионистских действий наполеоновской Франции.

Первые военнопленные армии Наполеона появились на Урале в 1807 г. Это сразу же, еще до массового притока военнопленных в Пермскую и Вятскую губернии, создало значительные проблемы для местных властей в плане их размещения и содержания. В период 1812–1814 гг. в трех уральских губерниях оказалось не менее 8 тыс. военнопленных (не считая проходивших через уральский край партий военнопленных поляков), что вызвало серьезные трудности для тех регионов, где они были размещены. Попытки центральных и местных властей воспользоваться трудом военнопленных, дабы покрыть часть издержек на их содержание и восполнить нехватку рабочей силы, в целом себя не оправдали. Военнопленные, как правило, были не готовы принять условия труда и оплаты, принятые в крае, а местная администрация и заводчики – проявить более характерное для западноевропейской практики отношение к рабочей силе. Вследствие этого труд военнопленных на уральских заводах практически не использовался (исключение составили винокуренные предприятия Вятской губернии). Эпизодическое привлечение части военнопленных к «градским работам» не могло дать какого-либо заметного эффекта для хозяйственного развития Уральского края.

---

¹ Кёлеманс Н. Вокруг одного портрета // Запад, Восток и Россия: Проблемы национальной и политической идентичности в исторических исследованиях: Вопросы всеобщей истории: Сборник научных и учеб.-метод. трудов (Ежегодник). Вып. 18. Екатеринбург: УрГПУ, 2016. С. 234–244.

Характер взаимоотношений военнопленных и местного населения в целом был напряженный. Несмотря на единичные примеры гуманного и даже доброжелательного отношения к наполеоновским офицерам, местное население явно тяготилось пребыванием в крае военнопленных и не скрывало неприязненного отношения к «незванным гостям». Вопрос о точном количестве оставшихся на Урале и принявших российское подданство военнопленных армии Наполеона продолжает оставаться дискуссионным. Тем не менее можно утверждать, что число оставшихся в трех уральских губерниях бывших военнопленных не могло превышать одной сотни человек.

Несмотря на кратковременность пребывания на Урале военнопленных солдат Наполеона и непростой характер взаимоотношений с местным населением, сам факт их жизни здесь стал важным культурным явлением в истории региона. Это породило и продолжает порождать многочисленные легенды, связывающие солдат армии Наполеона с теми или иными сторонами жизни Уральского края. Пребывание в 1812–1814 гг. французских солдат на Урале нашло отражение в культурно-исторической памяти и за рубежом, прежде всего во Франции. Основой для этого стала литературная мистификация, создателей которой привлекла предельная экзотичность жизни французских солдат в далеких Рифейских горах. Эта мистификация, аккумулировавшая в себе разнообразные и отрывочные сведения об уральском крае, начиная от известий путешественников и ученых XVIII в. и заканчивая воспоминаниями военнопленных наполеоновской армии, оказалась весьма востребованной западной публикой. Чрезвычайно знаменательна и легенда, связанная с портретом помощника военного хирурга Брюгемана, написанном в Уфе прекрасной «русской княгиней». Эта легенда, оказавшаяся в центре научных и искусствоведческих дискуссий спустя два столетия после написания портрета, наглядно продемонстрировала всю глубину связей, часто невидимых, сохраняющихся до сих пор между жизнью Урала начала XIX столетия и памятью потомков плененных в 1812 г. французов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Великая эпопея 1812 года является неиссякаемым источником познания природы человеческих сообществ и человека как такового. Возможности и пределы межнационального диалога, природа и последствия социального диссонанса, варианты взаимополезного и взаиморазрушающего межкультурного трансфера, механизмы и ловушки исторической памяти – все эти проблемные поля, обозначившиеся, казалось бы, только в последнее время, в действительности уже более 200 лет, в той или иной форме, познаются на примере событий 1812 года в России.

Одним из первых вопросов, с которыми сталкивается исследователь Отечественной войны 1812 года (Русской кампании Наполеона), это вопрос о том, каковы были представления народов враждующих государств друг о друге, насколько эти представления были адекватны «реальности», и как они изменялись в результате войны. Несмотря на появление в последние годы ряда блестящих работ, связанных с этой проблематикой¹, она нуждается в дальнейшей разработке. Наше обращение к этой теме позволило выявить значительный пласт документации, связанной с данной проблематикой и еще не введенной в научный оборот. Первичный анализ этих документов позволяет говорить о наличии у командования армии вторжения обширнейшей информации, зачастую достаточно адекватно отражавшей реалии Российской империи самого различного характера. Однако ход событий 1812 года показал, что командование Великой армии не было готово эффективно воспользоваться этими сведениями в силу воздействия ранее сформированных стереотипов о России и народах ее населявших, а также в силу стремления к последовательной реализации узко понимаемых политических целей. Наконец, сказался и своего рода «обратный» эффект воздействия наполеоновской пропаганды. Последовательное повторение тезиса о варварстве русских в конечном итоге заставило и пропагандистов этого штампа уверовать в его истинность. Тем более что и бюрократическая машина Французской

---

¹ Ададулов В.В. «Наполеонида»...; Он же. Война цивилизаций...; Промыслов Н.В. Французское общественное мнение...; Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году?: образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник. 2012. М., 2012. С. 336–365; Goubina M. Russes et Français (1812–1818). Une histoire des perceptions mutuelles. P., 2017.

империи, сориентированная на мнение (нередко слишком поспешно и превратно истолкованное) одного человека – Наполеона – заставляла исполнителей всех звеньев последовательно подстраиваться под его настроения.

По всей видимости, Наполеон планировал скоротечную войну, исход которой должен был быть решен на территории западных губерний Российской империи (об этом говорят исследования большинства наших предшественников и наше собственное восприятие хода событий). Это предопределило тот факт, что особое внимание политическое и военное руководство Франции обратило именно на западные, «национальные», регионы потенциального противника. Однако степень антироссийских настроений в этих регионах Наполеон и его окружение явно переоценивали. К этому добавились и иные факторы, негативно повлиявшие на реализацию целей и задач армии вторжения: неуправляемость огромных масс разноплеменного войска; невозможность в условиях расстроенной системы снабжения удовлетворить повседневные нужды армии; быстрая смена настроений среди большинства групп населения занятых Великой армией областей; непоследовательность действий самого Наполеона, для которого «польский вопрос» был прежде всего инструментом давления на Александра I; необходимость учитывать интересы союзников Франции, в первую очередь Австрии, и целый ряд других моментов. В этой связи вполне убедительным выглядит вывод, что польско-литовские политики, которые ориентировались на Наполеона, также проявляли непоследовательность, не исключая возможности возвращения под скипетр Александра I. Таким образом, цели и задачи, которые преследовал Наполеон, неизбежно должны были прийти в противоречие с ожиданиями политически активной части местной элиты западных губерний.

Драматические события, имевшие место в Москве, еще более, чем на территории западных областей, показывают, с каким ожесточением в 1812 году шла борьба за контроль над настроениями местного населения. Российские власти, прежде всего в лице Ф.В. Ростопчина, пошли на крайние меры для разжигания антинаполеоновских настроений, с готовностью преступая законы, ими же установленные. Убийство М.Н. Верещагина ради возбуждения патриотических чувств московского простонародья, провоцирование обывателей (и здесь же предательство их) на вооруженное сопротивление входившим в город неприятельским войскам, наконец, организация поджога самого города, в котором оставались тысячи нетранспортабельных раненых, – все эти меры были призваны не допустить контактов между оккупантами и остававшимися местными жителями. Со своей стороны, командование оккупационной армии изначально предприняло усилия для установления конструктивного по возможности диа-

лога с населением Москвы. Однако ожесточенность, с которой была встречена Великая армия, и крах надежд на мирные переговоры вызвали ответную реакцию, выразившуюся в официальном санкционировании разграбления города. Только со временем, через несколько дней, Наполеон и его ближайшее окружение, начав более рационально воспринимать ситуацию, предприняли ряд усилий с целью восстановления прерванного диалога с населением.

Важнейшей проблемой, с которой сталкивается исследователь истории оккупации, является специфика межкультурной коммуникации. Эта специфика определялась, как нам представляется, прежде всего региональными, а значит, этно-культурными факторами и политическими настроениями, в меньшей степени – социальной и социокультурной принадлежностью тех или иных слоев местного населения. Вопрос же о роли в формировании коммуникационных контактов религиозно-конфессиональных факторов, по нашему мнению, нуждается в дальнейшем более глубоком исследовании. В этом плане напомним, что армия вторжения была в значительной степени армией атеистов (точнее – деистов), чины которой весьма прагматически относились к вопросам религии. Следовательно, и проявление религиозно-конфессиональных противоречий зависело прежде всего от стереотипов и общих ментальных установок не солдат армии вторжения, но местного населения тех регионов, которые были заняты войсками Наполеона.

В целом же в своих контактах оккупанты ориентировались главным образом на господствующие и имущие слои различных областей Российской империи. При этом в западных губерниях эта ориентация имела ярко выраженный пропольский характер. И хотя достаточно сложно применительно к северо-западным и юго-западным регионам Российской империи использовать такие смысловые категории, как «освобождение» или «оккупация», в конечном итоге, как мы увидели на примере Литвы, межкультурная гармония между чинами Великой армии и местным населением оказалась невозможной. Приход Наполеона в Литву постепенно все более и более воспринимался как оккупация.

Иная динамика развития коммуникативных связей наблюдалась в Москве. Первоначальные слабые контакты оккупантов с некоторыми группами оставшегося в городе населения были прерваны московским пожаром. В дальнейшем же диалог между оккупационными властями и местным населением (несмотря на множество частных ситуаций) в более или менее конструктивном формате стал происходить в первую очередь при условии социокультурной близости его участников, а именно между носителями элементов общеевропейской культуры. Немалую роль в преодолении межнациональных и ситуационных барьеров играл языковой фактор. При нахождении возможности языковой коммуникации (а это происходило чаще

всего между представителями социально продвинутых групп) начался достаточно конструктивный обмен смыслами, и наоборот: социокультурный, а значит, и языковой разрыв между участниками коммуникативных практик приводил к невозможности конструктивного диалога и росту взаимной отчужденности и неприязни.

Регионы Российской империи, куда докатилась война и которые затем оказались подвергнуты оккупации, были, как правило, к этому времени уже заметно опустошены русскими войсками, как в ходе военных действий, так и вследствие тактики «выжженной земли», принятой российским командованием. В особенности это коснулось великорусских губерний, с населением которых российские власти предпочитали не церемониться, активно призывая при этом к священной войне с оккупантами.

Война и оккупация резко обострили в различных регионах Российской империи межэтнические, межконфессиональные и социальные противоречия, до тех пор находившиеся в латентном состоянии. Однако воспользоваться этими противоречиями оккупационные власти не решились, разумно полагая это достаточно опасным для себя, а также явно рассчитывая на возможность переговоров с российским правительством.

Тем не менее даже в западных губерниях польско-литовская знать была всерьез обеспокоена (эта обеспокоенность, не проявлявшаяся явно, все же определенно ощущалась) возможностью введения «гражданских свобод», что могло вынести на поверхность и крестьянский вопрос, чего местная элита боялась более всего. Есть основания полагать, что опасения подобного рода стали одной из главных причин перемены в настроениях основной части польско-литовской знати в пользу возвращения под российский скипетр. В то же время призывы наполеоновской администрации к сохранению в западных регионах прежнего социального порядка привели к тому, что все происходившее, сопряженное с реквизициями, мародерством и другими тяготами войны, литовское крестьянство быстро стало воспринимать как трагедию. И все же, несмотря на растущий разрыв в настроениях между крестьянством и верхушкой литовского общества, открытых антипомещичьих выступлений в Литве в «эпоху Наполеона» зафиксировано не было¹.

---

¹ Полагаем, что в этом плане более тревожной была картина в великорусских (См., например: Семевский В.И. Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войной // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 5. С. 74–113) и даже в белорусских регионах (См.: Постникова А.А. Минск в 1812 году: между Россией и Францией // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. Екатеринбург, 2017. Вып. 19. С. 146–159).

Оккупация Москвы продемонстрировала не менее, чем литовский пример, социальную и культурную неоднородность местного населения. Российское общество, несмотря на сохранение своей традиционности и высокой степени «управляемости» со стороны власти, раздиралось изнутри множеством противоречий. Тяготы войны и оккупации заставили эти противоречия проявиться особенно явственно и даже поставить вопрос о возможности социального взрыва. Однако оккупационные власти не стали провоцировать этот взрыв, понимая всю непредсказуемость и опасность его последствий. Вместе с тем пример московских событий наиболее ярко продемонстрировал вариант взаиморазрушающего для его участников межкультурного трансфера. Чины Великой армии, столкнувшись с небывалой для них ожесточенностью сопротивления и пережив крах собственных надежд на скорое окончание военных действий, не только попытались отплатить русским той же монетой, но и сами проявили небывалую ранее готовность отступить от правил «цивилизованной войны», все более превращаясь по образу поведения и даже внешнему облику в презираемых ими «скифов». Образ пылающего города, подожженного то ли русскими властями, то ли самими жителями, превратился в устойчивый ментальный стереотип и вошел в культурную память западноевропейцев.

Важный материал для оценки последствий оккупации дают сюжеты, связанные с переменами в настроениях среди людей, переживших этот, чаще всего длительный, стресс. Полагая, что подобная тема нуждается в специальном изучении, отметим тем не менее особую роль слухов, отразивших последствия оккупации. Так, в западных губерниях широкое распространение получили слухи о готовящемся польском мятеже и планах «перебить всех русских и евреев», в то время как в Москве в конце 1812 и в 1813 году были зафиксированы многочисленные разговоры об успехах наполеоновской армии и возможности ее нового вторжения в Россию.

Несмотря на появление в последние годы серьезных работ, посвященных пребыванию военнопленных Великой армии в России, важнейшие аспекты характера межкультурных контактов и воздействия их на историческую память россиян и западноевропейцев еще ждут своих исследователей. В качестве примера мы обратились к пребыванию военнопленных в одном из глубинных районов Российской империи – Уралу. Материал, привлеченный нами, показал факт существования достаточно глубоких различий в представлениях местной администрации и населения, с одной стороны, и военнопленных, происходивших из стран Западной Европы, с другой, в плане отношения к базовым принципам социокультурного характера. Особенно ярко это проявилось в связи с провалившимися попытками привлечь военнопленных к заводским работам на условиях, бытовавших в казен-

но-крепостнической России. Вместе с тем само явление относительно длительного пребывания военнопленных армии Наполеона на Урале обусловило появление достаточно прочно укоренившихся в крае легенд о самом факте их пребывания. В то же время экзотика «путешествия» западноевропейцев в столь далекие для них края вызвала возникновение литературных мистификаций и семейных преданий.

Из этого разнопланового и порою причудливого в своем разнообразии и неожиданности материала (стереотипных установок, господствовавших до открытия военных действий, собственного – частного и коллективного – опыта, наложившегося на прежние представления, деятельности пропагандистской машины, мемуаристики и исторических интерпретаций, национальных, групповых и семейных мифов и преданий) сложилась и продолжает далее складываться картина исторической (исторических) памяти (памятей) различных народов и социокультурных групп применительно к событиям 1812 года.

Перспективы дальнейшего изучения социокультурных аспектов истории оккупации Наполеоном регионов Российской империи связаны с необходимостью обращения, помимо Литвы, Москвы как центра великорусских территорий и глубинного уральского края, к опыту Прибалтийских губерний, Волыни и Подолии. Полагаем также, что и в великорусских губерниях разнообразие жизненных ситуаций могло формировать совершенно особые социокультурные контексты, далеко не всегда соотносившиеся с тем, что являл московский регион.

Требуют дальнейшей проработки и такие темы, как характер представлений командования и солдат армии вторжения о России и русских накануне открытия и в ходе военных действий в русле ментальной географии. Особо перспективную сферу для исследователей представляет тематика исторической памяти применительно к сюжетам оккупации, а именно использование опыта оккупации (как в плане изучения осуществленных сразу вслед за оккупацией российскими властями действий, через внесение властью корректив в политику на тех территориях, которые перенесли период оккупации, так и в плане более долгосрочной перспективы реализации того, что сейчас называют политикой памяти). Наконец важно проследить, как события оккупации сказались на моделях социального поведения, восприятии «другого» и на воспоминаниях о «другом» среди местного населения того или иного региона, пережившего столь тяжелый и противоречивый по своим последствиям исторический опыт.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов Г. 187
Абрамович 31
Августин, архиепископ 240
Агакомов И. 187
Аграфена 374
Ададунов В.В. 4, 12, 13, 14, 17, 49, 322, 408
Адам А. 65
Адам Т. 5
Адлерфельд Г. 307
Акинфов Ф.В. 67–69, 254, 255
Акшерумов 138
Александр I, имп. 19, 20, 48, 51, 59, 61, 68, 77, 97, 103, 109, 110, 113, 118, 129, 138, 139, 155, 156, 178–183, 192–194, 197, 198, 200, 201, 205, 207, 220, 225, 228, 232, 238, 243, 276, 279, 280, 281, 282, 325, 329, 330, 333, 334, 345, 354, 364, 365, 376, 396, 409
Александров (Дурова Н.А.) 379
Алексеев Ф.Я. 66, 311
Алексей Михайлович, царь 314
Аленина З.Н. 226
Алес(о) Б. 382, 383
Альцест 304
Амира 290
Андреев А.Ю. 65, 97, 208, 222, 223, 228,
Андреев И. 134
Андреев, экзекутор 129
Анжель 307
Анисимов, подпоручик 134, 135
Анна Ивановна, имп. 319
Анский (Раппопорт) С.А. 55
Антонов М. 258
Антуаль Д. 382
Аракчеев А.А. 10, 182, 249, 253–254, 281
Арбильон (Лардильон) 215
Артаков А.К. 228
Артемьев 363
Архипов А.М. 323
Асен 382
Аскиноф С. 189
Астальцев Я. 126
Афанасий 398–399
Ахматович (Мирза Ахматович) М. 32
Ахрамеев С. 119, 187
Ба
Багратион П.И. 114
Бажанова Е.А. 375, 386, 387, 393
Байи де Монтион Ф.Г. 336
Баканин 226
Бакарев В.А. 259
Бакле д'Альб Л.А.Г. 338
Балашов А.Д. 104, 110–114, 233, 325, 328
Балицкий Г. 64
Банговски Ж. 15, 46
Баноль П. 386
Бантыш-Каменский Д.Н. 34, 51, 52
Бантыш-Каменский Н.Н. 228
Баранов И.Н. 122, 260, 273–275, 278
Барбару Ш.О. 394, 400, 402
Барбье Л. 307
Барклай де Толли М.Б. 114, 194, 252, 267
Баров С. 187
Бартелми 382, 383
Барту Деннеси 296
Бархатов И.М. 124
Барье Ж.П.М. 195, 196, 326

- Барятинский, князь 199
 Бассано, герцог см. Маре Ю.Б.
 Бастье 331
 Баташо(е)в И.Р. 64, 85, 93, 98, 141,
 143, 158, 249, 268, 269
 Батист Парен 389, 390
 Баузе Ф.Г. 157
 Бахрушин С.В. 208, 219
 Бац П. 392
 Бацитовы 392
 Беглов Г. 187
 Безотосный В.М. 3, 7, 12
 Бейль (Стендаль) М.А. 3, 7, 12, 193,
 230, 231, 327, 332
 Бекетова Н.А. 379
 Белинский В.Г. 12
 Бельшеров Н. 187
 Белэ Ж. 404
 Белэ О. 372, 373, 376, 387, 404,
 405
 Берг А. 388
 Бернад(б)и А. 382
 Бенкендорф А.Х. 63, 270, 351, 355,
 360–362
 Бенкендорф К.Х. 125
 Бернацкий Н.Н. 13
 Бертезен П. 64, 167, 191, 202, 269,
 358
 Бертеми 354
 Бертомёф 37, 41, 42, 44, 47, 56
 Бертье, князь Ваграмский и князь
 Невшательский Л.А. 66, 77, 123,
 147, 150, 151, 160–162, 178, 184,
 200, 210, 235, 236, 255, 290, 291,
 299, 300, 309, 310, 315, 317, 318,
 319, 321, 332, 336, 340, 341, 342,
 343, 344, 346–350, 352–354, 403
 Бертье П. 403
 Бескровный Л.Г. 84, 208
 Бе(с)нар П. 120, 194
 Бессонов В.А. 369–372, 393
 Бессьер, герцог Истрийский Ж.Б.
 151, 161
 Бестужев-Рюмин А.Д. 63, 84, 89, 90,
 115, 122, 140, 143, 206, 207, 215,
 217, 220, 221, 222, 224, 225, 295,
 308, 346, 351, 354, 360
 Бетнеров А.А. 388
 Бецкой И.И. 273
 Бёкоп К.Ж.И., ван 197, 199, 333
 Бёфис 267
 Биго Ж. 389
 Билле 337
 Биньелон Ж.П. 388
 Биньон Л.П.Э. 15, 23, 25, 26, 37, 43,
 44
 Блажевский С. 389
 Боволье П.Л.В. 314
 Богарнэ, вице-король Италии Э. 67,
 71, 72, 76, 80, 96, 97, 151, 161, 164,
 172–174, 230, 289, 290, 300, 303,
 341, 348, 350
 Богданович М.И. 91, 125, 152, 162,
 163, 185, 186, 189, 206, 211, 237,
 276, 364
 Бодлэн П. 144
 Божанов И.С. 85
 Бокур Ф.Э. 12
 Болдина Е.Г. 12, 208, 211, 212, 215
 Болкашин 256
 Болотов А.Т. 107
 Бонграс, м-ль 120, 194, 196
 Борвот 327, 331
 Бориславский Г.А. 13
 Борн Н. 216
 Бородин В.Ю. 215
 Боссе Л.Ф.Ж. 64, 71, 81, 100, 146–
 147, 156, 175, 191, 300, 306, 312,
 315, 317, 320, 321
 Богашов И.Р. см. Баташо(е)в И.Р.
 Бошан А. 209
 Брадке Ф.И. 375, 381, 384, 385, 391
 Брандт Г. 15, 23, 46, 63, 87, 94, 334
 Бриад 389
 Бриан см. Брион (Бриан) Ф.
 Брион (Бриан) Ф. 215
 Бро см. Вгаух
 Брокер А.Ф. 108, 128, 129, 130
 Броссар 191
 Брюггеман Ж.Б. 387, 403–407
 Брюйер П.Ж. 21

- Буало 46
 Будино 290
 Булар Ж.Ф. 64, 99, 161, 165, 320
 Булгаков А.Я. 124, 168
 Булгакова Н.В. 168
 Булычев 334
 Бурбон–Гравьер Э.Ф. 331
 Бургонь А.Ж.Б.Ф. 63–64, 73, 85, 87,
     94, 99, 143–145, 153, 156–157,
     170–172, 198–199, 211, 265, 311,
     315–316, 320, 338, 340, 345–346
 Бургоэн А.М.Ж. 400
 Бургоэн П.Ш.А. 64, 99, 121, 156, 190,
     200, 351, 355, 400–401
 Бурдаев П. 117, 118
 Бурденко Н.Н. 250
 Бурсье Ф.А.Л. 36
 Буси 291
 Бутьи Ф. 389
 Буфетов Г. 363
 Буфф 110
 Буше 338
 Бушен Ш.Ж. 388
 Бушот И. 216, 268
 Бюттнер 401
- Вав(р)жецкий Т.(Ф.)** 20
 Ваганов Е.В. 384
 Вакселев Н. 187
 Валитова Ф.Х. 369, 386, 391
 Валуев П.С. 128
 Вандам Д.Ж.Р. 372
 Ванзотан 290
 Ванзюлан 290
 Ванс Г., де 337
 Варнгаген фон Энзе К.А. 118
 Василий 398–399
 Василий Ермолаевич 139
 Васильчиков А.А. 222
 Вебер 185
 Вейдель Я. 389
 Вейер А. 402–403
 Вельтман 126, 127, 130, 131, 135
 Вереш С. 389
 Верещагин В.В. 73
- Верещагин М.Н. 80, 84, 101–102,
     104–113, 115–119, 123, 128, 131,
     132, 138, 140, 190, 409
 Верещагина А.А. 106
 Верли Я. 389
 Вернер М. 5
 Визар И. 216
 Виклер А. 388
 Вилламов Г.И. 123, 261, 264
 Валенций М. 389
 Виллерс Ф. 73, 74, 211–214, 216,
     227–229, 240
 Виллие Я.В. 249, 253, 254, 259, 263,
     265
 Вильмен А.Ф. 303, 306, 316
 Винетий Ф. 389
 Винцингероде Ф.Ф. 182, 281, 286,
     350, 351
 Виор Ж.Б. 389
 Виргинский В.С. 402–403
 Витгенштейн П.Х. 181
 Вишневский Г.Ф. 224, 225, 231, 234,
     243
 Владимир Великий 107
 Вовси Э. 14, 26
 Военский К.А. 13, 15, 26, 37, 44, 46,
     47, 56, 59, 63, 244
 Волкова М.А. 123, 219
 Волконский П.А. 63, 124, 217, 231,
     237, 249, 260, 269, 404
 Волконский С.Г. 404
 Вольтер 6, 299, 306, 307
 Вороненко П.И. 129, 137, 142–144
 Воронцов М.С. 360, 362
 Вослер М. 389
 Вослер 388
 Вруцевич А. 13, 15
 Всеволожский В.А. 379–383
 Всеволожский Н.С. 75
 Вульф Л. 6
 Вульф Ф.В. 267
 Вьонне де Маренгоне Л.Ж. 65, 95,
     144–146, 148–149, 157, 169, 171,
     190, 312, 328
 Вюртембергский, Александр, принц
     128

- Вяземский П.А. 63
 Вязмитинов С.К. 122, 132, 133, 227,
 270, 359, 376, 378
 Гаврилов А.Г. 117, 118
 Гаврилов И. 363
 Гадаруэль (о. Ладраг) А. 65, 320
 Газо(н) Ж. 361, 363
 Галданов В. 124
 Гали Ж. П. 389
 Гамбурцев А.А. 359
 Гантом А.Ж.А. 203
 Гардые Л. 64, 334
 Гастль А. 33
 Гедивилло 19
 Гедройц С. 27, 35
 Гейм А.И. 222, 228
 Гельман К.А. 125, 218, 269, 270,
 362
 Гендриков И.С. 259
 Герасимов А. 129
 Гермес Б.А. 376, 377
 Герострат 125
 Гессе И.Х. 252
 Гийемар Р. 394–395, 397–401, 403
 Гиль(й)емино А.Ш. 162
 Гинзбург С.М. 55
 Глаголевский 52
 Глинка С.Н. 115
 Глухов 262
 Гмелин И.Г. 366, 402
 Хогендорп (Хогендорп) Т., ван 15,
 24–26, 29, 31–32, 35–37, 42–44,
 46, 53, 56, 59
 Годар Р. 15, 25, 37, 44,
 Голенищев-Кутузов П.И. 109, 113
 Голенищев-Кутузов Т.С. 222
 Голицын С.М. 300
 Голицына, кн. 237
 Голуховский Л. 81, 82
 Гольц И. 126
 Горностаев М.В. 102
 Горчаков А.И. 270
 Госле 291
 Готфрид IV Бульонский 324
 Грабовский 56
 Грандо Л.Ж. 197, 326, 335
 Грановиц Г. 389
 Грацианский (Гратинский, Грацин-
 ский) М.А. 207, 237–239
 Греч 262
 Григорович М. 389
 Григорьевым А.Г. 256
 Григорьев Ф. 187
 Гриуа Л. 64, 71–72, 164
 Гроб Ж. Б. 389
 Гронский П.П. 207, 241, 249, 268
 Груцо И.А. 311, 314
 Грюнвальд К. 82, 99, 299, 300, 321
 Гувьон Сен-Сир, герцог Таррент-
 ский Л. 181
 Гурго Г. 64, 69, 75, 81, 93, 153, 351,
 356
 Гури 290
 Гурни 121
 Гурьев Д.А. 226
 Гюе (Гюят, Гуйят) 75, 214

 Даве Ж. 120, 196–197, 200, 327
 Давид (из Лиды) 41
 Даву Л.Н., принц Экмюльский 63,
 77–78, 87, 151, 163, 203, 232, 233,
 265, 289, 290, 300, 319, 341, 344,
 348
 Д'Аламбер Ж.Л. 6, 402
 Дамур 216
 Дандевиль Д. 388
 Данилевский Г.П. 85
 Данилевский 285
 Данилов Кирша 107
 Данилова О.С. 12
 Дарю П.А.Н.Б. 74, 75, 100, 220, 222,
 304, 306
 Дарю П. 332
 Дарья 398–400
 Дворецкая Т.А. 386
 Дебе(о)ско С. 383
 Девиталь Р. 389
 Дедем де Гельдер А.Б.Ж. 64, 88–90,
 93, 142, 190, 219–220, 274, 319,
 346
 Деженет Р.Н.Д. 45

- Дез В.А. 368
Делаборд А.Ф. 98, 99, 156, 190, 191, 301, 344
Де ла(я) Флиз Д. 355
Дембицкий 149
Демидов А.Е. 228
Демидов Н.А. 401
Демидов Н.Н. 394–395, 400–403
Денисов 363
Денисов И. 389
Деннье П.П. 15, 23, 64, 66, 69, 73–75, 81, 163, 204, 351, 357
Деплас 333
Де Понтон Ж.Ф. 8
Дерябин А.Ф. 377
Дешан 349
Дещинский И. 33
Дживелегов А.К. 203, 204
Дивов П.Г. 10
Дидро Д. 6
Дмитриев И.И. 63, 107, 115, 206
Дмитриева М.А. 117, 118
Долгова С.Г. 141, 171
Долгоруковы, кн. 184, 212, 214
Домерг А. 64, 74, 86, 144, 161, 218, 229, 247, 348
Домион О. 382
Донорович Х. 215
Дро(з) У.(Г.) 216, 231, 241
Дромерг И. 386
Дронов И.П. 215
Другсбаки 291
Друцкой–Любецкий К.Ф. 20
Дубровин Н.Ф. 65, 77, 101, 104, 106, 109, 110, 112, 113, 140, 171, 249, 253–255
Дундулис Д. 13, 18
Дунин-Стжижевский П. 326, 337
Дурасов Е.А. 104, 105, 106, 108
Дуров А.В. 378, 379, 380, 381, 382, 383
Дуров В.А. 379–381, 383
Душенкевич Д.В. 256, 257
Дюверже Б.Т. 153
Дюверже 318
Дюлон Я.А. 212, 213, 215, 229
Дюма М. 35, 40, 42, 64, 100, 174–175, 178, 210, 222–223, 235, 254, 266, 275–277, 282, 284–285, 299, 312, 315–317, 320, 345
Дюронель А.Ж.О.А. 73, 74, 76, 77, 93, 99, 147, 151, 153, 175, 210, 228, 229, 274
Дюфур Ф.М. 89, 248, 274, 289
Евпл Св. 237–238
Екатерина II, имп. 17, 104, 116, 195
Екатерина Павловна, вел. кн. 103–104
Ельницкий А.Е. 103, 113, 125, 186, 191–192
Ельский Ф. 25
Ермолаев В. 187
Ермолов А.П. 63, 249, 254
Ефимов Ф. 187
Ефремов И.Е. 81
Жанберд Ф. 389
Жданов П.П. 63, 232–233
Жевруа А. 389
Жером Ж. Б. 389–390
Жильцовы 392
Жиллярди Д.И. 256, 282–283
Жиллярди И.Д. 256, 262, 282
Жозеф 41
Жокур Л., де 6
Жолкевские 70
Жомини А.А. 11, 14, 24–26, 37
Жорж 290
Жорж 337
Жуанно 191
Жуков И.Ф. 118
Жучков К.Б. 13, 14, 44, 45, 48
Жюно, герцог д'Абрантес Ж.А. 349
Заглухинский В.В. 249, 251
Загорский В.Б. 48
Загряжский П.И. 128, 224, 226
Зайченко Л.В. 357, 358
Закржевский С. 27
Залетов С.А. 216

- Захаров Ф.З. 355
Звездин Ф.Ф. 403
Зверев 287
Зейден Нивельт, фон 221
Зейпель 273, 288, 361
Земцов В.Н. 3, 79, 102, 139, 208, 323,
350, 368, 394
Зуков К.Ф.Э. 338
- Иван А.Ю.** 45
Иван Николаевич 122, 234
Иваницкий И.И. 128
Иванов К.В. 388
Иванов С., унтер-офицер 134
Иванов С., обойщик 136, 187
Иванов С., дворовый человек 136
Иванов, сомтритель 133–135
Иванов, советник 375
Иванова 136
Ивашкевич Я. 13, 28
Ивашкин П.А. 106, 113, 116, 125–
127, 129, 130, 131, 133, 134, 212,
213, 224, 229, 233, 251, 269
Игнатъев П. 187
Изарн Ф.Ж.Д., де 63, 65–66, 73–75,
86, 100, 121, 140, 144, 148, 152,
167, 168, 170, 189, 199, 207, 217–
219, 312–313, 320, 346, 348, 351–
352, 354, 355, 360, 362
Иловайский 12-й В.Д. 182
Иловайский 4-й И.Д. 125, 216, 221,
249, 269–270, 281, 286, 288, 360–
361
Исаев И.П. 212, 213, 215
Искюль С.И. 247, 250, 296
Итасс 331
- Йелин К.Л.** 401
- Кабанов И.** 381
Казаков М.Ф. 133, 261
Кайсаров П.С. 67, 68, 252, 255
Калашников В.П. 264
Каляш М. 389
Камбасерес Ж.Ж. 73, 178
Канонн 36–38, 47
- Карамзин Н.М. 107, 372
Карас Ж. 220
Караулов 373
Карл XII, король 299, 305–307
Карлум А. 187
Карнеев М. 232
Карфачевский А. 115, 139, 346, 358
Касианов И. 187
Кастеллан Э.В.Э.Б. 64, 98, 120, 140–
141, 143, 148–149, 159, 161–162,
164, 170, 175–176, 193, 198, 298,
302, 307, 316–317, 319, 321, 328,
331–332, 336, 345
Кашин А.Г. 373
Квашнин 135
Келлер А. 215
Кетто 331
Кёлеманс Н. 403–404, 406
Кившенко А.Д. 101
Кизеветтер А.А. 101, 103, 104, 108
Килеори 382
Киселев Н. 207, 209, 222
Кичеев П.Г. 310, 311
Клаузевиц К. 3, 63, 69, 70, 92, 142,
255
Кленер Ф. 389
Клингер А.Ф. 267
Клод П. 389
Клушниковы П. и П. 363
Ключарев М.Ф. 102, 105–108, 110–
111, 113, 117
Ключарев Ф.П. 102, 105–108, 110–
111, 112–113, 117
Кнауф 170
Кобылинский Ф. 232
Ковалевский Р. 389
Ковальчик Р. 248
Козельский К. 27
Козлов И.К. 136, 212–213, 215, 232,
236
Козловский Г.Я. 140
Коленкур А.О.Л. 15, 22, 51, 64, 66, 71,
73, 76–77, 81, 93, 100, 143, 147,
155–156, 158, 161, 163–164, 166,
172–175, 182, 192, 211, 226, 266,

- 299–303, 308, 309, 313, 319, 339,
345, 351
Колесников И. 135
Кольчугин Г.Н. 63, 80, 123, 143, 207,
215–219, 225, 236, 346, 350
Комб Ж. 81, 97, 98, 141, 320
Комон Б. 389
Компан Ж.Д. 337, 338
Конгрейв У. 120
Кондратьев П. 79, 80
Кони А.Ф. 118
Кононов Г. 118
Констан (Вэри) 64, 147, 163
Константин Павлович, вел. кн. 68,
194
Конта Л.Ф. 304
Конт[Лаплас П.С. 307
- Лардильон** см. Арбильон
Лардые Ж.А. 394, 400–401, 403
Ларжинц 392
Ларибуасьер (Бастон де Ларибуа-
сьер) Ж.А. 301, 341–343
Ларме П.И. 231
Ларрей Д.Ж. 64–65, 150, 172, 245,
259, 260, 265–267
Лассан К. 216, 241
Латье 44
Лафонтен Л. 267
Лебедев А.Н. 123, 362
Лебедев К.В. 101
Левашев П. 140
Левек П. 6
Левицкий М.И. 252
Левро 75
Левутьев Н. 187
Леклерк 296
Лелорнь д'Идевиль Э.Л.Ф. 7, 73, 168,
174, 179–181, 221, 272, 276–278,
283
Лельевр де ла Гранж Ш. 75
Лемон (Леймон) А.П. 230
Лемон (Леймон) М.(Э.) 231, 286
Ле Муен (Лямуй) 382
Лене Л. 375
Ленин В.И. 115, 402
- Ленц Т. 12
Лепших Ф. 128, 155, 186, 189, 197
Лессепс Ж.Б.Б. 7, 77, 206, 211–219,
223–225, 227, 229, 231, 234,
235, 236, 238, 285, 286, 287, 347,
348
Лефебюр 10
Лефевр, герцог Данцигский М.К.Ж.
151, 161, 176, 184, 292–294, 301,
335
Леш 378
Лиевр Л. 382
Линденович Ф. 390
Лист Ф.Ш. 327, 344, 347, 356
Лодер Х.И. 254
Ложье Ц.(Ч.) 63, 64, 246, 247, 307,
324
Логинов С. 187
Лонгинов М.Н. 104, 107
Лонье П. 382, 383
Лопухин И.В. 109, 113
Лоран Ф.Я. 386
Лористон Ж.А.Б.Л. 181, 206, 219–
220
Лорно А. 390
Лоссберг Ф.В. 64
Лоти 382
Лубяновский Ф.П. 113
Лукашевич А.М. 12, 13, 14, 18–20,
49, 59
Лукин Василий 370
Лукин В. 14, 55, 56
Лунин 384
Льюйте 99
Любченко О.Н. 102
Людеги Ж. 375
Людовик IX (Святой), король 118,
121, 170, 189, 237
Людовик XV, король 8
Людовик XVI, король 8, 402
Людовик XVIII, король 193
Ляпишев Г.В. 67, 226
- Мазэн** 395–397
Майи–Нель А.О.А. 65, 153
Макаров А. 134

- Макаров, инвалидный солдат 258
 Макс М. 33
 Максимов И. 136, 187
 Мале К.Ф. 308
 Манюшко И. 31–32
 Маньян см. Меньян Е.
 Марбо М. 15, 27, 51
 Маре Ю.Б., герцог Бассано 9–10, 26, 33,
 35–38, 41, 43–44, 46–47, 49, 52, 56–
 57, 59, 73, 177, 192, 308, 328, 340,
 345
 Марешаль 376
 Мария-Луиза, имп. 58, 65, 160, 177,
 183, 188, 201, 204, 325, 327, 330,
 334
 Мария Федоровна, императрица
 123, 178, 234, 235, 244, 248, 251,
 256–264, 271–276, 278–289, 348,
 351, 359–361
 Марк М.И. 216, 241, 268
 Марк Антоний 296
 Марки Л. 390
 Маркин М. 375
 Мартемьянов М.С. 216
 Мартиньен А. 85–86, 356
 Мартынов Ф. 390
 Марфа 374
 Маршал 120, 196
 Маслов С.А. 64, 239, 241, 242, 340
 Матюшин 134
 Машков И.С. 64
 Машковцевы 386
 Медея 296
 Мейнадье Л.А.Р. 179
 Мельгунов С.П. 101, 189
 Мельникова Л.В. 237–238
 Меневаль К.Ф. 64
 Меньян (Маньян) Е. 215
 Мересс 291
 Мерман Е. 215
 Мерсан П. 216
 Метивьер Э.О. 159
 Мешков П.А. 101, 102, 105, 111,
 112
 Миддел М. 5
 Мидцов Ф. 187
 Мийо Э.Ж.Б. 210–211, 221, 228, 231,
 238, 272, 290
 Милиевы 272, 289
 Милловидов Б.П. 12, 209, 376, 378,
 388, 393
 Милорадович М.А. 67–70, 81, 90, 91,
 233
 Милюков С.А. 300
 Минюхин 383
 Мирицкий Н.Ф. 257–259
 Михаил 398
 Михайло 347
 Михайлов А. см. Наполеоновы
 Михайлов В. см. Наполеоновы
 Михайлов Ф. 135
 Михайловский-Данилевский А.И.
 30, 64, 68, 77, 83, 91–92, 100,
 129, 136, 152, 206, 211, 248, 254–
 255
 Мишель Л. 386
 Модерах К.Ф. 224
 Моисей 107
 Мойтейц Л. 187
 Молчанов П. 126
 Мольер Ж.Б. 304
 Монж Г. 402
 Монзин Ф. 396
 Монтескье де Фезенсак см. Фезен-
 сак
 Монтион см. Байи де Монтион
 Монюшко И. 31–32
 Морель П. 216
 Моринц П. 390
 Морнус С. 41
 Мортемар де Рошшуар К.Л.В.
 162
 Мортье, герцог Тревизский А.Э.К.Ж.
 76, 77, 93, 95, 100, 145, 147, 161,
 168, 179, 210–211, 215, 220–221,
 228, 231, 235, 241, 266, 272, 281,
 283, 285–287, 290–291, 293, 340–
 354, 356, 358–359
 Мосолов С.И. 82, 123
 Муравьев Н.Н. 249

- Муральт А. 65, 83, 87–88, 96–97, 141, 146, 157, 222, 299
- Мусин-Пушкин А.И. 149
- Мутон, граф Лобо Ж. 162, 190, 303
- Мутон Ф.(П.) 113–118, 131–132
- Мюллер 209
- Мюрат И., король 21, 66–69, 71, 73–74, 76, 80, 82–85, 87–91, 93, 95, 96, 98–99, 119, 140–142, 151, 158, 254–255, 281, 340, 345
- Наврозов М.А.** 404–405
- Наврот Д. 14, 22, 34, 43, 49
- Назарова А.А. 404, 405
- Назарян Е.А. 12, 160, 351
- Нансути Э.М.А. 77, 319
- Наполеон I (Наполеон Бонапарт), имп. 3, 4, 6–7, 9–11, 13–28, 30, 33, 35–40, 44, 45, 47–52, 55, 57–79, 84, 86 87, 89, 94–96, 100–104, 108, 110–113, 115, 117, 119–123, 138–139, 146–148, 150–153, 155, 156, 159–164, 166–169, 172–175, 177–183, 188–193, 200–202, 204–212, 219–221, 223–228, 230, 232, 233, 235, 236, 239, 243, 244, 248, 250, 254, 266, 269, 271–273, 276–284, 289–291, 296–298, 300–319, 322–325, 327–330, 332–337, 339–355, 357–359, 361, 363–366, 368, 369, 371–372, 379, 381, 384–385, 387, 391–393, 396–397, 403–411, 413
- Наполеоновы 272, 283, 289
- Нарбонн (Нарбонн-Лара) Л.М.Ж.А. 98, 140, 143, 148, 169, 170, 181, 193, 302, 303, 304, 305, 306, 308, 316, 317
- Нарбут М. 377
- Нарышкин Л.А. 351
- Нарышкина Н.И. 232–233
- Нарышкина (Narichkine M-me) Н.Ф. 65, 116, 128–130, 144
- Нассау Ф. 390
- Науман 287
- Наумов 114
- Находкин П.И. 212, 213, 215, 217, 218
- Ней М., герцог Эльхингенский 223, 232, 289, 341, 400
- Нелединский-Мелецкий Ю.А. 171
- Немпд, Немпд-Дюпуайе П.М. 66, 247
- Никифоров С. 187
- Николаева Е. 283
- Ниош М. 375
- Нит(к)ельгорст 135, 136
- Новиков Н.И. 104, 107, 218
- Ноказ П. 373
- Ноос Ж.Ф. 197, 326, 335
- Нордгоф А.В. 86, 209, 223, 229, 245, 268, 346, 355
- Норманн Е. 215
- Норов А.С. 249, 267
- Носков П.П. 123, 261
- Обер Ж.Н.** 167
- Обер-Шальме М.Р. 167–169, 192–193, 229
- Оболянинов М.М. 267
- Обресков В.А. 116–118, 125, 130–131,
- Обресков Н.В. 126, 218
- Овчинникова М.Б. 250, 253–254, 271
- Огинский Г. 27
- Оденталь И.П. 171
- Одоевский, кн. 221
- Октавиан Август 296
- Олеарий А. 314
- Оливье Д. 206, 276, 321
- Ольденбургский Павел, герцог 128
- Ошпель Х.Ф. 260–263
- Орлов 230, 242
- Орнано Ф.А. 97
- Оррер Ж., де 219, 220
- Осколков Е. 385–386
- Остерман, граф 261
- Отто Адамович 374
- Оттон 356
- Павел I**, имп. 113, 128, 191, 259, 337
- Паланж Е. 216

- Паллас П.С. 366, 397, 401–402
Панчулидзев И.Д. 91, 92
Панчулидзев С.Д. 91
Паради Г. 120, 194, 196, 335, 337
Паради П.Л. 120
Пари Б. 377
Паркез Ф.И.А. 326, 335, 337, 338
Паскалис М. 102
Паскаль 97, 98, 141, 378
Пасторе А.Д. 15, 23, 210
Пац Л. 57, 58
Пейрюсс А. 169, 171
Пейрюсс Г.Ж.Р. 65, 169, 171, 175, 184, 194–195, 204, 295, 312, 314–316, 324–325, 328, 332–334, 336–337
Пенжийи Ларидон Ф.М.П.Л. 331
Переpletчиков И. 215, 232, 236
Перовский В.А. 64, 85, 87, 91, 92, 149, 156, 160, 161, 299
Пер(р)и Д. 6
Персей 304
Пель П. 215
Петерс Т.П. 302
Петр I Великий, имп. 180, 304–306
Петько П. 390
Пий VII 52
Пишон 85
Плана де ла Фэ Н.Л. 65, 333
Плутарх 296
Повалишин А.В. 228
Погодин М.П. 185
Пожарский Ф.П. 128
Пожы Ж. 390
Позняков П.Г. 225
Позняков И.Г. 231, 232, 236, 242, 243, 365
Поклад С. 375
Поли Ж.Д. 12
Полосин И.И. 147
Полуденский П.С. 355
Полянский В.М. 318, 362
Понятовский С.А., король 267
Понятовский Ю.А., кн. 67, 72, 76, 81, 151, 231
Попель 265
Попов А.И. 12–14, 28, 29, 34, 208, 209, 247, 250, 267, 319, 351, 356, 372, 403
Попов А.Н. 81, 84, 101, 104, 107, 109, 110, 111, 112, 125, 159, 163, 169, 186, 189, 204, 207, 211, 220, 228, 233, 235, 237, 241, 249, 267, 303, 339, 340, 343, 351, 355, 359
Попов В. 124
Попов М. 126
Понов Н.С. 379
Портной Л.М. 102
Порюс-Визапурский А. 308
Поспелов И. 131, 227
Постникова А.А. 12, 411
Потоцкий Я. 25
Потрашков С.В. 14
Прадт Д.Ж.Ф. 23, 25
Прево А.М. 216
Прелье 293
Прис 331
Прию 291
Прозор К. 24
Промыслов Н.В. 6, 11, 408
Пропилов М. 126
Проспер 120, 165, 175, 197, 325, 326, 332, 336
Прохоров И. 129
Прядильщиков Ф.А. 371
Пугачаускас В. 13–15, 19
Пузын, кн. 42
Пулашо Ф. 194, 335
Пьерри 290
Пьон де Лош А.О.Ф. 65, 99, 143–144, 155, 183, 185, 199
Пюже(о) 211, 214, 216, 240
Пюма 291
Пюн(к)ель П. 382
Пютон М.А.Ж.Ф. 210, 290
Пятницкий 370
Радзивилл, князь 21
Радзишевский С. 27
Разумов П. 241
Разумовский А.К. 222–223, 348
Раймон 43, 49

- Рапп Ж. 65, 316, 345
 Растрелли В.В. 155
 Ребе Ф. 216
 Ребров 228
 Резеч Н. 375
 Рей М.П. 12, 303
 Рейз Ж. 392
 Рейзер Ф. 42, 54
 Реми (Рема) Ф. 216
 Риго Д. 65, 169
 Римский-Корсаков А.М. 57
 Рингель И. 263
 Рино 382
 Рис 74
 Ришон 390
 Робертс Н. 12
 Роге Ф. 93, 95, 99, 145, 198, 291, 319–322, 340, 344, 357
 Розенштраух И.А. 140–141, 170, 365
 Розеф Ж. 386
 Ромер Н. 25, 58
 Роос Г. 64, 80, 82, 83, 88, 90, 92, 139, 142
 Ро(а)стопчин С.Ф. 128
 Ро(а)стопчин Ф.В. 63, 65, 68, 75, 79, 80, 84–85, 89, 95, 100–133, 137–138, 143–144, 147, 150, 158, 166–167, 180, 182–193, 195–196, 198, 201, 203, 209–210, 212, 218, 225, 227–229, 232, 237, 240, 243, 246, 247–248, 250–252, 256, 259–263, 270, 273, 275, 279, 280, 284, 288, 297, 314, 329–330, 333, 346–347, 358–360, 363, 409
 Ро(а)стопчина Е.П. 116
 Романов К.К., вел. кн. 281
 Руане Ф. 390
 Рудзинский В.П. 300
 Румянцев П.А. 212
 Рунич Д.П. 64
 Рунич П.С. 109
 Русель М. 382, 383
 Рухин Ф.И. 280–282
 Рюппель С.Э. 372
 Рязанов А. 64, 124, 239, 240
 Сабле 339, 351
 Саблер 282
 Салля 378
 Салтыков Н.И. 109, 110, 362
 Санжедни (Синаеж(д)ни) 382
 Сапега А. 25, 26, 28
 Сапега Я.П. 70
 Свербеев Д.Н. 117, 118
 Сверхев 386
 Сеахов С. 187
 Себастьяни О.Ф.Б. 69–70, 80, 86, 88–92
 Северюхин И.И. 385, 386, 393
 Сегюр Л.Ф. 6
 Сегюр Ф.П. 6, 7, 56, 65, 72, 74–76, 81, 85–87, 146–148, 153, 155, 159, 160, 163, 166, 172, 173, 302, 303, 312, 316, 320, 321, 323–325, 343, 352–354, 356, 357
 Селимена 304
 Семевский В.И. 411
 Семен А.(О.) 75
 Семенов И. 136
 Семенов И. 136
 Семенов М.Н. 149, 208, 240, 302
 Семенов 1-й 357
 Сен-Дени (Али) Л.Э. 155, 298
 Сен-Дидье А.Ш.Н.А. 317, 318, 320, 336
 Сен-Жермен Д. 77
 Сен-Мартена Л.К., де
 Сент-Илер Э.М. 318, 321
 Сент-Перн М.Ж. 123, 229
 Сераковский Ю. 24, 25
 Сергеев Ф. 187
 Серрарис 94
 Сессе (Сосэ) 74
 Сибирский А.В., кн. 136, 187, 188
 Сидоров Г.Е. 392
 Симфор А. 41
 Синцов И. 375
 Сироткин В.Г. 392
 Скотт В. 323
 Скрыбин 131
 Скуржевский Г. 87

- Слепнёв С. 134
 Словацкий 58
 Смирнов А.А. 12, 249, 253
 Смирнов Андрей 261, 263
 Смирнов Л. 216, 230
 Снядецкий Я. 25, 46, 48, 51, 52
 Соймонов Е.А. 260
 Соков М. 64, 98, 141, 143, 148, 149, 156, 158, 159, 249, 268, 269
 Соколов О.В. 3, 12, 303
 Сокольников И. 126
 Сокольников М. 49, 70, 73, 149, 150, 230, 231, 234, 286, 313
 Сокольский 121, 122, 156
 Соломенко 124
 Солтан С. 24
 Солтык Р. 65, 70, 73–75, 80, 82, 88–89, 95–96, 100, 143, 149–150, 159, 164–165, 231
 Сонин В. 392
 Сонины 392
 Сонье П.–И. 5
 Сорель Ж. 324
 Сорель Т. 303
 Софокл 296
 Софья, царица 305
 Спенюк 334
 Сперанский М.М. 107
 Спиридов Г.Г. 260, 261, 262, 263, 264, 270
 Спиридонов А.П. 104, 128
 Станкевич М. 390
 Старишинец И. 390
 Стендаль см. Бейль (Стендаль) М.А.
 Степанова Д. 138
 Стигневич П. 187
 Столяр В.П. 250, 253, 254, 271
 Страленберг Ф. 6
 Стропов 263
 Стулов Е. 230
 Суворов Г.Е. 369, 370, 375, 385, 391, 392
 Сулистровский К.А. 20
 Сурмо Ф. 390
 Суцов А. 215
 Сысоев А.Д. 362
- Сюрюг А. 65, 101, 118, 121, 140, 142–143, 149, 154, 158, 161, 169, 171, 174, 189, 205–206, 237, 307, 311–312, 346–347, 351, 354–355
- Тальма Ф.Ж. 304
 Талюэ–Бонамур О.Ф. 205
 Тал[яг]о А. 390
 Тарле Е.В. 83–85, 179, 208, 276
 Тартаковский А.Г. 78, 125, 126, 128
 Тархов 228
 Тассо Т. 324, 325
 Татищев А.И. 251–253, 270
 Татищев Ю.В. 13, 15, 19–20, 22, 24
 Таулет см. Талюэ–Бонамур О.Ф.
 Таше М. 91, 142
 Терехин А.А. 368
 Тери Л.Н.Ж. 210
 Тизенгаузен И. 26, 30, 42
 Тизенгаузен Р. 32
 Тильман И.А. 154
 Тимофеев М. 135
 Тимофеев, капитан 267
 Тимофей, архимандрит 33, 54
 Тихомиров Н.И. 296
 Тихонов И.С. 67, 100
 Толстой Л.Н. 83, 101
 Толстой Н.А. 181, 256
 Тольчева (Новосильцева Е.В.) Т. 64, 75, 79, 80, 139, 171, 205, 318, 347, 351, 362
 Томанский Ф. 401
 Томас И. 187
 Томилов П.Е. 378
 Томир П.Ф. 403
 Торквинио (Тарквинио) 303
 Торкель К.К. 226
 Тормасов А.П. 112
 Тош-старший 197
 Транги Р. 390
 Тревизские 272, 289
 Троицкий Н.А. 208, 249, 253
 Трубецкой 104, 319
 Турне 112
 Турно К., генерал 87
 Турно К., капитан 65, 87, 156

- Турчаниновы 374
Тутолмин И.А. 73, 93, 123, 148, 174,
178, 179, 182, 192, 231, 234, 235, 244,
248, 256–264, 272–289, 347, 348, 351,
354, 355, 359, 360, 361
Тьер Л. А. 248, 343
Тюгне 120, 196
- У**дино Н.Ш. 46
Уланов В.Я. 207, 216
Умберт (Гриберт, Гюберт) см.
Дро(з) У.(Г.)
Урусов 110
Устинов П.У. 228
- Ф**абер Д. 216
Фабер дю Фор Х.В. 65–67, 403
Фабри Г. 40
Фальковски 290
Фантен дез Одоард Л.Ф. 64, 98,
120, 152, 160–163, 174, 181, 206, 244,
276–277, 280, 295, 297, 298, 319, 342,
344, 351–354, 356–357
Фе Г. 215
Федор 395
Фезенсак (Монтескьё-Фезенсак) Э.
64, 164, 165, 172, 198–199, 204, 338,
339, 358–359
Феофилакт 54
Феррари 382
Ферри К.Ж. 396, 402–403
Ферри М.Ф. 403
Фийёль 291
Фикт 382
Фишер Ж. 196
Флосс 291
Фомин И.В. 249, 251
Фонтэн П.Л.Ф. 322
Фор Ф. 193, 327
Форрест А. 5
Фоссен В.А. 63, 146, 154
Фракман Ф. 215
Франц I, имп. 183, 330
Францессон А. 27, 33
Фреваль 290
Фриан Ж.Ф. 87
- Фриан Л. 87, 274, 289
Фридрикс П.П.К. 289
Фридрих Август, король 55
Фротиний А. 390
Фуше Ж. 11
Фэн А.Ж.Ф. 64, 73, 81, 100, 151, 155,
160, 163, 174, 179–181, 206, 244, 276,
277–280, 307, 319, 342, 344, 351–354,
356–357
Фьеве Ж. 204, 308
Фюзиль Л. 189
- Х**аркевич В.В. 64, 68, 91, 255
Хейман С. 41
Ходкевич А. 28
Ходкевичи 70
Хомченко С.Н. 12, 369, 371, 373, 378,
388, 401, 405, 406
Хорайн Я. 25, 44
Храпов С. 126
Храповицкий А. 27
Хрептович А. 42, 47, 59
Христиании П. 273
Хрущев А.Д. 277–278
- Ц**астров фон см. Лемон
(Леймон) М.(Э.)
Цеглев Э. А. 393
Цезарь Гай Юлий 305
Целорунго Д.Г. 3
Циммерман Х. 373
Цывинский 52
- Ч**андлер Д. 12
Чаплиц И.Е. 48
Челлини Б. 304
Чермак 141
Чернич И. 216
Чернышев З.Г. 296
Чороковы 228
Чудинов А.В. 12, 408
- Ш**абрю 44
Шалагинов В.В. 392

- Шамбрэ Ж. 74–77, 87, 151, 185, 187–188, 204, 206, 211, 246–247, 255, 319, 324, 351, 354
- Шарабаров П.Н. 375, 386, 387, 393
- Шаргон Ф. 331
- Шарф К. 209
- Шарьер Ж.Л. 197, 344
- Шасслу–Лоба Ф. 341–342
- Шауверг 216
- Шаховской А.А. 226
- Шварц И.Г. 107,
- Шварц 291
- Швецов Ф.И. 403
- Шеметов В.Р. 215
- Шереметева П. 259, 261
- Шереметевский П.В. 101, 104–106, 111, 112
- Шерон А. 64, 339
- Шестопе(ья)ров А. 119, 187
- Шлегель 113
- Шлионская Л.И. 359
- Шмидт А. 358
- Шми(д)т см. Лепших Ф.
- Шницлер И. 125
- Шопен Л.С. 98
- Штанников И. 243
- Штельцер Х. 97, 157, 208, 215, 222, 223, 224, 228
- Штобойс 373
- Ш(т)рок 216
- Шуазель–Гуфье С. 15, 19–22, 38, 40, 42, 46, 47, 51, 53, 56, 58, 59
- Шуерман А. 71, 73
- Шульц Ф. 390
- Шуляков С.Н. 384–386, 393
- Шюке А. 6, 63, 67, 147, 210, 306–307, 321, 347, 352
- Щ**ербатов Д.М. 224, 225, 232, 243, 300
- Щербачев И. 229, 230
- Щербинин А.А. 91
- Щукин П.И. 63, 249, 258
- Э**бле Ж.Б. 177
- Эвrap 352
- Эйсмонт И. 22, 36, 39
- Экмюль д' А.Л. (Блокевиль, де) 341, 344
- Эльсер И.И. 368
- Эрве А.Д. 235, 285
- Эро (Геро) Е.Я. 386, 387
- Эспань М. 5
- Ю**дин П. 388, 391
- Юнкер, де 67, 392
- Юнкер Ф. 392
- Я**зыков 370
- Яковлев А.И. 384
- Яковлев Г.Я. 131, 227
- Яковлев И.А. 64, 179, 180–182
- Яковлев Л.А. 179
- Якубович Ф.Ф. 107
- «A.F. D...ch» см. Нордгоф А.В.
- Adam A. см. Адам А.
- Adam T. см. Адам Т.
- Alexandre см. Александр I, имп.
- Amira см. Амира
- Angel см. Анжель
- Aubert–Chalmé см. Обер–Шальме М.Р.
- Austin P.V. 153, 159, 161, 165, 276
- B**angofsky G. см. Банговски Ж.
- Baurvott см. Борвот
- Bausset L.F.J. см. Боссе Л.Ф.Ж.
- Beauchamps A. см. Бошан А.
- Bertaud J.P. 3
- Berthezène P. см. Бертезен П.
- Berthomoeuf см. Бертомёф
- Beulay H.–Ph. см. Белэ О.
- Biagi G. 6
- Bignon см. Биньон Л.П.Э.
- Biot H.F. 64, 321
- Boilleau см. Буало
- Bonnet 64
- Bouchard A. 303
- Boucy см. Буси

- Boudinot см. Будино
 Boulart J.F. см. Булар Ж.Д.
 Bourgeois R. 64
 Bourgogne A.J.V.F. см. Бургонь Ж.Б.Ф.
 Bourgoing P. см. Бургоэн П.Ш.А.
 Bouvet R.P. 65
 Brandt H. см. Брандт Г.
 Braux 296
 Bro L. 64
 Bütner см. Бютнер
- Canon** см. Канон
 Casanova A. 6
 Castellane E.V.E.B. см. Кастеллан Э.В.Э.Б.
 Caulaincourt A.A.L. см. Коленкур А.О.Л.
 Cerrini di Monte Varchi C. F. 154
 Chambray G. см. Шамбрэ Ж.
 Cheron A. См. Шерон А.
 Chlapowski D. 15, 58
 Chuquet A. Шюке А.
 Clausewitz C., von. 3
 Contreglise см. Контреглиз 290
 Coudère см. Кудер
 Creveld M., van. См. Кревельд М., ван
- Davout L.-N., prince D'Eckmühl** см. Даву Л.Н., принц Экмюльский
 D'Eckmühl A.L. (de Blocqueville) 63, 203
 Dedem de Gelder A.D.G. см. Дедем де Гельдер А.Б.Ж.
 Denniée P. P. см. Денье П.П.
 Deschamps см. Дешан
 Domergues A. См. Домерг А.
 Drugsbaki см. Другебаки
 Du Casse A. 63, 71, 80, 162, 174, 290, 303, 350
 Dufour F.M. 248
 Dumas M. см. Дюма М.
 Dumonceau F. 64
 Dundulis B. См. Дундулис Б.
 Dupuy V. 64
 Dutheillet de Lamothe A. 64
- Ernouf A.A.** 193
 Espagne M. 5
- Faber du Faur C.W. (G.)** см. Фабер дю Фор Х.В.
 Fabry G. 31, 40, 63
 Fain A.J.F. см. Фэн А.Ж.Ф.
 Falkowski см. Фальковски
 Fantin des Odoards L.F. см. Фантен дез Одоард Л.Ф.
 Ferry C.-J. см. Ферри К.Ж.
 Fezensac R.A.P.J. см. Фезенсак (Монтескьё–Фезенсак) Э.
 Fiévée F. см. Фьеве Ж.
 Filleul см. Фийёль
 Flosse см. Флосс
 Fontaine P.L.F. см. Фонтэн П.Л.Ф.
 Forrest A. см. Форрест А.
 Fouché J. см. Фуше Ж.
 Frappaz 65, 206
 Freval см. Фреваль
 Friant J.F. 87
- Gadaruél A.** см. Гадаруэль (о. Ладраг) А.
 Gardier L. см. Гардые Л.
 Gediwillo см. Гедивилло
 Georges см. Жорж 290
 Goriainow S.E.M. 65
 Gosler см. Гослер
 Goubina M. 408
 Gourgaud G. см. Гурго Г.
 Gouri см. Гури
 Greenblatt S.J. 5
 Griois L. см. Гриуа Л.
 Grünwald C. см. Грюнвальд К.
 Guillemard R. см. Гийемар Р.
- Hantraye J.** 3
 Hogendorp Dirk, van см. Гогендорп (Хогендорп) Т., ван
 Horrer d' см. Оррер Ж., де
 Huet см. Гюе (Гюят, Гюйят)
 Iriye A. 5
 Iwaszkiewicz J. см. Ивашкевич Я.

- Jomini A.**–Н. см. ЖОМИНИ А.А.
Jouhanneau см. Жуанно
- Kaissarov P.S.** см. Кайсаров П.С.
Kukiel M. см. Кукель М.
Koutousof M.I. 125
Kowalczyk R. см. Ковальчик Р.
- Labaume E.** см. Лабом Э.
Labowski см. Лабовский
Lagneau L.V. 355
Lamour см. Ламур
Larrey D.J. см. Ларрей Д.Ж.
Las Cases A.-E.-D.-M. 11, 65, 202, 324
Legler Th. 65
Lejeune L.F. 65
Lyautey см. Льюйте
- Mailly–Nesle A.A.A.** см. Майи-Нель А.О.А.
Maret H.–B, duc de Bassano см. Маре Ю.Б., герцог Бассано
Marie–Louise см. Мария–Луиза, имп.
Martin B.P. 3
Martinien A. см. Мартиньен А.
Masson F. 6
Mazin см. Мазэн
Meresse см. Мересс
Meynadiés (Meynadier) см. Муйна-дье Л.А.Р.
Middel M. см. Миддл М.
Mikaberidze A. 403
Milhaud E.-J.-B. см. Мийо Э.Ж.Б.
Mirot L. 189
Montholon Ch.–T. 202, 324
Mouton G. см. Мутон, граф Лобо Ж.
Muralt A. см. Муральт А.
- Napoléon I (Napoléon Bonaparte)** см. Наполеон I (Наполеон Бонапарт), имп.
- Narichkine M.–me (née comtesse Rostopchine)** см. Нарышкина Н.Ф.
Nawrot D. см. Наврот Д.
Nempde P.M. см. Немпд, Немпд–Дюпуайе П.М.
Nicolle 65, 206
North J. 65, 403
Noucaze P. см. Ноказ П.
- Olivier D.** 206, 276, 322, 324
O'Méara 65, 202, 324
Ottone см. Оттон
- Paulen** см. Павел I, имп.
Pelleport P. 65, 154
Peugrusse G.J. см. Пейрюсс Г.Ж.Р.
Pichon см. Пишон
Pierrri см. Пьерри
Pils F. 15, 46
Pingaud L. 189
Pion des Loches A.A. см. Пьон де Лош А.О.Ф.
Planat de la Faye N.L. см. Плана де ла Фэ Н.Л.
Prieue см. Прию
Pugačiauskas V. см. Пугачаускас В.
Puton см. Пютон М.А.Ж.Ф.
Румаа см. Пюма
- Quennevat J.C.** 65
Quintin D. и В. 205
- Rapp J.** см. Рапп Ж.
Raymond см. Раймон
Rey M.P. см. Рей М.П.
Rigou D. см. Риго Д.
Roemer N. 5
Roguet F. см. Рогэ Ф.
Rostopchine F.V. см. Ро(а)стопчин Ф.В.
Roura L. 5
Rüppell E. см. Рюппель С.Э.
- Saint-Hilaire E.M.** см. Сент-Илер Э.М.

Saunier P.-Y. см. Сонье П.-И.
Saurel T. см. Сорель Т.
Schnitzler J.H. см. Шницлер И.
Schuerman A. см. Шуерман А.
Schwartz см. Шварц
Ségur Ph.P. см. Сегюр Ф.П.
Serraris см. Серрарис
Solytyk R. см. Солтык Р.
Sor Ch. 313
Surugue (Surrugues) A. см. Сюрюг А.
Szymanowski J. 65

Talhouet-Bonamour A.-F. см. Талюэ-
Бонамур О.Ф.

Tascher M. см. Таше М.

Tastevin F. 189

Thiers L.A. 206, 248, 324, 343

Thiry J. 155, 156, 206, 324

Tomiche N. 6

Turno Ch. см. Турно К., генерал
Turno Ch. см. Турно К., капитан

Vanzauten см. Ванзотан

Vanzuilen см. Ванзюлан

Villemain A.F. см. Вильмен А.Ф.

Vionnet de Maringoné L.J. см. Вьонне
де Марингоне Л.Ж.

Vlijmen B.R.F., van 344, 347

Vovsi E. см. Вовси Э.

Werner M. см. Вернер М.

Yelin Ch. см. Йелин К.Л.

Ysarn de Villefort F.J.D. см. Изарн
Ф.Ж.Д., де

Zemtsov V. см. Земцов В.Н.

Zimmermann Ch.C. см. Циммерман
Х.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Литва при Наполеоне	13
1.1. Литва при Наполеоне: деятельность временного правительства Великого княжества Литовского	15
1.2. Вильно в 1812 году: жизнь при Наполеоне	48
Глава 2. Москва при Наполеоне	62
2.1. Вступление армии Наполеона в Москву	66
2.2. Ф.В. Ростопчин и пожар Москвы	100
2.3. Московский пожар глазами французов	138
2.4. Московский муниципалитет: коллаборационизм образца 1812 года	204
2.5. Судьба русских раненых, оставленных в Москве	244
2.6. И.А. Тутолмин, Воспитательный дом и «русские дети Наполеона»	272
2.7. Оккупанты в Московском Кремле	289
2.8. «Новые варвары», или к вопросу о социокультурных диффузиях 1812 года	323
Глава 3. Военнопленные армии Наполеона в русском плену: опыт Урала	366
3.1. Французские пленные и первая уральская забастовка . . .	366
3.2. Французские пленные на Урале: историческая память Европы и Уральского края	391
Заключение	408
Именной указатель	414

Научное издание

Эпоха 1812 года

Земцов Владимир Николаевич

**Наполеон в России:
социокультурная история войны и оккупации**

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *В. Т. Веденева*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 23.03.2018.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 27.

Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Владимир Николаевич Земцов – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, специалист по истории Наполеоновских войн, автор более 270 работ, в том числе нескольких монографий.

Книга представляет собой попытку представить на основе широкого круга отечественных и зарубежных источников особенности межкультурных контактов в эпоху Отечественной войны 1812 года (Русской кампании Наполеона). В центре внимания автора оказались три региона Российской империи – Литва (явившая пример ситуации в западных губерниях), Москва (демонстрировавшая вариант развития событий в центре великорусских территорий) и Урал (глубинный регион империи, только косвенно затронутый событиями войны).

Э П О Х А

